АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 10

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

(III—II тысячелетие до н. э.)

Т. С. ПАССЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. В. КИСЕЛЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые раскопки памятников так называемой трипольской культуры, проведенные на Украине более пятидесяти лет назад, показали большое разнообразие археологических материалов, характеризующих вновь открытую культуру. Это разнообразие говорило исследователям о том, что трипольские земледельческие племена развивались в Поднепровье на протяжении длительного периода.

В связи с этим В. В. Хвойко, давший в конце XIX в. историческое освещение древнейшего прошлого Среднего Поднепровья, сделал попытку создать и археологическую периодизацию памятников Триполья.[1] На основе своих раскопок он пришел к выводу о необходимости разделения открытых им загадочных глиняных трипольских «площадок» по типологическим признакам на две группы: более раннюю и более позднюю.

Новые открытия в области Триполья и исследования археологического материала энеолитических культур в Дунайском бассейне позволили критически пересмотреть и опровергнуть заключения В. В. Хвойко. Позднее, после раскопок Э. Р. Штерна, Н. Ф. Беляшевского, А. А. Спицына и др. вопрос о Триполье был включен в ряд общих трудов, где значительное внимание уделялось соотношению Триполья с одновременными энеолитическими культурами в Дунайском бассейне, на Балканском полуострове, а также вопросу соотношения Триполья с культурами крашеной керамики Востока. Установление такого соотношения было затруднено тем, что значительное количество материалов по Триполью оставалось неизданным и научно не систематизированным. Кроме того, в отличие от палеолита и эпохи бронзы, период неолита и энеолита Средней и Восточной Европы не имел, как не имеет и теперь, единой и всеобщей периодизации. Отсюда вставали большие трудности при решении вопросов относительной и абсолютной хронологии для культур этого времени.

Поэтому для решения вопросов периодизации важным оказались, с одной стороны, изучение и систематизация огромного археологического материала, собранного в музеях в результате раскопок прежних исследователей; с другой стороны, изучение материалов из новых раскопок, проведенных за последние 30 лет на Украине и в Молдавии, а также в Румынии, Болгарии, Венгрии, Польше и Греции (в Фессалии и Македонии).

Путем всех этих исследований и раскопок в различных смежных и удаленных друг от друга районах, на основании данных стратиграфии энеолитических поселений удалось решить вопрос периодизации Триполья иначе, чем это делалось раньше.

Задачей настоящего исследования является:

1. Установление процесса развития и относительной хронологии трипольских памятников на основе обобщения важнейших результатов Трипольской археологической экспедиции.

2. Создание общей периодизации памятников Триполья, начиная с древнейших этапов и до эпохи ранней бронзы, на основе различных трипольских комплексов и стратиграфических данных.

Поставленные задачи, таким образом, частично касаются одного из сложных вопросов в современной европейской археологии — вопроса об историческом развитии земледельческих племен Днепровско-Дунайского бассейна в III—II тысячелетиях до н. э., в частности, земледельческих племен со своеобразной и достаточно развитой культурой Триполья. Задачи эти могли быть решены только после многолетних работ в музеях Украины, Москвы и Ленинграда и в связи с теми большими и систематическими раскопками, которые из года в год велись советскими археологами на Украине.

Одним из основных вопросов в области изучения трипольских племен, привлекших за последние годы внимание советских археологов, явился вопрос о родовых поселениях и жилищах трипольского времени. В дореволюционной науке, несмотря на значительное число раскопанных трипольских памятников (так называемых площадок), вопрос этот оставался

[1] В тексте наряду с терминами «трипольская культура» и «трипольские племена» в тех же значениях употребляется и термин «Триполье», по названию местности в Киевской обл., где впервые были открыты памятники этой культуры.

в значительной мере неразрешенным. Благодаря новой методике раскопок большими площадями советские археологи установили характер трипольских родовых поселений и жилищ. Трипольские площадки оказались большими многоочажными домами, разделенными на несколько помещений. Все население большого дома представляло определенное хозяйственное единство. Оно владело общими запасами, коллективно осуществляло приготовление и распределение пищи. Это и проявилось в тех принципах внутреннего деления жилищ, которое наблюдалось в постройках, распространенных у трипольских земледельческих племен. В целом, глинобитные трипольские постройки представляют тип жилищ и поселений, отражающих матриархально-родовые отношения в обществе эпохи энеолита с его мотыжно-земледельческим хозяйством.

Археологические материалы трипольских племен дают новые примеры, иллюстрирующие и подтверждающие положения Ф. Энгельса о первобытном обществе («Происхождение семьи, частной собственности и государства») и матриархально-родовом строе на средней ступени варварства.

Изучение трипольских жилищ подтверждает, что формирование парных семей оказывает свое влияние на организацию домашнего хозяйства и на планировку жилищ. В больших трипольских домах жило несколько или много парных семей, и часто каждая из них получала свое отдельное помещение.

Трипольские коллективные жилища близки к многосемейным и многокамерным большим домам, известным по этнографическим материалам об индейцах Северной и Южной Америки.

В результате больших раскопок, проведенных советскими археологами, историю древнейших земледельческих племен удалось осветить по-новому, охарактеризовав жизнь племен, населявших в III—II тысячелетиях до н. э. значительные территории в бассейне Днепра, Южного Буга и Днестра, начиная от северных границ распространения трипольских племен в верховьях притоков р. Припяти и доходя на юге до берегов Черного моря. В каждом из этих районов наметились, главным образом на поселениях, разнообразные археологические комплексы Триполья, характеризующие, с одной стороны, различия хронологические, с другой — показывающие существовавшую в изучаемую эпоху территориальную, а возможно, и племенную дифференциацию.

Характеристика наметившихся комплексов находок, изучение общих черт и различий между ними, а также установление относительной хронологии этих комплексов все это привело к пониманию тех путей, по которым шло историческое развитие трипольских племен, и к выделению главнейших этапов этого развития в Днепровско-Днестровском бассейне. Трудно говорить, в какой степени разрешена эта задача в настоящем исследовании. Безусловно, намеченная здесь периодизация памятников в дальнейшем будет уточняться, так же как будет уточняться и абсолютная датировка отдельных находок. Однако общий процесс развития трипольских племен (от раннего до позднего его этапа) раскрывает, с моей точки зрения, подлинные закономерности развития древнейших земледельческих обществ в эпоху энеолита в Днепровско-Днестровском бассейне.

Удалось наметить три хронологически последовательных этапа в развитии трипольских поселений: ранний (A), средний (B) и поздний (C); основные материалы, характеризующие эти этапы, обнаружены в районах Поднепровья, Побужья и Поднестровья.

Для Причерноморья — более южной территории распространения трипольской культуры — известны в настоящее время лишь памятники позднего этапа, обозначаемые мною здесь, в отличие от C, греческой буквой γ, этапом, соответствующим по времени этапу C в более северных районах. В Причерноморье, когда в дальнейшем будут сделаны открытия трипольских памятников среднего и раннего этапов, обозначение этих этапов будет дано также буквами греческого алфавита. Тем самым периодизация сохранит территориальные отличия в пределах двух районов — северного (C) и южного (γ). Для этапов B, C и γ по ряду признаков установлены более дробные и хронологические подразделения: B — I и B — II, C — I и C — II, γ — I и γ — II.

Работа эта в области создания периодизации памятников трипольской культуры протекала по следующим направлениям:

1) изучались памятники раннего Триполья и материалы предшествующих эпох;

2) исследовались в одном и том же районе хронологически разновременные трипольские поселения и устанавливалась их относительная хронология;

3) сопоставлялись различные комплексы находок с данными стратиграфии на поселениях Днестровско-Дунайского бассейна;

4) привлекались материалы более поздних периодов, открытые на той же территории;

5) для сопоставления с трипольскими находками привлекались материалы эпохи бронзы Левобережья Днепра, Прикарпатья и стран Балканского полуострова.

Настоящая работа закончена в 1946 г., поэтому новые археологические материалы, обнаруженные или изданные за это время, не могли быть привлечены.

Т. Пассек

Статуэтки (н. в.) и сосуды с черной росписью ($^1/_4$ н. в.) из раскопок во Владимировке

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Археологические изыскания и открытия второй половины XIX в. совершенно изменили научные представления о жизни первобытного человека в Поднепровье и Причерноморье. Именно тогда было положено начало изучению палеолитических стоянок на Днепре, проведены раскопки курганов эпохи бронзы на юге России, раскрыты погребения скифов в степи Причерноморья, широко развернуты исследования древнегреческих колоний на побережье Черного моря.

Тогда же, в конце XIX в., были впервые сделаны в Поднепровье, у с. Триполья (Киевской губ.) открытия новой своеобразной культуры, ставшей известной под названием «трипольской».

Первые раскопки по Триполью принадлежат киевскому археологу В. В. Хвойко, который в 1899 г. выступил на XI Археологическом съезде в Киеве с большим докладом «Каменный век Среднего Приднепровья» и определил открытые им памятники как принадлежащие особой, по его мнению, неолитической культуре.[1]

Аналогичные памятники были известны и ранее не только на той же территории Правобережья Днепра, но и западнее. Однако до Хвойко место и научное значение всех этих находок не было определено в сколько-нибудь достаточной степени.

Большая заслуга Хвойко в те годы заключалась в том, что он первый сопоставил друг с другом известные в различных местах Украины трипольские находки, выделив их в особую тему для научного исследования и определив огромное значение трипольской культуры среди остальных древностей Восточной Европы. Еще задолго до раскопок Хвойко в научную литературу начинают попадать сведения о находках, представлявших аналогию материалам из раскопок в Триполье. Так, в 70-х годах прошлого столетия в продолжение многих лет появляются публикации Коперницкого, Пршибиславского, а затем Оссовского о находках в Поднестровье.[2]

В 90-х годах аналогичные материалы становятся известными из раскопок в Венгрии и Румынии.[3]

В Собраниях ГИМ в Москве хранится одна из наиболее старых находок трипольской керамики, сделанных в 1854 г. в Поднепровье.

На выставке к XI Археологическому съезду в Киеве в 1899 г., кроме галицийских находок Пршибиславского, было представлено небольшое собрание Абазы из района Шполы, Звенигородского у., однако в изданном каталоге выставки съезда они помещены в отделе «Скифские древности».[4]

В раскопках В. Б. Антоновича и Ч. Зборовского в 1891 г. у с. Кринички, Подольской губ., были встречены также сосуды и статуэтки трипольской культуры, много позднее опубликованные Н. Е. Макаренко.[5]

Все это еще раз показывает, что многие трипольские материалы из прежних раскопок оставались как бы не учтенными и лишь после раскопок Хвойко могли быть сопоставлены друг с другом и с памятниками вновь открытой им культуры.

---

[1] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

[2] Zbior Wiadomosci do Anthropologii Krakovej. mm. III, VIII, XIV, XV, XVI, XVIII, Kraków.

[3] A. Voss. Siebenbürgische und Bosnische Funde. Z. f. E., 1895, стр. 125; J. Teutsch. Die spätneolithischen Ansiedlungen mit gemalter Keramik an oberem Laufe des Altflusses. Mit. d. prähist. Rom. d. K. Akad. der Wiss., Wien, 1900 u. 1903; Archeological Ertesito, т. XXIV. 1904; M. Wozinsky. Das prähistorische Schwanzwerk von Lengyel. Ungarische Revue, I, 1888; II, 1890; III, 1891; Butereanu. Congrès international d'Anthropologie, 1890. Paris, 1891; G. Diamandi. Station préhistorique de Cucuteni. Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris, XII, 1899, стр. 582.

[4] Каталог выставки XI Археол. съезда в Киеве, стр. 67, под № 872—889. Раскопки Ю. Ф. Абазы упоминаются у А. А. Бобринского. Курганы и случайные археол. находки близ м. Смелы, т. III, стр. 56—57.

[5] Каталог выставки XI Археол. съезда в Киеве, стр. 144—145, под № 207—219; Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губ. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901 г., стр. 256—257; Н. Е. Макаренко. ТКУ, вып. I, Київ, 1926, стр. 165, табл. I V; его же. Sculpture de la civilisation tripolienne en Ukraine. JPEK, Leipzig, 1927, стр. 119.

Хвойко, производя в течение многих лет раскопки в Киевской и Подольской губ., приходит к определенным заключениям по поводу вновь открытых им памятников; его заключения оставались господствующими длительное время. Прежде всего Хвойко считал, что обнаруженная им глиняная обмазка принадлежит к загадочного типа глиняным площадкам, которые «по своему содержанию, устройству и обстановке» совершенно невозможно признать остатками жилищ древнего человека, и что эти памятники, «вместо жизни материальной, переносят нас скорее в область жизни духовной».

Выбор местности на возвышенностях, где располагаются по системе круга трипольские площадки, обзор заключавшихся в них предметов — все это приводило Хвойко к выводам, что площадки не являлись жилищами, а должны быть поняты как места «священного назначения — святилища», связанные с погребальным культом.

Площадки представляют — по его описанию — глиняные пласты обмазки, сглаженные и покрашенные, часто с отпечатками прутьев. Это остатки рухнувших стен, потолков и, возможно, крыш глинобитных построек (может быть, двухэтажных), в которых стояли многочисленные сосуды, с остатками сожжения. Каждая из таких площадок представляла, по мнению Хвойко, «усыпальницу одного семейства. Постепенно к одному сооружению пристраивались другие, и, таким образом, мы видим эти постройки различных размеров и форм».[6] Обряд погребения совершался посредством сожжения, которое могло производиться здесь же в самой постройке или где-либо в другом месте. Полное или частичное сожжение, кости, зола оставлялись на площадке и клались в сосуды-урны. По представлениям Хвойко, такого типа могильные памятники часто посещались родственниками умерших, ремонтировались и в них же в определенные дни совершались различные обряды.

Отличительными признаками площадок как памятников погребального характера, по Хвойко, является небольшое количество костей животных, раковин и почти полное отсутствие массового скопления пищевых отбросов, угля, золы, находимых в процессе раскопок. Кроме того, в площадках Хвойко не нашел «остатков печей или очагов, составляющих главную характеристическую черту всякого жилища».

Однако самой важной чертой, по мнению Хвойко, отличающей площадки от жилищ, является присутствие в площадках большого количества сосудов-урн, наполненных пережженными костями человека, а также целые полуобожженные скелеты, лежавшие прямо на площадках.

[6] В. В. Хвойко. Указ. соч.

Интересно, что, делая такие заключения, Хвойко сам некоторое время, видимо, колебался и, между прочим, писал: «Я долго затруднялся определить их первоначальное назначение и не был в состоянии дать положительного ответа на вопрос, что̀ именно представляют исследуемые места» (т. е. площадки.— *Т. П.*).

Ведя раскопки во многих пунктах Киевщины, Хвойко вместе с тем изучает и другой тип памятников Триполья. Так, раскопки на киевских высотах и вблизи Ржищева дали возможность Хвойко считать, что он открыл в противоположность площадкам жилища первобытного человека, по типу близкие к землянкам.[7] Он пишет, что они были выкопаны в слое почвы на 30—40 см в виде четырехугольника или круга 3×5 м, с ямой посредине. С одной стороны был вход уступами, с другой — печь в виде сводчатой печурки, с небольшим отверстием для выхода дыма. Иногда круглый очаг делался из глины, а вход отгораживался вбитыми в землю кольями, в виде частокола или плетня, обмазанного глиной, образуя невысокие стенки, на которых покоилась крыша. Она поддерживалась еще и изнутри одним или несколькими столбами и покрывалась хворостом и дерном. На дне ямы при раскопках, в отличие от площадок, обычно находили большое количество кухонных остатков, черепков, угля, обмазки.

Землянки у Ржищева представляли, по мнению Хвойко, четырехугольные, несколько углубленные в землю помещения, состоявшие обычно из двух различных по высоте частей: верхняя — высокая, служившая для жилья; нижняя — была местом для очага. В землянках Хвойко обнаружил большое количество орудий из кости, кремня, глиняную посуду, кости домашних и диких животных.

Открытие двух новых типов памятников — трипольских землянок и площадок — вызвало тогда же среди ученых интересную полемику. Многие ученые того времени сразу же высказались, что заключения Хвойко недостаточно основательны и что землянки «далеко не имеют сколько-нибудь выявленных краев, чтобы можно было считать их за специально выкопанные углубления». Они указывали, что эти углубления-ямы представляли собой заполненные кухонными остатками и раковинами очаги. Присутствие же в некоторых из них большого количества обожженной глины и краски склонило Ф. К. Волкова к мнению, что они являются обжигательными керамическими печами.[8]

Одновременно с характеристикой культуры в целом Хвойко делает попытку определить

[7] В. В. Хвойко. Указ. соч.; его же. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. ЗРАО, вып. V (новая серия).

[8] Ф. К. Волков. Археологическая летопись Южной России, т. II, Киев, 1900, стр. 131.

хронологию трипольских памятников. В основу периодизации он положил классификацию керамического материала, установив две группы трипольских площадок с различными комплексами находок в каждой из них. «Одна группа „площадок",— писал он,— относится исключительно к эпохе каменного века, а другая группа, где замечено присутствие изделий из меди, относится к периоду последующему к эпохе меди». Первую он назвал «культурой Б», вторую — «культурой А». Последовательность букв была дана в связи с очередностью открытия обеих групп площадок в районе Триполья.

Разница в керамическом комплексе, наличие предметов из меди в одной из групп и более примитивный характер «культуры Б» — все это заставило Хвойко считать ее более ранней, чем «культуру А».

Исследования большинства советских ученых, построенные на основе данных стратиграфии и ряда других признаков, устанавливают иную последовательность в периодизации Триполья, по которой более древним является комплекс находок «культуры А» Хвойко, а более поздним — комплекс «культуры Б».

Памятники обеих культур (А и Б) Хвойко рассматривал как принадлежащие одному и тому же оседлому земледельческому народу, в котором он видел наших предков праславян (или протославян), переживших на этой территории все известные до сих пор передвижения других племен и удержавших в своем владении «край предков до настоящего времени».

Советская историческая наука подходит к этому вопросу с иной точки зрения: она не рассматривает славян как единый народ, в цельном и «чистом» виде существовавший в Поднепровье с древнейших времен. Вместе с тем при решении проблемы происхождения восточных славян было бы неправильно не привлекать материалы трипольской культуры. Лишь на основании изучения развития общества в Поднепровье, начиная с древнейших эпох, может быть решена эта сложная проблема этногенеза. Хвойко указывает, что среди трипольских материалов существуют также изделия, привезенные извне; первое место занимает расписная керамика. «Судя по материалу, из которого они сделаны, можно сказать, что сосуды из желтовато-белой и оранжевой глины с расписными украшениями представляли из себя или привозные изделия, или же изделия периодически посещавших известный район чужеземных мастеров, снабженных запасом краски и талька, придававшего сосудам гладкую и глянцевитую поверхность». На такое предположение Хвойко наводит отсутствие в данной местности соответствующего материала, из которого могли изготовлять исключительную по качеству расписную керамику.

Конечно, в настоящее время на основании химических анализов, проведенных над трипольской керамикой, советские археологи пришли к другому выводу и могут утверждать, что все сорта керамики изготовлялись на месте, и о «посещении чужеземными гончарами» Днепровско-Днестровского района из других стран в эту эпоху говорить не приходится.

Что касается изделий из меди, то Хвойко, ставя вопрос о том, каким образом эти медные изделия попали к нам в Приднепровье, указывает, что, кроме медных изделий, в Триполье находились и формочки для отливки медных орудий; в частности, на киевских высотах была найдена такая каменная формочка для отливки медных топоров. Он считал, что топоры или «привозились готовыми, или литейщики, перекочевывая с запасом меди с места на место, могли производить отливку медных изделий там, где в этом оказывалась надобность».

В настоящее время мы не имеем данных для утверждения существования металлургического производства в Триполье и склонны считать отдельные находки из металла предметами, появившимися здесь в порядке межплеменного обмена.

Интересно, что считая расписную керамику и предметы из меди привозными изделиями, Хвойко вместе с тем со всей определенностью говорит о местном происхождении трипольской земледельческой культуры, и в этом его большая заслуга; его доклад на XIII Археологическом съезде озаглавлен: «Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье».[9]

Таким образом, по мнению Хвойко, с одной стороны, культура развивается на месте, с другой — расписная керамика и медные изделия являются привозными из чужеземных стран.

Что дало возможность Хвойко считать земледелие местным, развившимся в районе Приднепровья? Прежде всего находки в наиболее ранних, по его мнению, памятниках Триполья (в землянках) остатков злаков культурных растений и зернотерок. Остатки хлебных злаков в площадках лишь подтверждают земледельческий характер культуры.

Положение о том, что на ранних этапах Триполья земледелие уже существовало, принимается и сейчас советскими исследователями, причем раскопки последних лет дали много новых доказательств этому положению.

Вслед за исследованиями В. В. Хвойко раскопки Э. Р. Штерна у с. Петрены, близ Бельцы, представляют новый этап в изучении трипольской культуры. Его работа долгое время оставалась единственной сводкой материала, известного не только на территории Советского Союза, но и материала, связанно-

[9] В. В. Хвойко. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906.

го с поселениями расписной керамики на Западе.[10]

В своем докладе на XIII Археологическом съезде Штерн, определив открытые им в Петренах площадки, как принадлежащие трипольской культуре, выдвинул ряд новых точек зрения. Обилие расписной керамики в Петренах натолкнуло его на мысль о необходимости рассматривать Триполье с точки зрения отражения более высокоразвитой микенской культуры на территории нашего Приднепровья. Однако отсутствие среди петренских находок фрагментов микенских ваз, которые должны были бы быть здесь под влиянием Микен, заставило Штерна изменить сразу же свой первоначальный взгляд на трипольскую культуру. И он впервые ставит вопрос о датировке Триполья во всем его объеме, широко сравнивая петренскую керамику не только с находками Хвойко, но и со всей группой известных к этому времени памятников, с расписной керамикой из Польши, Венгрии, Румынии и др. Наконец, он впервые к вопросу о датировках Триполья привлекает результаты открытий, сделанных в те годы в Греции (в Фессалии).

Раскопки 1901—1902 гг. в Димини и Сескло показали, что наслоения с расписной керамикой петренского типа залегают здесь ниже слоя микенской культуры. Это дало твердое основание Штерну отнести Петрены в домикенский период, датировав его III тысячелетием до н. э. Сравнивая Петрены с Трипольем, Штерн указывает на значительное богатство петренских расписных сосудов и предполагает, что в Петренах мы имеем «центр керамической промышленности», влиявшей на керамическое производство соседних районов.

Таким образом, Штерн в своем докладе, озаглавленном «Догреческая культура на юге России», широко сопоставил находки в Триполье и Петренах с материалами из юго-восточной Европы. Памятники Днепровско-Днестровского бассейна он включил в круг культур Средиземноморского и Дунайского бассейнов. Раскопки неолитического слоя в Димини и Сескло, лежащего ниже остатков микенской культуры, совершенно разрушали первоначально высказанную учеными гипотезу, по которой присутствие расписной керамики в трипольских неолитических памятниках есть «отражение микенской культуры». Вместе с тем этот неолитический слой подтверждает другой его вывод, что расписная петренская керамика должна рассматриваться как «первоначальная ступень и предварение микенской вазовой живописи». Штерн, вслед за другими учеными, прослеживает распространение расписной керамики в широкой области от Дуная до Днепра и склонен считать, что именно здесь, по многочисленным указаниям Гомера, в историческое время обитали «фракийские племена»; он подчеркивает близкие культурно-исторические отношения троянцев (причисляя их к малоазиатским потомкам фракийско-фригийских племен) с юго-восточной Европой и родство фракийских троянцев с северными балканскими племенами.

К этому мнению Э. Р. Штерна позднее присоединяется и А. А. Спицын, полагавший, что «Киевские площадки» принадлежат одному из фракийских племен. Однако «обнаруженная на них богатая и высоко развитая культура, по мнению Спицына,— восточная»; он сравнивает свои находки с находками в Закаспийской области в Анау.[11]

Мнение Хвойко о назначении площадок находит, таким образом, поддержку у Штерна, раскопавшего в 1901—1902 гг. аналогичного характера памятники. В своем докладе на очередном XIII Археологическом съезде в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) он приходит к выводу, что эти постройки служили для сохранения урн с пеплом и были теми местами, где совершали жертвоприношения. В петренских глинобитных постройках он описывает стоящие на площадках сосуды, наполненные золой и остатками костей животных; он пишет, что даже «почва вокруг урн содержала ясно заметный слой пепла, и, очевидно, этот пепел помещался в урнах».

Отсутствие печи-очага, наличие золы и пепла в сосудах — вот снова те признаки, по которым и Штерн, вслед за Хвойко, считал площадки «домами мертвых». Штерн подробно разбирает конструкцию этой постройки из глины, с плоской, по его мнению, крышей, как в египетских «мастаба», причем отмечает, что сжигание покойников происходило или вне постройки, или внутри, где приносились также жертвы и совершались религиозные обряды. Трипольская площадка — «дом мертвых», по Штерну,— целая родовая усыпальница.

Тогда же некоторыми учеными было выдвинуто противоположное мнение, отвергавшее определение площадок как памятников погребального характера. Следует вспомнить таких исследователей, как Н. Ф. Беляшевский, Ф. К. Волков, В. А. Городцов, А. А. Спицын, С. С. Гамченко и др., которые пришли к иным результатам в процессе раскопок трипольских площадок, считая их остатками наземных глинобитных жилищ. Интересно, что Спицын, наиболее четко обосновавший свое мнение по этому поводу, производивший раскопки многих десятков разнообразнейших по характеру археологических памятников, пи-

[10] Э. Р. Штерн. Догреческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906.

[11] А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ. ИАК, вып. 12, стр. 14.

сал после своих открытий в с. Колодистом: «Должен сознаться, что более трудной археологической работы, чем раскопки памятников „Триполья", мне не приходилось производить. Однако я смело могу утверждать, что открытые мною памятники являются жилищами, а не погребальными сооружениями, о чем неоднократно писал нам Хвойко».

Беляшевский и Спицын, ведя свои раскопки, дают планы трипольских поселений, указывают размеры трипольских жилых домов и подробно останавливаются на деталях их конструкции. Спицын один из первых обращает внимание на разнообразные глинобитные наслоения площадок и первый указывает на существование печей, которые до него считали отсутствующими. Несколько позднее мнение Спицына нашло полное подтверждение в работах Гамченко, Гимнера и др. Таким образом, почти одновременно с установившимся мнением Хвойко и Штерна многие ученые наметили иной путь изучения трипольских памятников, и с самого начала исследование Триполья развивалось по этим двум направлениям.

Однако отчеты и исследования Хвойко и Штерна являлись основными, и взгляды их на площадки как на памятники погребального характера были господствующими, а противоположные мнения других ученых часто игнорировались.

Советские археологи, подвергшие критическому пересмотру концепции Хвойко и Штерна, своими большими и систематическими раскопками навсегда опровергли точку зрения ученых на загадочные глиняные площадки как на «дома мертвых» и, наоборот, целиком подтвердили мнение (Спицына и др.) о площадках как о наземных глинобитных жилищах первобытного человека. В связи с этим одной из основных задач за последние годы явились раскопки трипольских жилищ и целиком родового трипольского поселения для окончательного выяснения их характера.[12]

Сообщения Хвойко и Штерна на археологических съездах заставляют руководящие органы археологической науки того времени в России обратить внимание на трипольскую культуру. Археологическая комиссия поручает Спицыну провести раскопки в с. Колодистом, где Доманицким были ранее обнаружены трипольские площадки. Городцов посвящает этому вопросу[13] специальное исследование. Гамченко в 1909 (Немировское городище) и в 1913 гг. (район Саврани), также по заданию Археологической комиссии, ведет раскопки в юго-восточной части Подольской губ.[14] Московское Археологическое общество поручает в 1909 г. Хвойко исследование в с. Крутобородинцы.[15]

В этот же период проводятся дополнительные раскопки в Кукутенах,[16] а затем в 1914 г.— раскопки в Черноводах. Г. Попов и другие в последующие годы ведут исследования во многих пунктах Болгарии.[17]

Продолжаются раскопки в Румынии и в Польше, из которых особенно следует отметить раскопки в селах Шипеницы[18] и Кошиловцы.[19]

В 1911 г. около Умани были произведены раскопки у сел Попудня и Пьянишково,[20] а в 1916 г. украинские археологи вели раскопки у Сушковки.[21]

На Украине дальнейшее накопление материала продолжается и в первые годы после Великой Октябрьской революции. Работа сосредоточивается в Киеве в специально образованной трипольской комиссии; краткие отчеты печатаются в предварительных сообщениях и в изданиях комиссии.

Кроме с. Усатово (около Одессы), где работает, начиная с 1925 г. М. Ф. Болтенко,[22] ведутся раскопки в районе Умани, в селах: Томашевка (1924—1927 гг.), Сушковка (1926), Колодистое (1926); продолжаются небольшие раскопки (1925) в селах Триполье, Веремье, Халепье, Ржищево, Балыки. В районе Остра, у с. Евминки, ставятся раскопки Н. Е. Макаренко (1925—1926), на Борисовском городище, у с. Ильинцы,— Н. Ф. Беляшевского (1925), в районе Бердичева, у с. Райки,— С. С. Гамченко (1926—1927);[23] М. Я. Рудинский ведет раскопки в Подолии, в Кадиевцах (1926), в Попов-Городе, около с. Озаринцы

[12] Если советские археологи окончательно определили назначение трипольских площадок как жилищ, то в вопросе о землянках решения еще не получено, хотя отдельные наблюдения показали уже недостаточную обоснованность мнения Хвойко по этому поводу.

[13] В. А. Городцов. Назначение глиняных площадок в доисторической культуре трипольского типа. Археол. изв. и заметки, № 11—12, 1900; А. А. Спицын. Указ. соч.; также Археологическая летопись Южной России, т. III, Киев, 1901, стр. 69.

[14] Отчет Археол. комиссии за 1909 и 1913 гг. С. С. Гамченко. Спостереження над даними дослідів Трипільської культури 1909—1913 рр. ТКУ, вип. I, Київ, 1926, стр. 31.

[15] В. В. Хвойко. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах, Летичевского у., Подольской губ. Тр. Моск. Археол. об-ва «Древности», т. 22, вып. 2, 1909.

[16] Z. f. E., 1911, стр. 590.

[17] Р. Попов. Изв. на Българ. Археол. Дружество, т. IV, София, 1914; то же за 1916 и 1918 гг.; G. J. Kazarow. Статьи в PZ, т. VI, 1914; т. X, 1918.

[18] G. Childe. Schipenitz. J. of the Royal Antrop. institute, т. LIII, 1923; Oleh Kandyba. Schipenitz, Leipzig — Wien, 1937.

[19] C. Hadaszek. La colonie industrielle de Koszylowce. Album de Fouilles, Léopol, 1915.

[20] M. Himner. Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la Mer Noire après des fouilles personelles. Swiatowit, т. XIV, Warzawa, 1933.

[21] Записки Укр. наук. т-ва в Київі, кн. XVII, 1918; ТКУ, вып. I, Київ, 1926, стр. 43.

[22] Вестник Одесской комиссии краеведения, № 2—3, Одесса, 1925; М. Ф. Болтенко. Раскопки в Усатове. ТКУ, вып. I, Київ, 1926.

[23] Коротке Звідомлення за 1925—1926, р., Київ, 1926.

(1929).[24] В то же время продолжаются археологические раскопки и разведки в Румынии и Болгарии. Особенно интересны раскопки у Извоара, в Румынии, где делаются открытия многослойного поселения с докукутеновским культурным слоем.[25] Не менее важны исследования на поселениях: Гумельницы, Боян, Кашиорели, Глина, Руджиноаза и др., результаты которых, начиная с 1924 г., регулярно издаются.[26]

Наконец, многочисленные раскопки в Болгарии в связи с новыми раскопками в Македонии и на побережье Малой Азии совершенно заново осветили древние культуры Балканского полуострова.[27] Вопросам древнейшей истории Дунайского бассейна посвящаются за эти годы работы Г. Чайльда и др.[28]

Десятки лет отделяют советскую археологическую науку от первых открытий памятников трипольской культуры, сделанных Хвойко в последнем десятилетии XIX в. на Украине, по течению Среднего Днепра, близ с. Триполья.

За этот период систематические исследования советских археологов на Украине поставили и разрешили многие вопросы древней истории Днепровско-Днестровского бассейна, уделяя всегда исключительное внимание изучению этой своеобразной культуры древнейшего на территории СССР земледелия, культуры, которая в доскифский период являлась наиболее развитой в Восточной Европе.

Археологические материалы Триполья являются одним из существенных исторических источников, важных для понимания жизни племен родового общества, населявших в III—II тысячелетиях до н. э. обширные территории в бассейне Днепра, Южного Буга и Днестра, в эпоху первого появления в Причерноморье металла.

Границы распространения трипольских племен на с е в е р е, как теперь установлено, доходят до притоков р. Припяти, до верховьев рек Случа, Горыни и Стыри, подходя к верхнему течению Западного Буга. На ю г е памятники Триполья известны у берегов Черного моря, в низовьях рек Днестра, Буга и Днепра. С востока границей в основном является р. Днепр, однако теперь стал известен ряд памятников и на Левобережье Днепра по рекам Десне, Остру и Супою (рис. 1). На западе Триполье связано с единообразной примитивно-земледельческой культурой, известной под названием «Дунайской» и распространенной по Дунаю и его притокам, а также на юге Балканского полуострова (рис. 2).

Как мною указывалось, Хвойко в первом же докладе на XI Археологическом съезде, посвященном новым открытиям каменного века в Среднем Приднепровье, поставил вопрос о Триполье как об особом культурно-историческом явлении. С этого времени трипольская культура прочно включается в обобщающие исторические исследования Волкова, Беляшевского, Спицына, Городцова, Готье и др.

После раскопок в Петренах Штерн в своем исследовании «Догреческая культура на юге России» привлекает многочисленные аналогии Триполью, в частности новые данные стратиграфии Димини и Сескло в Фессалии. Тем самым находки Триполья сопоставляются с памятниками догреческой культуры в Средиземноморье.

Однако в дореволюционный период и в первые годы после Октября, несмотря на сравнительно большое число раскопанных трипольских памятников (площадок), основные вопросы по трипольской культуре оставались в значительной мере неразрешенными. В частности, ученым не удавалось решить в те годы вопросы о том, что же представляют собой трипольские глиняные площадки, столь типичные для трипольской культуры, и каково их назначение.

Несовершенство приемов раскопок (узкими траншеями и небольшими участками) не позволяло Хвойко и Штерну раскрыть целиком остатки трипольских памятников и привело их к неверным заключениям о «загадочных глиняных площадках» как о постройках, связанных с погребальным культом.

Мнения же других археологов того времени, например Беляшевского, Спицына, Городцова, Гамченко, доказывавших несомненную принадлежность трипольских площадок к жилищам, оставались лишь более или менее вероятными гипотезами. В процессе раскопок продолжали выдвигаться новые точки зрения о том, например, что глиняные площадки являются остатками керамических мастерских.

В первое десятилетие после Великой Октябрьской революции заключения Хвойко о культовом характере трипольских площадок были если и не господствующими в археологии, то во всяком случае общепринятыми. Отсюда становится понятным, что другой

---

[24] Коротке Звідомлення за 1926 г.; Антропологія, т. III, Київ, 1930.

[25] Radu Vulpe. Civilisation précucutenienne récemment découverte à Isvoare en Moldavie. ESA, т. XI, Helsinki, 1937.

[26] Dacia. Recherches et découvertes archéologiques en Roumanie, тт. I, II, III, IV, V, VI, Bucureşti, 1924—1934; R. Vulpe. Histoire ancienne de la Dobroudja. La Dobroudja, Bucureşti, 1938.

[27] В. Миков. Статьи в Изв. на Българ. археол. ин-т, тт. II, III, V, София, 1923—1925; его же. Предисторична селища и находки в България, София, 1933; его же. Селищната могила в с. Габарево, София, 1926; его же. Селищната могила до с. Караново, София, 1938; Л. Лмитров. Ново приное към въпроса за културните отношения. Бѣломорски Преглад, София, 1942.

[28] G. Childe. Danube in Prehistory, Oxford, 1929; его же. The Dawn of European Civilisation, London, 1939.

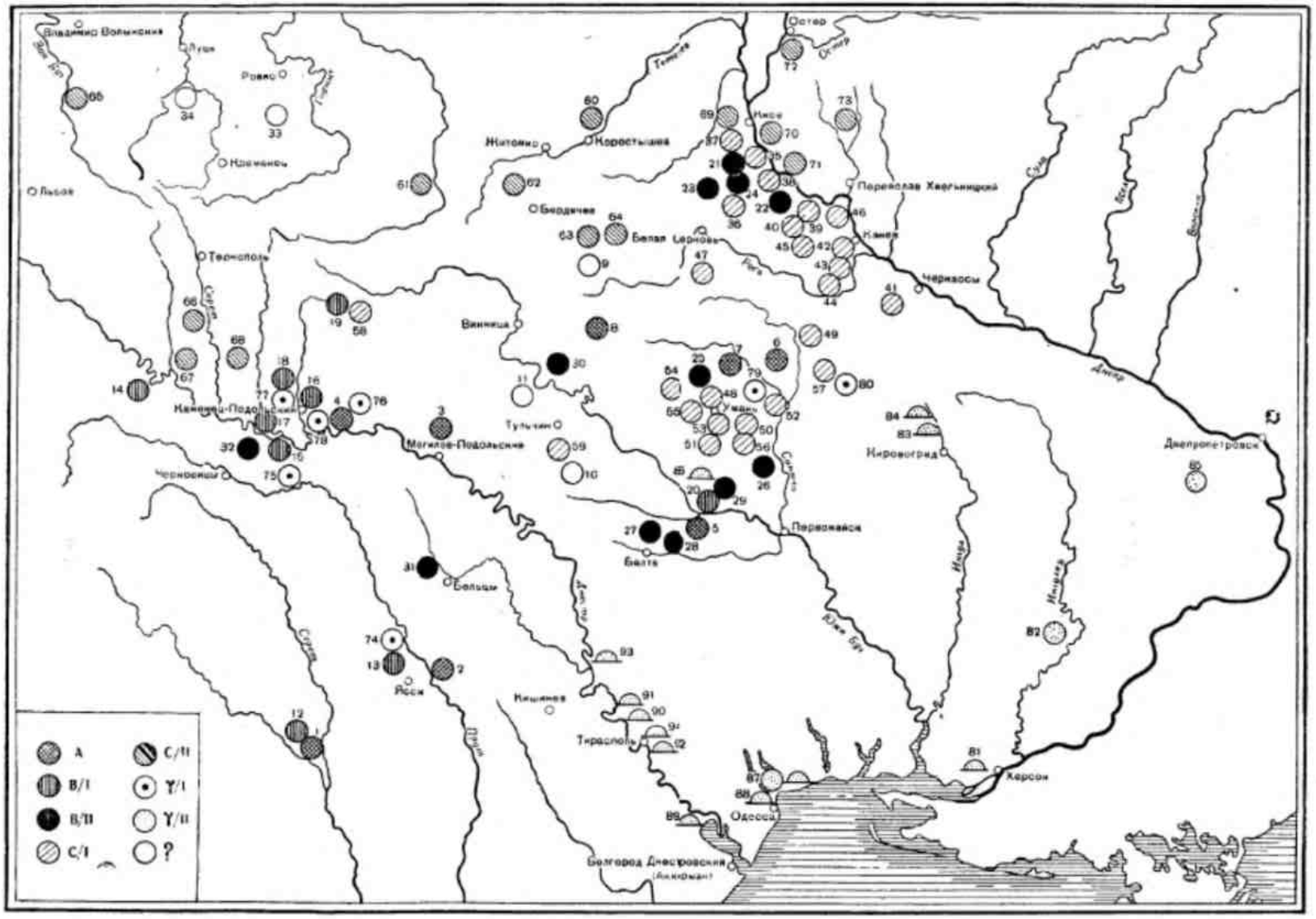

Рис. 1. Карта распространения основных трипольских поселений

А — ранний этап; В/I и В/II — средний этап; С/I и С/II, γ/I и γ/II — поздний этап (половинкой круга обозначены курганы); ?—этап не определен; 1—Извоар I; 2—Унгени; 3—Попов-Город; 4—Лука Врублевецкая; 5—Саварь; 6—Вишнополь; 7—Красноставка; 8—Зорленовка; 9 — Пинское; 10—Стина; 11 — Печера; 12 — Извоар II; 13 — Кукутени А; 14 — Незвишка; 15 — Дарабани I; 16 — Каменцы-Банки; 17 — Кудринцы; 18 — Фридриховцы; 19—Крутобородинцы I; 20 — Сабатиновка; 21 — Триполье А; 22 — Веремье; 23 — Щербаневка; 24 — Халепье-Коломийщина II; 25 — Пьянишково; 26 — Владимировка; 27 — Кривичи; 28 — Корытное; 29 — Данилова-Балка; 30 — Немиров; 31 — Петрени; 32 — Шипенцы, 33 — Бодаки; 34 — Седмерки; 35 — Триполье Б; 36 — Жуковцы; 37 — Безрадичи; 38 — Халепье-Коломийщина I; 39 — Ржищево; 40 — Балыки; 41 — Андреевка; 42 — Пекари; 43 — Хиольное; 44 — Гамария; 45 — Гришанцы; 46 — Вел. Букрин; 47 — Романовка; 48 — Попудня; 49 — Старая Буда; 50 — Сушковка; 51 — Томашевка; 52 — Майданецкое; 53 — Кочержинцы; 54 — Роскошевка; 55 — Паланки; 56 — Небелевка; 57 — Чичирковочка; 58 — Крутобородинцы II; 59 — Белый Камень; 60 — Городск; 61 — Колодяжное; 62 — Райки; 63 — Белилавка; 64 — Ягнятино; 65 — Завишня; 66 — Бучач; 67—Кошиловцы; 68 — Бильче-Злоте; 69 — Киевские Землянки; 70 — Боранычи; 71 — Гнедин; 72 — Евминка; 73 — Лукаши; 74 — Кукутени В; 75 — Дарабани II; 76 — Китай-город; 77 — Каменцы-Буряковка; 78 — Вел. Мукша; 79 — Касеновка; 80 — Васильков; 8 — Белозерка; 82 — Снегиревка; 83 — Ольшанка; 84 — Серизлиевка; 85 — Кривой Рог; 86 — Колодистое; 87 — Усатово; 88 — Слободка; 89 — Шабалат; 90 — Терновка; 91 — Парканы; 92 — Суклея; 93 — Красногорка; 94 — Тирасполь

Рис. 2. Карта распространения основных памятников с находками расписной керамики. • — места находок; ■ — месторождения меди; заштрихованы золотоносные площади

важный вопрос в археологии — вопрос о родовых трипольских поселениях до последнего времени почти не затрагивался.

Неразрешенной оставалась также и проблема возникновения трипольской культуры. Многочисленные гипотезы по этому поводу буржуазных археологов противоречили друг другу.

Миграционистские теории утверждали, что культура зарождалась где-то в другом месте и затем передвигалась в том или ином направлении. Создателей трипольских площадок и расписной керамики (на Днепре, Буге и Днестре) искали то в Анау (Закаспийская обл.), то в Китае, то в Закавказье, то на Крите или в Микенах. Вместе с тем основная масса материала, открытая в раскопках, оставалась необработанной и неизданной; в результате, в музейных собраниях Советского Союза оказалось громадное количество нахо-

док трипольской культуры, часто не связанных с определенным памятником и снабженных лишь общими указаниями о районе находки.

Отмеченная выше порочность исследований по Триполью тормозила постановку существенных исторических вопросов. Критический пересмотр этих «теорий» в значительной степени определил и те очередные задачи, которые встали перед советскими археологами с первых же лет после Октября.

Прежде всего широко велась работа в музейных собраниях Советского Союза по изучению огромного археологического материала, накопленного в результате раскопок прежних исследователей, и подготовка этих материалов к изданию.

Как известно, наибольшее число находок в трипольских памятниках падает на керамические изделия; отсюда вполне понятно, что изучению трипольского керамического материала, образцы которого привлекают внимание ученых всего мира, был посвящен ряд работ советских ученых. Обобщающим исследованием в этой области явилась написанная мною монография «Керамика Триполья», дающая систематизацию и классификацию трипольской керамики из раскопок, проведенных в основном до 1935 г.[29]

В книгу вошли научные описания и анализ свыше 20 000 фрагментов и более 2000 целых сосудов эпохи Триполья, хранящихся в музеях Ленинграда, Москвы, Киева, Остра, Умани, Тульчина, Одессы, Херсона, Житомира, Днепропетровска.

На основе этой классификации и учета стратиграфических данных было прослежено развитие керамики Триполья по различным ступеням, причем каждая из ступеней протекала в определенном географическом районе. Этой систематизацией было положено начало работе по периодизации материалов трипольской культуры, работе, которая продолжается и в настоящее время советскими археологами. Специально вопросам развития спирального орнамента в трипольской керамике и его семантике был посвящен за эти годы ряд статей Л. А. Динцеса,[30] Б. Л. Богаевского,[31] Т. С. Пассек.[32]

В исследованиях Макаренко была подвергнута изучению еще одна категория керамических изделий Триполья — трипольские антропоморфные и зооморфные статуэтки.[33]

Новые материалы по трипольской культуре, открытые за последние годы, были удачно использованы учеными для расшифровки культового назначения древних моделей жилищ, а также женских статуэток. В настоящее время должна быть целиком отвергнута точка зрения, что эти статуэтки были детскими игрушками. Установлено, что одно из значений антропоморфных изображений в эпоху Триполья — это идол, охранитель домашнего очага.[34] Определение глиняных статуэток как предметов культа с полной убедительностью доказывается находками трипольских статуэток в погребениях позднего Триполья в курганах Усатова, Серизлиевки и Красногорки.

Темам о земледелии, скотоводстве, рыболовстве и ткачестве в Триполье посвящены работы многих украинских археологов, напечатанные в киевских археологических журналах.[35]

Изучению орудий производства и домашних животных посвящена вышедшая в 1937 г. книга Б. Л. Богаевского.[36]

Проблеме Триполья уделяли внимание и наши палеонтологи. Назову здесь работы В. И. Громовой и И. Г. Пидоплички.[37]

Вторым наиболее важным заданием за эти годы явилось проведение систематических раскопок для получения нового фактического материала и новых научно проверенных наблюдений. В тесной связи с этим стояла в эти годы и разработка новой методики раскопок трипольских памятников.

Каковы же были научные выводы, к которым пришли советские археологи в результате полевой археологической деятельности?

В области изысканий по Триполью достижения полевой деятельности были довольно значительны. Они коренным образом изменили наши представления о культуре в целом, об этапах ее развития, о взаимоотношениях ее с хронологически предшествующими и последующими культурами.

В результате больших раскопок были открыты памятники Триполья в совершенно новых районах. В настоящее время область распространения трипольской культуры на территории СССР установлена во много раз

---

[29] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

[30] Л. А. Динцес. Прочерченный трипольский орнамент культуры А. Аспирантский сборник ГАИМК, вып. 1, Л., 1929.

[31] Б. Л. Богаевский. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Изв. ГАИМК, т. 6, вып. VIII—IX, Л., 1931.

[32] Т. С. Пассек. Спостереження мотивів орнаментації посуду с. Петрен. Вестник Одесской комиссии краеведения, № 2—3, Одесса, 1925, стр. 3.

[33] М. Макаренко. Етюди з обсягу трипільської культури. ТКУ, вып. 1, Київ, 1926, стр. 165.

[34] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки (раскопки 1940 г.). ВДИ, № 1, 1941.

[35] ТКУ, Київ, вып. 1, 1926, стр. 97; Наукові Записки ИИМК АН УССР, кн. 1, Київ, 1934; там же, кн. 5—6, Київ, 1935.

[36] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, М.— Л., 1937.

[37] В. И. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. Ежегодник Зоолог. музея АН СССР, 1927; И. Г. Пидопличка. Основні риси розвитку ландшафту сучасного трипільського плато. Наукові Записки ИИМК АН УССР, кн. 2, Київ, 1937, стр. 67; его же. Допитання про свійські тварини Трипільських поселень. Там же, стр. 111.

большая, чем она была известна до революции.[38]

Одним из таких районов, где после революции был проведен ряд интересных археологических раскопок, является Подолия. Из районов Подолии до революции было известно чрезвычайно мало пунктов с трипольскими находками. К настоящему времени здесь установлены десятки трипольских поселений по среднему течению Днестра и его притокам.[39]

Важность обнаруженных здесь трипольских поселений заключается в том, что многие из них оказались по комплексу находок разновременными. Именно на материале раскопок в Подолье у сел. Кудринцы, Кадивцы, Попов-Город советские археологи разрешили важнейшую проблему одного из наиболее ранних этапов в развитии культуры. Трипольские поселения у сел Кудринцы, Кадиевцы, характеризуемые присутствием полихромной расписной керамики, были сопоставлены нами со стратиграфически датируемыми находками III тысячелетия до н. э. из Кукутени А, Извоар II, Эрёзд А. Важно то, что из района по течению Среднего Днестра за эти годы стали известны и трипольские поселения по времени более поздние, как Китай-город, Великая Мукша, Дарабани II, стратиграфически датируемые поздними слоями Кукутени В и Эрёзд В.

Установление ранних и поздних этапов развития трипольской культуры в Подолии с неопровержимостью доказало всю неправильность и необоснованность схемы Хвойко, пытавшегося выделить в своих культурах А и Б ранние и поздние памятники Триполья.

Не менее важные открытия были сделаны за эти годы по течению Южного Буга, у Первомайска и Балты, и в районе Умани, где в дореволюционное время археологические разведки Гамченко были лишь начаты. Открытые здесь трипольские поселения типа: Томашевка, Сушковка, Паланка, Майданецкое, Белый Камень, Стина, Касеновка — дали возможность характеризовать один из последующих этапов в развитии культуры, связав его с более ранними поселениями в этом же районе типа: Сабатиновка, Пьянишково, Красноставка и Владимировка.[40]

Таким образом, в Побужье, как и в Подолье, на основании новых археологических материалов эпохи Триполья, были уточнены этапы развития культуры. Сравнения новых трипольских находок с аналогичными находками на Дунае решили важнейшую проблему периодизации памятников.

Совершенно по-новому выявлена северная граница распространения Триполья в переходном географическом районе — от лесостепной полосы к лесной. Этот северный район по течению р. Тетерев и в верховьях притоков Припяти нужно считать **заново** открытым советскими археологами и заслуживающим особого внимания. Еще в первые годы после Октября Гамченко своими раскопками в Войцеховке и Колодяжном, западнее Житомира, кладет начало исследованиям в Волынском Полесье. Несколько позднее ведутся раскопки около с. Райки, на север от Бердичева; в годы перед Великой Отечественной войной открываются трипольские поселения у сел Бодаки и Седмерки на реках Случи и Горыни (материалы не изданы).

Наконец, с 1936 г. трипольская экспедиция ведет свои раскопки у с. Городска, близ Коростышева, на Тетереве; раскопки Кричевского и Макаревича на поселении Червонная Гора у Городска раскрыли новую картину трипольского поселения позднего этапа развития.[41]

Новые формы каменных орудий (клиновидные и просверленные топоры), керамика с веревочной орнаментацией и сравнительная редкость обычных для Триполья сосудов с росписью, а также исчезновение типичных для Триполья глиняных больших домов и появление нового типа жилищ-полуземлянок, изделия из меди, изменение состава стада и использование лошади — все это позволило говорить о коренных сдвигах в земледельческих формах хозяйства. Эти наблюдения над изменениями форм хозяйства на поздней стадии Триполья позволяют делать предположение о постепенном переходе материнско-родового общества на среднем этапе Триполья на новую патриархально-родовую ступень развития и о выделении скотоводческих племен эпохи раннего металла.

Не менее важными явились и раскопки Н. Е. Макаренко у с. Евминок, на р. Остре (притоке Десны), установившие трипольские поселения на Левобережье Днепра, в одном из наиболее северо-восточных пунктов рас-

---

[38] Т. С. Пассек. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, № 1, 1938.

[39] М. Рудинський. Досліди на Кам'янеччині. Коротке Звідомлення за 1926 р., Київ, 1927, стр. 123; его же. Поповогородський вияв культури мальованої кераміки. Антропологія, т. III, Київ, 1930, стр. 235; Е. Сіцінський. Нариси з історії Поділля, ч. 1, Вінниця, 1927; T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

[40] Коротке Звідомлення за 1925 р., Київ, 1925, стр. 54; там же за 1926 р., стр. 45 и 54; ТКУ, т. 1, Київ, 1926, стр. 43; Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4, М., 1938; ее же. Трипольское поселение у Владимировки (раскопки 1940 г.). ВДИ, № 1, М., 1941; М. Л. Макаревич. Археологические исследования в с. Белый Камень. Трипільська культура, т. I, Київ, 1941, стр. 453.

[41] Е. Ю. Кричевский. Поселение в Городске (раскопки 1936 и 1937 гг.). Трипільська культура, т. I, Київ, 1941, стр. 383; его же. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, М.—Л., 1941.

пространения изучаемой культуры.[42] Материалы из поселения у Евминок показывают, что здесь, на периферии своего распространения, на позднем этапе Триполье сталкивается с так называемой катакомбной культурой, весьма интенсивно развивающейся на Левобережье Днепра в эпоху раннего металла. Можно предполагать, что это и было одной из причин, задержавших дальнейшее продвижение трипольских племен на восток.

Совершенно исключительных результатов достигли советские археологи в наиболее южном районе распространения Триполья, на берегу Черного моря. Здесь, под руководством М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовской, начиная с 1921 г. велись раскопки на поселении Усатово, близ Одессы.[43]

Богатый культурный слой поселения дал, среди других остатков, находки расписной позднетрипольской керамики и грубой с веревочной орнаментацией, а также изделия из меди (большинство материалов не издано).

Усатовского типа поселения вместе с курганными находками в низовьях Днестра и Днепра позволили уточнить представления о позднем этапе трипольской культуры Причерноморья.

На поселении в Усатове были открыты известняковые вымостки пола жилых, прямоугольных в плане, построек, которые дали возможность сделать заключение, что здесь, на юге, в отличие от других районов, поздние трипольские жилища строились не из глины и дерева, а из местного камня — раковистого известняка.

Наиболее важно в исследованиях Усатова то, что по соседству с поселением были открыты одновременные поселению курганные могильники.[44] Раскопки курганов полностью раскрыли картину погребального обряда обитателей Усатовского поселения. Курганы были окружены у основания каменными кромлехами, иногда двойными, с выходами, расположенными по странам света. Кладка камней кромлеха, часто в несколько ярусов, состояла из больших известняковых плит. Центральная часть земляного кургана, как показали раскопки Лагодовской в 1940 г., обкладывалась камнями, образуя куполообразное сооружение; часто центр кургана отмечался плитой больших размеров, под которой обычно и находилось центральное грунтовое погребение, иногда парное. В погребениях около скорченного костяка обнаруживали красную охру, ожерелье из зубов животных и ту же, что и на поселении, расписную позднетрипольскую керамику и сосуды с веревочной орнаментацией. Особого внимания заслуживают изделия из меди, находимые обычно в мужских погребениях Усатова: плоские клиновидные топоры, плоские кинжалы дунайско-средиземноморского типа, шилья, височные кольца в женских погребениях.

Исключительную находку среди камней кромлеха представляет известняковая плита до метра высотой, с выгравированными изображениями человека и четырех животных (олень, лошадь). Кроме центрального погребения, усатовские курганы всегда имеют одновременные погребения по сторонам центральной могилы, вероятно, слуг вождя. Интересно, что в некоторых курганах, кроме того, были открыты специальные ямы с захоронениями в одном случае антропоморфных вотивных статуэток, в другом — каменного изображения головы быка. По мнению исследователей Болтенко и Лагодовской, усатовские курганы следует рассматривать как единый погребальный комплекс, одновременный поселению. Сделанные открытия указывают на то, что в этот период происходило формирование из земледельческих трипольских племен: скотоводческих племен усатовского типа — на юге и городского типа — на севере.

Развитие скотоводства и появление дунайско-средиземноморских медных изделий на этом позднем этапе развития Триполья позволяет сделать вывод об усилении в ту эпоху обмена между трипольскими племенами и племенами Дунайского бассейна и странами Востока, Средиземноморья и Малой Азии.

После раскопок в Городске, Колодяжном, Райках, Евминках выясняется, что Усатово не стоит в Причерноморье изолированно, как это казалось в первые годы его открытия. Находки погребений усатовского типа известны теперь из курганов в низовьях Днестра, у Шабалата (раскопки Д. Самоквасова), у Паркан, Терновки, Суклея, Красногорки, близ Тирасполя (раскопки Я. Стемпковского), в курганах Белозерки, близ Херсона (раскопки К. Скадовского), у с. Серизлиевки (раскопки Д. Щербаковского) и у с. Колодистого (раскопки А. Спицына). Повсюду находим обряд погребения под курганной насыпью, окруженной кромлехами; комплекс усатовского инвентаря одновременен находкам из погребений катакомбного типа на востоке и мегалитического типа на северо-западе, датируемых первой половиной II тысячелетия до н. э.

Сопоставления усатовско-городского этапа позднего Триполья с материалами шнуровой керамики раннего металла на западе Украины подтверждают для конца Триполья ту же

[42] М. Макаренко. Досліди на Остерщині, Евминка. Коротке Звідомлення за 1925 г., Київ, 1926, стр. 61; там же за 1926 г., стр. 84.

[43] М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков. Вестник Одесской комиссии краеведения, № 2—3, Одесса, 1925; его же. Кераміка з Усатова, ТКУ, вып. I, Київ, 1926, стр. 8.

[44] Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археол. музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940.

датировку первой половиной II тысячелетия до н. э.

Приведенный мною краткий обзор работ в области изучения Триполья был бы неполным, если бы я не затронула результатов работ Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР.

Трипольская экспедиция, начавшая свою деятельность более десяти лет назад, провела на Украине десять раскопочных кампаний, сосредоточив раскопки в основном в трех районах: 1) близ с. Халепье, Киевской обл.; 2) у с. Городска, Житомирской обл.; 3) у с. Владимировки, Кировоградской обл.

Одним из основных вопросов в области изучения Триполья, привлекших внимание советских археологов за последние годы, был вопрос о родовых поселениях и жилищах трипольского времени.[45] Трипольские поселения располагаются обычно на высокой части черноземного плато, поблизости к выходам грунтовых вод, вдоль текущих здесь небольших речек. Сравнительно небольшие родовые поселения в Поднепровье находятся на чрезвычайно близком расстоянии друг от друга.

В основе хозяйства живших здесь племен лежало примитивное мотыжное земледелие с возделыванием пшеницы, ячменя на непосредственно прилегавших к поселению землях. Наряду с земледелием развивалось скотоводство; охота и рыболовство играли второстепенную роль.

На одном из таких поселений в уроч. Коломийщина I за пять лет была вскрыта стационарными раскопками нашей экспедиции огромная территория, около 15 000 м², занятая родовым поселком. Открытые здесь 39 жилищ располагались на поселении двумя концентрическими кругами. Такая система их расположения создавала замкнутость и своеобразную укрепленность всего поселка. На поселении была также раскопана его центральная часть, оказавшаяся свободной от построек и служившая, вероятно, с одной стороны, местом для загона скота, с другой — для совершения различных празднеств и обрядовых плясок. Следует предполагать, что поселок с расположенными по кругу жилищами был огорожен еще и изгородью — плетнем.

Таким образом, после раскопок на Коломийщине было совершенно заново понято назначение загадочных глиняных площадок Хвойко.[46] Вместо культовых сооружений, «домов мертвых» Хвойко и Штерна, площадки оказались большими наземными глинобитными домами, прямоугольными в плане и достигающими часто 100—150 м². Основным материалом, наряду с деревом, была хорошо обожженная глина.

Только в настоящее время в процессе раскопок впервые с большой детальностью изучены все конструктивные особенности трипольской постройки: ее основа, своеобразного характера деревянно-глиняный настил, плитчатый пол, печь и различные возвышения в доме. Изучены остатки глинобитных стен, перегородок внутри дома, парные столбы, свидетельствующие о двухскатном перекрытии.

Большой многоочажный трипольский дом делился чаще всего поперечными перегородками на несколько жилых помещений, в каждом из которых помещалась печь и группировался весь хозяйственный инвентарь: сосуды для хранения припасов, для приготовления пищи, земледельческие орудия, зернотерки и т. п.

Помимо деления трипольских домов на отдельные жилые помещения, следует отметить и иной принцип устройства трипольского жилища, когда постройка делится на две части — одну «печную», с несколькими печами, другую — представляющую камеру хозяйственного назначения, где перерабатывалось и хранилось зерно и на месте которой в процессе раскопок обычно обнаруживались зернотерки и большие сосуды, а нередко и ямы для хранения припасов, выложенные глиной.

В работах Трипольской экспедиции, наряду с археологами, из года в год принимали участие архитекторы, палеонтологи, почвоведы и химики. Перед химиками Химико-технологической лаборатории Института археологии АН СССР Трипольская экспедиция поставила задание подвергнуть всестороннему химико-технологическому анализу строительный материал жилищ, так называемую глиняную обмазку. Для этой цели на месте раскопок был поставлен ряд опытов по обжигу глины на костре и в специальных печах. Эти исследования окончательно опровергли объяснение некоторых ученых, писавших, в свое время, что постоянное наличие в раскопках большого количества обожженной глины является следствием пожаров жилищ; другие высказывали мнение, что это результат действия огня при совершении культовых обрядов на площадках и при сжигании покойников.

На основании произведенных опытов, советские археологи пришли к иным заключениям, доказав, что при постройках древних трипольских жилищ предварительно обработанная и обожженная на стороне глина затем уже

[45] Т. С. Пассек. Новые исследования в области трипольской культуры в УССР (раскопки 1934 г.). СА, III, 1937; ее же. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, № 1, М., 1938; ее же. Трипольская экспедиция в 1938 г. ВДИ, № 1, 1939; Е. Ю. Кричевский. Трипольские площадки. СА, VI, 1940; см. Отчеты о раскопках на поселении Коломийщина. Трипільська культура, т. I, Київ, 1941; Т. С. Пассек. Трипільська культура (научно-популярный очерк). Київ, 1941.

[46] Е. Ю. Кричевский. Раскопки на поселении Коломийщина и проблема трипольских площадок. Трипільська культура, т. I, Київ, 1941, стр. 479.

служила строительным материалом, который использовался для конструктивно различных частей постройки. Отдельные части постройки, например ее основа, подвергались обжигу путем наложения на ней костров.[47]

В 1939 г. Трипольская экспедиция производила раскопки на втором поселении, здесь же около с. Халепье Киевской обл., в уроч. Коломийщина II; причем на родовом поселке было установлено, как и на Коломийщине I, то же расположение жилищ по кругу.[48]

Не останавливаясь на деталях, укажу лишь, что одно из раскопанных здесь жилищ было большим многоочажным домом в 27 м длиной и 6—7 м шириной, с четырьмя поперечными перегородками и парными столбами в них, делившими этот длинный дом на 5 помещений, в одном из которых были две печи, в другом — округлый в плане жертвенник, покрашенный красной краской.

Тщательное наблюдение над отдельными частями постройки жилища, прекрасная сохранность его остатков, а также методика раскопок памятника большими площадями позволили установить происходившие в доме неоднократные перестройки и переделки и говорить о нескольких строительных периодах этого трипольского дома. После раскопок на поселении Коломийщина II высказана гипотеза о постепенности в расширении этого большого многосемейного жилища. Происходило разрастание населявших его родовых коллективов и выделение в новые домохозяйства отдельных парных семей.

В последний год перед Великой Отечественной войной Трипольская экспедиция вела раскопки в Кировоградской обл. УССР, близ с. Владимировка. Здесь нашими разведками еще несколькими годами раньше было сделано открытие уникальной древней глиняной модели жилища (с полихромной росписью), получившей теперь широкую известность.[49]

Поселение Владимировка (свыше 200 жилищ), расположенное на правом берегу р. Синюхи (приток Южного Буга),— самое большое из известных трипольских поселений (диаметр до 900 м), тогда как изучавшиеся поселения на Киевщине не превышали в диаметре 250—300 м.

Жилища во Владимировке располагались на некоторых участках пятью концентрическими кругами. Безусловно, это поселение было обитаемо долгое время и постепенно разрасталось, застраиваясь по определенному типу в пределах нескольких концентрических кругов.

Разрастался родовой коллектив, увеличивалось число домохозяйств, расширялись границы поселения. Уже в первый год раскопок наметились в пределах поселения жилища разного типа, и во Владимировке обнаружилось исключительное богатство находок.[50]

Несмотря на большую общность в приемах трипольского домостроительства, жилища во Владимировке показали ряд своеобразных черт. Не останавливаясь сейчас на этом детально, необходимо указать, что характерной чертой владимировского жилища является обычно наличие в каждом помещении, наряду с печью и околопечным возвышением, крестообразных жертвенников — этих поразительных памятников трипольского жилища, открытых впервые советскими археологами в последние годы.[51]

Крестообразные жертвенники, как и довольно частая схема креста в спиральном орнаменте Триполья, указывают на связи со Средиземноморьем, в частности с Критом, где среди предметов культа хорошо известен мраморный крест-жертвенник, найденный Эвансом в тайнике одного из дворцовых помещений в Кноссе.

Перечисленные выше в общих чертах открытия Трипольской экспедиции за эти годы позволили подойти к решению еще одной важной задачи — к созданию впервые полной реконструкции трипольского жилища и поселения. В работе над этой реконструкцией Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским были использованы все новые обширные данные Трипольской экспедиции, а также находки глиняных моделей жилищ, обнаруженных на Украине и в Подунавье. Эти модели, особенно последняя наша находка — модель с поселения Коломийщина II, изображающая прямоугольный дом с четырехскатной кровлей, помогли понять конструкцию трипольских жилищ.[52]

Среди огромного этнографического материала наибольшие аналогии трипольскому типу поселений и жилищ мы находим в описаниях Моргана в его известной работе «Дома и домашняя жизнь американских туземцев». Этнографические примеры, собранные Морганом, позволили ему говорить, что индейские домохозяйства на низшей и средней ступени варварства состояли из ряда семей, связанных узами близкого родства.

В этих домах жил единый коллектив с общинно-родовым домашним хозяйством. Этот принцип нашел свое выражение в основе домашней архитектуры индейцев. Исследованные нами трипольские поселения и жилища пред-

[47] О. А. Кульская и Н. Д. Дубицкая. Строительные материалы трипольской культуры (химико-технологическое исследование). Трипільська культура, т. I, Київ, 1941, стр. 325.

[48] Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, № 4, 1939.

[49] Ее же. Трипольские модели жилищ. ВДИ, № 4, 1938.

[50] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, № 1, 1941.

[51] Ее же. Трипольские модели жилищ. ВДИ, № 4, 1938.

[52] Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина. КСИИМК, вып. XII, 1946.

ставляют ярчайший пример первобытного жилища низшей и средней ступени варварства.

На поздних этапах развития Триполья с переходом от материнско-родового строя к патриархально-родовым отношениям в трипольской культуре исчезают многосемейные большие дома и заменяются новым типом сравнительно небольших одноочажных жилищ типа полуземлянок, изученных Е. Ю. Кричевским, постоянным участником Трипольской экспедиции на позднетрипольском поселении у Городска.[53]

Огромный и разносторонний материал Трипольской экспедиции, охарактеризованный здесь лишь в самых общих чертах, позволил подойти к разрешению проблемы периодизации памятников Триполья, распространенных на широкой территории от притоков Припяти — на севере до берегов Черного моря — на юге. На всем этом пространстве, благодаря интересным открытиям последних лет, выделяется большое число разнообразных поселений. Установленные различия между ними показывают на существовавшую в ту эпоху территориальную и хронологическую дифференциацию и, возможно, намечаемую дифференциацию племенную.

Это подводит нас к пониманию путей, по которым шло историческое развитие земледельческих трипольских племен, и к выявлению главнейших его этапов.

Вместе с тем, новые материалы Триполья доказывают огромную общность в системе земледельческого хозяйства, в орудиях производства, керамике, характере больших многоочажных домов во всем Днепровско-Дунайском бассейне. Хронологически различные комплексы находок на данной обширной территории мы рассматриваем как результат общих изменений единого процесса развития в эпоху неолита и раннего металла на основе существовавшей здесь ранее земледельческой культуры IV—III тысячелетий до н. э., известной в археологии под названием культуры линейно-ленточной керамики.

Пути происхождения и развития Триполья не могут быть достаточно полно освещены без изучения культурно-исторических связей, существовавших в III—II тысячелетиях до н. э. у племен далеких областей Днепра, Буга, Днестра, Дуная и Балкан с древними народами Средиземноморья и Малой Азии.

Эти выводы советских археологов опровергают различные теории о возникновении трипольской культуры где-то далеко на востоке или западе и окончательно разбивают концепции фашистских фальсификаторов истории Днепровско-Дунайского бассейна, которые используют трипольский материал с целью доказать, что восточные и юго-восточные пространства были еще в глубокой древности покорены «полноценной северной расой» путем «военной оккупации».[54]

Новые находки трипольских изображений подводят нас в настоящее время к разрешению интереснейшего вопроса об этническом типе древнего населения в Поднепровье и Поднестровье. Имеются предположения, что, наряду с чертами средиземноморского типа, у древнейшего населения Поднепровья и Поднестровья можно отметить еще и черты другого — переднеазиатского типа, так называемого «арменоидного», которому часто сопутствует крашеная керамика древних земледельческих культур Передней и Малой Азии.[55]

Новые материалы позднетрипольского этапа устанавливают теснейшую связь трипольских памятников с памятниками эпохи бронзы в Причерноморье. Сложные взаимоотношения, складывающиеся здесь в послетрипольское время у земледельческо-скотоводческих племен, сохраняются и в период перехода к скифским образованиям. Имеются в виду новые археологические материалы из западных областей Украины (из раскопок у Комарова, Белого Потока и Войцеховки), а также еще малоизученные материалы из Белогрудовки, Высоцкого и Белого Камня, раскрывающие нам предскифские стадии развития общества, на той же территории распространения трипольских племен.

Заканчивая обзор истории открытия и изучения, а также достижений советской археологии в области изысканий по Триполью, необходимо выделить те пути, по которым должно развиваться дальнейшее изучение.[56]

Большое значение и роль территории Днепровско-Днестровского бассейна в период сложения славянских этнических образований выдвигает прежде всего задачу уточнения этапов развития культуры древнего Поднепровья и Поднестровья и установление культурно-исторических связей с соседними племенами; также важна разработка вопросов о племенном делении и типе древнего населения в изучаемую эпоху. Наконец, не менее важны вопросы уточнения абсолютной хронологии и установления взаимоотношения неолитических культур с Трипольем, с одной стороны, и соотношение Триполья с памятниками эпохи бронзы — с другой. Первоочередной задачей явится, наряду с другими раскопками поселений, выяснение существующего обряда

[53] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, М.—Л., 1941.

[54] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1933.

[55] Т. С. Пассек. К вопросу о древнем населении в Днепровско-Днестровском бассейне. Сб. «Сов. этнография», № 6/7, 1947.

[56] Его же. Первая научная конференция Института археологии АН УССР. ВДИ, № 3, 1939; его же. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946.

погребения в эпоху Триполья и раскопки могильников.

Война оборвала систематические изыскания советских археологов... Около двух лет хозяйничали фашисты на Украине. Ими были увезены в Германию многие археологические коллекции, в том числе и материалы из раскопок Трипольской экспедиции, о чем говорится в акте Чрезвычайной государственной комиссии от 28 февраля 1944 г.: «В сентябре — октябре 1943 года были вывезены в Германию материалы раскопок в Пушкарях, Мезине, Кирилловской стоянке в Киеве, из раскопок трипольской культуры на Коломийщине, в Халепье и целый ряд уникальных коллекций» («Известия», № 50 от 29 февраля 1944 г.).

Фашисты разрушили в Киеве и само здание Музейного городка — Киево-Печерскую лавру, где была развернута богатейшая экспозиция Киевского Центрального исторического музея и где зала по Триполью занимала одно из ведущих мест.[57] С первых же лет по окончании войны советские археологи возобновили свои систематические раскопки на трипольских поселениях и значительно пополнили музейные собрания Украины новыми археологическими материалами. Работы Трипольской экспедиции попрежнему ведутся совместно Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Институтом археологии АН УССР.

Пользуюсь случаем выразить свою благодарность руководству Института археологии АН УССР и сотрудникам, принимавшим постоянное участие в работах Трипольской экспедиции.

[57] Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию, М., 1945, стр. 30—54, гл. «Триполье».

Глава II

ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ ТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Разнообразный археологический материал трипольской культуры, добытый раскопками последних лет на огромной территории в УССР (начиная от северной границы ее распространения до берегов Черного моря — на юге, а также на западе по Дунаю и его притокам), свидетельствует о сложных взаимоотношениях, существовавших в ту эпоху у трипольских земледельческих племен в Днестровско-Днепровском бассейне. На многочисленных поселениях этих племен, изученных часто в одном и том же районе или в удаленных друг от друга районах, открыты разнообразные археологические комплексы, изучение которых показывает, с одной стороны, что комплексы эти отражают территориальную (а возможно, и племенную) дифференциацию, с другой — намечающиеся в культуре хронологические различия. Установление таких разновременных или территориальных комплексов приводит к решению новых вопросов — к пониманию пути, по которому шло развитие земледельческих племен в эпоху энеолита и раннего металла в Поднепровье и Причерноморье, и к выделению главнейших этапов в развитии трипольской культуры.

Признаки, характеризующие отдельные этапы Триполья,— орудия производства, жилища, планировка поселений — все это на протяжении длительного времени существования Триполья менялось значительно менее быстро и было более однообразно, чем керамика. Поэтому нет возможности пока с одинаковой полнотой для каждого этапа выделить характерные особенности всех признаков.

Хотя В. В. Хвойко, несмотря на его большие раскопки, и не удалось сделать стратиграфических наблюдений над материалом трипольской культуры, все же он пришел к выводу о необходимости разделения трипольских площадок, открытых им на Киевщине, по типологическим признакам на две группы. Собственно, тем самым Хвойко первый выдвинул вопрос о периодизации трипольской культуры.

В конце XIX в., когда были сделаны первые находки еще никому неведомой культуры с расписной керамикой, подвергалась сомнению даже сама возможность существования первобытного человека в Поднепровье, поэтому и постановку вопроса о периодизации трипольской культуры следует рассматривать как чрезвычайно смелую попытку со стороны Хвойко.

Определив большое значение трипольской культуры среди культур повокаменного периода в Восточной Европе и установив памятники ее в многочисленных пунктах на Киевщине и в Подолии, Хвойко выделяет в ней две группы, которые и были положены им в основу его периодизации трипольских площадок.

Впоследствии Хвойко дополнил свою периодизацию еще одной группой, связанной с иными типами трипольских памятников — с землянками.[1]

Установленные им группы отличаются различными комплексами находок, главным образом керамических.

Первый, наиболее древний этап Хвойко связывает с жилищами типа землянок и характеризует керамикой с ямчатым и веревочным орнаментом. К поздним этапам отнесены обе группы площадок (Б и А). «Одна,— писал он,— относится исключительно к эпохе каменного века, а другая группа, где замечено присутствие изделий из меди, относится к периоду последующему — к эпохе меди».[2]

Первую группу Хвойко назвал «культурой Б», вторую — «культурой А».

По мнению Хвойко, на площадках «культуры А» обычно встречается посуда, относящаяся к сорту керамики с углубленным спиральным орнаментом, и значительно меньшее количество посуды монохромной.

Наиболее характерны для этой группы памятников находки грушевидных урн с

---

[1] В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

[2] Его же. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

крышками «шлемовидной» формы. Хвойко, считавший трипольские площадки погребальными сооружениями, писал, что в такого типа сосудах находился пепел; сосуды эти он определил погребальными урнами. На площадках «культуры А» обычны также находки двойных биноклевидных сосудов. Для характеристики комплекса «культуры А» Хвойко отмечает и постоянное наличие в площадках просверленных каменных топоров и топоров или, как теперь установлено, мотыг из оленьего рога, а также предметов из меди (топоры).

Хвойко пишет, что в «культуре Б» при сравнении ее с «культурой А» замечалась значительная примитивность в формах сосудов и в характере орнаментации, покрывающей лишь верхнюю половину сосуда. Отсутствуют характерные для «культуры А» грушевидные урны и шлемовидные крышки, редко встречаются биноклевидные сосуды. Большинство сосудов с углубленным орнаментом, но выполненным менее тщательной техникой. Спиральная орнаментация почти отсутствует. По форме сосуды кратерообразные с широким горлом. Наряду с этим наиболее обычными для «культуры Б» являются разнообразных размеров чаши, кувшины, широкогорлые горшки и двухковшовые большие сосуды, с небольшими ручками-ушками на верхней и нижней частях стенок. Керамика «культуры Б» расписана в одну черную краску, которая наносится на красочную (красную) облицовку фона.

Разница в керамическом комплексе, наличие в «культуре А» предметов из меди и более примитивный характер «культуры Б» заставили Хвойко считать «культуру Б» более древней, а «культуру А» — позднейшей.

Одновременно с раскопками Хвойко и Штерна находки расписной керамики были сделаны на Правобережье Днестра, а также в Румынии и в Болгарии.

Наиболее интересными для настоящей темы являются археологические раскопки в Румынии и отчасти в Болгарии. Для многих пунктов этих стран вопросы периодизации решены главным образом на основании стратиграфических данных памятников эпохи неолита и бронзы. Предложенная же Хвойко периодизация (после раскопок Н. Ф. Беляшевского на Борисовском городище дополненная к «Б» и «А» еще одной, более поздней группой площадок, группой «С»)[3] в основе своей была типологической.

Однако работы по периодизации охватывают лишь небольшую часть изданного материала и требуют значительного расширения, особенно в части, касающейся археологических материалов древнейших периодов Украины. Кроме того, основные положения современной периодизации и прежней периодизации Хвойко являются диаметрально противоположными, противоречащими друг другу. Прежде чем принять какую-либо из них, необходимо критически разобраться в их построениях. Главное же — проследить в одном и том же районе на основании вновь добытого археологического материала процесс развития археологических комплексов, отражающих развитие конкретных культурно-исторических взаимоотношений, существовавших в Днепровско-Дунайском бассейне в III—II тысячелетиях до н. э.

Характеризуя периодизацию Хвойко, следует отметить, что она совершенно не использует наблюдений стратиграфических и что этапы развития Триполья — от культуры с керамикой с ямочным и веревочным орнаментом киевских землянок, через группу площадок с примитивной керамикой «культуры Б» к группе «А» — Хвойко установил исключительно путем неверной предпосылки, что для начала Триполья характерны примитивные формы и простейшие орнаменты на керамике (как, например, ямки, оттиски, веревочки, отсутствие росписи), а к концу появляется сложная спиральная орнаментировка и роспись сосудов в две и три краски, т. е. появляется полихромия.

Кроме того, именно в тех площадках, которые Хвойко выделил в группу «А» (т. е. как поздние), оказались в нескольких случаях изделия из меди (клиновидные топоры), что лишний раз как будто подтвердило его первоначальное положение о позднем характере площадок группы «А». Признак же этот — присутствие медных изделий в «культуре А» — не может считаться теперь решающим, так как уже после раскопок Хвойко не раз находили медные изделия на площадках, не относящихся к группе «А»; кроме того, для всех, даже самых ранних, этапов развития в Триполье известны теперь предметы из меди.

Другая периодизация основывается на наблюдениях стратиграфии, причем последовательность археологических комплексов прослежена независимо на многих различных памятниках и иногда на весьма отдаленных друг от друга территориях, как, например, на Дунае и его притоках, на Днестре и на Балканском полуострове (в Фессалии).

В связи с этим заслуживают большого внимания несколько мест, в которых была зафиксирована на одном и том же памятнике стратиграфическая последовательность культурных наслоений. Четкое расположение различных комплексов находок в каждом слое дает основание проследить многие звенья в общей цепи исторического развития Восточной Европы в период энеолита и ранних периодов бронзы. Удавалось уловить недостающие звенья в соседних районах и тем самым проследить последовательность смены хронологи-

[3] ТКУ. вып. 1, Київ, 1926, стр. 140.

ческих вариантов культуры со спирально-ленточной керамикой, установив черты сходства и различия во многих пунктах Днепровско-Дунайского бассейна.

Ценные стратиграфические наблюдения были зафиксированы в исследованиях, посвященных древнейшей истории Румынии. В 1930 г. вышла из печати развернутая сводка, посвященная вопросам периодизации неолита и энеолита в Румынии.[4] Наиболее ранним поселением Дунайского бассейна с линейно-ленточной керамикой правильно считается Тордош на Мароше, где открыто три культурных наслоения. В нижнем из них (Тордош I) сосуды круглых форм с углубленным линейно-ленточным орнаментом, со следами красной краски; во втором слое (Тордош II) появляется керамика с белой росписью и инкрустацией; наконец, в третьем (Тордош III), наряду с углубленной спиральной орнаментацией, имеется керамика с трехцветным орнаментом, аналогичная по формам и по стилю росписи сосудам из нижнего слоя стоянки около Эрёзда.

Близкую Тордошу керамику дает стоянка Витенберг, где выступают, кроме керамики с углублениями и полихромным орнаментом, еще и сосуды с каннелированной поверхностью, которые для юго-восточной Европы и Балканского полуострова относятся к началу III тысячелетия.[5]

На другом, не менее интересном поселении с линейно-ленточной керамикой в Эрёзде открыты культурные наслоения до 4 м толщиной, состоящие из семи горизонтов, которые могут быть разделены на два культурных периода. Нижние шесть слоев (VII—II) относятся к периоду энеолита, верхний (I) — к эпохе бронзы.[6]

На основании главным образом керамического материала слои Тордош I отождествляются со стоянкой Боян А в Румынии, а также с Сескло I и Ленгиелем,[7] а Тордош III — с нижними слоями Эрёзда. Здесь, в Эрёзде, были вскрыты остатки трех глинобитных жилищ, налегавших одно на другое. Жилища прямоугольные, в плане до 8 м длиной и до 4—5 м шириной, с остатками столбов и поперечными перегородками, делившими дом на две части, с очагами в каждой из них.

Чрезвычайно интересны найденные в Эрёзде сосуды округлых форм, типичных для древней ленточной керамики, часто на высоких полых внутри подставках. Поверхность сосудов сплошь покрыта полихромной спиральной росписью в три краски — по красному фону белая и черная роспись. Часто на такого типа сосудах бывает каннелированная поверхность. Кроме того, есть посуда с углубленной спиральной орнаментацией и с поверхностью, сглаженной зубчатым костяным штампом. Здесь же обнаружен и костяной штамп.

Из керамических изделий характерны грузила и пряслица, антропоморфные статуэтки и печати со спиральным углубленным орнаментом.[8]

Обращают на себя внимание печати, или пинтадеры, употреблявшиеся, очевидно, для татуировки, так как они помогут датировать нижние слои Эрёзда. Привлекая из материалов Египта, Крита, Фессалии, Болгарии и соседних стран Средиземноморья аналогичные печати, устанавливается, что они были распространены в Египте между 2540—2160 гг. до н. э.; отсюда считается возможным датировать нижний слой Эрёзда, а следовательно, и сходный с ним слой Тордоша III 2300 г. до н. э.[9]

Наряду с типичными для дунайских поселений кремневыми орудиями — ножевидными пластинками, овальными, довольно высокими скребками, стрелками с незначительной выемкой у основания, каменными зернотерками — в Эрёзде встречено значительное количество изделий из кости — проколки, шилья, а также мотыги из рога оленя. Здесь же обнаружена целая коллекция украшений — бусы из распиленных костей оленя (?) и изделия из меди — колечко, четырехгранное шило и узкий клиновидный топорик; в верхних слоях — медный браслет в несколько оборотов, бусы из раковин.[10] Верхние слои Эрёзда заметно отличаются от только что охарактеризованных и относятся уже к эпохе бронзы.

Среди керамических изделий преобладают сосуды со шнуровым орнаментом и шаровидные амфоры.

Последовательность различных комплексов и их стратиграфическое залегание в поселениях у Тордоша, Витенберга и Эрёзда имеет свое соответствие в соседних районах в многочисленных поселениях, изучавшихся в Румынии. Прежде всего это относится к стоянке Боян на Дунае, где прослежено два культурно-исторических этапа — Боян А и Боян В; первый сопоставляется с нижним слоем Тордоша и отнесен к энеолиту, второй — к эпохе бронзы.[11] На стоянке Боян А, датируемой 2600—2300 гг. до н. э., наиболее характерной

[4] H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Z. f. E., 1930.
[5] J. Thallon. Some Balkan and Danubian Connexions of Troy. J. of Hellenic Studies, т. 39, 1929.
[6] F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le comitat de Háromszék. Dolgozatok, т. II, 1911.
[7] F. Laszlo. Fouilles à la station primitive de Erösd (1907—1911). Dolgozatok, т. II, 1914; V. Christescu. Les stations préhistoriques du Lac de Bolan. Dacia, т. II, Bucareşti, 1925, стр. 249—303.
[8] H. Schroller. Указ. соч.
[9] Там же.
[10] F. Laszlo. Указ. соч.
[11] H. Schroller. Указ. соч.

является керамика с геометрическим углубленным орнаментом, иногда заполненным белой массой. Единичные экземпляры дают заполнение красным. Встречаются часто шахматный узор, спирали; интересны глиняные столики, изделия из меди — колечко, шило.[12]

Одним из наиболее интересных памятников с ленточной керамикой является поселение Кукутени в Румынии, расположенное на возвышенном плато в долине р. Прут, близ гор. Яссы. Первые раскопки здесь были поставлены еще в 1899 г., а затем возобновлены в 1909—1911 гг., и лишь позднее замечательные находки из Кукутени были изданы.[13] Особый интерес к этим раскопкам вызван тем, что на поселении открыты находки различных периодов; удалось установить их разновременные комплексы и проследить жизнь поселения за длительный отрезок времени. Толщина залегания культурного слоя на поселении достигает большой мощности, до 2 м. Раскопки обнаружили здесь два культурных наслоения, из которых одно относится к эпохе энеолита, другое — к эпохе бронзы.

Нижний слой (первый), наиболее древний, получил название культуры Кукутени А, лежащий выше (второй) — Кукутени В. Среди находок последнего слоя, как и в Эрёзде,— посуда, украшенная орнаментом, характерным для эпохи бронзы, в виде оттисков веревочки или шнура. Культуры Кукутени А и В дают возможность говорить о существовании двух этапов в развитии архаической расписной керамики и сравнивать их с аналогичными комплексами из Румынии и всего Дунайского бассейна, а на востоке из Поднепровья. На поселении Кукутени была раскопана большая площадь и открыто несколько глинобитных жилых построек.

Мощный культурный слой на поселении с наслоениями различных периодов образовался не сразу; это показывает, что Кукутени были обитаемы длительный отрезок времени и границы поселка заметно расширялись.

Установлено, что раскопанные глиняные площадки на поселении являются остатками жилых построек из дерева и глины. Большое количество глиняной обмазки с отпечатками дерева указывает, что стены в таком доме делались из плетня, обмазанного глиной. Пол также был из глины, очаги сложены из камней.

Во многих местах на поселении в Кукутенах прослежены на различных глубинах в культурном слое такие разрушенные дома, причем, если находки в верхнем слое были на глубине 0.80—0.90 м, то ниже их на 1.70 м обнаруживаются остатки построек более древних. На основании известных моделей трипольских жилищ (на ножках) археологи, проводившие здесь раскопки, считают, что и глинобитные дома в Кукутени были на сваях, хотя в раскопках не обнаружены данные, указывающие на это. В слое Кукутени А (глубина до 1.70 м) преобладает в большинстве случаев расписная, полихромная керамика. Роспись обычно покрывает весь сосуд сплошь и нередко даже переходит на внутренний край. Сосуды округлой формы часто помещаются на полых конических подставках. Спиральный сюжет росписи наносится черной и белой красками на заранее положенный красный фон облицовки, составляющей вместе с остальными двумя цветами (черным и белым) исключительную по богатству красок роспись. В том же слое найдены образцы керамики с углубленным спиральным орнаментом, каменный топор с просверлиной, топорик из меди, орудия из кремня, кости и рога, а также глиняные статуэтки.

Весь этот комплекс находок Кукутени А правильно сближается с аналогичным поселением — Эрёзд I.

Верхний слой (второй, до глубины 0.80—0.90 м) — Кукутени В — характеризуется преимущественно посудой с монохромной росписью, нанесенной черной краской по оранжево-желтой поверхности сосуда, которая обычно покрыта жидкой красной красочной облицовкой. Монохромная спиральная роспись заключается в широкие пояса и покрывает лишь верхнюю часть сосудов, форма которых на этом этапе становится остроребериой. Полихромная керамика встречается здесь значительно реже.

Предметы из меди были обнаружены как в слое Кукутени А, так и в слое Кукутени В; из них наиболее интересны кинжалы, четырехгранные шилья, топорик, небольшие колечки.

Таким образом, в обоих слоях Кукутени (А и В) встречены изделия из металла, что аналогично находкам и на других поселениях с расписной керамикой и служит основанием для отнесения слоя Кукутени А к периоду энеолита.

В самом верхнем горизонте — Кукутени В — преобладает керамика со шнуровым орнаментом, характеризующая эпоху бронзы. Здесь же найдены образцы серой, так называемой минийской, керамики, сделанной на гончарном круге, занесенной сюда из Средиземноморья, где гончарный круг стал известен в эпоху бронзы.

Ко времени Кукутени А и нижнего Эрёзда относятся многочисленные памятники, известные по раскопкам в Румынии; в частности, такие поселения, как Руджиноаза, вероятно Бонтести, Каниорелли, Султана и Гунешти, а также Глина I, в которых были найдены керамика с углубленным орнаментом, сосуды

[12] V. Christescu. Указ. соч.
[13] G. Diamandi. Station préhistorique de Cucuteni. Bull. de la Société d'Antropol. de Paris, XII, 1899; Z. f. E., 1911.

на подставках и глиняные печати — пинтадеры, как и в нижнем слое в Эрёзде.[14] Ко времени Кукутени В в Румынии из новых раскопок относятся стоянки Дракузени, Глина II и Гумельница А, в которой найдено свыше 20 предметов из меди, рога и золота.[15]

В верхнем слое поселения Гумельница В исчезает керамика со сложной спиральной орнаментацией и расписная, ухудшается гончарное производство, появляется типичная для периода бронзы керамика с веревочным орнаментом; культура эта доживает до середины II тысячелетия, до второго периода бронзы.[16] Сопоставления Гумельницы В с Глиной II датируют поздние слои этого поселения 1700 г. до н. э. на основании характерных золотых подвесок.[17]

В последние годы в Извоаре (близ Кукутени), в предгорьях Карпат, на берегу р. Быстрицы, обнаружены наслоения до 2.60 м мощностью, ясно отличные друг от друга и характеризуемые различными комплексами находок, главным образом керамических.[18]

Так, верхний слой — Извоар II — датируется периодом Кукутени А, а все находки, расположенные ниже, в слое Извоар I, представляют комплекс еще более древней докукутеновской культуры.

В Извоаре II была открыта полихромная керамика, типичная для Кукутени А; в Извоаре I, более древнем, найдена керамика с углубленным орнаментом, часто покрытая каннелюрами и орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. И в том, и в другом слое в Извоаре были найдены предметы из меди (Извоар I — подвески, иглы); таким образом в Восточной Европе начальный этап расписной керамики в ранних своих фазах снова приходится на энеолитический (медно-каменный) период.

Обнаруженные чередования культурных наслоений на поселениях в Кукутенах и Извоаре подтверждаются также данными, известными для других поселений, как, например, Эрёзд.

Разведки и раскопки по течению рек Тазлау и Быстрицы в районе гор. Пьятра-Нямца[19] устанавливают здесь свыше 90 стоянок древнего человека этого периода. Наиболее древние относятся к докукутеновскому периоду и повторяют комплекс находок из первого слоя Извоар (стоянка Извоар I и Тырпешты и др.).

Стоянки Валены, Костиша, Городище-Калу и другие дают материалы, характеризующие последующий этап развития, соответствующий Извоару II, Кукутени А и др.; десятки стоянок представлены материалами позднего этапа, соответствующего верхнему слою — Кукутени В.

Интересно, что в некоторых поселениях (например, у Перчиу в Румынии) находки представлены, с одной стороны, образцами керамики, типичными для эпохи энеолита (типа Кукутени В), с другой — мы имеем в этом же комплексе (у Перчиу) веревочную керамику эпохи бронзы, легко сопоставимую с керамикой из верхних слоев Глины III.[20]

В больших сводных работах, посвященных дунайскому кругу энеолитических культур, приведенные выше археологические материалы широко сопоставляются с памятниками из Трои, Фессалии и Болгарии; на основании, главным образом, к р и т с к о й периодизации дается хронология в двух вариантах — максимальном, который охватывает отрезок времени с III тысячелетия до 1750 г. до н. э., и минимальном — с 2500 г. до 1750 г. до н. э., до времени первых периодов бронзы (стоянка Черноводы, Банат и др.).

Приведенные данные периодизации поселений со спиралью-ленточной керамикой неоднократно привлекались учеными при изучении археологических материалов, известных на территории бассейнов Днестра, Буга и Днепра, но делалось это чрезвычайно неполно. Не останавливаясь подробно сейчас на этих сопоставлениях (что будет сделано ниже, в последующих главах), укажу лишь, что большинство ученых включает материалы трипольской культуры в общую шкалу энеолитической ленточной керамики, не следуя при этом за построениями Хвойко.

Наоборот, концепция Хвойко, утверждавшего, что материалы «культуры А» являются позднейшими для Поднестровья, всеми, без исключения, привлекаются как материалы ранние и связываются с находками из Кукутени А, Эрёзда А, Извоара II; материалы же «культуры Б» (ранние, по Хвойко) рассматриваются как поздние, хронологически близкие к эпохе бронзы. Концепции Хвойко придерживаются немногие советские археологи (например, Б. Л. Богаевский в своей книге «Орудия производства и домашние животные Триполья»[21] и некоторые другие, судя по тем устным выступлениям, которые имели место

[14] Hort. Dumitrescu. La station préhistorique Ruginoasa. Dacia, тт. III—IV, Bucureşti 1933; Dorin Popescu. Les fouilles de Gunesti, Dacia, тт. V—VI, Bucureşti, 1938.

[15] Hort. Dumitrescu. Fouilles de Gumelniţa Dacia, т. II, Bucureşti, 1925, рис. 75.

[16] J. Nestor. Zur Chronologie der rumänischen Steinkupferzeit. PZ, XIX, 1923.

[17] Его же. Fouilles de Glina. Dacia, тт. III—IV, Bucureşti, 1933, стр. 226.

[18] R. Vulpe. Civilisation précucutenienne récement découverte à Izvoare en Moldavie, ESA, т. XI, Helsinki, 1937.

[19] C. Mătasă. Cercetări din preistoria judeţului Neamţ. Bul. Com. Monum. Istorice. Anul. XXXI, вып. 97, Bucureşti, 1938.

[20] J. Nestor. Указ. соч.

[21] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937; Т. С. Пассек. О дилетантизме в науке (рецензия на эту книгу). ВДИ, № 1, 1938, стр. 129.

на I и IV научных конференциях в Киеве в 1939 и 1941 гг.).[22]

На вопросах относительной хронологии в последние годы до Великой Отечественной войны не раз останавливался Е. Ю. Кричевский. В обширных статьях, посвященных развитию культур энеолита в Восточной Европе, Кричевский дает развернутую сводку по богатым материалам Дунайского Понизовья и рассматривает в целом историю развития племен, населяющих Дунайско-Днепровский бассейн в III—II тысячелетиях до н. э.[23] Он пишет об аналогиях и культурно-исторических связях, существовавших между различными поселениями Поднепровья и Подунавья. Так, на Украине, по его мнению, наиболее ранним Трипольем являются поселения Дарабани, Городница, Борисовка, Сабатиновка, Озаринцы и материалы «культуры А» Хвойко; более поздними, сравнивая с находками Кукутени В,— группа площадок «культуры Б» Хвойко. К третьему этапу Кричевский правильно относит такие памятники, как площадки на киевских высотах, поселения у Городска, Евминки, Усатово, Кошиловцы.

В моей работе о трипольской керамике, изданной еще в 1935 г., была дана систематизация и классификация трипольского керамического материала и намечены территориальные группировки отдельных археологических комплексов.[24] Кроме того, там же была сделана попытка дать и относительную хронологию этих комплексов, частично увязав их с имевшимися тогда данными стратиграфии. Несмотря на обилие новых материалов, ставших известными в результате раскопок за последние годы, эта классификация остается в основном ненарушенной, хотя новые материалы, проверенные нашими раскопками, безусловно расширили ранее высказанные в этой книге положения и дают возможность с несколько иных позиций отстаивать высказанные точки зрения.

Несмотря на большое количество материала по Триполью и на обширные новые раскопки, до последнего времени на территории Украины мы нигде на поселениях не наблюдали стратиграфически последовательных залеганий трипольских памятников. Вместе с тем, мы не должны отказываться от попыток дать такую периодизацию, идя несколько другим путем. Путь этот сочетает в себе несколько моментов: 1) классификацию и систематизацию трипольского материала на всей территории его распространения; 2) учет и широкое привлечение данных стратиграфии; 3) сопоставление четко охарактеризованных археологических комплексов, известных на территории Советского Союза, со стратиграфически проверенными данными Дунайско-Днестровского бассейна; 4) прослеживание развития конкретных археологических комплексов в одном и том же районе.

В этой связи изучение керамического материала дает огромные возможности. На основании выделенных керамических комплексов и в сочетании с типичными орудиями производства, типами жилищ и прочими признаками удается проследить существовавшее в то время расселение и территориальные группировки трипольских племен. Коренные различия в этих археологических комплексах в разных районах позволяют наметить и отдельные этапы этого развития.

---

[22] Т. С. Пассек. Первая научная конференция Института археологии АН УССР. ВДИ, № 3, 1939; ее же. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946.

[23] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1926; его же. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, вып. IV, 1940; его же. Из истории Дунайского Понизовья. КСИИМК, вып. VIII, 1940; его же. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940.

[24] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

Глава III

РАННИЙ (А) ЭТАП ТРИПОЛЬЯ

Несмотря на большое внимание советских археологов к истории древнеземледельческих племен, живших за три тысячи лет до н. э. в Поднепровье и Поднестровье, многие важнейшие проблемы своеобразной и развитой культуры этих племен, получившей название «трипольской», еще до сих пор остаются совершенно неразработанными. Не разрешена самая сложная проблема — проблема происхождения Триполья и не освещены предшествующие периоды развития. Новейшие раскопки на Украине, к сожалению, почти не затронули памятников раннего периода этой культуры, и вопрос происхождения Триполья в науке, собственно, еще только поставлен. Попрежнему остается неясным возникновение этой культуры. Вместе с тем эта проблема, имеющая огромное научное значение, привлекает с первых дней открытия трипольских памятников внимание археологов.

В процессе изучения Триполья в прошлом появлялось много гипотез о происхождении трипольской культуры: все они рассматривали ее не как местную, а как южную — средиземноморскую, западную, или среднеевропейскую, и восточную.

Новые открытия расписной керамики в удаленных областях каждый раз дают толчок к появлению новой гипотезы происхождения Триполья.

Так, на основании открытий расписной керамики в Закавказье, в могильнике у Кизил-Ванка, на поселении Анау в Закаспийской области, позднее в Китае, миграционисты строят гипотезы о переселении с Востока народа, занесшего расписную посуду.[1] По другой теории, Минойский Крит был родиной племен, соорудивших глинобитные жилища на Днепре, Днестре и Дунае.[2] С точки зрения фашистских фальсификаторов науки население Средней Европы переселяется на восток и юго-восток и создает культуру Дунайско-Днепровского бассейна. Эта лженаучная теория нужна была фашистам для их расистских построений и оправдания захватнических устремлений на восток Европы.[3]

Открытия в Передней Азии, а позднее в Индии культур крашеной керамики создают гипотезу о начале трипольской культуры в кругу развития древних цивилизаций Востока.[4]

Критическому разбору выдвинутых теорий посвящено немало работ советских ученых. Следует лишь еще раз указать, что все эти построения о возникновении Триполья лишь в самых общих чертах касаются фактического материала, что в основе всех этих гипотез лежит положение о переселении больших масс населения из одного удаленного района в другой и перенесении с собой памятников, характерных для племен, с расписной керамикой. Вместе с тем почти совершенно игнорируются вопросы местного (автохтонного) развития.[5]

Появление подобных гипотез привело к тому, что периодизация неолитических и энеолитических культур юго-западной части Восточной Европы все еще остается незавершенной. Для решения же вопроса о раннем этапе той или иной культуры необходимо прежде всего установить относительную хронологию ее памятников, создать их периодизацию.

Сложность всех этих неразрешенных вопросов заключается еще и в том, что до сих пор остаются неизученными те предварительные материалы, на основании которых должна разрабатываться в целом проблема происхождения Триполья.

---

[1] А. А. Спицын. Могильник у Кизил-Ванка. ИАК, вып. 29; В. А. Городцов. Археология, т. I, 1922; Б. Грозный. Доисторическая судьба Передней Азии. ВДИ, № 3/4, 1940.

[2] Dussaud. Les civilisations préhelliniques dans le bassin de la Mer Égée, Paris, 1914; Pumpelly. Die Kretisch-mykenische Kultur, Leipzig, 1921; Bossert. Alt-Kreta, Berlin, 1921.

[3] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, вып. 100, 1933.

[4] Работы Чайльда, Франкфорта, Контено и др.

[5] И. И. Мещанинов. О доисторическом переселении народов. Вестник Ком. академии, кн. 29/5 (отд. оттиск); Т. С. Пассек. К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1933.

Так, остаются неизученными в сколько-нибудь значительном объеме предшествующие Триполью неолитические периоды в Днестровско-Днепровском бассейне, т. е. на территории, древнейшая история которой связана с возникновением Триполья.[6]

Вопрос о неолите на территории Украины до сих пор еще настолько не разработан, что изучение этой темы должно быть начато с самой первой ступени — со стадии собирания, в процессе разведок и раскопок, новых данных и систематизации неолитических материалов. После этого можно перейти к выяснению местных корней развития трипольской культуры и установлению стратиграфических данных залегания неолитических комплексов (более древних) и комплексов раннего Триполья.

Отсутствуют в значительной степени новые материалы и наблюдения из систематически проверенных раскопок ранних трипольских памятников, которые могли бы дать полную характеристику первоначального этапа развития культуры.

Для Днестровского и Дунайского бассейна имеется ряд интереснейших, как я выше указывала, наблюдений над стратиграфией памятников культуры со спирально-ленточной и расписной керамикой, аналогичной Триполью. Поэтому чрезвычайно важно проследить сложные взаимоотношения правобережного Триполья с соседними племенами, в первую очередь — с племенами, жившими в III тысячелетии до н. э. по Дунаю и его притокам, на Балканах, а также выяснить культурно-исторические связи со странами Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Не менее важно сопоставление комплекса находок раннего Триполья с более поздними материалами, достаточно разработанными в настоящее время для всей Дунайско-Днепровской территории.

Все это необходимо для понимания возникновения и процесса развития Триполья на его раннем этапе. Необходимо также создание относительной хронологии разнообразных трипольских памятников и уточнение их абсолютной датировки. К сожалению, до сих пор на огромных территориях по течению Днестра, Буга и Днепра в УССР, на многочисленных изучавшихся трипольских поселениях не были обнаружены стратиграфически последовательные наслоения эпохи Триполья и бронзы, тогда как на соседних территориях — в Румынии, Югославии, Венгрии — такая стратиграфия обнаружена в удаленных друг от друга районах; она дает возможность подойти к освещению вопросов периодизации памятников неолита и эпохи бронзы на всей Дунайско-Балканской территории.[7]

Различные комплексы находок с расписной керамикой, установленные здесь для отдельных этапов развития, хорошо известны и среди разнообразных памятников на территории Украины.

Отсюда вполне закономерно было поставить сравнение подобных комплексов находок со спирально-ленточной, в частности расписной, керамикой, обнаруженных в стратиграфически датированных стоянках по Дунаю, Серету, Пруту, с комплексами находок, открытых на территории УССР.

Разрешенная за последние годы на основе новых материалов раскопок Городска-Усатова проблема позднего этапа Триполья полностью показала дальнейший путь, по которому шло развитие в Поднепровье и в Поднестровье позднетрипольских земледельческо-скотоводческих племен. Этот поздний этап Триполья соответствует верхним стратиграфически обоснованным наслоениям, обнаруженным в различных пунктах Дунайского бассейна и в бассейнах Днестра и Буга на востоке. На этом пространстве имеется, таким образом, достаточно наблюдений для прослеживания всех звеньев общей цепи исторического развития в период энеолита и ранних этапов бронзы — с ранних ступеней до поздних.

Опираясь на периодизацию древних неолитических и энеолитических культур в Дунайско-Балканском районе и следует подойти к вопросу о раннем Триполье. Подвергая анализу разносторонний археологический материал, добытый раскопками последних лет, и стремясь проследить весь сложный процесс возникновения автохтонных образований Поднепровья и Поднестровья, необходимо одновременно проследить и взаимоотношения Триполья не только с Дунайским бассейном, но и на юго-западе с древними племенами Болгарии, на юге с Македонией и с Фессалией.

Не менее важно проследить пути, шедшие из Малой Азии, через Восточное Средиземноморье, на Балканы и далее на север в Дунайский бассейн.[8]

Таким образом, вопрос о возникновении трипольских племен следует рассматривать на фоне общего процесса развития энеолитических культур в Дунайско-Днепровском бассейне, где складывалась в III тысячелетии до н. э. культура земледельческих племен, получившая в одной своей части наименование трипольской.

На территории Правобережной Украины не

[6] Вопросам неолита, главным образом для Нижнего Поднепровья, посвящены исследования А. В. Доброволького. Доклад на эту тему был прочитан им на V Научной конференции в Киеве 1—5 июня 1946 г. Материал из раскопок издан лишь частично.

[7] G. Childe. L'Orient préhistorique, Paris, 1935; его же. New Light on the Most Ancient East, London, 1934; его же. The Orient and Europa. AJA, т. XLIII, № 1, 1939; W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia, Cambridge, 1939; Frankfort. Studies in Earli Pottery of the Near East, тт. I, II, 1927.

[8] G. Conteneau. Les civilisations Hittites des Mittanienses, Paris, 1935.

прослежены еще окончательно пути развития неолитических культур, предшествующих эпохе Триполья. Однако на территории западных областей Украины эпоха раннего неолита была временем перехода к земледелию и скотоводству и дальнейшему освоению гончарного искусства.

Осваиваются повсеместно свободные от леса черноземные плато, на которых развивается местная раннеземледельческая культура, известная в археологии под названием «Дунайской», или культуры линейно-ленточной керамики. Характерной чертой этой культуры является однообразие ее культурных остатков; очевидно, племенные различия еще в очень малой степени отразились на различиях культурных.

Однако исследователи выделяют несколько территориальных групп, отличающихся друг от друга рядом своеобразных черт.[9] I группа включает линейно-ленточную керамику, открытую на территориях Польши, Чехословакии, Австрии, западной Венгрии; II группа — древнюю ленточную керамику Югославии, восточной Венгрии, западной Румынии; III группа — древнюю ленточную керамику Румынии и Правобережной Украины.

Линейно-ленточная керамика выступает на значительно более широкой территории, чем Дунайско-Днестровский район, включающей Балканы и Поднестровье, где у земледельческих племен ранее, чем у соседних племен, появляется своеобразная расписная керамика.[10]

На этой территории ранее всего появляются наземные прямоугольные постройки, изделия из меди и относительно совершенная керамика. Все это создает в III тысячелетии до н. э. в Восточной Европе сравнительно развитую культуру, что по последним исследованиям указывает на имевшие место межплеменные сношения трипольских племен с племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии.[11] Таким образом, предположение, что Триполье в своей значительной части есть лишь результат дальнейшего развития неолитических племен с линейно-ленточной керамикой, представляется в настоящее время наиболее вероятным.

При стратиграфическом изучении ряда поселений Дунайского района приходишь к выводу, что они и системой хозяйства, и своеобразным характером культурных слоев, и сочетанием орудий производства близки к трипольским, хотя в каждом районе отмечаются свои особенности.

Известна целая серия поселений, характеризующих различные этапы развития неолитических и энеолитических периодов Дунайского бассейна. Одно из ценных открытий сделано на неолитическом поселении у Тордоша на р. Марош.[12] Здесь раскопаны неолитические землянки и проведены наблюдения над тремя культурными наслоениями, каждое из которых дало особый комплекс находок. В нижнем, первом, слое Тордоша (I) встречены сосуды округлых форм, с углубленной линейно-ленточной орнаментацией и со следами красной краски. Во втором слое Тордоша (II) появляется керамика с углубленным орнаментом, часто заполненным белой и красной краской. В третьем слое Тордоша (III), наряду с углубленной спиралькой, несколько геометризированной орнаментацией, появляется керамика полихромная в три краски, по стилю росписи и по формам аналогичная сосудам из нижнего слоя неолитического поселения расписной керамики около Эрёзда в Румынии.[13]

Здесь же, в Тордоше, обнаружены фрагменты глиняных антропоморфных и зооморфных статуэток, украшенных углубленным орнаментом, и глиняные модели жилища. Ленты, образующие орнамент на керамике, состоят обычно из двух полос, пространство между которыми заполнено сплошь мелкими углублениями. Часто встречается орнаментировка в виде шахматного узора и наискось идущих сплошь заштрихованных ломаных лент.

В другой стоянке, которую следует сопоставлять со стоянкой около Витенберга, кроме керамики с углубленным спиральным и полихромным орнаментом типа Тордоша III, выступают еще и сосуды черные с каннелированной поверхностью; датируются они началом III тысячелетия до н. э. (поселение у Сервии в Македонии).[14]

Известна целая серия неолитических и энеолитических поселений, характеризующихся аналогичным Тордошу III сочетанием культурных остатков. Это стоянка у Винчи, на Мораве[15] — один из самых замечательных памятников древнейшей истории Дунайского бассейна. Два тома материалов из раскопок Винчи недавно изданы М. Вассичем.[16]

Наиболее важным в раскопках Винчи явилось открытие глинобитных прямоугольных наземных жилищ, разделенных поперечными перегородками с несколькими сводчатыми печами. Открыты и остатки глинобитных столбов

---

[9] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1933.

[10] G. Childe. The Danube in Prehistory, Oxford, 1939.

[11] Его же. The Orient and Europa. AJA, т. XLIII, № 1, 1939.

[12] Z. f. E., 1903; см. также A. Voss. Z. f. E. за 1895 и 1903 гг.; M. Hoernes. Urgeschichte..., стр. 305 и след.

[13] F. Laszlo. Fouilles à la station primitive de Erösd (1907—1911), Dolgozatok, т. II, 1914.

[14] G. Childe. Neolithic Black Ware in Greece and in the Danube. The Ann. of the Brit. School at Athens, т. XXXVII, 1940.

[15] M. M. Vassits. Die Hauptergebnisse der prähistorischen Ausgrabung in Vinča im Jahre 1908. PZ, 1910; его же. Die Datierung der Vinča Schicht. PZ, 1911.

[16] М. М. Вассић. Преисториска Винча I и II, тт. I и II, Београд, 1932 и 1936.

и части стен постройки.[17] Автор сравнивает эти прямоугольные дома с жилыми постройками на Крите и в Трое. Печь в доме служила и для отопления, и для приготовления пищи. Можно добавить, что форма печей из Винчи сходна с печами из Кошиловцев, Эрёзда, а также со всей серией печей, известных ныне в трипольских жилищах.

В наслоениях Винчи I и II обнаружено огромное количество материала, в основном керамического, позволяющего автору сближать его с многими памятниками Дунайского бассейна, и прежде всего с аналогичным керамическим комплексом из Тордоша, где повторяется та же стратиграфия. Комплекс из Винчи I состоит из сосудов с углубленным спиральным орнаментом и черных каннелированных сосудов. В слое Винчи II число расписной (черной и красной краской) керамики увеличивается. Кроме этого типичного для Дунайских поселений раннего комплекса находок со спирально-ленточной керамикой, характерны каменные клиновидные топоры с односторонне выпуклой стороной, женские статуэтки с углубленным орнаментом и антропоморфные сосуды.

Развитие поселений у Тордоша и Винчи рассматривается рядом археологов в связи с проникающим с юга влиянием из Македонии, Фессалии и с побережья Малой Азии (из Трои). Материалами, позволяющими устанавливать эти связи и даже намечать пути (по рекам — Струме, Вардар, Марош, Морава и др.), служат, наряду с типом прямоугольного жилища, прежде всего керамические изделия — антропоморфные сосуды, статуэтки, сосуды на подставках, черная и серая каннелированная керамика, глиняные печати и т. п.

Все эти изделия, действительно, позволяют представить процесс обмена, существовавшего между народами Эгейского мира и странами, лежащими по Дунаю и далее на север. После трудов Г. Чайльда археология Дунайского бассейна целиком включается в общий поток материалов, на основании которых устанавливаются эти культурно-исторические связи Средиземноморья и Восточной Европы. М. Вассич в своей работе о Винче идет по тому же пути.

Особенный интерес представляет стоянка, открытая в Румынии.[18] На одном из многочисленных озер на левом берегу Дуная, в 7 км от стоянки Султана, на острове Боян открыты две стоянки — А и В; они находятся в разных местах. На стоянке А заложено несколько траншей, в которых обнаружена строгая стратиграфия, соответствующая двум рядам очагов. Каждый слой выделяется определенным комплексом керамики. В нижнем слое — Боян А — встречено большое число кремневых клиновидных топоров небольших размеров и керамики двух групп. В первой — сосуды с углубленным, геометризированным спиральным орнаментом. Орнамент бывает заполнен белой массой, единичные экземпляры сосудов дали заполнение красным. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда и идет наискось параллельными зонами или же в шахматном порядке. Имеется спиральный рисунок. Вторая группа — грубая кухонная посуда, с рельефным орнаментом. Интересны изделия из глины — подставки для ритуальных сосудов, глиняные столики, пряслица и статуэтки; из меди — колечко и иголка.[19]

На другой стоянке — Боян В, находящейся в западной стороне острова, открыто два слоя — нижний, соответствующий стоянке Боян А, и верхний — близкий к стоянкам эпохи бронзы по Дунаю. Среди керамики верхнего слоя типичны сосуды с ручками-выступами в виде роговидных отростков; ручки датируются культурным слоем Трои VII, или IV периодом бронзы (Дунай).

Для характеристики раннетрипольских поселений важен факт генетической связанности их с дунайскими, что прослеживается и в формах хозяйства, и в типах жилищ, и в керамике.

Так, за последние годы в Румынии у Извоара на берегу р. Быстрицы, в районе гор. Пьятра-Нямца, были обнаружены энеолитические наслоения мощностью до 2.60 м.[20] Отличные друг от друга два слоя характеризуются различными комплексами находок, главным образом керамических.

Верхний слой Извоара II характеризуется типичной трехцветной керамикой типа Кукутени А; находки же, расположенные ниже, в слое Извоара I, представляют более древний комплекс; для сосудов, найденных в этом слое (Извоар I), характерны углубленная спиральная орнаментация (иногда с заполнением белой массой), а также сосуды, покрытые каннелюрами и орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 3). Керамика эта из Извоара I правильно сближается с керамикой Тордоша II и Винчи I.[21] Вместе с тем в Извоаре I отсутствует, как и в Тордоше I и II и в Бояне А, керамика расписная, преобладающая в верхнем слое Извоара II.

Уже в Извоаре I обнаружены предметы из меди: подвеска, медное четырехгранное шило, игла; из орудий типичны: кремневые ножи, каменный клиновидный топор с одной выпуклой стороной. Интересны находки: бусы из распиленных рогов оленя и украшения из кабаньих клыков с просверлинами.[22] Эти

[17] Указ. соч., т. I, рис. 6, 7, 8, 9, 13, 15, 17, 21 и табл. III — VIII.

[18] V. Christescu. Les stations préhistoriques du Lac de Boian. Dacia, т. II, Bucarest, 1926.

[19] Там же, табл. X, рис. 14 и др.

[20] R. Vulpe. Civilisation préeucutenienne récemment découverte à Izvoare en Moldavie, ESA, т. XI, Helsinki, 1937.

[21] Там же.

[22] V. Dumitrescu. Ephemeris Dacoromana, т. IV, 1930, стр. 272.

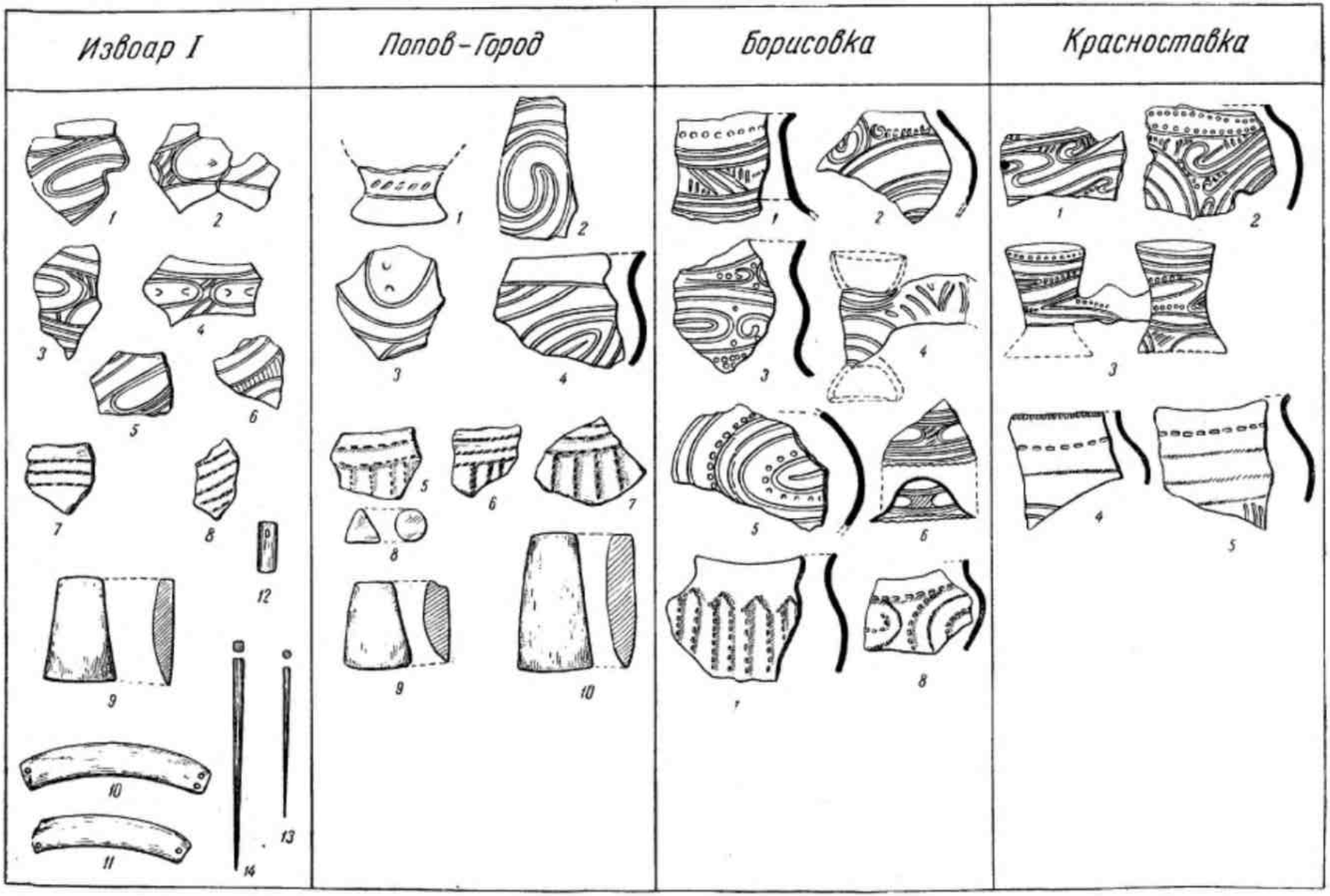

Рис. 3. Таблица основных находок раннего (А) этапа Триполья.

Извоар I. Фрагменты сосудов: *1—6* — с углубленным орнаментом; *7, 8* — с каннелюрами; *9* — топор из камня *10, 11* — пластинки из кабаньих клыков; *2* — подвеска из меди; *13, 14* — медные шилья. Попов-Город. Фрагменты сосудов: *1—4* — с углубленным орнаментом; *5—7* — с каннелюрами; *8* — глиняный конусик; *9, 10* — топоры из камня. Борисовка. Фрагменты сосудов: *1—6* — с углубленным орнаментом; *7, 8* — с каннелюрами. Красноставка. Фрагменты сосудов: *1—3* — с углубленным орнаментом; *4, 5* — с каннелюрами

пластинки из кабаньих клыков хорошо известны из неолитического Мариупольского могильника, где они встречены в большом числе, в виде головных и нагрудных украшений.[23] Кабаньи клыки в виде украшений обнаружены и в Винче, и в Кукутени.[24]

Какие же поселения на территории УССР могут быть выделены для раннего периода Триполья, соответствующего по времени Тордошу II, Винче I, Извоару I?

Наиболее близкими к этапу А моей периодизации, к периоду Извоара I, Тордоша II и Винчи I являются поселения в бассейне Днестра, у с. Озаринцы, в уроч. Попов-Город.[25]

Очень небольшие раскопки были произведены здесь М. Я. Рудинским в 1927—1928 гг. Среди культурных остатков обнаружена часть глинобитных жилищ с остатками печей и своеобразным инвентарем: значительное число клиновидных, небольшого размера топоров, с одной выпуклой стороной, столь типичных для дунайских поселений со спирально-ленточной керамикой ранних периодов; сделаны топоры из мягкого зеленоватого камня. Керамический комплекс Попова-Города состоит из посуды с углубленным спиральным орнаментом. Большинство сосудов с округлым телом, на подставке или на ножке, украшены до самого дна (а часто и дно) углубленным спиральным орнаментом. Небольшие ручки на сильно выступающих плечиках окаймлены спиральным рисунком. Свободные промежутки заштрихованы углубленными полосами и заполнены округлыми углублениями.[26]

Наряду с такой керамикой встречена группа черной керамики с прекрасно полированной поверхностью, сплошь покрытой продольными каннелюрами, по ребрам которых нанесен мелкий штамповый орнамент. Сосуды небольшие, очень тонкостенные, серые и черные, коричнево-красные, часто с утолщенными просверленными ручками.[27]

Здесь, в Озаринцах, встречены известные и в Винче I, и в Тордоше II небольшие глиняные конусики-печати (пинтадеры), но без всяких знаков.[28] Но здесь не было встречено ни одного фрагмента расписной керамики, точно так же, как и в стоянках: Извоар I, Тордош II, Витенберг, Винча I и Боян А.

Поселений, подобно Попов-Городскому, известно на Украине немного. Особенно важны поэтому открытия С. Н. Бибикова в 1945 г. на Днестре, близ с. Лука-Врублевецкая, трипольского жилища раннего этапа или, как считает исследователь, раскапывающий этот памятник, дотрипольского времени.[29] Раскопки первых двух лет (1945—1946 гг.) дали находки исключительного значения, однако пока материал не издан, полной картины по предварительным сообщениям составить невозможно. Поселение лежит не в обычных условиях, а на первой надпойменной террасе и перекрыто толщей суглинка в 1.5—2 м. Культурные остатки залегают на глубине 1.5—2 м. Верхний слой — деградированный суглинок с находками, относящимися к культуре «полей погребений». Нижний слой — серый лёссовидный суглинок, в нижней части которого обнаружены землянка и остатки обмазанного глиняного очага. Трипольские материалы из Луки-Врублевецкой, представленные в 1945 г. на отчетной выставке в Киеве, дают четкий комплекс раннего Триполья, имеющий аналогии в слое Извоара I и в некоторых ранних трипольских поселениях на Украине.

Среди керамики Луки-Врублевецкой встречены следующие типы.

Первая группа — керамика с коричневато-черной, хорошо заполированной поверхностью и с углубленным спиральным орнаментом. Выделяются сосуды округлых форм с небольшим отогнутым краем, часто на конических полых подставках. На стенках сосудов выступающие, горизонтально проткнутые бугорки-ручки. Имеются фрагменты неглубоких шлемовидных крышек и конических с прямыми стенками биноклевидных одиночных сосудов или сосудов на подставке; в стенках, как и у биноклей, имеется округлое сквозное отверстие, а также крышки с конически расширяющимися краями и плоской округлой верхушкой. Сосуды обычно сплошь украшены углубленным ленточным орнаментом, образованным из двух, трех и более полос. Имеется иногда заполнение белой массой. Ленты описывают горизонтально расположенные спирали. Систему, к сожалению, уловить не удается. Пространство между лентами заполнено группами округлых углублений; такие же углубления имеются у верхнего края; они окаймляют также и днище. Поверхность небольших округлых сосудов часто делится вертикально идущими отрезками лент (с окаймленными углублениями) на части, заключенные в широкие пояса.

В той же технике и с таким же орнаментом вылеплены и небольшие глиняные ложки, часто с широкой плоской ручкой, как у ковша.

---

[23] Н. Е. Макаренко. Мариупольский могильник, Киев, 1933, табл. XXXII и др.

[24] M. M. Vassits. Die Hauptergebnisse der prähistorischen Ausgrabung in Vinca im Jahre 1908. PZ, 1910, табл. X в.

[25] М. Я. Рудинський. Попов-Городський вияв культури мальованої кераміки. Антропологія, т. III, Київ, 1929—1930.

[26] Там же, рис. 13—16.

[27] Там же, рис. 20—21.

[28] M. Vasiћ. Preistorijska Vinča I, т. I, табл. XIII, рис. 47а и б; М. Я. Рудинский. Указ. соч., рис. 19.

[29] С. Н. Бибиков. Дотрипольское поселение около с. Лука-Врублевецкая. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

Большое количество глиняных статуэток, обнаруженных в Луке-Врублевецкой, изображает женщин, реже мужчин, в сидячем, полусидячем и стоячем положениях.

Углубленным спиральным и геометризованным орнаментом сплошь покрыты обычно туловище и ноги сильно схематизированных женских статуэток. Вместо головы — конически суженный выступ, черты лица часто не обозначены. У сидячих статуэток плоский откинутый назад торс: грудь обозначена двумя бугорками; на плечах сквозные отверстия; на боках надбедренные выступы. Сильно развитая стеатопегия. Ноги сомкнуты и вытянуты вперед.

Наиболее близкая аналогия этим женским изображениям имеется в женских статуэтках, характерных для следующего этапа развития Триполья (B/I) из поселений в Извоаре II, Кукутени А, Эрёзде, Руджиноазе и Кадиевцах.

Вторая группа — розовато-желтые, серовато-коричневые сосуды с прекрасно заполированной, тонкостенной каннелированной поверхностью; по выступающим ребрышкам каннелюр нанесен орнамент мелким, неглубоким штампом, образующим плоские прямоугольные углубления. Часто в дополнение к каннелюрам имеется и углубленный ленточный орнамент.

Третья группа — сравнительно толстостенные сосуды из розовато-серой грубоватой массы; типичная так называемая кухонная посуда, находимая в раннетрипольских поселениях. По краю проходит ряд неровных округлых углублений; заметны широкие следы полосчатого сглаживания, а также налепные вертикальные валики, идущие по краю. Керамики с росписью найдено не было.

Среди большого количества фрагментов керамики имеется один уникальный из розовато-желтой массы с серыми, неравномерными пятнами от обжига. Фрагмент сохранил прекрасно вылепленное изображение человека с хорошо моделированными чертами лица и поднятыми кверху и согнутыми в локтях руками, поддерживающими стоящий на голове сосуд. Нижняя часть сосуда отбита. Аналогию подобному сосуду трудно подобрать из известных украинских материалов, среди которых имеются только сосуды с рельефными изображениями голов человека и животных. Ближе всего сопоставить эту уникальную находку из Луки-Врублевецкой с серией антропоморфных сосудов из стоянки Винча I и из Трои II.[30]

В 1946 г. в Луке-Врублевецкой в трех раскопах, заложенных С. Н. Бибиковым,[31] открыты часть землянки с рядом очагов и ракушечные ямы. Комплекс керамики в 1946 г. был открыт тот же, что и раньше. Обнаружено 120 статуэток: сидячие, полусидячие и стоячие, все сильно схематизированные. Из кремневых орудий следует упомянуть призматические нуклеусы, шаровидные отбойники, ножевидные пластинки, концевые скребки, сланцевые топорики; из костяных орудий — шилья, острия.

Среди костей домашних животных — кости быка, свиньи, козы, собаки; из диких — кости оленя, кабана, лося, косули. Имеются статуэтки животных — птица, голова быка.

Встречены в Луке-Врублевецкой и четыре характерных для раннего Триполья глиняных конусика.

В целом, на вновь открытом поселении Луки-Врублевецкой на Днестре мы имеем памятник раннего этапа развития Триполья, характеризуемого, вероятно, жилищем в форме землянки с рядом очагов и типичным раннетрипольским комплексом находок: керамика с углубленным и каннелированным орнаментом, грубая кухонная посуда, сосуды на подставках, глиняные конусики, ложки, сильно схематизированные женские статуэтки и другой кремневый и костяной инвентарь типа Извоар I. Попов-Город, Винча I, Тордош II, Боян А и других раннетрипольских поселений, к рассмотрению которых я и перехожу.

В 1913 г., по поручению Археологической комиссии, С. С. Гамченко произвел разведку по Южному Бугу в Савранском районе, откуда в Гос. Эрмитаже ныне хранится интереснейшая коллекция трипольской керамики. В 1935 г. эта коллекция была мною издана и подробно описана в книге, посвященной керамике Триполья.[32]

Остался неизвестным характер самого памятника в Савранском районе, однако находки сами по себе настолько типичны для раннего этапа Триполья, что следует на них остановиться, не повторяя изложенного в моей книге. Савранская коллекция Триполья выделяется керамикой, обычной для раннего этапа Извоара I, Бояна А и аналогичных им Тордоша II и Винчи I.

Первая группа представлена сосудами с серой полированной поверхностью и орнаментом, заполненным белой массой (рис. 4—*2, 3*); масса эта довольно грубая, комковатая; к наружной и внутренней поверхности она серовато-черная. Наружная поверхность серая, прекрасно отполированная, блестящая. Этот тип представлен фрагментами полого сосуда цилиндрической формы с небольшими отогнутыми краями. На одном из фрагментов стенки сохранилось округлое сквозное отверстие.

[30] M. Васић, Преисторијска Винча I, т. I, Београд, 1932, рис. 89а, в, с и табл. XVII.

[31] Из предварительного сообщения за 1946 г. С. Н. Бибикова.

[32] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 112, Л., 1935, табл. XIX, рис. 1—5, 9—16 и стр. 101—104, тип XVI, и стр. 106, тип XVII, 3; табл. XVII, рис. 3—9, 11; Дело Археол. ком. № 224 за 1913 г. Коллекция хранится в Собрании Гос. Эрмитажа, инв. опись № 317.

Орнамент — углубленные полосы, образующие ленты, заполненные белой массой. Край отделен от стенки двумя вдавленными полосками. По телу сосуда, несколько наискось от края, проходят спирали, образованные лентами, состоящими из трех вдавленных полос, заполненных белой массой. Между спиралями — заштрихованные треугольники (рис. 6—*3*).

Вторая группа сосудов сделана из более тонкой серой массы, с хорошо заполированной поверхностью. Сохранились фрагменты большого сосуда на подставке и шлемовидной крышке; фрагменты украшены углубленным орнаментом и заполнены белой массой (рис. 6 — *4, 5, 6*).

Третья группа представлена фрагментом всего одного сосуда, являющегося уникальным среди многочисленных известных образцов трипольской керамики. Это сосуд с округлым телом и высоко расположенными плечиками, из кирпично-красной, довольно плотной массы, наружная поверхность хорошо сглажена, сохраняет следы полировки. Низ сосуда несколько суживается и переходит в полую коническую подставку. У самого верха край соединен с плечиком небольшой ручкой. На всем теле сосуда располагается заключенная в поясе система спирального рисунка. Ленты, описывающие спирали, образованы 3—4 полосками мелкого штампового орнамента, заполненного белой массой. Прямоугольный штамп углублен вертикально и образует мелкие, без скошенных сторон, оттиски (рис. 4—*1*).

Четвертая группа — сосуды из коричневато-оранжевой массы с углубленным

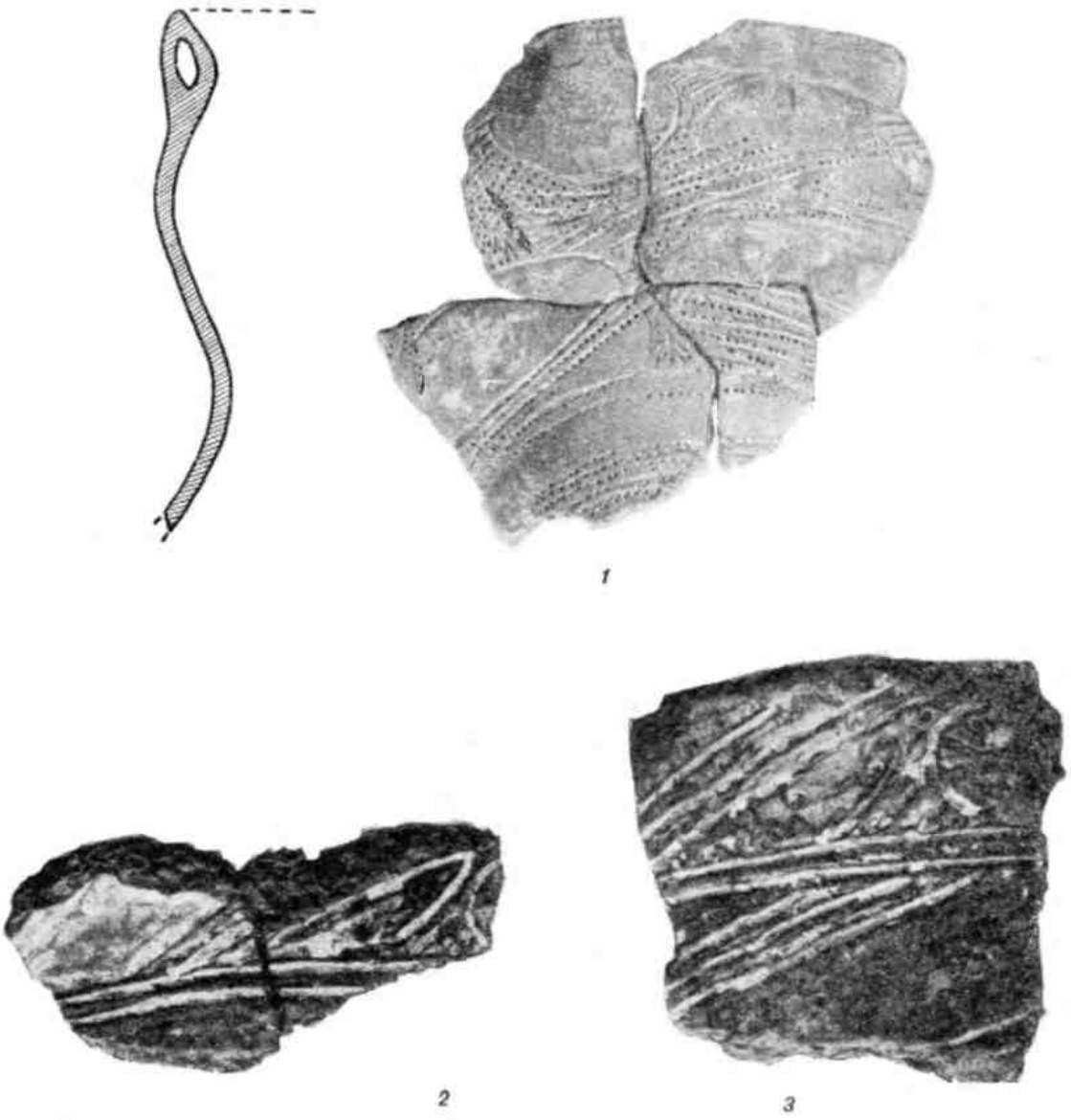

Рис. 4. Саврань. *1—3* — фрагменты сосудов с углублённым орнаментом, заполненным белой массой (н. в.)

орнаментом. Имеются фрагменты, представляющие части грушевидных сосудов, шлемовидных крышек и полых цилиндрических сосудов с округлым отверстием в стенке, повторяющие формы полых цилиндрических сосудов первой группы (рис. 5—*3*, *5*).

Пятая и шестая группы — тонкостенные серые и черные сосуды с каннелированной поверхностью и мелким штамповым орнаментом (рис. 5—*6*, 6—*1*).

Интересна небольшая чаша со слабо блестящей поверхностью. От края по стенкам вниз расходятся винтообразно широкие же-

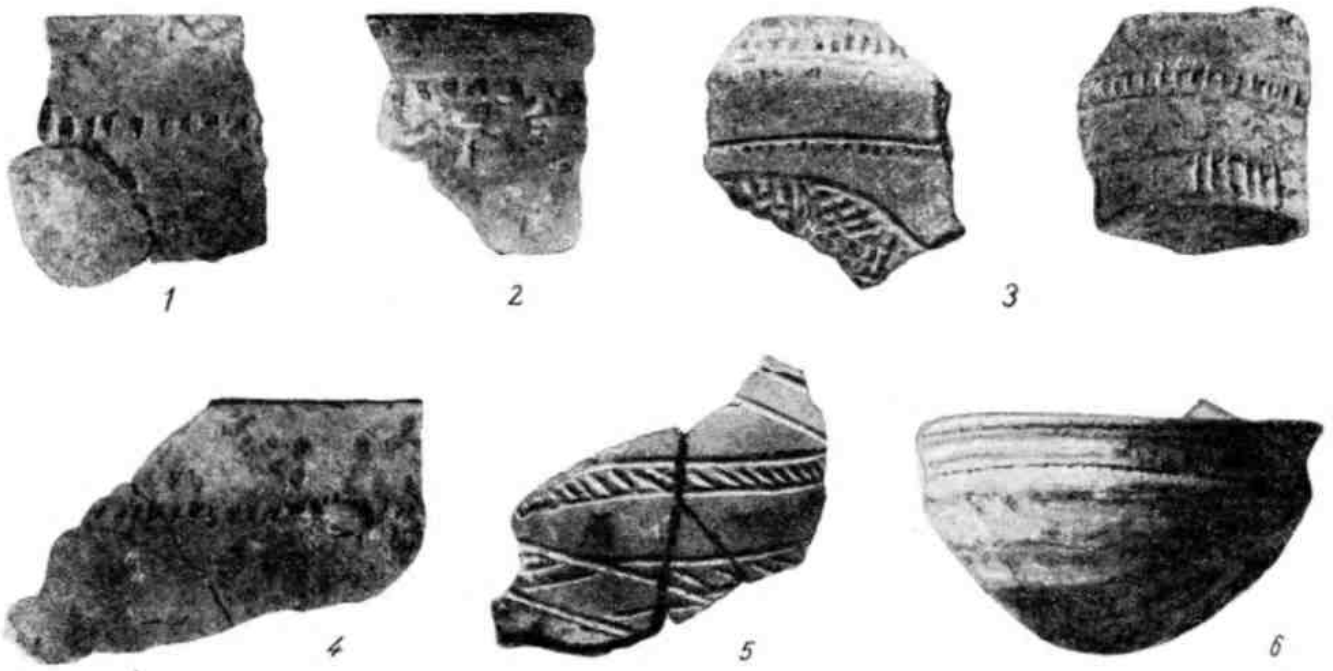

Рис. 5. Саврань. Фрагменты сосудов: *1*, *2* и *4* — с грубой отделкой поверхности; *3*, *5* — с углубленным орнаментом *6* — с каннелюрами (*1*, *2*, *4*, *5* — 1/2 н. в.; *3*, *6*—3/4 н. в.)

лобки, между которыми проходят невысокие ребрышки каннелюр. В этой савранской коллекции имеется сероватая, черная и красноватая грубая кухонная посуда с шероховатой поверхностью без следов полосчатого сглаживания. Края ровные, хорошо сглаженные. По форме — это горшки для приготовления пищи. Ногтевой орнамент у основания края; налепные бугорки (рис. 5—*1*, *2*, *4*). Среди находок в Савранском районе особенно важны полые сосуды с углубленным спиральным орнаментом своеобразной цилиндрической формы, известные также на стоянках в Румынии и из раскопок в Болгарии. Типично для раннего этапа Триполья и заполнение орнамента белой массой, как в Тордоше II, Винче, Бояне А, Извоаре I. Особенно редка и другая форма округлого сосуда на полой подставке; сосуд сделан из красноватой массы со спиральным орнаментом и орнаментом, нанесенным мелким штампом и заполненным белой массой.

Находки в Савранском районе дали обычное для раннего этапа сочетание типов керамики с углубленным и каннелированным орнаментом, повторяющееся и в памятниках Попова-Города, Извоара I, Луки-Врублевецкой и т. п.

Очень близки к савранским цилиндрическим сосудам два таких же полых сосуда со спиральным орнаментом из Унгены[33] (рис. 7).

Следует указать, что основная масса поселений раннего этапа Триполья сосредоточена на Украине в Днестровско-Бугском бассейне и должна быть сопоставлена с аналогичными и одновременными памятниками, известными на территории между Днестром, Серетом (Извоар), Марошем (Тордош), Средним Дунаем (Боян) и Моравой (Винча).

На Украине известны памятники раннего этапа не только на Днестре, они распространены и в бассейне Южного Буга. Это прежде всего раскопанное Н. Ф. Беляшевским поселение у с. Борисовки, Липовецкого района.[34]

Несмотря на дополнительные раскопки, проведенные здесь в 1925 г., полной картины о поселении не получено. Беляшевский считал даже, что он открыл в Борисовке не трипольскую культуру, а более позднюю — предскифскую.[35]

---

[33] T. Passek. Указ. соч., табл. XIX, рис. 6 и 7. Сосуды хранятся в Одесском Историческом музее; они были случайно найдены при прокладке железной дороги Бендеры — Унгены.

[34] Н. Ф. Беляшевский. Борисівське Городище. ТКУ, вып. 1, Київ, 1926, стр. 1.

[35] Коротке Звідомлення за 1925 р., Київ, 1926.

Жилища представлены землянками округлой и четырехугольной формы. Инвентарь, открытый в них, почти тождествен с ранним комплексом — Извоар I. Здесь, в Борисовке, обнаружена коричнево-черная, хорошо заполированная керамика с углубленным спиральным орнаментом, причем преобладают сосуды грушевидных форм, округлые сосуды на подставке, двойные биноклевидные, шлемовидные крышки. Поверхность сплошь покрыта спиральным углубленным орнаментом (рис. 8).

Вместе с этим типом сосудов встречена керамика черная и серовато-черная, каннелированная с мелким штамповым орнаментом[36] (рис. 9). Сопоставляя эту керамику из Борисовки с сосудами из Попова-Города (Озаринцы), Извоара I, Луки-Врублевецкой, Саврани, нетрудно убедиться в их близком сходстве.

В 1940 г. Трипольской экспедицией на Украине в районе севернее Умани, у с. Крас-

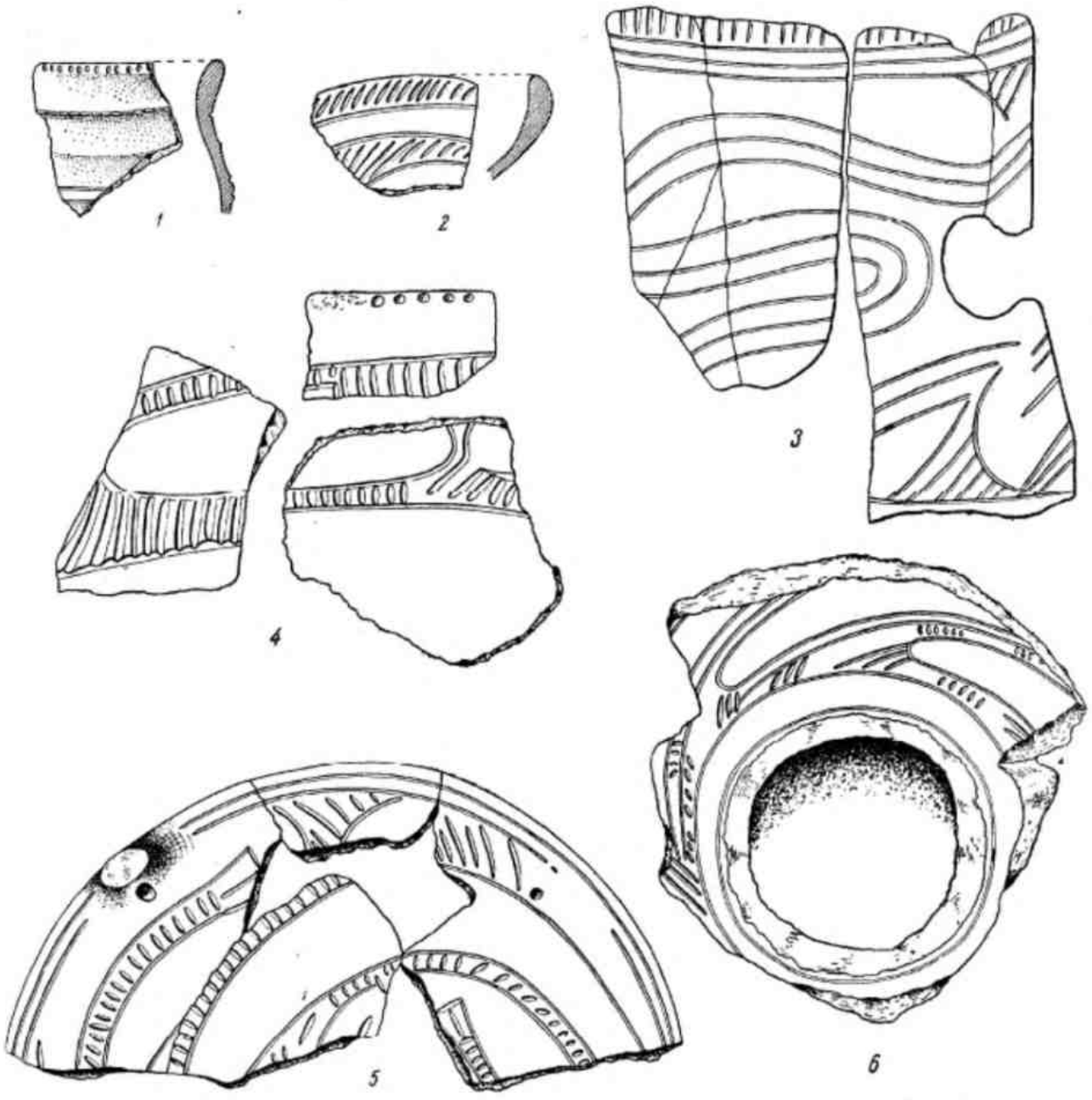

Рис. 6. Саврань Фрагменты сосудов: *1 — с* каннелюрами; *2—6* — с углубленным орнаментом (1/2 н. в.)

ноставки, было обследовано еще одно из ранних трипольских поселений, с которого в Уманьском музее ранее были представлены (1927) отдельные находки.[37]

Поселение расположено на возвышенности за селом, на небольшом мысу, над заболоченной низиной, сливающейся с небольшой речкой. В обрезе была обнаружена часть полу-

[36] T. Passek. Указ. соч., табл. VI, рис. 7 и 8.

[37] T. Passek. Указ. соч., табл. VI, рис. 1—4.

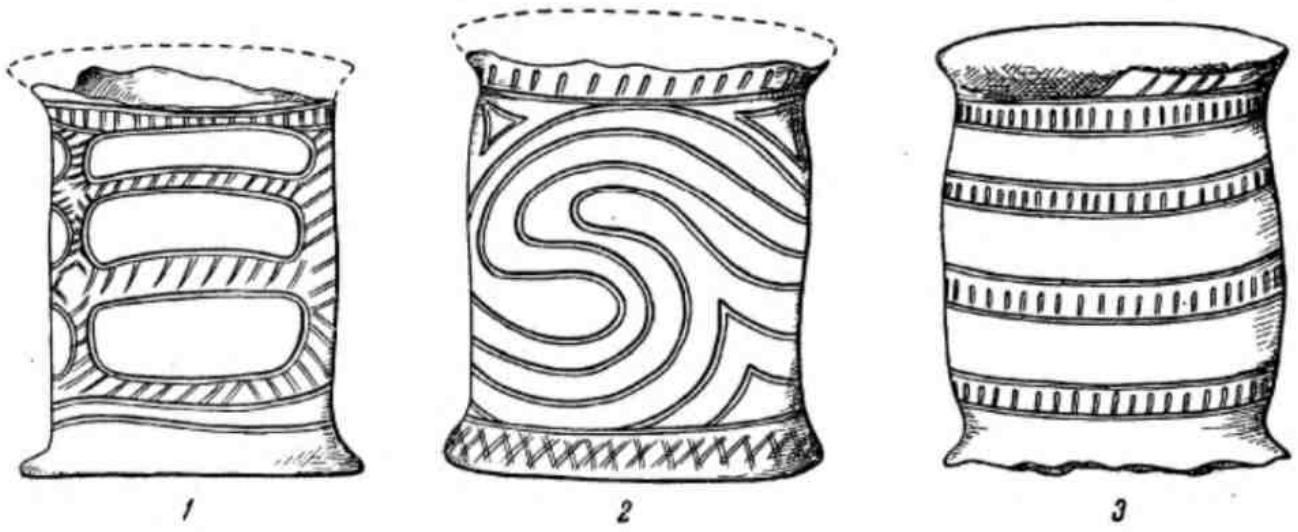

Рис. 7. *1, 2* — сосуды из Унгени; *3* — сосуд из Вишнополя (1/2 н. в.)

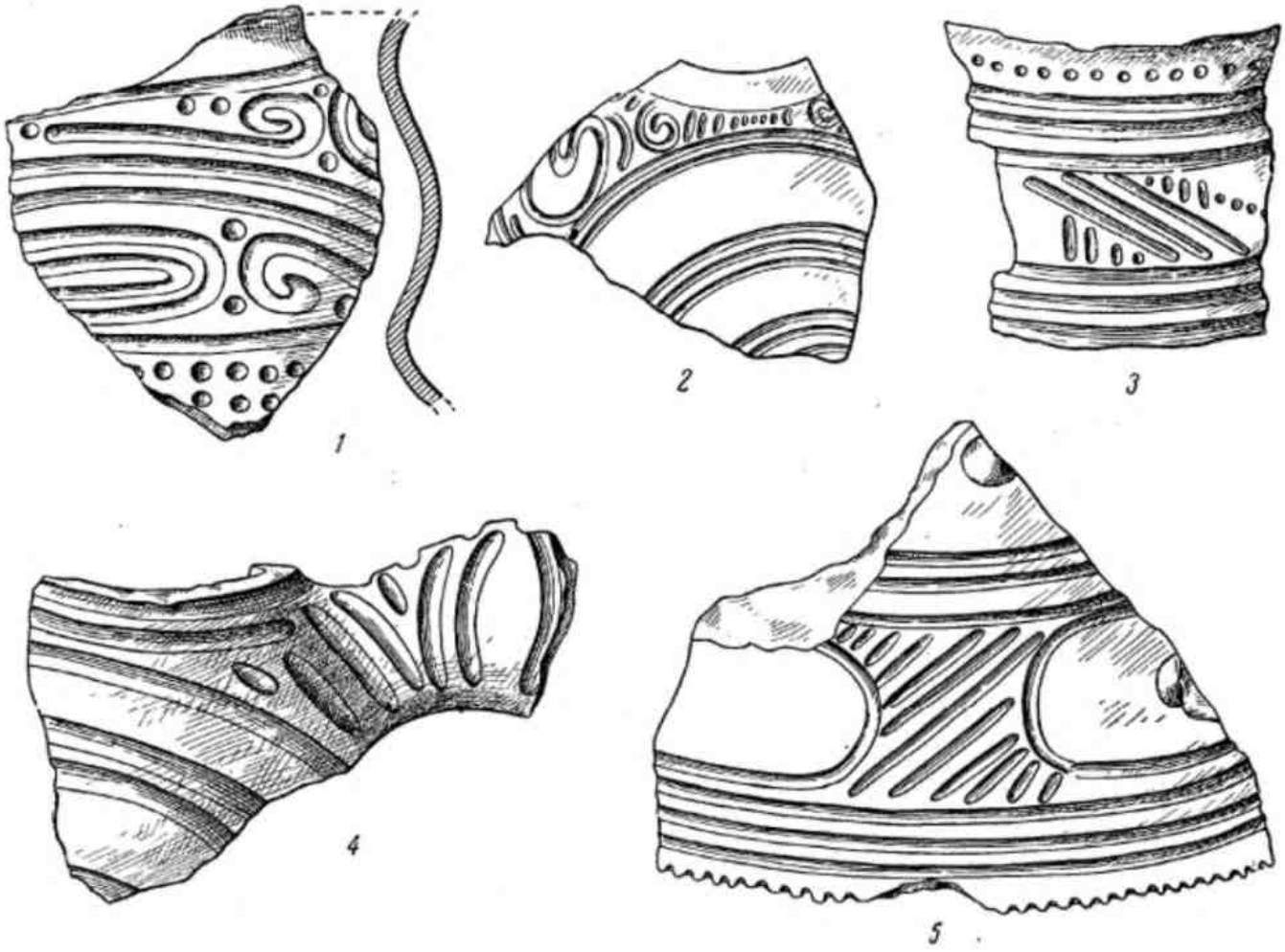

Рис. 8. Борисовка: *1—5*—фрагменты сосудов с углубленным орнаментом (1/2 н. в.)

землянки с глинобитным полом и печкой. Инвентарь Красноставки дает ту же керамику с углубленным спиральным орнаментом и черную каннелированную. По форме сосуды большие грушевидные, а также на подставке, биноклевидные (одиночные и двойные)

находка — цилиндрический полый сосуд-подставка из с. Вишнополя, Звенигородского района, доставленная в Музей местным учителем. Подставка сделана из серовато-черной массы, поверхность ее покрыта четырьмя горизонтально расположенными поясами; каждый

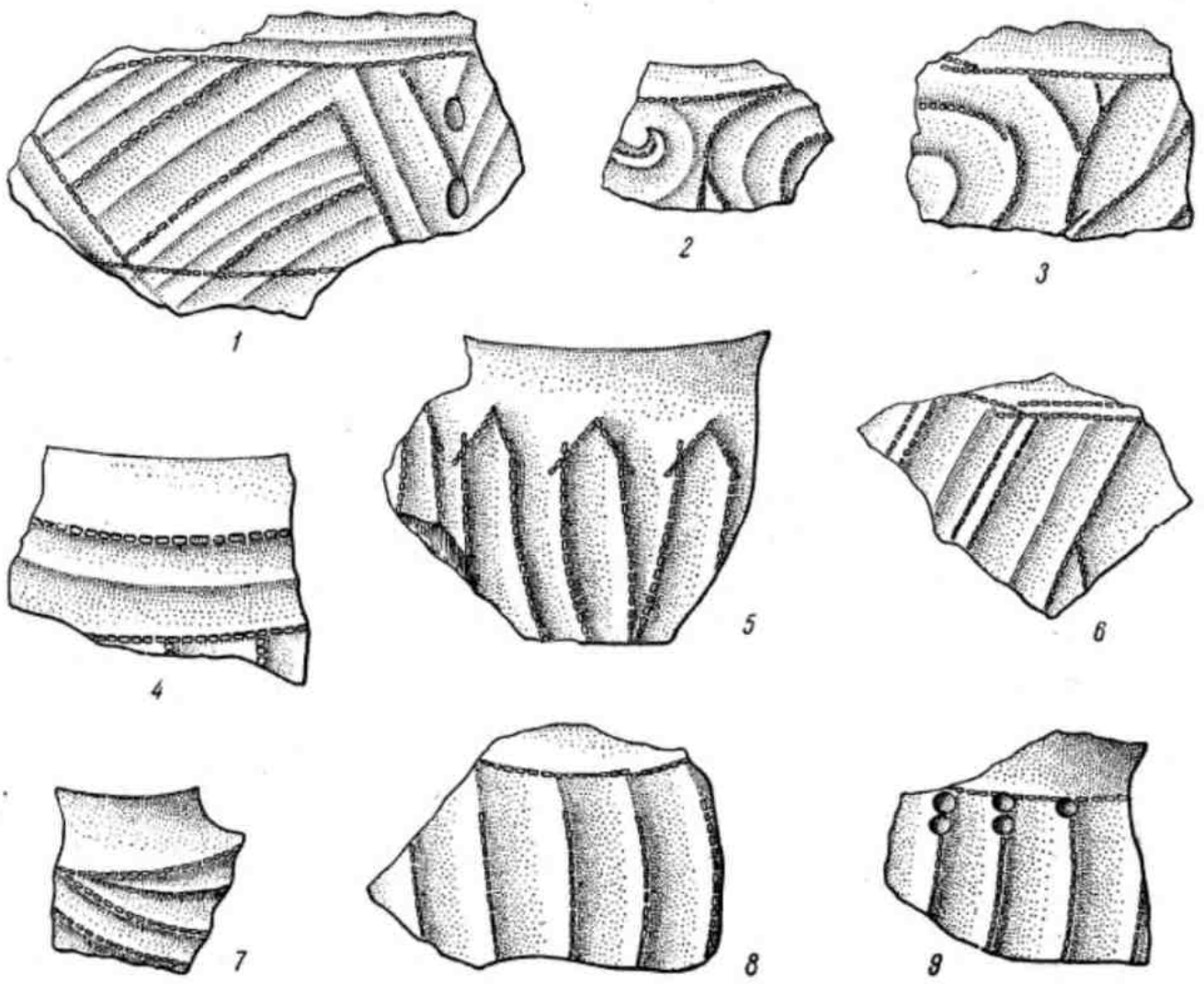

Рис. 9. Борисовка: *1—9*—фрагменты сосудов с каннелюрами (1/2 н. в.)

(рис. 10).[38] Все это позволяет сделать заключение о принадлежности поселения у Красноставки к раннему этапу Триполья — к памятникам типа Извоар I, Попов-Город, Борисовка, Лука-Врублевецкая.

В заключение следует указать, что охарактеризованный комплекс находок раннего Триполья продолжает существовать и позднее, когда в Триполье начинает выступать расписная полихромная керамика.

В том же Уманьском музее имеется еще одна важная для раннего этапа случайная

пояс состоит из двух полос, образующих ленту, пересеченную вертикально короткими полосками (рис. *7—3*).[39]

Какие же главнейшие черты характеризуют все только что перечисленные местонахождения Триполья: Извоар I, Попов-Город, Саврань, Борисовку, Красноставку и Луку-Врублевецкую, и чем они отличаются от типичных трипольских поселений следующего, среднего (В/I) этапа развития?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что, наряду с типичными глинобитными наземными жилищами, так называемыми «трипольскими площадками», широко извест-

[38] Материалы из раскопок 1940 г. в Красноставке находятся в ИИМК в Ленинграде. После смерти Е. Ю. Кричевского, исследовавшего это поселение, они до сих пор остались необработанными.

[39] T. Passek. Указ. соч., табл. XIX, рис. 8.

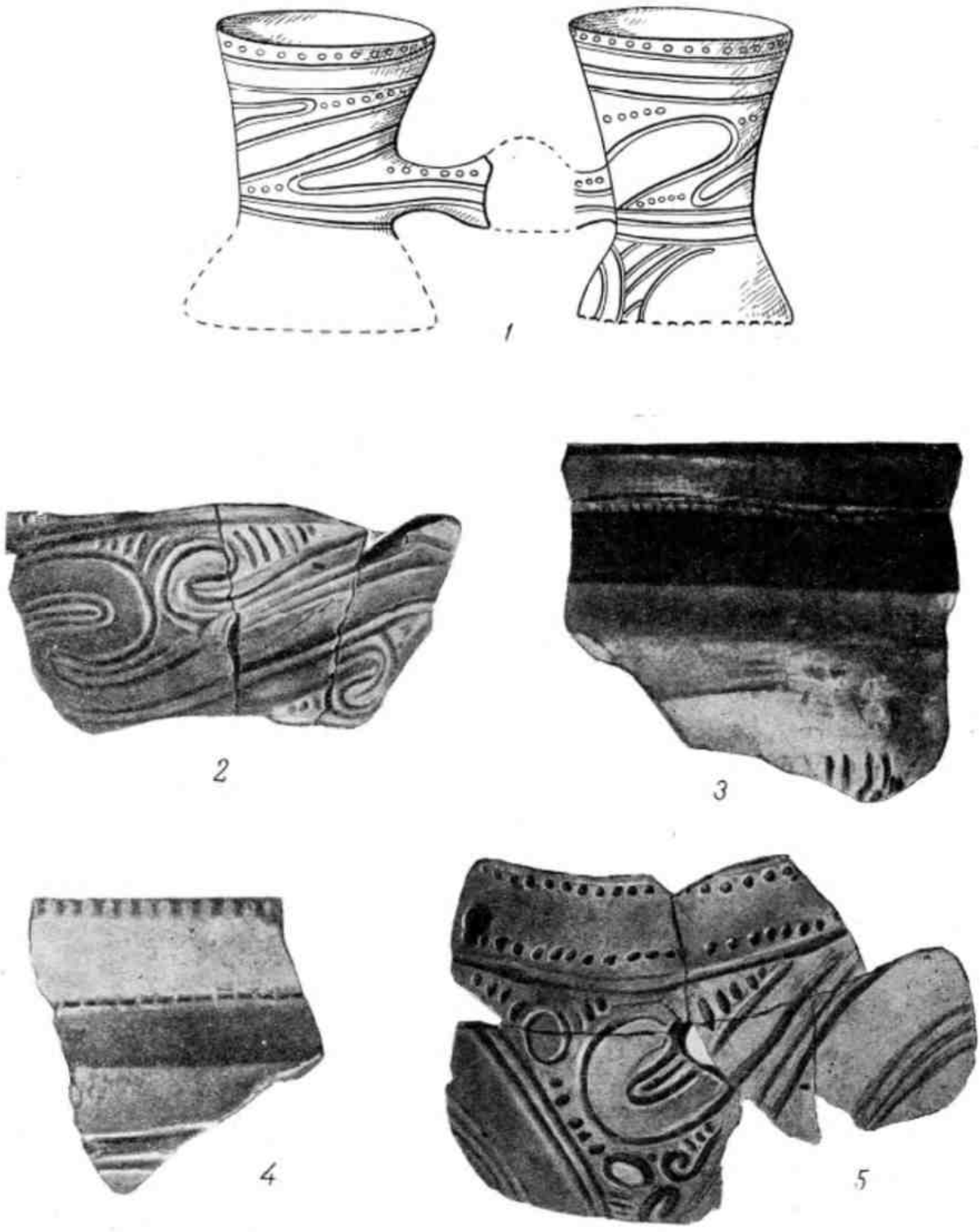

Рис. 10. Красноставка. Фрагменты сосудов: *1, 2, 5* — с углубленным орнаментом; *3, 4* — с каннелюрами (*1, 2, 5*—3/4 н. в.; *3, 4*—н. в.)

ными в Триполье, на поселениях разобранного раннего этапа существуют еще жилища-землянки или полуземляночного типа постройки, генетически связанные в Европе с жилищами неолитического периода. Так, например, на стоянке Винча I раскопаны глинобитные наземные прямоугольные постройки,[40] точно такие же, как в Попов-Городе и в Красноставке. На других памятниках раннего Триполья не всегда, к сожалению, был установлен тип построек, но во многих случаях отмечалось наличие землянок или полуземлянок, как, например, в Борисовке, Красноставке, Луке-Врублевецкой, в Тордоше II и т. п.

К сожалению, новых материалов для более подробной характеристики землянок в нашем распоряжении пока не имеется, если не считать прежнего краткого отчета Беляшевского (раскопки Борисовки).

Таким образом, в виде гипотезы можно принять, что характерным типом жилища для раннего Триполья является землянка, хотя, например, в Попов-Городе, Красноставке, в Винчи I появляется уже другой тип жилища — наземный, так называемые площадки. Характер родовых поселений для этого раннего этапа развития Триполья остается еще до сих пор не выясненным.

Что касается сравнительно немногочисленного инвентаря из поселений раннего Триполья, то здесь следует отметить односторонне выпуклые клиновидные топоры, кремневые ножи и скребки, немногочисленные изделия из меди (Извоар I) — четырехгранные шилья, медная игла, привеска; из украшений — пластинки из кабаньих клыков, бусы из расщепленных концов рогов оленя.

На раннем этапе наиболее выделяются следующие керамические изделия.

1. Сосуды округлых грушевидных форм, часто на конических подставках, крышки шлемовидных форм, двойные и одиночные бинокле-видные сосуды. Все они изготовлены из коричневато-черной массы с прекрасно заполированной поверхностью и с углубленным спиральным орнаментом, покрывающим сплошь всю поверхность сосуда и часто заполненным белой массой.

2. Сосуды черные, серовато-черные, тонкостенные, прекрасно полированные; поверхность покрыта каннелюрами и мелким штамповым орнаментом по выступающим ребрам каннелюр.

3. Сосуды грубые, кухонные.

Все эти основные керамические группы (вместе с сильно схематизированными статуэтками), как уже было указано, входят в древний комплекс находок и в Венгрии (Тордош II и Винча I), и в Румынии (Боян, Извоар I). И стилистический анализ спиральной орнаментации, и округлые формы сосудов, часто на подставке, и одиночные (бинокле-видные) полые сосуды показывают преемственную связь керамики раннетрипольского этапа с линейно-ленточной керамикой Дунайского района.

Прослеживая распространение черной полированной керамики с каннелюрами в Македонии и в Фессалии, где она характерна для нижних слоев, удается датировать ее началом III тысячелетия до н. э.[41]

Следует заметить, что весь этот пока еще весьма немногочисленный раннетрипольский комплекс типа Извоар I — Попов-Город — Саврань — Унгены — Борисовка — Красноставка — Вишнополь и Лука-Врублевецкая и аналогичные им на западе Тордош I — Винча I — Боян А — продолжают существовать и позднее, на этапе В/I, но преобладающее место занимает уже другой инвентарь, характеристике которого посвящена следующая глава.

[40] М. Васић. Преисториска Винча I, Београд, 1932, рис. 6—9, 13, 15, 17, 21.

[41] G. Childe. Neolithic Black Ware in Greece and on the Danube. The Ann. of the Brit. School at Athens, т. XXXVII, 1940; W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia, Cambridge, 1939.

Глава IV

СРЕДНИЙ (B/I—B/II) ЭТАП ТРИПОЛЬЯ

Этап B/I

Стратиграфические наслоения, прослеженные на энеолитических стоянках в удаленных друг от друга пунктах,— от Тордоша и Винчи на западе и до Извоара и Кукутени на востоке — позволяют создать достаточно прочную основу для периодизации памятников в этой области. Среди находок характерна расписная керамика.

Так, на стоянке у Тордоша в третьем слое, как уже было указано, появляется иной комплекс находок, чем во втором слое, лежащем ниже. Следует отметить, что, наряду с сосудами со спиральным углубленным орнаментом и керамикой каннелированной, в третьем слое Тордоша появляются сосуды с полихромной росписью, сопоставимые с нижними слоями Эрёзда, Извоара II, Кукутени А и Руджиноаза.[1]

По стилю спиральной росписи, по формам сосудов полихромная керамика на этих поселениях генетически связана с более ранними слоями культуры, и ее залегание в верхних слоях стратиграфически подтверждается в ряде местонахождений. Так, в поселении Извоара во втором слое преобладающее значение получает именно керамика с трехцветной росписью.[2] Кроме большого количества фрагментов, в Извоаре, во втором слое (1 м 60 см толщиной), открыты наслоения глинобитных построек — остатки обмазки, столь типичной для трипольских жилищ; однако форма их не установлена.

Обнаружены очень интересные сосуды с округлым телом, часто на высоких подставках; полихромная роспись покрывает всю поверхность сосуда свободным рисунком S-образных одиночных и двойных спиралей, нанесенных черной краской и окаймленных белым по красному фону.

Среди керамических изделий обращают внимание: 1) глубокие глиняные ложки с полихромной росписью и тремя роговидными отростками на ручке; 2) глиняные печати для татуировки, так называемые «пинтадеры», которые хорошо известны почти на всех поселениях этапа B/I; 3) очень интересны и своеобразны глиняные стоячие, сильно схематизированные, с коническим окончанием вместо головы и с сомкнутыми ногами, женские статуэтки, тождественные статуэткам из Луки-Врублевецкой; они сплошь покрыты углубленным орнаментом, который образован заштрихованными треугольниками.

Из каменных изделий характерны клиновидные односторонние топоры, треугольные наконечники кремневых стрелок; из костяных изделий — лощила.

На основании анализа всего инвентаря возможно отождествлять нижний слой Эрёзда с Тордошем III. После открытий в Извоаре нижний слой Эрёзда следует сопоставить и с Извоаром II.

В Эрёзде открыты остатки трех глинобитных жилищ, налегавших одно на другое. Они были прямоугольны в плане, до 8 м длины и 4—5 м ширины, с остатками столбов, поперечными перегородками, делившими постройку на две части, с очагами в каждой из них и с особым возвышением.[3]

Нижние слои Эрёзда представлены прежде всего полихромной керамикой. Сосуды округлых форм, типичных для древней среднеевропейской ленточной керамики; часто сосуды на высоких, внутри полых подставках; поверхность сосудов сплошь покрыта полихромной спиральной росписью в три краски (по красному фону — белая и черная роспись). Часто сосуды с полихромной росписью имеют каннелированную поверхность.[4]

Менее многочисленна группа фрагментов с углубленным спиральным орнаментом; такого

[1] Z. f. E., 1903.

[2] R. Vulpe. Civilisation precucuteniene recemment découverte à Izvoare en Moldavie. ESA, т. XI. Helsinki, 1937; C. Mătasă. Cercetări din preistoria județului Neamț. Bul. Com. Monum. Istorice. Anul. XXXI, вып. 97, București, 1938, рис. 7—20.

[3] F. Laszlo. Fouilles à la station primitive de Erösd (1907—1912). Golgozatok, Kolozsvar, 1914.

[4] Его же. Les types de vases peints d'Ariusd. Dacia, т. I, Bucarești, 1924.

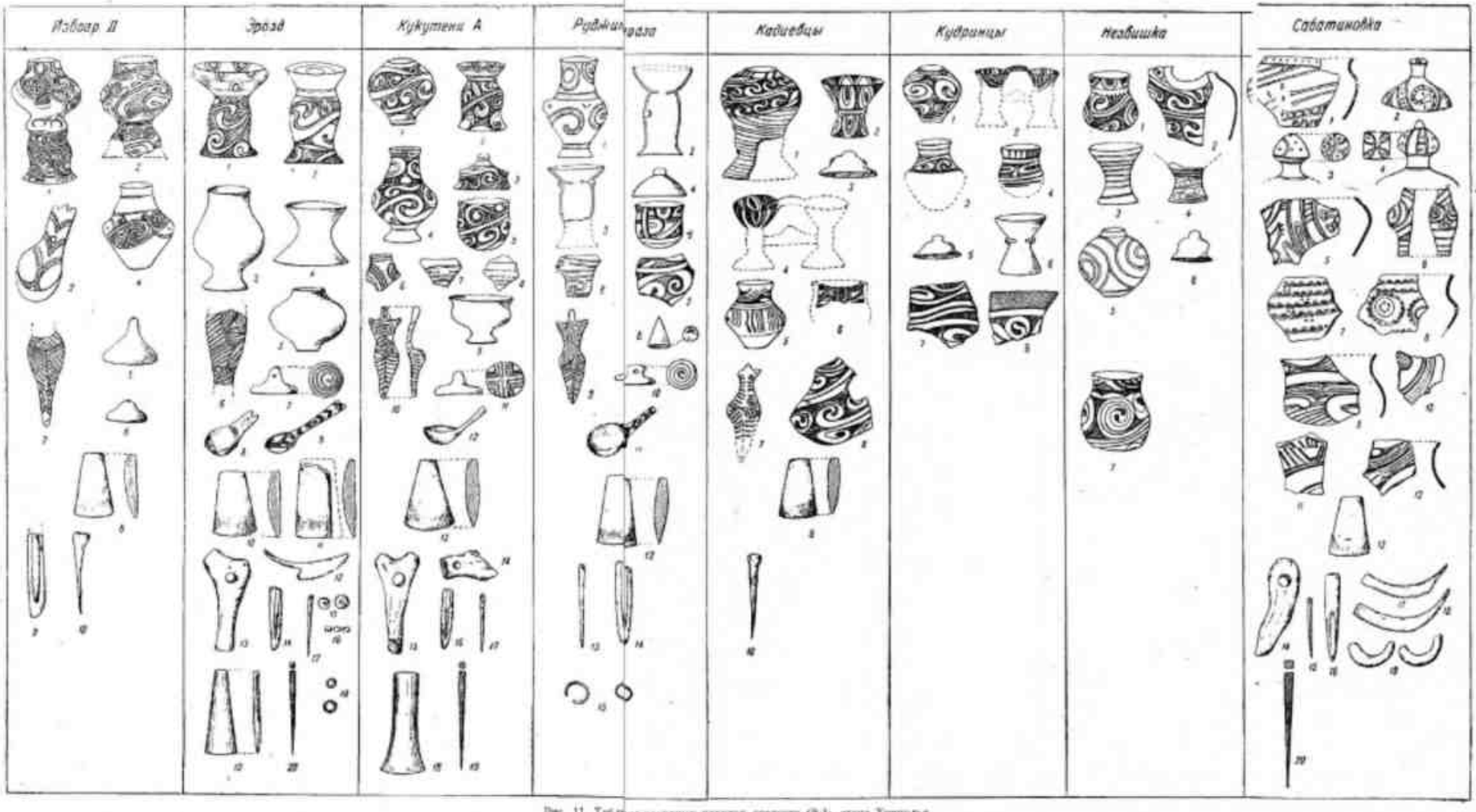

Рис. 11. Таблица основных находок среднего (B/I) этапа Триполья

Извоар II. *1, 2, 4* — сосуды с трехцветной росписью; *3* — глиняная ложка с трехцветной росписью; *5, 6* — глиняные печати; *7* — фрагмент глиняной статуэтки с углубленным орнаментом; *8* — топор из камня; *9* — лощило из кости; *10* — проколка из кости. Эрзэ. *1—3* — сосуды с трехцветной росписью; *4* — фрагмент глиняной статуэтки с углубленным орнаментом; *5* — глиняная печать; *6, 9* — глиняные ложки с трехцветной росписью; *10, 11* — топоры из камня; *12* — костяной зубчатый штамп для нанесения орнамента; *13* — мотыга из рога; *14* — лощило из кости; *15, 16* — бусы; *17* — проколка из кости; *18* — топор из меди; *19* — медное шило. Кукутени А. *1—5, 9* — сосуды с трехцветной росписью; фрагменты сосудов: *6—7* — с углубленным орнаментом; *8* — с канелюрами; *10* — глиняная статуэтка с углубленным орнаментом; *11* — глиняная печать; *12* — глиняная ложка; *13* — топор из камня; *14, 15* — мотыги из рога; *16* — лощило из кости; *17* — проколка из кости; *18* — топор из меди; *19* — медное шило. Рудинцы. *1—3, 7* — сосуды с трехцветной росписью; *6* — фрагмент сосуда с углубленным орнаментом; *8* — глиняный конусик; *9* — глиняная статуэтка с углубленным орнаментом; *10* — глиняная печать; *11* — глиняная ложка; *12* — топор из камня; *13* — проколка из кости; *14* — лощило из кости; *15* — колечки из меди. Кадиевцы. *1—4, 6, 9* — фрагменты сосудов с трехцветной росписью; *5* — сосуд с черной росписью; *7* — глиняная статуэтка с углубленным орнаментом; *9* — топор из камня; *10* — проколка из кости. Кудринцы. *1—8* — сосуды с трехцветной росписью. Незвишка. *1, 2, 5* — сосуды с трехцветной росписью; *3, 4, 5* — сосуды с углубленным орнаментом; *7* — сосуд с трехцветной росписью (из с. Фридриховка). Сабатиновка. *1—5* — сосуды с углубленным орнаментом; *6* — фрагмент глиняной статуэтки с углубленным орнаментом; фрагменты сосудов: *7, 8* — с канелюрами; *9—12* — с трехцветной росписью; *13* — топор из камня; *14* — мотыга из рога; *15* — проколка из кости; *16* — лощило из кости; *17, 18* — костяные зубчатые штампы для нанесения орнамента; *19* — пластинки из каменных сланцев; *20* — медное шило. (Раскопки красным цвета точками)

типа орнамент, как и в Извоаре II, украшает сплошь поверхность сильно схематизированных женских статуэток.[5]

Из керамических изделий выделяются глиняные ложки с рогообразными выступами на ручке и печати со спиральным орнаментом.[6] С помощью этих печатей исследователи датируют нижний слой Эрёзда, а следовательно, и материал сходного с ним Тордоша III (и Извоара II.— *Т. П.*) первой половиной III тысячелетия до н. э. (рис. 11).[7]

Наряду с типичными для дунайских поселений кремневыми орудиями (ножевидные пластинки, овальные и довольно высокие скребки, треугольные наконечники стрел, каменные зернотерки) здесь, в Эрёзде, обнаружены каменные односторонне выпуклые клинья, значительное количество изделий из кости. Среди них: лощила, проколки, шилья, мотыги из рога оленя, костяной зубчатый штамп, бусы из распиленных концов рогов оленя и из раковин. Обнаружены и изделия из меди — колечко, четырехгранное шило и узкий клиновидный топор.[8] Как уже указывалось, верхние слои Эрёзда заметно отличаются от только что описанных и относятся к эпохе бронзы. Среди керамических изделий преобладают сосуды со шнуровым орнаментом и шаровидные амфоры.[9]

Установленная последовательность различных археологических комплексов и их стратиграфические залегания в разнообразных поселениях у Тордоша, Эрёзда, Извоара находят себе полное соответствие и подтверждение в многочисленных энеолитических поселениях с расписной керамикой из прилегающих районов Румынии.

Наиболее важны здесь исследования в Кукутени на Пруте, близ гор. Яссы, где открыты наслоения двух периодов, один из которых (А) относится к эпохе энеолита, другой (В) — к эпохе бронзы.[10] Глиняные площадки, раскопанные в Кукутени, представляют остатки жилых построек из дерева и глины, с несколькими очагами. Поселок был обитаем длительное время.

Остатки жилищ залегали на различных глубинах, местами толщина залегания культурного слоя на поселении достигает мощности до 2 м. Для каждого наслоения прослежены залегания соответственного комплекса находок, характеризующего различные этапы в развитии культуры расписной керамики. В нижнем слое Кукутени А (до глубины 1.7 м) преобладающее большинство падает на расписную керамику в три краски. Роспись обычно покрывает весь сосуд сплошь, причем округлой формы сосуды часто помещаются на полых высоких конических подставках. В том же слое найдены сосуды с углубленным спиральным орнаментом и каннелированные. Очень типичны, как и в Извоаре II и в Эрёзде, глубокие глиняные ложки, печати-пинтадеры и сильно схематизированные статуэтки.[11]

Из орудий характерны: каменные односторонне выпуклые клиновидные топоры, ножевидные кремневые пластинки, скребки, треугольные наконечники стрел.[12] Много орудий из рога оленя, главным образом мотыги, а также изделия из кости — лощила, шилья и пр. Среди медных изделий — четырехгранные шилья и плоский клиновидный топор.[13]

Этот комплекс находок Кукутени А находит себе полную аналогию среди материалов нижнего слоя Эрёзда, Извоара II и слоя Тордоша III.

Как известно, верхний слой Кукутени В, как и второй слой Эрёзда (до глубины 0.8—0.9 м), характеризуется иным инвентарем и присутствием сосудов с черной монохромной росписью и преобладанием керамики со шнуровым орнаментом, обычным для эпохи бронзы. Кроме того, в этом слое найдены образцы серой, так называемой «минийской» керамики, сделанной на гончарном кругу и занесенной сюда из Эгейских стран, где в эпоху ранней бронзы стал уже известен гончарный круг.[14]

Нельзя не обратить внимания еще на одно трипольское поселение на Днестре у с. Дарабани.[15] Среди большого числа открытий, сделанных во время раскопок на поселении, расположенном на высоком берегу у ручья, впадающего в Днестр, наиболее важным является открытие остатков глинобитных жилищ и наблюдения над двумя культурными наслоениями стоянки. От жилища сохранились остатки столбов, глиняная обмазка с отпечатками половы и слабо обожженная глина от пола жилища. В жилище открыты зернотерки и большое число сосудов. Для нашего исследования важно то, что нижний слой (I) поселения дал керамику с росписью в три краски, близкую по стилю к Кукутени А; в этом же слое в Дарабани I обнаружены глиняные ложки, пинтадеры, сильно схематизированные статуэтки, керамика с углубленным орнаментом, медное колечко. В верхнем (II) слое — иной керамический комплекс, с боль-

[5] F. Laszlo. Указ. соч.; его же. Dolgozatok, 1911. Kolozsvar, 1914.
[6] Там же, рис. 78.
[7] H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Z. f. E., 1930.
[8] F. Laszlo. Dolgozatok, Kolozsvar, 1914, рис. 1, 2, 5 и др.
[9] H. Schroller. Указ. соч.
[10] Z. f. E., 1911.
[11] Там же, табл. 31, 37 и рис. 6.
[12] Там же, табл. 25—27 и рис. 11.
[13] Там же, табл. 30, рис. 4—8 и 11.
[14] Там же, табл. 36, рис. 1а и 1в.
[15] C. Ambrojevici. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Dacia, тт. III—IV, Bucarești, 1933, стр. 24—45.

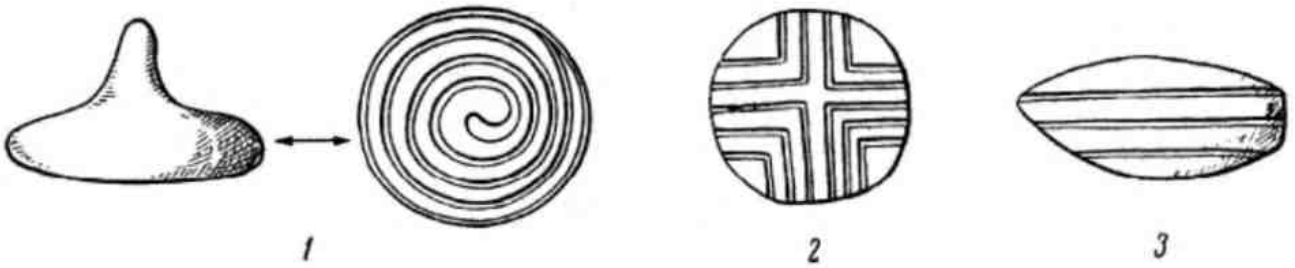

Рис. 12. Глиняные печати: *1* — Эрбзд; *2,3* — Кукутени (1/2 н. в.)

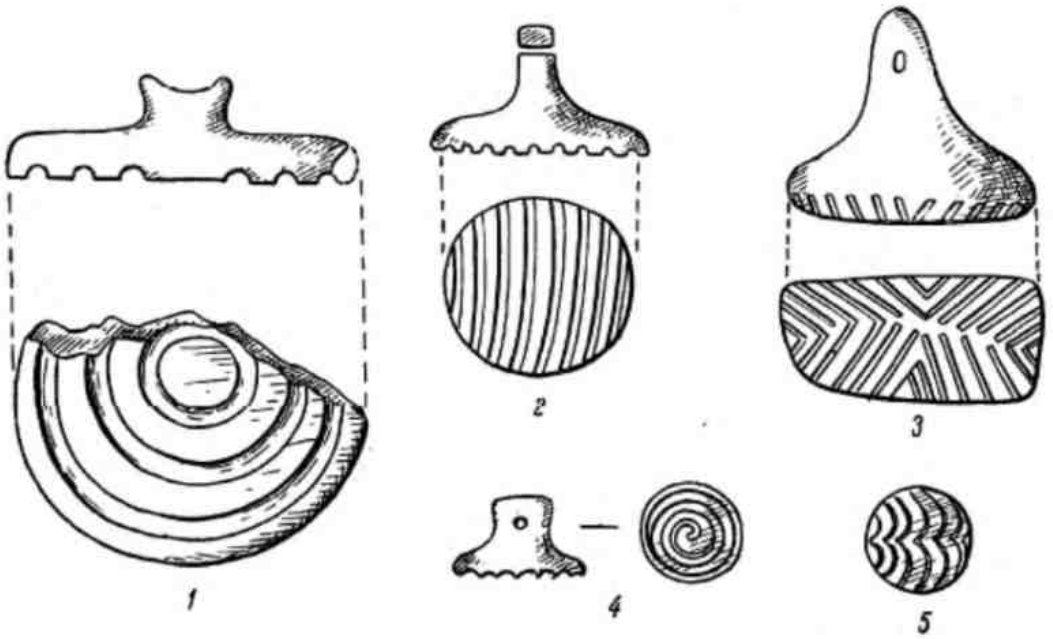

Рис. 13. Глиняные печати: *1, 2* — Гунешти; *3* — Кёрос; *4* — Руджиноаза; *5* — Костиша (*1, 2, 4, 5* — 3/4 н. в.; *3* — 1/2 н. в.)

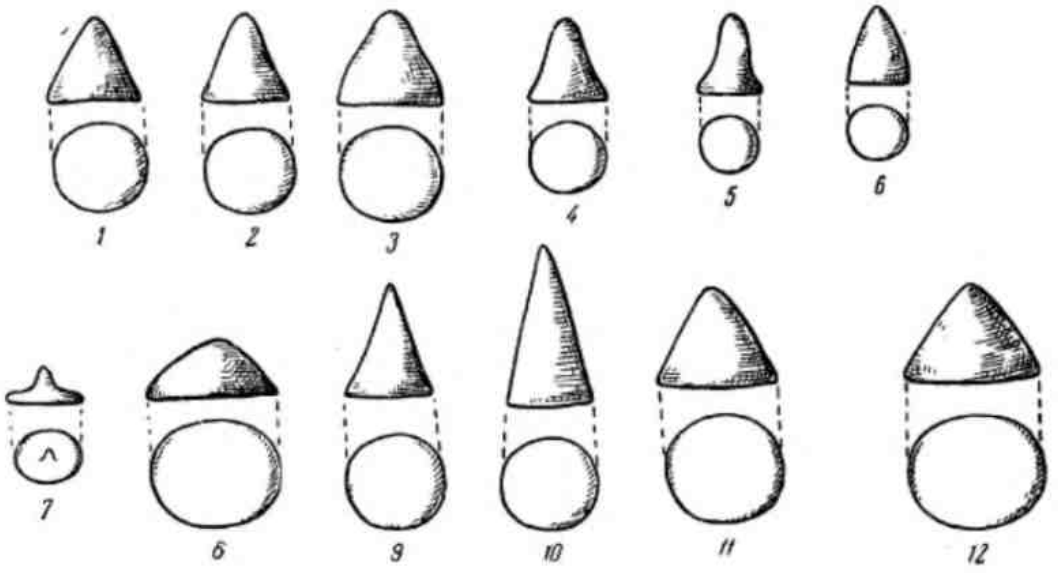

Рис. 14. Глиняные конусики: *1—6* — Попов-Город; *7—11* — Руджиноаза; *12* — Владимировка (*1—6, 8—12* — 4/5 н. в.; *7*—2/5 н. в.)

шим количеством сосудов и монохромной черной росписью стиля Кукутени В. Материал из этого верхнего слоя будет проанализирован ниже, при рассмотрении более позднего этапа γ/I.

ко, не установлены. Культурный слой чрезвычайно интенсивно насыщен фрагментами полихромной керамики. Среди нее доминируют сосуды округлых форм, часто на высоких полых подставках, шлемовидные крыш-

Рис. 15. Кадиевцы. Сосуды и фрагменты сосудов: *1, 2, 4, 5, 8—11* — с трехцветной росписью; *3* — статуэтка; *6, 7* — с черной росписью (*1, 2, 4, 5, 9* — 1/6 н. в.; *3* — 1/4 н. в.; *6—8, 10, 11* — 1/2 н. в.)

В Румынии к этапу В/I ко времени Извоара II, Эрёзда и Кукутени А относятся многочисленные поселения, в частности и стоянка в Руджиноазе.[16]

Поселение находится на Дунае. Здесь были обнаружены остатки глинобитных жилищ, о чем свидетельствует большое количество глиняной обмазки. Форма и размер их, однаки, небольшие округлые сосудики, глубокие глиняные ложки. Имеются и сосуды с углубленным орнаментом. Обнаружены глиняные печати-пинтадеры со спиралью на обороте, почти в точности повторяющие печать из Эрёзда; имеются и небольшие глиняные печати (?)-конусики без орнамента (рис. 12, 13, 14). Сильно схематизированная женская статуэтка с коническим окончанием вместо головы сплошь покрыта углубленным орнаментом, спиралями и заштрихованными треугольниками. Среди изделий из камня типичны клино-

[16] Hort. Dumitrescu. La station préhistorique de Ruginoasa. Dacia, тт. III—IV, Bucaresti 1933, стр. 56—87.

видные топоры и кремневые треугольные наконечники стрел; обнаружены два миниатюрных колечка из меди; найдены также роговые мотыги, костяные иглы и лощила.[17]

Подиестровье

Изучая трипольские материалы с Украины, мы должны отнести к этапу В/I прежде всего ряд поселений на Днестре, у сел: Кадиевцы, Кудринцы, Фридривцы, Городница, Незвишка. Лишь в трех из этих пунктов проводились раскопки, в других были сделаны случайные находки. Так, М. Я. Рудинский в 1926 г. провел раскопки у с. Кадиевцы в уроч. Бавки, на левом берегу р. Жванец (приток Днестра).[18] На склоне возвышенности была раскопана сравнительно небольшая площадь в 65 м² и открыты остатки глинобитных построек, но по краткому отчету трудно представить себе размеры и формы раскопанных жилищ. Однако способ постройки жилища — обычный для трипольских домов. Сохранились остатки глиняной обмазки с отпечатками плах дерева и плитчатой обмазки пола, обмазки от свода печи со следами пребывания в огне и уголь. В жилище обнаружены каменные зернотерки, верхние растиральные камни, кремневые скребки и каменные односторонне выпуклые клиновидные топоры, кремневые стрелки, а также изделия из рога оленя (мотыги) и кости (проколки, лощила и пр.).

Среди керамики преобладают сосуды с полихромной росписью. Большинство сосудов округлой и грушевидной формы, на подставках; часты биноклевидные сосуды — одиночные и двойные. Встречены большие сосуды с широким горлом и сильно раздутыми плечиками. Роспись покрывает сплошь всю поверхность сосуда, и рисунок наносится на красный фон черной и белой краской, заполняя все пространство сосуда (рис. 15).[19]

Рис. 16. Сосуды из Незвишки: *1—3* — с трехцветной росписью; *4, 6* — с углубленным орнаментом; *5* — сосуд с трехцветной росписью из Фридривцев (*1, 5*—1/2 н. в.; *2, 4, 6* — 1/6 н. в.; *3*—3/8 н. в.)

В Кадиевцах встречено большое число антропоморфных статуэток. Если вспомнить статуэтки из Луки-Врублевецкой, Извоара II, Эрёзда, Кукутени А, Руджиноазы и др., то следует отметить их единую форму — всегда сильно схематизированную, с коническим окончанием вместо головы, с конически сужающимися, сомкнутыми ногами и сплошь покрытые углубленным спиральным и геометрическим орнаментом. Фрагменты подобных статуэток обнаружены и в Кадиевцах.

Вблизи Каменец-Подольска, на Днестре, помимо Городницы и Незвишки, известных по

[17] Hort. Dumitrescu. Указ. соч., рис. 1—8 и след.

[18] М. Я. Рудинський. Досліди на Кам'янеччині. Коротке Звідомлення за 1926 р., стр. 123, Київ, 1926.

[19] Там же, табл. XXIX.

раскопкам польских археологов,[20] следует указать еще поселение этапа В/I у с. Фридривцы,[21] откуда происходит керамика, совершенно аналогичная незвишской (рис. 16). Место это осталось до сих пор неисследованным. К этапу В/I должна быть отнесена и ноклевидные, шлемовидные крышки, небольшие сосуды с широким горлом и округлыми плечиками (рис. 17, 18). Никаких указаний на остатки глинобитных жилищ в Кудринцах в архиве МАЭ АН СССР не имеется. Раскопки же здесь не производились.

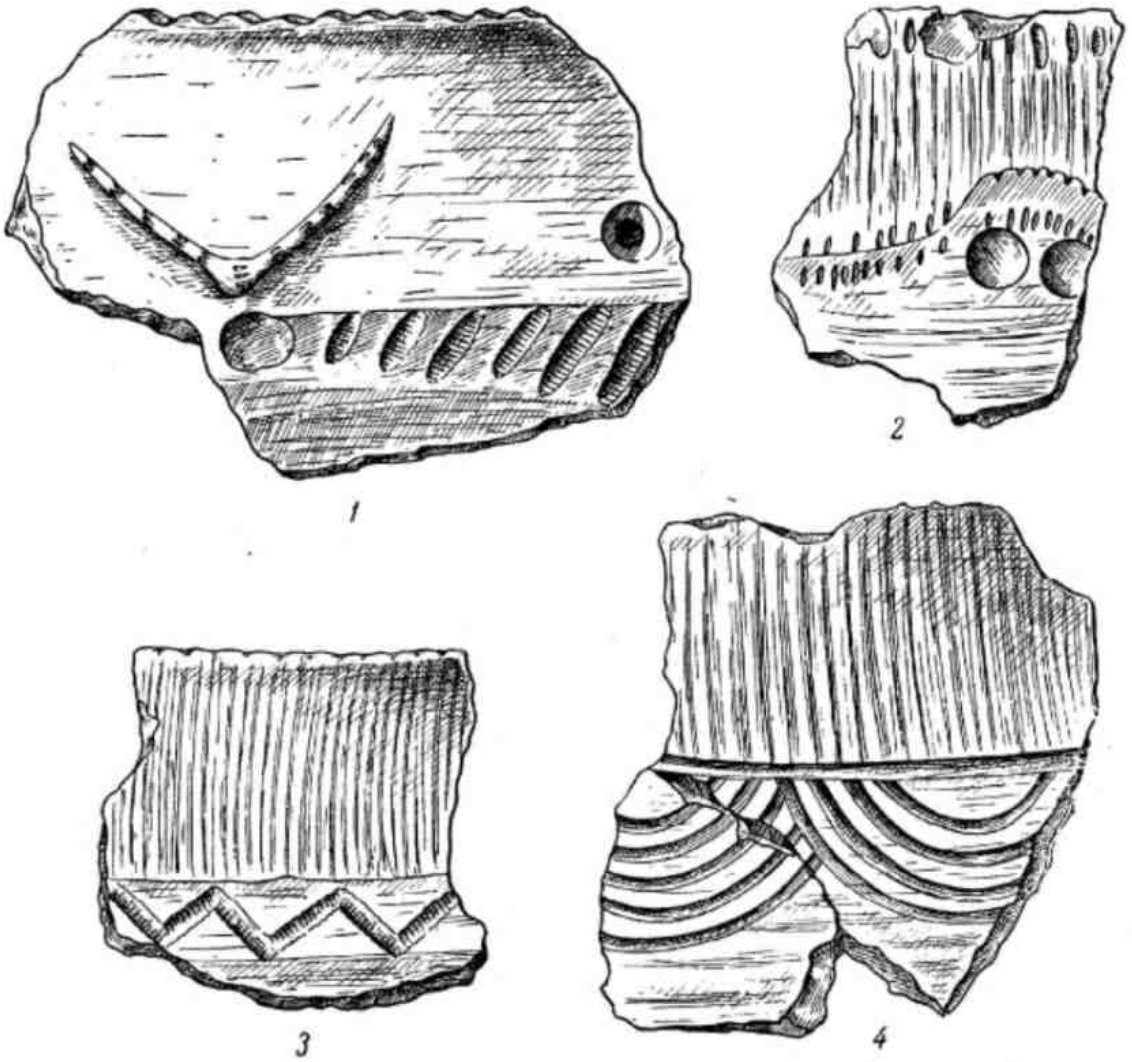

Рис. 17. Кудринцы. Фрагменты кухонной посуды с грубой отделкой поверхности (3/5 н. в.)

совершенно уникальная коллекция, хранящаяся в МАЭ АН СССР в Ленинграде (№ 2631), из случайных находок, сделанных во время первой мировой войны (1915) у с. Кудринцы на Збруче (раскопки П. В. Сюзева). Эта коллекция была частично издана.[22] Она включает главным образом сосуды с полихромной росписью (по красному фону рисунок нанесен черным и белым). Среди форм — те же грушевидные сосуды, сосуды на подставках, би-

[20] L. Kozlowski. Zarys Pradziejow Polski, Lwow, 1939, табл. VII.
[21] Е. Сіцінський. Нариси з історії Поділля, ч. I, Винница, 1927, рис. 38.
[22] T. Passek. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935, табл. II — V.

Побужье

Наиболее интересным и важным для характеристики трипольского поселения этапа В/I в Побужье является поселение у с. Сабатиновки.

После значительного числа находок, которые постоянно здесь делались и доставлялись в музей гор. Первомайска, первые раскопки были проведены во время работ Бугской археологической экспедиции.[23]

[23] Археологічні дослідження на території Богесу (1930—1932), Київ, 1933, стр. 71—94 и табл. 29—41 и 44. Новые раскопки здесь производили А. В. Добровольский и М. Л. Макаревич.

Село Сабатиновка лежит у впадения речки Синицы в Буг, на левом его берегу, причем только небольшая часть села лежит на берегу. На запад от устья р. Синицы вся местность метров на 500—600 представляет собой достаточно высокое урочище, высотой от 3 до 12—15 м над водой, называемое «Жовтякова Круча». Под нею берег — 5 м ширины. В обрывах берега повсюду заметны следы культурного слоя с фрагментами сосудов, костями, кремневыми изделиями. Толщина культурного слоя достигает до 2 м. Слой чернозема в обрезе не превышает 2.5—3 м, под ним залегают красноватый песок и глина (еще ниже, на глубине 6—7 м от поверхности, у самого берега в красной глине найдены кости мамонта). По рассказам крестьян здесь также были следы «погребов» с обожженными глиняными полами. На расположенных здесь огородах были найдены большие сосуды.

На восток от р. Синицы берег Буга иного характера — скалистый, но не такой крутой. В 150 м от берега Синицы, где были сделаны случайные находки, заложены два раскопа — А и Б. Раскопки производились путем вскрытия больших площадей (100 м²) и постепенным снятием культурных наслоений. До глубины 1.60 м был замечен перемешанный культурный слой, состоявший из чернозема, песка с золой; встречены редкие фрагменты керамики трипольского типа, а также римской, кости животных, кремневые и каменные изделия.

Весь этот слой исследователи считают намывным, так как на глубине 0.90 м был найден медный браслет римского времени, на глубине 1.30 м — медная фибула римской эпохи,[24] а на глубине 1.5 м — часть глиняной трубки XVIII в. Нетронутый слой был на глубине 1.60 м и всего толщиной на 0.20—0.35 м; он прекращается на глубине 1.95 м. Состоит он из чернозема вперемежку с песком и золистыми пятнами. Этот слой характеризуется огромным скоплением створок раковин *Unio* (4—5 тысяч), большим количеством фрагментов трипольской посуды, большим количеством костей и изделий из рога, кремневых орудий, зернотерок и обломков обмазки. Вероятно, это остатки отбросов, а само поселение находилось ближе к берегу.

В раскопе А были найдены фрагменты посуды, обмазки и золистых пятен, сосредоточенных в одном месте. Здесь же найден фрагмент очажной обмазки (35 × 23 × 6 см). В квадрате В обнаружена керамика, которая располагалась на золистом слое. Здесь же были роговые мотыги. Две раскопанные траншеи (9 × 2 м и 10 × 1.5 м), а также шурф (2 × 1 м) показали, что характер культурного слоя тот же.

Кроме уроч. Жовтякова Круча была обследована и местность Мельничанского Поля, в 3 км на восток от предыдущего, на левом глинистом берегу Буга, на террасе, которая подымается на 1.5—2 м над водой. Находки тянутся вдоль берега на 40 м.

На противоположном берегу Буга, на 200 м выше Мельничанского Поля обнаружены скопления створок раковин; на берегу — кремни, кости животных, черепки посуды.

В отчете о раскопках материал, найденный в Сабатиновке, рассматривается в общем, а не отдельно для каждой группы.

Большинство каменных изделий изготовлено из местных пород серого или красноватого гранита и кварцита. Среди находок: 1) верхние растиральные камни из гранита и кварцита; 2) плоские камни с заглаженной одной боковой стороной, небольшие; 3) точила разной формы; 4) обломки зернотерок; 5) обломки полированных топоров; 6) долото.

Кремень разных оттенков, местный. Всего найдено 149 изделий: нуклеусы, отщепы, ножевидные пластинки, скребки различных форм, проколки, наконечники стрел треугольной формы.

Обнаружено около 100 изделий из рога разных диких и домашних животных, главным образом проколки (для сшивания одежд) разных форм. Большое число (7 шт.) земледельческих орудий — мотыги из рогов оленя. Были найдены в Сабатиновке и два зубчатых штампа из рога оленя для нанесения орнамента.[25] Аналогичный штамп был обнаружен в Эрёзде, вместе с комплексом полихромной керамики.

Комплекс керамики из Сабатиновки разнообразный, чрезвычайно интересен для характеристики этапа В/I. Комплекс этот рядом своих черт непосредственно связан с керамикой раннего Триполья (этапа А); с другой стороны, многие признаки, особенно в керамике с полихромной росписью, продолжают существовать и позднее.

Из раскопок в Сабатиновке (судя по краткому отчету) известна керамика четырех типов: 1) с углубленным орнаментом; 2) каннелированная; 3) грубая «кухонная», с примесью раковин и, частично, с полосчатым сглаживанием поверхности; 4) расписная полихромная (сравнительно меньшее количество).

1. Керамика с углубленным орнаментом. Масса серовато-черная, к наружной поверхности — коричневато-красноватая, хорошо заполированная. На наружной поверхности углубленные полосы, образующие ленты. Лента, описывающая спиральный рисунок, обычно состоит из двух полос и часто пересечена поперек короткими полосками.

[24] Археологічні дослідження на території Богесу (1930—1932), Київ, 1933, стр. 73.

[25] Там же, табл. 40.

Рис. 18. Кудринцы. *1—12*—фрагменты сосудов с трехцветной росписью (1/2 н. в.) (роспись красным—дана точками)

Свободные промежутки между лентами заполнены группами округлых углублений.[26]

По форме характерны небольшие с округлым телом сосуды с небольшими краями. Сосуд — грушевидная урна — целиком покрыт спиральным орнаментом. Известны из Сабатиновки части биноклевидных двойных полых сосудов и плоские округлые крышки с сильно вытянутой вверх округлой (в разрезе) головкой крышки. Иногда эта головка более вытянута и заканчивается конически. Сосуды сплошь орнаментированы.

В этой же технике украшены и фрагменты статуэток; орнамент спиральный, обычно покрывает всю поверхность статуэтки (рис. 19).

2. Керамика с каннелированной поверхностью. Сосуды небольших размеров, тонкостенные с поверхностью, покрытой желобками мелких каннелюр. Этот тип посуды хорошо известен и на более ранних этапах.[27]

По ребрам каннелюр обычно проходит орнамент из нанесенных прямоугольным штампом рядов. Каннелюры и штамповые полоски образуют или спиральный орнамент, или концентрические круги. По форме типичны небольшие с округлым телом сосуды. На краю обычно ряды горизонтальных каннелюр; ниже каннелюры образуют спиральный рисунок или круги.[28]

3. Керамика грубая, так называемая кухонная. В массе керамики примесь мелких раковин, поверхность — со следами полосчатого сглаживания. Часто поверхность просто грубо заглажена.[29] По верху края овальные углубления. У основания края одиночные ряды пальцевых углублений и одиночные или парные бугорки. Часто на грубо сглаженных стенках сосудов бывают вертикально налепленные ребра с горизонтальными насечками. Обычная форма для этого типа керамики — горшки с широким горлом и высоко расположенными плечиками.

4. Керамика с полихромной росписью. Наименьшее количество фрагментов керамики в Сабатиновке падает на сосуды с полихромной росписью. По стилю и технике росписи (красная, черная и белая краска) группа сосудов из Сабатиновки представляет собой аналогию расписной керамике из Руджиноаза и других поселений, типичных для этапа B/I.

По форме отмечаются сосуды средних размеров с округлыми плечиками, с прямым горлом.

В последующие годы (1938) в Сабатиновке были проведены раскопки А. В. Добровольским; к сожалению, они остались неизданными.[30] Был заложен небольшой раскоп рядом с раскопом 1932 г. и вскрыто два жилища (подробности неизвестны), представляющих небольшие глинобитные площадки (1 × 1 м). В культурном слое до 2 м толщины отмечается большое скопление костей животных. И. Г. Пидопличка определил среди костей кости следующих животных:

	Число костей	Число особей
Домашние животные		
Домашний бык *(Bos taurus)*	481	12
Лошадь *(Equus caballus)*	104	4
Овца или коза *(Ovis или Caprus)*	76	2
Коза *(Capra hircus)*	4	4
Свинья дом. *(Sus scrofa domestica)*	47	7
Собака *(Canis familiaris)*	26	3
	738	32
Дикие животные		
Олень благородный *(Cervus elaphus)*	73	5
Лось *(Alces alces)*	2	1
Косуля *(Capreolus capreolus)*	7	2
Свинья дикая *(Sus scrofa ferus)*	29	4
Куница *(Martes sp.)*	3	1
Медведь *(Ursus arctos)*	1	1
Заяц *(Lepus europeus)*	2	1
Бобр *(Castor fiber)*	10	3
Черепаха речная	2	1
Раковины	—	—
Рыбы		
Сом *(Silurus glanis)*	1	1
Другие рыбы	16	2
	146	22

В культурном слое Сабатиновки встречено значительное число изделий из кремня: отщепы, нуклеусы, проколки, скребки округлые и удлиненные, наконечники стрел, довольно крупные, треугольные по форме; обработаны сплошь по всей поверхности. Большое число проколок и лощил из костей косули, овцы или козы.

Имеются также мотыги из рога оленя. Одна из них очень больших размеров, с округлым отверстием и хорошо заполированным концом; другая — меньших размеров, в фрагментарном виде. Среди изделий из кости и рога обращает внимание серпообразное орудие из ребра быка. Интересно, что с двух сторон по ребру оно специально срезано и заглажено.

Керамический комплекс находок из раскопок 1938 г. в Сабатиновке полностью повторяет комплекс типов сосудов, открытых здесь в 1932 г., и состоит из четырех основных групп керамики: 1) с углубленной спиральной орнаментацией, 2) каннелированная, 3) грубая, с примесью измельченных раковин, 4) с полихромной росписью.

1. Керамика с углубленным орнаментом. Кроме крупных сосудов грушевид-

---

[26] T. Passek. Указ. соч., тип XV, табл. XVI.

[27] Там же, табл. VI, XVII и XVI/2.

[28] Археологічні дослідження на території Болгсу (1930—1932), Київ, 1933, табл. 38.

[29] Там же, табл. 35.

[30] Материалы из раскопок 1932 г. в Сабатиновке хранились в музее гор. Первомайска; из раскопки 1938 г.— в Одесском историко-археол. музее.

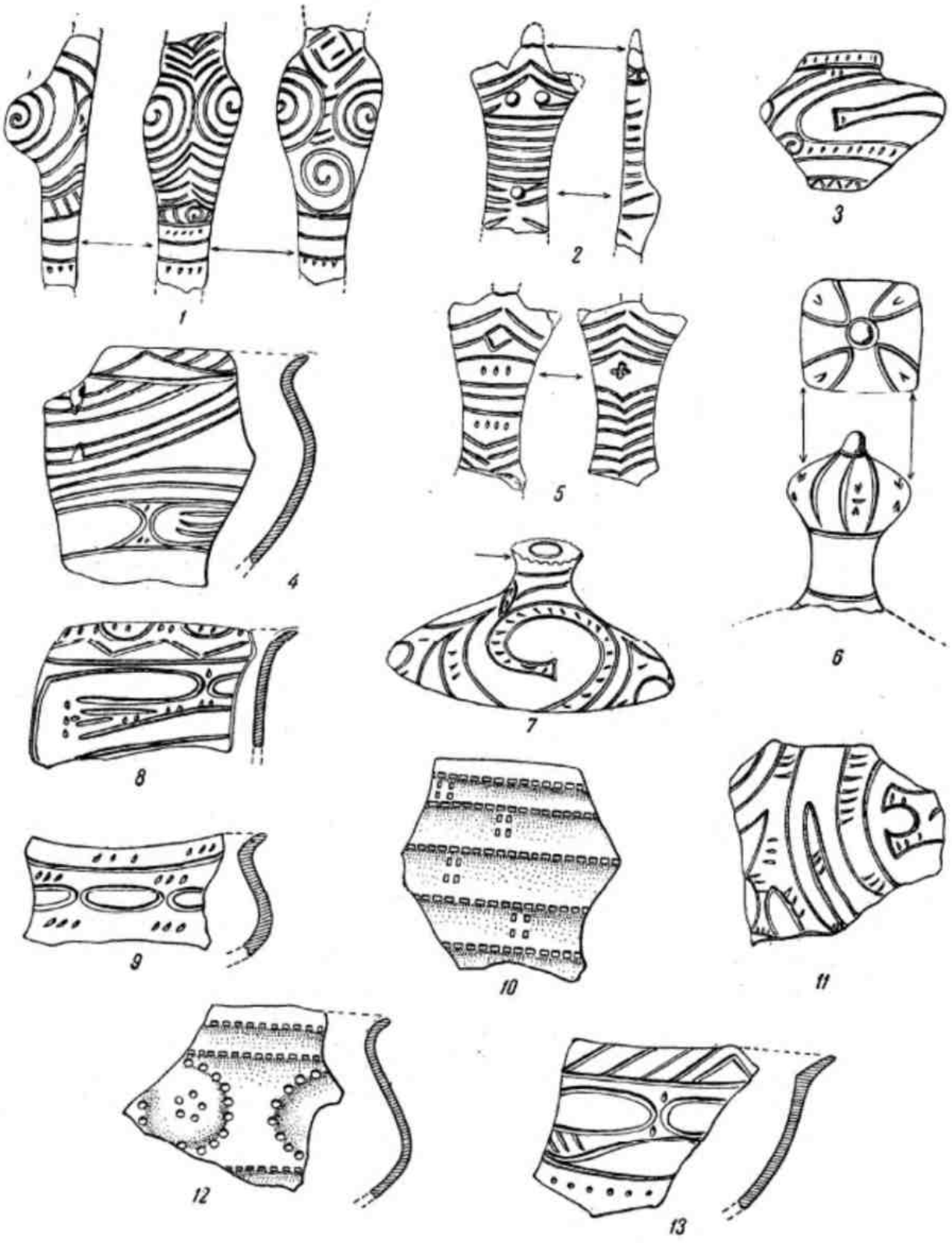

Рис. 19. Сабатиновка. *1, 2, 5* — фрагменты статуэток; фрагменты сосудов: *3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 13* — с углубленным орнаментом; *10, 12* — с каннелюрами (1/2 н. в.)

ной формы, конических крышек, кратерообразных сосудов, к этой же группе должны быть отнесены фрагменты статуэток, сплошь покрытые углубленным орнаментом. Часто в этой группе углубленный орнамент совмещается с каннелюрами между ними.

2. Керамика с каннелированной поверхностью. Сохранились фрагменты тонкостенных сосудов из желтовато-красной массы с горизонтально идущими каннелюрами; ребра каннелюр покрыты углублениями плоского прямоугольного мелкого штампа.

3. Керамика грубая. Керамика с примесью мелкозернистого песка или мелкотолченых раковин с грубо обработанной поверхностью (обычно следы полосчатого сглаживания незаметны на поверхности).

4. Керамика с полихромной росписью. Масса розовато-красная, глина с примесью мелкого песка. Обжиг прекрасный,

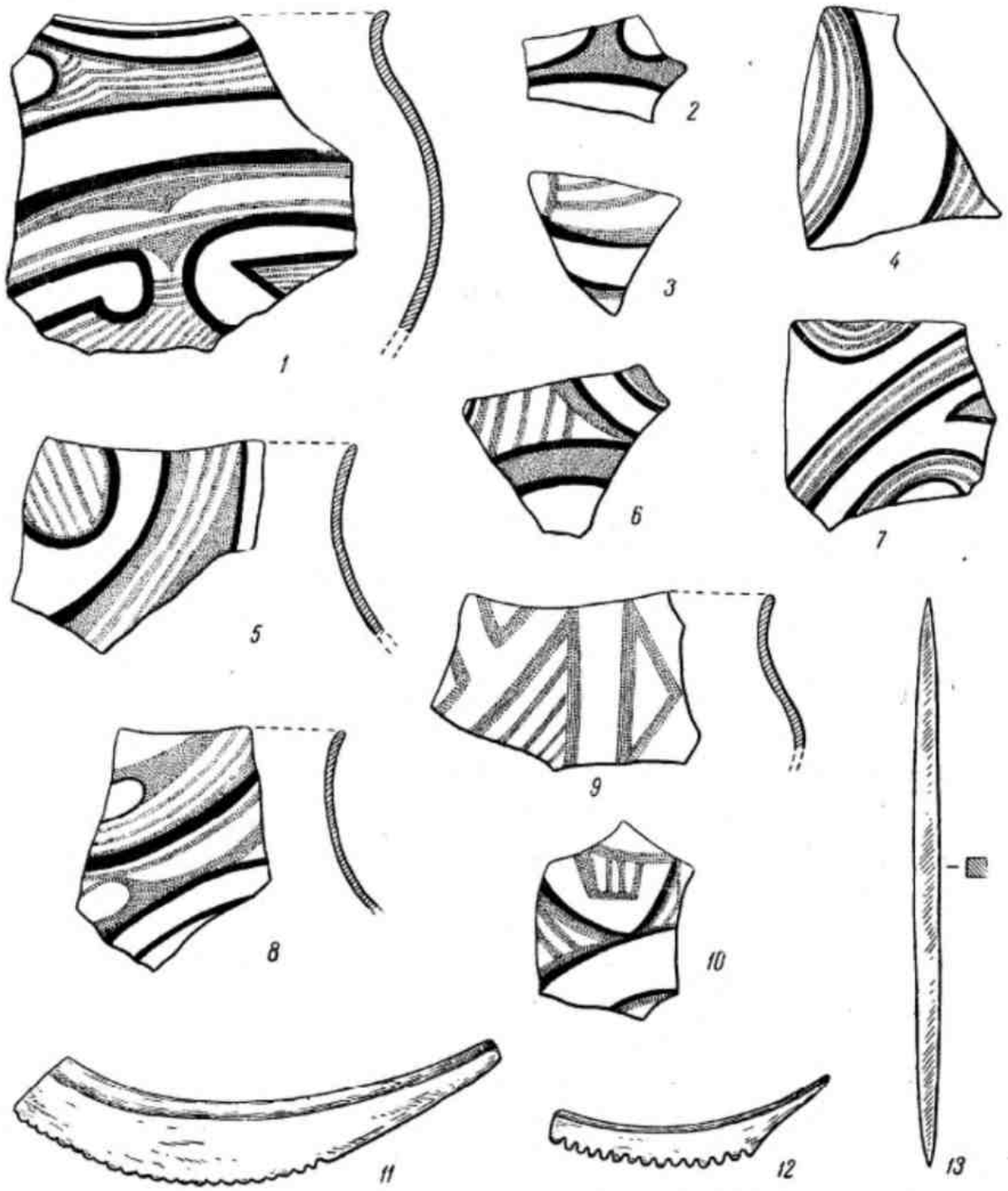

Рис. 20. Сабатиновка: *1—10* — фрагменты сосудов с трехцветной росписью; *11, 12* — костяные штампы для нанесения орнамента; *13* — медное шило (3/5 н. в.)

окислительный. На внутренней поверхности красная красочная облицовка, хорошо заметны следы полировки; наружная — покрыта сплошь белой краской, составляющей фон, на котором нанесен красной краской рисунок, окаймленный черным. Роспись, покрывающая всю поверхность сосуда, состоит из чередования распадающихся спиралей. Промежутки между черными узкими полосами значительно шире самих полос. Пространство между окаймляющими черными полосами пересечено красными полосами. По стилю роспись, с одной стороны, близка росписи керамики из Руджиноазы, с другой — к находкам в Кадиевцах — Бураковке, Дарабанах II. Среди находок в Сабатиновке было обнаружено медное четырехгранное шило (рис. 20).

Материалы рассмотренных нами энеолитических трипольских поселений показывают, что на этапе В/I в Поднестровье (в отличие от более раннего А) повсеместно господствующими являются глинобитные жилища; к сожалению, в деталях жилище этого этапа не раскапывалось. Вместе с тем в Городнице и в Незвишках[31] встречены еще землянки, или так называемые жилые ямы, сходные с известными на этапе А в Борисовке, Красноставке, Тордоше II и Винче I, широко распространенными в Средней Европе в неолитическое время.

Следует подчеркнуть, что на значительной территории от Мароша и Дуная до Днестра (будет ли это слой Тордоша III, Извоара II, нижнего Эрёзда, Кукутени А, Руджиноазы или Кадиевцев, Кудринцев, Фридривцев, Незвишек и др.) всюду на этапе В/I получает развитие глинобитный тип жилой постройки и в каждом из памятников встречен близкий комплекс находок. Керамический комплекс этапа В/I в Поднестровье состоит из керамики: 1) преимущественно с полихромной росписью, 2) с углубленным орнаментом, 3) каннелированной, 4) грубой, с примесью раковин, 5) с монохромной черной росписью (единичное число сосудов).

Общим и характерным является округлость форм сосудов, слабая их профилировка. Обычны сосуды грушевидных форм, сосуды на полых, высоких подставках, шлемовидные крышки, биноклевидные сосуды и т. п.; роспись или углубленный орнамент покрывает всю поверхность сосуда и обычно не бывает заключена в пояс. Окаймление в поясе бывает редко. В росписи сосудов господствует свободный орнаментальный стиль.[32]

Постоянно находятся в раскопках глиняные печати — пинтадеры, ложки и глиняные, сильно схематизированные женские статуэтки.

Характерны односторонне выпуклые каменные топоры, роговые мотыги, изделия из кости. Изделия из меди крайне редки (четырехугольные шилья, плоские медные топоры, колечки).

Хозяйство этапа В/I возникает на основе предшествующего этапа А и генетически связано с хозяйством ранненеолитического периода. Однако как на Дунае, так и в раннетрипольских поселениях не получили еще полного развития глинобитные наземные трипольские жилища, которые развиваются, видимо, позднее на этапе В/I, в период появления полихромной расписной керамики. Что касается инвентаря этапа В/I, то, наряду с клиновидными каменными топорами, орудиями из кости и рога, обращают внимание в основном несколько керамических групп. Одна группа с углубленным спиральным орнаментом (ряд стилистических элементов, например, нешироким лентами, образованными двумя полосами и пересеченными поперек) характерна и для этапа А и может быть сопоставлена с линейно-ленточной керамикой; другая — каннелированная, имеет аналогии с неолитической посудой Македонии, Фессалии и Малой Азии; датируется она началом — первой половиной III тысячелетия до н. э. Но кроме керамики, датирующими предметами являются изделия из меди и пинтадеры. И те, и другие хорошо известны, например, по раскопкам на острове Лесбос в городе Терми III и соответствуют городу Трои II, т. е. (по уточненным данным) относятся к эпохе 3000—2700 гг. до н. э.[33]

Глиняные ложки также найдены на Лесбосе и в Македонии в поселениях первой половины третьего тысячелетия до н. э., где в это время, как и в Дунайском бассейне, господствует прямоугольный наземный дом.[34]

Разобранные этапы развития Триполья А и В/I охватывают период от начала III тысячелетия до 2500 г. до н. э.

В заключение интересно отметить:

Во-первых, что район распространения наиболее ранних (А) памятников Триполья и среднего этапа (В/I) ограничивается бассейнами средних течений Днестра и Буга, тогда как на позднем этапе развития (городскоусатовском, С/II — γ/II) трипольские племена заселяют уже значительно бо́льшую территорию, доходя на севере до Житомирской обл. и до верховьев притоков Припяти, Случи, Горыни, Стыри, переходя на левобережье Днепра, по Десне — Остру и Супою, а на юге доходя до побережья Черного моря.

Во-вторых, именно в Поднестровье и в Побужье, на территории значительно менее широкой, чем территория позднего Триполья (так же, как и по Среднему Дунаю, Марошу

[31] L. Kozlowski. Указ. соч., табл. VII.
[32] T. Passek. Указ. соч., стр. 78—83.
[33] W. Lamb. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936, табл. XXV, рис. 30—34/a и 30—26.
[34] Там же, табл. III, IV, V и планы; рис. 45; W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia, Cambridge, 1939, табл. X, рис. 35.

и Мораве), к началу III тысячелетия до н. э. происходит, на основе неолитической культуры земледельческих племен Подунавья с линейно-ленточной керамикой, оформление трипольских племен. В этот период в Днестровско-Бугском районе, как и в Дунайском, появляются прямоугольные постройки, предметы из меди и относительно совершенная керамика с росписью, что представляет собой наиболее развитую и своеобразную культуру Восточной Европы начала III тысячелетия до н. э.

В-третьих, анализ материалов Триполья этапов А и В/I показывает сложные культурно-исторические связи населения Поднестровья и Побужья в начале III тысячелетия до н. э. со странами, лежащими на запад за Днестром. Это говорит о том, что трипольская культура, являясь автохтонной, в то же время не была замкнутой, а с древнейших времен находилась в тесных взаимоотношениях с соседними племенами.

В-четвертых, изучение материала памятников Триполья от Тордоша II — Винчи I до Кадиевцев — Кудринцев показывает, что на территории Днестровско-Дунайского бассейна эти связи уже в начале III тысячелетия имели постоянный, а не случайный характер, что доказывается одновременным появлением серий аналогичных вещей в поселениях и на Мароше, и на Среднем Дунае, и на Днестре, и на Буге, т. е. и в смежных, и в удаленных друг от друга районах. Это позволяет говорить о существовании постоянных сношений у обширной группы племен, стоящих на одном и том же уровне культурного развития, как основного условия, при котором вырабатываются многие общие этнографические черты. [35]

Эти сношения дополняются межплеменным обменом, существовавшим у трипольских земледельческих племен и с бассейном Дуная по Ольту, Марошу, Мораве, Тиссе, с районами однородных земледельческих племен, где имелись и медь, и золото. Тогда же намечаются сношения с Югом, с Нижним Подунавьем и племенами Восточного Средиземноморья.

Нельзя забывать, что для Дунайского и Днестровско-Днепровского бассейна постоянные сношения с древними племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии имели в III тысячелетии большое значение. Так, полагая, что у трипольских племен имелись все основные предпосылки для создания на месте и земледелия и скотоводства, следует думать, что племенные особенности Триполья оформились так рано и в таких своеобразных и сравнительно развитых формах при постоянных сношениях с средиземноморскими племенами и с населением юго-восточной Европы.

Этап В/II

Большое своеобразие трипольских памятников среднего периода (этап В/I) в Поднестровье заставляет с особым вниманием прослеживать те пути, по которым шло развитие Триполья на других территориях — в Поднепровье и в Побужье. Трипольские племена на ранних этапах (А и В/I) распространялись главным образом в районах среднего течения Днестра и по среднему течению Буга. Но уже несколько позднее, на этапе В/II, они расселяются значительно дальше на северо-восток, в Поднепровье, и на юго-восток, по течению Буга и его притокам.

Поднепровье

К этапу В/II в Поднепровье относится группа поселений, открытая еще В. В. Хвойко у с. Триполье, Щербаневка и Веремье, названных им «культурой А». Несмотря на то, что Хвойко неправильно определил открытые им трипольские площадки как святилища, в его отчетах имелись интересные данные. Он указывает на неизменно повторяющийся факт расположения групп площадок (т. е. жилищ.— *Т. П.*) на местах, представляющих более или менее значительную возвышенность. «Площадки образуют обыкновенно несколько рядов,— пишет Хвойко,— наружная линия которых почти всегда представляет обширный более или менее правильной формы круг». [36]

Таким образом, есть указание Хвойко на то, что поселения, отнесенные нами к этапу В/II, были большими; жилища на них располагались по кругу или овалу, а сами дома, занимавшие большую площадь, строились из дерева и обожженной глины. Хвойко не удалось установить приемы постройки трипольской площадки, не удалось понять и общий характер большого трипольского дома. Но сотни площадок культуры А, раскопанные им в Поднепровье, дали исключительно однородный комплекс находок, заметно отличный от другого комплекса находок на площадках, которые Хвойко объединил под группой памятников «культуры Б». К сожалению, комплекс «культуры А» Хвойко не может быть полностью нами охарактеризован, так как материал из раскопок Хвойко не увязан с его отчетами. [37]

Если в поселениях раннего этапа А получили развитие сосуды с углубленным спиральным орнаментом и сосуды с каннелированной поверхностью, что и было открыто в поселени-

[35] Е. Ю. Кричевский. О межплеменных сношениях в первобытном обществе. КСИИМК, вып. XIII, М.— Л., 1946.

[36] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, стр. 803 и след.

[37] Там же; см. также ТКУ, вып. I, Київ, 1926.

ях нижнего слоя Извоара I (Борисовка — Красноставка — Попов-Город — Лука-Врублевецкая), то на ступени В/I (верхний слой Извоара II, Кукутени А, Руджиноаза, Кадиевцы, Кудринцы, Незвишка), наряду с сосудами этого типа, появляется керамика с трехцветной росписью. Роспись обычно покрывает сплошь весь сосуд и не ограничена поясом, обегающие системы спиралей свободно описывают сосуды округлых грушевидных форм, характерны сосуды на подставках, биноклевидные сосуды, шлемовидные крышки и другой инвентарь.

Ко времени В/II в Поднепровье на поселениях Веремье, Щербаневка, Триполье (комплекс «культуры А» Хвойко) получает развитие керамика с углубленным орнаментом. В Поднепровье сосуды этого типа стилистически исключительно выдержаны. Если на сосудах ранних этапов А ленты, описывающие спирали, образованы из 2—3 узких и глубоких полос и лента сохраняет генетическую связь с лентами наиболее древней линейно-ленточной керамики, то на сосудах этапа В/II ленты, описывающие спиральный орнамент, состоят из большего числа полос (6—7), они шире и площе, а спирали заключены в широкие пояса.

Из сосудов попрежнему характерны большие грушевидные урны, шлемовидные и конические крышки, биноклевидные двойные полые сосуды. Вместе с этой группой керамики встречено небольшое сравнительно число сосудов из розовато-палевой массы и с росписью. Однако, в отличие от полихромной росписи этапа В/I, когда роспись черной и белой красками наносилась по красному фону, на этапе В/II роспись наносится красным с обводкой черным по белому фону.[38]

Стиль росписи совершенно иной. Часто она наносится одной черной краской, с заполнением свободных пространств красным. Фон остается цвета массы — палево-белым и не участвует в общем орнаментальном впечатлении росписи, как это отмечалось на этапе В/I. Встречена и роспись, нанесенная только красным, с обводкой тонкими полосками темно-красной краски. В это же время (на этапе В/II) увеличивается на поселениях число сосудов с монохромной росписью одной черной краской, нанесенной поверх жидкой красочной облицовки, покрывающей поверхность массы, из которой изготовлен сосуд. Таким образом, следует указать, что на этапе В/II получает свое начало развития керамика с монохромной черной росписью, которая займет господствующее положение в инвентаре трипольского хозяйства на следующем этапе — С/I.

Кроме перечисленных типов керамики, для разбираемого этапа типичны шарообразные сосуды средних размеров, с небольшими ручками-ушками и грубая кухонная керамика с полосчатым сглаживанием и рельефными украшениями в виде изображений человека и животных. Эти же мотивы появятся и в росписи, например, на сосудах из Петрен, Шипениц, Сушковки, позднее — из Ржищева и др.

Помимо техники и стиля орнамента керамики с углубленным рисунком, генетически связанного с трипольской керамикой этапа А и В/I, формы сосудов этапа В/II с их округлыми очертаниями также нельзя рассматривать вне генетической связи с предшествующим этапом В/I и А. Остаются еще типичными сильно схематизированные женские статуэтки с коническим окончанием вместо головы (как и на этапе А и В/I), а также крестообразной формы женское изображение из комплекса «культура А» Хвойко.[39]

В жилищах этапа В/II встречено не мало орудий из камня и кости. Характерны из мягкой породы каменные клинья небольшого размера, кремневые скребки, ножевидные пластинки, проколки, треугольные наконечники стрел. Постоянно обнаруживаются мотыги из рога оленя, роговые клиновидные орудия, проколки из кости.[40] Особо важно обнаружение на поселениях у Веремья и Триполья в раскопках Хвойко трех экземпляров плоских медных клиновидных топоров,[41] аналогичных медным клиновидным топорам, распространенным в Румынии (Эрёзд,[42] Кукутени А[43]), Болгарии (Деве-Баргам, Габарево, Коджа-Дермен, Мадара-Шумны) и др.,[44] на островах Эгейского моря, например на Лесбосе,[45] а также во втором слое города Трои[46] и др., датируемых срединой III тысячелетия до н. э.

Поселение Коломийщина II

В первые же годы разведок и раскопок в Киевской обл. Трипольская экспедиция поставила целью — сосредоточить свои работы на одном из поселений среднего периода трипольской культуры, с тем чтобы с максимальной полнотой изучить характер поселения жилищ и хозяйства этапа В/II. Для раскопок

[38] В. В. Хвойко. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, табл. XXVIII; M. Himner. Swiatowit, т. XIV, табл. XIX.

[39] В. В. Хвойко. Указ. соч., табл. XXIX.

[40] Там же, табл. XXI, рис. 5, 7, 8 и 10; Ф. Вовк. Вироби передмікеньского типу. Антропологія, т. I, Київ, 1928, рис. 14a, b, c, d и табл. III.

[41] Там же, табл. XXI.

[42] F. Laszlo. Dolgozatok, 1911, рис. 2; H. Schroller. Die Stein und Kupferzeit Siebenbürgens. Z. f. E., 1930, рис. 11/a.

[43] Z. f. E. 1911.

[44] В. Миков. Предисторічна селища и находки в България, София, 1933, рис. 46; его же. Селищната могила в с. Габарево, София, 1926, рис. 30 и 36; Р. Попов. Културa и живот на Предисторическия човѣкъ въ България, ч. II, София, 1930.

[45] W. Lamb. Указ. соч., табл. XXV, № 30—34a, b, 29 и др.

[46] H. Schliemann. Ilios, London, 1880, рис. № 806—809, 810 и др.

было выбрано поселение Коломийщина II, на характеристике которого следует остановиться подробнее.[47]

Поселение Коломийщина II расположено близ с. Халепье Обуховского района Киевской обл. на высокой части плато (направо от дороги Халепье — Стайки), в 1—1.5 км на

В южной части, где расположен поселок, плато резко понижается, переходя в заболоченную балку. Здесь протекает небольшой ручеек; склоны балки сильно разрушаются глубокими оврагами. На склоне с запада и востока поселение ограничено небольшими, едва заметными ложбинками. На значитель-

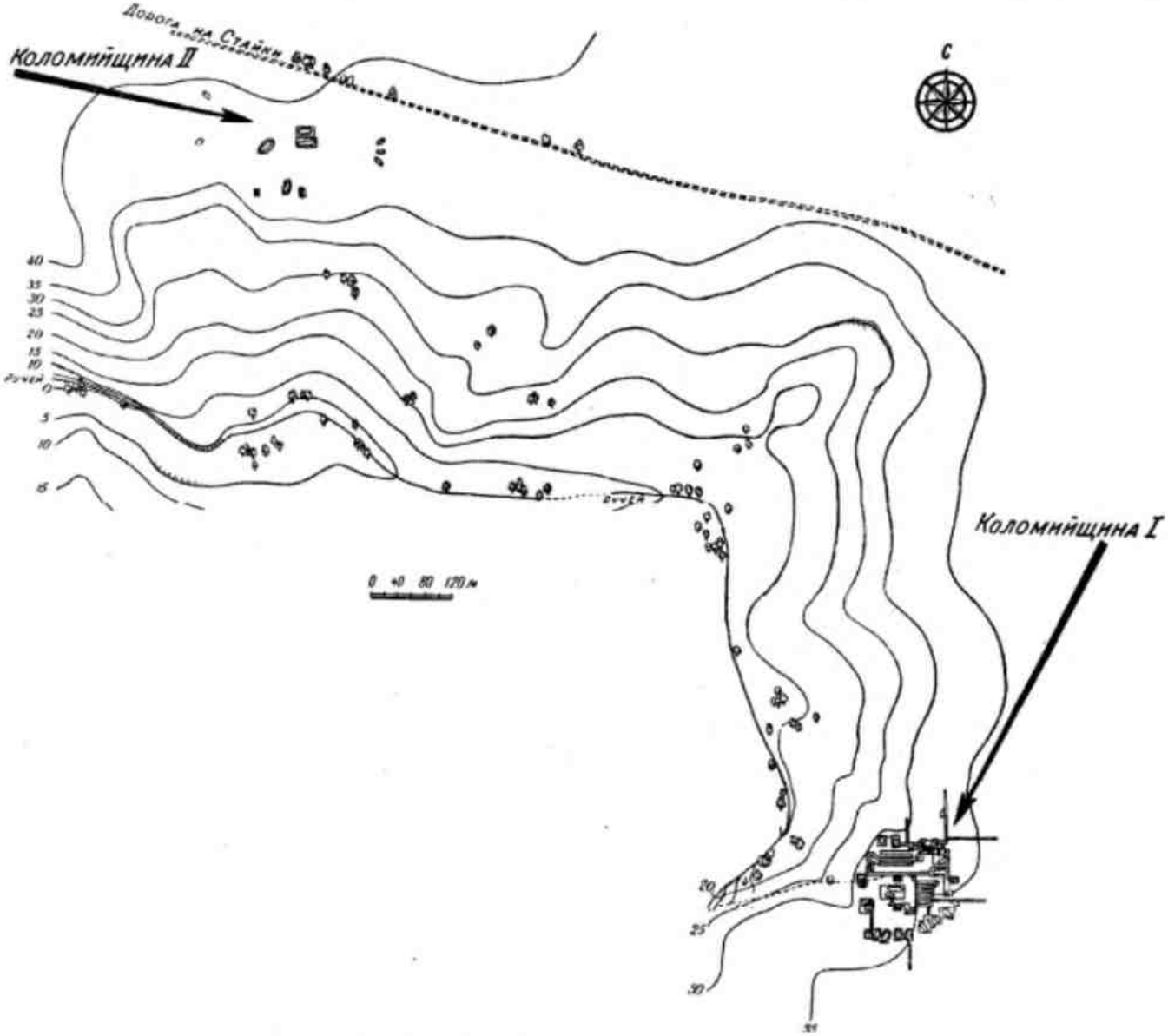

Рис. 21. План расположения поселений Коломийщины I и II

северо-запад от Коломийщины I. По площади оно значительно превышает Коломийщину I и равняется 250 × 350 м (рис. 21).

В 1939 г. на поселении было открыто 9 глинобитных жилищ, так называемых трипольских площадок, которые располагались, как это наблюдалось и ранее, по определенной системе по кругу, приближающемуся к вытянутому овалу. Кроме того, здесь открыты три жилища в центре круга.

ной высоте на склонах повсюду наблюдаются выходы ключей грунтовых вод. Ближе к склону (в южном секторе поселка, на его периферии), как и на Коломийщине I, обнаружена так называемая ракушечная куча — скопление кухонных остатков, состоящее из створок раковин *Unio*, обломков костей животных, костей и шелухи рыб, фрагментов керамики, поломанных в древности орудий, глиняной обмазки, статуэток и пр.

В 1939 г. на поселении было изучено пять жилищ, три из которых (№ 1, 2 и 4) находились в центре, остальные — в юго-западной

[47] Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской экспедиции в 1939 г. ВДИ, № 4, 1939.

части поселка (рис. 22). В юго-западной части была также раскопана и ракушечная куча.

Два жилища в северном секторе у дороги (шоссе) Халепье — Стайки могли быть прослежены в разрезе канавы, шедшей параллельно дороге и перерезавшей обе постройки поперек.

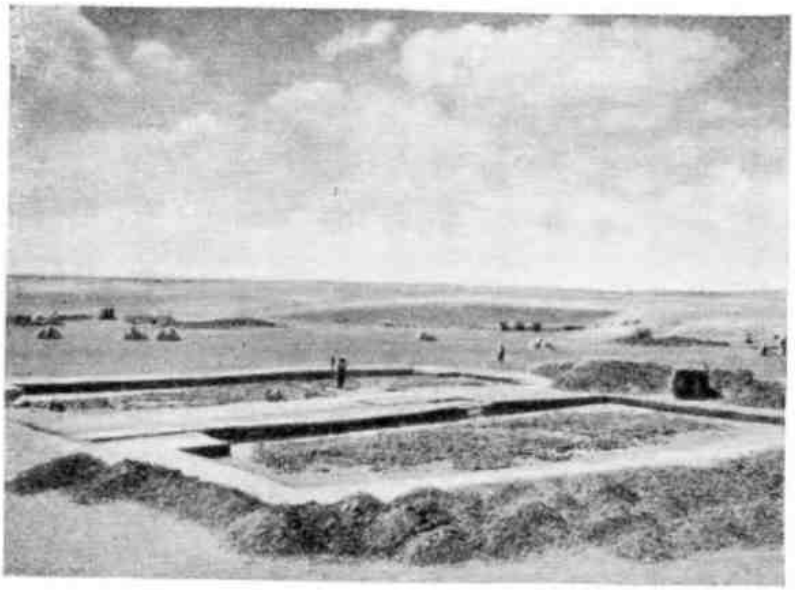
Совершенно очевидно, что работа в течение одного года на поселении Коломийщина II не могла выявить всех находившихся здесь жилищ. Можно с уверенностью утверждать, что при продолжении раскопок число построек на поселении значительно увеличится, как это было и при исследовании Коломийщины I.

Жилище № 2 располагается на одном из наиболее высоких участков поселения в центральной его части; рядом с ним, на расстоянии 4—4.5 м на север, находится жилище № 1.[48]

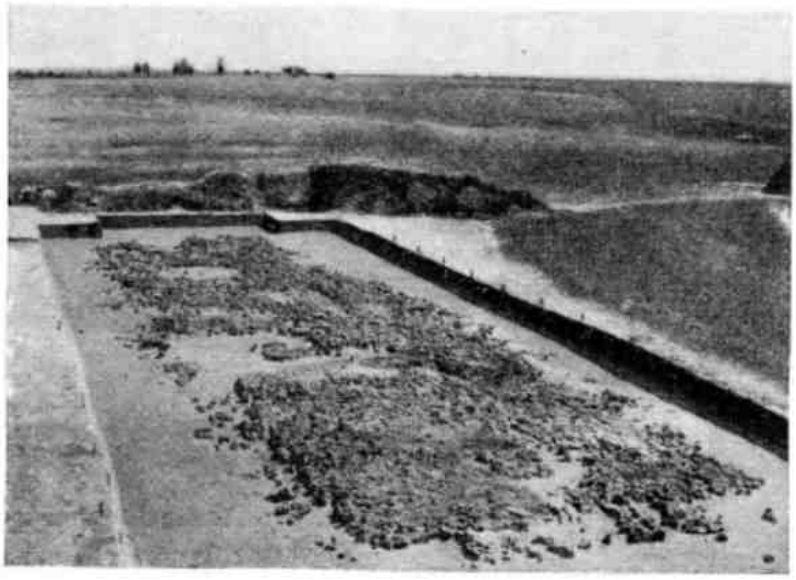
Место древнего поселка ежегодно подвергалось распашке и засеву, в связи с чем верхний (покрывающий) черноземный слой на глубину до 0.30—0.40 м был сильно нарушен. Постоянная вспашка заметно разрушила наиболее высоко залегавшую обмазку постройки. Однако на поверхности не было обнаружено почти никаких следов этого разрушения.[49]

Первоначально было установлено, что значительное скопление обмазки жилища № 2 (до 160 м²) залегало на равномерной глубине от поверхности на 0.15—0.45 м в черноземном слое. В процессе постепенного снятия чернозема и расчистки жилища установлено, что оно представляло собой прямоугольную, сильно вытянутую постройку в 26—27 м длиной и 6—7 м шириной, ориентированную с востока на запад (рис. 23).

Жилище № 2 самое большое из всех раскопанных за последние годы построек трипольского времени. Исключительная сохранность его дала возможность с большей полнотой изучить все конструктивные приемы трипольского домостроительства среднего этапа (период расцвета — этап В/II). Большой длинный дом был поделен четырьмя поперечными перегородками на пять отдельных помещений (камер). В каждой из них было по одной печи, а в четвертой — две. Основа перегородок, так же, как основа стен и весь фундамент в доме, строилась из рассыпчатой обожженной обмазки желтоватого цвета с растительной примесью. Она изготовлялась в форме вальков. Остатков самих стен и перегородок не сохранилось, и следует предполагать, что они делались из дерева и из такой же формы вальковой обмазки, но не обжигавшейся.

1

2

Рис. 22. Коломийщина II. Общий вид раскопок: *1* — жилище № 1; *2* — жилище № 2

Внутри жилища в местах перегородок открыты нижние части обугленных пяти столбов. Они попарно размещались внутри дома.

[48] Отчеты о раскопках жилищ № 1, 2, 3, 4 и 5 будут изданы дополнительно. Раскопки жилища № 1 велись под руководством Е. Ю. Кричевского, № 3 — М. Л. Макаревича, № 4 и 5 — другими сотрудниками экспедиции.

[49] Зондирование щупом, наоборот, показало большую плотность грунта, появившегося здесь в связи с тем, что на этом месте несколько лет подряд устраивался ток.

Скорее всего, что эти столбы, как и открытые на Коломийщине I в жилищах № 24 и 25, служили опорой для стропил двухскатной крыши. Различное количество глиняных наслоений (вальки и плитки) в камерах и приемы их постройки, а также четко выявленные перегородки внутри большого дома — все это подчеркивало границы отдельных помещений.

Можно предположить, что площадь такого большого многосемейного дома расширялась постепенно. Если это так, то мы решили бы интересный вопрос о разрастании в период родового общества родового коллектива, населявшего общинный дом, и выделении парных семей в новые домохозяйства.

В одной из камер (№ 2) у противоположной от печи стенки открыто округлое (1 м в диаметре) возвышение из хорошо обожженной глины, окрашенной в красную краску. Возвышение это, несколько раз ремонтировавшееся, безусловно, являлось в доме особым жертвенным местом — «алтарем». Крестообразные жертвенники известны во Владимировке; они первоначально могли быть округлыми в плане и постепенно лишь переделывались на крестообразные.

Хорошо прослеженные поперечные перегородки и пять камер большого дома Коломийщины II позволили в процессе раскопок вести наблюдение в границах камер с определением конструктивных и хозяйственных особенностей каждой из них.

В процессе снятия чернозема на глубину до 0.30 м (1 и 2-й штыки) и определения границ постройки находки были немногочисленны. Однако изолированные фрагменты керамики, кости животных, конечно, попадались по мере углубления и расчистки раскапываемых глинобитных остатков. Так, среди находок, сделанных в верхних штыках до расчистки жилища, интересны фрагменты грушевидных сосудов с углубленной спиральной орнаментацией, столь характерной для группы площадок «культуры А» (по Хвойко). Эти находки в верхнем перепаханном слое чернозема так же, как и подъемный материал на поселении, подтвердили, что здесь открыт памятник иного времени, чем соседний — Коломийщина I.

Кроме того, среди случайных находок обнаружены фрагменты посуды с черной росписью. Характер ее несколько отличается от обычной росписной керамики Коломийщины I. Масса более крепкая, с тщательно выполненной росписью, свойственной монохромной керамике трипольских поселений среднего этапа. Здесь же обнаружено несколько фрагментов глиняных статуэток.

Как и обычно, по краям сплошного залегания обмазки на глубине 0.40—0.45 м (т. е. на том же уровне, что и основание из вальков в постройке) костей животных встречается больше, чем в жилище. Здесь же по краям выявлена тянущаяся вдоль плитчатых наслоений жилища желтая слабо обожженная обмазка от оснований стен, причем со всех сторон дома она находится на одном и том же уровне — на глубине 0.45—0.48 м.

Это наблюдение целиком подтверждает, что жилище было построено непосредственно на поверхности, без предварительного углубления того места, где оно должно было строиться.

Наслоение остатков разной по характеру обмазки на всем пространстве жилища № 2 залегало не всегда на одинаковой глубине, что связано с конструкцией камер постройки и с наличием многослойных плитчатых наслоений, которые в каждой камере отличались конструктивно. Выше всего, на глубине 0.16—0.19 м от поверхности, залегала обмазка свода печи № 1 в камере № 1, тогда как обмазка свода печи № 6 в восточном конце жилища лежала на глубине 0.30—0.32 м. При этом пол и вальковая основа дома в западном и восточном концах его находились на одной глубине — 0.40—0.45 м.

Следует предполагать, что наземное жилище возводилось на выровненном участке, который выкладывался поперек деревянными плахами, лозой, деревянным кругляком; выше них, особенно в местах, где были печи, околопечное возвышение и перегородки, укладывался глиняный настил из вальков (из глины с примесью половы). Образовывался своеобразный деревянно-глиняный настил, поверх которого выкладывались плитчатые (часто до 4—5 рядов) полы и возвышения, где находился хозяйственный инвентарь, а также возвышение около печи и под самой печи. Конструкция камер была различной, отсюда несколько разная глубина залеганий того или иного характера обмазки в жилище. В жилище № 2 наиболее сложной конструктивно была западная камера № 1 и наиболее простой — восточная № 5. Входная часть в доме не была выделена отдельно, как это иногда удавалось отмечать, например, в жилищах № 8, 10, 11, 19 и др. на Коломийщине I. Есть все основания заключить, что в доме было несколько входов, связанных с каждой камерой; кроме того, существовало сообщение между ними и внутри дома.

Камера № 1 находится в западном конце постройки; по площади плитчатых наслоений она равна 6.2 м с запада на восток и 6 м с севера на юг. С западной, северной и южной сторон наблюдается желтая рассыпчатая вальковая обмазка от основания стен. Если верхний слой плит в этой камере лежит на глубине 0.25—0.27 м, то остатки основ стен залегают здесь ниже — на глубине 0.40—0.45 м от поверхности, и развал их занимает пространство по ширине до 1 м (следуя общим очертаниям жилища).

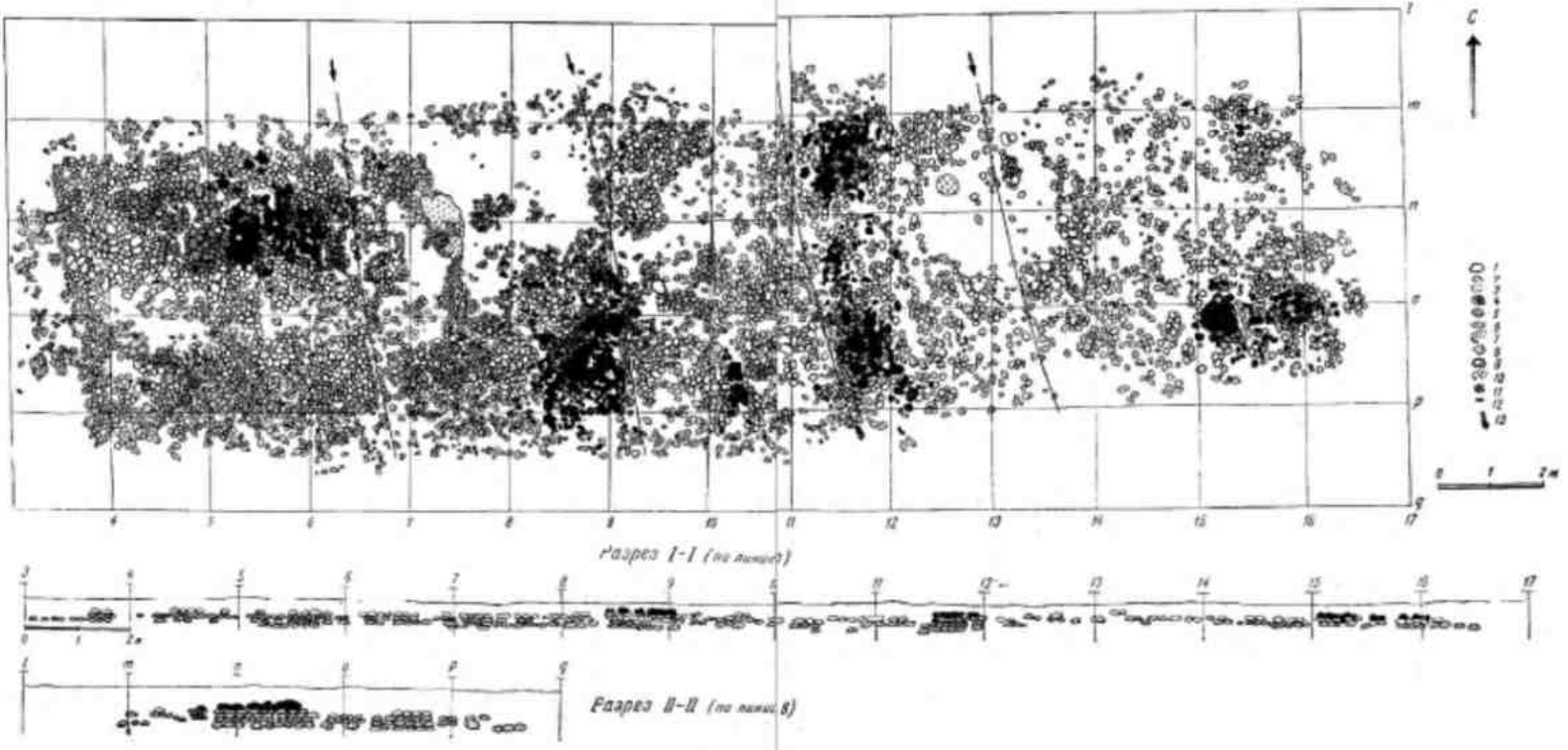

Рис. 25. Кооперативная II. План и разрезы жилища № 2

Условные обозначения: *1* — пятна первого пола; *2* — пятна второго пола; *3* — нижний пол; *4* — обмазка печей; *5* — подовые плиты; *6* — основа стен и перегородок; *7* — деревянное место; *8* — фрагменты сосудов; *9* — зернотерки; *10* — скопление извести; *11* — остатки обугленных столбов в поперечных перегородках; *12* — кость; *13* — указание направлений перегородок между камерами

Сохранность всего жилища и, в частности, описываемой камеры № 1 дала возможность сделать много наблюдений над приемами постройки и внутренним устройством в доме. Выход наружу был в западной поперечной, наружной стене дома; именно на этом участке наблюдается известный перерыв в плитчатых наслоениях, тянущийся с запада на восток. В этих небольших участках — на пространстве до 0.80 м шириной — плитчатая обмазка наблюдается всего лишь в один слой или вовсе отсутствует. Здесь тогда оказываются или земляные участки, или же выступает слабо обожженный так называемый нижний пол. Такого характера пол доходит до поперечной перегородки и переходит в соседнюю камеру. Здесь, вероятно, и следует искать внутренний проход в перегородке, тем более, что в этом месте открыты остатки двух обугленных столбов (нижние части), стоящих на расстоянии 2 м друг от друга, так что между ними образуется достаточно широкий проход.

Левая и правая стороны камеры № 1 конструктивно резко отличны, что связано со строгой дифференциацией отдельных частей трипольского дома. Так, в левой от входа части камеры № 1 расположены больших размеров печь № 1 и околопечное возвышение (шириной 1.7 м) — лежанка, примыкающая к печи. Выше всего в этой части (на глубине 0.16—0.19 м) лежит грудой шлакованная обмазка свода печи; печная обмазка обычного типа — вальковая — с примесью половы, сильно обожженная, красновато-лиловая, переходящая в зеленоватую. Эта обмазка часто спекшаяся и остеклованная. Толщина отдельных кусков такого вида обмазки обычно 0.03 м, но некоторые из них доходят до 0.15—0.20 м; сверху обмазка бывает иногда бесформенной, а на оборотной стороне, лежащей непосредственно на плитах печного свода,— ясные следы отпечатков плах дерева, в меньших фрагментах — отпечатки прутьев и лозы. Вся груда печной обмазки занимала площадь около 4 м² (1.80 × 1.80).

По аналогии с наблюдениями, сделанными в предшествующие годы, можно заключить, что свод печи и топка делались из плах, покрытых глиняной обмазкой из вальков; верх свода состоял из прутяного каркаса и лозы. Рухнувшая обмазка свода печи лежала на прекрасно сохранившемся печном поде, сильно ошлакованном на поверхности. Плиты его из лиловато-белой глины, без всякой примеси, часто сверху остеклованы и растрескались. Они залегали совершенно горизонтально и тянулись правильной полосой с востока на запад площадью 4 × 2 м, переходя в околопечное возвышение.

Как я указывала, обмазка печного свода обнаружилась на глубине 0.16—0.19 м; нижележащие плиты (верхние) пода залегали на глубине 0.22—0.25 м, причем верхние подовые плиты незаметно переходят в красновато-розовую подмазку, которая занимала небольшой участок в 1 м ширины. Этой подмазкой было выровнено околопечное возвышение.

Верхние подовые плиты с остеклованной и ошлакованной поверхностью лежали непосредственно на плитах первого пола (исключительной сохранности) кирпично-красных оттенков, тщательно притесанных. Они залегали на глубине 0.26—0.29 м сплошным горизонтальным плитчатым настилом на всем пространстве печи и околопечного возвышения в северной части камеры № 1 и составляли первый плитчатый слой.

Ниже их шли плиты подовые. Ниже первого слоя открыт правильно лежащий второй слой (на глубине 0.32—0.36 м) из красноватой плитчатой обмазки того же характера, что и первый. Второму плитчатому слою соответствуют наслоения в южной части камеры № 1 (Рис. 24-а и 24-б).

Таким образом, северная часть камеры, тянущаяся вдоль северной стенки жилища, связана своей конструкцией с большой печью № 1, подовым и сливающимся с ним околопечным возвышением, которые состоят из трех плитчатых слоев, непосредственно лежащих один над другим. Наиболее интересно то, что все три горизонтальных слоя (под, первый и второй слои) лежат здесь на вальках. В этой части камеры вальки образуют чрезвычайно мощное наслоение; они крупны по размерам, на месте печи доходят до 0.50 м ширины и до 0.25 м толщины. По цвету они, в отличие от обычных желтоватых, красные, переходящие в лиловато-красные, прекрасно заровненные сверху.

Разборка этих вальков дала новые наблюдения, которые показали, что на поверхности вальки заровнены тонким слоем глины (0.005 м), слившейся при обжиге с вальками. Обратная сторона их имела хорошо сохранившиеся следы отпечатков дерева.

Весь этот деревянно-глиняный настил фундамента жилища залегал на слабо обожженном третьем слое пола, на так называемом нижнем полу, встреченном в жилище лишь на отдельных участках.

Подовые плиты и первое и второе плитчатые наслоения (в кв. 5/*m*) располагаются несколько наклонно, образуя правильно округлой формы впадину 0.50—0.75 м в диаметре, причем впадина эта заметна и ниже, в слое вальков, на уровне которых на месте впадины — провал или околопечная яма, приходившаяся против устья печи; входное отверстие печи было с южной стороны.

Наблюдения над устройством печей на поселении Коломийщина I (печи в жилище № 2, 17 и др.) обнаружили также небольшие впадины околопечных ям.

1

2

3

Рис. 24а. Коломийщина II. *1, 2* — плитчатая обмазка пода печи; *3* — вальковая обмазка свода печи

Под рухнувшим сводом печи (в кв. 5/*m*, 5/*n*) на глубине 0.23—0.25 м открыты фрагменты широкогорлого сосуда средних размеров, без орнамента, и небольшой горшок с полосчатым сглаживанием; здесь же найден небольшой кувшин (кв. 6/*n*) и фрагменты каменной зернотерки (кв. 3/*m* — 3/*n*). Кроме того, обнаружена сидячая мужская (с одним глазом) целая глиняная статуэтка.

Противоположная часть (южная) камеры № 1 в основе также имела деревянно-вальковый настил, поверх которого были наложены два слоя плитчатого пола.

Здесь, на плитах второго слоя, были открыты многочисленные фрагменты больших сосудов, лежащих в раздавленном состоянии in situ (на глубине 0.25—0.30 м), как будто они были разбиты при падении южной стены жилища. Падение сосудов произошло с юга на север.

После расчистки этой части камеры № 1 (напротив печи) открылась исключительно интересная картина расположения хозяйственного инвентаря. У стены жилища стояли большие (до 0.70—0.80 м высотой) сосуды грушевидной формы, украшенные углубленным спиральным орнаментом. Пять сосудов стояли в ряд (сосуды № 4, 5, 6, 7 и 7а), за ними располагались два кратерообразных сосуда с орнаментом (сосуды № 2 и 3), один кувшин (№ 26) и чаша средних размеров (№ 8). Около них находились нижние камни зернотерок. Таким образом, всего в этой части дома открыто 12 сосудов и 3 зернотерки (рис. 25).

Если вспомнить модели жилищ из Попудни и Сушковки, то та же картина в расположении хозяйственного инвентаря наблюдается и на модельках, где против печи стоят грушевидные урны, а рядом — женщина, растирающая зерно.

Исключительная сохранность всей постройки, в частности камеры № 1, позволила с такой подробностью наблюдать все конструктивные приемы и размещение хозяйственного инвентаря в трипольском доме.

Камеру № 1 отделяет проходящая наискось поперечная перегородка от соседней № 2. В кв. 6/*m* наслоение мощных подовых плит несколько понижается и, наконец, совсем обрывается, а в перерыве выступает вальковая желтая обмазка, которая тянется с севера на юг поперек постройки и продолжается на соседних квадратах. Перерыв плитчатых наслоений и присутствие в большом количестве вальковой обмазки, стоящей на ребре, указывает на наличие здесь поперечной перегородки между смежными 1 и 2 камерами.

Интересно, что аналогичная картина выступает и на соседнем участке (кв. 6/*n*), в котором плитчатые наслоения прерываются, и в перерыве выступают (на глубине 0.40—0.42 м) стоящие на ребре вальки, видимо, вместе с деревом составляющие основу поперечной перегородки.

В квадрате 6/*n* на расстоянии 1.9 м от северной продольной стены жилища обнаруже-

ны на уровне нижнего пола (на глубине 0.40 м) остатки нижней части сильно обугленного столба диаметром до 0.1 м. Расчистка его показала, что он стоит вертикально, так как волокна дерева (угля) располагаются в том же направлении. Рядом с первым столбом в том же квадрате, на расстоянии 0.30 м от него, встречено новое скопление угля от второго столба большего диаметра (до 0.18 м).

Особенно хорошо сохранилась перегородка в смежном участке (кв. 6/*о*), где ясно прослежен и перерыв в плитчатых наслоениях обеих смежных камер и вальковая обмазка. Кроме того, здесь, на глубине 0.42 м, по линии 6/*о* — 7/*о* обнаружен третий столб небольшого диаметра (0.12 м) с вертикально располагавшимися волокнами обугленного дерева. Столб этот, как и первый, открытый в кв. 6/*п*, находился на расстоянии 2 м от южной продольной стены жилища. Между столбами первым, вторым и третьим в камере № 1, как уже указывалось, приходятся участки с частично земляным полом или выступает слабо обожженный так называемый нижний пол. Отсюда следует сделать наиболее вероятное предположение, что именно в этом месте был проход со стороны наружного входа (в западной стене) во вторую камеру (через вход между столбами в поперечной перегородке). Размер этого входа между столбами 1.6—1.8 м, что образует достаточно широкий пролет, приходящийся против намечаемого наружного входа в западной стене.

Если с южной и северной сторон вдоль плитчатых наслоений, идущих широкой полосой на 0.5 м, прослеживается с каждой стороны желтая вальковая обмазка стен, то с западной стороны, где предполагается вход, эта вальковая желтая обмазка в кв. 3/*п* — 3/*о* образует словно небольшие сени в 0.50—0.60 м шириной, вплотную прилегая с запада к камере № 1. За границами входа в несколько большем количестве, чем на плитчатых наслоениях в доме, обнаружены кости животных, раковин и фрагменты керамики (на глубине 0.40—0.42 м).

Камера № 2. Размеры ее с запада на восток 4.7 и 6.10 м с севера на юг.

С севера на юг плитчатые наслоения на расстоянии 0.50 м от границ жилища окаймляются вальковой рассыпчатой обмазкой — остатки основ стен, залегавших на глубине 0.40—0.45 м (нижний уровень, на котором воздвигалась постройка). Конструкция камеры № 2 заметно отличается от камеры № 1. Сейчас же за вальковой обмазкой перегородки выступает нижележащая обмазка нижнего пола (на глубине 0.32—0.37 м).

В камере № 2 можно выделить четыре участка, различные по назначению: 1) печь № 2 в юго-восточном углу камеры; 2) околопечное возвышение, которое тянется вдоль южной стены; 3) плитчатые многослойные наслоения, хорошо заровненные, окрашенные сверху в красную краску, видимо, представляющие в доме особое жертвенное место;

4

5

6

Рис. 246. Коломийщина II: *4*—плитчатая обмазка пола; *5* — вальковая обмазка основания пола; *6* — вальковая обмазка свода печи

4) участок в северо-восточном углу камеры с земляным полом и с едва заметными следами слабо обожженной обмазки.

Вход в камеру № 2, очевидно, был с северной стороны и приходился как раз на земляной участок, где не наблюдалось плитчатых наслоений. Кроме того, как было указано выше, имелся проход и в камеру № 1. Вероятно, был проход и в камеру № 3. На это указывает обугленный столб, найденный в месте перегородки (кв. 8/*п*), разделяющей камеры № 2 и 3.

Печь № 2. В юго-восточном углу камеры (1 кв. 8/*о*) была обнаружена груда сильно ошлакованной обмазки от рухнувшего свода печи (с особенно сильным завалом обмазки в южной стороне). Примерная площадь ее (с севера на юг) 2 × 1.5 м (с востока на запад). Эта груда залегала в черноземе всего на глубине 0.10—0.17 м, в южной части, за границей плитчатых наслоений,— на глубине 0.29—0.32 м. Обмазка сильно обожженная (выше 1000°), местами остеклованная, дошедшая до степени вскипания и превратившаяся в зеленоватую, ноздреватую по структуре.

Обмазка из глины с примесью половы при расчистке четко выделяется и лежит непосредственно на розовато белых плитах пода. По характеру массы и обжига эти подовые плиты заметно отличаются от подовых плит из камеры № 1. Они сильнее шлакованы, лежат на глубине 0.15—0.18 м и занимают пространство до 2 м². Того же характера плиты, но без шлакованности на поверхности, открытые ниже; они составляют первые плитчатые наслоения пола (на глубине 0.20—0.23 м). Ниже пола (на глубине 0.30—0.35 м), как и в камере № 1, идет второй слой пола (не считая плит печного пода). Таким образом, место, где располагалась печь № 2, состояло из трех плитчатых наслоений, а возвышение около печи (кв. 7/*о*)— из двух (первого и второго).

Все эти плитчатые наслоения лежали непосредственно на нижнем полу, и вальковой обмазки на всем пространстве камеры № 2 не было прослежено.

В процессе разборки груды шлакованной печной обмазки выяснилось, что на участке, примыкающем к южной стенке жилища (кв. 8/*о*), отсутствуют плиты пола и шлакованная обмазка лежит значительно ниже — прямо на земле, на глубине 0.29—0.39 м. По аналогии с печью № 1, здесь имелся прорыв в плитчатых наслоениях, в месте которых образовывалась печная яма до 0.40 м в диаметре, находившаяся в части, противоположной устью печи. Входное отверстие — устье печи — было, судя по размещению очажной обмазки, обращено на север.

На плитчатых наслоениях (кв. 7/*о*) с запада, примыкая непосредственно к печи № 2 (на границе с кв. 8/*п*), лежали фрагменты больших раздавленных сосудов с углубленной орнаментацией. Сосуды грушевидной формы, с наклоненным внутрь краем (№ 15), и два больших сосуда двухконусной формы, грубой формовки, с ручками-ушками на стенках (№ 10 и 11). На дне сосуда № 10 лежали обожженные кости животных. Фрагменты разбитых сосудов обнаружены на глубине 0.21—0.25 м и с полной четкостью сохраняют картину падения и развала их на плитах пола под давлением рухнувшей стены. Здесь же у края постройки открыт кувшин средних размеров; кроме того, на плитах второго пола обнаружены чаша (№ 9) диаметром 1.1 м и малая чаша (№ 13); рядом — небольшой горшок с полосчатым сглаживанием. Всего в камере № 2 обнаружено 9 сосудов.

Как уже указывалось, все сосуды лежали на плитах второго пола, которые в свою очередь залегали на слабо обожженной плитчатой обмазке так называемого нижнего пола. Между плитами второго слоя и нижним полом вальковой обмазки не было.

Вальковая обмазка отсутствует и далее в кв. 8/*п*. Нижний пол сохранился в кв. 7/*п* и 7/*т* и неширокой длинной полосой тянется с юга на север, переходя в кв. 6/*т*. На границе кв. 7/*т* 7/*п* этот нижний пол, сильно разрушенный, слабый по обжигу, желтоватый по цвету, состоит из двух, а в некоторых местах и трех глинистых слоев. Эти глинистые слои непосредственно подмазаны один над другим, причем верхний слой прекрасно заровнен и покрашен темнокрасной краской, ровным слоем покрывающей обмазку. Такого типа окраска отмечалась на Коломийщине I в жилище № 11 на части стены около печи. Здесь, в жилище № 2, плитчатая обмазка образовывала небольшое возвышение. Оно многократно подмазывалось.

Возвышения крестообразной формы известны по раскопкам жилищ у с. Владимировки. Крестообразная форма, орнамент, украшавший возвышение концентрическими кругами, и некоторые другие признаки дали возможность определить возвышения как жертвенное место в трипольском доме. В жилище № 1 во Владимировке крестообразная форма жертвенника была вторичной, возникшей в результате переделки; ниже на этом месте было округлое (в плане) возвышение.

В изучаемом жилище № 2 уловить правильное очертание возвышения (на 0.25—0.30 м выше пола) не удалось, однако окраска его в красный цвет служит достаточным основанием, чтобы судить о назначении этого места в доме как особого, связанного с культом. Интересно, что это возвышение состояло из нескольких напластований глины, которые каждый раз подмазывались на том же самом священном месте. Возникновение жертвенника с красной краской должно быть связано с самым начальным моментом постройки дома.

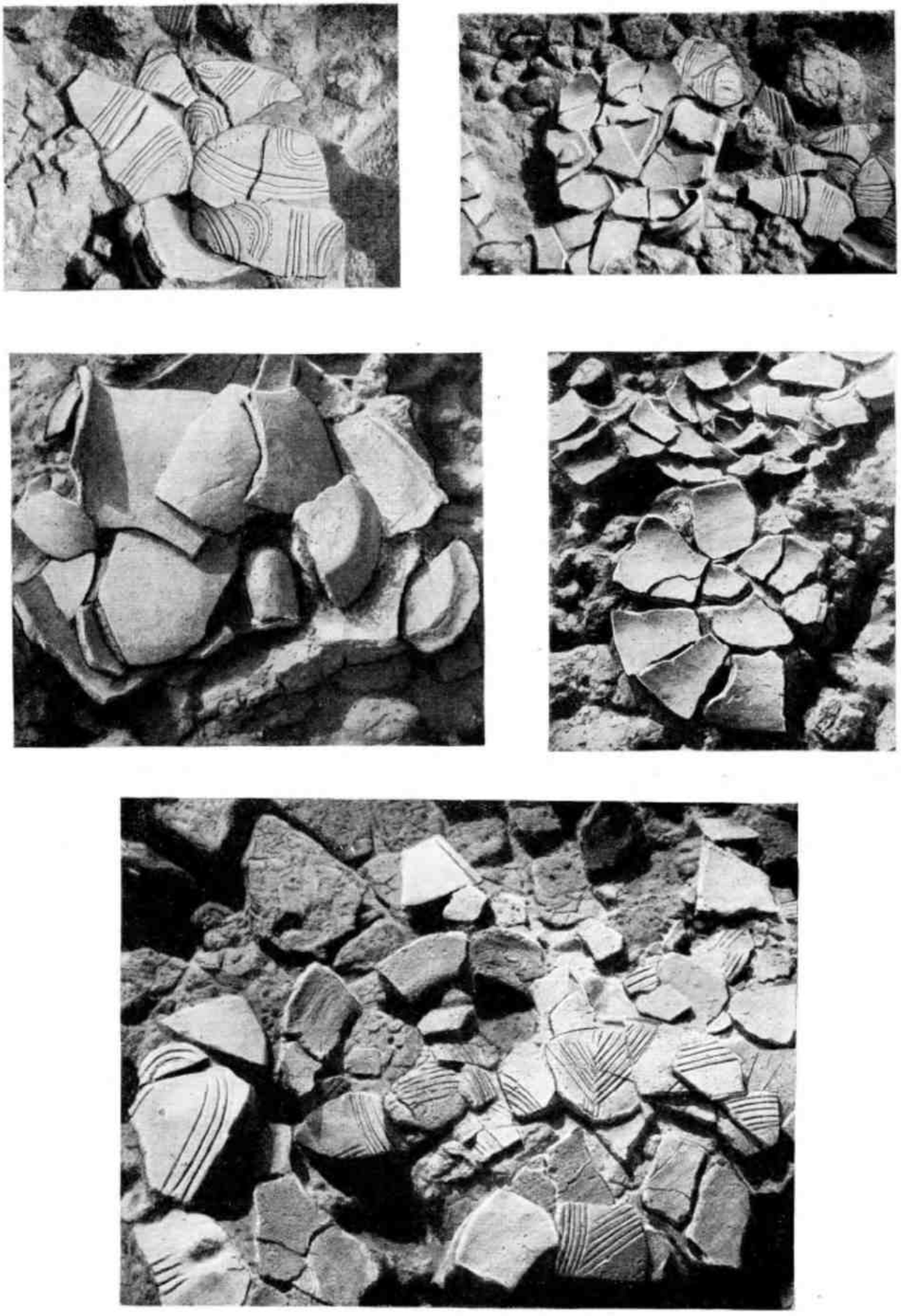

Рис. 25. Коломийщина II. Остатки больших сосудов для хранения припасов на полу жилища № 2

В дальнейшем это возвышение неоднократно подвергалось исправлению.

Северо-восточный угол в камере № 2 (кв. 8/*m*, 8/*n*, 7/*m* и 7/*n*) не имеет вовсе плитчатых наслоений, и в этой части жилища пол был земляным; возможно, что, будучи подмазанным нетолстым слоем глины, пол этот быстро изнашивался. Участок земляного пола с севера ограничивается полосой из желтоватой вальковой обмазки, которая тянется с севера у границ плитчатых наслоений. Таким образом, участки с земляным полом, безусловно, включены в общие границы постройки.

В кв. 8/*m*, 9/*n* и 9/*o* с севера на юг тянется, пересекая поперек постройку, желтая вальковая обмазка. В кв. 8/*o* она сливается с очажной обмазкой, а дальше лежит прямо на земле (на глубине 0.30—0.35 м) в перерыве плитчатых наслоений между камерой № 2 и 3.

Валики эти стоят вертикально на ребре и часто с одной стороны имеют отпечатки плах дерева, положенных продольно. Следует сделать заключение, что внутренняя перегородка состояла из дерева, с двух сторон покрытого вальковой обмазкой. Внизу эта обмазка из глины с примесью половы слабо обожжена.

В кв. 8/*n* на расстоянии 2—2.1 м от северной продольной стены открыты остатки нижней части сильно обугленного столба. Он расположен на таком же расстоянии от северной наружной стенки, что и первый столб, и находится на одной с ним линии, идущей с запада на восток. Второго столба в этой перегородке не было обнаружено. По аналогии расположения парных столбов внутри других жилищ (Коломийщина I, жилище № 24 и 25), можно сделать предположение, что описываемая перегородка между камерами № 2 и 3 имела второй столб, примерно в кв. 9/*o*.

В месте, где перегородка примыкала к стенке печи в кв. 9/*o*, валики перегородки были перекрыты печной обмазкой, поэтому особенно четко сохранились. Они шли с востока на запад, причем общая длина перегородки прослежена на протяжении 5.6 м (перегородка между камерами № 1 и 2—6.1 м). В кв. 9/*n* и 8/*n* (по линии 9/*n* — 9/*o*) на участке до 1 м шириной можно предположить существование внутреннего прохода в соседнюю камеру № 3. На этом пространстве земляной пол в камере № 2 соответствует земляному полу в камере № 3.

Камера № 3 примыкает с востока непосредственно к камере № 2 и занимает площадь (с запада на восток) 4.5×5.6 м (с севера на юг). В камере, как и в предыдущих случаях, может быть выделено несколько частей. С востока камера ограничена поперечной перегородкой.

В юго-восточном углу (кв. 10/*o*) размещалась печь № 3, очертания которой установлены по груде сильно ошлакованной обмазки, лежащей на плитах печного пода (2×1.8 м). Устройство свода печи, обычное для трипольских печей, точно такое же, как и основы печи, состоящей из подовых плит и первого и второго слоя красноватых плит, лежащих частично на валиках.

На соседнем участке (кв. 9/*o*) — иная картина. Здесь два ряда лиловато-палевых плитчатых наслоений лежали прямо на земле, причем это место с севера обрамлено красноватой массой валиков и заметно выделяется по своим очертаниям. Это околопечное возвышение, на плитах которого непосредственно лежали фрагменты средних размеров сосуда типа кратера с углубленной орнаментацией (№ 20). Несколько поодаль, ближе к печи (кв. 9/*o*),— большого диаметра чаша из розоватой массы, с росписью черной краской (№ 19). Все эти сосуды открыты на первом слое плит на глубине 0.20—0.29 м. Ближе к продольной стенке (кв. 9/*o*) жилища лежал небольшой сосуд двухконусной формы с двумя ручками и со следами черной росписи. На частично разрушенных плитах пола (кв. 9/*n*) обнаружен средних размеров сосуд с углубленным орнаментом (№ 23 и 24).

Рядом находилась большая зернотерка (нижний камень) из песчаника с хорошо заровненной поверхностью (рабочая часть). Всего в камере оказалось 12 сосудов.

Не менее интересным оказался и северо-западный угол камеры (кв. 9/*m*). Здесь расчищено два, а в некоторых случаях три плитчатых наслоения, на которых был найден фрагмент зернотерки и небольшой сосуд с угловатыми плечиками (№ 29). В процессе разборки установлено, что в этом месте первый и второй плитчатые наслоения лежат на третьем сильно ошлакованном (до остекления) слое плиток, ниже которых — обмазка так называемого нижнего пола. По своему характеру ошлакованные плитки напоминают плиты печного пода, но в данном случае они были перекрыты наслоениями первого и второго пола и, безусловно, представляли собой остатки некогда существовавшей в этом месте печи. Эта печь была построена на уровне нижнего пола.

На этом участке в камере № 3 мы имеем возможность наблюдать, таким образом, место старой печи, которая затем была переделана и заложена первым и вторым слоем плитчатой обмазки. Старая печь существовала в тот момент, когда жилище, видимо, было еще не перестроено, и его границы прослеживаются в пределах нижнего пола. Таким образом, понятно, что именно здесь на нижнем полу и лежали шлакованные плиты третьего слоя от старого печного пода. При перестройке и расширении дома и числа камер на месте старой печи было сделано плитчатое наслоение в два ряда, на котором располагались сосуды и зернотерки.

На остальных участках в камере № 3 пол был земляным с едва заметной подмазкой (нижний пол). В кв. 10/*m* по линии 10/*m*—11/*m* может быть намечен выход наружу из камеры, а в промежутке по линии 11/*n* — 11/*o* перерыв в плитчатых наслоениях указывает на возможность в этом месте пролета по середине поперечной перегородки. То же наблюдалось и в перегородке между камерой № 1 и 2, где были обнаружены остатки двух столбов.

В перегородке, которая отделяла камеру № 3 от камеры № 4, были также обнаружены остатки двух столбов (нижние их части). Один из них стоял в кв. 11/*n* на расстоянии 2 м от северной продольной стенки, другой — в кв. 11/*o* на том же расстоянии (2 м), но от южной стенки постройки. Перегородка хорошо прослежена и состоит из вальков, лежащих прямо на земле (на глубине 0.40—0.45 м). Она проходит в тех местах, где ясно заметны перерывы в плитчатых наслоениях.

Камера № 4 по площади 4 м с запада на восток и 6 м с севера на юг.

В отличие от всех предыдущих камер, здесь были открыты две печи. Сильный развал свода шлакованной обмазки сплошной грудой залегал на глубине 0.24—0.26 м в кв. 11/*o* (печь № 4). Груда, сильно растянутая с востока на запад, занимала площадь в 3×1 м. В кв. 11/*n* — другое скопление очажной обмазки — печи № 5. Таким образом, печи стояли в северо-западном и юго-западном углах камеры, примыкая к поперечной перегородке, разделявшей камеры № 3 и 4. Между печами наблюдается заметный в плитчатых наслоениях перерыв, который сливается с описанным в камере № 3 и соответствует внутреннему проходу из одной камеры в другую. Устье печи (входное отверстие) при таком расположении могло быть обращено только на восток. Подовые плиты печи № 4, на которых лежала шлакованная обмазка свода (на глубине 0.20—0.25 м), тянутся с востока на запад — на 3 м вдоль перегородки шириной в 1 м.

Подовые плиты печи № 5 площадью 2×2 м лежат непосредственно под обмазкой рухнувшего свода. Под ошлакованной обмазкой свода печи № 4 и около нее (кв. 12/*o*) на плитах первого слоя найден средних размеров округлый сосуд с двумя ручками, которые соединяют верх и основание края. Около сосуда (на глубине 0.31—0.33 м) найдены пережженные кости животных.

Ниже подовых плит на месте печей открыто два нетолстых, беловатых плитчатых наслоения (1 и 2-й пол), причем лишь в этом участке они лежали на вальках; на смежных участках (кв. 11/*o* — 12/*o*) не было обнаружено вовсе «вальков», а открыто лишь два слоя плиток пола. Те же наблюдения сделаны и в северной части камеры № 4 (кв. 11/*n* и 12/*m*), в которых располагалась печь № 5. Ее конструкция ничем не отличалась от печи № 4. На верхних подовых плитах обнаружен в разваленном состоянии среднего размера кратер с углубленным орнаментом, а на расстоянии 1 м — сланцевая мотыга больших размеров (0.175 м).

Значительные пространства (кв. 12/*m* и 12/*n*), непосредственно прилегающие к поперечной перегородке, не дали никаких плитчатых наслоений, и пол в жилище в этом месте был, видимо, земляным. Следы слабо обожженного нижнего пола заметны здесь только на небольшом участке (кв. 12/*m*), причем на нем открыта куча плотного белого известкового конгломерата. Известка обнаружена на глубине 0.40 м и занимала площадь 0.30—0.50 м. Тождественная куча известки в 1939 г. была открыта в жилище № 4 на том же поселении — Коломийщина II. Любопытно, что, видимо, известка была принесена в дом и употреблялась при выделке керамики как примесь к глиняной массе или использовалась при постройке самого жилища в качестве примеси к глиняной массе плитчатого или валькового строительного материала. Во всяком случае, в глиняной массе посуды неоднократно отмечается примесь толченых раковин — та же известка, а в некоторых случаях — мелкие белые частицы извести, причем и раковины и известь прибавлялись в массу для достижения большей крепости черепка.

Камера № 4, помимо внутреннего сообщения с камерой № 3, не имела, вероятно, выхода наружу, так как и вдоль продольной северной и южной стенок находились двойные плитчатые наслоения с сосудами на них и печи № 4 и 5.

В поперечной перегородке (кв. 13/*m*, 13/*n* и 13/*o*) имелся большой (2.5 м) перерыв в плитчатых наслоениях, который следует рассматривать как проход в камеру № 5, через которую и был выход наружу.

Камера № 5 по площади довольно значительная: с запада на восток 5.5 м и с севера на юг 5.4 м, с одной печью № 6 в юго-восточном углу камеры (кв. 15/*o* — 16/*o*).

От камеры № 4 ее отделяет ясно заметный перерыв в плитчатых наслоениях, с немногочисленными обломками вальков, которые свидетельствуют о наличии в этом месте поперечной перегородки.

Камера № 5 (крайняя) расположена в восточном конце жилища № 2. Наиболее мощные плитчатые наслоения расположены в кв. 15/*o*, там же, где и печь № 6. Здесь лежит на подовых плитах примерно 2×2 м небольшая груда очажной обмазки рухнувшего свода. Подовые плиты, в свою очередь, лежат на первом слое плиток пола. На месте печи № 6, ниже первого слоя плит, лежат, как обычно, вальки.

В других участках камеры № 5 наблюдались лишь плитчатые наслоения первого пола, лежащие прямо на земле; они сильно разрушены и сохраняются лишь небольшими участками (кв. 13/*р* — 14/*р*). Здесь на плитах первого слоя открыты средних размеров сосуд (кратер) с углубленным орнаментом (№ 13) и скопление пережженных костей животных (кв. 12/*т*). На плитах лежал больших размеров раздавленный двухконусный сосуд (без орнамента), сильно деформированный при обжиге (кв. 15/*т*).

Выход из камеры № 5, можно предполагать, был в том месте, где заметен перерыв плитчатых наслоений (кв. 15/*т* и 15/*п*), у края наружной восточной стены постройки или же в северной части камеры (кв. 14/*т* — 13/*т*). У восточной границы жилища обнаружено, как это обычно бывает, скопление желтой, слабо обожженной обмазки от нижних частей стен.

Общая длина жилища № 2 в границах плитчатых наслоений составляет 26 м с запада на восток; с развалом от основ стен — 27 м. Ширина не везде одинаковая. Так, по линии 4/*т* — 4/*р* камера 1-я с севера на юг — 6 м (с развалом стен 6.8—7 м); по линии 7/*т* — 7*р* — первая перегородка 5.9 м (с развалом стен 6 м); по линии 9/*т* — 9/*р* — вторая перегородка — 5.6 м (с развалом стен 6.5 м); по линии 11/*т* — 11/*р* — 5.6 м (с развалом стен 6,5 м); третья перегодока по линии 13/*т* — 13/*р* — 5.40 м; четвертая перегородка между камерами № 3 и 4 с развалом стен 5.30 м (выше были указаны размеры камер).

В целом, жилище № 2 имело 4 перегородки, разделявшие длинный дом на пять помещений (камер) с шестью печами. В местах поперечных перегородок обнаружено пять столбов, попарно располагавшихся внутри дома. Дом имел четыре наружных выхода из камер № 1, 2, 3 и 5; все пять камер внутренними ходами сообщались друг с другом. Четыре печи располагались вдоль южной стены, две — вдоль северной; одна лишь камера № 4 не имела, видимо, выхода наружу и сообщалась через камеру № 5.

Хорошая сохранность жилища и последовательная его разборка дали возможность проследить в процессе раскопки конструкцию постройки в целом и каждой камеры в отдельности. Наземное жилище № 2 несколько раз перестраивалось и расширялось. О первоначальных размерах постройки свидетельствуют остатки нижнего пола, обнаруженного лишь в двух западных камерах — № 1 и 2. В этих камерах, наиболее мощных и сложных по конструкции, нижний пол был со временем заложен деревянными плахами и вальковой обмазкой, образовавшими типичный для трипольского жилища деревянно-глиняный настил. Выше него укладывались многослойные плитчатые наслоения пола, возвышения, а также печи со специально устроенным печным подом.

Камеры № 3 и 4 были иные по конструкции, и можно думать, что они были пристроены несколько позднее в процессе расширения жилища. Прежде всего здесь отсутствует нижний пол, а вальковая основа с отпечатками дерева возведена лишь на месте печей № 3, 4 и 5; остальные же участки выложены двумя рядами плит пола или остаются земляными.

Камера № 5 (восточная) выстроена позднее; наиболее простая по своей конструкции, она имела наслоения первого слоя плиток лишь в один ряд, а на месте печи № 6 находились вальковая обмазка и подовые плиты. Кроме того, послойный разбор в процессе раскопок глинобитных остатков жилища четко выявил на глубине 0.40—0.45 м залегание вальковой обмазки в местах всех четырех поперечных перегородок и в местах оснований печей, околопечных возвышений и нижних частей стен.[50]

Парные семьи длинного общинного дома, по мере разрастания населявшего его родового коллектива, постепенно расширяли границы постройки, пристраивая к ней новые помещения и не отрываясь, вместе с тем, от тех хозяйственных ячеек, с которыми они жили и вели коллективное хозяйство. Отсюда то различие в количестве помещений (камер), которое наблюдается в каждом трипольском доме (от двух до пяти камер). Кроме того, вероятно, камеры № 1 и 2, как старейшие в данном жилище № 2, сохраняли свою роль в ведении общего хозяйства. Это будет особенно ясно при анализе хозяйственного инвентаря, находившегося в этих камерах (№ 1 и 2). Кроме того, в камере № 2 был алтарь — особое жертвенное место, которое подчеркивает значение этой части дома.

Благодаря исключительно хорошей сохранности остатков жилища и методике раскопок большими площадями с послойным снятием плитчатых наслоений удалось провести наблюдение над расположением инвентаря в каждой камере отдельно. Поэтому описание обнаруженного в пределах камер материала следует дать ниже.

Камера № 1. Здесь обнаружены три каменные зернотерки: два обломка из песчаника нижнего зернотерочного камня с плоской рабочей верхней частью (кв. 3/*т*); два обломка нижнего камня зернотерки. Рабочая часть сильно заполирована (кв. 3/*п*). Скребок из серовато-коричневого кремня округлой формы, с двойной ретушью по рабочему краю.

---

[50] Составленные после послойного снятия три горизонтальных плана — на уровне верхнего первого пола, второго пола и на уровне вальков — дали возможность установить конструктивные приемы и переделки, имевшиеся в жилище за все время его существования.

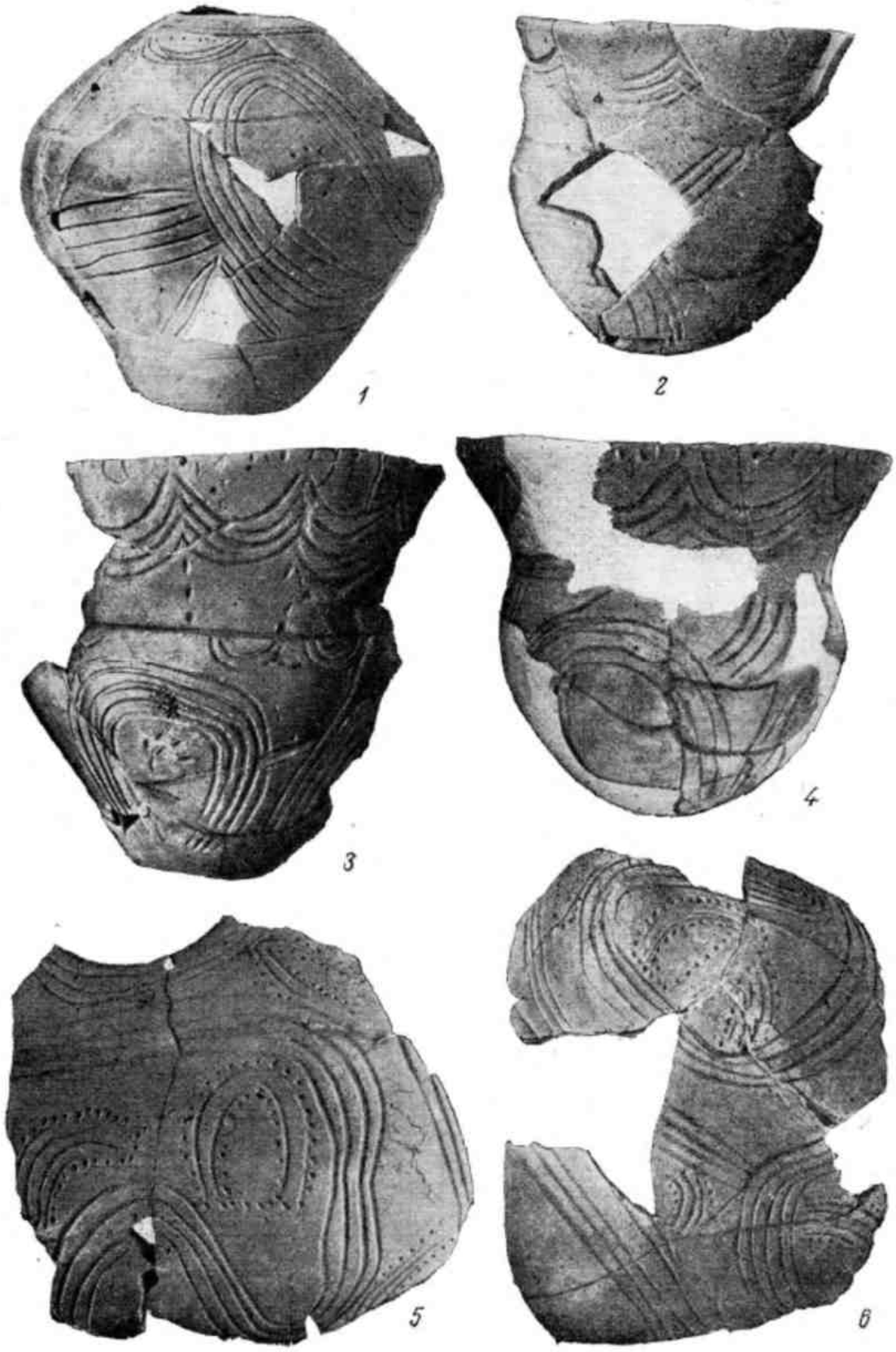

Рис. 26. Коломийщина II: *1—6*—сосуды с углубленным орнаментом из жилища № 2 (1/2 н. в.)

Основной материал, обнаруженный в жилище № 2, принадлежит керамическим изделиям. Всего в жилище было найдено 39 разных сосудов. Они могут быть разделены в основном на сосуды расписные и нерасписные и принадлежат к трем группам.

Первая группа. Сосуды изготовлены из розовато-красной очень плотной массы — глина с примесью мелкозернистого песка; обжиг окислительный. Наружная поверхность покрыта жидким слоем красноватой красочной облицовки, поверх которой нанесена роспись полосами черной краской. Из форм должны быть отмечены конические чаши с росписью на внутренней поверхности, небольшие сосуды с угловатыми плечиками и двухконусные с ручками малых размеров.

Вторая группа. Сосуды изготовлены из коричневато-красной или кирпично-красной массы с примесью песка. Наружные поверхности слабо заглажены, неровны, часто заметны следы от формовки. Орнамент углубленный и состоит из лент, каждая из которых образована 4—5 параллельными полосами. Распространены сюжеты одиночных спиралей с округлым центром и двойные — восьмерочные (на сосудах грушевидных форм). Встречены и дугообразно выгнутые ленты и фестоны (на кратерах). Орнамент обычно покрывает всю поверхность сосуда и не заключен в горизонтальные пояса.

Наиболее распространенные сосуды грушевидной формы: 1) с невысокими, слегка наклоненными внутрь краями; 2) со срезанным и горизонтально уплощенным горлом небольшого диаметра; 3) кратерообразные, с сильно расходящимися широкими краями горла и высокорасположенными плечиками; 5) кувшины с ручкой; 6) конические чаши; 7) двухконусные сосуды больших размеров с несколькими ручками-ушками на верхней и нижней частях сосуда; 8) небольшие сосудики с сильно вытянутым горлом и угловатыми плечиками.

Третья группа. Керамика этой группы, вылепленная из массы с примесью раковин и со следами полосчатого сглаживания на поверхности, во всем жилище представлена в очень небольшом количестве. В камере № 1 обнаружены всего несколько фрагментов, принадлежащих двум горшкам обычной формы.

Всего в камере № 1 обнаружено 15 сосудов этих трех групп, различных по форме.

К первой группе относится небольшой сосуд с угловатыми плечиками; сохранились лишь следы росписи.

Ко второй группе принадлежит большинство сосудов: 1) коническая чаша (сосуд № 7) средних размеров из кирпично-красной массы с хорошо заровненной поверхностью (кв. 6/о). У другой чаши (сосуд № 8), также из красной массы, по наклоненному внутрь краю нанесен ряд углублений группами (кв. 6/о). 2) Кратерообразные сосуды: а) один сильно деформированный кратер без орнамента был обнаружен под грудой сильно ошлакованной обмазки печи № 1 (кв. 6/п). Масса — темнокрасная с сильной примесью песка, поверхность шероховатая (сосуд № 28); б) фрагменты кратерообразного сосуда (кв. 4/о). По верху края проходит ряд неправильных углублений; по широкому краю свисают фестоны, образованные лентой из четырех углубленных полос. Ниже, по плечикам, проходят дуговидные ленты, треугольные пространства между которыми заполнены сходящимися под углом углублениями. Масса коричневатая, к поверхности — черно-серая, обжиг неравномерный, наружная поверхность слегка заглажена (сосуд № 3). Аналогичный кратерообразный сосуд был найден по соседству с сосудом № 3. У основания края проходит углубленная полоса, от которой вниз свисают треугольной формы вдавления. Ниже сохранились части свисающих дуговидных лент (сосуд № 2). 3) Сосуды грушевидной формы составляют в камере № 1 большинство, причем, как указывалось выше, они все (семь штук) стояли на возвышении у южной стенки, против печи. Точно такой же формы сосуды для хранения припасов стоят на модельках из Сушковки и Попудни. Сосуд № 4 (кв. 4/о) грушевидной формы, до 0.70 м высотой, с сильно наклоненным внутрь и срезанным краем горла небольшого диаметра. Небольшие ручки-ушки помещаются на нижней части стенок. Масса — кирпично-красная с примесью черных железистых частиц, неплотная. Наружная поверхность хорошо сглаженная, ровная, внутренняя — черная с ясно заметными следами полосчатого сглаживания. Черта эта характеризует керамику среднего Триполья («культура А» по Хвойко). Сосуд обнаружен во фрагментах. Системы орнамента полностью восстановить не удается. Основание наклоненного края опоясано лентой из пяти параллельных полос. Видимо, такая же лента опоясывала сосуд и по нижней, конически сужающейся части; таким образом, орнамент покрывает почти полностью всю поверхность сосуда и заключен в широком поясе. Система восьмерочной со слившимися концами двойной спирали, опоясывающей всю поверхность сосуда, нанесена широкой лентой. Промежутки между спиралями заполнены сходящимися под углом отрезками лент, которые свисают от верхней полосы у основания горла. Центры спиралей свободны (рис. 26).

Сосуд № 5 грушевидной формы, больших размеров, высотой до 0.80 м; диаметр срезанного горла 0.2 м. Отверстие горла заканчивается широким (до 0.25 м), уплощенным, четко выраженным в разрезе краем. Ниже плечиков помещается несколько небольших ручек-ушек, проткнутых в толще стенки. Интересна глиняная масса, из которой вылеплен

сосуд: она красная, чрезвычайно пористая и легкая, с примесью выгоревших растительных частиц и железистых вкраплений. Характер массы дает все основания считать, что сосуд был пригоден лишь для хранения в нем сыпучих тел. Сосуд был обнаружен во фрагментах (кв. 4/*о*). Полностью восстановить систему орнамента не удается. Основание края опоясано широкой лентой из 6 полос. На всей поверхности сосуда, доходя до нижней части, размещаются округлые спирали, образованные шестью полосами. Треугольные промежутки между ними в верхней части сосуда сплошь заштрихованы сходящимися под углом прямыми полосами. Образуются пересеченные большие треугольные поля между изогнутыми лентами спирали. Этот прием чрезвычайно характерен для керамики среднего этапа Триполья (типа Веремье, Щербаневка, Пьянишково) и, вместе с тем, является обычным приемом в полихромной расписной керамике, в которой треугольные свободные пространства между лентами покрываются красной облицовкой и заштриховываются черными полосами. На этом же сосуде, в другом треугольном пространстве, помещена фигура треугольника со слегка выгнутыми сторонами и заштрихованная внутри.

Сосуд № 6 близок по форме к № 5 — грушевидный; обнаружен во фрагментах. Масса более плотная; в свободных пространствах между лентами те же фигуры небольших треугольников. Отличительной чертой является также размещение в центре спирали плоских округлых углублений с расходящимися во все стороны более мелкими углублениями, которые образуют розетку.

Сосуд № 7 грушевидной формы, со срезанным и сильно уплощенным в виде горизонтальной площадки краем (кв. 5/*о*); размер сосуда — 1 м высоты. Ручка-ушко, вероятно, было в нижней части сосуда. Масса красноватая с крупной примесью песка и выгоревшими растительными частицами, сильно пористая, легкая, аналогичная по массе сосудам № 5 и 6. Поверхности цвета массы хорошо заровнены. Углубленный спиральный орнамент покрывает большую часть наружной поверхности сосуда; ленты спиралей состоят из пяти полос.

Несмотря на то, что сосуд обнаружен во фрагментарном состоянии, анализ его орнамента позволяет восстановить интереснейшую систему спирального рисунка: округлые, круто закрученные одиночные спирали резко вертикально отходят от основания края горла. В центре спиральных завитков плоские углубления, причем некоторые из них окружены более мелкими углублениями в виде звезды. Треугольные пространства между спиральными лентами заполнены сходящимися под углом отрезками лент. Ленты состоят из двух полос.

Имеются фрагменты еще одного аналогичного сосуда — № 25. Он грушевидной формы, средних размеров (0.35 м высотой), со срезанным горлом. Наибольшая ширина плеч — на середине высоты. Масса красная, к поверхности — коричневая с темными пятнами от неравномерного обжига. Стенки тонкие. Сильный обжиг деформировал сосуд. Орнамент углубленный, состоит из лент, образованных пятью полосами. Ленты описывают восьмерочные со слившимися концами спирали, которые заключены в широкий пояс; причем спираль не горизонтально обегающая, как обычно, а наискось идущая, с почти вертикально стоящими (а не лежащими) центрами спирального завитка. В завитке плоское углубление с окаймлениями более мелких штрихов. Промежутки между лентами спиралей в нижней части пояса заполнены сходящимися под углом отрезками лент из трех полос. Эти отрезки подымаются от опоясывающей снизу орнамент полосы и образуют треугольники с вершиной, обращенной кверху. В промежутках между лентами спиралей в верхней части сосуда от полосы, окаймляющей орнамент сверху, свисают полукруги из ленты. Внутри в полукругах горизонтально расположены в ряд четыре углубления: обычно в широком поясе орнамента располагаются четыре спирали. На этом сосуде более небрежный стиль их выполнения позволил в широкий пояс вписать всего лишь две спирали.

Этот сосуд обнаружен ближе к поперечной перегородке, частично под желтоватой рассыпчатой обмазкой перегородки (кв. 6/*п*).

Сосуд № 26 — небольшой кувшин с ленточной округлой в сечении ручкой (кв. 6/*п*). По форме кувшин напоминает небольшие сосуды с угловатыми плечиками; перегиб плечиков расположен значительно ниже середины высоты. Масса коричнево-красная с примесью мелкозернистого песка. Поверхность сглаженная, но с выщерблинами, сосуд несимметричен по форме и грубо вылеплен. Округлая в сечении ручка соединяет край и стенки выше перегибов плечиков.

Сосуд № 27 был найден во фрагментах. Сохранился край большого грушевидного сосуда с углубленной ленточной орнаментацией (кв. 6/*п*).

Третья группа. В камере № 1 обнаружен фрагмент края сосуда из красноватой массы с примесью толченых раковин (кв. 3/*о*). У верха края с наружной стороны — углубления правильно округлой формы. Край покрыт неширокими, вертикально и горизонтально идущими полосами полосчатого сглаживания. Таким образом, здесь этот прием отделки поверхности при формовке превратился в чисто орнаментальный прием. Здесь же в камере найден фрагмент еще одного более толстостенного сосуда из той же группы.

Всего в камере № 1 открыто 16—17 сосудов. Наибольшие из них (№ 4, 5, 6, 7 и 7а) вылеплены из пористой массы, т. е. пригодные лишь для сыпучих тел. Они обнаружены на возвышении в той части камеры, которая находилась у продольной южной стенки против печи № 1. Остальные три сосуда (№ 25, 27 и 35) меньших размеров находились на возвышении около печи. Такое местоположение сосудов в жилищах неоднократно повторялось, но в камере № 1, благодаря исключительной сохранности жилища, эти факты подтвердились с особенной точностью. Рядом с грушевидными сосудами на возвышении у южной стенки находились два кратера (сосуды № 2 и 3), а около печи открыты две чаши. Здесь же около сосудов лежали и каменные зернотерки (вдоль южной стенки жилища).

В связи с наблюдениями, сделанными над местоположением в трипольских жилищах глиняных статуэток, особенно интересно то, что статуэтка в жилище № 2 была найдена именно около печи, ближе к поперечной перегородке (камера № 1, кв. 6/*п*). Статуэтка — сидячая, с сомкнутыми ногами, мужская. Лицо с носом, вылепленным щипком. Сквозным округлым отверстием обозначен лишь один правый глаз. Грудь не обозначена вовсе, но зато отмечен мужской половой признак. Плечи заканчиваются округлыми выступами; рук нет. Масса черная, к поверхностям коричневатая, хорошо сглаженная. Статуэтка схематически передает сидячую мужскую фигуру. Для трипольской культуры мужские статуэтки в достаточной степени редки, особенно сидячие. Чаще встречаются стоячие мужские фигурки, также с одним глазом, отличительной чертой их являются перевязь через правое плечо и пояс. На статуэтке из жилища № 2 сохранилась лишь одна из этих черт — одноглазость. Сидячую статуэтку мужскую из Коломийщины II следует сравнить с аналогичным изображением из Шипиницы.[51]

Камера № 2. Здесь обнаружено 8 сосудов.

1. Коническая чаша (сосуд № 9) громадных размеров, со слегка выгнутыми стенками — диаметром 1.1 м; диаметр дна 0.56 м. Масса красная с примесью мелкого песка, стенки толщиной в 1 см (кв. 7/*о*; рис. 27).

2. Чаша небольшого размера (0.35 м в диаметре) из красновато-коричневой массы, без всякой орнаментировки. Открыта частично под обмазкой стоявшей здесь печи № 2 (кв. 8/*о*); в кв. 7/*о* встречена небольшая чашка с углубленным орнаментом по краю.

3. Наиболее интересным сосудом, обнаруженным в данной камере, является грушевидная урна (сосуд № 15) больших размеров. Сосуд сильно раздут в верхней части, в плечах. Отверстие срезанного горла небольшое — 0.1 м. Около краев — сквозное отверстие; под ним на стенке еще одно подобное, служившее, видимо, для продевания шнурка и, возможно, для скрепления сосуда и покрывающей его крышки. В местах, где расположены отверстия, сосуд дал трещину. Описанные отверстия по своему назначению отличаются от парных отверстий, которые обычно наблюдаются на посуде в местах сшивания. Масса сосуда № 15 красновато-коричневая с большой примесью мелкого песка, обжиг окислительный и равномерный. Наружная поверхность сосуда сплошь покрыта спиральным орнаментом, ограниченным сверху и снизу лентой. Ленты образованы из небрежно нанесенных полос разной толщины (по 4—5 полос); промежутки между ними значительно превышают ширину фона. Ленты, описывающие спираль, неровные и волнообразно изогнуты.

Спиральный сюжет заключен в широкий пояс, охватывающий почти весь сосуд; сверху пояс окаймлен тремя полосами, снизу — четырьмя. По стилю орнамент дает исключительно интересное сочетание обычных приемов орнаментировки сосудов этапа B/II и этапа C/I («культуры А» и «культуры Б» Хвойко).

Восьмерочная спираль описывает весь сосуд, причем в свободных треугольных пространствах между лентами расположены дуговидно изогнутые отрезки (несомкнутые дуги), которые окаймлены мелкими углублениями. Такие же несомкнутые овалы (или дуги) размещаются в центрах спиральных завитков и между лентами спирали, а также на других свободных участках между лентами.

На более позднем этапе развития Триполья (C/I), когда исчезает спиральный сюжет, на сосудах господствует другой мотив дуговидно-изогнутых отрезков лент. Ниже, по окончании описания керамики, будут отмечены особенности стиля керамики Коломийщины II, которая, с одной стороны, тесно связана с группой памятников среднего этапа Триполья, с другой — в ней уже заметны все те элементы, которые в дальнейшем станут господствующими и перейдут в керамику эпохи бронзы (например, сюжет изогнутых овалов).

4. На участке (кв. 7/*о*), где находилось возвышение около печи, был найден в раздавленном состоянии огромный двухконусный сосуд с широким горлом и высокими, сильно расходящимися краями. Диаметр краев 0.5 м. По высоте сосуд 1.0 м, толщина стенок 0.015 м. Сосуд имел у основания края по стенкам верхней и нижней части несколько ручекушек, проткнутых в толще стенки. Масса кирпично-красная с сильной примесью песка и белых известковых частиц. Обжиг сильный, поверхности слабо заглажены, внутренняя — со следами отпечатков пальцев — грубо формована. В этом сосуде были найдены пережженные кости животных. На одном из фраг-

[51] Oleh Kandyba. Schipenitz, Leipzig — Wien, 1937, рис. 49.

Рис. 27. Коломийщина II. Сосуды из жилища № 2 (*1, 3, 4, 5* — 1/2 н. в.; *2* — 3/4 н. в.)

ментов сохранились просверленные отверстия. Сосуд не был орнаментирован (сосуд № 10).

5. Рядом с сосудом № 10 был найден аналогичный двухконусный, несколько меньших размеров, с ручками-ушками на стенке у основания края.

6. Сосуд № 16 (кв. 8/*о*) кратерообразной формы, средних размеров с углубленным орнаментом, покрывающим всю поверхность. Масса красновато-розовая, обжиг неравномерный. По верху края проходят мелкие углубления, от которых вниз свисают образованные лентами фестоны. Ниже от них до полосы, отграничивающей основания края, спускаются одиночные ряды вертикально расположенных углублений. По плечикам — доходя до самого дна — поверхность сосуда заполнена несомкнутыми подковообразными отрезками лент, каждая из которых состоит из пяти параллельных полос. Концы лент ничем не ограничены. В центре овала — плоские округлые углубления, нанесенные пальцем и окаймленные более мелкими. В свободных пространствах между овалами от основания края свисают пары небольших полукруглых овалов.

Описанная система орнамента чрезвычайно любопытна с точки зрения понимания пути развития трипольского орнамента в целом. Система орнамента Г-образно изогнутых отрезков лент известна на кратерах на этапе С/I и, в частности, на Коломийщине I. Эта система становится понятной теперь в связи с описанными выше овалами; несколько вариантов ее, зарегистрированных в Коломийщине II на кратерах, и анализ своеобразной спиральной орнаментации на сосудах грушевидной формы дают новые материалы для понимания происхождения этого сюжета. Выяснилось, что системы отдельных несомкнутых овалов, а в дальнейшем Г-образных отрезков лент на кратерах генетически связаны с одной из систем спирального сюжета, также имеющегося в керамике Коломийщины II.

7. Сосуд № 17 — небольшой кувшин с ленточной, округлой в сечении ручкой. По форме кувшин напоминает небольшие сосудики с угловатыми плечиками, но угловатость его не резкая, свойственная формам керамики более ранних этапов. Масса красноватая с сильной примесью песка. Поверхности неровные, с выщерблинами (кв. 8/*о*).

8. Сосуд № 14 небольшой, округлой формы, с ленточной широкой, плоской в сечении, ручкой. Масса красноватая; поверхности сильно шероховатые. Аналогичной формы сосуды постоянно встречаются в комплексе находок на среднем этапе Триполья («культура А» Хвойко).

К третьей группе относятся сосуды со следами полосчатого сглаживания и с примесью в массе толченых раковин. В камере № 2 найдено всего лишь два сосуда этой группы.

1. Небольшой тонкостенный горшок (0.1 м в диаметре) из красноватой массы с полосчатым сглаживанием поверхностей (кв. 7/*о*).

2. Фрагмент днища сосуда больших размеров. Масса серовато-красная, слоистая; глина с примесью мелкотолченых раковин. На дне с внутренней стороны очень хорошо заметен дополнительный налеп — пласт глины для намеренного утолщения дна. Интересно также, что внутри на дне сохранились резкие следы от формовки; заметен также поворот сосуда на плоском основании.

Камера № 3. Здесь обнаружены три зернотерки: около печи № 3 лежал на плитах пода (кв. 10/*о*) небольшой нижний камень зернотерки; около сосуда на плитах пола зернотерка из плоского песчаника (кв. 9/*п*) больших размеров (0.25 м длиною и 0.20 м шириною) и небольшой зернотерочный камень из песчаника (кв. 9/*т*).

Первая группа. В камере № 3, в отличие от предыдущих, обнаружены три сосуда первой группы с черной росписью.

1. Коническая чаша (сосуд № 21) 0.5 м в диаметре. Масса розовато-красная, плотная и крепкая. Глина с примесью измельченного песка. Наружная и внутренняя поверхности сплошь покрыты неровным слоем довольно густой красновато-коричневой красочной облицовки. Облицовка нанесена в процессе лепки, скорее всего при помощи мокрой тряпки или смазывания рукой. На внутренней поверхности по облицовке нанесена роспись черной краской.

Сохранилась лишь часть росписи. Однако вполне возможно установить систему орнамента. От краев к центру отходят ленты, образованные двумя черными полосами. Широкое пространство между ними пересечено вдоль горизонтальными полосками. Эти ленты описывают сходящиеся у центра овалы (трудно установить, сколько их — два или четыре), пересеченные, в свою очередь, волнистой полосой или лентой. Сюжет для росписи чаш обычный и широко известный в Томашевке, Старой Буде и в других поселениях. Чаша обнаружена на возвышении вблизи печи (кв. 9/*о*). Имеются и фрагменты подобной чаши со следами росписи.

2. Двухконусный, сильно деформированный и обожженный сосуд № 19 (кв. 9/*о*) средних размеров, с тонкими стенками и слегка отогнутыми краями. Масса розовато-красная, местами к наружной поверхности лиловатая. От сильного обжига на наружной поверхности заметны вздутые части. Это могло произойти из-за того, что промешивание глинистой массы не доведено было до полного выхода из нее воды и что обожгли сосуд на слишком сильном огне. Систему орнамента восстановить трудно, однако возможно говорить о спиральном сюжете. По краю идут сплошь закрашенные черные треугольники. Имеются также еще фраг-

менты от двух тонкостенных сосудов с довольно высоким горлом и угловатыми плечиками.

3. Небольшой сильно вытянутый грушевидный сосуд с двумя небольшими ручками-ушками (кв. 9/*р*). Сохранилась часть росписи черными полосами, которые окружают пару ручек. Верх сосуда не сохранился.

Вторая группа. 1. Две чаши (сосуды № 23 и 30) из красновато-коричневой массы; глина с примесью мелкозернистого песка, обжиг неравномерный. Обе чаши конические и не имеют орнамента (кв. 9/*т*, 9/*о*).

2. Кратерообразный сосуд (№ 20) больших размеров с очень широкими расходящимися краями горла и с чрезвычайно тщательно нанесенным орнаментом. Углубленный орнамент выполнен широкими лентами, каждая из которых состоит из восьми полос. Верх края окаймлен рядом углублений, ниже по краю располагаются выгнутые фестоны из широких лент; в свободных пространствах елочный орнамент. Основание края опоясано двойной полосой. По плечикам проходят дуговидные несомкнутые овалы, состоящие из пяти полос. Овалы обращены концами вниз; между ними вертикальная елочка. Сосуд вылеплен чрезвычайно тщательно. Полосы лент углубленные, ровные, по приему исполнения они близки к лентам спирали на грушевидных сосудах.

3. Кратерообразный сосуд (№ 23) средних размеров, сплошь покрытый углубленной орнаментацией. Масса красновато-коричневая с примесью песка. Наружная поверхность ровная с более темными пятнами от неравномерного обжига. На широких краях кратера, как и обычно у верха, проходит ряд углублений. По краям свисают фестоны из широких лент. В свободных пространствах между ними пары удлиненных углублений. Представляет интерес орнамент, покрывающий все тело сосуда до самого дна, причем снизу орнаментальная система не ограничена полосой. От дна подымаются сильно вогнутые подковообразные полуовалы, несомкнутые внизу. Сверху от полосы, проходящей у основания края между полуовалами, упираясь в них, свисают слегка изогнутые отрезки лент. В целом, этот сюжет орнамента генетически связан с системой распадающейся спирали.

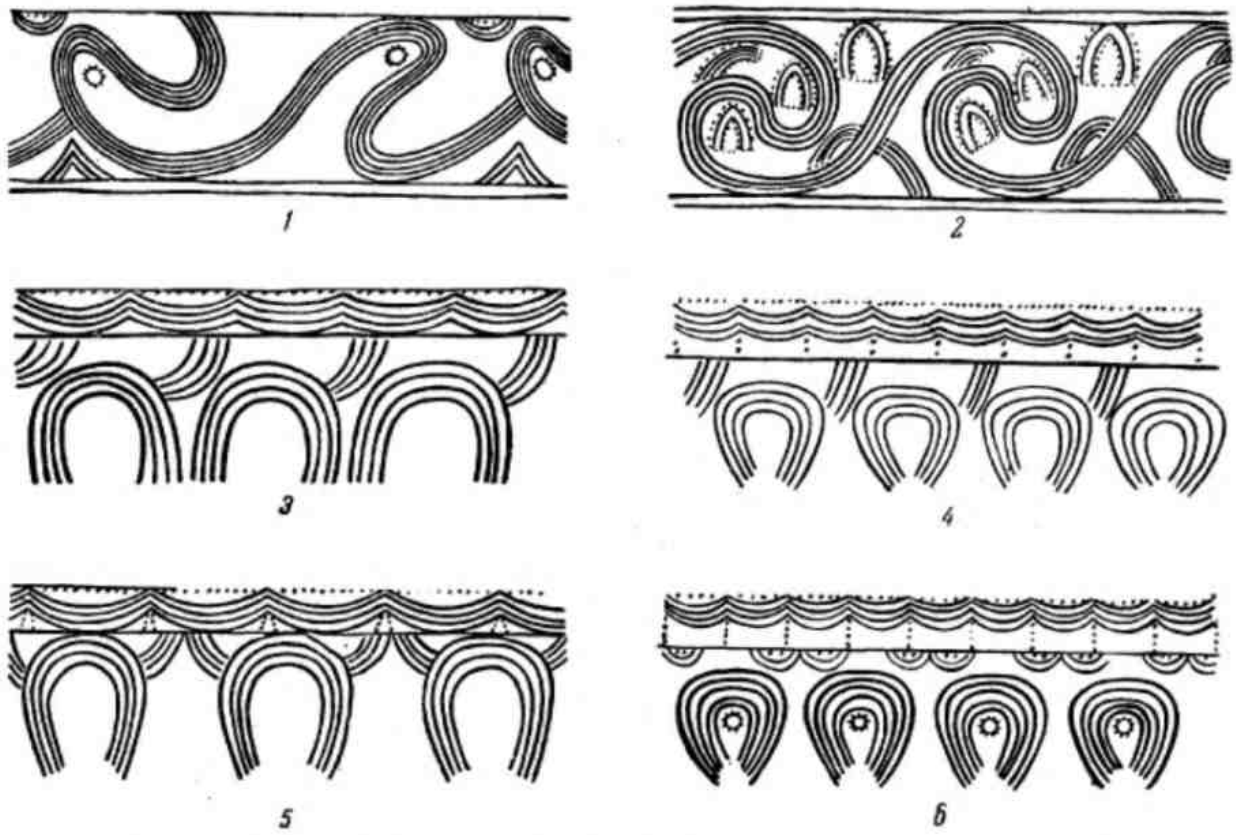

Рис. 28. Коломийщина II. Системы углубленного орнамента на сосудах из жилища № 2

Для трипольской керамики эта система распадения спирального рисунка, которая прослеживается на грушевидных сосудах и на кратерах из жилища № 2 Коломийщины II, является совершенно новой. Система орнамента, встречающаяся на кратерах и состоявшая из дуговидно изогнутых отрезков лент, рассматривалась обычно независимо от спиральных сюжетов. Вместе с тем после анализа керамики Коломийщины II явилась возможность расшифровки этих сюжетов и установления связи их с основным трипольским сюжетом — спиральным (рис. 28).

4. Сосуд (№ 24) кратерообразной формы (кв. 9/*п*). По технике и орнаменту повторяет сосуд № 23.

5. Сосуд (№ 29) небольших размеров с угловатыми плечиками, вытянутым горлом, конически суживающимся в нижней части. Сосуд толстостенный, грубо вылеплен из красноватой массы (кв. 9/*р*).

6. Сосуд (№ 22), по форме аналогичный предыдущему (кв. 10/*о*). Верх его отбит, масса кирпично-красная; поверхности сильно растресканы, с выщерблинами.

7. Фрагменты округлого сосуда (№ 30а) с небольшой ленточной ручкой.

Третья группа. В камере № 3 не было найдено сосудов, характерных для этой группы — со следами полосчатого сглаживания. Обнаружены лишь фрагменты одного сосуда, в массе которого заметна примесь раковин (кв. 9/*р*).

Камера № 4. По сравнению с двумя предыдущими, в этой камере открыт чрезвычайно немногочисленный хозяйственный инвентарь.

На нижнем плитчатом полу, где (кв. 12/*т*) была открыта куча извести, обнаружена плоская со скошенным и хорошо заполированным концом мотыга из глинистого сланца (0.175 м длиной) (рис. 29). Хорошо известна аналогичная, но меньшая по размерам мотыга из жилища № 25 на поселении Коломийщина I.

Всего в камере № 4 было обнаружено два сосуда.

1. Кратерообразный сосуд (№ 32), принадлежащий ко второй группе (кв. 12/*о*), находился вблизи печи № 4. Он сделан из красноватой массы с коричневатой поверхностью. Сохранился во фрагментах; на краю свисают дуговидные фестоны, образованные лентой из трех полос. Так же как на сосудах № 23 и 24, в пространствах между овалами — отрезки

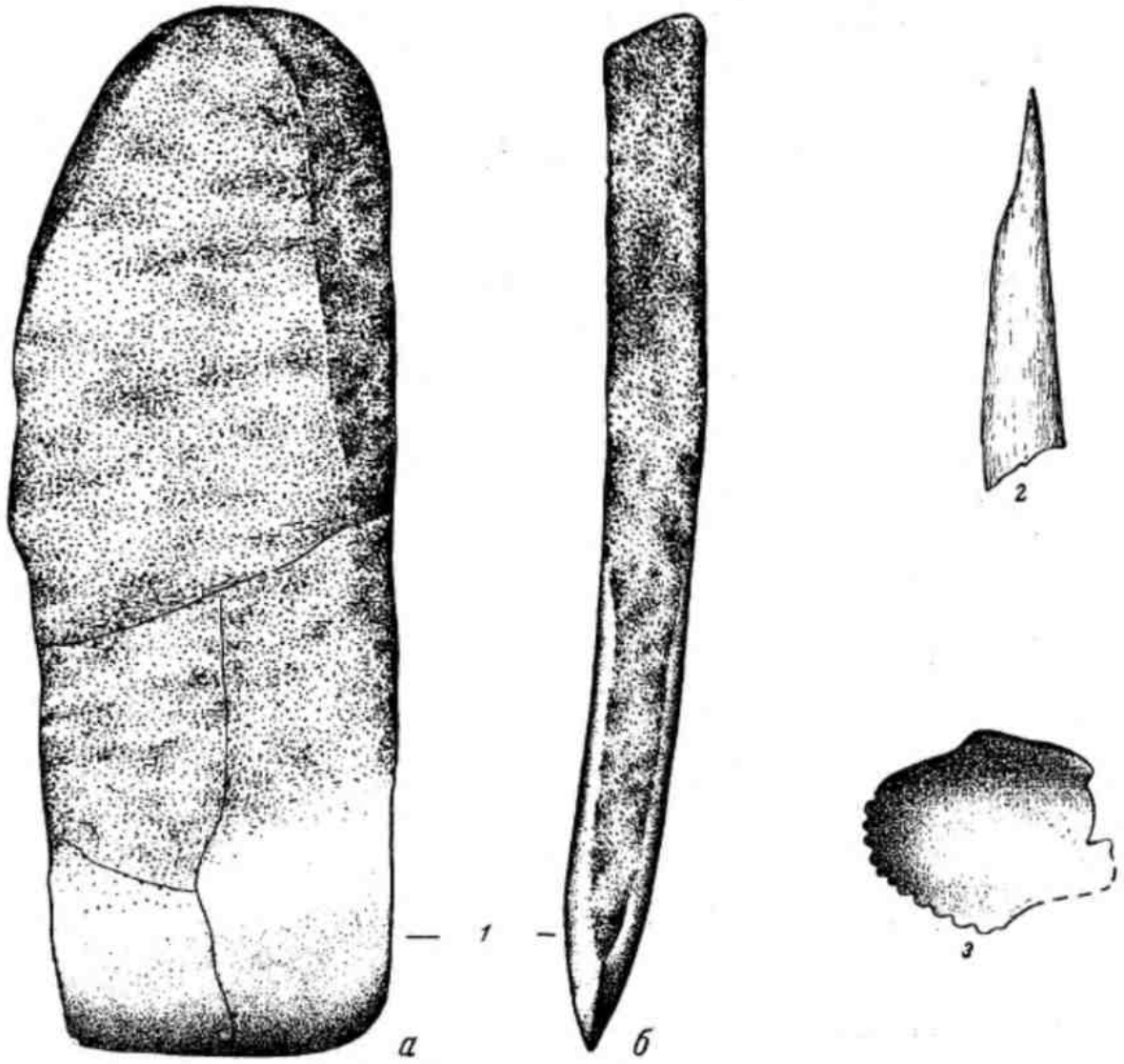

Рис. 29. Коломийщина II. Находки из жилища № 2: *1* — мотыга из гнейса; *2* — проколка из кости; *3* — створка раковины с зубчиками штампа для нанесения орнамента (4/5 н. в.)

лент, которые соединяют овалы с полосой у основания края.

2. Сосуд № 3 найден около печи № 5 (кв. 12/*m*). Он округлый с ручками-ушками на верхней части стенок. Масса красноватая, глина с примесью песка. Сохранился во фрагментах.

Камера № 5. Среди находок этой камеры в жилище № 2 было обнаружено всего два сосуда, оба принадлежащие ко второй группе. Кратерообразный сосуд огромных размеров, с широкими, сильно отвернутыми краями. Верхняя часть краев орнаментирована свисающими фестонами, образованными широкими лентами, каждая из которых состоит из семи полос. Под фестонами — ряды мелких углублений. На плечиках и теле сосуда подковообразно выгнутые несомкнутые овалы. Овалы соединены короткими отрезками лент. Повторение типичного для Коломийщины II орнаментального сюжета. Ленты, описывающие овалы, доходят до самого дна. Как и обычно, в центре полуовалов плоские углубления, окруженные более мелкими.

Обнаружена нижняя часть глиняной статуэтки с сомкнутыми ногами и коническим окончанием (кв. 5/*n*). Масса красноватая (рис. 30 и 31). В культурном слое жилища № 2 были найдены остатки костей диких и домашних животных.[52]

На поселении Коломийщина II в жилище № 5 была сделана уникальная находка глиняной модели жилища.[53] До сих пор трипольские модели известны лишь из раскопок на Уманьщине (Сушкозка, Попудня, Владимировка); эта модель дает изображение совершенно нового типа трипольского дома. Обнаруженная не в целом виде, а в числе девяти фрагментов, модель подверглась реконструкции, и ее возможно использовать как новый источник для понимания первобытного жилища. Модель изготовлена из красноватой, хорошо обожженной глины. В некоторых местах сохранились следы окраски красного цвета. Самыми интересными являются фрагменты крыши. Один из них представляет часть двускатной крыши, ближайшую, очевидно, к передней части жилища, с ясно обозначенным отверстием окна.[54] На этом фрагменте видны следующие конструктивные детали: два стропила (шириной 12—18 мм) в виде выпуклости продолжаются ниже остальной части

Рис. 30. Коломийщина II. Статуэтка из жилища № 1 (4/5 н. в.)

крыши, выступая на 8—10 мм над стеной. По направлению к окну крыша образует заметный поворот, здесь выступает еще одно несколько изогнутое стропило (рис. 32).

В нижней части крыши намечается излом, свидетельствующий об окончании конструкции крыши и о начале плоскости стены. Выступ стены на 8 мм; расстояние между стропилами 5.5 см.

Второй фрагмент крыши представляет часть противоположного ската и закругляющуюся,

[52] Кости, обнаруженные в жилище № 2:

Наименование квадрата	Название животных	Число костей	Число особей	Примечание
2/*o*	Бык (*Bos taurus*)	8	1	
3/*n*	Лошадь (*Equus caballus*)	1	—	
3/*o*	Бык (*Bos taurus*)	6	—	
3/*o*	Овца или коза (*Ovis* или *Capra*)	1	1	
3/*p*	Бык (*Bos taurus*)	2	—	
4/*m*	Лошадь (*Equus caballus*)	2	1	
4/*n*	Бык (*Bos taurus*)	2	1	
7/*o*	Свинья дом. (*Sus scrofa domestica*)	1	1	
7/*o*	Бык (*Bos taurus*)	1	1	
7/*o*	Собака (*Canis familiaris*)	1	—	
8/*o*	» » »	5*	1*	
8/*l*	Бык (*Bos taurus*)	2	—	
12/*o*	» » »	1	—	
13/*m*	Овца или коза (*Ovis* или *Capra*)	10	—	

* Перекопанные в сосуде.

[53] Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, № 4, 1939.

[54] Размеры фрагмента: общая длина 20 см, ширина 9 см, толщина 1—1,25 см, длина стропил 8—9 см.

вероятно, заднюю часть крыши.[54а] Здесь стропила более выпуклы, но в общем имеют тот же характер. Расстояние между ними также 5.5 см. На этом фрагменте сохранилась бóльшая, чем на предыдущем фрагменте (13 мм ширины и 50 мм длины), часть стены, орнаментированная вертикально идущими полосами.

Два фрагмента пола представляют гладкие с внутренней стороны площадки без всяких сооружений и предметов. На наружной стороне их ясные следы прикрепления ножек, на которых стояла модель.[55] На одной виден орнамент параллельными полосками, начинающимися у самого основания ножек.

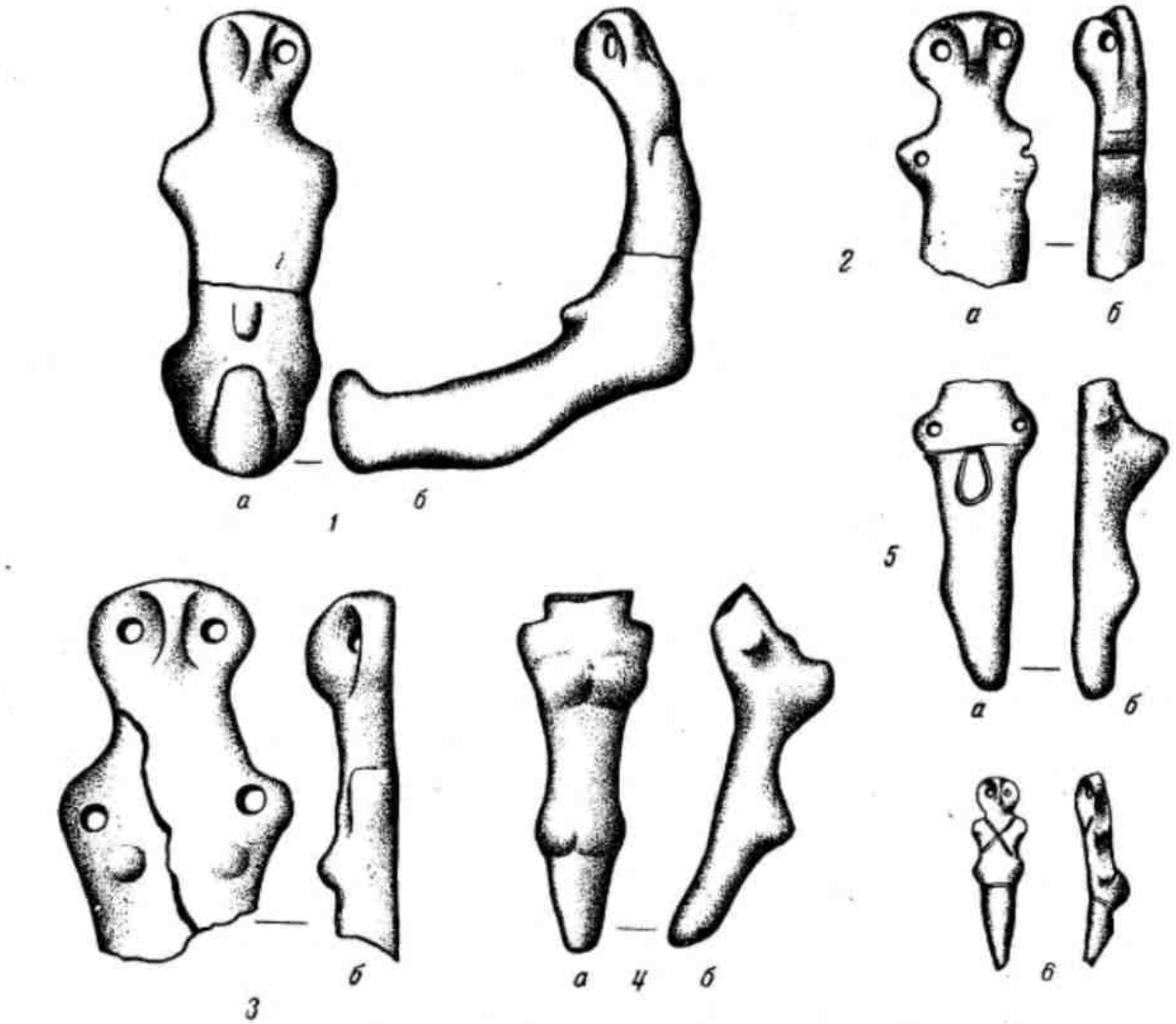

Рис. 31. Коломийщина II. Статуэтки и их фрагменты из жилища № 2 (4/5 н. в.)

Начало стен под самой крышей отмечено продольной полоской. Стропила украшены орнаментом в виде небольших овальных ямок 3×6 мм, сделанных округло заостренным стержнем. Стропила, расположенные ближе к изгибу, имеют один ряд их, а более удаленные, повидимому, центральные,— по два ряда. Такие же ямки расположены по краю крыши между стропилами. Промежутки между стропилами и остальная поверхность крыши покрыты параллельными, дугообразно свисающими полосками и нанесены вдавленным орнаментом.

Один из фрагментов стены слегка выпуклый; на внутренней поверхности его, как и на остальных фрагментах модели, заметны в глине следы от лепки в виде отпечатков пальцев.

Переходя теперь к вопросу, каков же общий вид жилища, можно установить, что модель помещалась на ножках, как и все известные трипольские модели, но в отличие от моделей из Чехословакии, Болгарии, Польши, Румынии, коломийщинская модель изображает постройку не с двускатной, а с четырехскатной

[54а] Размеры фрагмента: общая длина 26 см, ширина 4.7 см, толщина 1—2 см.

[55] Размеры ножек: 7×12.2 и 7×11.6 см. Толщина — 1—2.7 см.

крышей. Интересно, что при общей четырехскатности передняя и задняя стороны крыши несколько закруглены. Таким образом, четырехскатная крыша, перекрывая овально-прямоугольную в плане постройку, давала абсидообразные закругления. Это заставляет видеть в коломийщинской находке интересный пример изображения типа жилища, представляющего переходную форму от округлой постройки к прямоугольной (рис. 33).

топоры из Веремья и Триполья[56] (рис. 34).

Любопытно, что, несмотря на тесные сношения в это время с западом и югом, среди керамических изделий в Поднепровье вовсе отсутствует черная или серовато-коричневая каннелированная керамика, столь типичная для этапа А и В/I. Отсутствуют здесь и отмечавшиеся для этих ранних этапов глиняные печати для татуировки — пинтадеры. Во всяком случае, можно указать, что к этапу

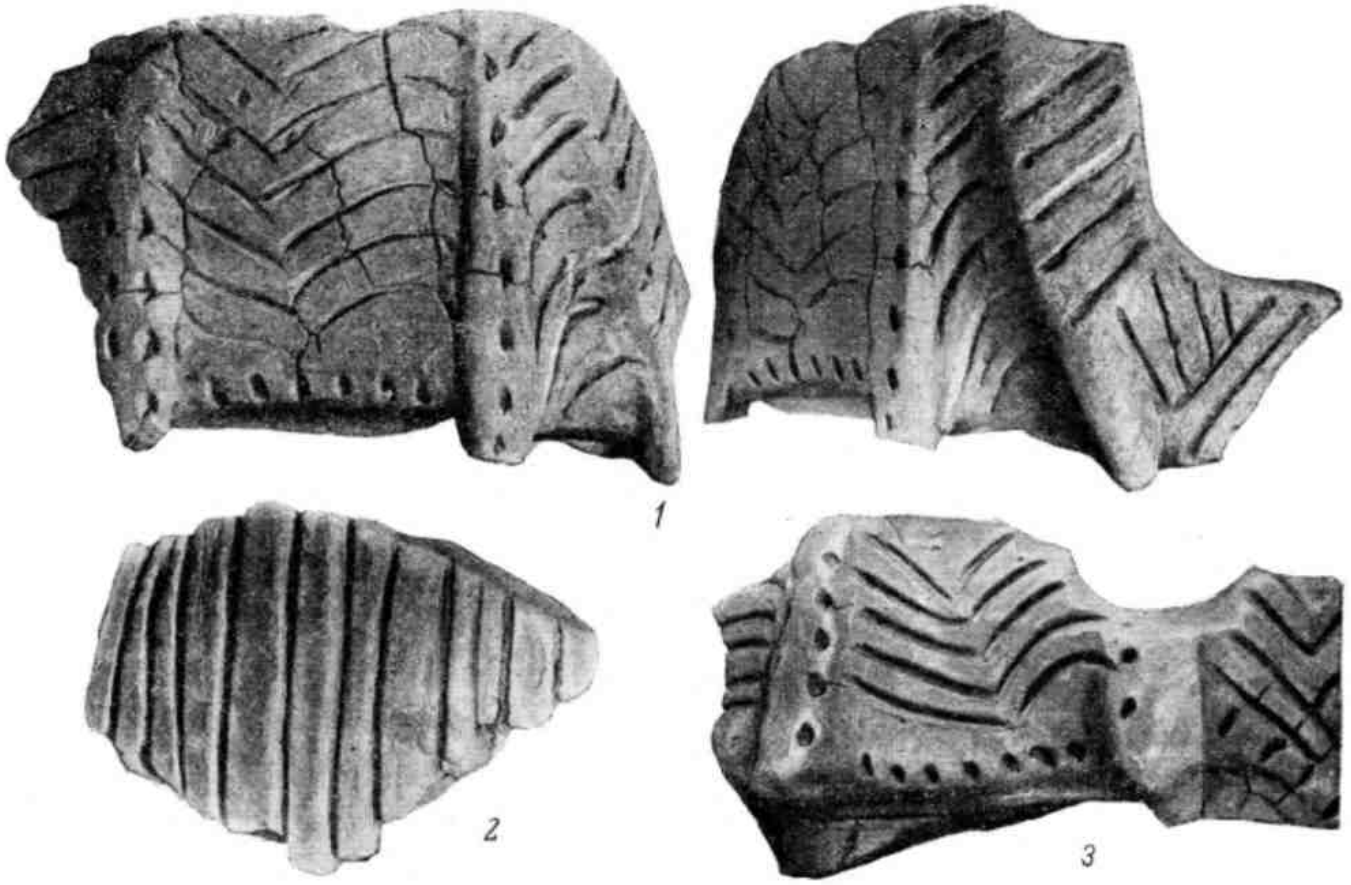

Рис. 32. Коломийщина II. Фрагменты глиняной модели жилища (3/4 н. в.)

На поселении Коломийщина II Трипольской экспедицией в результате одного года раскопок получен новый материал, который позволяет достаточно полно осветить средний этап (В/II) развития Триполья. Как показывает изучение материала, этап этот генетически связан с предшествующим (В/I) и хронологически близко к нему стоит.

Трипольские памятники в Поднепровье типа поселений, раскопанных Хвойко (у Щербаневки, Триполья, Веремья) и Трипольской экспедицией (у Коломийщины II), чрезвычайно четко показывают своеобразный характер построек и всего инвентаря — сосудов, статуэток. В это время трипольские племена, безусловно, поддерживали связи с соседними западными и южными районами, о чем свидетельствуют, в первую очередь, плоские медные клиновидные

В/II, т. е. к средине III тысячелетия до н. э., в Поднепровье племенные сношения с югом Балканского полуострова, со странами Восточного Средиземноморья и Малой Азии были менее постоянными, чем это отмечается для Побужья и Поднестровья, т. е. районов более южных и юго-западных (этап В/I).

Трипольские племена Поднепровья на этапе В/II представляют собой сильно развитые для того времени племена земледельцев, обладавших крупным и мелким домашним скотом и живших большими родовыми поселками в больших многосемейных домах, прекрасно выстроенных из дерева и глины. Обнаруженные в больших домах округлые и крестообраз-

[56] В. В. Хвойко. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, табл. XXI, рис. 5, 7, 10.

ные жертвенники, модели жилищ и женские статуэтки свидетельствуют об обрядовой стороне их жизни.

известны рассмотренные выше ранние трипольские поселения типа Борисовки и Красноставки.

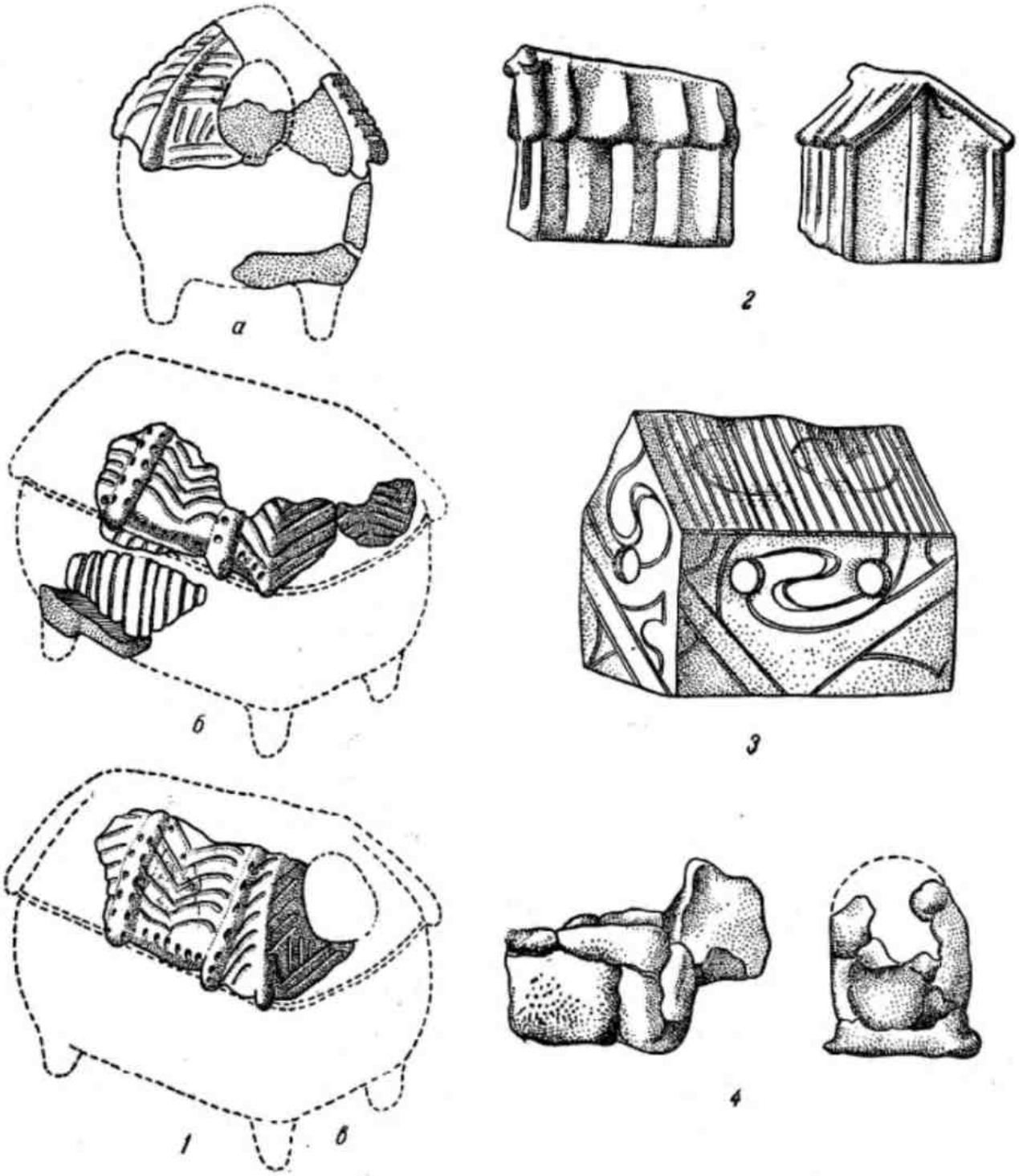

Рис. 33. Реконструкции глиняных моделей жилища: *1* — Коломийщина II; *2*, *4* — из Чехословакии; *3* — из Болгарии (*1*—1/2 н. в.; *2*, *3*, *4*—3/4 н. в.)

Побужье

Не менее интересная картина жизни трипольских племен наблюдается на этапе В/II в Побужье, т. е. именно в том районе, откуда

К этапу В/II здесь относятся два замечательных памятника — у сел Пьянишково и Владимировка.

Раскопки у с. Пьянишково, севернее Умани, были проведены М. Гимнером еще в 1911 г.,

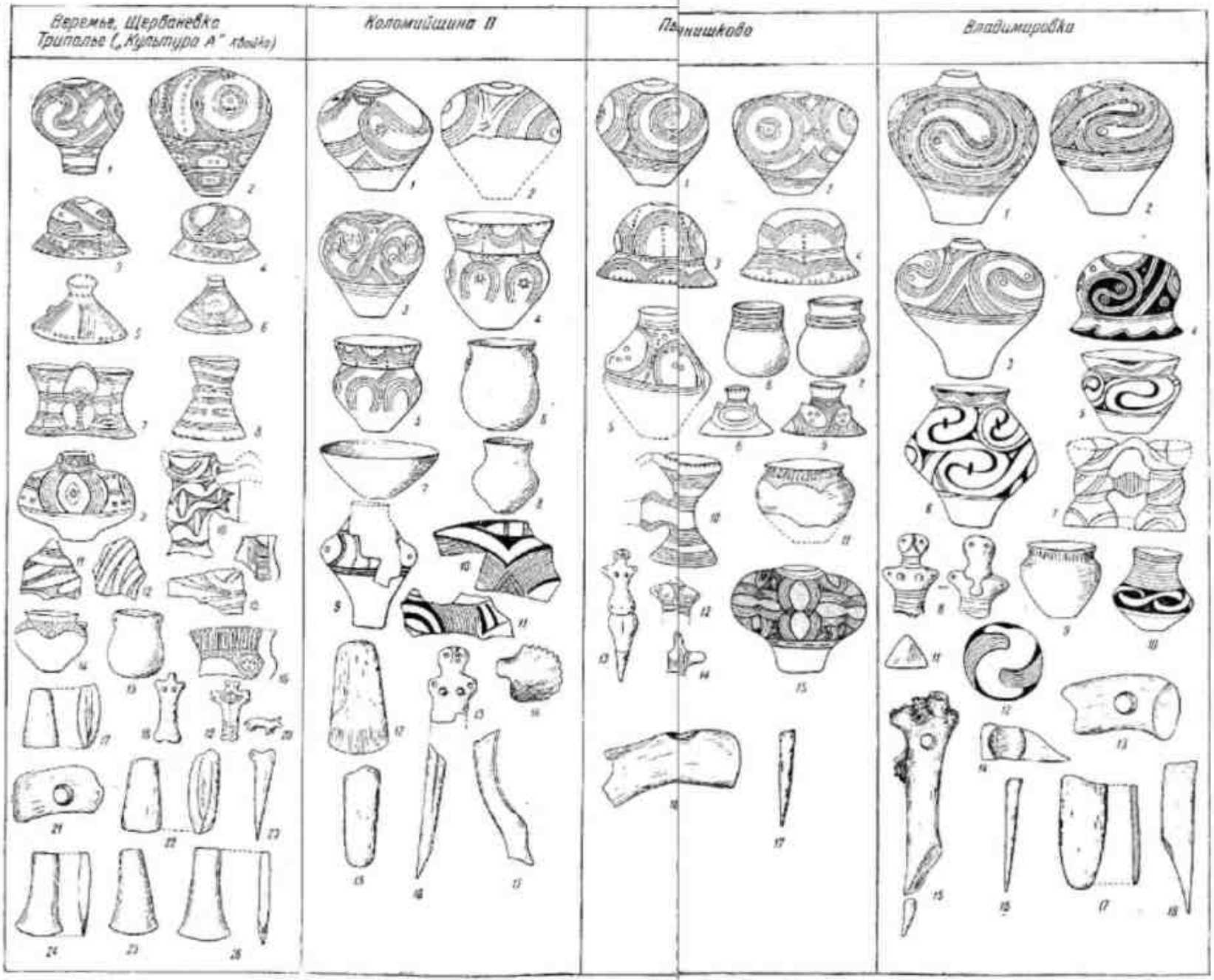

Рис. 34. Таблица основных находок среднего (B/1) этапа Триполья

Веремье, Щербаневка, Триполье («Культура А» Хвойко): *1–9* — сосуды с углубленным орнаментом; *9—13* — фрагменты сосудов с черной и красной росписью; *14, 15, 16* — кухонная посуда; *17, 22* — топоры из камня; *18, 19* — глиняные статуэтки; *20* — глиняная фигурка животного; *21* — мотыга из рога; *23* — проколка из кости; *24, 25, 26* — топоры из меди. Коломийщина II. *1—5* — сосуды с углубленным орнаментом; *6, 7, 8* — кухонная посуда; *9* — сосуд с черной и красной росписью *10, 11* — фрагменты сосудов с черной росписью; *12* — топор из камня; *13* — глиняная статуэтка; *14* — створка раковин с зубчиками штампа для нанесения орнамента; *15* — лопаточка из кости; *16* — проколка из кости; *17* — серповидное орудие из кости. Пьянишково: *1—10* — сосуды с углубленным орнаментом; *11* — кухонная посуда; *12, 13, 14* — глиняные статуэтки; *15* — сосуд с черной и красной росписью; *16* — мотыга из рога; *17* — проколка из кости. Владимировка: *1, 2* — сосуды с углубленным орнаментом и красной росписью; *3, 7* — сосуды с углубленным орнаментом; *4* — крышка с углубленным орнаментом и трехцветной росписью, *5, 6, 10, 12* — сосуды с черной росписью; *8* — глиняная статуэтка; *9* — кухонная посуда; *11* — глиняный конусец; *13, 14 15, 18* — мотыги из рога; *16* — проколка из кости; *17* — лопаточка из кости. (Роспись красным дана точками.)

и весь материал был передан на хранение в Музей Варшавы и позднее был издан.[57]

Поселение у Пьянишкова, как пишет Гимнер, очень значительное по размерам (примерно 800 × 500 м), расположено на плато на стрелке между подходящими с двух сторон древними балками, по которым протекают не небольшие ручьи. Гимнер дает план и указывает, что расположение жилищ-площадок на плато несколькими рядами и по кругам создавало сильно укрепленный древний поселок. Интересно и его замечание о том, что сами жилища в Пьянишкове оказались более сложными по конструкции и значительными по величине, чем на поселении Попудня. Настаивая на том, что в Пьянишкове им открыты жилища, а не культовые сооружения, Гимнер более или менее детально приводит описание их конструкции, указывает на присутствие очагов и нескольких глинобитных наслоений обмазки пола и основы с отпечатками дерева.

В Пьянишкове обнаружен комплекс находок, аналогичный находкам на Коломийщине II и на площадках «культуры А» Хвойко в Щербаневке, Триполье и Веремье.

Для Пьянишкова характерны те же сосуды грушевидных форм, шлемовидные конические крышки и биноклевидные двойные полые сосуды, лепленные из глины с примесью измельченных раковин и украшенные орнаментом в виде пояса, проходящего по плечикам.[58]

Сосуды из Пьянишкова похожи на сосуды из Веремья и Щербаневки по находкам Хвойко. Кроме этих сосудов, столь обычных для среднего этапа, в Пьянишкове обнаружена расписанная в две краски керамика. На одном из сосудов грушевидной формы роспись располагается в широком поясе и состоит из вертикально и горизонтально располагающейся системы овалов, образованных широкими лентами; роспись нанесена, как и на коломийщинских и веремьевских сосудах, двумя красками — красной и черной по белому фону.[59] Интересны схематизированные, как и на более ранней ступени развития, статуэтки с коническим окончанием вместо головы, покрытые углубленным орнаментом.[60] В большом числе найдены женские статуэтки.

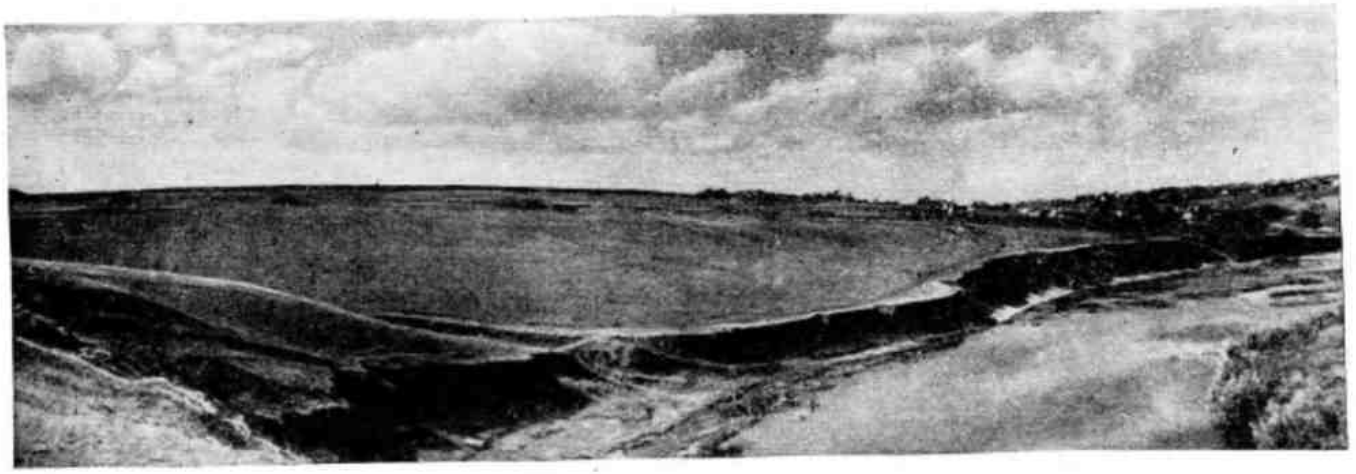

Рис. 35. Владимировка. Место раскопок трипольского поселения

Из орудий для Пьянишкова типичны мотыги из рога, костяные проколки, кремневые скребки и ножи.

Поселение Владимировка

Наша характеристика Триполья среднего этапа (В/II) была бы не полной, если бы мы не коснулись вкратце самого замечательного трипольского поселения в Побужье — Владимировки[61] (рис. 35).

Поселок у с. Владимировки (Подвысоцкого района, Кировоградской обл.), расположенный на высоком правом берегу р. Синюхи (приток Буга), самый большой из всех известных трипольских поселений. Он тянется с севера на юг на 900 м и с запада на восток на 800 м. На нем в 1940 г. было открыто свыше 150 жилищ, расположенных в пределах круга или вытянутого овала, по нескольким концентрическим кругам (рис. 36). По раскопкам 1940 г. особо интересным оказалось жилище № 3, расположенное в черноземе на плато в центральной части поселения, на глубине 0.40—0.50 м. Оно

[57] M. Himner. Etudes sur la civilisation prémycénienne..., Swiatowit, т. XIV, Warszawa, 1933.

[58] Там же, табл. XXIV, XXV, XXX, XXXI, XXXIII и др.

[59] Там же, табл. XIX.

[60] Там же, табл. XXXIX.

[61] Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4, М., 1938, стр. 235; ее же. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, № 1, М., 1941, ее же. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, вып. XXI. 1947.

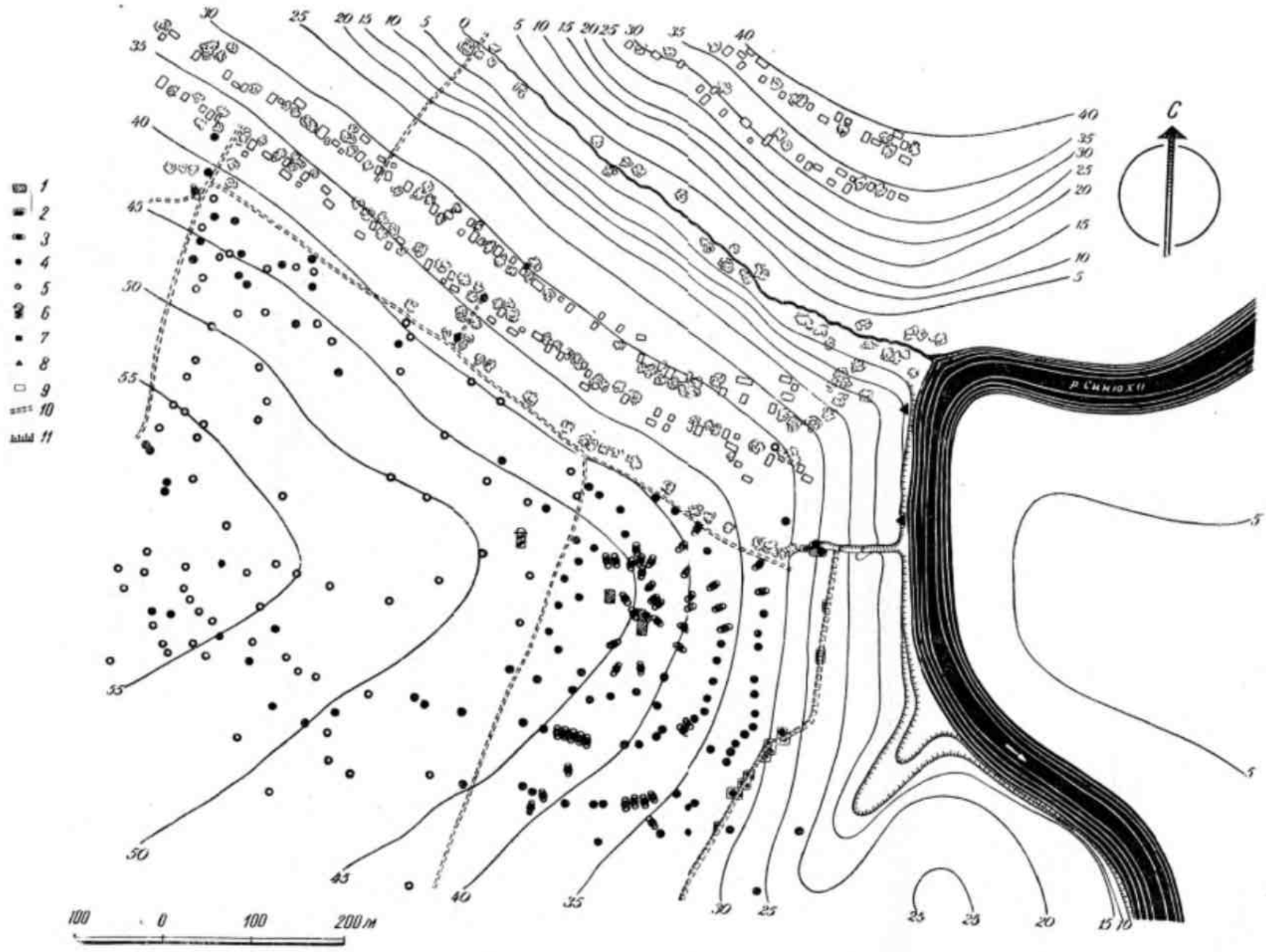

Рис. 36. План трипольского поселения у Владимировки: *1* — жилища, раскопанные в 1939—1940 гг.; *2* — жилища, раскопанные в 1946 г.; *3* — жилища с установленной ориентировкой; *4* — жилища нераскопанные (разведка 1940 г.); *5* — жилища нераскопанные (разведка 1947 г.); *6* — жилища, раскопанные в 1947 г.; *7* — землянка; *8* — стоянка позднего палеолита; *9* — строение с. Владимировки; *10* — дороги; *11* — ров

1

2

Рис. 37. Владимировка. Жилище № 3: *1* — глинобитные остатки; *2*—плитчатая обмазка пола

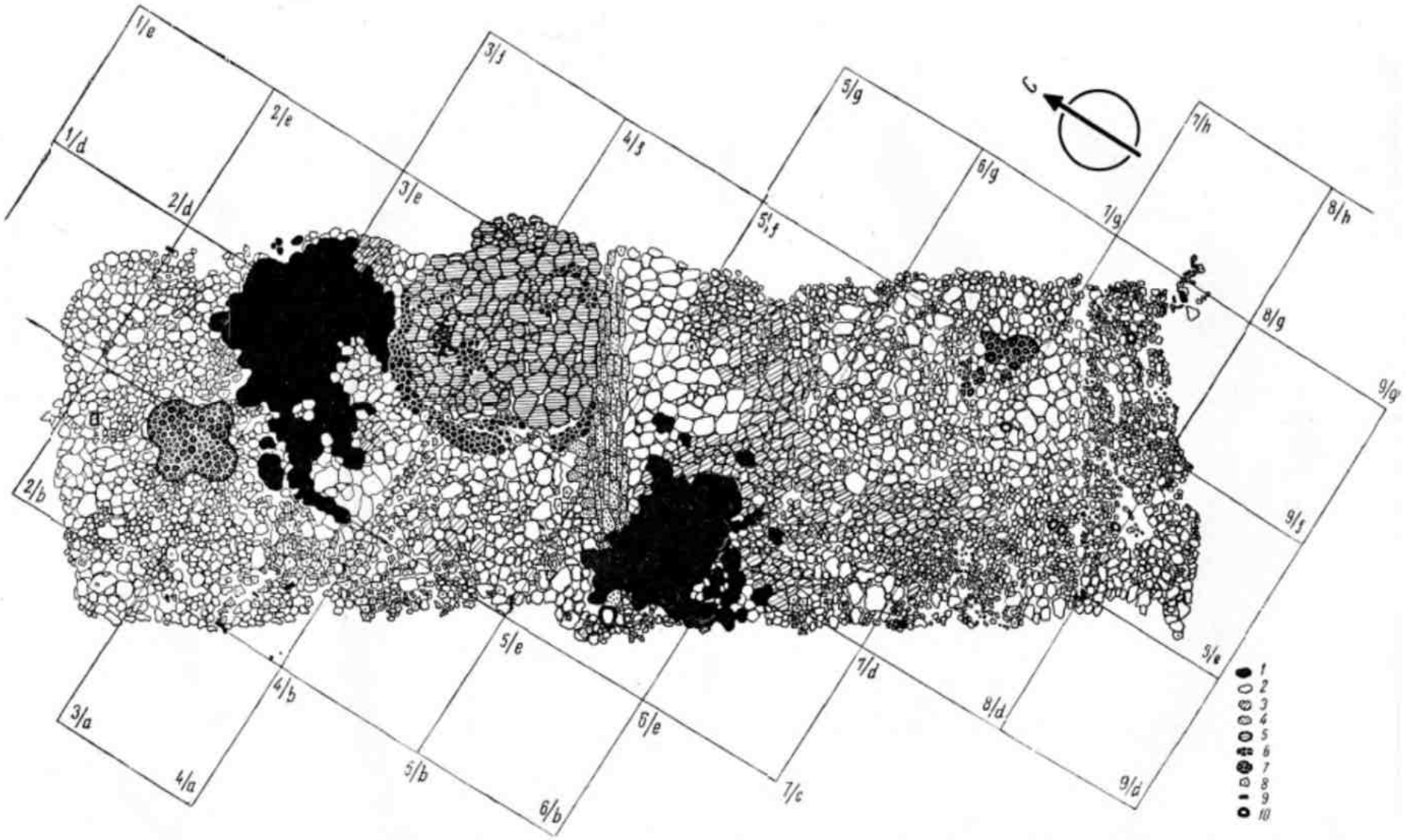

Рис. 38а. Владимировка. План жилища № 3: *1* — очаг; *2* — развал печи; *3* — пол; *4* — перегородка; *5* — возвышение; *6* — обмазка возвышения; *7* — жертвенник; *8* — керамика; *9* — кость; *10* — зернотерки

представляло собой прямоугольную постройку (14.30 × 4.5 м), ориентированную с юго-востока на северо-запад. Поперечная перегородка разделяла его на две жилые камеры: юго-восточную в 7.7 м длиной и северо-западную в 6.6 м. В каждой из них находилось по одной печи (2 × 2 м в основании), к которой в северо-западной камере примыкало прекрасной сохранности четырехугольное возвышение (2.6 × 2.1 м), вероятно, лежанка.

Несмотря на большую общность в приемах трипольского домостроительства, жилища во Владимировке имеют много своеобразных черт. В основании их, поперек постройки, укладывались плахи расколотого дерева; поверх них хорошо заровненная вальковая обмазка

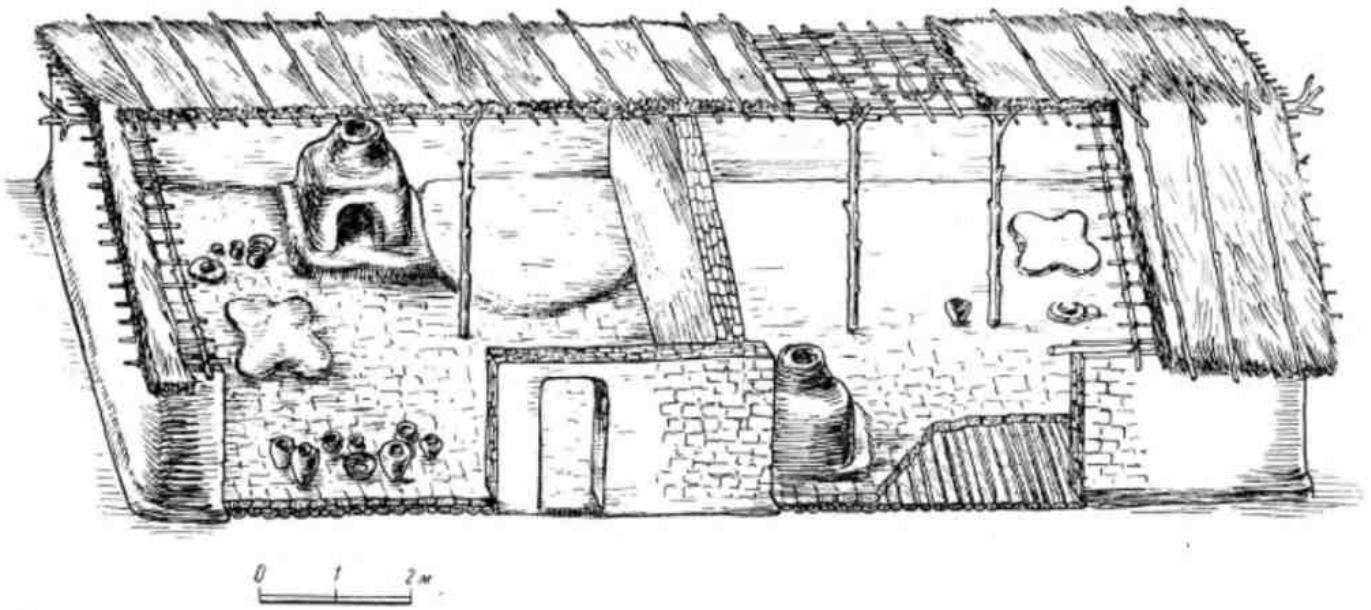

Рис. 38б. Владимировка. Реконструкция жилища № 3

из глины с примесью половы до 0.1 м толщиной образует пол (рис. 37). Весь этот деревянно-глиняный настил обжигался кострами, наложенными сверху. Обратная сторона обмазки сохраняет резкие отпечатки дерева. Плитчатой обмазкой (из глины без всякой примеси), обычной для трипольских жилищ на Киевщине, оказалась облицованной лишь лежанка близ печи, построенная в основании из вальков (рис. 38 а, 38 б и 39).

Наиболее характерной чертой владимировского жилища, отличающей его от трипольских жилищ в других районах, является наличие в доме крестообразных жертвенников.[62] Они вылеплены всегда из хорошего сорта глины, без всякой примеси и тщательно заглажены на поверхности. Иногда жертвенник имеется в каждой камере. Построены жертвенники непосредственно на полу и возвышаются над ним до 0.20—0.25 м. Концы округлые и орнаментированы мелкими углубленными полосками, образующими концентрические круги (рис. 40). Изображения такого же крестообразного возвышения жертвенника известны и на двух трипольских моделях из Попудни и Сушковки.[63] Схема креста в спиральном орнаменте трипольской керамики встречается довольно часто, но обычно не как господствующий сюжет, а как дополнительный элемент.

Указать полную аналогию нашим исключительным находкам трудно. В Средиземноморье, на Крите, в одном из тайников (под полом) дворцового помещения среднеминойского периода Эвансом был найден жертвенник из серого мрамора в виде креста, около которого были спрятаны три замечательные фаянсовые статуэтки, известные под названием «Богини со Змеями».[64] Еще бо́льшую аналогию представляет круглый жертвенник из дворца в Маллия (на Крите). Он выточен из известняка и имеет по краю поверхности 35 округлых ямок, а в центре значительные углубления, окаймленные полосой.[65] Наши владимирские жертвенники состоят из четырех таких же округлых жертвенников, соединенных в один и образующих его крестообразную форму. Поверхность их украшена округлыми углублениями и концентрическими кругами. Жертвенник в Маллии датируется древнеминойским и среднеминойским периодом, т. е. серединой III тысячелетия до н. э.

[62] Крестообразный жертвенник был открыт во Владимировке в 1936 г. в жилище № 1; в 1940 г.— в жилищах № 3, 5; в 1946 г.— в жилище № 8, 17/3 и в др.

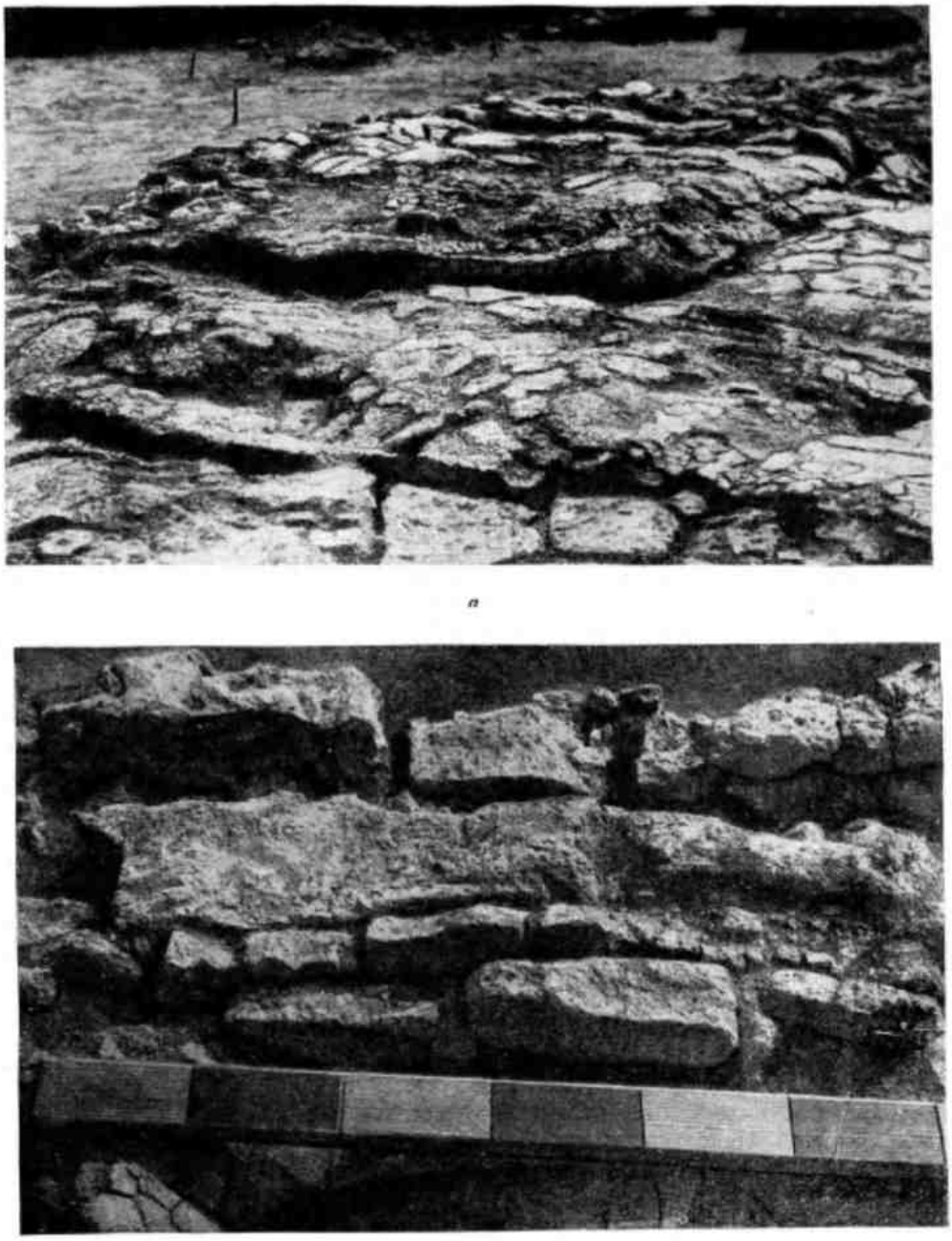
[63] Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4, М., 1938, рис. 1, 2 и 5.

[64] A. Evans. Palace of Minos, т. I.

[65] F. Chapouthier et J. Charbonneaux. Fouilles exécutées à Mallia, I—IV (1922—1924), Paris, 1928, табл. IV.

Интересно, что здесь же в Маллии были найдены бронзовые кинжалы листовидно-удлиненной формы с нервюрой с одной стороны, с 3—4 отверстиями вверху для прикрепления рукоятки кинжала.[66] Тип такого кинжала несколько позднее появился в Поднестровье и на побережье Черного моря, на ступени позднего Триполья именно с юга. Статуэтки женщин в широких юбках, найденные в Усатове, Кашиорели, медные изделия и ряд черт в инвентаре позднего Триполья также говорят о связях с югом.

В первый год после войны (1946) Трипольской экспедицией были возобновлены раскопки во Владимировке.[67] В дни Великой Отечественной войны линия фронта прошла через поселок. В связи с этим вся территория древнего поселения более чем на 500 м была перерезана широким рвом, сильно

а

б

Рис. 39. Владимировка. Жилище № 3: *а* — под печи; *б* — поперечная перегородка

[66] F. Chapouthier et J. Charbonneaux. Fouilles exécutées à Mallia, I—IV (1922—1924), Paris, 1928, табл. XXII, рис. a, b, c.

[67] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований КСИИМК, в. XXI, 1947.

1

2

Рис. 40. Владимировка: *1—2*—крестообразный жертвенник в жилище № 1

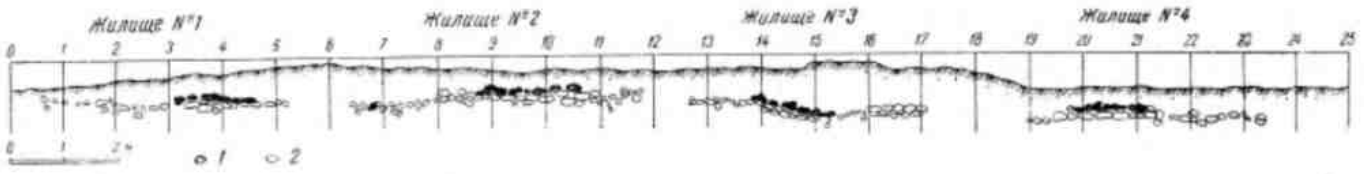
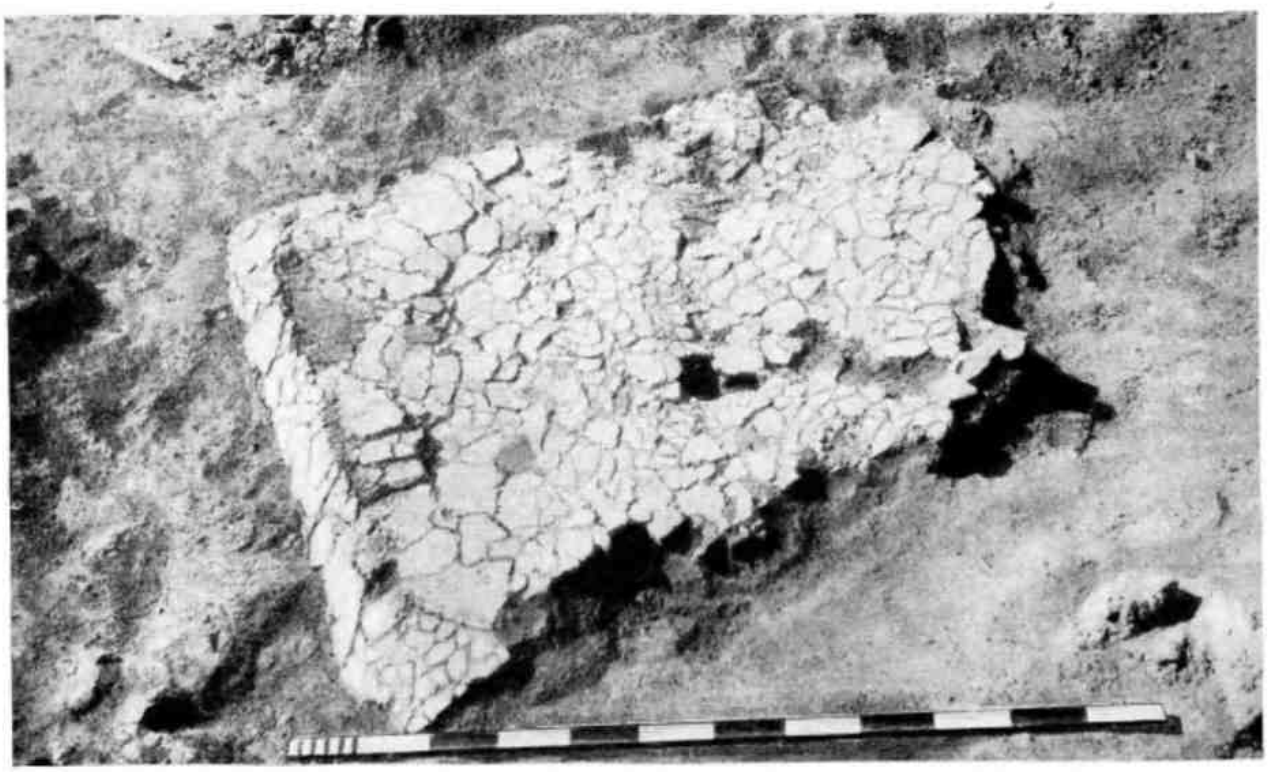

Рис. 41. Владимировка. Разрез вдоль рва на участке 16/17 с остатками глинобитных жилищ
1 — облицовка печи; *2* — плитки пола

Рис. 42. Владимировка. Остатки глинобитного жилища в стенке рва

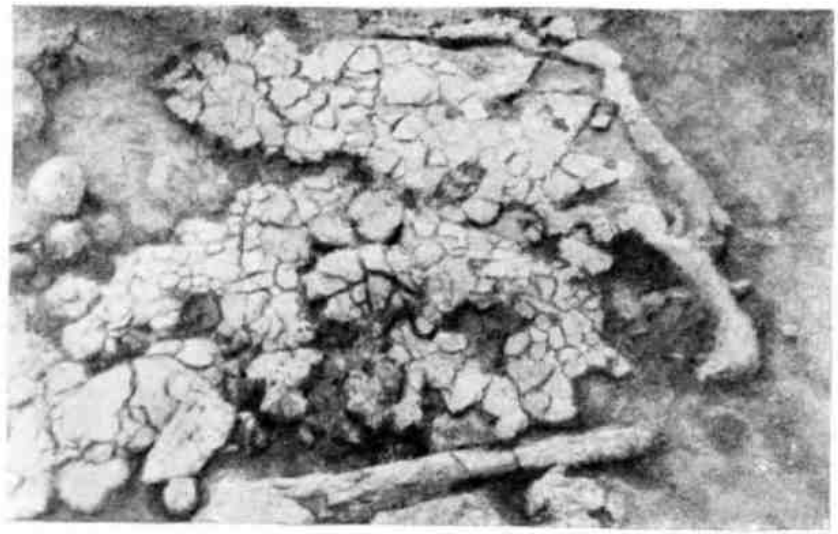

1

2

Рис. 43. Владимировка. Возьмшения в жилищах № 14 (*1*) и № 17 (*2*)

1

2

3

Рис. 44а. Владимировка. Жилище № 17: *1—2*—особое культовое место; *3*—крестообразный жертвенник

разрушившим не один десяток жилищ (рис. 41, 42). В 1946 г. в этом месте на поселении были проведены большие раскопки 15 трипольских жилищ, составляющих один из рядов (ближе к реке) по кругу. Все они оказались наземными глинобитными постройками из дерева и хорошо обожженной глины. Жилища прямоугольных очертаний, площадью 120—150 м². Поперечные перегородки разделяют дома на отдельные помещения, в каждом из которых имеется печь. В целом трипольские постройки с несколькими живущими в них парными семьями представляют, как и жилища на Коломийщине, пример большого дома эпохи родового общества.

Особый интерес вызвало открытие на поселении четырех больших жилищ, выстроенных почти вплотную друг к другу и представлявших вместе определенное хозяйственное целое. Население, жившее в таких типа домах, коллективно обрабатывало землю, владело общими запасами, на общих началах осуществляло приготовление пищи Прекрасная сохранность владимировских жилищ позволила в 1946 г. сделать новые наблюдения над строительной техникой Триполья, стоявшей на относительно высоком уровне развития. Еще раз подтвердилось, как и на Коломийщине, что древние строители уделяли огромное внимание сооружению в жилищах основания и пола. Фундамент и пол из обожженной глины, безусловно, были необходимы в тех частях дома, которые предназначались для хранения, сушки и обработки зерна. Глинобитная основа постройки отделяла зерно от сырой земли и защищала его от грызунов. Любопытно, что среди развалин древнего города Хараппа, в провинции Пенджаб, в одном из жилищ обнаружена подобная круглая площадка из сырцовых кирпичей для толчения зерна.

До этого года остатки стен в раскопках трипольского дома обычно выявлялись редко. Во Владимировке в 1946 г. были открыты части стен (жилище № 17) в разрушенном состоянии, причем установлено, что они были из

нетолстых кольев, соединенных плетением из лозы.

Не менее важны были в 1946 г. и наблюдения над печами в трипольском доме. Печи были четырехугольные в плане (2×2 м). Стены печей строились из деревянных плах, свод делался в виде каркаса из лозы, прутьев, обмазывался глиной и затем обжигался. Непосредственно около печей были открыты возвышавшиеся над полом на 0.40—0.50 м вылепленные из глины лежанки (рис. 43).

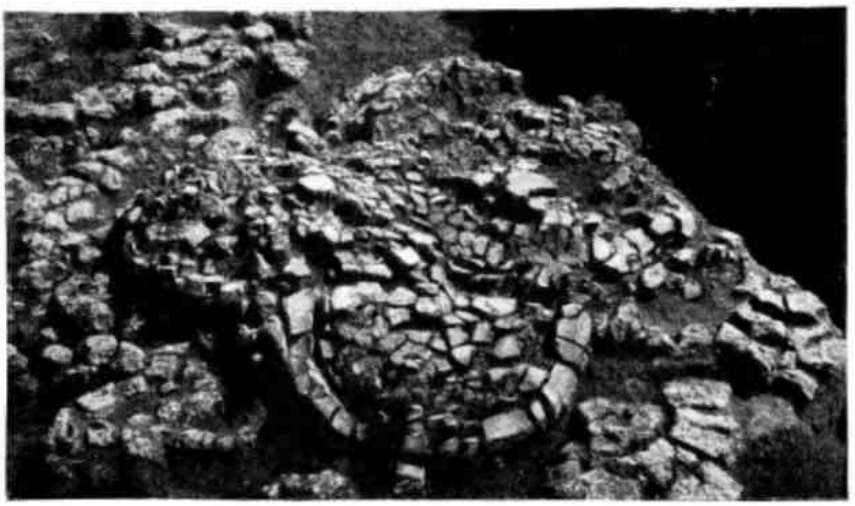
Наиболее замечательными во Владимировке явились открытые в жилищах четыреугольные (2×2 м), выложенные плитками и оканчивающиеся округлыми карнизами возвышения, представлявшие, видимо, особое культовое место в доме, где производили жертвоприношения и другие культово-магические обряды. Следует указать, что в Венгрии, в Эрёзде, на поселении с расписной спирально-ленточной керамикой Ляшло открыл в глинобитных жилищах совершенно аналогичные возвышения, приняв их за место очага.[68]

Во Владимировке в нескольких случаях на таком возвышении сверху из плитчатой глины были выложены четыре правильной формы рельефных круга, образующие вместе крестообразное возвышение — жертвенник, орнаментированный сверху концентрическими углубленными кругами. Это открытие позволило высказать заключение о ритуальном назначении четыреугольного возвышения.

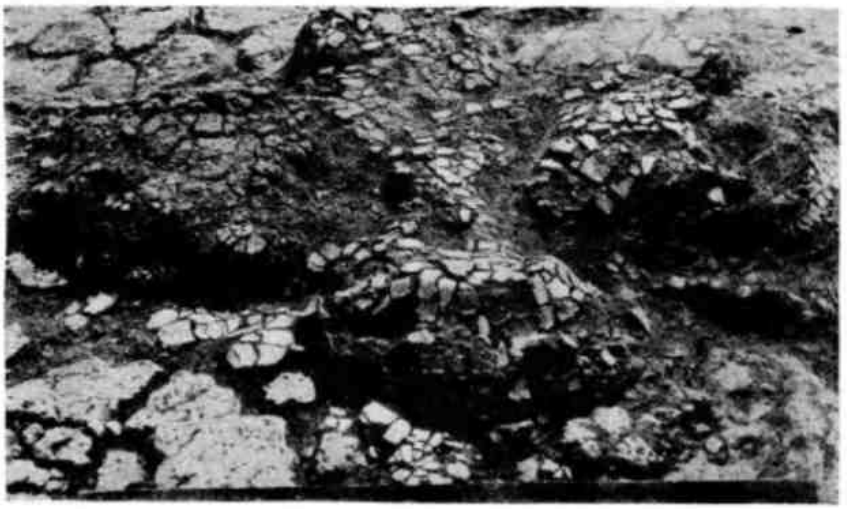
В 1946 г. в одном из домов (№ 17/3) обнаружен, так же как и в 1936 г., большой крестообразный жертвенник до 2 м в диаметре, возвышавшийся на 0.35 м над уровнем пола. Он вылеплен из прекрасного сорта красноватой глины, хорошо заглажен и представляет исключительный памятник, хотя сохранность его и недостаточно хорошая. Удалось расчистить в целом виде лишь половину жертвенника. Этот жертвенник был почитаем в доме

4

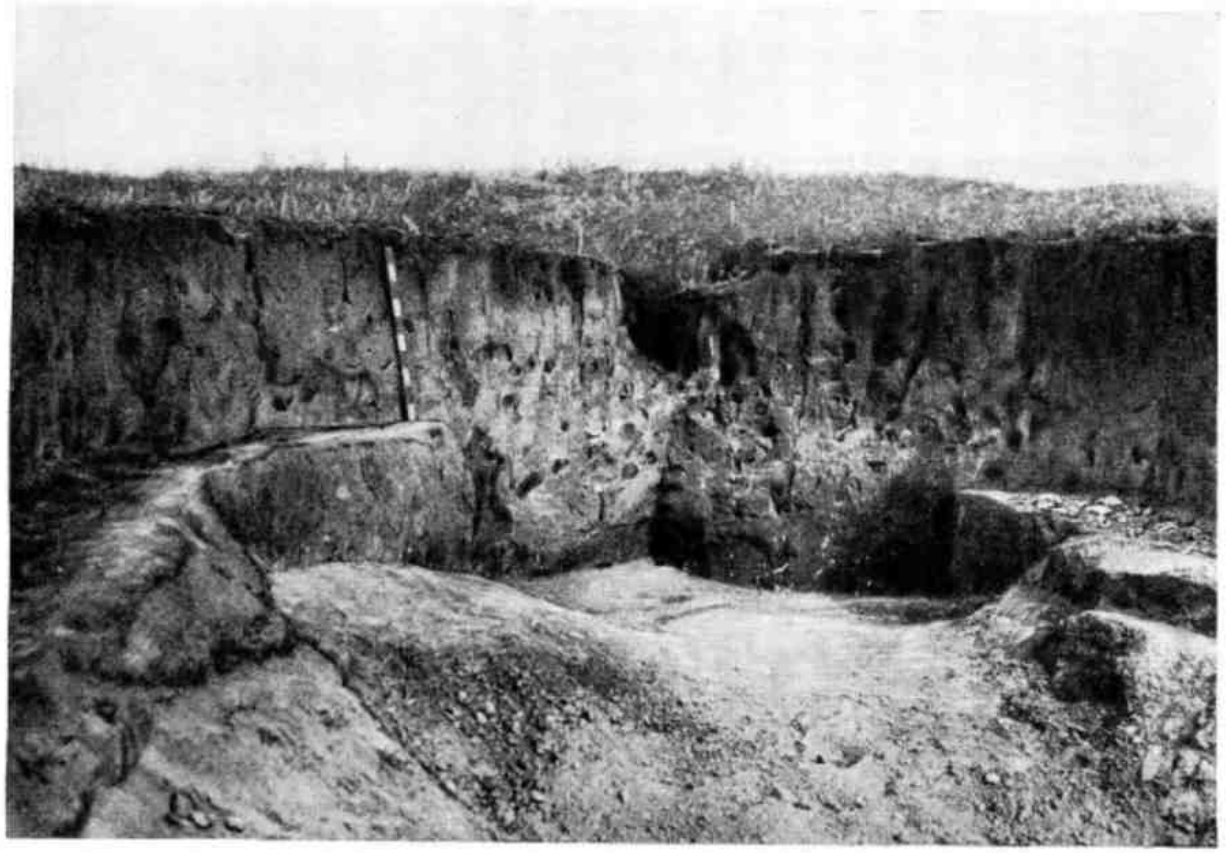
5

6

Рис. 446. Владимировка. Жилище № 3: *4—6* — крестообразные жертвенники

[68] F. Laszlo. Dolgozatok, 1914, рис. 23, 27 и 28.

1

2

Рис. 45. Владимировка. *1—2* раскопки трипольской землянки

долгое время, о чем свидетельствуют постоянные поправки и ремонтирование (рис. 44а и 44б.)

Кроме глинобитных жилищ, в 1940 г. на участке ближе к реке, на склоне в обрезах оврага недавнего образования, была открыта землянка трипольского времени. При зачистке стенок оврага были заметны резкое понижение культурного слоя и очертания углубления значительных размеров, заполненного культурными остатками с мощным скоплением костей животных, фрагментов керамики, с заметным слоем угля и золы на дне. Дальнейший раскоп большой площадью выяснил, что землянка была разрушена лишь в небольшой части. Она оказалась вырытой в лёссовидном красноватом суглинке, подстилающем здесь черноземную почву (рис. 45). Наибольшая глубина землянки 2—2.2 м от современной поверхности. Наблюдения над культурным слоем на поселении показали, что нижняя граница культурного слоя проходит вблизи землянки, а древний уровень трипольского времени на глубине 0.60—0.70 м.[69] Таким образом, следует считать, что в древности глубина землянки была значительной (1.40—1.50 м).

Несмотря на сильное нарушение кротовинами чернозема и подстилающего его лёссовидного суглинка, удалось выяснить в значительной степени форму и размеры землянки. Она состояла как бы из трех сливающихся, округлых по форме частей, очертания которых сравнительно хорошо прослеживались на фоне подстилающего чернозем красноватого лёссо-

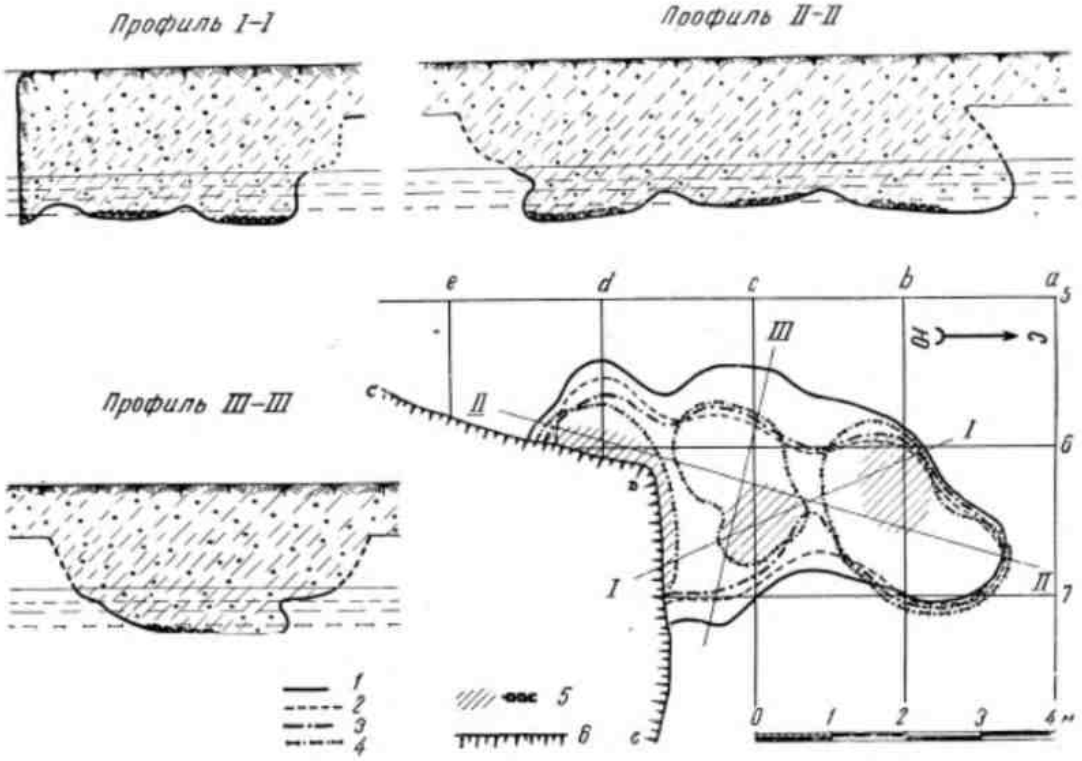
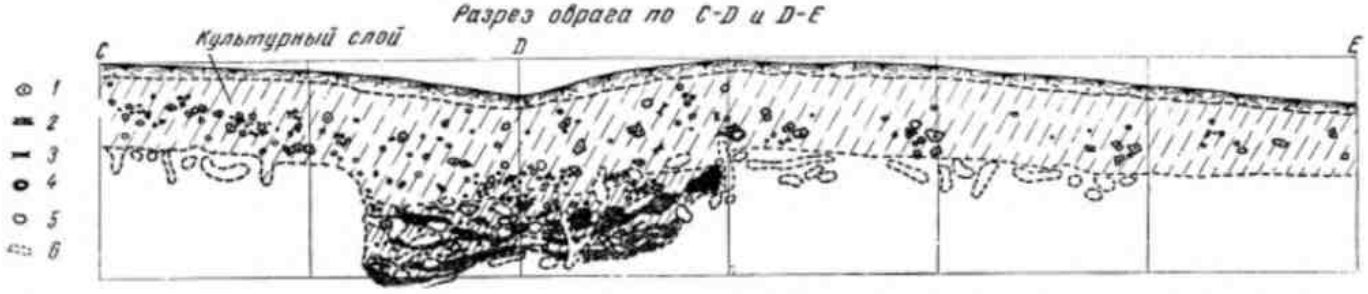

Рис. 46а. Владимировка. План трипольской землянки: *1*—контур I плана землянки (глуб. 1.46 м); *2* — контур II плана землянки (глуб. 1.58 м); *3* — контур III плана землянки (глуб. 1.70 м); *4* — контур IV плана землянки (глуб. 1.90 м); *5* — место очагов; *6* — обрыв оврага

46б. Разрез трипольской землянки: *1* — керамика; *2* — уголь; *3* — кость; *4* — зернотерка; *5* — обмазка; *6* — кротовины

[69] На этой же глубине лежит и основание соседнего с землянкой жилища № 6.

видного суглинка. Общая наибольшая длина 6.20 м при ширине 3.25 м (на глубине 1.2 м). На дне землянки открыты три очага с очажными камнями и большим количеством золы и угля (рис. 46). Удалось уловить входную часть с двумя ступенями. Внутри землянка была заполнена мощными скоплениями отчасти расколотых костей домашних и диких животных,

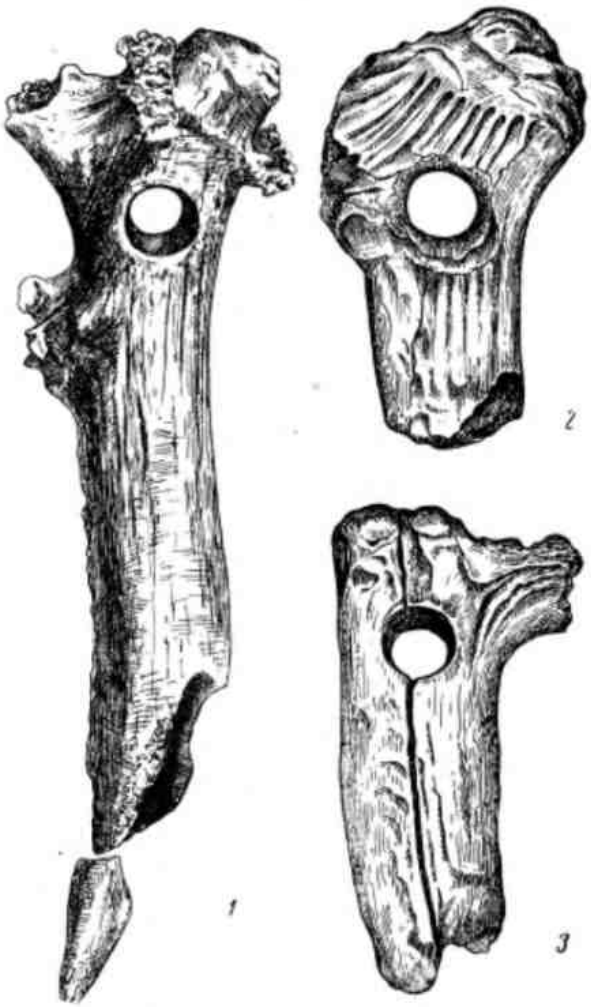

Рис. 47. Владимировка. Мотыги из рога оленя (1/2 н. в.)

фрагментами керамики с черной росписью и из грубой массы с примесью раковин и полосчатым сглаживанием. [70]

Здесь же, в землянке, найдены каменные зернотерки и верхние растиральные камни, свыше 20 кремневых орудий (ножи и скребки) и несколько мотыг из рога оленя. На дне землянки обнаружена слабо обожженная обмазка с отпечатками прутьев, что дает основание предполагать, что стены землянки были обставлены лозой и обмазаны слабо обожженной глиной.

Чрезвычайно интересными находками в землянке были несколько мотыг из рога оленя. Одна из них из целого рога, с шероховатой естественной для рога оленя поверхностью, представляет большое орудие 0.37 м длиной и 0.10 м шириной с наискось просверленным отверстием для деревянной рукоятки. Судя по сравнительно небольшому диаметру (0.025 м) сквозного отверстия, рукоятка должна была быть не очень длинной и из твердого дерева (рис. 47). Предварительное изучение мотыги показывает, что такого типа примитивным земледельческим орудием производился двойной процесс обработки земли: острым концом рога разрыхляли верхний покров почвы, а тупым (обушным) — разбивали комья. В соответствии с этим на найденной в землянке мотыге с одной стороны заметна сильная затупленность и заполированность острого конца рога, а с другой — обушная часть, которая сильно стерта и уплощена. Другие мотыги, сделанные также из рога оленя, более короткие, колодкообразной формы и с прекрасно отполированными поверхностями. У одного из экземпляров обушная часть не только стерта от постоянных ударов, но даже пробита по всей поверхности, что подтверждает высказанное предположение о том, что такого типа мотыгой производили и разрыхление почвы и раздробление комьев.

Во Владимировской землянке была сделана и еще одна замечательная находка — фрагмент (верхняя часть) глиняной женской статуэтки. [71] Несколько удлиненное лицо с хорошо моделированным округлым подбородком отделено от короткой шеи. Рот обозначен горизонтально вытянутым углублением. Сильно выступающий с горбинкой нос непосредственно переходит в низкий лоб. Двумя правильными углублениями округлой формы обозначены оба глаза. Рельефно вылепленные уши проткнуты поперек сквозными отверстиями. Правое ухо обломано. Короткая шея переходит в несколько опущенные плечи. Руки обломаны (по аналогии с другими статуэтками руки, вероятно, были сложены под грудью). Обнаженная грудь, изображенная двумя рельефно вытянутыми бугорками, несколько наклонена вперед и показывает, что статуэтка скорее всего была сидячей. Углубленными полосками обозначены откинутые назад распущенные волосы, разделенные посредине пробором. Спереди вокруг лица волосы обрамлены углубленной полосой. Сзади на спине распущенные волосы изображены рельефно, концы их как бы перехвачены узлом.

Масса, из которой вылеплена статуэтка,— розовато-красная, плотная; глина — с примесью мелкозернистого песка. На поверхности статуэтка покрыта слоем красной облицовки и сохраняет следы росписи черной краской (рис. 48, *2*). При обнаружении в землянке статуэтка была покрыта сплошным известковым налетом. Произведенная очистка ее вы-

[70] После изучения комплекса керамики из землянки он оказался аналогичным обнаруженному на поселении в соседних жилищах № 3, 6 и 7.

[71] Размеры: высота фрагмента 0.07 м, ширина в плечах 0.42 м; толщина фрагмента до 0.02 м, длина лица 0.03 м, длина волос 0.063 м, ширина волос 0.035 м.

явила четко, что волосы сплошь расписаны черной краской. На правой щеке нанесены две наискось идущие полоски; правый глаз, в отличие от левого, обведен черной полосой; на плечах также имеются по две полоски. Двойными полосками на шее обозначено ожерелье. Черной росписью, таким образом, на статуэтке обозначены волосы, ожерелье и, вероятно, татуировка лица.[72]

Среди разнообразных трипольских статуэток описанное выше изображение не единично. Ближе всего к нему стоит статуэтка, случайно найденная в 1928 г. здесь же, на Владимирском поселении, однако, в отличие от найденной в 1940 г., статуэтка представляла стоячее женское изображение, не имевшее рук. Плечи заканчиваются небольшими выступами. Остальные черты ее чрезвычайно близки. Тот же сильно горбатый нос и рельефно вылепленные уши со сквозными отверстиями, те же распущенные с пробором волосы спускаются на спину, та же обнаженная грудь. Иными приемами в виде узких углублений обозначены глаза и рот, придающие изображению другое выражение лица. Наиболее характерные черты обоих изображений — горбатый нос, распущенные волосы, ожерелье, обнаженная грудь — свойственны многим трипольским статуэткам, найденным, например, в Сушковке, Чучинках, Криничках,[73] Владимировке, Роскошевке, Колодяжном и в других поселениях.

Трипольские статуэтки, в большинстве женские, изредка мужские, обнаруживаются в

Рис. 48. Владимировка. Глиняные статуэтки с росписью (н. в.)

[72] Очистка фрагмента статуэтки производилась в химической лаборатории Института археологии АН УССР в Киеве, под руководством О. А. Кульской.

[73] N. Makarenko. Sculpture de la civilisation trypolienne en Ukraine. JPEK, 1947, табл. 41, рис. 7 и 8; табл. 36, рис. 32; табл. 37, рис. 22 и 23.

каждом трипольском жилище и за границами жилища, а также в так называемых ракушечных кучах, среди скоплений костей животных, раковин, фрагментов керамики (рис. 49). Вопрос о назначении трипольских статуэток остается до сих пор нерешенным, и мнения ученых по этому поводу противоречивы. Некоторые археологи (Гернес и другие) рассматривают глиняные статуэтки Трои, Кикладских островов, Балканского полуострова и Приднепровья с точки зрения первобытного искусства, как изображения «первобытного идеала красоты», другие (Обермайер) видели в неолитических статуэтках изображения «отвлеченного женского начала» или «идолов», олицетворяющих плодородие. По мнению некоторых, глиняные статуэтки изображали женщин, совершавших культовые действия.

Рис. 49. Владимировка. Глиняные статуэтки с росписью (3/5 н. в.)

В специальной работе, посвященной трипольским статуэткам, А. А. Скрыленко, так же как и В. В. Хвойко и Э. Р. Штерн, считала их древними идолами.[74] В другой работе, посвященной трипольским скульптурным изде-

[74] А. А. Скрыленко. Глиняные статуэтки доминкенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье. Тр. XII Археол. съезда.

лиям, была высказана точка зрения, что изображения, находившиеся на площадках, сжигались вместе с умершим (по мнению автора площадки это погребальные сооружения).[75]

Существует и другое мнение, что трипольские статуэтки являлись детскими игрушками. Эти авторы, мнения которых обоснованы часто

Попудни, реально передающей все внутренние детали трипольского дома (рис. 50).

На модели можно различить две категории изображений женских фигурок. Одна — реальное воспроизведение натуры, реальное изображение трипольской женщины за работой. Она изображена растирающей зерно на ручной зернотерке. Около нее стоят сосуды с запаса-

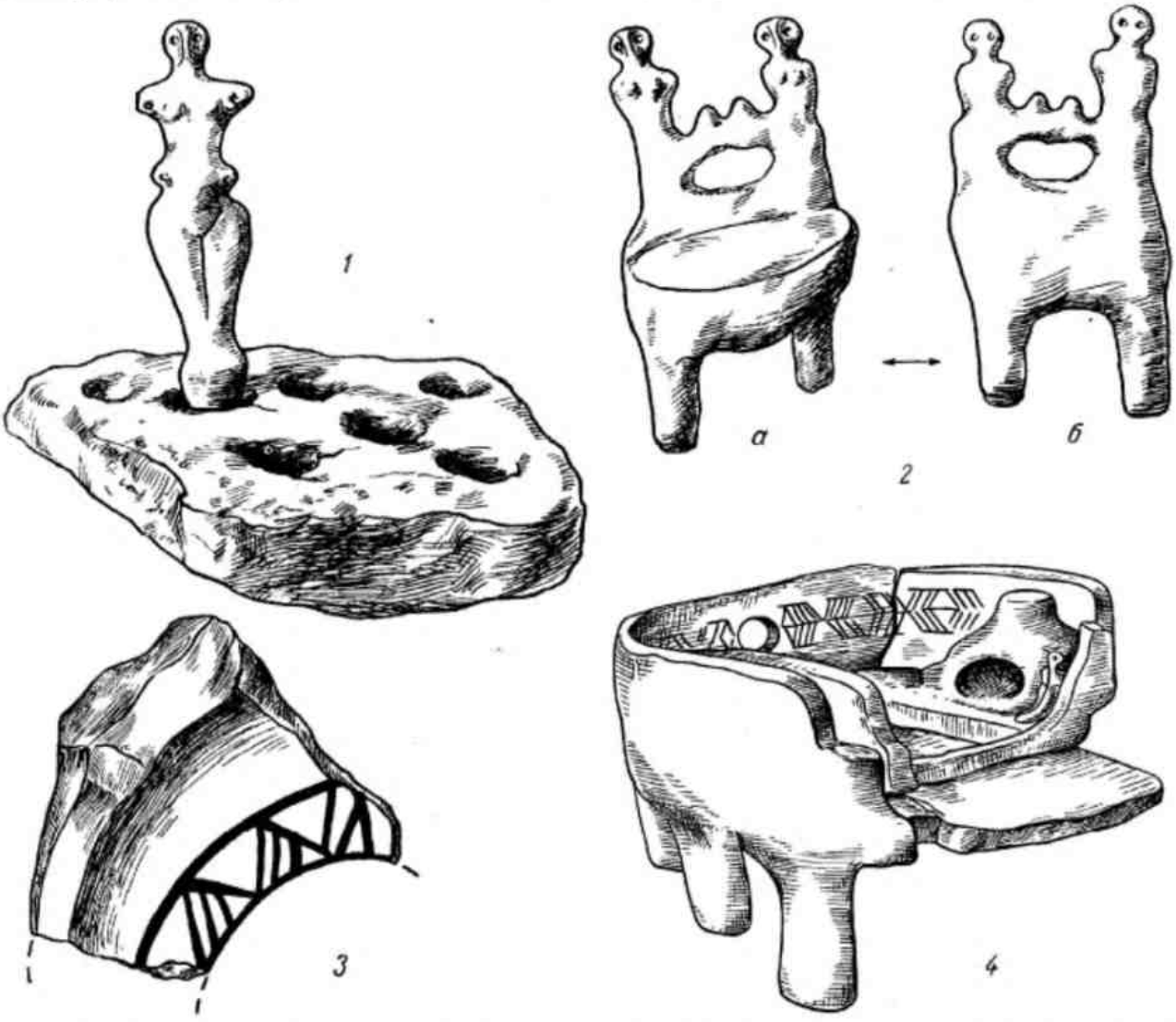

Рис. 50. *1* — глиняная статуэтка из Костиши; *2* — глиняный «трон» из Липкан; *3* — фрагмент модели жилища с росписью (окно), случайная находка; *4* — модель жилища из Попудни (*1*, *4*—$^1/_2$ н. в.; *2*, *3*—г. в.)

на неверных предпосылках (например, исходя из ритуального характера площадок), рассматривают трипольские статуэтки вне той конкретной исторической обстановки, в которой они были созданы. Чрезвычайно важным было бы установить (в процессе раскопок этого пока не удалось сделать) местоположение статуэток в большом трипольском доме и тем самым подойти к пониманию их назначения. Некоторые данные могут быть получены при анализе известной глиняной модели жилища из

ми продуктов. Но на той же модели из Попудни имеется и другая условно трактованная женская фигура, выполненная теми же приемами, в том же условном стиле, как и большинство трипольских статуэток. Это — изображение идола. «На возвышении около печи,— пишет нашедший модель М. Гимнер,— сидит женский идол с руками, сложенными на груди».[76]

Е. Маевский, первый описавший модель, видит в этом идоле изображение мужчины. Гимнер оспаривает это положение и добавляет,

[75] H. Cehak. L'art plastique dans la culture énéolitique de la céramique peinte en Pologne. Swiatowit, t. XIV, Warszawa, 1933.

[76] M. Himner. Указ. соч.

что редкие мужские изображения, найденные до сих пор, обычно с одним глазом, тогда как идол на модели из Попудни имеет два глаза.[77]

дает новые указания для расшифровки если не всех, то некоторых из типов трипольских статуэток, причем значение их как «игрушек»

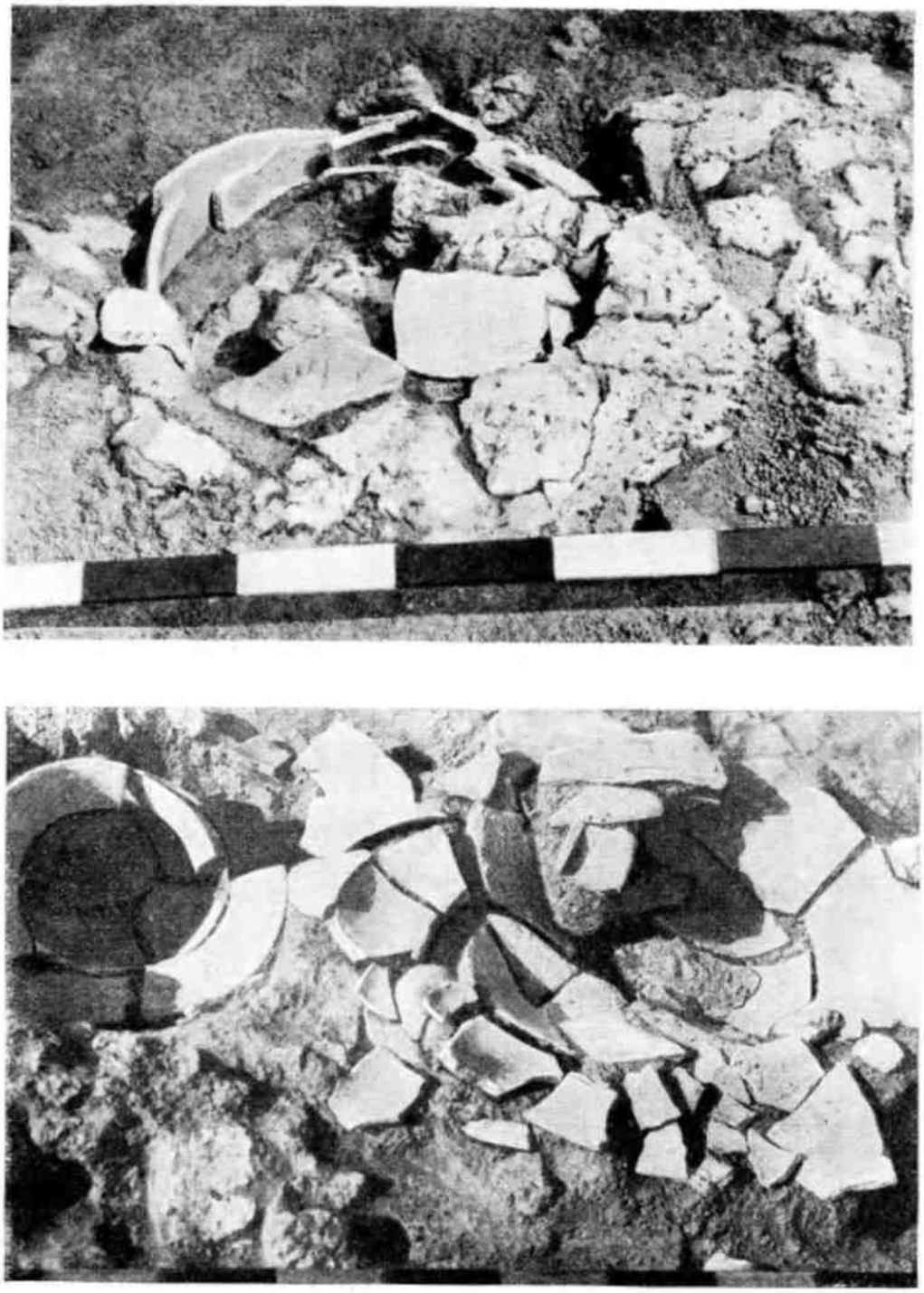

Рис. 51. Владимировка. Остатки больших сосудов для хранения припасов в жилищах № 3 и 7

Четко определенное на модели из Попудни место идола в трипольском доме у печи

или «произведений первобытного искусства» целиком должно отпасть. Наблюдения эти оказались не единичными. На фрагменте модели из случайных находок, сделанных в с. Чичиркозовке, Уманьского района (фрагмент хранится в музее в Умани), около печи, на

[77] E. Majewski. Habitation humaine (enclos sur pilotis) de la fin du néolithique. Bull. et mémoires de la Société d'anthropol. de Paris, 1913.

возвышении ближе к входу, сохранилась нижняя часть такого же сидячего идола.[78] Таким образом, в трипольском доме, кроме

ское изображение. В Серизлиевке, Усатове, Красногорке в курганах позднего этапа трипольской культуры известны находки анало-

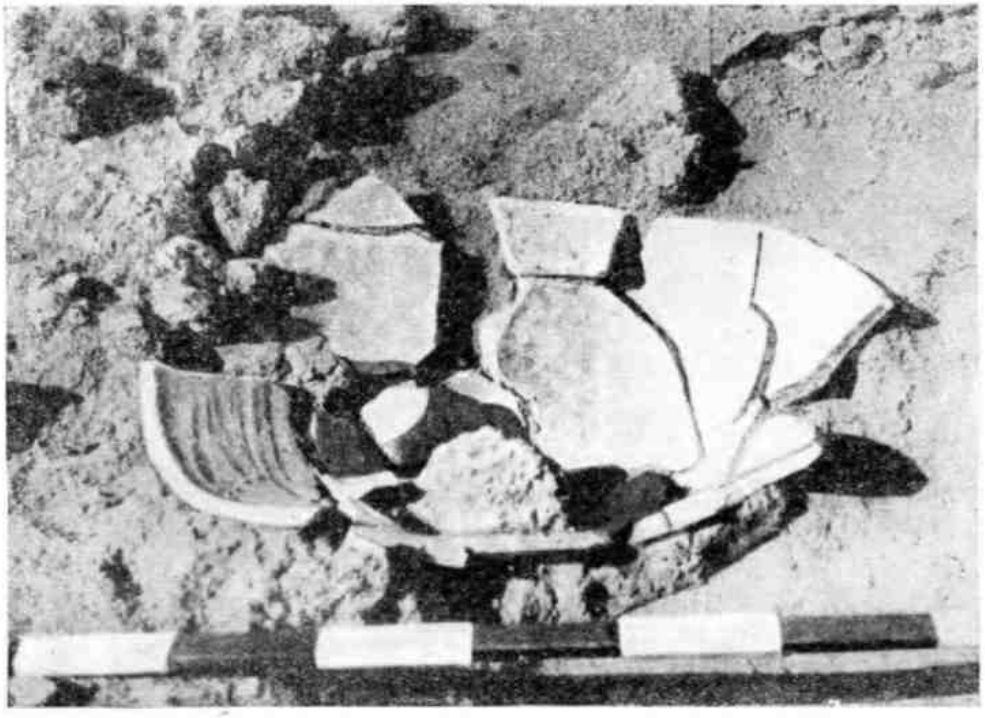

Рис. 52. Владимировка. Остатки больших сосудов для хранения припасов в жилищах № 7 и 8

крестообразного жертвенника, установлено и место, где помещался идол — условное жен-

гичных, но еще сильнее схематизированных статуэток.[79] Это показывает, что хотя они

[78] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, № 1, М., 1941.

[79] Д. И. Щербаковский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний. Археологическая летопись Южной России, 1905. рис. 2 (Серизлиевка).

оставались, как и ранее, предметами культа, но на новом этапе патриархально-родовых отношений в них было вложено и новое содержание

Владимирский поселок обитался долгое время, разрастался постепенно. Отсюда понятно наличие на нем разных типов жилищ: глинобитных, свойственных среднему этапу, и землянок, восходящих к ранним этапам Триполья и к жилищам эпохи неолита в Европе. но отличается от них и прежде всего своими размерами. Он занимает огромную территорию в несколько гектаров. Можно сделать предположение, что жилые постройки на поселении расширялись не в пределах одного, а нескольких смежных кругов. Постепенно разрастался родовой коллектив и образовывался новый круг построек; члены новых жилищ хозяйственно не отрывались от прежних соседних. Длительное существование здесь поселения

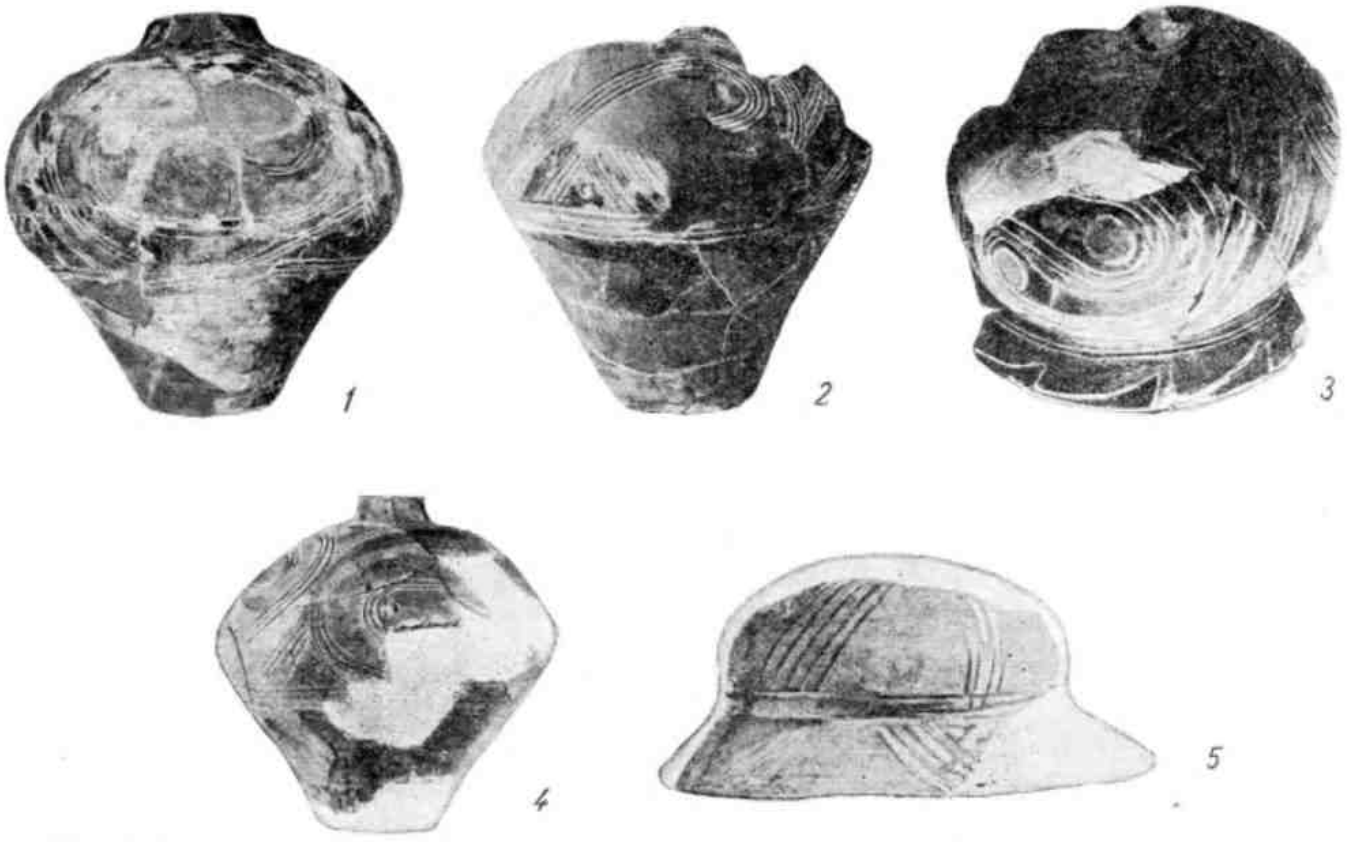

Рис. 53. Владимировка. *1–2* — сосуды с углубленным орнаментом и с красной росписью; *3* — крышка сосуда с углубленным орнаментом и трехцветной росписью; *4, 5* — сосуд и крышка с углубленным орнаментом (*1, 2, 4*—1/10 н. в.; *3, 5*—1/4 н. в.)

Благодаря работам Трипольской экспедиции в 1946 г. стали известны остатки свыше 200 наземных глинобитных построек (в 1940 г. было отмечено 154 жилища); подтвердилось также, что они располагались на поселении по определенной системе по кругу в несколько рядов. Близкая система расположения родовых жилищ была изучена экспедицией на поселениях Киевщины (Коломийщина I и II), однако Владимирский поселок заметно следует объяснить тем, что Владимирский поселок (на берегу р. Синюхи, впадающей в Южный Буг) расположен на пути, по которому с глубокой древности осуществлялась связь с югом, с Причерноморьем и со странами Восточного Средиземноморья.

Такому длительному периоду существования Владимировки соответствует и разнообразный характер комплекса находок, прежде всего керамики (рис. 51 и 52). Во Владимировке обнаружены сосуды среднего этапа с типичной углубленной спиральной орнаментацией.[80] Орнамент располагается в широком поясе и охватывает значительную часть сосуда. Грушевидные большие сосуды для хранения припасов, шлемовидные крышки, широкогорлые

лиевка); В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии, кн. I, Херсон, 1903, табл. XIII, рис. 91, 92 (Красногорка). Две глиняные сильно схематизированные статуэтки В. И. Гошкевич ошибочно описал как «игрушечные сандалии, сделанные из глины» (стр. 127), Е. Ф. Латодовская. Раскопки Одесского Историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА., № 5, М.—Л., 1940 (Усатово), рис. 23.

[80] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935, табл. XI, рис. 1, 2.

кратеры, бинoклевидные сосуды — все это формы, хорошо известные и в Пьянишкове, и на Коломийщине II, и в Веремье, и в Щербаневке. Однако, кроме углубленного спирального орнамента, на грушевидных сосудах из Владимировки мы встречаем соединение двух технических приемов — углубленной техники и техники росписи красным, черным и белым. Перед нами редкий пример сочетания в одном и том же сосуде двух приемов орнаментальной техники, характерных для раннего Триполья.

Кроме того, во Владимировке имеется керамика с трехцветной росписью. Росписью красным и черным с белым окаймлением выполнен, например, спиральный орнамент на одной из владимирских шлемовидных крышек (рис. 53). Полихромной же росписью украшена и известная модель жилища на четырех ножках, найденная во Владимировке в 1936 г.[81]

Модель была случайно обнаружена на поселении при осмотре разрушенных вспахиванием площадок (№ 17), на глубине 0.35 м в черноземном слое почвы.[82] Все фрагменты модели были покрыты толстым слоем известкового налета, сквозь который было заметно, что модель покрыта росписью. Места разлома также покрыты известковым налетом; следовательно, модель была разбита уже в древности. Вылеплена она из розовато-палевой массы, глина с примесью мелкозернистого песка; обжиг окислительный. Размеры модели: длина — 0.285 м, максимальная ширина — 0.219 м, высота — 0.203 м, высота ножек — 0.092 м, высота стенок — 0.09 м, толщина платформы на средине — 0.02 м.

Модель из Владимировки представляет собой довольно массивную платформу на четырех высоких ножках (рис. 54). Она состоит из передней части (выступ, не имеющий стен) и из центральной части, со всех четырех сторон огражденной стенками. Платформа в плане прямоугольная с закругленными углами. Особенно заметное закругление наблюдается на передней, входной части ее, выступающей за пределы стенок на 0.05 м. Сзади платформа образует небольшой (0.01 м) выступ. По продольным сторонам платформа не выдается наружу, а сливается со стенками. Сохранившиеся две задние ножки довольно высокие, постепенно утоньшающиеся книзу. Стенки соединены снаружи между собой, под углом, не образуя, как изнутри, закругленности. При соединении выступов стенок с полом не образуется также резкого перехода. В передней стенке посредине прорезан вход, а на задней округлое отверстие — окно (рис. 55).

Детали во внутренней части дома — печь, жертвенник и т. п.— на данной модели отсутствуют. Реставрация и очистка модели показали, что она расписана снаружи и внутри, и только на ножках и нижней наружной поверхности платформы роспись отсутствует.[83]

На всех частях модели, где нанесена роспись, поверхности покрыты неровным слоем коричневато-красной облицовки, по которой орнамент нанесен черными окаймленными белым полосами, образуя вместе с красной облицовкой фона трехцветный рисунок.

С внутренней стороны стены, пол, порог и передний выступ платформы орнаментированы черной монохромной росписью; наружные срезы краев платформы и выступа — монохромной белой росписью.

На переднем выступе платформы черная роспись из двойных дуговидных лент, которые образованы группой (4—5) тонких полосок. Концы дуг обращены к передней стенке (ко входу) платформы.

Весь пол внутри модели покрыт черной росписью из шести рядов двойных дуговидных лент, нанесенных более толстыми полосками (4—6). Своими концами дуги обращены к задней стенке.

Стены модели внутри орнаментированы по-разному. Так, продольные стенки орнаментированы лишь узкими поясами, из которых один проходит у основания стены, другой — у самого верха. Все остальное пространство остается неорнаментированным. Узкие пояса (роспись черным) состоят из двух параллельных полос. Неширокое пространство пояса пересечено поперек сходящимися под углом прямыми отрезками лент, каждая из которых образована группой из 4—6 полосок.

Орнаментальные пояса продольных стен переходят с внутренней стороны и на короткие стены модели. Кроме того, на передней стене такой же пояс обрамляет вертикально с двух сторон края входа, а на задней таким же поясом окаймлено округлое отверстие окна.

С наружной стороны модели все стены покрыты полихромной росписью. Вход с обеих сторон вертикально обрамлен четырьмя небольшими треугольниками. Несколько отступя, по обеим сторонам параллельно краю входного отверстия,— неширокие полосы. Далее, оставляя значительные пространства красочного фона, с обеих сторон нанесены дугообразно (слева от зрителя — две, справа — три) изогнутые полосы.[84]

На продольных стенах роспись состоит из дугообразно изогнутых полос, по десять с каждой стороны. Эти дуги так размещены, что пять из них выгнуты и концами обращены к передней стенке модели, а пять других —

[81] Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4, 1938, рис. 7—11.

[82] Модель фрагментирована, но ее удалось почти полностью реставрировать. Отсутствуют небольшие куски в каждой из стенок, а от передних ножек сохранились лишь основания.

[83] Реставрация и очистка модели были выполнены в химико-технологической лаборатории Института археологии АН УССР. Модель хранится в Историческом музее в Киеве.

[84] Часть третьей дуги с левой стороны переходит на левую продольную стену модели.

к задней. Сверху и снизу эта полихромная роспись ограничена узкими черными полосками с белым окаймлением (рис. 55).[85]

На задней стене модели (снаружи) у верха проходит узкий пояс, образованный двумя черными полосами, поле которого пересечено

Рис. 54. Владимировка. Глиняная модель жилища с трехцветной росписью (3/8 н. в.): *1* — вид сзади; *2* — вид со стороны входа

поперек сходящимися под углом отрезками прямых лент; они нанесены белой краской по красному фону облицовки. Ниже пояса — окно, обрамлено треугольниками не всегда правильной формы и пятью концентрическими дугами, концы которых упираются у верхнего края в пояс. Часть этой росписи переходит на задний выступ платформы.

По верху края стенок и на вертикальных разрезах входного отверстия орнамент состоит

[85] Образуется как бы обрамленный в поясе ряд концентрических несомкнутых овалов — мотив росписи, часто наблюдаемый на краях биконических сосудов в полихромной трипольской керамике. См. T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935, табл. IV, стр. 1, 2, 3, 6, 9; красочная таблица, рис. 1.

из слегка скошенных треугольников.[86] Точно такие же треугольники украшают поверхность порога, на наружной части которого нанесены сходящиеся под углом отрезки лент. Роспись, нанесенная белым и состоящая из таких же отрезков лент, сходящихся под углом, имеется

Рис. 55. Владимировка. Глиняная модель жилища с трехцветной росписью (3/8 н. в.): *1* — вид сбоку; *2* — вид сверху

на краях платформы сбоку и спереди на выступе.

Роспись эта в значительной степени отличает ее от других известных моделей из Сушковки и Попудни, хотя окраска красным (Сушковка) и частичная орнаментировка (Попудня) отмечались исследователями и раньше.

Но самое существенное отличие владимировской модели от других — это отсутствие в ней сооружений и предметов внутри. Отсутствуют печь, возвышение, сосуды и т. п. Разумеется, эта особенность не случайна. О ней будет сказано ниже.

[86] Аналогичная роспись имеется и на модели из Попудни.

Большое развитие получает во Владимировке керамика с черной монохромной росписью, которая несколько позднее в Поднестровье в таких поселениях, как Петрены и Шипеницы, поселениях типа Сушковки, Томашевки и Попудни.[88]

Во всех владимировских жилищах встречена грубая кухонная посуда из глины с примесью

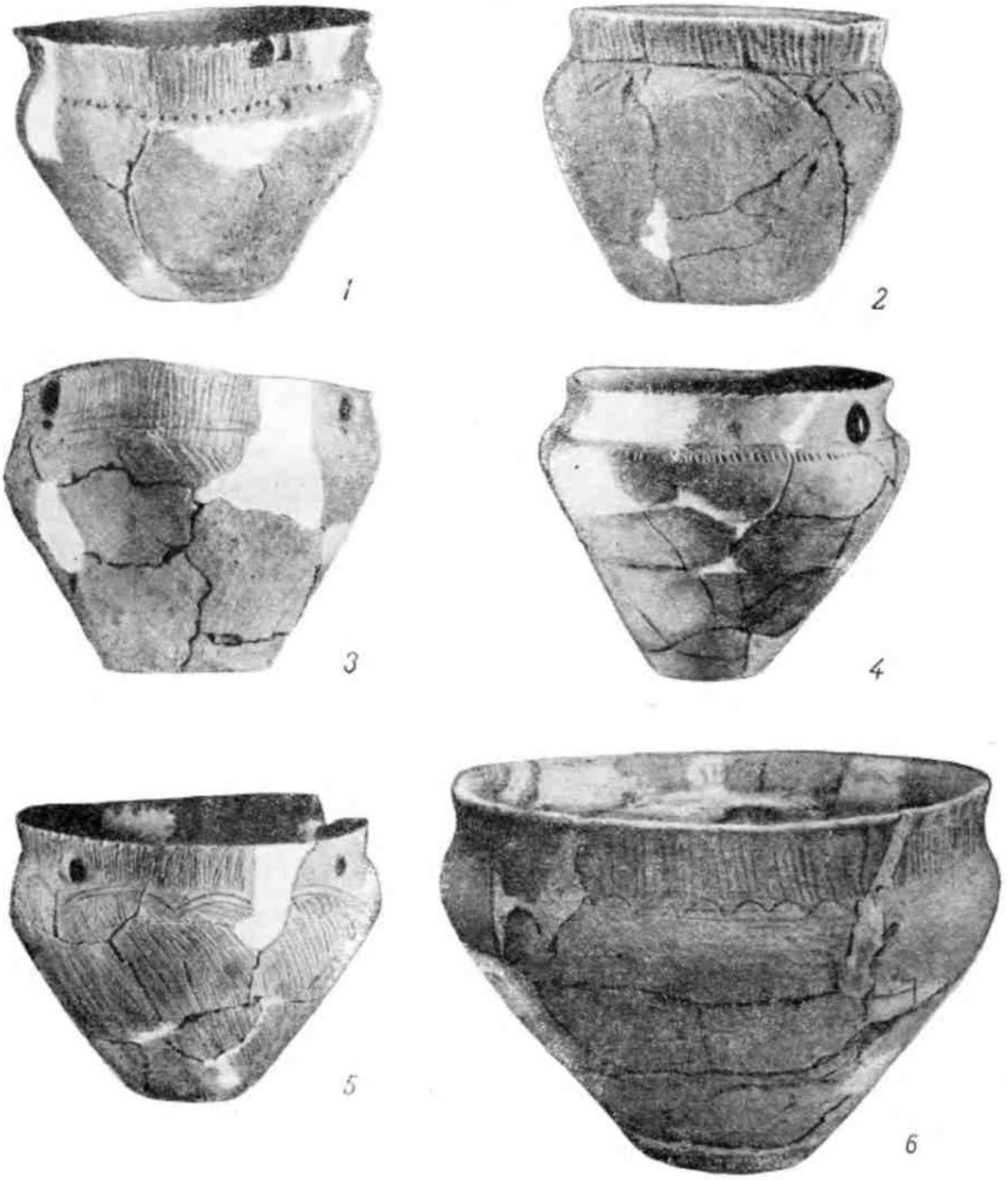

Рис. 56. Владимировка. *1—6*—кухонная посуда с грубой отделкой поверхности (1/3 н. в.)

получает полное господство.[87] Этого же стиля монохромная черная роспись в дальнейшем своем развитии явится типичной для поселений последующего этапа С/I и побужских

измельченных раковин и песка и с полосчатым сглаживанием поверхности (рис. 56).

Наряду с большим числом кремневых орудий (рис. 57 и 58), во Владимировке открыто

[87] T. Passek. Указ. соч., табл. VIII, IX.

[88] Там же, табл. XII, XIII.

немало орудий из рога и кости, а также большое число разнообразных статуэток, глиняных конусиков и т. п.[89]

Кратким описанием поселения Владимировка можно закончить характеристику Триполья среднего этапа (B/II) в Поднестровье и в Побужье; все основные слагаемые культуры этого этапа, как мы видели, уходят в предшествующие периоды. Вместе с тем здесь же зарождаются и другие новые черты, весьма своеобразные, которые находят свое полное развитие уже на последующем этапе — С. Так, на ступени B/II во Владимировке частично сохраняется керамика с углубленным орнаментом и полихромная расписная, по форме близкая к сосудам с округлым очертанием — большие грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, бинокли,— но совершенно исчезают каннелированная керамика, глиняные пинтадеры, столь типичные для раннего этапа.

Начинается развитие керамики с черной монохромной спиральной росписью. Позднее она получает на этапе С свое окончательное развитие (рис. 59, 60, 61).

Рассмотрение материалов и характеристика среднего этапа (B/II) Триполья были бы не полны, если бы хотя кратко не остановиться на двух известных трипольских поселениях — Петрены и Шипеницы.

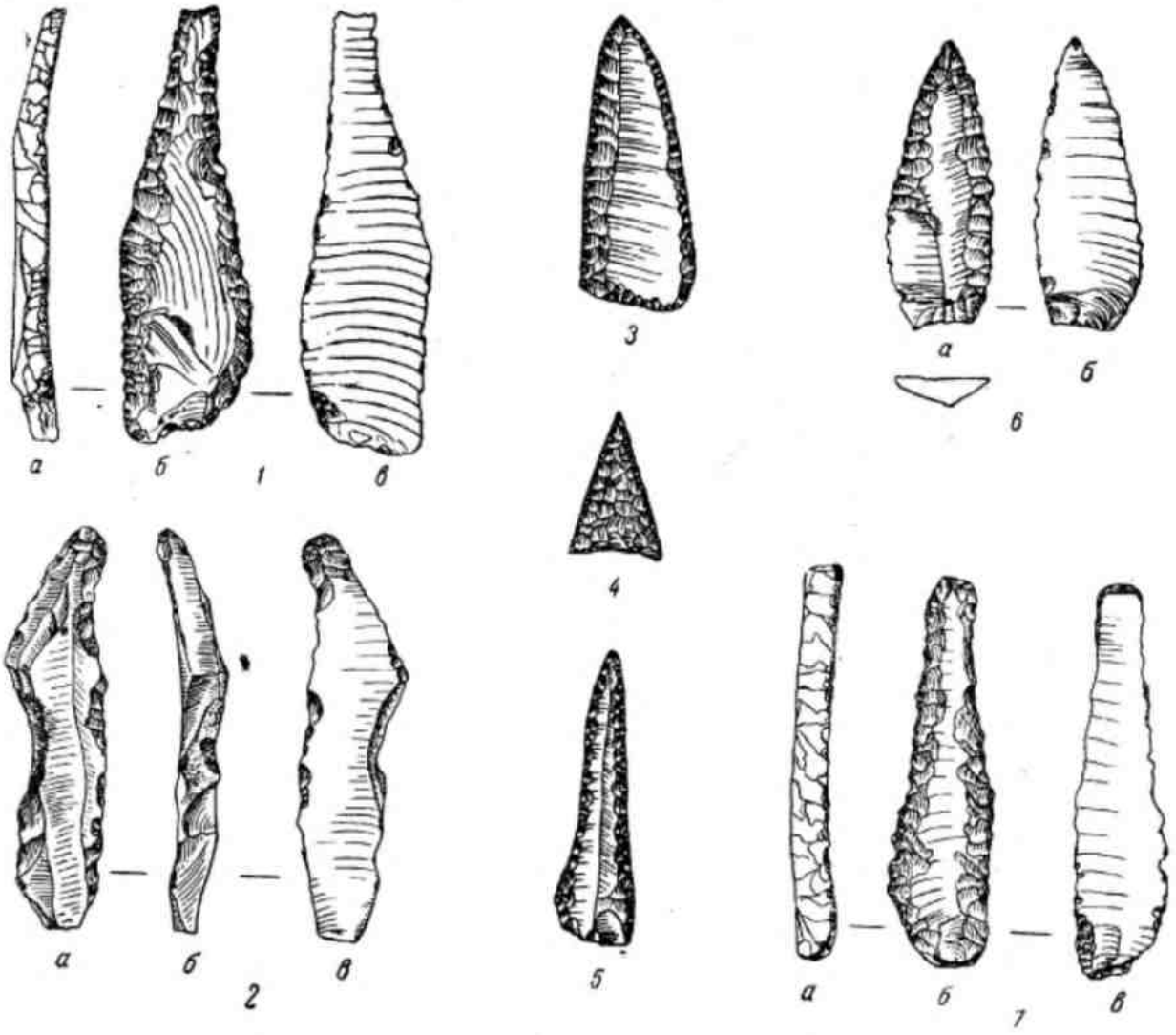

Рис. 57. Владимировка. *1—7*—кремневые орудия (4/5 н. в.)

Поселение Петрены, вблизи гор. Бельцы Молдавской ССР, было раскопано Э. Р. Штерном в 1902 г.[90] Исчерпывающее исследование об этом памятнике было им доложено на заседаниях XIII Археологического съезда.

Поселение расположено среди сильно холмистой местности, на высоком плато, занимающем значительное пространство, которое к северу, востоку и западу понижается отлого, тогда как к югу спускается круто в глубокую

[89] В ближайшие годы интереснейшее трипольское поселение у Владимировки будет издано автором данной книги отдельной монографией.

[90] Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М. 1906.

ложбину, где теперь протекает небольшой ручей. Плато исследовано во многих местах: было раскопано восемь площадок. Три из них

сывает, траншеями около 2 м ширины, перерезая жилище, а затем частично раскрывая глинобитные остатки. Рассматривая раскопан-

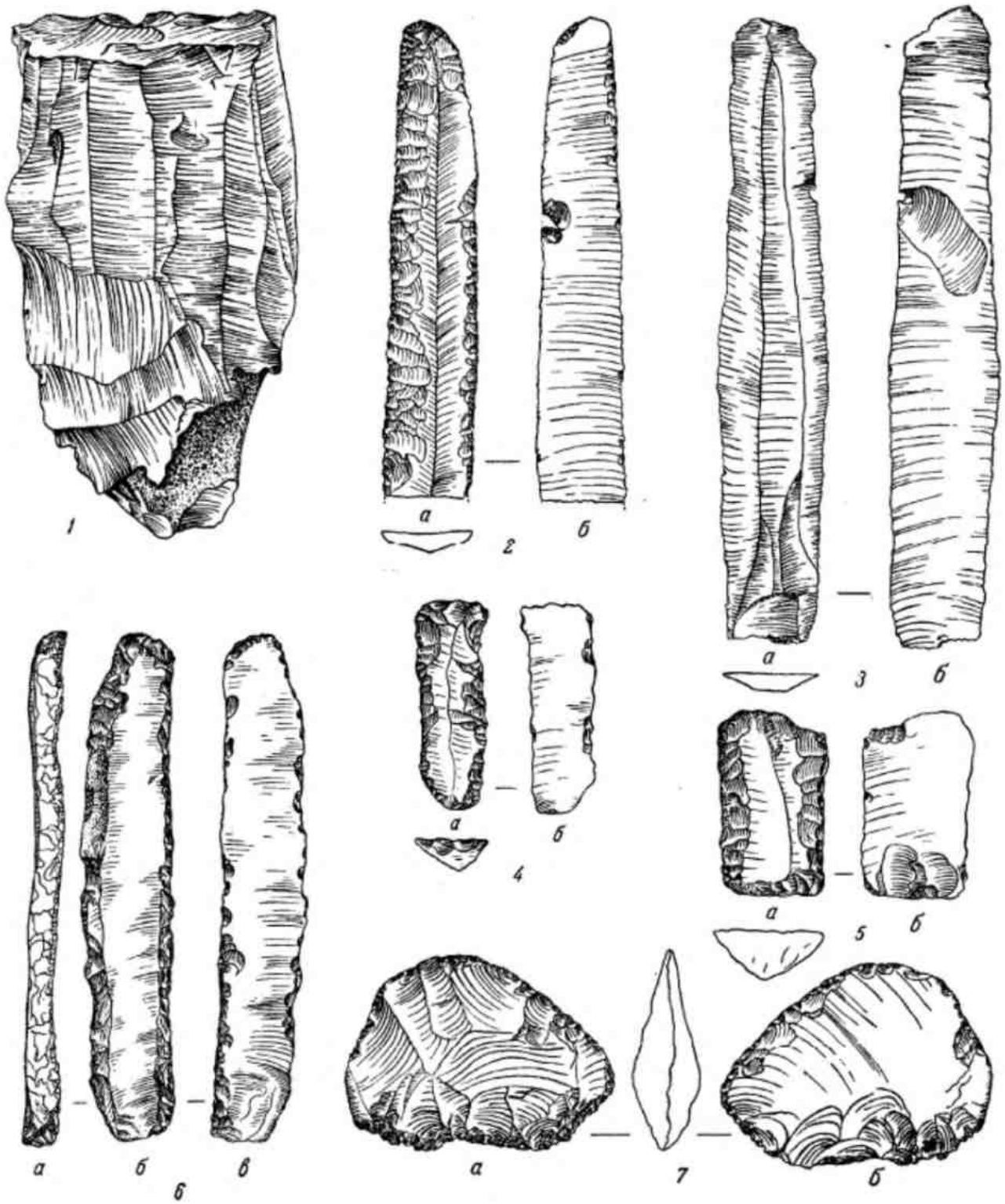

Рис. 58. Владимировка. *1—7*—кремневые орудия (2/3 н. в.)

расположены в наиболее высокой точке плато, остальные — на склоне. В большинстве площадки оказались 10—14 м длиной и 5—8 м шириной. Штерн вел раскопку, как он сам опи-

ные памятники, как места трупосожжения и жертвоприношения, а не как места поселений. Штерн дает в своем исследовании подробное описание «вида и конструкции мест погребений

в Петренах»: [91] «Для установки урн с пеплом выкапывалась яма, большею частью четырехугольной формы, глубиною до 2 м; дно такой ямы плотно утрамбовывалось и выглаживалось глиной, образующей подпочву; в некоторых случаях дно также выкрашивалось красной охрой. [92] Подобным же образом обрабатывались и боковые стороны. Для придания им

«Была ли эта крыша устроена горизонтально, как при „мастаба" в Египте, или же наподобие свода, на основании находящегося в моем распоряжении материала установить с точностью невозможно»,— пишет Штерн. По форме некоторых из этих глиняных корьев с отпечатками бревен сводчатое устройство кровли представляется вероятным, сводчатость

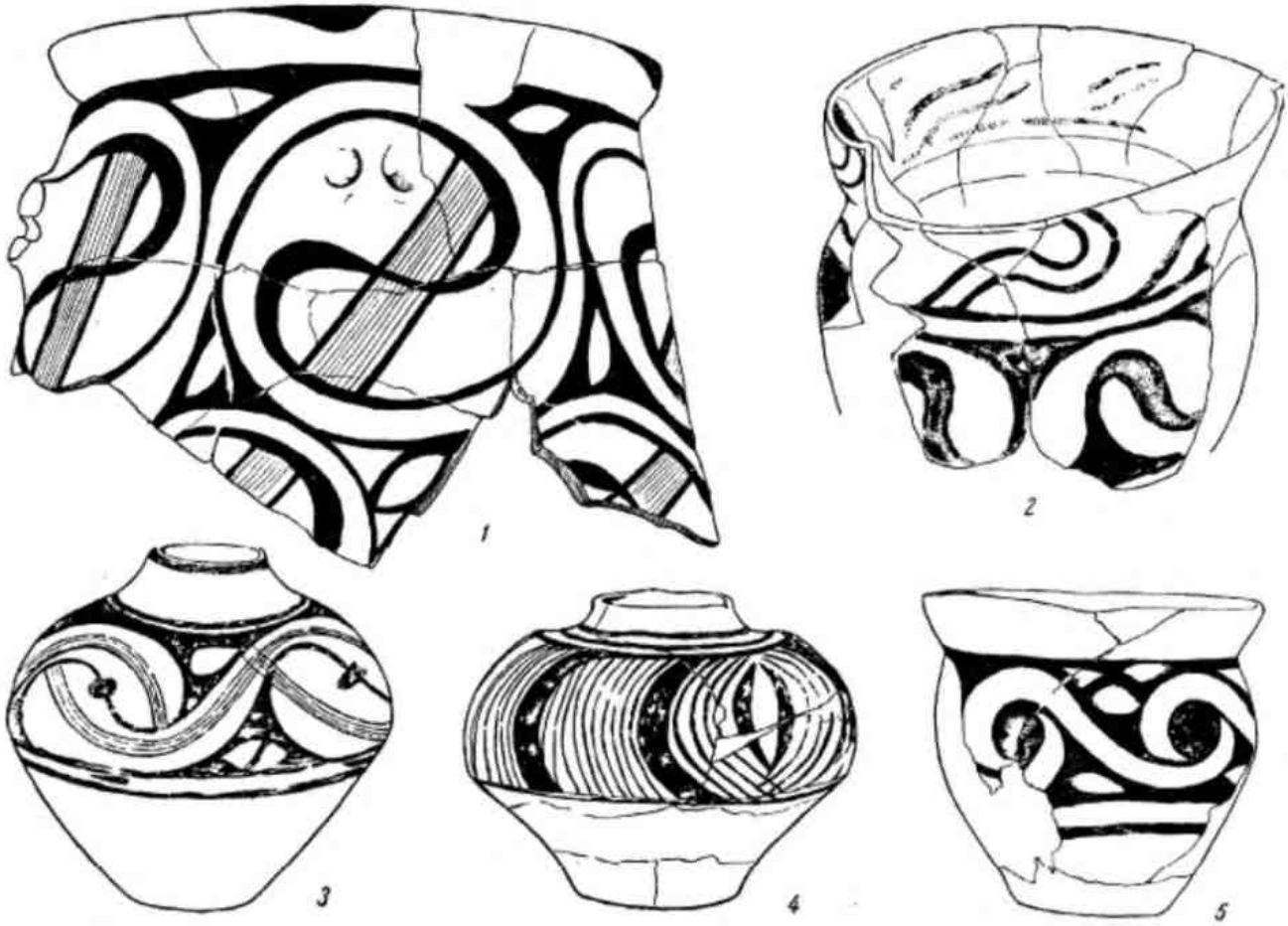

Рис. 59. Владимировка. *1—5*—сосуды с черной росписью (*1*—1/8 н. в.; *2—5*—1/6 н. в.)

большей устойчивости и прочности эти глиняные стены были слегка обожжены. Как высоко подымались эти стены над поверхностью земли, можно определить лишь с приблизительной точностью, но что они действительно подымались, это кажется мне, по массе и форме наслоения глиняных глыб, покрывающих ныне места погребений, вне сомнения. Эти четырехугольные глиняные помещения, которым, должно быть, часто сообщались устойчивость и опора посредством втыкания столбов и сплетений из прутьев, были снабжены вверху кровлей из плетня, приложенных друг к другу бревен, получивших сверху толстую глиняную обмазку».

достигалась, быть может, лишь тем, что глиняная штукатурка в середине над рядом бревен накладывалась толще, чем на боках. Таким образом создавалась возможность стока дождевой воды. В постройке было отверстие для дыма и второе отверстие — дверь, закрывающаяся плоскими плитами. [93] В таком «доме мертвых», по мнению Штерна, ставились урны с пеплом, а сожжение трупов происходило вне самого погребального сооружения. «По совершении торжества погребения и жертвоприношений,— пишет далее Штерн,— постройка запиралась до тех пор, пока смерть не уносила другого члена общины или семьи». [94]

По всем тем данным, которые имеются в настоящее время по Триполью, заключение Штерна о типе петренских погребальных сооружений не нашло подтверждений и, безусловно,

[91] Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 10.

[92] В одной из площадок (указ. соч., стр. 8) половина пола состояла из расколотых тонких известняковых плит; вторая половина — из тщательно утрамбованной глины, окрашенной охрой в красный цвет.

[93] Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 10.

[94] Там же, стр. 11.

но, его следует принимать с большими оговорками. Метод частичного вскрытия раскопок траншеями не позволил Штерну понять общий характер и детали постройки в Петренах, как это удалось теперь сделать в процессе раскопок Трипольской экспедиции. Е. Ю. Кричевский в своей статье, посвященной проблеме трипольских площадок, совершенно правильно подвергает критике метод раскопок и общие выводы о конструкции петренских площадок. [95]

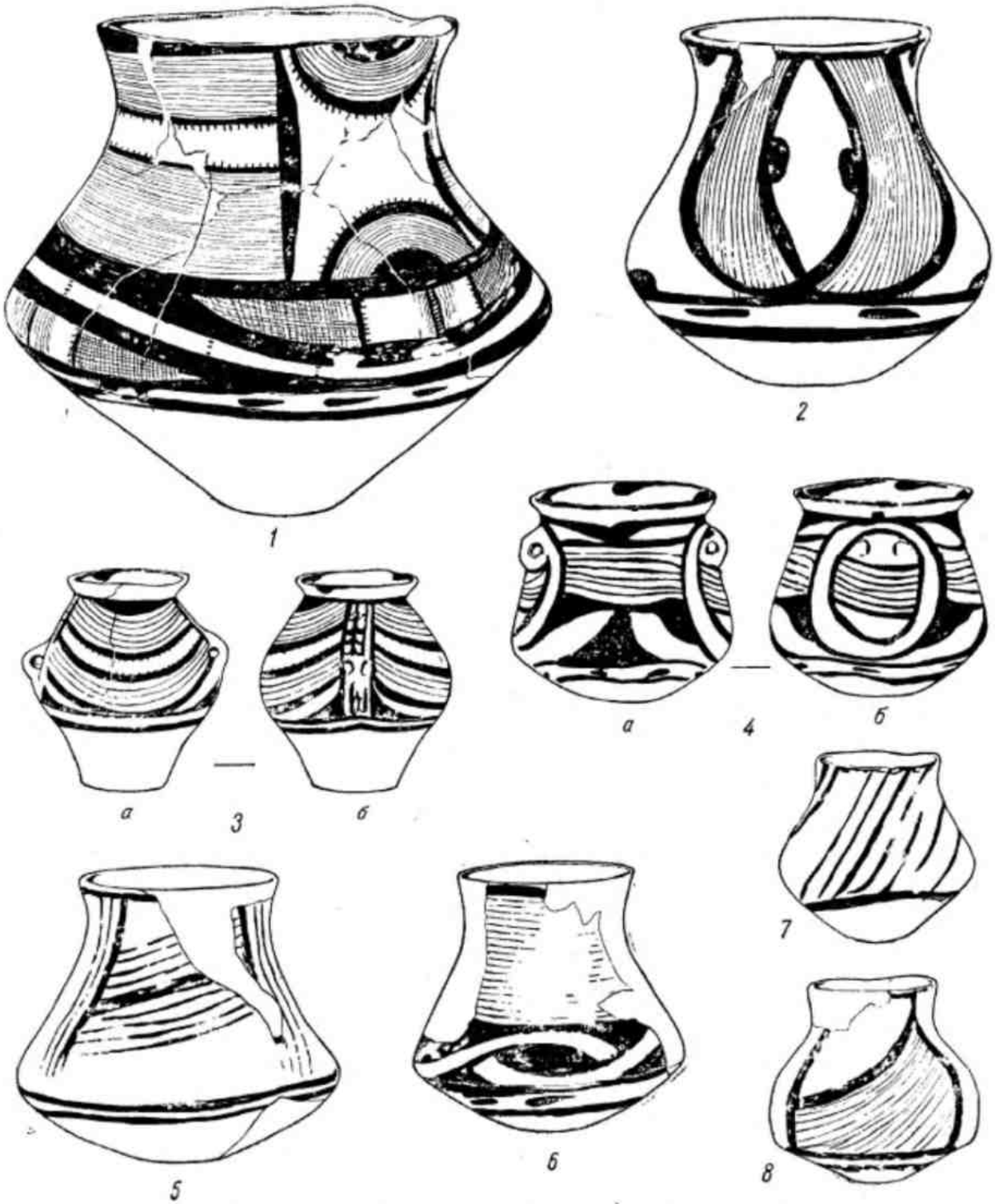

Рис. 60. Владимировка. *1—8* — сосуды с черной росписью (*1*—1/4 н. в.; *2—8*—1/2 н. в.)

Для настоящей темы интересен археологический комплекс находок, главным образом

[95] Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломийщині і проблема трипільских площадок. Трипільска культура, т. I, Київ, 1941, стр. 539—540.

керамический, открытый Штерном в Петренах. Этот комплекс подробно описан мною в книге о трипольской керамике и на основании ряда признаков — техники массы и росписи, формам сосудов, стилю и системам спирального орнамента — отнесен к этапу B/II, т. е. ко времени несколько более древнему, чем комплекс находок из верхнего слоя Кукутени B.[96]

После раскопок во Владимировке Петрены были вновь сопоставлены с этим последним памятником, который по всему своему характеру находок (сосуды со спиральным углубленным орнаментом, часто с росписью, полихромная роспись на сосудах и т. п.) датируется временем между Кукутени A и B, этапом B/II моей периодизации.

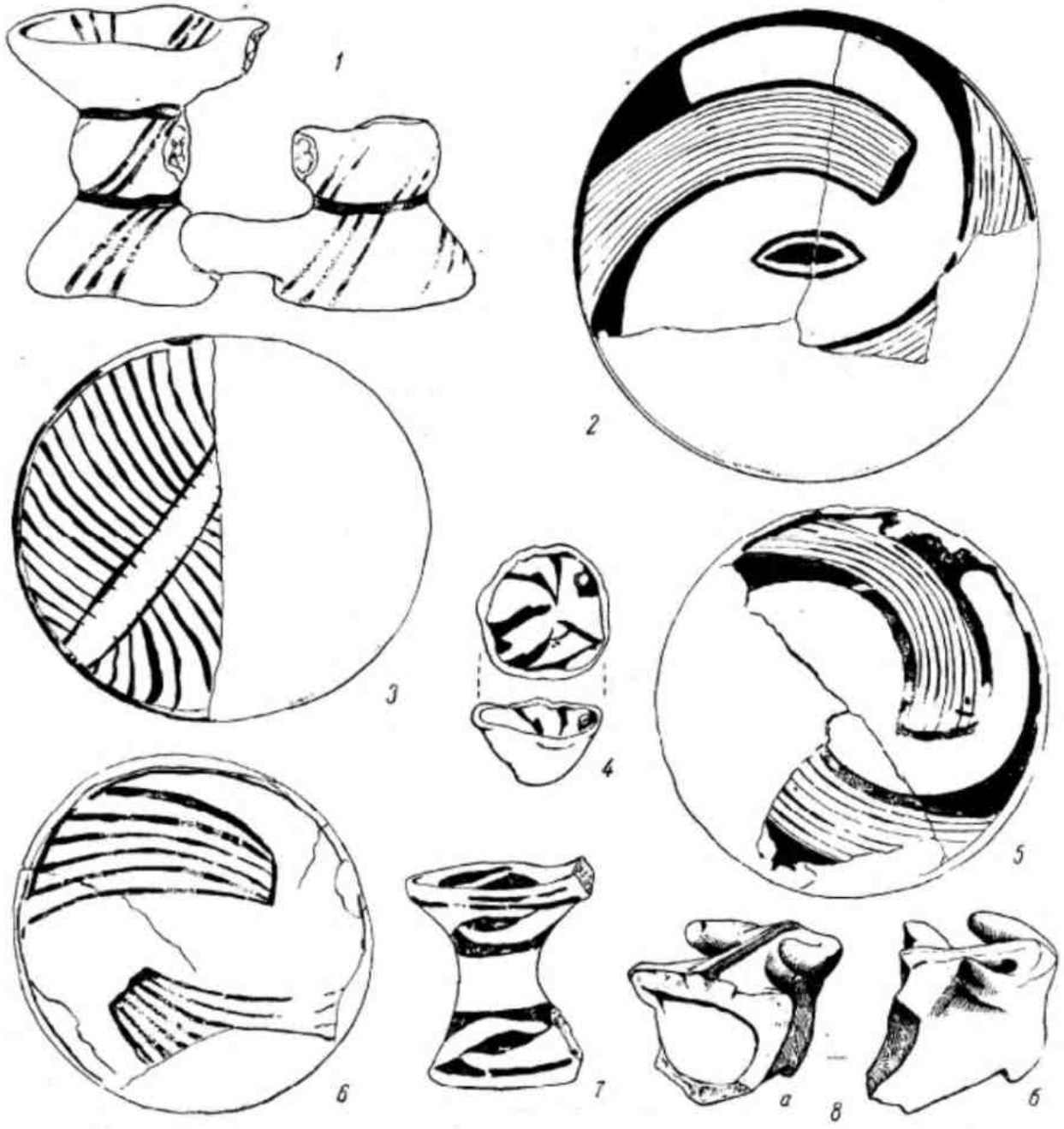

Рис. 61. Владимировка: *1—8* — фрагменты сосудов с черной росписью (*1, 3, 4, 6, 7, 8* — 1/2 н. в.; *2, 5* — 1/4 н. в.)

Среди керамики в Петренах большое развитие получают сосуды с монохромной черной росписью, однако имеется и отмеченная Штерном группа сосудов с росписью черной и красной краской.[97] Имеется также и группа грубой кухонной посуды с полосчатым сглаживанием.

[96] T. Passek. Указ. соч., тип III, табл. VII, VIII, IX.

[97] Э. Р. Штерн. Указ. соч., табл. IX, рис. 2; табл. VIII, рис. 1 и др.

В спиральной росписи исключительное развитие получает сильно стилизованное изображение животных (быка, собаки). Эти изображения помещаются обычно на больших сосудах грушевидной формы и располагаются в ряд одно за другим или друг против друга. Отдельные изображения располагаются в центрах спиральных завитков.[98]

Не менее интересно и изображение человека с двойным торсом (один над другим) и с двумя парами рук, опущенных вдоль туловища. Изображение расположено между спиральной росписью.

Расположение изображений человека и животных среди систем спиральной орнаментации подчеркивает смысловое значение трипольского орнамента в целом, и в будущем эта тема должна привлечь особое внимание исследователей.

Чрезвычайно близкий комплекс находок был найден на поселении Шипеницы на Днестре, вблизи гор. Черновицы.

Раскопки на этом поселении велись очень давно, с конца XIX в., и Шипеницы изучались многими археологами. Однако полное издание всех материалов вышло в свет много позже.[99]

Поселение Шипеницы лежит на левом берегу Прута, в 15 км на северо-запад от гор. Черновицы. Раскопки велись с 90-х годов XIX в.; здесь были тогда сделаны наблюдения над остатками нескольких глинобитных жилищ. Культурный слой на поселении доходит до 2 м толщиной и занимает площадь в 50×60 м².

По отчетам раскопок остается совершенно неясным тип жилищ в Шипеницах. Для Е. Ю. Кричевского, специально разбиравшего этот вопрос, тип жилища в Шипеницах остался также не уточненным, хотя он его и сравнивал, с большими оговорками, с трипольскими жилищами в Райках, где площадки состояли из глиняной обмазки печей и совершенно не имели плитчатой обмазки пола.[100]

Ознакомившись с керамикой из Шипениц лишь по изданию, считаю, что весь комплекс следует рассматривать, как происходящий из одного слоя, но в который входят различные типы керамики, характерные и для раннего, и для более позднего этапов, что отмечалось мною для этапа В/II. Об этом же пишет и Нестор в своей статье, посвященной стилистическому анализу одного сосуда с полихромной росписью из Шипениц.[101] Так, в Шипеницах обнаружена серия сосудов (изделия А) с полихромной росписью — черной и белой красками по красному фону, т. е. росписи, по технике и стилю аналогичной росписи Кукутени А и Извоар II, характерной для этапа В/I. По форме отмечаются грушевидные сосуды, небольшие сосуды с округлым телом и низко расположенными плечиками; в этой же полихромной технике, столь обычной для ранних этапов, выполнены и ручки глиняных ложек.[102] Среди статуэток из Шипениц одна стоячая, сильно схематизированная женская статуэтка, покрытая углубленным геометрическим орнаментом, аналогичная статуэткам этапа В/I.[103] В Шипеницах же обнаружено несколько корпусиков глиняных печатей — пинтадер без орнамента.[104]

Основная масса керамики из Шипениц — сосуды с черной монохромной росписью, причем тождество их с петренскими исключительное.[105] Период существования поселений во Владимировке — Петренах — Шипеницах можно считать периодом развития монохромной черной спиральной росписи; вместе с тем в орнаменте из Шипениц встречается, как и в Петренах, большое число изображений животных, сильно стилизованных, располагающихся в общей системе спирального рисунка.[106] В пластике следует отметить также появление изображений животных — быка, коровы и, возможно, льва.[107] Найдены изображения глиняных рогов[108] и большое число женских и мужских статуэток, по типу уже близких тем, которые получили свое развитие на следующем этапе С/I.

Среди изделий из камня известны клиновидной формы топорики из кварцита, долота, кремневые скребки, треугольные наконечники стрел и большое число изделий из кости и рога — проколки, лощила, долота, мотыги из рога оленя с просверлиной для рукоятки и др.[109]

Ко времени расцвета Триполья (средний этап В/I — В/II) к только что рассмотренным памятникам Владимировки, Петрен и Шипениц следует еще добавить известные материалы из поселения у Бильче-Злоте на р. Серет (левый приток Днестра). Результаты, к которым пришел Оссовский после раскопок в 1892 г. в

---

[98] Э. Р. Штерн. Указ. соч., красочные таблицы.

[99] Oleh Kandyba. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes, Leipzig — Wien, 1937; Kaindl. Prähistorischen aus Bukowina. Jb. der K. K. Zentralkommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst und historischer Denkmäler, т. I, 1903; т. II, 1904; его же. Bericht über neuere Forschungen der neolithischen Ansiedlung in Schipenitz. Mitt. Anthen. Ges. in Wien. Sitz. Ber. 1904; G. Childe. Schipenitz. A late neolithic Station with painted pottery in Bukowina. J. of the Anthropological Institute, 1923.

[100] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 544 и др.

[101] J. Nestor. Céramique peinte de style ancien à Sipenits. Dacia, тт. V—VI, Bucaresti, 1938, стр. 121.

[102] Oleh Kandyba. Указ. соч., рис. 151—162, 164—174, 175.

[103] Там же, рис. 131, a, b, c.

[104] Там же, рис. 148 и 149.

[105] Там же, рис. 1—150 и 176—282.

[106] Там же, рис. 19—21, 23, 28, 63, 64, 67, 75, 95, 96 и др.

[107] Там же, рис. 78—94.

[108] Там же, рис. 142.

[109] Oleh Kandyba. Kamenué nastroje neolithické malované keramiky v Haliči. Obzor Praehistoricky. Rocznik IX (1930—1935), Praha, 1936.

одном из пунктов у Бильче-Злоте, дали ему тогда возможность писать о двух культурных горизонтах, отделенных друг от друга стерильным слоем в метр толщиной.[110] Об этом забытом наблюдении напомнил в своей статье Е. Ю. Кричевский.[111] Нижний горизонт Бильче-Злоте, особо отделяющийся от верхнего по керамическим находкам, состоит из сосудов округлых очертаний со спиральной росписью черным и красным по белому фону, уже неоднократно здесь описанной и типичной для разбираемого этапа В/II. Именно поэтому Кричевский и отнес нижний горизонт Бильче-Злоте к ранним трипольским памятникам типа Кадиевцы и Городницы и к «культуре А» Хвойко. Кроме сосудов грушевидной формы и небольших сосудиков с низко расположенными округлыми плечиками, из нижнего горизонта известны двойные биноклевидные сосуды на высоких конических подставках и неглубокие с выпуклыми стенками чаши с росписью, на внутренней и наружной поверхностях.[112]

Верхний горизонт Бильче-Злоте дал сосуды с черной монохромной росписью типа, близкого к Кукутени В, а также серию сосудов с росписью черной и красной краской. Об этом комплексе будет речь ниже.

По ряду признаков к этапу В/II может быть отнесена и большая коллекция из раскопок С. С. Гамченко в 1909 г. на Немировском городище в Подольской губ., а также в Криничках, Корытном и Даниловой Балке. Материалы этих больших раскопок оказались оторванными от общего отчета Гамченко и от его дневника раскопок, так как опись находок отсутствует;[113] таким образом, затруднительно использовать эти материалы в необходимом объеме.

В период расцвета (этап В/I и В/II) трипольские земледельческие племена значительно шире, по сравнению с ранними, расселяются на северо-восток и юго-восток, захватывая территории в Среднем Поднепровье и в северных и южных частях Бугского бассейна. В этот период (этап В/II) у трипольских племен земледелие остается основным занятием, хотя скотоводство получает все большее и большее развитие. Характерны большие по площади родовые поселки у Веремья, Щербаневки, Коломийщины II, Пьянишкова, Владимировки.

Получают полный расцвет сложные по своей конструкции многосемейные глинобитные жилища. Типичны округлые (Коломийщина II) или крестообразные (Владимировка) жертвенники в доме; характерны дома с многочисленными очагами, перегородками, причем можно говорить о постоянном разрастании большого многосемейного дома, как, например, на Коломийщине II и во Владимировке.

Анализ всего комплекса находок на трипольских поселениях среднего этапа намечает основные локальные (вероятно, племенные) варианты культуры в Поднепровье, Побужье и в Поднестровье, разобранные нами выше.

Все эти варианты культуры связаны друг с другом и с предшествующим этапом раннего Триполья (А) и продолжают закономерное развитие основных его черт.

Так, на этапе В/I и В/II, в период расцвета по сравнению с ранним этапом, получает развитие комплекс керамики с углубленным спиральным орнаментом. В это же время вырабатывается своеобразный стиль расписной полихромной керамики на этапе В/I — черная и белая роспись по красному фону и красной и черной красками по белому фону (этап В/II). Орнамент все чаще и чаще (этап В/II) заключается в широкие пояса. Исчезают черная каннелированная керамика, пинтадеры; получает свое развитие керамика с черной монохромной росписью, приближающаяся к стилю Кукутени В (Владимировка, Петрены, Шипеницы), т. е. к верхним слоям Кукутени.

Орудия из рога, кремня и камня остаются в основном прежних типов, металлические изделия попрежнему чрезвычайно редки и сводятся к клиновидным медным топорам, небольшим колечкам и четырехгранным шильям. Сильно схематизированные статуэтки получают свое дальнейшее развитие. Появляются модели жилищ (Коломийщина II и Владимировка).

В росписи и в скульптуре (Петрены и Шипеницы) получают развитие изображения людей и животных. Попрежнему, как и на ранних этапах, остается сильное общение племен Поднепровья, Поднестровья и Побужья с западом и юго-западом.

Средний этап (период расцвета) Триполья — промежуток между ранним и поздним этапом Триполья. Так, если раннее Триполье этапа А датируется временем начала и первой четверти III тысячелетия до н. э. (3000—2700), а этап позднего (С/I — С/II — γ/I — γ/II) датируется самым концом III тысячелетия до н. э. и началом II тысячелетия до н. э. (2100—1700), то средний этап — период расцвета (В/I — В/II) — следует относить ко второй четверти III тысячелетия до н. э. и до конца III тысячелетия до н. э. (2700—2100).

---

[110] G. Ossowski. Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi (1892). Zbior. Wiadomosci do antropologii Krakowej, т. XVIII, 1895; его же. Отчеты. Там же, т. XIV, 1890; т. XV, 1891; т. XVI, 1892.

[111] Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 7 и рис. 1, 2, 3.

[112] G. Ossowski. Указ. соч., рис. 11 a и b.

[113] Материалы из раскопок в 1909 г. С. С. Гамченко хранились в Этнографическом отделе Русского музея, частично были изданы в ТКУ, вып. 1, 1926 и T. Passek. Указ. соч., табл. VII и IX.

Глава V

ПОЗДНИЙ (γ/I—C/I) ЭТАП ТРИПОЛЬЯ

Изучение последующих этапов развития трипольских племен представляет не меньшую трудность, чем анализ памятников раннего и среднего этапов. Стратиграфические наблюдения, сделанные на ряде поселений с расписной керамикой, явятся, как и раньше, одним из важных источников при определении археологических комплексов позднего Триполья. Путем изучения всего комплекса находок и анализа керамики возможно дать характеристику позднего этапа в развитии Триполья.

Развитие позднего Триполья рассматривается здесь раздельно в двух географических районах; памятники Поднепровья и северной части Побужья этого времени обозначаются как этап C/I и C/II, а памятники того же периода Поднестровья и южной части Побужья — как этап γ/I и γ/II.

Этап γ/I

Поднестровье

Наибольшее значение для характеристики трипольских памятников этапа γ/I представляют стратиграфические данные поселения Кукутени, где установлено два слоя — A и B_1. Материалы нижнего слоя A были привлечены нами при характеристике периода расцвета Триполья (B/I). Материалы верхнего слоя Кукутени B заметно отличаются от нижнего, хотя генетически с ними связаны и показывают тот путь, по которому пошло развитие трипольских племен на поздних этапах.

Поселение Кукутени расположено в 12 км от г. Яссы, как и обычно, на возвышенном плато, подымающемся над долиной между Серетом и Прутом. Культурный слой, мощностью до 1.70—1.80 м, залегает в черноземе на песчанистом скалистом грунте. Границы поселения не были установлены, но в общем площадь его, сильно разрушенная ямами от каменоломни, равняется 100 × 160 м.[1]

Раскопки 1909—1910 гг. были сосредоточены главным образом в центре и в западной части холма, где наблюдалась значительная мощность непотревоженного культурного слоя.[2]

Всего раскопки проведены в 23 пунктах; проводились они и небольшими площадями в 10 × 15 м, и траншеями шириной в 1 м. Велось изучение двух категорий памятников: 1) жилых построек и 2) укреплений.

Остатки жилищ были открыты в раскопах № 1, 2, 12, 13 и 14. Они представляли — вместе с обломками керамики, костями, глиняной обмазкой, изделиями из камня — сплошные залегания мусора от пожара. В отчете о раскопках указано, что жилища были разрушены огнем. Указывается также, что стены строения были разделены по вертикали балками или брусьями, между которыми делался плетень из тонких прутьев. Затем все это было обмазано глиной. После хорошего заглаживания стены покрывались побелкой из извести. Лишь в отдельных случаях (на раскопах 12/13 и 2/3—14 и в траншее Д) были сделаны наблюдения, которые легли в основу известных стратиграфических заключений и выделения двух периодов — Кукутени A и B, причем верхний слой (Кукутени B) залегает на глубине 0.85—0.90 м, а нижний — на глубине 1.90—1.70 м, непосредственно лежал на песчанике. Между ними перемешанный слой. И мусор и оба слоя лежат горизонтальными наслоениями и отложились отдельными кучами, соответствуя разрушенным огнем постройкам. План их не выяснен, но предполагается, что они не были свайными, а представляли собой строения, стены которых делались из дерева, обмазанного глиной. Следов столбов в песчанике не было заметно.

В нескольких местах на поселении Кукутени наблюдалось правильное залегание двух групп керамики — верхняя (B) и нижняя (A). В верхних слоях до глубины 1 м значительно

[1] Butureanu. Archiva Societatii scientifice de litterare din Jasi, 1889—1890.

[2] Z. f. E., 1911.

преобладает керамика с черной росписью (монохромная), а в нижних, начиная от одного метра и глубже,— полихромная. На основании этих достаточно четких данных сделано заключение о возрасте двух наслоений: А — более древнем и В — более позднем, причем и та и другая расписная керамика залегает в слое совместно с другими типами сосудов. Так, в нижнем слое (А) вместе с полихромной встречены, как уже отмечалось, керамика с углубленным и каннелированным орнаментом, а также грубые сосуды с примесью в глине толченых раковин; в верхнем слое (В) вместе с монохромной встречается керамика в две краски и керамика грубая, с примесью в глине раковин и песка.

К сожалению, в Кукутени дана характеристика в основном лишь для двух керамических комплексов, остальной же обнаруженный здесь инвентарь недостаточно дифференцирован в пределах двух слоев — А и В.

Так, в отличие от нижнего слоя Кукутени А, в верхнем слое Кукутени В обнаружены следующие типы керамики:

1. Полихромные сосуды с росписью в три краски, когда рисунок наносится черным и красным по белому красочному фону. Это — тип керамики, близкий к сосудам, зафиксированным для этапа В/II в Поднепровье. Группа таких сосудов в слое Кукутени В малочисленна, так как в это время полихромная роспись постепенно исчезает;[3] однако для слоя Кукутени В выделяется особая и генетически связанная с ним группа с расписными сосудами нижнего слоя Кукутени А.

2. Бихромные сосуды с росписью по натуральному фону черным с обводкой белой или красной краской.[4] Эта группа сосудов чрезвычайно близка по стилю и технике росписи к сравнительно немногочисленным образцам сосудов городско-усатовского и кошиловецкого типа, следующего, наиболее позднего, этапа (γ/II) развития Триполья. Это сближение особенно ярко прослеживается на чашах, система росписи которых полностью повторяет роспись чаш в Усатове. Характерны и близки к Усатову детали росписи — небольшие зубчики по краю, волнообразные узкие полоски, окаймляющие ленты. Ленты образованы двумя нешироκими черными полосами; пространство между ними заполнено красным. Характерны сплошь закрашенные кружки с отходящими зубчиками.

3. Третью многочисленную группу составляют сосуды с черной монохромной росписью, начало развития которой отмечено было ниже для периода расцвета на таких поселениях, как Владимировка, Петрены, Шипеницы и др. Стилистически сосуды с монохромной росписью из верхнего слоя Кукутени В чрезвычайно близки к сосудам с монохромной росписью из этих памятников, но в Кукутенах В появляется, например, ряд орнаментальных систем, типичных уже для наиболее поздних этапов развития Триполья, когда происходит полное распадение спирального рисунка или появляется орнаментальный мотив деления чаши внутри на четыре части двумя перекрещивающимися лентами, каждая из которых образована двумя узкими полосками, или появляется украшение сетчатым орнаментальным мотивом (косая сетка), столь распространенным уже на усатовском этапе развития (γ/II) в Поднестровье и Причерноморье (рис. 62).

Эта группа сосудов с монохромной черной росписью в верхнем слое Кукутени В доминирует над всеми другими керамическими изделиями, точно так же, как в нижнем слое Кукутени А доминировали сосуды с полихромной росписью.

Изменились и формы сосудов. Вместо сосудов с округлыми очертаниями и на высоких полых подставках, развиваются сосуды двухконусные, кратерообразные, с широким горлом, небольшие сосудики с угловатыми плечиками, а также конические чаши и чаши со слегка наклоненными внутрь краями. Для Кукутени В и этапа γ/I в целом очень типичны подчеркнутая угловатость и резкая профилировка сосудов для всех форм, тогда как для Кукутени А и этапа В/I характерны округлые очертания сосудов.[5]

4. Для слоя В в Кукутенах отмечается еще не встречавшаяся в слое А керамика с веревочным (шнуровым) орнаментом, столь типичным для эпохи ранней бронзы. Орнаментированы фрагменты сосудов спускающимися по плечикам фестонами, состоящими из нескольких полос, нанесенных оттисками наискось перевитой веревочки.[6]

5. Верхний слой Кукутени В также дал грубую кухонную посуду с примесью к глине толченых раковин и с полосчатым сглаживанием на поверхности.[7]

Среди керамических находок в слое Кукутени В встречены антропоморфные женские статуэтки, но иные, чем в слое А. В слое А эти статуэтки обычно сильно схематизированные, с коническим окончанием вместо головы и с углубленным геометрическим орнаментом. В слое Кукутени В встречены женские статуэтки с черной монохромной росписью; голова — округлых форм, нос вылеплен щипком, глаза в виде сквозных отверстий. Часто эти статуэтки на плоском основании или стоячие, с сомкнутыми ногами. Получают развитие и статуэтки животных.[8]

[3] Z. f. E., 1911.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.

Рис. 62. Таблица основных находок позднего (γ/I) этапа Триполья

Кукутени В: *1, 2, 3, 7*— фрагменты сосудов с черной и красной росписью; *4, 5, 6, 8, 9, 12* — сосуды с черной росписью; *10, 11* — глиняные статуэтки; *13, 14*— топоры из камня; *15, 16*— мотыги из рога; *17*— колечко из меди; *18*— медное шило. Дракузени. Фрагменты сосудов: *1—4*— с углубленным орнаментом; *5—8*— с черной и красной росписью; *9, 10, 11*— с черной росписью; *12*— фрагмент грубого кухонного сосуда. Дарабани. Фрагменты сосудов: *13, 14, 16, 17*— с черной и красной росписью; *15*— с черной росписью; *18, 19, 21, 22*—фрагменты грубого кухонного сосуда; *20*—фрагмент глиняной ложки; *23*— колечко из меди. Район Пятра-Нямца: *1, 2, 5*— фрагменты сосудов с черной и красной росписью; *3, 4*— сосуды с черной росписью (Валены); *6, 7*— фрагменты сосудов с черной росписью (Городище-Калу); *8* — фрагмент сосуда с черной и красной росписью; *9* — глиняная печать; *10*— глиняная статуэтка (Костиша); *11* — фрагмент сосуда с черной и красной росписью; *12* — фрагмент глиняной статуэтки с углубленным орнаментом (Кочиулешти), *13—15*— фрагменты сосудов с черной и красной росписью (Четэцуйя-Фрумушки); *16*— сосуд с черной и красной росписью; *17*— сосуд с черной росписью (Траяну). Кадиевцы-Бураковка: *1—4*— фрагменты сосудов с черной и красной росписью; *5—6*—сосуды с черной и красной росписью из Великой Мукши; *7*— фрагмент сосуда с черной росписью из Китай-города (роспись красным — дана точками)

Наиболее интересны в верхнем слое Кукутени В изделия из меди. Если в верхнем слое Кукутени А в комплексе периода расцвета Триполья (B/I) наряду с полихромной керамикой отмечаются плоский клиновидный медный топор, медное четырехгранное шило и медное колечко, то для более позднего этапа (γ/I) — Кукутени В — должны быть указаны другие типы медных изделий. Так, к Кукутени В относится случайно обнаруженный в верхнем слое медный плоский кинжал треугольной, несколько вытянутой формы, с нервюрой посредине и с четырьмя сквозными отверстиями для прикрепления рукоятки.[9] Несколько позднее в Поднестровье и Причерноморье появятся аналогичные кинжалы в курганах Усатова и Суклеи, которые будут рассмотрены нами ниже. Из верхнего же слоя Кукутени В происходит медный топор с проушиной и несколько оттянутой обушной частью;[10] по типу этот топор близок к трубчато-обушным топорам эпохи древней бронзы.[11]

Кроме того, в верхнем слое обнаружены четырехгранные шилья, бронзовые браслеты в полтора оборота с несомкнутыми концами, а также изогнутый, бритвообразный медный нож,[12] который находит себе аналогии прежде всего в позднем слое стоянки Каширорели на Дунае[13] и в Бильче-Злоте II.[14] Отмечается увеличивающееся количество изделий из меди в верхнем слое Кукутени В.

Анализ медных изделий показал наличие в них 95—98% меди и 5—2% олова или серебра. Вместе со всем рассмотренным комплексом находок слой этот следует датировать началом — серединой II тысячелетия до н. э. Период Кукутени В доживает до эпохи бронзы, т. е., по мнению Г. Шмидта, до 1200 г. до н. э.

Датировка эта для слоя Кукутени В может быть принята лишь для конца бытования этого поселения, тогда как слой Кукутени В в целом вернее датировать первой четвертью II тысячелетия до н. э. Правда, в слое Кукутени В имеются находки фрагментов серой керамики, изготовленной на кругу и принадлежащей к так называемому минийскому типу керамики эпохи бронзы, что позволяет Г. Чайльду датировать слой Кукутени В периодом между 1700—1400 гг. до н. э.[15] Примерно к той же дате относятся и позднетрипольские стоянки типа Кукутени В — Гумельница В и Каширорели на Дунае

Длительность существования поселения Кукутени В, доходящего до I периода бронзы, подтверждается находкой в Кукутенах В медного топора со втулкой и бронзового браслета в полтора оборота.[16] Аналогичные медные топоры известны в Болгарии (музей София), в Венгрии, как древний венгерский тип, относящийся к комплексу предметов эпохи ранней бронзы, и датируется 1700—1500 гг. до н. э.[17] Такие же топоры обнаружены на Украине, в частности в Стубло, около Дубно[18] и в Польше,[19] связываются по времени с унетицкой бронзой.[20]

Поселение Кукутени в Румынии, помимо чрезвычайно важных стратиграфических наблюдений, представляет еще особый интерес как пример трипольского поселения, укрепленного древним рвом и валом энеолитического периода. При раскопках удалось установить в западной части поселения два искусственных рва.

В западной части поселения при разведке замечено отсутствие культурного слоя; этим установлены границы поселка. Проведенная здесь в 1909 г. контрольная траншея (№ 3) показала наличие в этой части поселка искусственного вала или стены, ограждавших поселение. Дальнейшие раскопки в 1910 г. установили, что именно с западной стороны, со стороны плато, где поселение было наиболее доступно, оно было ограждено двумя рвами, которые были выложены горизонтально плитами камней до глубины 1—3 м. По их положению можно различить внутренний и внешний ров: внутренний — у́же и острее; внешний — шире и более плоский. Предполагается, что каменная стенка связана с периодом Кукутени В, а внутренний ров — с Кукутени А. Таким образом, следует считать, что в эпоху ранней бронзы (Кукутени В) поселение это было ограждено рвом и каменной стеной; хронологическое различие устанавливается на основании наблюдений засыпки более древнего рва позднейшим культурным слоем.[21]

Для энеолитического периода, конечно, такие укрепленные поселки не являются обычными. Однако мы знаем примеры поселений этого времени (2200 г. до н. э.) со рвом и

[9] Z. f. E., 1911.
[10] Там же.
[11] Ср. Б. А. Куфтин. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе, Тбилиси, 1944, рис. 8.
[12] Z. f. E., 1911.
[13] Dacia, т. II, Bucarești, 1925, рис. 49 (13).
[14] M. Ebert. Reallexikon..., т. II, 3, табл. 100, 101.
[15] G. Childe. The Dawn of European civilization, Oxford, 1925.
[16] Там же.
[17] M. Ebert. Указ. соч., табл. 100, рис. b и c; табл. 101, рис. a и b; H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit in Siebenbürgens. Z. f. E., 1930; В. Миков. Предисториска селища и находки в Българии, София, 1933, рис. 51 и 52.
[18] Wl. Antoniewietz. Der in Stublo aufgefundene Bronzenschatz. ESA, т. IV, рис. 1—2.
[19] Wl. Antoniewietz. Archeologia Polski, табл. XIV, рис. 3, 28 и 29.
[20] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, т. II, Helsinki, 1926, рис. 98.
[21] Z. f. E., 1911.

частоколом из дерева в Германии (Гольденберг III, Михельсберг), а также в Фессалии (3000 г. до н. э.), где известны поселения из глинобитных жилищ, расположенных по кругу и окруженных стенами из камня и глины, образовавшие укрепления на поселениях. Трипольские поселения, на которых жилища располагались в пределах круга или овала, также придают родовому поселку своеобразный укрепленный характер.[22]

гают, что дома были несколько углублены в грунт. Форма покрытия остается неясной. Среди находок обнаружено большое число нижних и верхних зернотерочных камней; остатков очагов в доме не было открыто.

В Дарабанах, повидимому, наблюдено два культурных наслоения: 1) более древний — с керамикой полихромной, типа Кукутени А и 2) более поздний, сопоставленный Ч. Амброжевич со слоем Кукутени В, в котором ос-

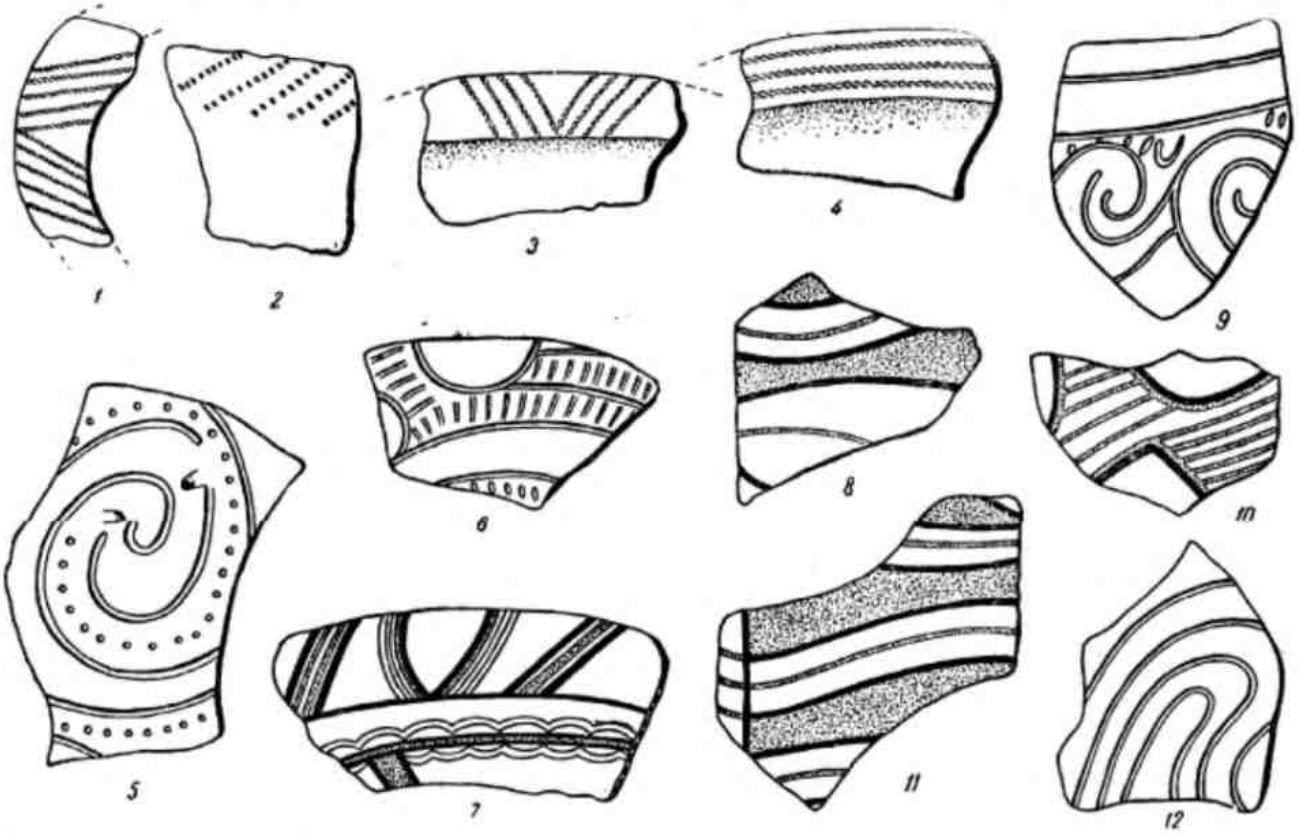

Рис. 63. Дарабани. Фрагменты сосудов: *1—4* — с веревочным орнаментом; *5, 6, 9, 12* — с углубленным орнаментом; *7, 8, 10, 11* — с черной и красной росписью (1/2 н. в.) (роспись красным — дана точками)

Характерные черты, выделенные для верхнего слоя Кукутени В, свойственны большому числу поселений и Днестровско-Днепровского бассейна, и Подунавья. Остановлюсь на открытом на Днестре поселении у с. Дарабани.[23]

Поселение у с. Дарабани находится на берегу ручья, впадающего в Днестр (в 0.5 км от Днестра). Первые находки были сделаны здесь еще в 1913 г., когда поселение было разрушено окопами. Позднее, в 1923 г., были проведены раскопки. Наиболее интересны здесь наблюдения над остатками глинобитных жилищ. Стены выстроены из столбов и обожженной глины с примесью половы. Полы жилища не обожженные. Предпола-

новную массу составляют сосуды с монохромной росписью. Наряду с этой керамикой, в Дарабанах, как и в Кукутенах В, встречены сосуды: с росписью в три краски — черная и красная по белому фону; сосуды с углубленным спиральным орнаментом. Обе эти группы сосудов типичны для периода расцвета Триполья, и в верхнем слое Дарабани (и в Кукутени В) они встречены лишь в очень небольшом числе. Зато здесь, как и в Кукутени В, наряду с сосудами с монохромной росписью, получает развитие поздняя керамика с веревочным орнаментом эпохи бронзы (рис. 63). Вместе с керамикой с углубленным орнаментом найдено небольшое колечко из чистой меди.

Следует отметить большое число статуэток сидячих и полулежачих, сплошь покрытых углубленным орнаментом (татуировка). Имеются также находки глиняных пряслиц и глиняных ложек с орнаментом. В Музее ан-

[22] Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина. КСИИМК, вып. XII, 1946.

[23] Česlav Ambrojevici. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Dacia, тт. III—IV, Bucareşti, 1933.

тропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (коллекция № 2620) хранится сравнительно небольшая коллекция исключительно керамическая, впервые частично изданная мною в работе, посвященной керамике Триполья. Коллекция эта происходит из случайных находок, сделанных В. В. Сюзевым у Дарабани на Днестре.[24] Особый интерес ее

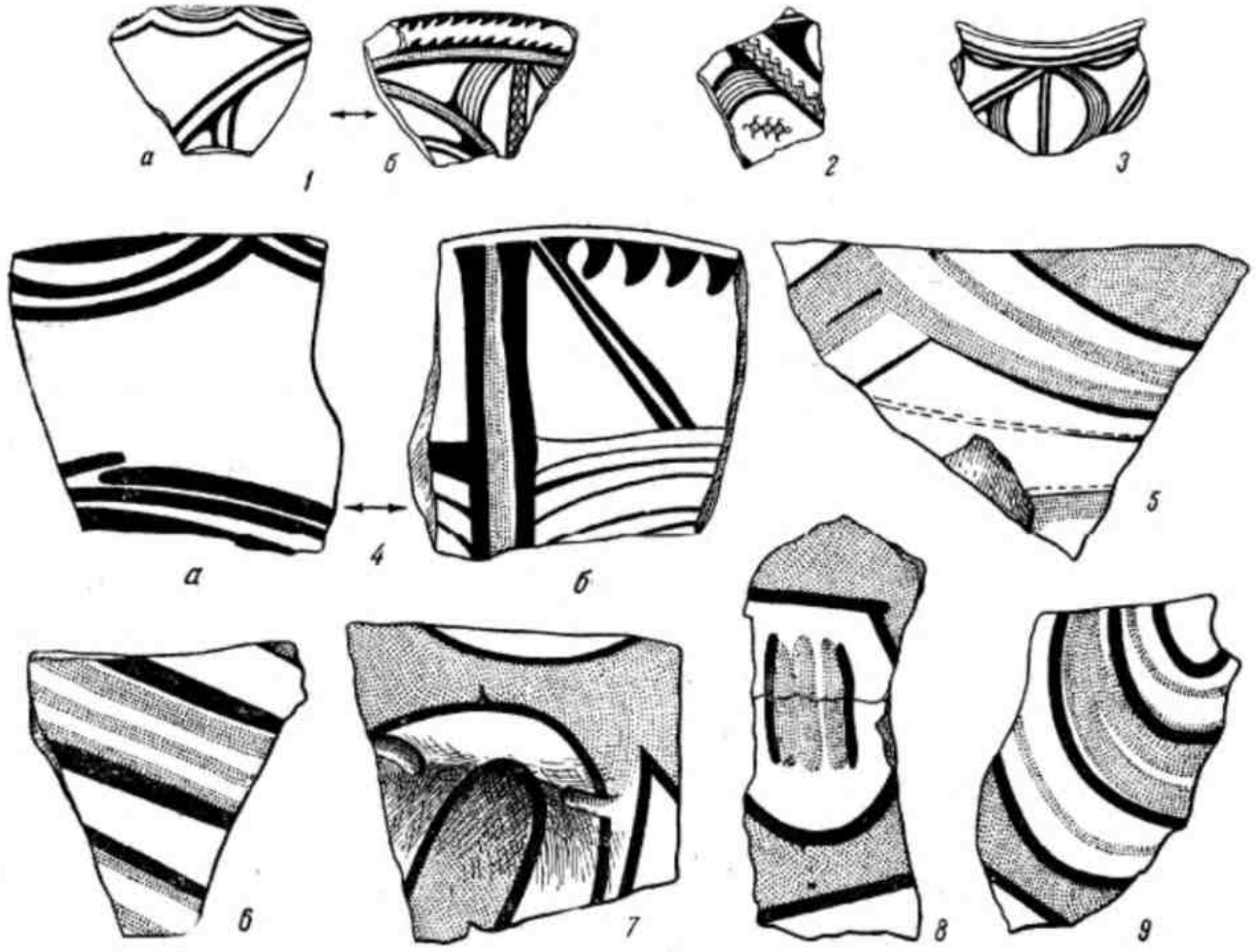

Рис. 64. Дарабани. Фрагменты сосудов с черной и красной росписью: *а* — наружная поверхность; *б* — внутренняя поверхность (*1—3*—1/4 н. в.; *4—9*—2/3 н. в.) (роспись красным — дана точками)

состоит в том, что ее разнообразный керамический комплекс указывает на существование, повидимому, в Дарабанах двух периодов. По времени Дарабани I соответствуют этапу B/I, Дарабани II — позднему этапу γ/I, хорошо известным в Поднестровье и Побужье.

На основании трипольского поселения Дарабани II и многих других, аналогичных ему в Поднестровье и в более западных районах, удается дать характеристику анализируемого этапа Триполья — γ/I и сопоставить его со слоем Кукутени B.

Среди сосудов в Дарабанах выделяется группа с монохромной черной росписью. Кро-

[24] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, 1935, табл. XV, XVI, XVII. В коллекционной описи Музея значится место находок — сел. Дарибаны.

ме фрагментов средних размеров грушевидных сосудов, здесь обнаружены фрагменты небольших чаш со слегка выпуклыми стенками и приподнятыми краями. По форме эти чаши типичны для позднего этапа Триполья и хорошо известны в Усатове, Городске и в других пунктах. По хорошо сглаженной и заполированной поверхности роспись в основном нанесена черной краской, однако пространства между черными полосами лент заполнены полосами красной краски. На имеющихся фрагментах чаш сюжет и система орнамента повторяют обычный рисунок: на наружной поверхности от краев на стенки чаши свисают небольшие овальные фестоны, нанесенные лентами из 2—3 полос, а на внутренней поверхности чаши имеется другой, характерный для позднетрипольской росписи сюжет, — крестообразно перекрещивающиеся у центра ленты, в секторах между ними — изогнутые ленты, образующие дуги-полуовалы. У края чаш на внутренней стороне — типичные, сплошь закрашенные короткие зубчики с загибающимися в одну сторону концами (рис. 64 и 65).

Рис. 65. Дарабани: *1—14*— фрагменты сосудов с углубленным орнаментом (н. в.)

Керамика с черной росписью, часто окаймленной красным, позволяет сопоставлять ее с поздней из слоя Кукутени В. Не меньший интерес представляет керамика из Дарабани с трехцветной росписью, однако по стилю и технике значительно отличающаяся от предыдущей. В связи с этим полихромная посуда из Дарабани, так же как и из Кукутени В, была выделена мною в особый тип.[25]

Керамика эта из светлой, довольно плотной массы; наружная поверхность покрыта довольно густой и хорошо заполированной красочной белой обмазкой. По ней роспись нанесена лентами черной краски, причем ленты образованы довольно узкими черными полосами, оставляющими между ними белые широкие промежутки фона, поверх которого часто красные узенькие полоски. Промежутки между отдельными лентами широкие и покрыты красным. Таким образом, стиль этой росписи — узкие черные полосы лент с широкими белыми и красными промежутками — в Дарабанах значительно отличен от стиля керамики предшествующего этапа Триполья, известного в Кудринцах и Кадиевцах; вместе с тем он совпадает с полихромной керамикой из Кукутени В, охарактеризованной выше.

Среди фрагментов встречены сосуды грушевидной формы с высоко расположенными плечиками и небольшие сосуды с прямым вытянутым горлом и угловатыми плечиками. Этот же тип керамики будет встречен и во многих поселениях по Днестру и Дунаю, хорошо известных для этапа γ/I.

С более ранним этапом Триполья комплекс Дарабани связывают еще две группы сосудов: 1) с углубленным спиральным орнаментом и 2) с каннелюрами и углубленным спиральным орнаментом.

Первая группа представлена несколькими формами, среди которых должны быть выделены:

1. Грушевидные сосуды с сильно раздутыми плечиками и с проткнутыми ручками, сплошь покрытыми спиральным орнаментом. Одиночные спирали описываются лентами, образованными двумя полосами; промежутки между лентами заполнены рядами мелких округлых углублений.

2. Многие фрагменты должны быть отнесены к кратерообразным сосудам с широким горлом и краем. На краю ряд кругов или овалов, пространство между которыми наискось пересечено отрезками лент, ниже по стенкам — система спирального рисунка.

3. Небольшие округлой формы сосуды со слабо отвернутыми небольшими краями. По верху края — ряды округлых углублений, ниже — одиночные спирали, образованные лентой из двух полос. Свободные пространства заполнены округлыми углублениями.

4. Немногочисленны фрагменты от средних частей (перемычка) и краев биноклевидных сосудов (бинокль), сплошь покрытых спиральным орнаментом.

5. Интересен один фрагмент сосуда с круглым телом на подставке, также с типичным спиральным орнаментом.

6. Особого внимания заслуживает фрагмент глиняной ложки с углубленным орнаментом на ручке. Для более раннего этапа B/I в А ложки эти чрезвычайно характерны.

Вторая группа — сосуды с углубленным орнаментом из Дарабани, дополнительно украшены еще каннелюрами, обычно в верхней части сосуда. Из форм имеются небольшие сосуды с прямым краем и низко расположенными плечиками. Ряд горизонтальных каннелюр располагается по краю и верху стенок. Ниже — углубленный орнамент. На одном из фрагментов каннелюры образуют спиральный орнамент.

Третья группа — сосуды без росписи, грубой выделки, в массе которых примесь крупного песка или мелкотолченых раковин. Лишь часть фрагментов этой группы имеет полосчатое сглаживание, вертикальное по краям и неправильно горизонтальное по стенкам.

Углубленные ряды округлой, треугольной формы или ногтевые, обычно проходят у верха края, как и у основания. Поверхность большей части фрагментов этой кухонной посуды ровная и не имеет следов полосчатого сглаживания. Форма очень типичная — широкий горшок со слегка отогнутым краем.

Наряду с этими группами керамики из коллекции Музея этнографии АН СССР из Дарабани, известны фрагменты сосуда с округлым телом и веревочным орнаментом у основания плечиков.[26]

В районе Дарабани отмечается еще свыше 25 пунктов с находками расписной керамики. Среди них особый интерес для этапа γ/I представляет найденный вместе с комплексом расписной керамики типа Кукутени В у с. Липкани (бассейн р. Прут) маленький трон (3.3 см высоты) из глины на четырех ножках.[27] Сидение трона углублено, а спинка состоит из двух женских стилизованных статуэток; обе статуэтки соединены на высоте бедер перемычкой, напоминающей обычную перемычку у двойных полых сосудов-биноклей. Находка заслуживает особого внимания, как раскрывающая новое смысловое значение трипольских статуэток.

Среди других поселений бассейна Днестра и Прута необходимо отметить поселение у с. Дракузени, на левом берегу р. Молдовы.[28]

[25] T. Passek. Указ. соч., тип XI, красочная таблица.

[26] T. Passek. Указ. соч., табл. XVII, рис. 10.

[27] Česlav Ambrojevici. Указ. соч., стр. 39, рис. 8.

[28] V. Dumitrescu. Une nouvelle station à céramique peinte du style Cucuteni B. Dacia, тт. III—IV, Bucarești, 1933, стр. 115—149.

Глинобитные жилища, открытые здесь, выстроены таким же способом, что и в Дарабанах,— из дерева, обмазанного затем обожженной глиной. Жилища не были углубленными в материк, а строились на горизонте.

Среди находок — кремневые наконечники стрел и другие каменные изделия, грубые сосуды с полосчатым сглаживанием и орнаментом прямо перевитой веревочки. Кроме того, имеется в большом количестве керамика с черной монохромной росписью. Керамика с полихромной росписью и с углубленным орнаментом отсутствует. Интересна мужская статуэтка. Это поселение может быть датировано временем Кукутени В.

Не менее интересны поселения, открытые в бассейне р. Прута, в районе гор. Пятра-Нямца.[29]

Так, одна из групп поселений открыта у с. Валены, на берегу р. Быстрицы. Основной керамический материал из этого поселения составляют расписные сосуды в три краски, причем по стилю и технике росписи эти сосуды аналогичны типу полихромной керамики Кукутени В. На сосудах из Валены по белому фону роспись нанесена красным и черным окаймлением. Имеются сосуды с росписью черной краской с распадающейся системой спиралей и с углубленным спиральным орнаментом.[30] Кроме того, имеются и грубые сосуды с полосчатым сглаживанием.

На месте находок возможно было проследить, что в культурном слое, который начинается с 0.2—0.3 м от поверхности земли, обнаружены два слоя, правда, недостаточно ясно отделенных друг от друга; верхний — с монохромной керамикой с росписью, заключенной в поясе, и нижний — где встречена полихромная керамика, близкая к стилю Кукутени А. Здесь же найдены обычные глиняные статуэтки, просверленные топоры, кремневые скребки.

Не менее интересны материалы из Городища-Калу, поселения, находящегося на возвышенности между реками Быстрица и Калу. Культурный слой размывался.[31] Судя по изданному материалу, можно говорить о двух наслоениях поселения: верхний — сосуды с монохромной черной росписью типа Кукутени В и нижний — с полихромной, типа Кукутени А. В обоих культурных наслоениях найдено множество орудий из кости и рога, кремневые и каменные изделия, пряслица, статуэтки, проколки, раковины *Unio* и пр. Здесь же найдена полая кость с графическими знаками.

Обращает внимание еще одно поселение на р. Быстрица — это Костиша. Раскопки здесь были произведены в 1932 г., причем наибольшее количество находок, особенно полихромной керамики, может быть сравниваемо с Кукутени В. Имеются фрагменты статуэток и одна совершенно целая стоячая средних размеров, с коническим окончанием ног. Тут же найдена плоская плитообразная глиняная обмазка с округлыми углублениями, в которые, видимо, вставлялись такого же типа статуэтки.[32] Подобная плитообразная плоская обмазка была обнаружена при разборе мною собрания из с. Кадиевцы (раскопки М. Я. Рудинского) в Киевском музее.

Интересны и находки у с. Кочиулешти, где обнаружены фрагменты статуэтки с углубленным орнаментом и керамика с росписью красным и черным по белому фону.[33] Имеются сосуды с округлым телом, с косым крестом, нанесенным черной краской на дне.

Около с. Бодешти, на верхней террасе, слева от Кракдулуй, на самой вершине находится Четэцуйя-Фрумушки (укрепление). Путем разведки установлено, что культурный слой имеет толщину 1.5 м и содержит полихромную керамику. Помещенные описания и рисунки дают образцы, встречаемые вместе с черной расписной керамикой Кукутени В,— стиль расписной керамики в три цвета, характерный для этапа γ/I. На имеющихся фрагментах по белому фону развертываются украшения из широких красных лент, очерченных коричневым. Рисунок дает украшение негативного типа. В некоторых случаях, повидимому, имеется окаймление красных лент черными узкими полосками.[34] На ножке одного из сосудов крестообразная роспись; имеются фрагменты сосудов, украшенных зигзагообразно ломаной лентой — остатки распавшейся спирали (типа меандра).

По форме интересна средних размеров чаша с росписью на внутренней и наружной поверхностях. Имеются небольшие сосуды с угловатыми плечиками и прямым высоким краем, шлемовидные крышки, чаши со слегка загнутыми краями и грубая керамика с примесью толченых раковин и с полосчатым сглаживанием поверхности.

Среди остальных мест следует отметить поселение на холме Мэтахуйя, около с. Добрени, раскопанное в 1938 г. Здесь встречена керамика с монохромной черной росписью типа Кукутени В: грубая посуда с полосчатым сглаживанием, статуэтки, ножевидные кремневые пластинки, пилочки, наконечник стрелы, скребки; полихромной посуды нет.[35]

Должны быть еще упомянуты поселения у с. Траянул с находками сосудов с росписью в три краски, причем автор указывает на

[29] C. Mătasă. Cercetări din preistoria judeţului Neamţ. Bul. Com. Monum. Istorice. Anul. XXXI, вып. 97, Bucureşti, 1938.
[30] C. Mătasă. Указ. соч., рис. 31—33.
[31] Там же, рис. 39 и 40.
[32] Там же, рис. 51.
[33] Там же, рис. 53—55.
[34] Там же, рис. 56—58.
[35] Там же, рис. 59—60.

несколько иной стиль, чем Кукутени А, ближе к Кукутени В.[36]

Значительное число фрагментов падает на сосуды, орнаментированные красным по белому фону, причем основной рисунок состоит из широких лент (образованных более узкими полосками), представляющих элементы спирали (зигзаги, меандры, завитки, круги). Интересны формы шаровидных амфор, расписанные красным с черным окаймлением по белому фону. Перекрещивающиеся узкие полоски и зубчики сделаны белой краской, как и фон. Красная и белая краски блестящие.

Наряду с такими сосудами, типичными для этапа γ/I, обнаружена грубая керамика из коричневой пористой массы с примесью ракушек. Один из черепков имеет по краю ряд округлых бугорков и полосчатое сглаживание, другой — ряд из оттисков зубчатого штампа, образующего елочный ряд у основания края.

Монохромная керамика типа Кукутени В известна и на поселении Петрикани.[37] Здесь при разведке обнаружены каменные зернотерки, топоры и изделия из кремня. Сосуды исключительно с черной росписью.

Среди многих Днестровских поселений, обнаруженных в процессе разведок М. Я. Рудинским и местными каменец-подольскими археологами в 1927—1928 гг., обращает на себя внимание поселение у местечка Китайгород. Сколько-нибудь подробных данных о случайно обнаруженной там керамике неизвестно, однако фрагменты найденной там чаши из красновато-розовой массы с черной монохромной росписью аналогичны дарабановским. Типична форма чаши со слегка поднимающимся краем. На наружной стороне чаши роспись черной краской образует свисающие от краев овалы. Ниже по стенкам — также описанные лентами овалы. На внутренней стороне чаши — система сходящихся у центра кругов. У края — сплошь закрашенные мелкие зубчики, слегка скошенные, столь характерные для этапа позднего Триполья.

Не менее интересны и сосуды, случайно найденные в уроч. Хрешата, в слободке Великая Мукша. Два сосуда грушевидной формы сохранили роспись черной краской с красным окаймлением. Чрезвычайно любопытна система росписи. Неширокий пояс росписи поделен вертикальными лентами на два поля. В них сверху свисают небольшие фестоны, поле наискось пересечено лентой. Оба эти элемента представляют лишь часть общей системы распадающейся спирали.[38] На другом сосуде — кратерообразной формы — деления на метопы еще нет, и косые ленты идут наискось, пересекая пояс от свисающих у основания края полуовалов. Нижняя часть сосуда сплошь окрашена красной краской. У основания края бугорки-ручки, столь обычные для позднего Триполья (рис. 66): имеется еще шлемовидная крышка с уплощенным дном. Один из фрагментов крышки сохраняет роспись черным.

Помимо раскопок трипольского поселения у с. Кадиевцы, урочище Бавки, типичного для периода расцвета Триполья, Рудинским было подвергнуто разведке в том же селе Кадиевцы другое урочище — Бураковка. Здесь были им обнаружены фрагменты полихромной керамики особого стиля, близкого к тем образцам полихромных сосудов, которые были встречены и описаны мною в комплексе Дарабани (коллекция № 2620) и Кукутени В и, безусловно, относящиеся к типам керамики этапа γ/I.

По форме выделяются грушевидные урны, кратерообразные и биноклевидные сосуды.[39] Роспись нанесена черной краской между полосами, образующими ленты, сравнительно широкие промежутки заполнены красным. Пространства фона между лентами белые, по ширине равные лентам. Часто белые пространства пересечены горизонтально узкими красными полосками.

Этап С/I

Побужье

Этап С/I в районе бассейна Южного Буга сравнительно хорошо изучен по поселениям Попудня, Сушковка, Томашевка, Старая Буда, Касеновка и др. Комплекс находок во всех этих местах представлен значительным числом сосудов, принадлежащих к группе керамики с монохромной росписью. В районе Побужья этап С/I, в отличие от одновременного ему этапа γ/I на более южных территориях, дает несколько отличный комплекс находок. Однако, несмотря на обособленные черты поселений этапа С/I в Побужье, γ/I на юге в Причерноморье и С/I в Поднепровье, все они чрезвычайно близко связаны многими признаками. Прежде всего это будет сказываться в характере господствующей в это время группы сосудов с монохромной черной росписью стиля Кукутени В. Сосуды этой группы наиболее распространены и в верхнем слое Кукутени В, и во всей серии поселений Днестровского района. Однако на юге идет развитие не только монохромной керамики стиля Кукутени В, но существуют и другие группы керамических изделий, как полихромная керамика и керамика с углубленной орнаментацией, а также тонкостенные сосуды из серой, коричневато-черной массы с канелированной поверхностью и углубленной ор-

[36] C. Mătasă. Указ. соч., рис. 61—63.
[37] Там же, рис. 70.
[38] T. Passek. Указ. соч., табл. XXVII.
[39] T. Passek. Указ. соч., красочная таблица.

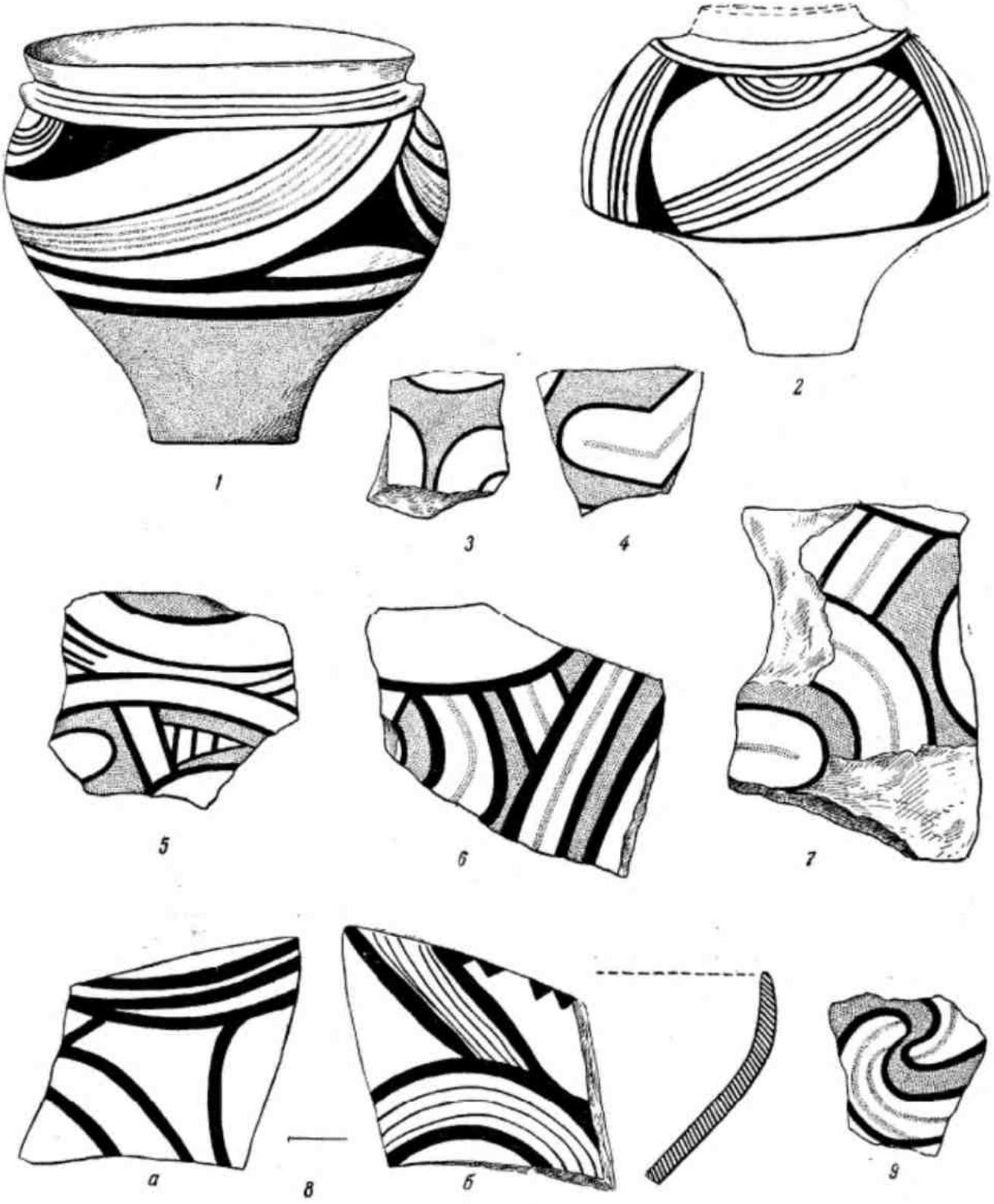

Рис. 66. Фрагменты сосудов с черной и красной росписью: *1*, *2* — из Великой Мукши; *3*—*7*, *9* — из Кадиевцы-Бураковки; *8* — из Китай-города: *а* — наружная, *б* — внутренняя поверхность (*1*—*9*—1/2 н. в.)
(роспись красным — дана точками)

наментацией (Дарабани). В Побужье же керамика этих трех групп (полихромной, с углубленным и каннелированным орнаментом) развивается на более ранних этапах — А и В/II, а на стадии С/I преобладает керамика с черной монохромной росписью, которая и доминирует во всех поселениях Побужья этапа С/I. В Среднем Поднепровье прослеживается иной путь — наряду с монохромной расписной керамикой, чрезвычайно характерна посуда с углубленным орнаментом (С/I) — «культура Б» Хвойко, продолжающая развитие керамики с углубленным спиральным орнаментом этапа В/II («культура Б» Хвойко — рис. 67). Наиболее полно изученным трипольским поселением в Побужье этапа С является поселение у с. Попудня, севернее Умани, раскопанное в 1911 г.[40] Чрезвычайно важно, что тогда же было обращено внимание на характер поселения в целом и высказано предположение о назначении и характере открытых здесь глиняных площадок.

В отчете о раскопках дано описание поселения по остаткам отдельных жилищ как места коллективного обитания человека эпохи неолита. Однако раскопки не позволили все же определить форму трипольского жилища и его конструктивные особенности. Этому, безусловно, помешала та методика раскопок, которая была применена в Попудне М. Гимнером. Он не останавливается на ней даже в самых кратких чертах, но фотографии, приведенные в его работе, показывают общий вид раскопанного жилища № 8 в Попудне. На основании этого возможно говорить о тех недопустимых, с нашей точки зрения, приемах, которые Гимнер применил при исследовании трипольских памятников. На фотографии ясно видно, что после снятия верхнего покрывающего черноземного слоя на глубину до 0.50 м глинобитные остатки жилища не были расчищены, а в процессе раскопки смещены все с своего первоначального залегания; на фото видна груда смещенных остатков глинобитной обмазки. Конечно, разобраться в форме и конструкции глинобитных трипольских жилищ, после того как его остатки полностью нарушены, невозможно; отсюда понятно, что Гимнер и не мог сделать каких-либо заключений по вопросу о форме и строительных приемах трипольского дома в Попудне.

Поселение у Попудни, расположенное на плато между двумя неглубокими балками, занимает пространство 500 × 300 м. Площадки располагаются на возвышенности и вдоль ее краев. Думаю, что автору не удалось сделать правильных наблюдений на поселении у Попудни, поэтому на его плане, весьма схематичном, порядок расположения жилищ неясен. По аналогии с известными теперь можно говорить о распоположении жилищ в Попудне по ярусам в пределах круга. Всего на плане отмечено 35 жилищ, из них 23 было раскопано Гимнером, причем он отмечает, что $^2/_3$ из них не представили большого интереса. Фото раскопок и размеры показывают также, что, безусловно, площадки были вскрыты Гимнером не на всем пространстве залегания глинобитных остатков, а лишь частично. Отсюда и его указание, что наибольшее жилище № 8 имело 7 × 5 м и состояло из сильно обожженной обмазки, которую рабочие «едва могли разрушить».[41]

Другие жилища (5 × 4 м, № 20; 7 × 5 м, № 28; 6 × 5 м, № 30) также лишь частично были вскрыты Гимнером, почему отдельные очертания их даются совершенно неправильно — в виде овальных небольших площадок, состоящих из нескольких слоев глинобитной обмазки. Типичная картина наслоений трипольского жилища не до конца и неправильно была вскрыта Гимнером. Как и другие исследователи того времени, автор применил неправильный метод раскопок и поэтому не смог с достаточной полнотой вскрыть изучаемые памятники.

После снятия верхнего черноземного слоя и полного нарушения залегания глинобитных остатков трипольского жилища Гимнер проводил изъятие находок, обнаруживавшихся в процессе раскопок. Среди находок — каменные зернотерки, статуэтки, керамика, кремневые орудия.

Однако, несмотря на неправильные приемы раскопок, допущенные Гимнером, он приходит к заключению, что в Попудне им открыты трипольские жилища, а не культовые места, как думали Хвойко, Штерн и др. Наблюдение, сделанное Гимнером над площадками, приводит его к мысли, что площадки строились на выровненном, несколько углубленном пространстве, на котором укладывались деревянные плахи, покрывавшиеся слоем глины. Затем поверх глины накладывались костры, которые и обжигали этот глиняно-деревянный настил. Гимнер отмечает в жилищах несколько наслоений подобного рода. Он делает предположение, что жилище было круглым; внутри жилища он обнаружил очаг. Эти наблюдения и отсутствие на площадках костей человека, присутствие зерен в сосудах, золы и угля — все это еще раз подтверждает, что в Попудне были открыты трипольские жилища. Гимнер в своей работе дает подробное описание и анализ открытой в Попудне керамики и отмечает ее разительное отличие от сосудов из Пьянишкова (этап В/II).

В основном, комплекс керамики из Попудни состоит из двух типов: 1) сосуды из розоватой массы с монохромной черной росписью

[40] M. Himner. Étude sur la civilisation prémycénienne. Swiatowit, т. XIV (1930—31), Warszawa, 1933.

[41] Там же, стр. 42.

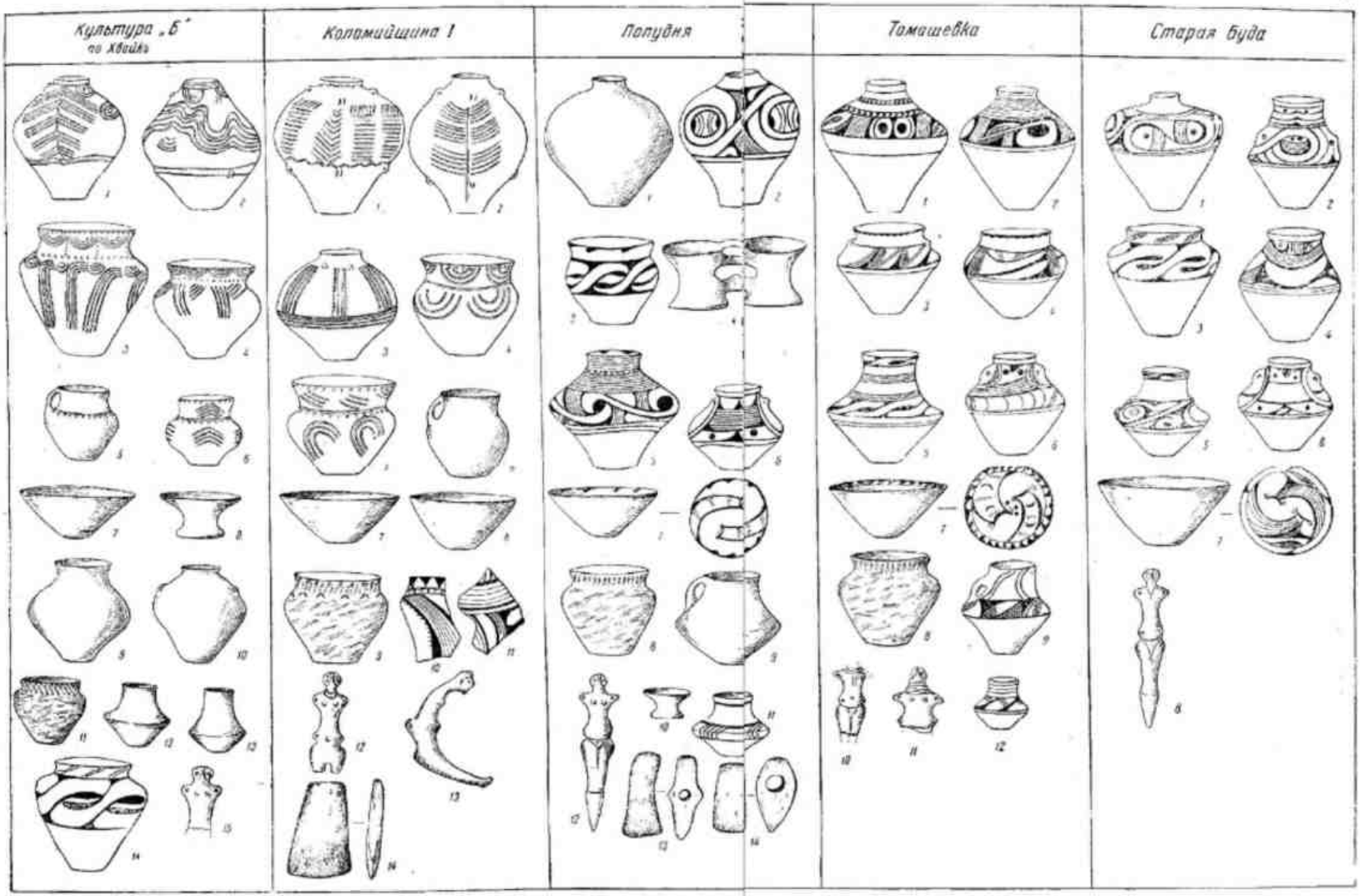

Рис. 67. Таблица основных находок позднего (С/1.) этапа Триполья

Культура «Б» по Хвойко (находки из раскопок Хвойко в районе сел. Халепье и Жуковцы близ Киева). Сосуды: *1—6* — с углубленным орнаментом; *7—10, 12, 13* — без орнамента; *11* — кухонная посуда; *14* — с черной росписью; *15* — фрагмент глиняной статуэтки. Коломийщина I. Сосуды: *1—5* — с углубленным орнаментом; *6—8* — без орнамента; *9* — кухонная посуда; *10, 11* — фрагменты сосудов с черной росписью; *12, 13* — глиняные статуэтки; *14* — мотыга из гнейса. Полудня. Сосуды: *2, 3, 5—7, 11* — с черной росписью; *1, 4, 9, 10* — без орнамента; *8* — кухонная посуда; *12* — глиняная статуэтка; *13, 14* — топоры из камня. Томашевка. *1—7, 9, 12* — сосуды с черной росписью; *8* — кухонная посуда; *10—11* — фрагменты глиняных статуэток. Старая Буда. *1—7* — сосуды с черной росписью; *8* — глиняная статуэтка

и 2) керамика грубая с примесью мелкотолченых раковин в массе и полосчатым сглаживанием поверхности.

В первой группе[42] имеются разнообразные формы сосудов: конические чаши с росписью двух заходящих друг на друга изогнутых лент или с соприкасающимися кругами; сосуды по типу росписи так называемых лицевых урн, кувшины с ленточной ручкой, грушевидные урны, кратеры, биноклевидные сосуды, шлемовидные крышки, ступкообразные сосуды. Роспись черной краской нанесена по жидкой красочной облицовке, небрежно выполненной. Роспись заключена в нешироких пояс и обычно помещается лишь на верхней части сосуда. Господствует система распадающейся спирали.[43]

В Попудне было найдено значительное число глиняных статуэток с коническим окончанием вместо ног, с раздвоенными ногами и с тумбообразным основанием. Кроме того, здесь же открыта известная глиняная модель жилища (см. ниже описание модели из Сушковки).[44]

Хотя Гимнер и допустил ошибки в методике полевого исследования, но все же он приходит к интересным и правильным заключениям о площадках в Попудне.

Этого совершенно нельзя сказать о раскопках, произведенных в Сушковке Уманьского района, где производились раскопки в 1916 г.[45] и где оказались вовсе не понятыми открытые памятники. Поселение расположено (в отчете указано, что здесь обнаружен ритуального характера памятник) на плато в месте впадения р. Уманки в р. Ятрань, причем площадки (точки) были перекрыты могилами (?). Всего в Сушковке раскопано три или пять (по отчету тоже недостаточно ясно) площадок — жилищ.

Точок 1 находился под могилой (курганом) с окрашенным костяком. Более никаких подробностей в отчете, к сожалению, не дано. Ниже открыт точок, состоящий из обмазки площадью 4 × 4.5 м, толщиной до 0.40 м. Слои обмазки доходили до 0.17—0.40 м. Наиболее грубые куски имели следы плах, тесаных колод, прутьев.

В трех местах обнаружены груды сильно пережженной глины. По аналогии с наблюдениями Трипольской экспедиции, эти груды являются остатками рухнувших печей в жилище, однако в отчете о раскопках не было сделано никаких наблюдений над обмазкой разного характера, встреченной на точках. Были открыты фрагменты обмазки, окрашенной в красную краску; видимо, от стенки печки, и найден фрагмент глиняной модельки (хатки) жилища. На точке обнаружены каменные зернотерки из местного гранита, орудия из кости, статуэтки человека и животных, большое количество сосудов. Кости животных: домашнего быка, свиньи, благородного оленя, лося, а также раковины *Unio*. Та же картина дается и для всех других точков (II—IV), раскопанных в Сушковке. Указывается, что на других точках «глиняные столбики», т. е. какие-то сооружения из глины, были украшены концентрическими кругами; возможно предположить, что здесь мы имеем остатки округлых или крестообразных жертвенников, позднее открытых во Владимировке.

Назначение открытых в Сушковке памятников до сих пор остается неясным, и в отчете высказано неправильное мнение, что точки являются местами культового характера.

В основном керамика Сушковки состоит из двух групп: 1) керамика с монохромной черной росписью и 2) керамика с полосчатым сглаживанием и с примесью раковин в массе.

По форме отмечаются: конические чаши, небольшие сосуды с угловатыми плечиками, кувшины, двухконусные сосуды с ручками и с росписью лицевых урн, реже встречаются грушевидные урны, крышки и биноклевидные сосуды. Роспись помещается на верхней части сосуда в сравнительно нешироком поясе. Наиболее распространены сюжеты распадающихся спиралей, образованные широкими лентами.[46] Часто в росписи встречается наискось перекрещивающаяся сетка. Типичны и мелкие узкие полоски, помещаемые в свободных пространствах.

Из Сушковки хорошо известно значительное число фигурок животных: барана, быка, коровы, лошади, превосходно моделированных. Возможно, что увеличивающаяся роль скотоводства в хозяйстве Триполья на этапе C/I и B/II дает появление, наряду с антропоморфными статуэтками, изображений животных и в керамике, и в росписи (Петрены, Шипеницы).

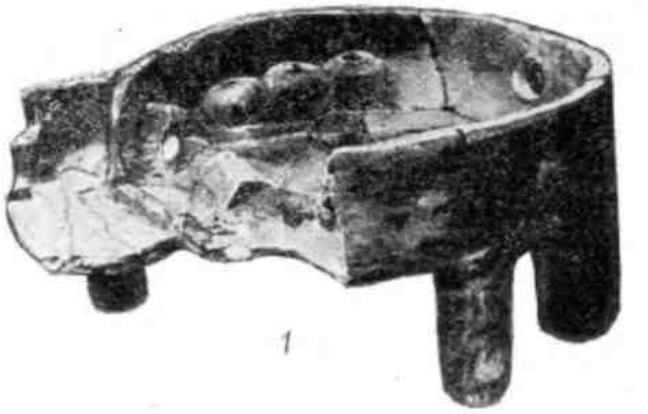
Среди статуэток должно быть отмечено одно женское изображение с поднятой рукой. Остальные — обычного трипольского типа с коническим окончанием, стоячие, с головой, вылепленной одним щипком, со сквозными отверстиями вместо глаз и т. п.[47] Особо замечательными находками в Сушковке являются глиняные модели жилищ, подобные модели из Попудни.[48]

Новые материалы по жилищам Трипольской культуры, открытые советскими археологами за последние годы, могут быть использованы для расшифровки моделей из раскопок в Попудне и в Сушковке и новой находки во Владимировке.

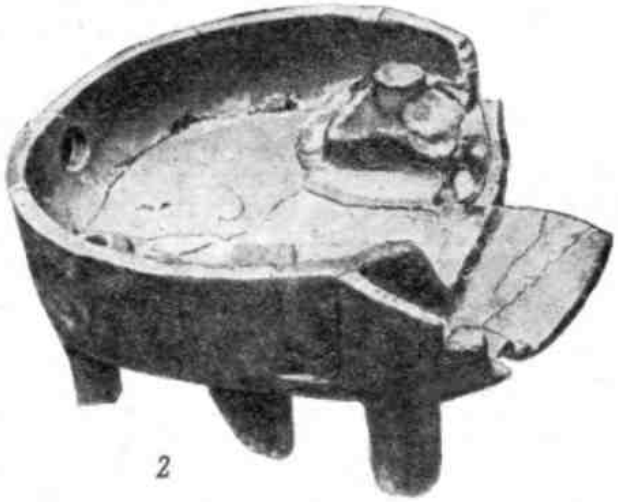
---

[42] T. Passek. Указ. соч., стр. 59, тип IV, табл. XII—XIII.
[43] Там же, табл. XIX—XX.
[44] M. Himner. Указ. соч., табл. XVI—XVIII.
[45] ТКУ, вып. I, Київ, 1926, стр. 44—66.
[46] T. Passek. Указ. соч., табл. XII—XIII.
[47] ТКУ, вып. I, Київ, 1926, рис. 5.
[48] Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4, 1938.

Первым моделям посвящены исследования многих ученых. Однако их различные толкования трипольских моделей, толкования, проводившиеся оторванно от конкретной исто-

1

2

3

Рис. 68. Попудня: *1—3* — глиняная модель жилища (1/2 н. в.)

ческой обстановки, вскрываемой раскопками, неминуемо были обречены оставаться в плане гадательных, часто совершенно фантастических заключений. А между тем при нашем анализе этих моделей параллельно с материалами, полученными в процессе раскопок трипольского жилища, выступают черты, с одной стороны, дополняющие характеристику жилой постройки, с другой — помогающие правильно осмыслить самые модели.

Пока известно лишь несколько экземпляров трипольских моделей. Первая найдена Гимнером в 1912 г. в Попудне при раскопках площадки (жилища № 8) и названа им «enclos» (ограда, огороженное место).[49] Эта модель представляет собой, по описанию автора, округлую в плане, огороженную невысокими стенами платформу-помост-настил (platforme) на шести столбах (pilier). Размеры модели: высота 0.20—0.21 м; ширина 0.425 × 0.36 м. Вход в эту ограду через небольшую террасу (неширокий выступ) с округленными краями. Две небольшие стенки загораживают террасу по бокам. Ограда, обходящая платформу, прерывается, и при входе заметен невысокий порог (рис. 68).

Направо от входа расположена, по мнению Гимнера, хижина-шалаш (cabane), поднятая как бы на цоколе. Над входом хижины имеются два бугорка, на которые, как предполагает автор, прикреплялись кожи, закрывавшие на ночь вход в жилище. Около хижины с двух сторон заметны две скамьи, на одной из которых (ближе к входу) помещен женский идол с руками, сложенными на груди.[50] Напротив хижины, у другой стенки модели изображена фигурка женщины, растирающей зерно на зернотерке, стоящей на небольшом возвышении, а не прямо на полу. Около зернотерки углубление, куда ссыпается зерно. Чуть дальше по той же стороне расположены три больших грушевидных сосуда для хранения зерна. Посредине ограды, несколько в глубине, находится возвышение в форме греческого креста. По краям его нанесен орнамент в виде тонких углубленных полосок, расположенных перпендикулярно одна к другой. Гимнер считает это местом очага. На возвышении в задней стене ограды округлое окно, которое с внутренней стороны также орнаментировано зубцами;[51] с наружной стороны оно обрамлено такими же зубцами, но еще опоясанными полосой. Стены ограды с внутренней стороны орнаментированы своеобразным орнаментом, очень напоминающим, пишет Гимнер, плетения из ветвей ивы. По верху

---

[49] M. Himner. Указ. соч., табл. XVI, XVII, XVIII.

[50] Эр. Маевский видит в этом идоле изображение мужчины. М. Гимнер оспаривает это положение, считая, что у мужских фигур обычно изображается один глаз, а здесь их два. Er. Majewski. Najstarsza zagrada na palach z końca neolitu w plastycznej miniaturowej reprodukcji przedhistorycznej. Extraits des Comptes Rendus de la Société des Sciences de Varsovie, 1913 (Resumé français); его же. Habitation humaine (Fenclos) sur pilotis de la fin du néolithique, en une reproduction préhistorique. RA, Paris, 1913.

[51] M. Himner. Указ. соч., стр. 152. Повидимому, окно окружено сплошь закрашенными треугольниками.

края стен ограды также имеются полоски орнамента; роспись нанесена черной краской.

Ограда сделана из красноватой глины хорошего качества и целиком покрыта красной красочной облицовкой. Все части этой модели были изготовлены отдельно и затем уже прилеплены к основанию, после чего покрашены, расписаны и позднее — обожжены. Гимнер отмечает, что четыре столба, расположенные по краю, симметричны и соответствуют реально существовавшей опоре — сваям.[52] Два же других столба, расположенные посредине, добавлены мастером специально для поддержки модели. Гимнер далее рассуждает о том, как строилась такая ограда на сваях, и считает, что эти подпирающие ограду столбы могли быть из дерева и обмазаны глиной. Плетеный орнамент на внутренней стороне ограды наталкивает его на мысль о плетеном скелете стен такой постройки.

Таким образом, по Гимнеру, модель из Попудни является копией «ограды на сваях», внутри которой направо помещалась хижина, крестообразное возвышение в глубине — место очага. Такая ограда, по его мнению, никогда не имела крыши, а поскольку место обитания без крыши невозможно в климатических условиях Украины, то он приходит к выводу, что такого типа «ограда на сваях» должна существовать в странах Востока, например, в Месопотамии, откуда, по мнению Гимнера, и была занесена на Украину эта модель.[53]

Некоторые зарубежные археологи,[54] так же как и Гимнер, считают модель из Попудни постройкой на сваях.[55]

Все изложенные выше мнения основаны на чисто формальном подходе к толкованию трипольских моделей. Отрыв от конкретных данных, добытых раскопками трипольских жилищ, привел зарубежных археологов к неверным представлениям о моделях, как бы изображениях ограды на сваях с хижиной внутри и местом очага. На самом деле перед нами изображение трипольского дома с печью и жертвенником.

Новые раскопки с достаточной очевидностью показали, что прямоугольные в плане, значительные по площади трипольские жилища (платформы) сооружались непосредственно на земле, а не на сваях, и имели обычно две части. Одна — отделенное перегородкой входное помещение (сени), другая — основное, жилое помещение. На месте входа имеется невысокий порог, за которым направо на возвышении — печь («под»), а за печью скамья-лежанка. Печь, как показали раскопки, четырехугольная в основании, свод строился на деревянном каркасе и обмазывался глиной. Такой деревянный каркас свода состоял (как это показывают большие куски глиняной обмазки с отпечатками дерева, находимые в раскопках) из широких (до 0.20 м ширины) деревянных плах, возможно, стянутых поверх лозой. Каркас из лозы составляет верхнюю часть печи. Часто наблюдаются в глине, с наружной стороны свода, места выхода деревянного каркаса, как это отмечено на модели (печь) из Попудни. Печь в трипольском жилище обычно сооружалась на специальном поде из толстых, прекрасно обожженных плиток, лежащих чаще всего на вальковой основе (слабо обожженные вальки из глины с примесью половы). Таким образом, печь несколько возвышалась над общим уровнем пола жилища. С одной стороны печи имеется сделанная из глины скамья или лежанка, непосредственно прилегающая к стенке печи и как бы составляющая с ней одно целое.

Таким образом, форма и конструктивные особенности, установленные по раскопкам, заставляют видеть на модели из Попудни печь, а не шалаш. Кроме того, постоянно при раскопках трипольского жилища наблюдается скопление наибольшего числа сосудов и зернотерок около стены напротив печи.

Все эти черты установлены новыми раскопками и целиком повторяют то, что изображено на модели из Попудни. Следовательно, модель эта есть реальное изображение трипольского дома.

Остается сказать лишь о крестообразном возвышении, имеющемся на модели из Попудни (а также из Сушковки, о чем см. дальше). В жилищах, раскопанных на Коломийщине, таких возвышений пока открыто не было. Но зато мы имеем теперь точно такие же, как на моделях, крестообразные возвышения на другом поселении — во Владимировке. Назначение их вполне определенно — это жертвенники, жертвенные места, а отнюдь не очаги, как думали Гимнер и др.

В отличие от модели, во владимировском жилище открыто два жертвенника в каждой камере. Форма же обоих, орнаментировка, расположение в основном жилом помещении, наряду с печью (направо от входа), не оставляют сомнения в том, что они представляют

---

[52] Такие же столбы известны и у модели, найденной Гимнером в площадке № 20. Ср. M. Himner. Указ. соч., стр. 45 и 153, табл. XVI, рис. 1.

[53] M. Himner. Указ. соч., стр. 154.

[54] E. Majewski. Указ. соч.; L. Kozlowski. Mlodsza epoka kamienna w Polsce, Lwów, 1924; его же. Budowle Kultury ceramiki malowanej, Lwów, 1930; H. Čehak. Plastyka eneolitycznej kultury. Swiatowit, т. XIV, Warszawa, 1933, табл. 164.

[55] Л. Козловский (указ. соч.), считавший площадки остатками хижин, сожженных по обряду одновременно с сожжением мертвого, объясняет крестообразное возвышение на модели из Попудни как место для сжигания трупов. Исходя из этого мнения, H. Čehak устанавливает, что находимые в площадках модели, как и глиняные статуэтки, сжигались, согласно обряду, вместе с мертвыми.

остатки особого родового жертвенного места. Однако не следует забывать, что модель из Попудни — не архитектурная модель современного назначения, а модель особого, специального назначения. Прежде всего совершенно ясно, что при изготовлении моделей имелась в виду необходимость легкого обозрения их внутреннего вида, поэтому они не имеют кровли, которая бесспорно имелась в реальном трипольском доме.

Если сейчас установлена конструкция стен (плетеный каркас, обмазанный глиной), пола, печей в трипольском жилище, то до сих пор сделано еще мало наблюдений в раскопках о перекрытии такой постройки. На глиняных моделях жилищ, известных из Чехословакии,[56] Болгарии,[57] Польши,[58] а также на модели из Коломийщины II крыша показана двухскатной или четырехскатной.[59] На болгарских — наружные стены такой модели покрыты спиральной орнаментацией, модели снабжены ножками, как и многие сосуды Триполья. Этим ножкам, разумеется, нет и не могло быть никаких эквивалентов (например, сваи) в реальных жилищах (рис. 33).

Встреченная на моделях окраска или роспись говорит за то, что стены трипольского жилища расписывались. Это может быть также подтверждено тем, что во многих жилищах на Коломийщине наружные части свода печи покрывались красной краской, а в жилище № 1 во Владимировке мы имеем части свода с углубленным орнаментом и одновременно расписанные красной и белой краской. Другой экземпляр модели жилища был найден в 1916 г. при раскопках в Сушковке.[60] Модель, найденная здесь, чрезвычайно близка к рассмотренной выше модели из Попудни (рис. 69). Прямоугольная платформа с округлыми углами на четырех ножках ограждена стенками, кроме передней, являющейся сенями. Сени отделены от внутреннего помещения невысокой стенкой со входом и порогом. Против входа в задней стене округлое отверстие. Под ним сохранились следы от крестообразного возвышения (жертвенное место), как на модели из Попудни. Направо от входа располагается печь с лежанкой. Напротив печи, налево от входа,— небольшое возвышение, на котором размещено четыре больших грушевидной формы сосуда (на модели сохранились лишь два из них). Тут же в левом углу — изображение женской фигуры, склоненной над зернотеркой. Размеры модели: длина 26.5 см; ширина 0.20 м; наибольшая высота 11.5 см. Модель изготовлена из розоватой плотной массы, сохраняет на поверхности следы красной краски.

В Сушковке же была найдена на площадке № 2 еще часть модели жилища, несколько иная по форме. Эта модель представляет собой как бы небольшую чашечку на четырех ножках, один край которой выступает и образует выступ — сени. В основном повторен план модели, описанной выше. Направо от входа — печь с лежанкой сбоку. То, что в этой модели нет жертвенника, показывает, что он делался не во всех жилищах.

В Уманьском музее хранятся фрагменты трех экземпляров моделей трипольских жилищ, еще до сих пор не изданных. Одна по размерам больше найденной в Сушковке; высота ее 0.13 м. Платформа — прямоугольной формы с закругленными краями, на пяти ножках. Она была найдена случайно недалеко от места раскопок в Сушковке, где были заметны остатки сильно разрушенных площадок. Планировка жилища аналогична описанным выше, но сохранилась лишь передняя часть модели. Изготовлена модель из хорошей плотной желтоватой массы, поверхности окрашены сверху красной краской.

Кроме того, в Уманьском музее хранится еще интересный фрагмент от модели: отбитая от нее печь. На фрагменте спереди тремя бугорками (два аналогичных бугорка имеются и на модели печи из Попудни) обозначены, повидимому, места выхода (плах) деревянного каркаса, из которого сооружался свод печи. Масса, из которой сделана модель печи, желтоватая и окрашена красной краской. Там же хранится и фрагмент сеней с ножкой от другой такой же модели (рис. 69).

Если сравнивать обе эти модели из Попудни и Сушковки и описанную выше из Владимировки с новыми данными из раскопок, то удастся установить, что эти модели передают подлинные трипольские жилища; методологически было бы неверно рассматривать модель из Владимировки с иной точки зрения только потому, что на ней нет деталей внутри. Поэтому не следует ли считать модель из Владимировки изображением постройки иного, особого, нежилого, быть может, общественного назначения? В такой постройке и не должно было быть ни печей, ни возвышения со стоящими на нем сосудами для хранения зерна, ни жертвенного места и т. п.

Раскопками на поселении в уроч. Коломийщина I уже установлена некоторая дифференциация трипольских построек. Так, здесь были открыты жилища средние и большие, с перегородками и многими печами; затем — малые жилища, обычно с одной печью и, наконец, постройки, расположенные вблизи больших жилищ и представляющие остатки нежилых, складочных помещений, где нахо-

---

[56] О. Г. Котова. Памятники доисторической культуры в Моравии. Изв. ГАИМК, т. V, Л., 1926, стр. 319.
[57] В. А. Городцов. Нижнедунайская культура в Болгарии. Новый Восток, № 4, М., 1923, стр. 303.
[58] H. Čehak. Указ. соч., табл. XIII, рис. 1 и 2.
[59] Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, № 4, 1939.
[60] ТКУ, вып. 1, Київ, 1926, стр. 43 и след.

дилось большое число сосудов, в которых хранились запасы продуктов.

Огромных размеров поселение у Владимировки (где была сделана находка модели) с жилищами, расположенными в несколько рядов, должно в будущем, несомненно, дать богатый материал, отвечающий на поставленный нами вопрос о дифференциации и различной функциональной значимости отдельных построек на трипольском родовом поселении.

В настоящий момент мы не имеем еще достаточных наблюдений по этому поводу из новых раскопок. Однако использование древних моделей в качестве нового источника для понимания трипольского жилища приводит нас неизбежно к мысли, что и владимировская модель сигнализирует о существовании нового типа трипольской постройки, еще не открытого в раскопках.

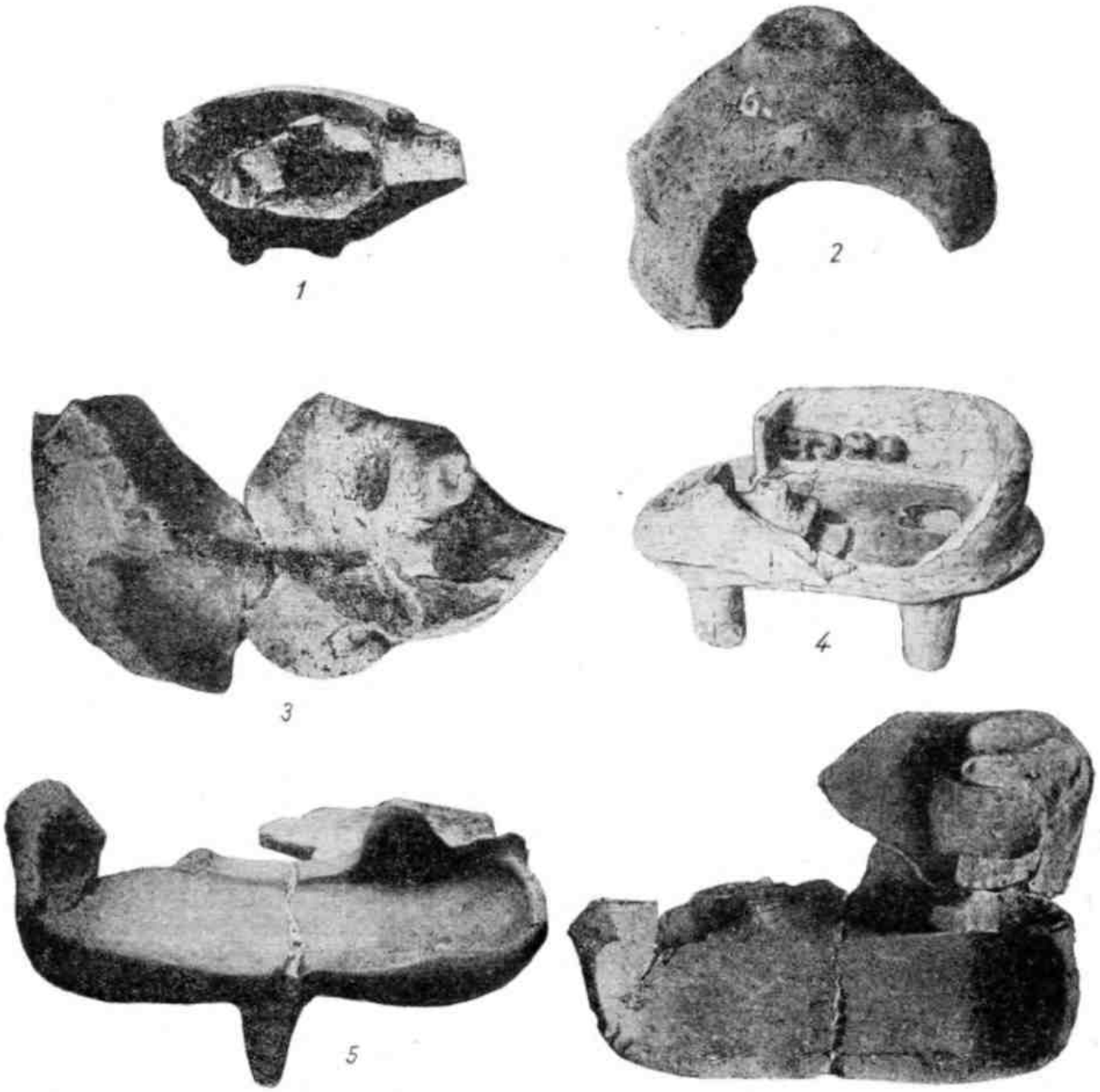

Рис. 69. Глиняные модели жилища. *1*, *4* — из Сушковки; *2*, *5* — случайные находки; *3* — из Чичиркозовки (*1*, *5*—1/2 н. в.; *2*, *3*—3/5 н. в.; *4*—1/3 н. в.)

Если первый вопрос о том, что изображали трипольские модели, должен считаться теперь решенным, то остается ответить еще на второй, не менее важный — об их назначении в быту.

Так же, как в определении, что изображали собой эти модели, мнения зарубежных ученых, оторванные от фактических наблюдений, были гадательными, так и в вопросе выяснения их назначения выступает несколько то-

чек зрения. Одни считают эти модели предметами культовыми и определяют их как предметы ритуальных жертвоприношений, сжигавшихся, согласно обряду, вместе с погребальной постройкой (площадкой). Были мнения, считавшие модель из Сушковки детской игрушкой, и, наконец, позднее выдвинута еще новая теория К. Маевского.[61] Он полагает, что нет еще достаточных оснований, чтобы считать модели предметами культовыми, для игрушек же они, по его мнению, слишком художественны.

Поэтому Маевский выдвигает новую точку зрения, по которой эти модели, сделанные в керамических мастерских, как бы своего рода высокие произведения искусства. В древности, по его мнению, модели были лишены всякого практического значения и должны были служить только украшением, поэтому он склонен утверждать, что на моделях из Попудни и Сушковки не следует искать натурального сходства с древней постройкой, так как керамист, делавший эти модели, не смотрел на них, как на «архитектурные модели», а стремился выразить в них лишь эстетические свои переживания.

Разрешение вопроса о роли трипольской модели в быту лежит, конечно, также в плане накопления путем раскопок новых наблюдений, которые могли бы осветить культово-ритуальную сторону жизни обитателей родового трипольского поселения.

По аналогии с подобными же находками моделей жилищ, сделанных на поселениях в Чехословакии, Болгарии, Польше и др., а также среди памятников средиземноморских культур (на Крите, Кипре и др.), наши модели следует рассматривать как предметы культового значения.

Из предметов культа, кроме этих изделий, в трипольских жилищах постоянно обнаруживаются антропоморфные статуэтки (женские и мужские), миниатюрные сосуды, повторяющие формы больших, глиняные фигурки животных и «кресла» для статуэток. Так же, как и модели, все они, несомненно, культовые предметы, о чем свидетельствует хотя бы то, что антропоморфные трипольские статуэтки не являются реальными изображениями человека, а представляют собой условно трактованную человеческую фигуру (женскую и мужскую), игравшую роль в магических обрядах, направленных к достижению успешных результатов в сельском хозяйстве, скотоводстве, во всеобщем плодородии, возможно, в культе предков.

Разнообразные модели, в которых в таких подробностях изображались все детали внутренности дома, и бытовые черты (например, женщина, растирающая зерно на зернотерке) были теми предметами культа, с которыми проделывали необходимые магические действия, направленные к достижению общего благополучия в доме, благополучия во всем хозяйстве. Таково предварительное решение вопроса о роли моделей в трипольском быту.

Среди поселений этапа С/I в Побужье следует остановиться на поселении у с. Томашевки Уманьского района, раскопанного в 1925 и 1926 гг. К сожалению, большой материал этих раскопок, хранящийся в музеях Умани и Киева, до сих пор остается неизданным. Напечатано лишь два кратких отчета.[62] Уяснить в сколько-нибудь отчетливой форме раскопки, произведенные здесь, и их результаты — невозможно. Разобраться в сделанных в процессе раскопок наблюдениях пытался Е. Ю. Кричевский.[63] Однако он слишком доверчиво отнесся к изложенным данным в кратком отчете о Томашевке и поверил, что существуют залегания глинобитной обмазки особого «томашевского типа». Раскопанные в Томашевке постройки (I—VIII) считались памятниками ритуального погребального характера. Кричевский предполагает все же, что в Томашевке открыты жилища, но своеобразного типа, отличного от типичных трипольских. В томашевских жилищах, как указывает Кричевский, лишь частично имелись глиняные полы, вот почему в раскопках постоянно открывались небольших размеров глиняные площадки (2×0.5 м или 3×3.5 м) и рядом с ними груды сосудов, прикрытые, в свою очередь, сверху грудой глиняной обмазки. Отсюда Кричевский в отчетах делает вывод, что перед нами особого рода коллективные погребальные сооружения.[64]

Раскопка трипольских памятников — одна из сложнейших задач в археологии. В процессе раскопок Трипольская экспедиция лишь постепенно находила необходимые приемы для вскрытия и всестороннего исследования глинобитного жилища; без применения подобных приемов невозможно вести правильные наблюдения и делать какие-либо научные обобщения по изучаемому памятнику. Это и случилось при раскопках площадок в Томашевке. Основываться на данных отчетов этих раскопок совершенно невозможно, так как раскопки велись неправильно, небольшими участками. Наталкиваясь на глиняную обмазку, не раскрывали целиком все пространство и не выясняли характер всего памятника, а приступали к изъятию сосудов и поспешно делали затем крайне «оригинальные» заключения.

---

[61] K. Majewski. Gliniane modele chat kultury ceramiki malowanej na Ukrainie. Swiatowit, т. XVI, Warszawa, 1936, стр. 159.

[62] «Коротке Звідомлення за 1925 и 1926 рр.», Київ, 1925 и 1926.

[63] Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломийщині і проблема трипільских площадок. Трипільска культура, т. I, Київ, 1941, стр. 536 и след.

[64] ТКУ, вып. I, Київ, 1926.

Комплекс находок в Томашевке (то, что нам известно) состоит главным образом из керамики. Об орудиях в отчетах почти не упоминается.

Керамика состоит из двух групп: 1) сосуды с черной монохромной росписью типа IV моей классификации[65] и 2) грубые, сильно песчанистые с полосчатым сглаживанием поверхности, идентичные по технике и форме сосудам с примесью измельченных раковин.

Керамика с монохромной черной росписью из Томашевки по стилю и технике росписи целиком совпадает с аналогичной керамикой из разобранных поселений в Сушковке, Попудне и характерна для этапа C/I района Побужья. Керамика эта очень близка монохромным сосудам того же этапа (C/I) из Поднепровья (см. ниже) и керамике типа Кукутени B, только что прослеженной в комплексах поселений на юге (этапа γ/I), хотя здесь, в Побужье, эта керамика с монохромной росписью получает интенсивное и очень своеобразное развитие. В орнаменте господствуют система распадающейся спирали, а также системы деления пояса росписи на метопы и «лицевой урны». Среди сосудов — зооморфной формы чаши, сосуды на четырех ножках. Большое развитие имеют конические чаши со сложной росписью сходящихся овалов и системой полуовалов с волнообразными лентами; часто встречается сетчатый мотив. Нередки сосуды-кувшины с ленточной ручкой.[66] Интересен сосуд с поперечной перегородкой, как из поселения в Белом Камне; статуэтки — обычные трипольские.

Останавливаясь на характеристике этапа C/I в Побужье, нельзя не упомянуть более ранних раскопок, произведенных в 1906 и 1907 гг. М. К. Якимович у с. Старая Буда Звенигородского района.[67] Здесь им было раскопано семь площадок сравнительно малых размеров (4.5 × 6.5 м; 10 × 7 м; 12 × 9 м; 8 × 7 м), состоящих каждая из двух слоев обожженной глины; нижний слой с примесью половы, сильно пористый; верхний состоял из глиняной обмазки, хорошо обожженной и без всяких примесей, плитчатой формы. Якимович совершенно справедливо отметил, что различные части на площадках были по-разному конструированы. Однако он не отмечает наличия печей, вместе с тем из его отчета можно сделать заключение, как это делает и Кричевский, о том, что выступающие над плитчатой обмазкой груды сильно обожженной обмазки представляют остатки рухнувших сводов печей, что неоднократно наблюдалось на Коломнйщине и во Владимировке. Чрезвычайно ценно то, что Якимович, вслед за Беляшевским и Спицыным, признает, что площадки являются жилищами. Добытый им материал однороден. Он хранится в Ленинграде (Эрмитаж), в Москве (ГИМ) и в Киеве; в своей основе он состоит из керамики с монохромной черной росписью, аналогичной по стилю Томашевке, Сушковке, Попудне.

Среди орнамента на конических чашах имеется система широких заходящих друг за друга лент; иногда таких лент имеется четыре; пространства между ними заполнены дуговидно-зубчатыми отрезками. Часто чаши с оттянутыми прямыми краями на четырех конических ножках.

Большое распространение имеют сосуды с угловатыми плечиками и кувшины. На них постоянно наносится система росписи в поясе, разделенном вертикально на метопы, и в пространствах между ними или свисающие фестоны, или система спиральных завитков.

Обычны и сосуды с росписью лицевых урн в их сложных и простейших системах.

На больших двухконусных и кратерообразных сосудах в сравнительно нешироком поясе обычно наносятся системы сильно распадающихся спиралей, едва сохраняющих центр; затем имеется сюжет фестонообразно свисающих лент в два ряда; реже отмечается одиночная или двойная восьмерочная спираль. Очень интересна система полуовалов — остатков распавшихся спиралей в росписи; система, повторенная и в углубленном орнаменте на кратерах из поселений этапа C/I в Поднепровье. Эта система, прослеженная на сосудах и с росписью в керамике с углубленным орнаментом, указывает на общность пути развития орнамента и подчеркивает единство признаков, характеризующих этап C/I в разных, удаленных друг от друга районах.

Для изучения систем орнамента, а также стиля керамики в Старой Буде, Томашевке, Сушковке и в Попудне и прослеживания возможных связей поселений этапа C/I в Побужье с поселениями этапа γ/I в более южных районах Причерноморья — Поднестровья, особенно интересно поселение в Бабановском районе, близ Умани, у с. Касеновка. Случайные находки из этого села известны по собраниям Киева и Умани. Частично материалы (керамика) из Касеновки были изданы.[68]

В 1940 г. Трипольская экспедиция произвела разведку на этом поселении. Оно находится между с. Касеновкой и с. Таньским, по дороге к с. Бабаны, на расстоянии 2 км на юго-запад от с. Касеновки. Поселение с юго-востока огибает проток, впадающий недалеко на юге в р. Бабанку. В непосредственной близости к поселению на северо-запад от него находится группа в 8—10 больших распахиваемых курганов, сильно расплывчатых, до 45 м в диа-

[65] T. Passek. Указ. соч., табл. XII и XIII.
[66] T. Passek. Указ. соч., табл. XII—XIII.
[67] Отчет Археол. ком. за 1906—1907 гг.
[68] T. Passek. Указ. соч., табл. XV, рис. 5—11.

метре; один — более высокий. Вся группа тянется с северо-востока на юго-запад. На месте поселения на всем пространстве, кроме большого числа фрагментов обмазки, типичных трипольских статуэток, собран большой керамический материал; сосуды в большинстве с монохромной черной росписью и грубые из глины с примесью измельченных раковин и песка, а также с полосчатым сглаживанием. Интересно, что на некоторых фрагментах сосудов роспись нанесена черной краской, а красной заполнены промежутки между полосами, образующими ленты и свободные пространства.

Этот тип керамики ближе всего стоит к полихромной керамике этапа γ/I, рассмотренного нами выше. Касеновская керамика характерна несколько вытянутыми формами своих сосудов, в первую очередь сосудов с угловатыми плечиками. Они все с вытянутым горлом, а система росписи на них и на других сосудах — прямые, вертикально делящие ленты и полуовалы; это одна из систем распавшихся спиралей, которая типична для позднейшей усатовско-городской керамики этапа γ/II. [69]

Чрезвычайно близки к материалам этапа С/I сосуды, изучавшиеся мною в Кабинете археологии Киевского университета. Сосуды происходят из г. Василькова, Киевской обл.— (раскопки Абазы) и упоминаются в Каталоге к выставке XI Археологического съезда. [70]

Всего известно 10 сосудов из Василькова. Среди них сосуды с угловатыми плечиками, а также небольшие сосуды на четырех конических ножках. Форма близка к томашевским и вместе с тем небольшие округлые сосудики на четырех ножках характерны для этапа γ/II. На васильковских сосудах интересна и система росписи с элементами сетки, которые позднее получают большое развитие.

Поднепровье

Этап С/I в Поднепровье может быть характеризован наиболее полно на материалах, добытых в результате прежних раскопок В. В. Хвойко и работ Трипольской экспедиции за период 1934—1938 гг. на поселении Коломийщина I. В целом этап С/I в Поднепровье представляет тот комплекс находок на трипольских поселениях, который Хвойко определил, как «культуру Б». [71] По его классификации «культура Б» характеризуется керамикой, более примитивной, чем «культура А». Кроме того, в ней отсутствовали, по его мнению, изделия из меди и каменные просверленные топоры. Классификация Хвойко в настоящее время полностью опровергнута изысканиями советских археологов.

Однако, если хронологическая последовательность классификации Хвойко не принимается, то комплексы находок его «культур Б и А» остаются в силе и комплекс находок «культуры Б» Хвойко соответствует нашему этапу С/I, а «культура А» — предшествующему этапу — В/II.

Хвойко, выделяя «культуру Б», обращал особое внимание и на конструкцию раскопанных им площадок; хотя он держался того мнения, что площадки являются сооружениями ритуального характера, все же в его отчете дается не мало материалов для характеристики их конструкции. Так, он указывает на обдуманный выбор местности, где располагал древний человек свои «святилища». Это обычно места, «представляющие более или менее значительную возвышенность, с одной стороны поблизости протекает ручей». Хвойко правильно писал, что площадки «образуют обыкновенно несколько рядов, наружная линия которых почти всегда представляет обширный, более или менее правильной формы круг». [72]

Описывая далее в отчете раскопки отдельных площадок «культуры Б» у сел. Жуковцы, Халепье, Стайки, Веремье, Табурище и др., Хвойко каждый раз дает описание расположения площадок. Так, на небольшой возвышенности между селами Веремье и Жуковцы Хвойко было открыто 29 отдельных площадок, образующих правильный круг; в северной части они располагались довольно густо, с юга образуя два ряда, на расстоянии 6 м друг от друга. В средине круга — 6 площадок. Диаметр круга имел 200 м. У с. Халепье Хвойко отмечает, что на возвышенности площадки такого же характера, как и у Жуковцев, и образуют круг с несколькими отдельными площадками в средине. [73] Около с. Стайки Хвойко было открыто более 30 площадок, образовавших правильный круг: в средине его оказался еще ряд площадок, по размерам во много превосходящих площадки, образующие наружную линию круга. [74]

Площадки у с. Веремье («культура Б») в уроч. Должок представляют собой почти правильный круг диаметром около 500 м. По направлению к с. Триполью, на возвышенности, на небольшом расстоянии одна от другой, расположен в виде круга ряд таких же площадок. [75] Многочисленные площадки около уроч. Табурище образуют продолговатый (овальный) круг, который занимает пространство сравнительно небольшое — 205 м с запа-

[69] T. Passek. Указ. соч., табл. XXV, рис. 4; табл. XXVII, рис. 1—8.

[70] Каталог к выставке XI Археол. съезда в Киеве в 1869 г.

[71] T. Passek. Указ. соч., табл. XIII, рис. 5, 12, 14; В. В. Хвойко. Каменный век в Среднем Поднепровье. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, стр. 803.

[72] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 768—769.

[73] Там же, стр. 772.

[74] Там же, стр. 778.

[75] В. Хвойко. Указ. соч., стр. 785

да на восток и 295 м с севера на юг. Круг состоял из 18 отдельных мест; наибольшие помещались в центре.[76]

Все эти положения были полностью доказаны большими раскопками Трипольской экспедиции у с. Халепье (Коломийщина I и II) и у с. Владимировки.

Несмотря на раскопку площадок узкими траншеями, Хвойко в отчетах дает свои соображения по поводу их конструкции. Прежде всего он обратил внимание на разнохарактерность глиняной обмазки, на цвет, состав, величину и т. п. На многих фрагментах он отмечает отпечатки прутьев, отесаных кольев, иногда окраску. В заключение Хвойко останавливается на способе сооружения площадки. Для каждой отдельной площадки делали более или менее глубокую выемку земли, затем намазывали глиняные слои основания и возводили стены из деревянных столбиков и укреплений из прутьев. Затем (это положение совершенно непонятно.— *Т. П.*) это сооружение подвергали обжиганию. Далее Хвойко делает предположение, что площадки — «священные места» — имели и глинобитное плоское перекрытие и даже, по его предположению, могли быть в два этажа.[77]

Давая описание площадок, например, у с. Жуковцы, Хвойко указывает длину площадки 18 м, ширину 13 м (?); состояли они из 2—5 пластов обожженной глины. На этой площадке (№ 1, у с. Жуковцы) Хвойко описывает наличие пьедесталов в виде усеченных пирамид, сделанных из обожженной глины с примесью половы и окрашенных в красный цвет. Они находились на расстоянии 5 м друг от друга; высота их 40 см, диаметр 25 см. Назначение этих пьедесталов остается совершенно неизвестным.

На другой площадке (№ 2) Хвойко наблюдает до 6 пластов обожженной глины. На «площадках» у с. Халепье он отмечает не только несколько глиняных пластов, но и своеобразные округлые карнизы, а также уступы. Иногда он указывает окраску отдельных частей на площадке в белый или красный цвет.

Е. Ю. Кричевский после раскопок на Коломийщине в статье «Раскопки на Коломийщине и проблема трипольских площадок» подверг подробному разбору все данные из отчетов Хвойко, сопоставляя их с наблюдениями из раскопок на Коломийщине.[78]

Следует указать, что лишь отдельные наблюдения Хвойко, в процессе раскопок Трипольской экспедиции, получили свое подтверждение. Общее же представление о трипольском доме и поселении сложилось, конечно, лишь в результате многолетних и систематических раскопок на Коломийщине и во Владимировке. Целиком оказалось опровергнутым положение Хвойко о не жилом характере трипольских площадок.

Интересно рассмотреть для характеристики поднепровского этапа C/I инвентарь находок на площадках «культуры Б» Хвойко.

К сожалению, инвентарь площадок из раскопок Хвойко хранился в Киевском музее, без коллекционных номеров памятников. Их можно было изучать лишь по самым общим указаниям о находках в районе Триполья, Халепья или другого села. При описании площадок Хвойко лишь в некоторых случаях говорит, например, о находках каменных зернотерок, круглых растиральных камней, кремневых ножей, скребков, серпов, глиняных статуэток обычного типа, обугленных зерен пшеницы, костей животных. Для выделения же площадок «культуры Б» Хвойко послужили в основном сосуды (их формы и орнамент). Он выделяет сосуды: 1) с монохромной черной росписью, 2) с углубленным орнаментом и 3) грубые с полосчатым сглаживанием.[79]

Для первой группы типичны конические чаши, сосуды с угловатыми плечиками, двухконусные сосуды, кувшины, кратеры, реже встречаются грушевидные урны, бинокли.

Для второй группы должны быть отмечены кратерообразные сосуды, большие двухконусные, со срезанным горлом и с небольшим прямым горлом, ступкообразные и конические чашки, чаши с оттянутыми краями, небольшие сосуды с угловатыми плечиками. С каждым из сосудов связан определенный сюжет орнамента, постоянно на них повторяющийся.

Конические чаши, достигшие на этом этапе больших размеров, чаще всего бывают орнаментированы лишь по верху края мелкими, углубленными или сходящимися под углом отрезками лент. Сосуды с резко угловатыми плечиками и кувшины чаще всего украшались узкой полосой, которая снизу окаймлена рядом мелких углублений. Такие же полоски обычны и на горшкообразных сосудах.

Наиболее типичны для этапа C/I в Поднепровье (эти же сосуды встречены и на этапе C/II, например, в Евминках и в др.) кратерообразные сосуды с широкими прямыми краями. Орнамент, как и на сосудах с росписью, представляет в основном систему распавшихся спиралей, причем, если эти орнаментальные сюжеты рассматривать изолированно, вне общего орнаментального ряда спирального рисунка, то понять связь этих сюжетов (овалов, фестонов, полуовалов, изогнутых отрезков лент, волнообразно изогнутых лент и систему их расположения на сосуде) невозможно.

Среди систем распавшейся спирали следует отметить Г-образно изогнутые ленты или

[76] Там же, стр. 791.
[77] Там же, стр. 803.
[78] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 479—585.
[79] По моей классификации тип IV и XIV. См. T. Passek. Указ. соч., табл. XIV.

наискось идущие ленты, располагающиеся на плечиках сосуда. На некоторых сосудах эти ленты свисают от основания края совсем прямыми отрезками. Часто ленты образуют ряды свисающих округлых фестонов или отдельные полуовалы, образованные отрезками лент, причем овалы выгнуты то вверх, то вниз. Постоянно между отрезками Г-образных лент или вертикальных отрезков помещаются небольшие полуовалы; иногда сходящиеся под углом отрезки образуют елочку, иногда кресты, «гребенку». Широкие края кратеров почти всегда орнаментированы горизонтальными наискось идущими отрезками лент, полуовалами или фестонами. У основания края проходит полоса с мелкими углублениями.

На поселениях этапа С/I чрезвычайно часты большие двухконусные сосуды (до 1 м высоты) для хранения запасов. Некоторые имеют слегка отогнутые края. Небольшие ручки-ушки располагаются как на верхней, так и на нижней части сосуда (до 6—8 шт.). Системы орнамента на них также восходят к системе разложения спирального рисунка. Так, на одном большом сосуде, находящемся в Кабинете археологии Киевского университета, сохранилась нанесенная лентами одиночная округлая спираль. Обычно же на верхней части сосуда проходит волнообразно изогнутая, чрезвычайно небрежно выполненная лента. Выше и ниже ее — полуовалы из отрезков лент. Между волнистыми изгибами лент помещаются или звезды, елочки, или гребенка, в одном случае — изображение человека. Выше, при рассмотрении орнамента сосудов из раскопок на Коломийщине II, эта связь с системой орнамента «культуры Б» указывалась более полно; на ряде примеров было показано последовательное изменение систем орнамента от начальных стадий до полного его распадения (от этапа В/II к этапу С/I. Рис. 28).

Третья группа сосудов этапа С/I с примесью измельченных раковин в массе и с полосчатым сглаживанием на поверхности интересна тем, что среди простейших орнаментальных украшений — ряды небольших углублений и скульптурные головки (иногда пары) быков, расположенные на краях сосудов. Таким образом, в раскопках Хвойко в площадках «культуры Б» постоянно обнаруживался один и тот же комплекс керамики, состоящий из сосудов с черной монохромной росписью, сосудов с углубленным орнаментом и грубой посуды с полосчатым сглаживанием. Комплекс этот был проверен в больших раскопках в Киевской обл. на Коломийщине I.

Повидимому, ко всем перечисленным находкам из площадок «культуры Б», по Хвойко, следует отнести и известный медный топор-клевец из с. Веремье.[80] Он был издан Хвойко, но без каких-либо указаний, где он был им найден.[81] Позднее Б. И. Ханенко, переиздавая топор-клевец, отметил происхождение его из с. Веремье,[82] «с места, особенно обильного трипольскими площадками, содержащими медные изделия», как добавляет Б. А. Куфтин.[83]

В книге о Кукутенах дано сопоставление топора-клевца с аналогичной находкой, обнаруженной в верхнем слое Эрёзда (II) и датируемой несколько позднее Кукутени В, где встречена и керамика с веревочным орнаментом.[84] Эрёздовский топор-клевец связан со слоем медного века. Он датируется вторым периодом медного века и сравнивается с унетицкими топорами.[85]

Б. А. Куфтин очень интересно и по-новому сопоставляет клевец из Веремья (и из Эрёзда.— *Т. П.*) с боевыми топорами из северной Месопотамии (тепе Гавра VI) III тысячелетия до н. э., с боевым топором со стелы Нарамсина — 2800 г. до н. э., с топором-клевцом из Ассура, с топорами-клевцами из Аллавердских рудников (Ереванский музей) в Армении, с медными топорами с шиповидно-клевцовым обухом из Закавказья (Музей Грузии) — III тысячелетие до н. э., и высказывает правильную мысль «о существовании уже на рубеже III и II тысячелетий до н. э. (думаю, что правильнее говорить о начале II тысячелетия до н. э.) вполне определенных культурных течений со стороны древних очагов переднеазиатской металлургии в Дунайские страны и Эгейский мир по Кавказскому пути».

Вслед за Б. Л. Богаевским Куфтин сопоставляет топор-клевец из Беремья с серией топоров с трубчатыми выступами проуха из Кукутени В, из Югославии (Плотниковская стоянка) и др. Тип этого топора иной, чем топор из Веремья; аналогии ему будут приведены при анализе находок из Кукутени В.

Хронологически топор с проушиной из Кукутени В относится к первой четверти II тысячелетия до н. э.— к этапу γ/I в Поднестровье; к тому же, примерно, времени может быть отнесен и топор-клевец из Веремья, относимый условно к этапу С/I («культура Б» по Хвойко), т. е. хронологически — к тому же отрезку времени, что и этап γ/I на юге. Из Веремья хорошо известны медные плоские то-

---

[80] A. H. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, т. II, Helsinki, 1926, стр. 172; G. Childe. The Dawn of European Civilization, London, 1927, стр. 157, 158, 187; Б. А. Куфтин. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе, Тбилиси, 1944, стр. 300, рис. 4 (5), а также примечание 1, стр. 334.

[81] В. В. Хвойко. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, табл. XXI, рис. 11.

[82] Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. I, Киев, 1889, табл. IX, 5 г, стр. 14.

[83] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 334.

[84] Там же.

[85] H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Z. f. E. 1930, рис. 11c.

поры, относимые мною к предшествующему этапу B/II и B/I.

После раскопок в районе Триполье — Халепье — Жуковцы — Веремье и выделения двух культур — А и Б, Хвойко перенес свои раскопки несколько ниже по Днепру, в район пос. Ржищево, где в 1901 г. раскопал и площадки, и землянки эпохи Триполья.[86] Не касаясь сейчас вопроса о Ржищевских землянках, остановлюсь вкратце на наблюдениях Хвойко над площадками у Ржищева. Считая попрежнему их за сооружения погребального характера, «не имеющих никаких признаков человеческих жилищ», Хвойко пишет, что они все сосредоточивались наверху плато, причем отдельные площадки шли в несколько рядов. Наружная линия их образует относительно правильный круг. Отдельные площадки отстоят иногда довольно далеко друг от друга, занимая пространство «до $^1/_2$ версты и более в диаметре». Пространство, занимаемое каждой отдельной площадкой, пишет Хвойко, различной формы и величины, иногда прямоугольной или четырехугольной формы.

В этом отчете о раскопках у Ржищева Хвойко указывает и размеры наиболее правильных площадок — 10—15 м длины и 5—10 м ширины. Вскрываемая при раскопках площадка обычно состояла из различной величины кусков обожженной глины — плитчатой обмазки пола и стен, со следами отпечатков в глине — прутьев, кольев и бревен. Глиняная обмазка в раскопках открывается в нескольких напластованиях горизонтальными рядами. Часто в обмазке стен заметна примесь мякины и половы. Иногда заметна окраска хорошо сглаженной обмазки стены.

Все приведенные выше наблюдения Хвойко достаточно правильно характеризуют вскрытые им памятники.

В монохромной керамике из Ржищево мы наблюдаем обычные для этапа C/I орнаментальные системы и на чашах, и на двухконусных сосудах, и на сосудах с угловатыми плечиками. Повсюду доминирует сюжет распадающейся спирали. В Ржищеве, как и в Сушковке, а еще ранее на этапе B/II в Петренах, Шипиницах появляется значительное количество сильно стилизованных изображений животных, видимо собаки, змеи, а также и человека. Все эти изображения помещаются в центре спиралей, в кругу, в овале, в полуовалах, образованных лентами росписи. Иногда эти изображения помещаются выше пояса росписи, на верхней части плечиков сосуда. Вместе с этой группой керамики Хвойко постоянно обнаруживал и грубую посуду с полосчатым сглаживанием. Сосуды с углубленным орнаментом попадались значительно реже и не являются столь характерными, как в комплексе близ Триполья — Халепье, в «культуре Б» Хвойко.

В 1945 г. в районе гор. Канева, на побережье Днепра и по Роси, в процессе разведок нами было обнаружено семь новых трипольских поселений.[87] Интересно, что и в этом районе, как и около Ржищева, преобладает расписная керамика. Видимо, те трипольские племена, которые жили южнее Киева — Ржищева, в бассейне Роси были больше связаны с племенами бассейна Буга, чем с северными (киевской группировкой) племенами, где основная масса сосудов украшена углубленным орнаментом, а сосуды с росписью составляют меньший процент. В будущем, когда удастся картографировать различные типы трипольских поселений, мы, безусловно, будем иметь более полную картину расселения трипольских племен в разные хронологические периоды.

Более полное представление о жизни племен на этапе C/I мы имеем теперь, после многолетних раскопок на одном и том же трипольском поселении у с. Халепье в уроч. Коломийщина I.

Поселение Коломийщина I

Урочище Коломийщина находится на юго-востоке от с. Халепье в 0.5 км направо от дороги Халепье — Стайки.[88] Поселение расположено несколько вглубь от Днепра на плато, прорезанном с двух сторон небольшими балками. С западной стороны подходит заболоченная низина с протекающим по ней ручейком Криничка. На северо-западных и юго-западных склонах распаханного поля было собрано наибольшее количество затронутых плугом кусков глиняной обмазки, фрагментов керамики, створок раковин *Unio* и т. п. Общий осмотр всей площади поселения показал, что большая часть площадок не подвергалась разрушению при вспашке. Предварительное зондирование установило, что залегание обмазки располагается под не разрушенным плугом слоем чернозема на глубине 0.5—0.8 м. Это дало возможность экспедиции остановиться на окончательном выборе этого поселения для стационарных раскопок. Однако прежде чем определить на поселении точно место, где должны были быть поставлены раскопки 1934 г., было проведено, помимо тщательного осмотра, и зондирование всей площади поселения. На поверхности не было замечено никаких признаков, указывающих на наличие в том или ином пункте остатков площадок, кроме выпахиваемой обмазки и фрагментов керамики; в процессе же обследования при помощи щупа удалось установить

[86] В. В. Хвойко. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. ЗРАО, т. V, вып. 2, СПб., 1904.

[87] Т. С. Пассек. Отчет о работах Пороссской археол. экспедиции в 1945 г. (в печати).

[88] Материалы Коломийщины I. Трипільська культура, т. I, Київ, 1941.

границы залегания обмазки площадок и до начала раскопок, тем самым определить при-

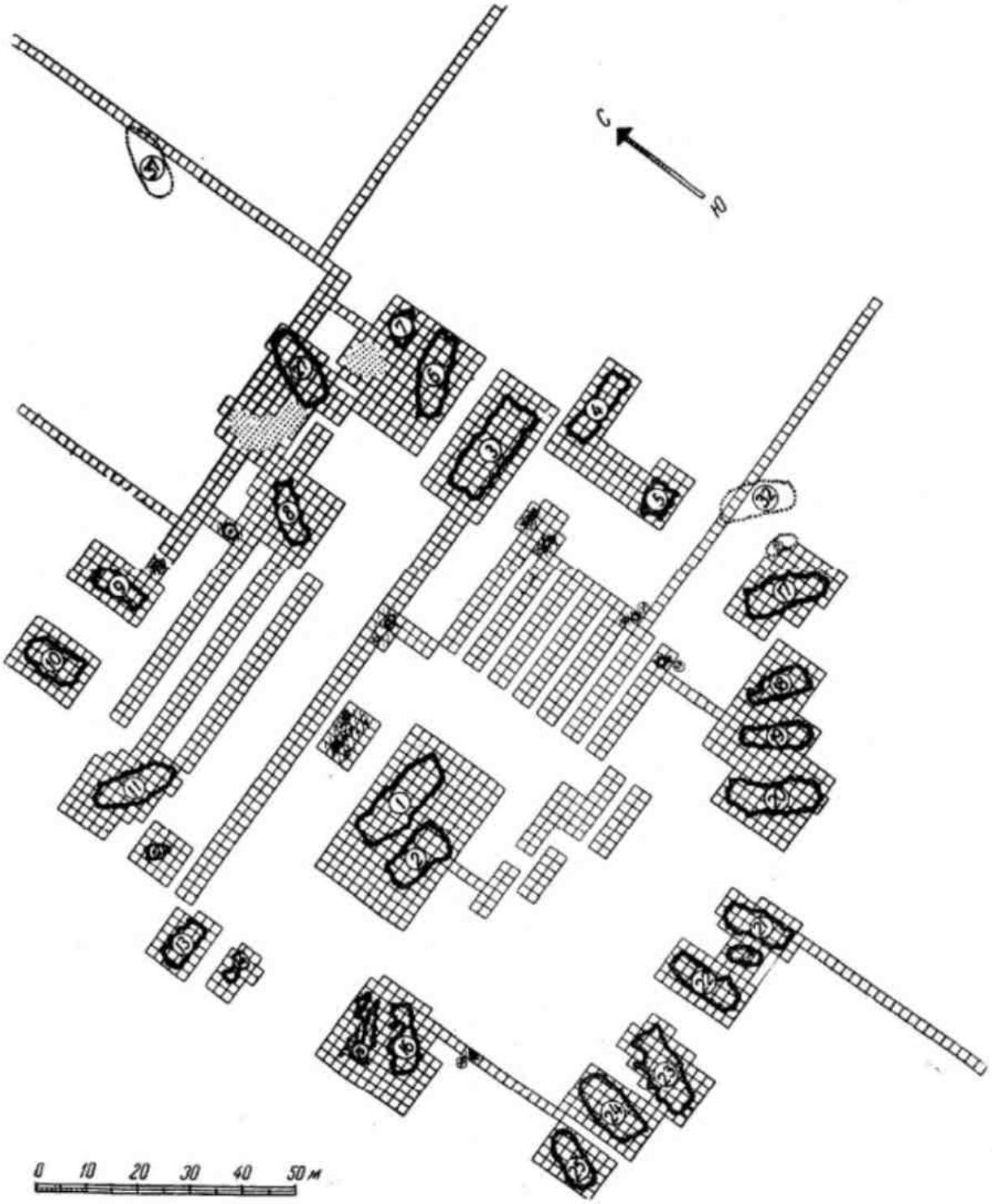

Рис. 70. План раскопок на поселении Коломийщина I (1934—1938 гг.). Обозначения: сплошной линией — раскопанные жилища; точками — ракушечные кучи; пунктиром — нераскопанные жилища

мерную форму, размеры и взаимное расположение отдельных комплексов сплошного залегания глинобитных остатков на поселении. До начала раскопок в 1934 г. экспедиции удалось установить с совершенной четкостью 15 площадок, расположенных по кругу.

Начиная с 1934 г., экспедиция поставила своей задачей постепенно вскрыть большими участками площадки (жилища), находящиеся здесь на поселении, установить план распо-

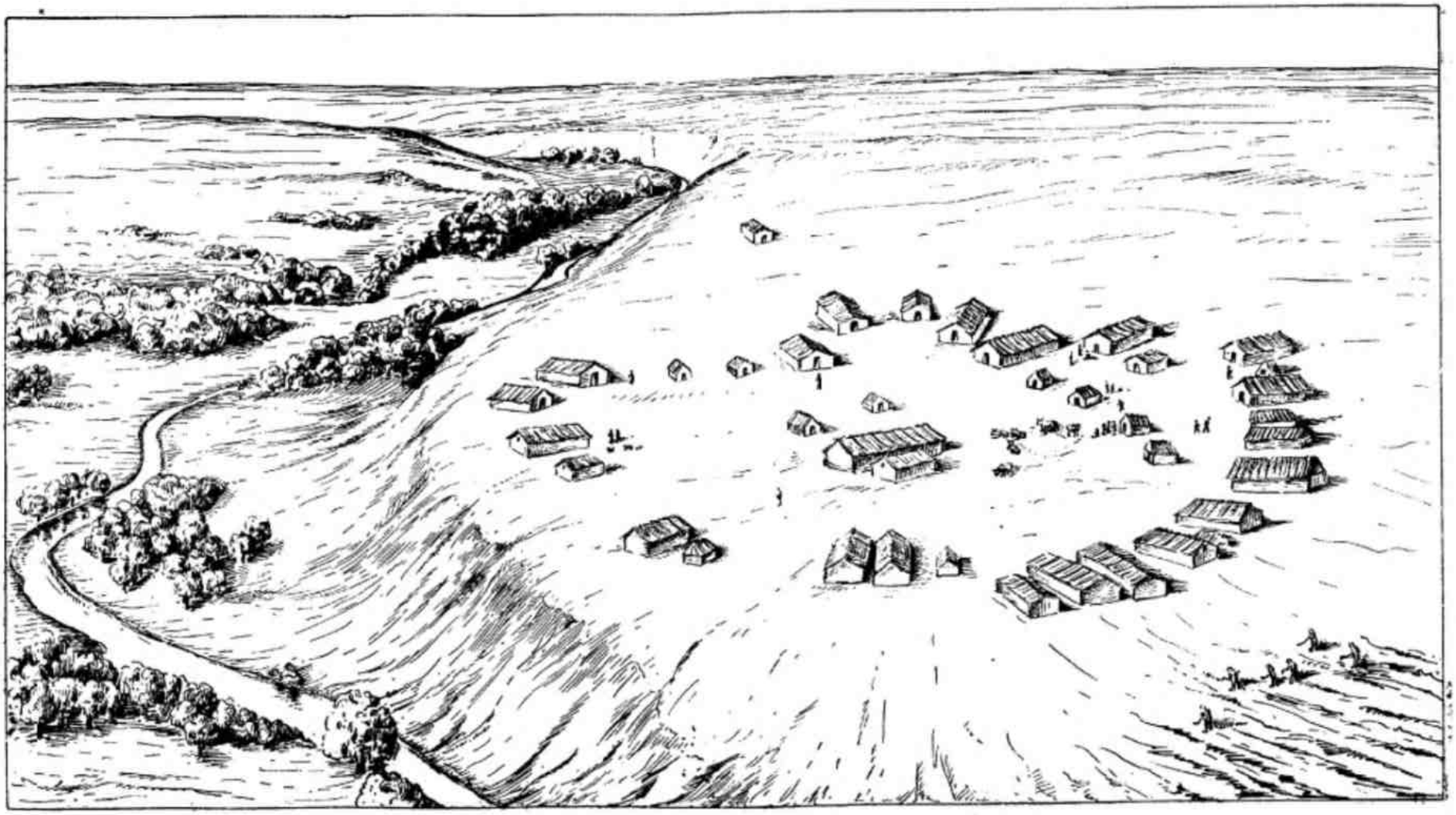

Рис. 71. Коломийщина I. Реконструкция поселения

ложения их, размеры, конструктивные особенности построек, дать характеристику культурного слоя и комплекса находок; впервые ставилось задание раскопать трипольское поселение целиком.

За пять лет (1934—1938) раскопок на этом поселении Коломийщина I Трипольской экспедицией вскрыто свыше 13 000 м². [89] Границы поселения были установлены не сразу: постепенно шло прослеживание расположения площадок. Установлен диаметр поселения с севера на юг — 170 м, с востока на запад — 160 м. С западной стороны наблюдается заметный скат возвышенности к протекающему ручью Криничке, с северной и южной сторон подходит едва заметная, сильно оползшая балка, с восточной — возвышенность переходит в ровное плато.

К концу 1938 г. на поселении открыто Трипольской экспедицией 39 жилищ, расположенных по двум концентрическим кругам. Внутренний состоит из 8 площадок, главным образом малых размеров (кроме площадок № 1, 2; 1934 г.); диаметр внутреннего круга равняется 50—60 м; внешний диаметр 170 м состоит из 30 площадок разных размеров (рис. 70 и 71). Несколько в стороне по направлению к северу, приблизительно в 40 м от площадки № 27, в 1938 г. было открыто жилище № 37, выходящее из системы внешнего круга и располагающееся несколько в стороне.

Учитывая, что с северной стороны поселения в древности был глубокий овраг, надо считать, что жилище № 37 принадлежало, видимо, к этому же поселку, хотя и выступало несколько из системы круга. В связи с местоположением жилища № 37 возникло предположение о существовании здесь третьего круга построек.

Постепенное вскрытие в процессе раскопок значительными участками территории поселения показало, что остатки сплошных наслоений глиняной обмазки, так называемых «трипольских площадок», залегают в современном черноземном слое почвы на глубине 0.5—1 м. Эти наблюдения идут в разрез с ранее высказанным мнением некоторых исследователей о залегании трипольских площадок непосредственно на лёссе. Лёсс обнаружен на поселении гораздо ниже, на глубине до 2 м.

Выделилось несколько типов обмазки, отличных друг от друга. Каждый раз раскопки выясняли границы сплошного залегания глиняной обмазки — границы основ стен, пола, т. е. границы постройки. Вскрытие памятника велось в пределах бо́льших, чем пространство, занятое площадкой. В приводимой таблице даны размеры площадок, причем следует отметить несколько основных, повторяющихся размеров.

Малые площадки (жилища) представляют собой остатки сплошных наслоений глиняной обмазки (№ 5, 7, 12, 14, 28) обычно небольшой мощности (до 0.2 м). Площадь их колеблется в пределах 12—30 м². Раскопанные жилища (№ 5, 12, 14, 28) оказались прямоугольными в плане постройками, с одной печью небольших размеров. Сохранились незначительные остатки обмазки стен — желтоватой, слабо обожженной, с растительной примесью и с отпечатками прутьев, располагавшихся у краев; небольшие груды не очень сильно обожженной лиловато-красной обмазки с отпечатками дерева от печи; интересно отметить, что в такого типа малых жилищах мы чаще всего находим лишь один ряд плиток пола, состоящий из намазанного и обожженного на месте слоя глины, или же из плиток пола, уложенных лишь в один ряд на так называемую вальковую основу. Основа состоит из слабо обожженной, с растительной примесью обмазки. В жилищах малого размера не было замечено остатков перегородок внутри постройки, а также возвышения вблизи печи.

Сами печи небольших размеров — до 60 см в диаметре у оснований.

В малых жилищах обнаруживаются до 10—15 сосудов, каменные зернотерки в единичных экземплярах, костяные и каменные орудия, кости животных, ракушки, но все в значительно меньшем количестве, чем в больших постройках.

Особый интерес вызывает площадка малых размеров — № 7, открытая на поселении по соседству с большим жилищем № 6. Эта площадка лишь с одним рядом глиняной обмазки обожженного на месте пола не имела печи (пока единичный пример на поселении). В этой постройке, занимающей площадь 24 м² (8×3 м), обнаружено свыше 20 сосудов, лежащих непосредственно на плитках пола. Эту постройку, не жилого характера, следует считать складочным помещением, где хранились продукты, на что указывают большое число сосудов, отсутствие печи и близость в расположении к большому жилищу № 6.

В 1938 г. в процессе изучения пространства между отдельными раскопанными ранее площадками, а также в центре поселения были открыты новые постройки малых размеров с незначительной мощностью наслоениями глинобитных остатков плитчатого пола, обмазки печи, фрагментами сосудов, камнями зернотерок, скоплениями костей животных. По внешнему кругу на поселении таких жилищ изучено четыре (№ 28, 34, 38, 39), по внутреннему — пять (№ 29, 30, 33, 35, 36).

[89] Раскопками 1934 г. открыто 2 жилища (№ 1 и 2); 1935 г.— 3 жилища (№ 3, 4, 5); 1936 г.— 6 жилищ (№ 6—11); 1937 г.— 13 жилищ (№ 12—23 и 26). В 1938 г. раскопано экспедицией 12 жилищ, из них 7 (№ 24, 25, 27, 28, 34, 38, 39), расположенных по внешнему кругу, и 5 жилищ (№ 29, 30, 33, 35, 36) — по внутреннему. Кроме того, были открыты, но не раскапывались здесь новые жилища № 31, 32, 37.

Жилища поселения в уроч. Коломийщина I [1]

(раскопки 1934—1938 гг.)

Размеры жилищ	Площадь ($м^2$)	Длина (м)	Ширина (м)	Ориентировка жилищ	Число печей	Ориентировка входов	№ жилища	Расстояния между жилищами (м)	Год раскопок
Малые	8.00	4.0	2.0	С СВ на ЮЗ	1	—	26	До № 3—30.0	1937
»	12.00	4.0	3.0	» СЗ на ЮВ	1	—	12	До № 11—6.0 » № 13—15.0	1937
»	23.92	4.9	4.8	» востока на запад	1	—	5	До № 4—14.0 » № 17—21.0	1935
»	24.00	8.0	3.0	» СВ на ЮЗ	Нет	—	7	До № 6—3.0 » № 27—16.0	1936
»	24.60	6.0	4.0	» ЮВ на СЗ	1	На СЗ	28	—	1938
»	28.00	7.0	4.0	» востока на запад	1	—	14	До № 13—8.0 » № 15—24.0	1937
Средние	43.20	9.6	4.5	» севера на юг	3	На юг	9	До № 10—14.0 » № 8—30.0	1936
»	51.70	11.0	4.7	» востока на запад	4	» восток	13	До № 12—15.0 » № 14—8.0	1937
»	60.00	12.0	5.0	» севера на юг	2	» юг	10	До № 9—14.0 » № 11—21.0	1936
»	70.00	14.0	5.0	» СВ на ЮЗ	2	—	15	До № 14—24.0 » № 16—32.0	1937
»	70.00	14.0	5.0	» СЗ на ЮВ	2	На СЗ	18	До № 17—12.0 » № 19—5.2	1937
»	75.00	15.0	5.0	» юга на север	3	—	25	До № 24— 6.0 » № 16 32.0	1938
»	79.75	14.5	5.5	» СЗ на ЮВ	—	На север	2	До № 1—5.0	1934
»	82.50	15.0	5.0	» востока на запад	4	» запад	4	До № 3—6.0 » № 5—14.0	1935
»	84.00	14.0	6.0	» СЗ на ЮВ	2	» ЮЗ	8	До № 6—35.0 » № 9—30.0	1936
»	84.00	14.0	6.0	» севера на юг	3	—	21	До № 20—19.0 » № 22—10.5	1937
»	90.00	15.0	6.0	» СЗ на ЮВ	2	На СЗ	19	До № 18—5.2 » № 20—5.6	1937
»	91.80	15.3	6.0	» СВ на ЮЗ	2	—	16	До № 15—3.2 » № 25—32 0	1937
Большие	105.95	16.3	6.5	» севера на юг	4	На север	22	До № 21—10.5 » № 23—14.0	1937
»	113.00	22.6	5.0	» СЗ на ЮВ	3	» ЮВ	1	До № 2—5.0	1934
»	119.00	17.0	7.0	» СЗ на ЮВ	2	» ЮВ	11	До № 10—21.0 » № 12—6.0	1936
»	120.00	20.0	6.0	» СВ на ЮЗ	4	» ЮЗ	6	До № 3—8.0 » № 7—3.0	1936
»	126.00	21.0	6.0	» востока на запад	3	—	3	До № 4—6.0 » № 6—8.0	1935
»	126.00	18.0	7.0	» юга на север	4	—	24	До № 23—7.5 » № 25—6.0	1938
»	128.00	16.0	8.0	» СВ на ЮЗ	3	—	27	До № 7—16.0 » № 8—20.0	1938
»	135.00	18.0	7.5	» СВ на ЮЗ	5	На СВ	23	До № 22—14.0 » № 24— 7.5	1937
»	136.00	17.0	8.5	» СЗ на ЮВ	5	—	17	До № 5—21.0 » № 18—12.0	1937
»	136.50	19.5	7.0	» СЗ на ЮВ	5	—	20	До № 19—15.6 » № 21—19.0	1937

[1] Сводная таблица из I тома «Трипільська культура», Київ, 1941. Материалы из раскопок жилищ № 29, 30, 33, 34, 35, 36, 38 и 39 еще не обработаны.

Если в ряде описанных выше малых площадок пространство, занятое остатками глиняных наслоений, не превышает 30 м², то во вновь открытых площадках эти наслоения еще меньше по своим размерам (иногда 1 × 1 м) и состоят из 2—6 слоев намазанного обожженного на месте пола. По характеру эти наслоения тождественны нижнему полу в больших и средних площадках. На нем (и в значительной степени около него) заметно всегда сильное скопление костей животных, фрагментов сосудов, каменных зернотерок, кремневых орудий, ошлакованной обмазки печи. Следует предполагать, что в этих малых жилищах существовал не только глиняный пол, но часть пола была и земляной. Таким образом, в этих малых жилищах, обнаруженных в 1938 г., границы площадки (часто 2 м²) не совпадают с границами жилища в целом, которые могли быть прослежены в черноземе на основании

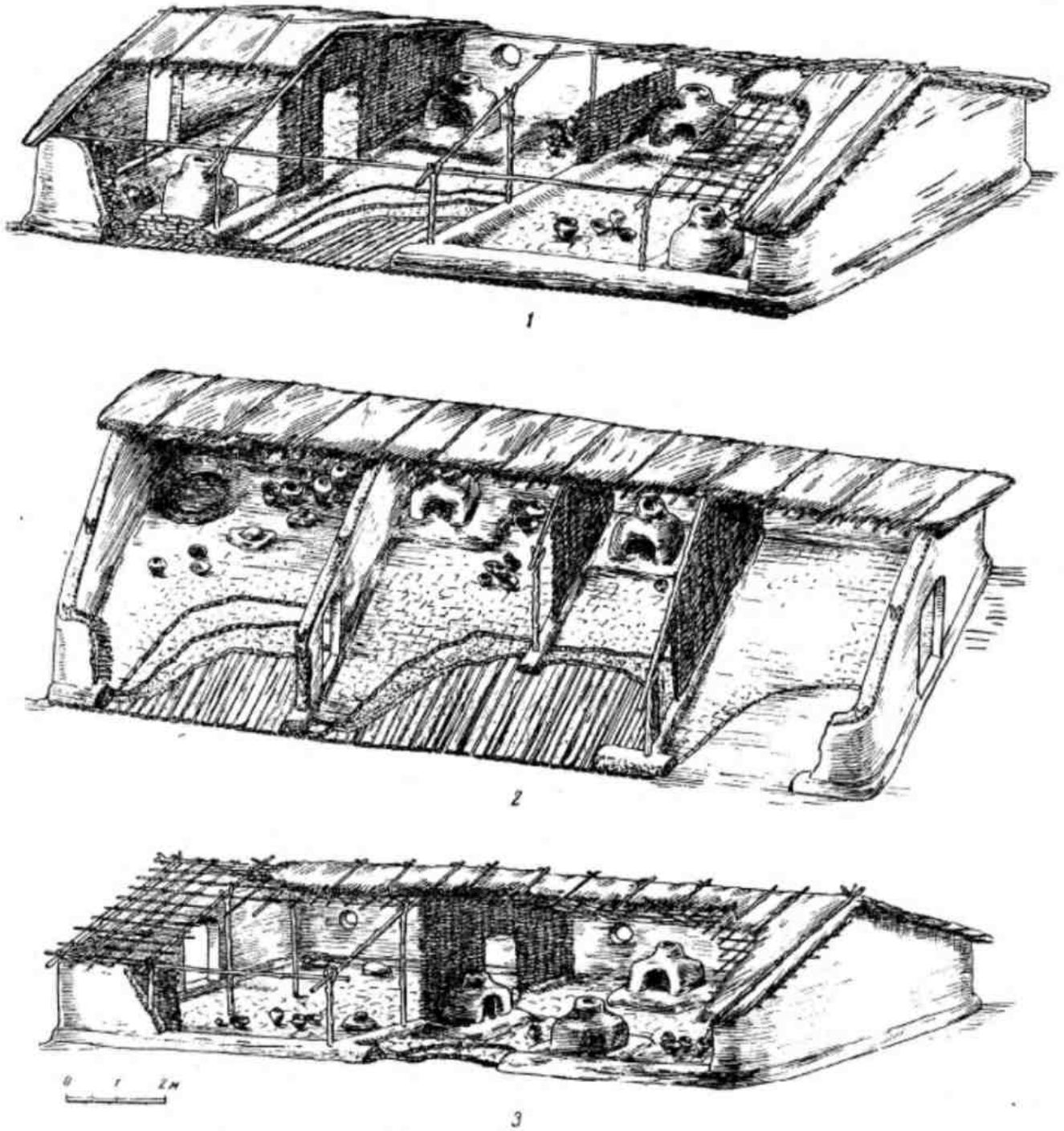
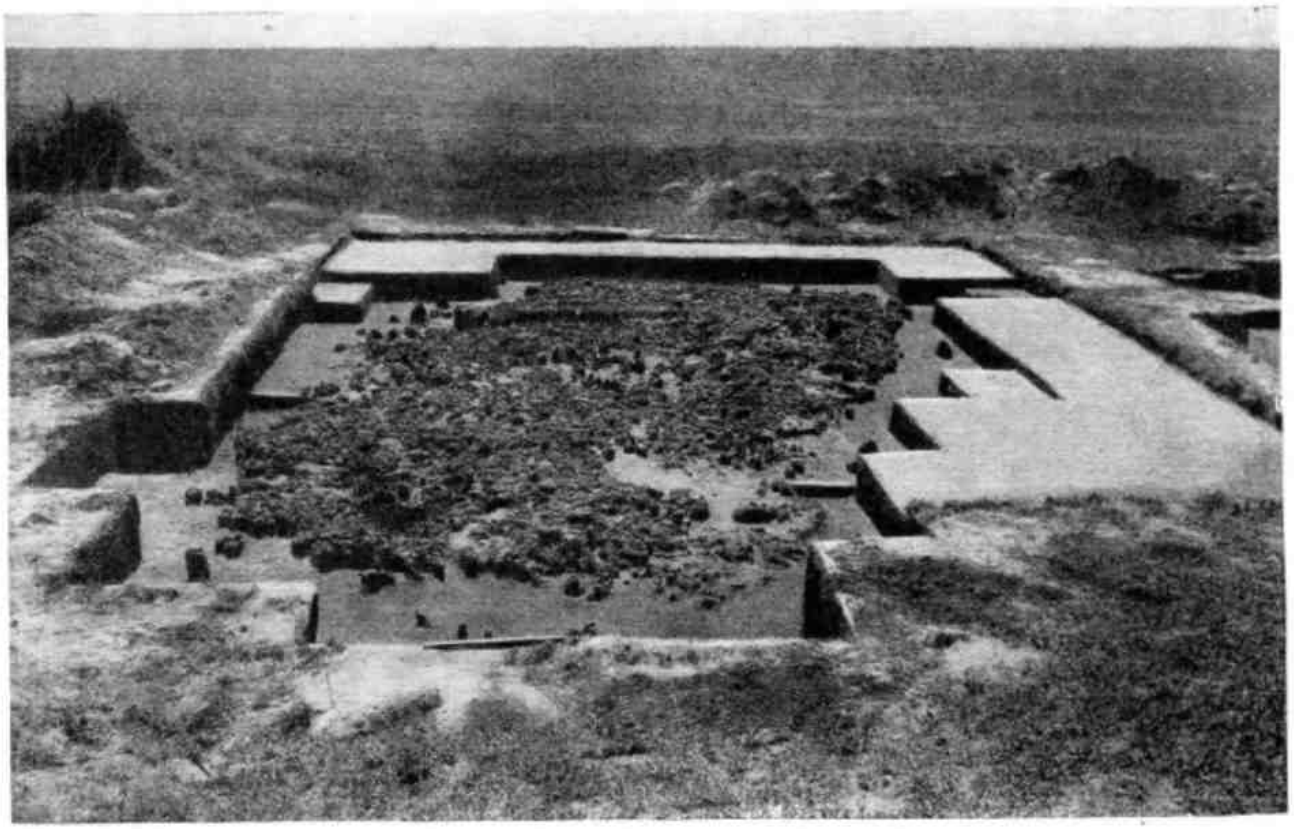
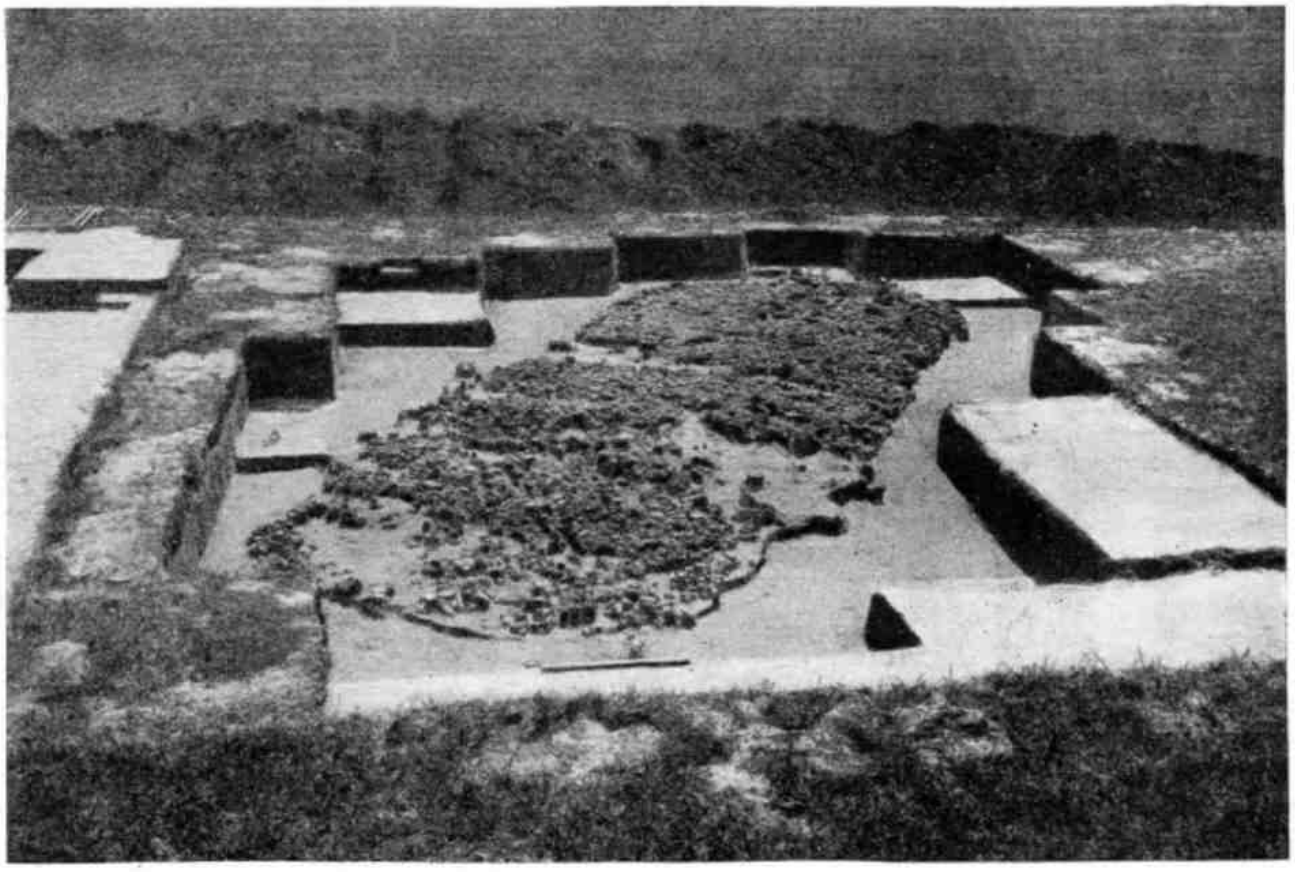

Рис. 72. Коломийщина I. Реконструкция жилищ № 24 (*1*), № 11 (*2*), № 2 (*3*)

1

2

Рис. 73. Коломийщина 1. Общий вид раскопок жилищ № 24 (*1*) и № 25 (*2*)

наибольшего скопления в культурном слое около такой площадки. Пространство такого интенсивного скопления вокруг специальной глиняной площадки равняется 8—10 м². Отдельные участки земляного пола прослеживаются и в жилищах больших и средних, но в них по краям устанавливаются основы стен постройки и тем самым выясняются границы площадки, совпадающие с границами жилищ в целом.

Большинство жилищ (№ 2, 4, 8, 9, 10, 13, 15, 16, 18, 19, 21, 25) на Коломийщине средних размеров. Эти прямоугольные постройки, площадь которых колеблется от 50 до 92 м², бывают обычно с двумя печами, реже — с тремя или четырьмя; в том случае, когда обнаруживаются три печи, две из них оказываются небольших размеров, а большая — сложнее по конструкции. Остатки средних жилищ, в противоположность описанным выше малым, состоят из довольно мощных наслоений разного типа глиняной обмазки до 30—40 см толщиной. Со всей определенностью отмечается несколько наслоений глиняного пола, лежащих непосредственно один над другим. Ниже всего залегает основа вальковой обмазки, в некоторых случаях на деревянных плахах, или же вальковый и деревянный настил перекрывает нижний пол, обожженный на месте. Выше настила укладываются в один или несколько рядов отдельно обожженные плитки верхнего пола. На месте большой печи, которая бывает значительных размеров (в основе 2×1.70 м; 2.4×2 м), делается особое возвышение из вальков и плиток пода, составляющих основу для стен и печи.

Около печи наблюдается околопечное возвышение, своего рода лежанка (№ 4, 11 и др.). В жилищах средних размеров, так же как и в больших, открыты поперечные перегородки, разделявшие помещение на несколько частей — входную, обращенную к центру поселения, и хозяйственную с двумя-тремя печами, часто также разделенными поперечными перегородками на несколько ячеек. В жилищах средних размеров встречается большое число сосудов (до 30), 4—5 зернотерок, орудия из кости и рога, глиняные статуэтки. Основной хозяйственный инвентарь обнаруживается в центральной части жилища, близ печей и у противоположной стены (рис. 72).

Большие жилища (№ 1, 3, 6, 11, 17, 20, 22 и 23, 24, 27) наиболее интересны и сложны по конструкции. Площадь их колеблется от 105 до 137 м². В такой большой постройке мы находим четыре, реже две печи. Сплошное наслоение остатков обмазки такого жилища доходит до 0.5 м, а в некоторых частях постройки (печи) свыше 0.8 м. Пол в несколько рядов плиток, причем в центральной части такими же плитками выкладываются части (№ 20), прилегающие к печи, и основания стен и свода печи, как бы облицовывая его (№ 11 и 20; рис. 73).

Нижний пол в таком большом жилище занимает обычно не все пространство дома, а лишь часть его. Он представляет собой слабо обожженный слой глины, непосредственно лежащий на земле и обожженный на месте. Выше его располагаются толстые плитки верхнего пола в один или в два ряда, обожженные отдельно и затем уложенные на глинистом растворе; иногда между нижним полом и верхним укладывается ряд вальковой обмазки на деревянном настиле. Часто заметны и в средних, и в больших жилищах различные исправления, подмазки, которым подвергались жилища во время их существования; иногда можно уловить и черты расширения их. В таких больших жилищах печи (до четырех) бывают сложны по конструкции и значительны по размерам.

Не останавливаясь здесь подробно на конструкции печей (что сделано в другом месте), следует указать, что в многоочажном большом трипольском доме печи малых и больших размеров различны по своей конструкции (рис. 74). Характеристика печей детально дается в описании каждой площадки. В жилищах № 8 и 11 наблюдалась окраска красной охристой краской наружной части свода печи. Таким образом, внутри трипольского дома отдельные части жилища украшались. Детали не только окраски, но и орнаментировки стен и свода печи были открыты нами в одном из жилищ во Владимировке.

В больших жилищах отчетливо наблюдается часть входа («сени»), обычно однослойная, состоящая из одного ряда плиток пола, с редкими находками орудий труда и сосудов. Такая входная часть обычно занимает $^1/_4$ жилища и отделена перегородкой от центральной, хозяйственной части. На месте входа в жилище № 10 открыт невысокий порог.

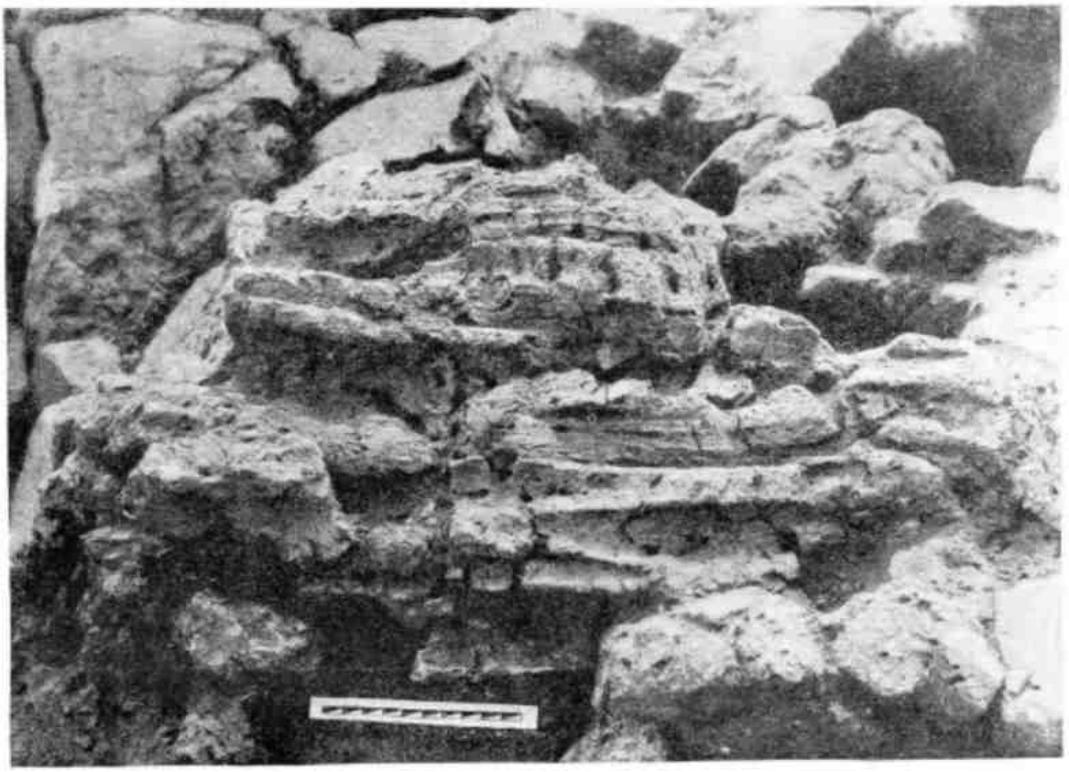
Бытовой инвентарь в больших жилищах значительно богаче, чем в средних и малых, причем основная масса его находится в центральной части — «печной» и «амбарной» (площадки № 2, 11 и др.); на плитах верхнего пола, близ печей, часто под грудой рухнувшего свода печи, на околопечном возвышении находятся зернотерки и сосуды.

Кроме богатого вещевого инвентаря, раскопки на поселении дали большое количество находок костей животных. При расчистке площадок каждый раз наблюдалось, что основная масса костей обнаруживается за границами жилищ, по его сторонам и на пространстве между площадками, залегая на том же уровне или несколько ниже, в слое современной черноземной почвы, что и глиняная обмазка жилищ.

На поселении, за пределами его северной и западной частей (около жилищ № 6, 8 и 11), открыты кучи со всевозможными кухонными остатками — кости домашних и диких живот-

1

2

Рис. 74. Коломийщина I. Глиняная обмазка пода (*1*) и свода печи (*2*) в жилище № 10

ных, створки раковин, в большом количестве щиты от черепах, фрагменты керамики, куски обмазки, обломки орудий, кости и чешуя рыб.

Анализ этого материала проведен И. Г. Пидопличкой. В основном из видов домашних животных найдены кости: быка, домашней свиньи, овцы или козы, лошади; из диких — оленя, лося, козули, бобра, а также черепахи, рыб (щука, сом) и створки раковин *Unio*.

Не малый интерес представляют раскопки 1937 и 1938 гг., проведенные в центре поселения, где было открыто пять площадок малых размеров, составивших вместе с площадками № 1, 2 и 26 второй внутренний круг жилищ. Характерно, что внутренний круг состоял преимущественно из шести жилищ малых размеров (кроме площадок № 1 и 2). Изучение их дает возможность с большой уверенностью говорить о постоянном росте и расширении трипольского дома, в связи с той многослойностью глинобитных остатков, которая наблюдается в больших и средних площадках и которая отсутствует в малых.

Различные размеры жилищ на поселении, наслоения нескольких рядов глиняного пола, многочисленные возвышения и перегородки внутри трипольской постройки — дают возможность, в связи с анализом малых площадок, решить вопрос о расширении и росте большого дома, а также об имевших место неоднократных переделках и подправках в постройке.

Постоянное нахождение в больших и средних жилищах под деревянным и глиняным настилом наслоений нижнего пола, занимающего лишь небольшую часть (от $^1/_6$ до $^1/_3$) всей постройки и перекрытого затем новой основой и верхними плитами пола (а в местах печей — сооружение специального «пода» и околопечного возвышения), и включение, таким образом, этого нижнего пола в состав «фундамента» новой постройки показывают тот путь, по которому шло разрастание трипольского жилища. Подтверждением этому последнему положению явилось открытие малых жилищ, главным образом в центре поселения, в которых глиняный пол занимал лишь некоторую небольшую часть (вероятно, место около печи), тогда как остальное пространство занимал земляной пол. Нижний пол в больших и средних площадках тождествен наслоениям в жилищах малых, и когда-то, до перестройки жилища, он функционировал как пол постройки.

Проводя раскопки, Трипольская экспедиция неоднократно ставила вопрос о том, каково же было покрытие такого большого по площади дома. В 1938 г. в раскопанной прямоугольной в плане площадке № 24 (длина 18 м, ширина 7 м), в которой обнаружены хорошо сохранившиеся остатки четырех печей и трех поперечных перегородок, разделявших хозяйственную часть в доме на несколько ячеек (основа постройки из деревянного настила с наложенными поверх вальками из обожженной глины, обмазка плитчатого пола и печей), особого внимания заслуживают впервые открытые внутри постройки остатки обугленных деревянных (дуб) столбов (нижних частей), служивших опорой двухскатной крыши. Таких столбов в жилище № 24 обнаружено пять (из шести). Удалось проследить, что они размещались попарно (три пары) в доме, в местах внутренних поперечных перегородок (отступая от краев площадки), деливших постройку на ряд хозяйственных ячеек, соответственно имевшимся в доме печам. Открытие этих столбов дает возможность полностью реконструировать трипольское жилище. В площадке № 25 также были открыты внутри постройки остатки обугленных четырех столбов (нижних частей), расположенных в месте перегородок, попарно в полной симметрии, служивших опорой двухскатной крыше.

Раскопки в одном и том же пункте на Коломийщине I сосредоточили в наших руках находки, составляющие единый комплекс одного поселения. Следует отметить, что материалы Коломийщины показывают однообразие комплекса каждого жилища, а залегание культурных остатков подчеркивает одновременность или, вернее, принадлежность к одному этапу всех открытых до настоящего времени площадок на поселении в целом.

Наибольшее число находок составляют глиняные сосуды различного назначения. Число сосудов, найденных в отдельных жилищах, колеблется в пределах 10—15 в малых, 20—30— в средних, 35—50 в больших.

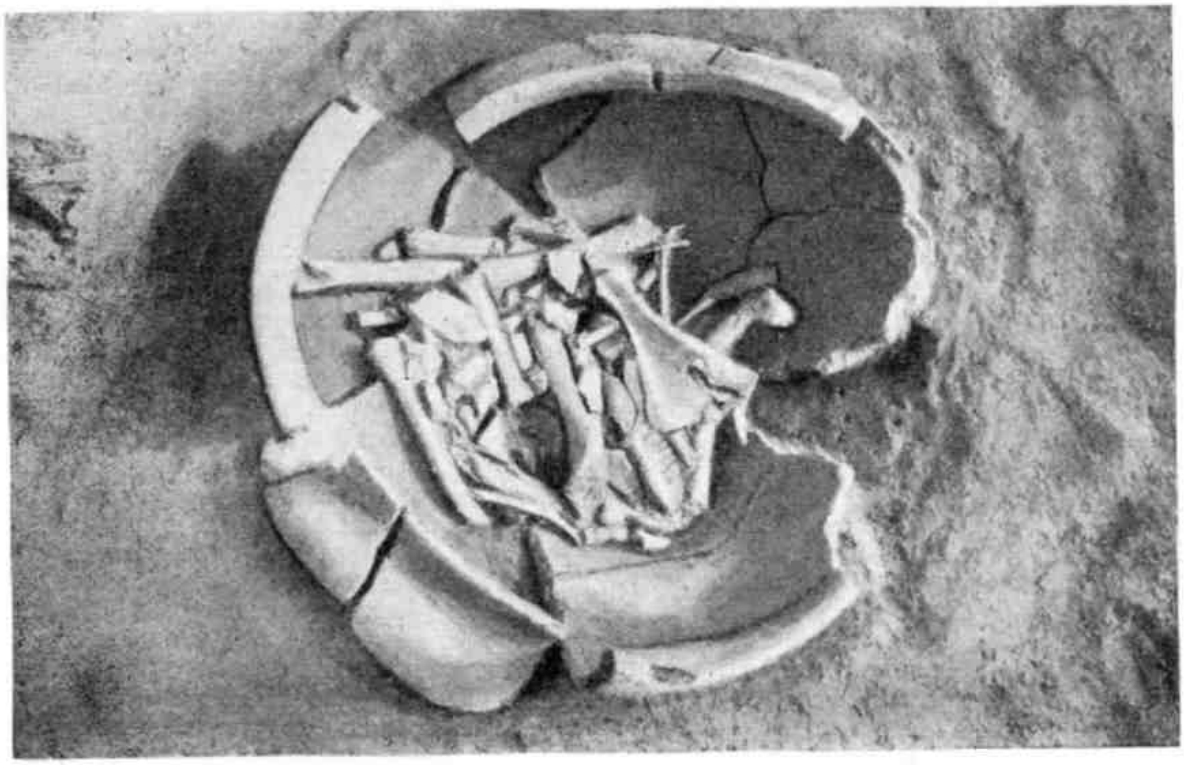
Вопреки установившемуся мнению о преобладании в Триполье расписной керамики, для исследованного поселения этапа C/I (брался абсолютно весь материал) статистика показывает, что преимущественное количество сосудов не расписных и не орнаментированных. Так, в жилище № 2 из 37 сосудов оказалось только 11 с росписью; № 3—15 из 52; № 4—7 из 42; № 11 — 6 из 34; № 19 — 8 из 35.

Расписанные сосуды составляют 17—22% по отношению ко всей массе керамических находок, т. е. не больше $^1/_5$ всего количества сосудов (а не фрагментов).

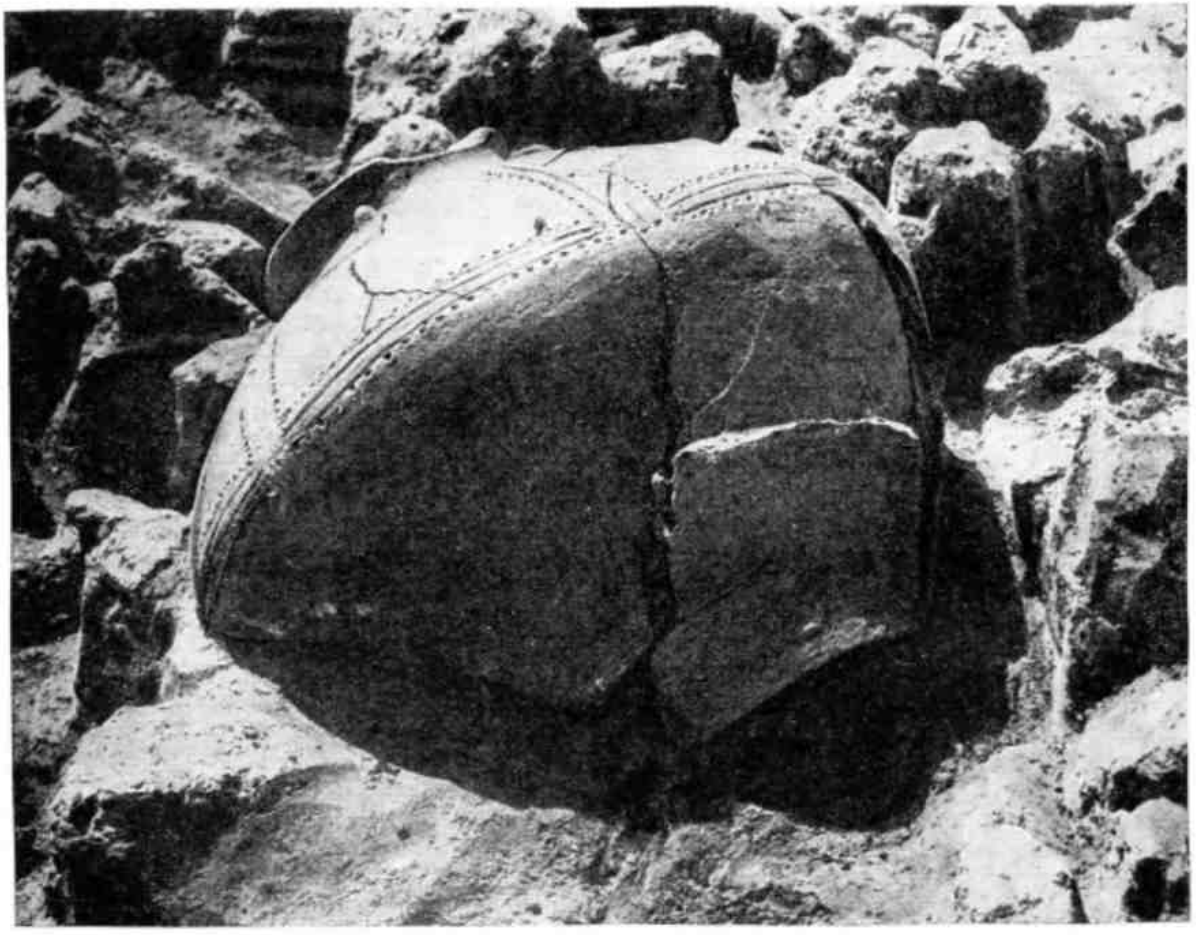
Первая группа. Преобладающее большинство составляет керамика с углубленным орнаментом. Масса — от красных до черных оттенков; глина с заметной примесью мелкозернистого песка; обжиг окислительный, часто неравномерный на одном и том же сосуде. Наружная поверхность — цвета массы, различная по оттенкам (в зависимости от степени обжига), шероховатая, с заметными следами от лепки и заглаживания. Большинство сосудов толстостенные, больших размеров, реже — малых, с углубленным орнаментом.

По форме должны быть отмечены:

1. Конические чаши — миски с прямыми стенками, толщина которых доходит до 2 см.

1

2

Рис. 75. Коломийщина 1. *1* — сосуд с остатками костей жертвенных животных в жилище № 24; *2* — шаровидный сосуд в жилище № 25

Размер чаш 30—80 см в диаметре. Дно плоское, край слегка отогнут или оттянут наружу парными «козырьками». По 1—2 экземпляра (иногда и больше) таких чаш были находимы чаще всего около печи или у противоположной стены центральной части жилища в каждой из ячеек. На поверхности таких сосудов сохраняются резкие, идущие горизонтально следы от лепки; часто в толще стенок наблюдаются просверленные сквозные отверстия. Расположены они попарно так, что не остается сомнения, что эти отверстия служили для скрепления частей разбитых сосудов. Чаши, почти всегда без росписи и углубленного орнамента, служили, видимо, для размешивания теста при приготовлении хлеба.

2. Двухконусные сосуды очень больших размеров. Высота некоторых (в жилище № 2, 4, 20 и др.) доходит до 50—70 см. Несколько проткнутых ушек-ручек расположено на верхней и на нижней части сосуда. На верхней его части обычно помещается орнамент из вертикальных лент с отходящими от них отрезками, образующими елочку. Между ними часто дугообразно свисают ленты. Несколько наклоненный край горла сосуда обычно обходит полоса с рядом углублений. Эти огромных размеров сосуды были находимы обычно в единичных экземплярах в центральной хозяйственной (амбарной) части жилища, недалеко от зернотерок; следует предполагать, что они служили главным образом для хранения зерна и других припасов. Их слегка наклоненный край горла прекрасно подходит для покрывания крышкой.

Среди интересных находок площадки № 24 следует отметить больших размеров сосуд шаровидной формы с несколькими ручками-ушками на стенках. Горло неширокое, край слегка отогнут. Орнамент углубленный (рис. 75—*2*). Система орнаментации, делящая сосуд на части, резко выделяется среди известных орнаментальных систем Триполья, и сосуд сближается с сосудами более поздними, эпохи бронзы. Ему можно найти аналогии в сосудах шнуровой керамики.

3. К этой же группе керамики относятся и сосуды с широким горлом, сильно отогнутыми краями и высоко расположенными плечиками, условно называемые Штерном «кратерами» (рис. 76 и 77). По самому краю сосуда проходит обычно непрерывный ряд некрупных углублений. На широком краю горла свисают дугообразные отрезки лент, образуя как бы фестоны. Край отделен от плечиков полосой, окаймленной снизу рядом вдавленных углублений. На плечиках располагаются дуговидно-вогнутые отрезки лент, приближающиеся к Г-образным (4—5 вокруг сосуда).

4. Кувшины, видимо, для воды, довольно больших размеров, с невысоким выгнутым горлом, широкими плечиками, соединенными с краем горла ручкой-дужкой.

5. Небольшие тонкостенные сосудики с угловатыми, низко расположенными плечиками, высоким горлом, изредка с двумя ручками.

Вторую группу, количественно преобладающую в жилищах этого поселения, составляет керамика со следами полосчатого сглаживания на наружной поверхности.

Масса — различных оттенков: кирпично-красная, коричневато-красная, реже сероватo-черная, в зависимости от силы обжига. Глина с сильной примесью толченых раковин, часто с примесью крупнозернистого песка; поверхности — цвета массы, покрыты следами полосчатого сглаживания, идущего по стенкам, чаще всего в горизонтальном направлении, по краям же вертикально или под углом, образуя своеобразную отделку поверхности.

Следы полосчатого сглаживания обычно резко заметны, часто глубоко врезаны в глину; при сглаживании поверхности крупные частицы толченых раковин бывают срезанными. Особенно это бывает заметно на нижних частях стен около днищ и на дне сосуда. Полосчатое сглаживание наносится зубчатым штампом, сглаживающим глину при лепке. Такой костяной штамп — зубчатая стека — была найдена в Сабатиновке, а на Коломийщине и в Колодяжном (Гамченко) найдена створка раковины *Unio*, зазубренная по краю.

По форме для данной группы выделяется лишь горшок с широким горлом, высоко расположенными плечиками и плоским дном. По самому краю обычно проходит ряд углублений; у основания края углубления эти бывают или неправильной овальной формы, или луновидные (сделанные краем ракушки), или же щипковые. На некоторых — у основания края располагаются выпуклые налепные бугорки, или же парные налепные валики; реже — небольшие ручки-ушки, соединяющие основание плечиков и край горла. Такие горшки представляют собой посуду прекрасного обжига, из очень крепкой массы (для крепости в массу примешиваются толченые раковины); часто они имеют следы закопченности от пребывания в огне. Они, несомненно, служили для приготовления пищи. Кроме того, эти сосуды часто находили на поду печи, непосредственно под грудой сильно шлакованной обмазки рухнувшего свода (в жилищах № 4, 11, 13 и др.).

Наименьшее количество сосудов в жилище принадлежит к расписной керамике с монохромной черной росписью, характерной для этапа С/I (рис. 78). Масса — от палево-белых до розовато-оранжевых оттенков, плотная; глина с примесью мелкого песка; обжиг окислительный. Сосуды иногда чрезвычайно тонкостенные; наружная (а у чаш и внутренняя) поверхность покрыта слоем жидкой красочной оранжево-красной облицовки, поверх которой наносится роспись густой черной

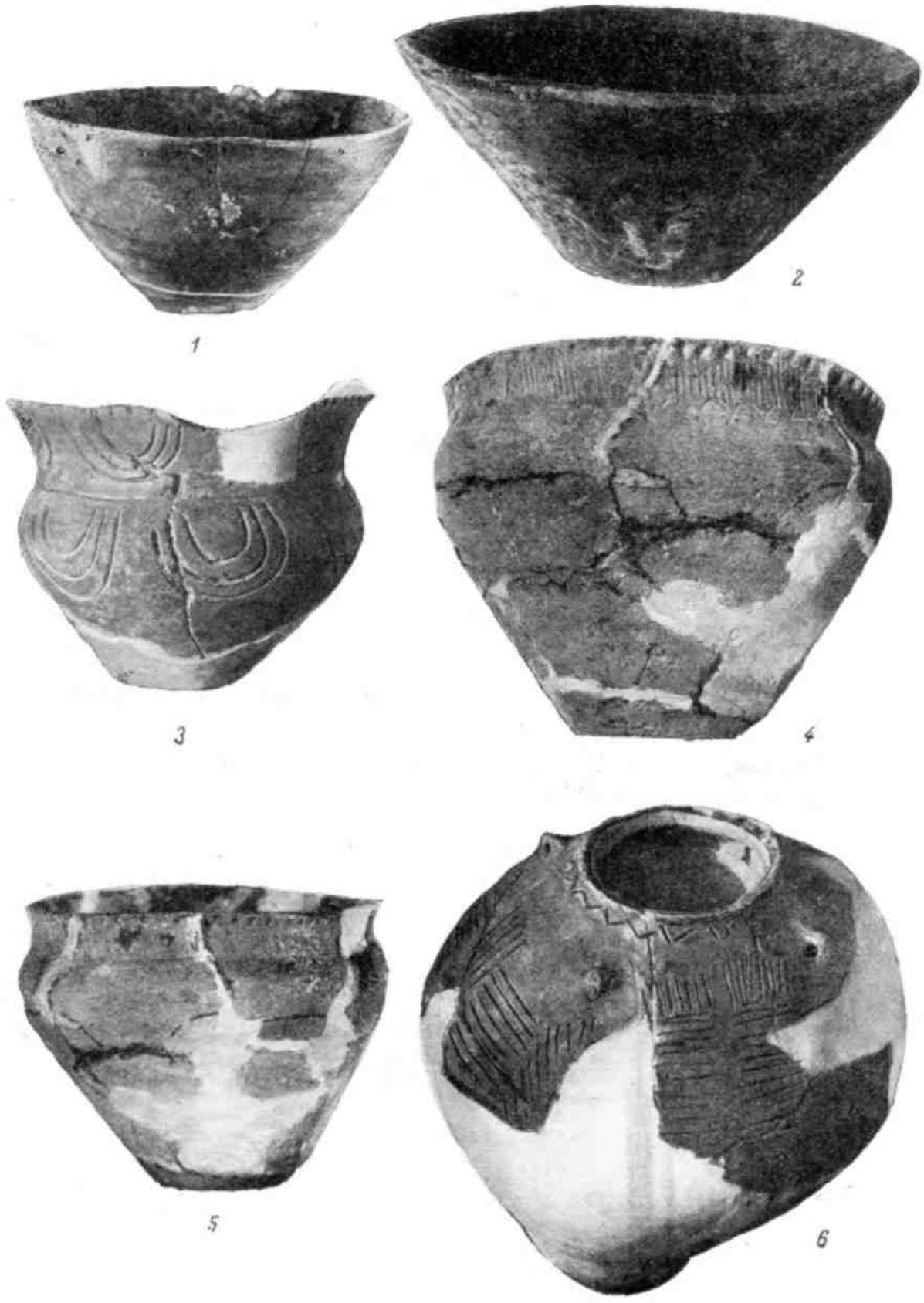

Рис. 76. Коломийщина I: *1, 2* — большие чаши (жилище № 2); *3, 6* — большие сосуды с углубленным орнаментом для хранения припасов (жилище № 20); *4, 5* — кухонная посуда с грубой отделкой поверхности (жилище № 2) (*1—5*—1/3 н. в.; *6*—1/10 н. в.)

краской, в настоящее время сохранившая темнокоричневый оттенок.

По форме могут быть отмечены:

1. Конические чаши с прямыми стенками. На некоторых фрагментах чаш сохранилась на внутренней стороне часть орнамента — отходящие от краев изогнутые ленты (сюжет заходящих друг за друга лент). Ленты суживающейся нижней частью. Роспись сохранилась на верхней части.

5. Двухконусные сосуды с нешироким горлом и слегка отогнутыми краями. Угловатые плечики. Часто на противоположных сторонах стенок — ушки-ручки, проткнутые в толще стенки.

В жилище № 11 в 1936 г. был обнаружен сосуд описанного выше типа. По верхней части

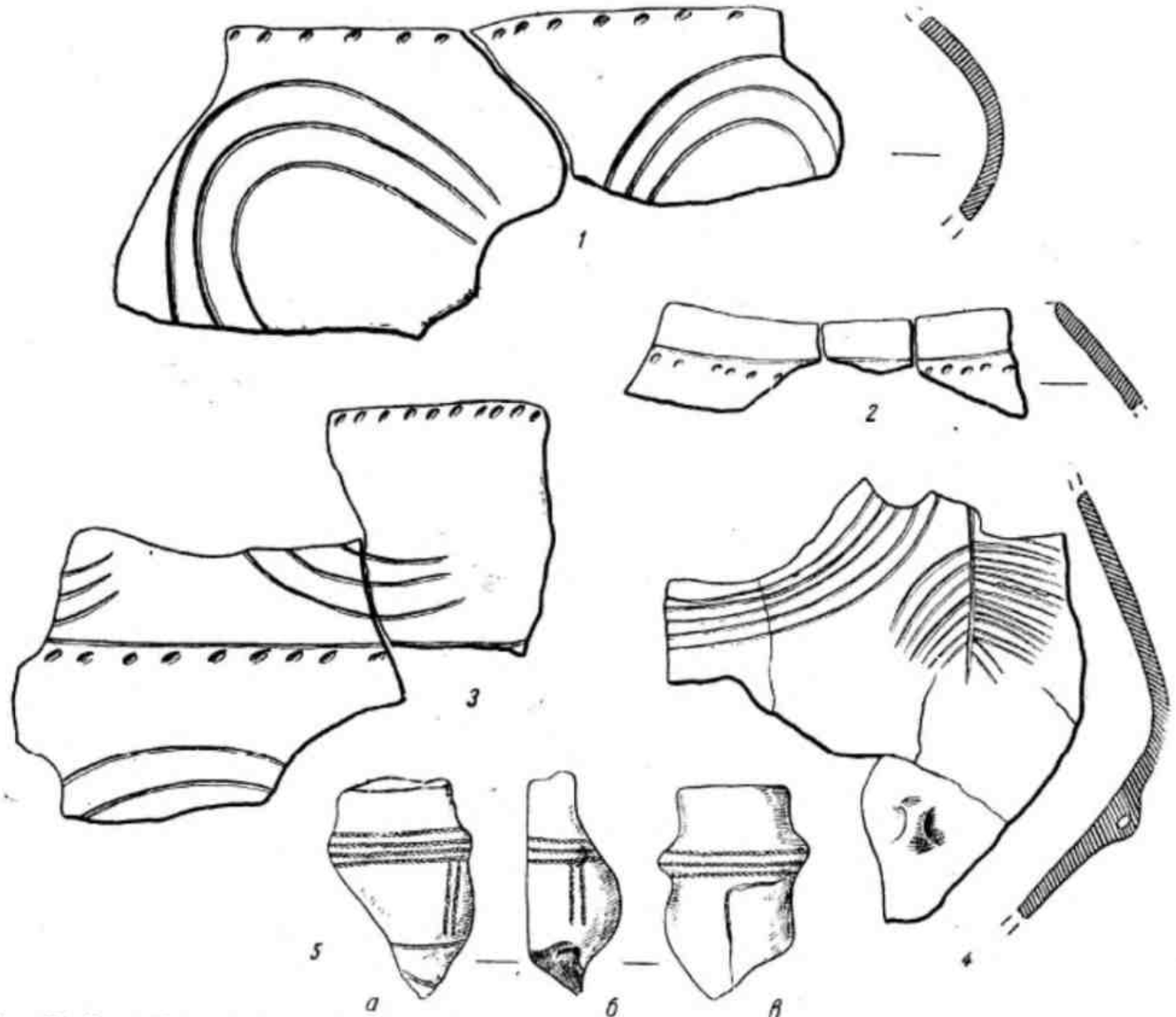

Рис. 77. Коломийщина I. *1—4*—фрагменты сосудов с углубленным орнаментом; *5*—статуэтка из жилища № 4 (1/2 н. в.)

состоят из двух черных полос, пространство между которыми заполнено мелкими частыми полосками, изредка сеточкой.

2. Конические чаши с отогнутыми краями, украшенные группами вертикальных полосок.

3. Конические чаши миниатюрных размеров, на четырех ножках; от росписи сохранились лишь следы.

4. Небольшие сосудики с довольно высоким выгнутым горлом, широкими, низко расположенными угловатыми плечиками и конически

его проходит ряд дуговидно-выгнутых фестонов, нанесенных черной краской; ниже — спиральный сюжет, систему которого установить не удалось. Наиболее интересным является то, что на дне сосуда были найдены комки темнокрасной охристой краски. Возможно, что именно в таких сосудах хранились краски, которыми расписывались сосуды и части жилища (стены, печи и т. п.).

6. Во фрагментах найдены части бинокле-видных сосудов.

Из керамических изделий следует упомянуть еще женские и мужские статуэтки, которые были находимы в каждом жилище, в целом виде и во фрагментах (рис. 79). Встречено еще несколько пряслиц и комки обожженной глины с отпечатками пальцев, являвшиеся для трипольского гончара, вероятно, кусками пробной массы. Эти комки были находимы в Паланках, во Владимировке и др. Часто встречаются в жилищах миниатюрные сосудики (1.5—3 м), вылепленные от руки и повторяющие формы больших.

Среди материалов Коломийщины I известно не мало изделий из кремня, всегда синедымчатого, чрезвычайно однородного по породе (рис. 80).

1. Кремневые ножи, сильно выгнутая пластина обычно отретуширована по острому краю с двух сторон, с заметным блеском на обратной внутренней стороне.

2. Кремневые, округлые по форме скребки небольших размеров, невысокие, а также удлиненные с заостренным концом и прекрасной ретушью по краям (со всех сторон).

3. Кремневые стрелки — большая редкость для Триполья. На описываемом поселении их найдено три (площадки № 19 и 21); все они чрезвычайно выдержаны по форме — треугольные, с выемкой у основания. Одна из них миниатюрная, совершенно плоская, из пластинки с тончайшей ретушью по краям (жилище № 19). Две другие обработаны по всей поверхности довольно крупной и мелкой ретушью (жилище № 21).

Из каменных предметов отмечу любопытную находку — точильный камень из песчаника, служивший для оттачивания костяных острий. С одной стороны он плоский со следами стачивания в виде желобков, с другой — бесформенный (рис. 81—2).

На поселении обнаружено немалое количество орудий из кости — клинья, проколки и части роговых мотыг.

Трипольской экспедицией собраны материалы, представляющие значительный интерес по вопросам древнего земледелия, одной из главных отраслей хозяйства изучаемых поселений. Среди остатков глиняной, слабо обожженной обмазки, представляющей в большинстве нижние части основы стен или так называемую вальковую подмазку — основу пола, встречается сорт обмазки с наличием в ней отпечатков растительной примеси в виде мелких частей колосьев хлебных злаков и зерен. Специальное палеоботаническое исследование растительных отпечатков (Институт ботаники АН УССР) из раскопок на Коломийщине, а также старых образцов из раскопок в Колодистом, Крутобородинцах и Сушковке обнаружило наличие выгоревшего

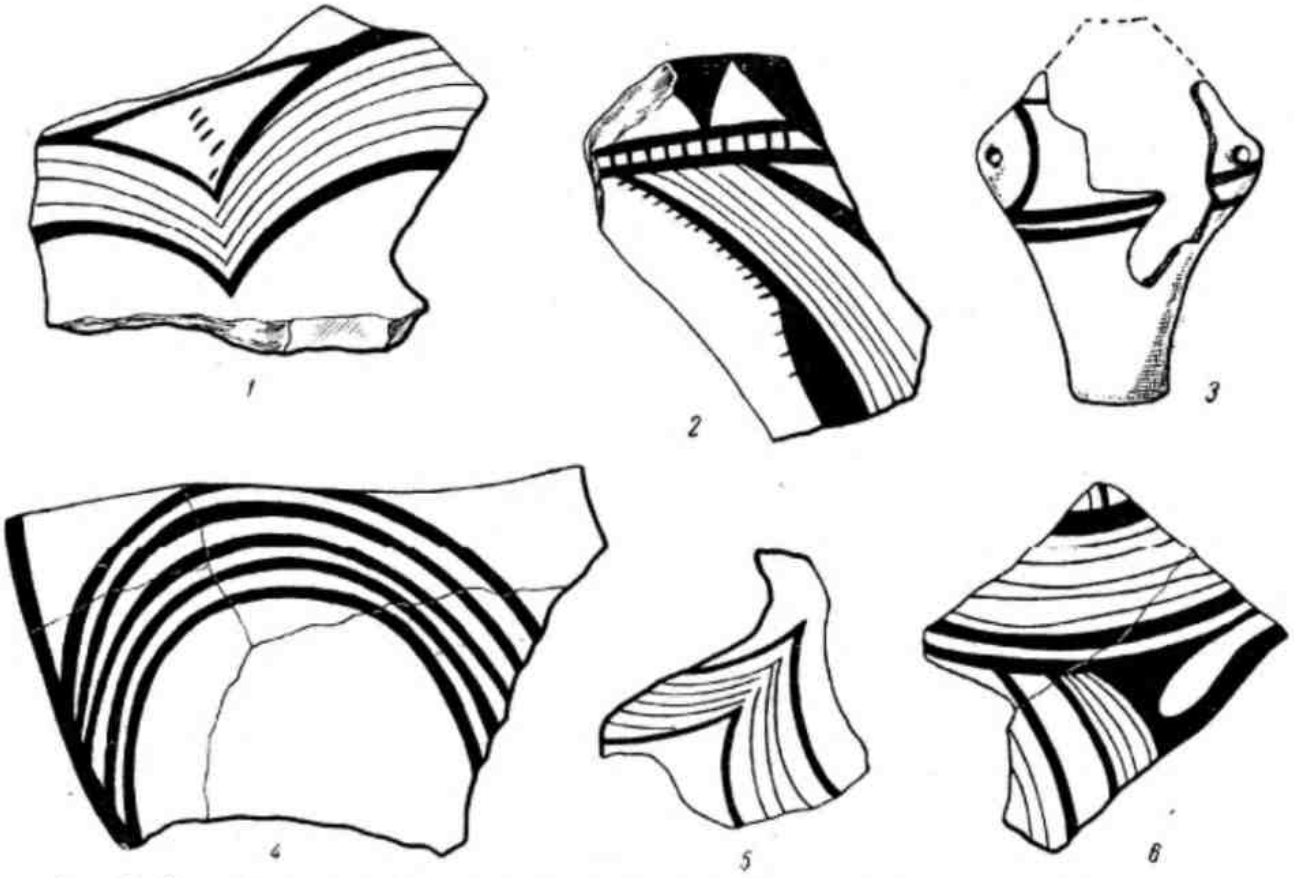

Рис. 78. Коломийщина I. *1—6*— фрагменты сосудов с черной росписью из жилища № 11 (1/2 н. в.)

зерна, мякины, пшеницы, ячменя; возможно — отпечатки зерен и шелухи проса. Таким образом, в результате этого анализа проверены старые определения культурных растений и подтверждено, что древние обитатели изучаемого поселения возделывали пшеницу, ячмень и, возможно, просо.

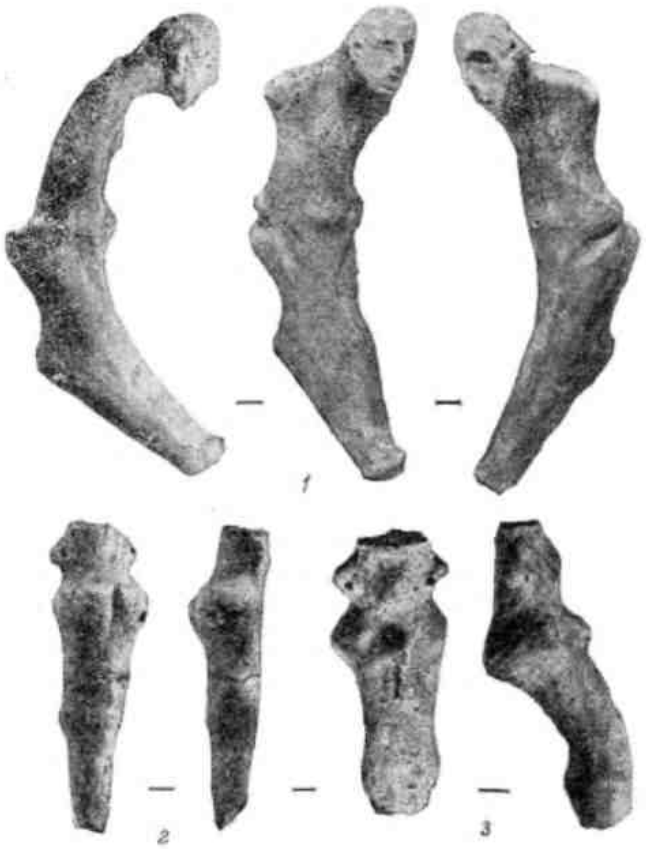

Рис. 79. Коломийщина I. *1*— женская статуэтка из жилища № 3; *2*— фрагмент статуэтки из жилища № 3; *3*— фрагмент мужской статуэтки из жилища № 6 (*1—3*—2/5 н. в.)

Из земледельческих орудий встречены обычные мотыги из рога лося или оленя, с наискось заостренным рабочим концом и несколько вкось к нему просверленным отверстием для прикрепления палок.

Среди находок имеются односторонне выпуклые клинья из мягких пород (сланца), которые служили вставными или привязанными наконечниками для мотыг.

В 1938 г. в жилище № 25 найдена большая каменная (гнейсовая) мотыга прекрасной сохранности (рис. 81), для размола зерна — большое число каменных зернотерок из гранита, гнейса, песчаника. Состоят они из двух частей — нижней широкой плиты, с верхней выглаженной, часто вогнутой рабочей стороной, и верхнего небольшого растирального камня шаровидной формы, с одной или несколькими рабочими плоскостями.

Особое место среди находок на Коломийщине представляют отпечатки в обмазке до 60 шт. в виде овальных пустот, около 1.1—1.6 мм в поперечнике (площадка № 2). При внимательном рассмотрении можно заметить внутри отпечатков следы основания плода какого-то растения. Специальным исследованием Института ботаники АН СССР в Ленинграде установлено, что это отпечатки желудей дуба (*Quercus* sp.). Наличие дуба в эпоху Триполья подтверждается также находкой дубовых углей в развалинах той же печи № 2 (площадка № 2). Жолуди употреблялись при изготовлении хлеба — их растирали и примешивали к муке; ими же могли кормить свиней, кости которых в большом количестве известны среди остатков фауны Триполья.

Наряду с изучением фауны, И. Г. Пидопличка вел исследование, посвященное вопросам развития современного Триполью ландшафта плато.[90] На основании наблюдений, сделанных им за годы работ экспедиции, он пришел к заключению, что Трипольское плато в ранне-послеледниковое время, когда происходила аккумуляция лёсса, сопровождающаяся периодическими затоплениями местности водой, было крайне неблагоприятно для жизни людей. Поэтому он считает, что трипольские памятники являются наиболее ранними (после палеолита) для данной местности, связанными с ее современной поверхностью. Он устанавливает поймообразный характер поверхности Трипольского плато. В доказательство он приводит свои наблюдения над кротовинным горизонтом подпочвы, а также свои определения встреченных здесь животных, которые все, по его мнению, «так или иначе связаны с водой»: черепахи, водяная крыса, бобер, а также речные перловицы (*Unio*); с болотными лесами, по его мнению, связаны лось, отчасти козуля и олень; с влажными лугами — суслик и хомяк.

Пидопличка отмечает дальше наличие в этой местности дуба и считает, что он мог расти в поймообразной лугово-степной местности.

Все эти построения Пидоплички следует рассматривать в порядке предварительных заключений. Если защищаемую им теорию о водном происхождении лёсса разделяют некоторые геологи и его наблюдения над кротовинным горизонтом,— в котором встречен исключительно трипольский материал,— правильны, то приводимый им (как доказательство поймообразного характера Трипольского

[90] И. Г. Підоплічка. Основні риси розвитку ландшафту сучасного трипільського плато. Наукові Записки ИИМК. АН УССР, кн. 2, Київ, 1937; Е. Ю. Кричевский. К вопросу о климате в эпоху существования трипольской культуры в связи с конструкцией жилищ. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940.

плато) список животных, существовавших в эпоху Триполья, вызывает сомнения, например, слепыш, водяная крыса, которых он сам же готов рассматривать как происходящих из слоев более позднего времени, чем трипольские.

Наличие таких животных, как лось, козуля, олень, если и может свидетельствовать, по

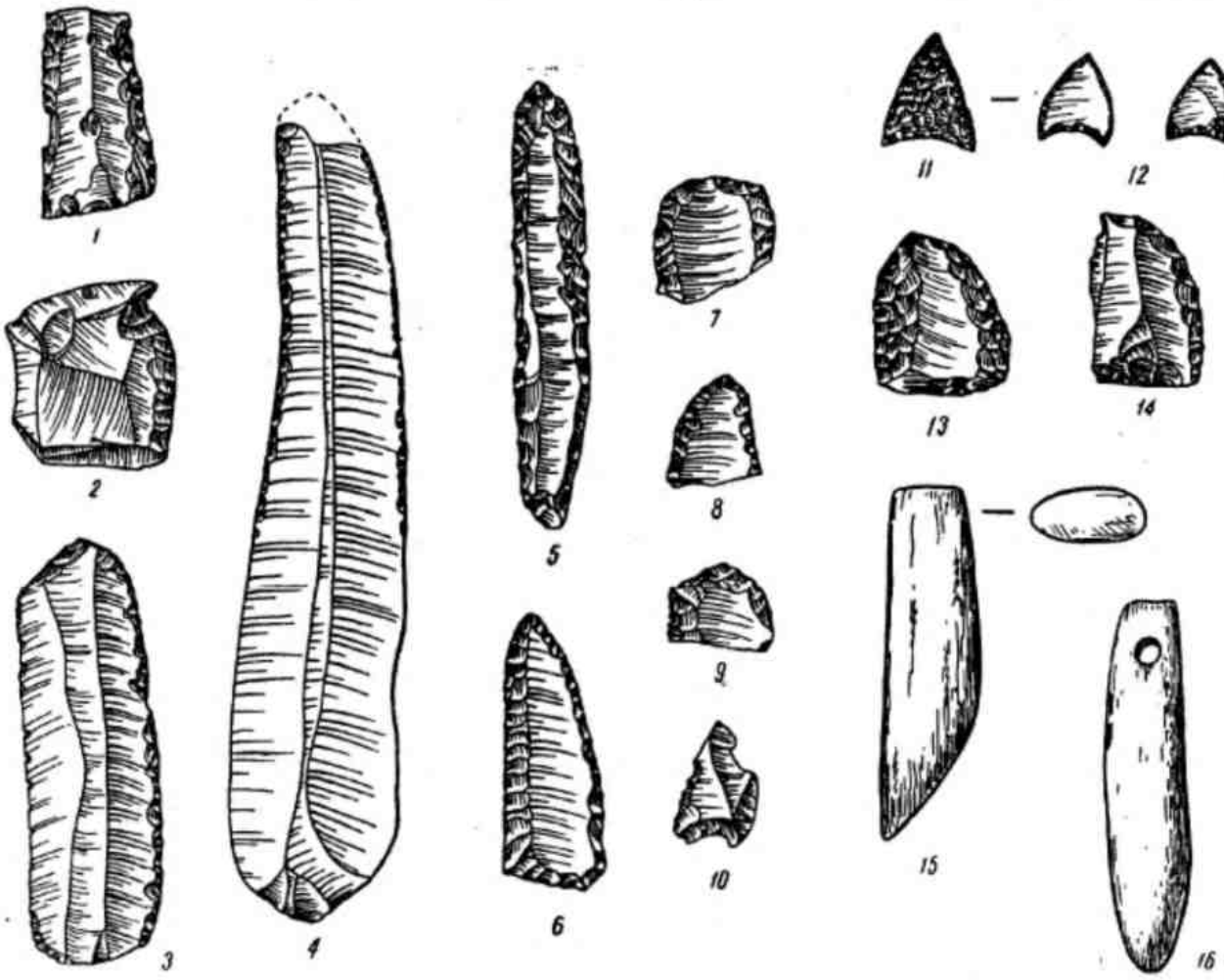

Рис. 80. Коломийщина I. *1—14*— кремневые орудия; *15*, *16*— орудия из кости (*1—16*—3/4 н. в.)

мнению Пидоплички, о «связи с водой», то с несомненностью доказывает также о существовании лесов, более значительных, чем современные.

Найденные остатки дубового угля, желудей, отпечатки широких (до 0.2 м) плах и вообще большого количества дерева в постройках Триполья легко могут опровергнуть точку зрения Пидоплички.

Следует считать, что в эпоху Триполья по древним балкам, прорезывающим плато, текли более значительные, чем сейчас, реки, впадавшие в Днепр, а берега их в древности были покрыты лесом. На плато оставались свободные участки для земледелия и для пастбищ. Хвойко утверждает, что места трипольских площадок находились «на вершине и на склонах значительных возвышенностей» неподалеку от реки. Наши исследования показали, что поселения находятся на плато, изрезанном многочисленными разветвлениями древних балок, по дну которых текут небольшие ручьи.

Не замечено также особенного тяготения трипольских поселений к размещению по берегам больших рек. Так, обследование 30 поселений в районе Триполье — Халепье показало, что все они расположены на плато, вдали от Днепра. Однако раскопки на поселениях дают значительное количество костей и чешуи рыб.

Расположение поселений на такого рода плато должно было удовлетворять условиям всех существовавших тогда важнейших отраслей хозяйства. Во всяком случае, для времени существования поселения Коломийщины скотоводство в Триполье играло не меньшую роль, чем земледелие.

Выбор места поселений в большинстве случаев не был связан с соображениями фортификационного порядка, однако можно указать на ряд примеров, когда трипольские поселения расположены на мысах, на «стрелке» при слиянии двух рек.

На таких пунктах выше культурного слоя эпохи Триполья обычно находятся остатки памятников скифского или раннефеодального периода, как, например, на городище в Райках, Борисове, Немирове, Городске и др.

Некоторые указания на характер трипольского поселения мы находим и у исследователей, ранее раскапывавших трипольские площадки. Так, А. А. Спицын по поводу своих раскопок в Колодистом пишет, что поселение лежало на возвышенности между ручьем и оврагом, и площадки, количеством до 7 и более, размещались в один ряд с левой стороны возвышенности, на самой высокой части, а справа — в два и даже в три ряда по более крутому скату. Разрушенные жилища видны и по бокам карьера так, что, как пишет Спицын, «эти постройки обходили кругом всю возвышенность, опоясывая ее местами в несколько рядов».[91]

Гимнер, проводивший большие раскопки в Уманьском районе у с. Попудня, сообщает, что 30 жилищ располагались на поселении в несколько рядов. Поселение находится между двумя небольшими долинами, образующими мыс, площадь которого равна 500 × 300 м.

На соседнем поселении, в Пьянишкове, Гимнер, раскопав 32 жилища, отмечает, что это поселение в два раза больше Попудни и площадь его равна 800 × 500 м. Им открыт был лишь один ряд построек, сосредоточенных по одной линии у края.[92]

С 1939 г. наша экспедиция проводила раскопки разведочного характера на поселении у Владимировки, Уманьского района. Оно расположено на высоком берегу р. Синюхи (приток Буга) и занимает свыше 60 га распахиваемого поля. Поселение это огромное по площади, и уже в первый год работ на нем было отмечено свыше 200 площадок, расположенных в пять рядов и, видимо, идущих концентрическими кругами.[93] Нельзя пройти и мимо указаний Хвойко по поводу системы расположения «загадочных глиняных площадок». Определяя их как погребальные сооружения, Хвойко в сущности давал описание поселений, которые он наблюдал в том же

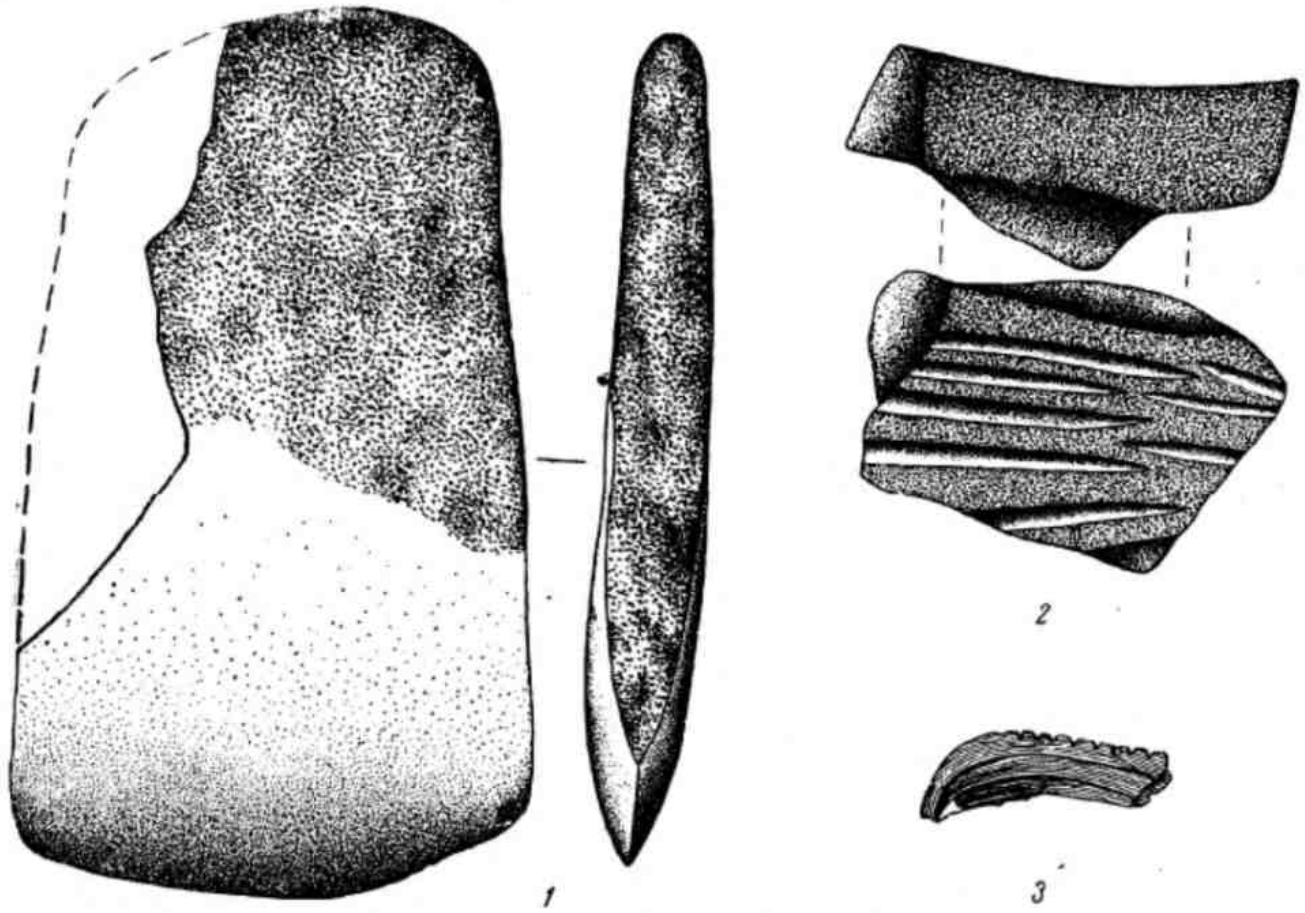

Рис. 81. Коломийщина I. *1* — мотыга из гнейса из жилища № 25; *2* — точильный камень из песчаника; *3* — створка раковины с зубчиками штампа для нанесения орнамента (3/4 н. в.)

[91] А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ. Изв. Археол. ком., вып. 12.

[92] M. Himner. Swiatowit. т. XIV. Warszawa. 1933.

[93] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, № 1, 1941.

районе, где из года в год работала Трипольская экспедиция. Из описаний Хвойко мы узнаем о 10 поселениях в районе Триполье — Халепье — Стайки — Веремье. «Площадки (жилища),— пишет Хвойко,— образуют обыкновенно несколько рядов, наружная линия которых почти всегда представляет обширный более или менее правильной формы круг». [94]

«Занимаемая площадь круга бывает различной величины». Поселение у с. Жуковцы состояло из 29 жилищ и в диаметре занимало 200 м; около с. Веремье диаметр равнялся около 500 м. Большое поселение из 30 жилищ, расположенных по кругу, встречено также у с. Щербаневка. Обследованное нашей экспедицией трипольское поселение в уроч. Ясеневый лес, в 2—3 км от Коломийщины, занимало площадь в 300 × 250 м с жилищами в несколько рядов. Составленная карта трипольских поселений в районе Халепье, на которой нанесены памятники, известные Хвойко и открытые нашей экспедицией, показывает на имевшую здесь место плотность населения в эпоху Триполья и на значительное использование луговых и засеваемых площадей.

В результате работ Трипольской экспедиции на Коломийщине возможно притти к следующим выводам:

1. До начала стационарных раскопок на Коломийщине I вопрос о трипольском родовом поселении во всем объеме не был затронут прежними исследователями.

2. Методика раскопок — траншеями и чрезвычайно небольшими площадями,— применявшаяся археологами, раскапывающими памятники Триполья, до последнего времени не давала возможности изучить целиком ни одного трипольского жилища и правильно определить назначение загадочных глиняных площадок.

3. Если в работах Хвойко, Городцова, Гамченко, Гимнера, Спицына и других исследователей, раскапывавших памятники Триполья, и находятся общие указания о плане поселений, то обычно эти соображения их оставались не проверенными раскопкой.

4. Раскопки в уроч. Коломийщина I выяснили со всей четкостью планировку трипольского родового поселения, одного из этапов (C/1) развития Триполья. 31 жилище расположено по внешнему кругу, с ориентировкой по радиусам, а 8 жилищ — в центре круга.

Система расположения жилищ на поселении двумя концентрическими кругами образовывала определенную замкнутость и укрепленность этого пункта. В самом центре поселения, как показали раскопки 1938 г. (диаметр внутреннего круга до 60 м), оставалось незастроенное пространство и служило, видимо, местом для загона скота; возможно также, что на части территории в центре совершались различные обряды и празднества.

5. Поселение Коломийщина I по размерам и конструкции жилищ оказалось не однородным, а достаточно дифференцированным. Из приводимых в таблице (стр. 137) размеров площадок следует отметить несколько основных — повторяющихся. Около половины (13) составляют жилища средней величины, по площади в пределах 50—92 м²; в остальной половине оказались 5 малых жилищ и 10 больших.

Общая жилая площадь всех малых жилищ очень незначительна — она равняется всего лишь одному среднему жилищу; жилая площадь больших жилищ, число которых составляет $^1/_3$ всего числа их на поселении, составляет больше $^1/_2$ общей жилой площади всего поселка.

Таким образом, если предположить, что жилая площадь соответствовала плотности населения того времени, то выходит, что в 10 больших жилищах было сосредоточено больше $^1/_2$ населения всего поселка. На Коломийщине I большие жилища оказываются принадлежащими наиболее мощным родовым коллективам не только по количеству в них находимого инвентаря, но и по более высокому качеству самой постройки.

В больших жилищах обнаружен пол из нескольких рядов глиняных плиток, лежащих на деревянно-глиняном настиле; отличается окраска свода печи, более развитые формы больших печей до 3—4 в каждом доме; различные возвышения в центральной хозяйственной части жилища. Особо выделяются поперечные перегородки, делящие на ячейки многоочажный большой дом, входная часть и т. д. Средние жилища в общем повторяют большие, но в них находим меньшее число рядов пола, проще конструкции печей и т. п. В малых жилищах, в противоположность большим, конструкция пола однослойная; в доме одна малая печь, отсутствуют перегородки. Кроме того, около больших жилищ (№ 6) располагались иногда небольшие постройки (№ 7) с однослойным полом и без печей, со множеством сосудов, видимо, представляющих остатки постройки чисто хозяйственного, а не жилого назначения.

6. В больших жилищах встречается значительно большее количество сосудов и зернотерок, чем в малых, что указывает на обширное хозяйство.

7. Восемь малых жилищ, открытых внутри круга, дают не мало интересных данных о разрастании в древности самого родового поселка в уроч. Коломийщина I. Изучение периферии показало отсутствие жилищ или каких-либо иных построек (кроме площадки № 37) за границами внешнего круга. В 1938 г. были открыты в центральной части жилища,

[94] В. В. Хвойко. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

образующие второй внутренний круг. 6 из 8 оказались малыми жилищами с небольшим участком глиняного пола и одной небольшой печью; № 1 и № 2 (1934 г.) были большими, уже разросшимися постройками. Правильно будет предполагать, что на поселении Коломийщина I строительство новых жилищ шло именно на территории внутри круга, а не за его границами. И действительно, на Коломийщине, в центральной части, где открыты малые жилища, известны и большие. Можно считать, что мы обнаружили здесь начало образования нового круга построек.

Таким образом, малые жилища № 29, 30, 33, 35, 36 (1938 г.) и № 26 (1936 г.) следует считать возникшими позднее, чем большие и средние жилища внешнего круга и жилища № 1 и 2 в центре, в которых наблюдалась многослойность пола и фундамента постройки, а также многоочажность и несколько ячеек и внутренних перегородок. Нижний пол в таких площадках — остаток первоначальной постройки малых размеров — занимал лишь небольшую часть всей площади и был всегда перекрыт сверху новой основой, деревянным и глиняным настилом. Из всего этого следует, что малые жилища явились в результате разрастания родовых коллективов и выделения парных семей.

Расположение трипольских жилищ по концентрическим кругам создавало своеобразную замкнутость и необходимую укрепленность населенного пункта.

8. Анализ комплекса находок каждого жилища показывает, что поселение в целом одновременно. Преобладание больших и средних жилых построек, повидимому, должно быть объяснено тем, что мы застали здесь еще период, когда не было выделения отдельных небольших хозяйств (что произойдет позднее, как, например, в Усатове, где имеются уже и парные погребения), а хозяйство сосредоточивалось в большом многосемейном и многоочажном доме. Многоочажность эту следует связывать с делением коммунистического матриархального рода на несколько парных семей.

9. На Коломийщине I вскрыт перед нами родовой поселок, состоявший из нескольких десятков жилых построек — больших и средних, главным образом, многоочажных домохозяйств, в каждом из которых могло разместиться не меньше 20—30 человек и вести общее хозяйство. Таким образом, на поселении такого типа, как Коломийщина I, мог жить родовой коллектив свыше 500 человек.[95]

10. Исследованное нами родовое поселение можно сравнить, с одной стороны, с аналогичными поселениями, известными в юго-восточной Европе (Кошиловцы, Эрёзд, Бильче-Злоте, Кукутени и др.), с другой — с селениями, известными у племен индейцев Мексики и Центральной Америки. Не останавливаясь подробно, замечу только, что Морган в работе, широко использованной Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», пишет: «Где бы ни установилось господство родовой организации, мы видим, как правило, что отдельные семьи, объединенные близкими родственными отношениями в общие домохозяйства, устраивают общий запас продовольствия, добытого рыбной ловлей, охотой и культурой маиса и других растений. Семьи эти строили большие дома, достаточно обширные для размещения нескольких семейств, и можно считать общим явлением, что во всех частях Америки туземного периода люди жили не отдельными семьями в отдельных домах, а обширными, многосемейными домохозяйствами».[96]

Ряд исследователей, путешествовавших по долине Колумбии, давали описания поселений индейских племен. Дома индейцев имели несколько очагов и вмещали несколько семей. Ричард Гринвилль. английский путешественник XVI в., дал описание селения, состоящего из 17 домов, каждый из которых был настолько обширен, что в нем жило несколько семейств в 20—25 человек, и был ряд отдельных очагов. Дома в таком поселке были размещены по кругу.

Изучение жилищ родового поселения Коломийщина I дало новые материалы для характеристики хозяйственной жизни эпохи Триполья. Еще Хвойко открыл в трипольских площадках остатки культурных растений и в своем докладе на XIII Археологическом съезде поставил вопрос о земледелии в Триполье и о местном его происхождении.[97]

Какими же данными располагают сейчас археологи по этому вопросу? Раскопки Коломийщинского поселения выяснили, что слабо обожженная вальковая обмазка, из которой строят основу стен, пол, печь и другие части в трипольском доме, содержит в глиняной массе растительную примесь в виде зерен и мелких частей колосьев хлебных злаков. В результате производившихся специальных палеоботанических исследований этого рода растительных отпечатков было обнаружено наличие следов выгоревшего зерна, мякины, жмыхов пшеницы, ячменя и проса. Кроме того, в некоторых были выявлены еще и отпечатки зерен и шелухи проса.[98]

[95] Подробнее см. Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции). КСИИМК, вып. XII, 1946.

[96] Льюис Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 42.

[97] В. В. Хвойко. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Поднестровье. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906.

[98] Наукові Записки, кн. 5—6, Київ, 1935, стр. 8—51; Д. Персидский і О. Липа. Злаки будивель Трипільської культури на Україні. Там же, стр. 54—55.

Таким образом, этим определением культурных растений, наряду с прежними сведениями Хвойко о раскопках, установлено, что племенам, жившим в Днестровско-Днепровском бассейне в эпоху Триполья, было известно примитивное мотыжное земледелие и возделывание пшеницы, ячменя и проса. Кроме того, Хвойко упоминает, что наряду с обугленными зернами пшеницы и проса им были найдены остатки какого-то растения вроде аниса или укропа.

Во всяком случае, можно говорить, что тогда было известно не менее двух видов культурных растений, причем это были хлебные злаки.

Любопытно, что на Коломийщине земледельческие орудия, по сравнению с орудиями других назначений, в количественном отношении, безусловно, преобладают. Так, обычно и чаще всего встречаем здесь и в других трипольских поселках орудия по обработке почвы — мотыги из рога лося или оленя с наискось заостренным рабочим концом и перпендикулярно к нему просверленным отверстием для прикрепления палок. Нередко также встречаются односторонне выпуклые клинья из мягких каменных пород, главным образом сланца или гнейса, служившие вставными или привязанными наконечниками для мотыг.[99]

Подобные мотыги были найдены во многих жилищах на поселении Коломийщина I и II. Длина этих клиньев 15—17 см, ширина 8—9 см; по форме они слегка выпуклые с одной стороны и плоские — с другой, с широким заостренным концом. Мотыги из рога лося или оленя, а также из мягких каменных пород служили для выполнения различных процессов при обработке земли: мотыгами из рога оленя или лося разрыхляли верхний покров почвы, а клиновидными производили дальнейшее вскапывание.

Не много известно нам орудий, которые употреблялись при сборе урожая. Повидимому, для этой цели пользовались или простыми кремневыми ножевидными пластинками с зазубренными отретушированными краями, или же специальными кремневыми орудиями серповидной формы, тоже с зазубренным краем.

Часто один из заостренных краев ножевидных пластин на внутренней стороне носит следы заполировки от постоянного употребления.

В 1939 г. на поселении Коломийщина II был найден костяной серп больших размеров, сделанный из лопатки быка или коровы. Незначительное количество такого рода орудий, известных до сих пор в Триполье, указывает на то, что древние земледельцы при сборе урожая обходились без всяких орудий, срывая колосья руками.

[99] Наукові Записки, кн. 1, Київ, 1934.

В примеси глиняной обмазки не обнаружено ни соломы, ни целых колосьев, ни более или менее значительных частей их. В то же время среди отпечатков половы часто попадаются отпечатки отдельных зерен, иногда не освобожденных даже от колосковых пленок. Это дает некоторое основание предполагать, что, во-первых, при сборе урожая, возможно, снимали не все растение полностью, а только одни колосья, без соломы, во-вторых, способ обмолота, очевидно, был таков, что колосья хотя и раздроблялись на мелкие части, но зерно при этом полностью не вымолачивалось и не очищалось от пленок, вследствие чего значительное количество его оставлялось в мякине, в жмыхах и вместе с растительной примесью попадало в глиняную обмазку. Возможно, что колосья просто растирались между ладонями или же растаптывались ногами, как это до сих пор практикуется у некоторых народов.

Если способ молотьбы у древних трипольских племен остается пока еще не разъясненным, то способ переработки зерна можно установить с достаточной отчетливостью. Обычными орудиями для размола зерна были каменные зернотерки; каждая состоит из двух частей — нижнего, широкого плитообразного камня с верхней выглаженной, часто слабо вогнутой рабочей стороной, и верхнего небольшого камня (песта) шаровидной формы, или же приближающегося по форме к кубику с одной или несколькими рабочими плоскостями.

Материалом для зернотерок служили наиболее распространенные местные разновидности камня: гранит, гнейс, песчаник и т. д.

В трипольских жилищах зернотерки обычно находятся неподалеку от больших сосудов, служивших вместилищами для хранения запасов. Они размещаются у противоположной от печки стены или же вблизи печей, рядом с большими чашами и горшками, которые служили посудой для приготовления пищи. В хозяйстве Триполья женщина занималась мотыжным земледелием, и зернотерки являлись орудием женского труда по переработке продуктов земледелия. Это предположение подтверждается еще и тем, что на модельке древних трипольских жилищ (Сушковка, Попудня) рядом с зернотеркой, помещенной на особом возвышении, изображена женская фигурка, склоненная над зернотеркой и растирающая зерно.

Что можно сказать о хранении продуктов? Непосредственных указаний на способ хранения хлебных колосьев у нас нет. Части трипольских домов, лишенные печей, обычно значительно выше уровня пола в доме и выложены многослойными плитками. Все это дает возможность считать эти места предназначенными для хранения зерна, особого рода складочными помещениями, амбарами

внутри дома. Такие части были открыты в нескольких больших жилищах на поселениях близ Халепья. Для хранения зерна служили также и большие сосуды грушевидной формы, со специальными крышками.

В. В. Хвойко и Э. Р. Штерн в своих раскопках находили глиняные сосуды с остатками зерен, но, к сожалению, форма сосудов осталась неизвестной.

В полу одного из жилищ были открыты углубления (глубиной до 0.40 м, диаметром 0.80—1.0 м), выложенные несколькими слоями глиняных плиток. Хвойко в свое время писал, что нашел два таких прямоугольных в плане помещения, обмазанных глиной и докрасна обожженных. Сюда, по предположению Хвойко, прямо ссыпалось зерно или же ставились сосуды, наполненные зерном и другими продуктами. Ошибочно предполагая, что площадки являются усыпальницами, он и эти подземные помещения при них считал местами для жертвоприношений. В углублениях в полу дома следует видеть хозяйственные сооружения для хранения коллективных запасов продовольствия, в том числе и продуктов земледелия.

Таким образом, наблюдения над местоположением трипольских поселений на лёссово-черноземном плато, земледельческие орудия, находки хлебных злаков — все это указывает на специфически земледельческий характер хозяйства эпохи Триполья. Однако наряду с земледелием существовало и скотоводство, а также охота, рыболовство и собирательство. На поздних этапах (С/II — γ/II) развития Триполья, на переходной стадии к патриархально-родовому обществу, значительную роль в хозяйстве начинает играть скотоводство.

За последние годы советские палеонтологи совместно с археологами работали над изучением и определением костных остатков, обнаруженных на трипольских поселениях, в частности над костными остатками поселения у Халепья (Коломийщина I, 1934—1938 гг.). Кости животных, в большинстве связанных с кухонными остатками, были найдены на поселении в так называемых ракушечных кучах близ жилищ или в самом жилище, чаще всего в культурном слое у его границ. Кости находятся в сильно раздробленном состоянии и свидетельствуют об употреблении мяса в пищу и об извлечении костного мозга. Хвойко и Штерн, считавшие площадки «домами мертвых», т. е. погребальными сооружениями, видели в присутствии раздробленных костей на площадках результат деления на куски приносившихся в жертву животных.

В. И. Громова, изучавшая остеологический материал из трипольских поселений, установила две породы быков в Триполье: одна — «мелкая тонконогая, с короткими рогами, размерами сходная с русскими северными породами (владимирскими, ярославскими) и низкорослым торфяным скотом западноевропейского неолита» (т. е. с тем типом скота, кости которого были найдены на стоянках в торфяниках.— *Т. П.*); другая порода «очень крупная, размерами равная нашему черкасскому быку, а иногда превосходящая его и достигающая размеров дикого тура (*Bos primigentus* Boj).[100]

Наибольшее количество костей на поселении Коломийщина принадлежит, по определению И. Г. Пидоплички, домашнему быку (*Bos taurus*), причем до сих пор мы не имеем данных для решения вопроса о происхождении этого животного. Кости домашнего быка из Усатова почти не отличимы от костей тура, и Пидопличка склонен рассматривать подобное явление как свидетельство недавности приручения тура на Усатовском поселении.[101]

В Петренах также известен бык крупной породы (*Bos taurus*). Кроме остеологического материала, в Петренах интересны изображения быков, переданные в скульптуре и в росписи. Мы знаем статуэтки в полусхематической форме, передающие и длиннорогих быков, и быков с короткими расходящимися рогами. Кроме того, среди петренской монохромной расписной керамики имеются изображения быков, выполненные черной краской в стилизованной условной манере, передающие полуфантастические черты быков с когтями.[102] Скульптурные головы быков с большими рогами помещаются чаще всего на краях сосудов с полосчатым сглаживанием, предназначавшихся для приготовления пищи.

Бык, игравший в хозяйстве Триполья значительную роль как животное, доставлявшее большое количество мяса, а корова, дававшая молоко, являлись объектом культа, существовавшего в эту эпоху во всем Средиземноморье и Дунайско-Днестровско-Днепровском бассейне, чем и объясняется распространенность изображений этого животного. Фигурки быков и расписные изображения известны во многих трипольских поселениях, а также среди западноевропейской спирально-ленточной керамики, как, например, костяная пластинка из Бильче-Злоте, изображающая бычью голову, или расписные быки на сосудах из Кошиловцев или Шипениц.

Наряду с быками известны фигурки коров, реалистически передающие признаки пола — вымя, как, например, фигурки из Кукутени, Сушковки.

Из Кошиловцев известна интересная фигурка быка с чепраком, которая связывается не-

---

[100] В. И. Громова. Материалы к пониманию фауны трипольской культуры. Ежегодник Зоол. музея АН 1927 г.

[101] И. Г. Підоплічка. Допітання про свійські тварини трипільских поселень. Наукові Записки. кн. 2. 1937.

[102] Э. Р. Штерн. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906.

которыми учеными с обрядового характера празднествами в честь быков на Крите. Среди последних раскопок в Румынии заслуживают внимания находки глиняных, а также золотых рогов быка.[103]

В остеологическом материале с трипольских поселений, кроме костей быков, встречаются кости овец, причем возможно, как пишет Пидопличка, говорить о двух породах: одна (Халепье) — с хорошо развитыми спирально завитыми трехгранными рогами (у самцов), другая — с короткими козьеподобными сплюснутыми рогами, известна и по Усатову.

На глиняных фигурках овец, известных по многим поселениям, как и на фигурках коров, постоянно подчеркивается признак пола — вымя. На фигурке из Сушковки баран, как и бык, покрыт чепраком.

На одном из расписных сосудов из Крутобородинцев изображены коза и козел; на этом же сосуде нарисован и олень.[104]

Среди остатков трипольских поселений имеется значительное количество костей домашней свиньи; в Халепье и в Усатове свиньи оказались различных пород, в Усатове свиньи и быки были более крупными, чем в Халепье. Некоторые исследователи считали, что кости из Усатова принадлежали дикой свинье, но Пидопличка доказывает, что наряду с дикой свиньей в Усатове была и домашняя свинья. Отсутствие дубовых лесов и слабо развитое зерновое хозяйство не дали возможности широкого развития свиноводства в Усатове, тогда как севернее, в районе Умани и Халепья, в эпоху Триполья, где существовали зерновое хозяйство и дубовые леса, известен большой процент костей домашней (наряду с дикой) свиньи. Скульптурные изображения свиньи из Пьянишково, Кошиловцев и других дают возможность некоторым исследователям говорить о двух породах свиней — дикой (кабан) и домашней, игравших большую роль в хозяйстве Триполья.[105] Мясо свиньи служило хорошей пищей человеку, и благодаря плодовитости свиньи она могла доставлять трипольцам значительные запасы.

В Триполье известна и еще одна порода домашних животных — лошадь, однако количество костей ее весьма малочисленно. Ученым предстоит решить вопрос — принадлежат ли эти кости дикой лошади или в Триполье известна уже домашняя лошадь? Следует считать возможным существование домашней лошади на поздней стадии Триполья в Усатове, о чем свидетельствует прежде всего находка части конской сбруи, а именно костяной псалии. Громова считает возможным говорить об одомашненной лошади в Триполье, близкой по типу к степному кулану.

Мы знаем несколько изображений лошади Триполья, как, например, скульптурная голова лошади из Сушковки, рисунки лошади на сосудах из Кошиловцев, Бильче-Злоте. Однако этих изображений значительно меньше, чем изображений других животных, что совпадает и с небольшим количеством костей лошади, известных по раскопкам. Из того же Усатова известно изображение лошади (?) в композиции с оленем и фигурой человека на большой каменной плите из кромлеха кургана.

Остатки костей собаки широко известны в трипольских поселениях и, без сомнения, носят признаки домашних животных. По своей породе собаки должны быть не крупными, близкими,— если судить по рисункам,— к лайкам и овчаркам; на некоторых рисунках (например, из Шипениц) возможно видеть изображение породы больших гончих догов. В Петренах на расписных сосудах интересны условно-стилизованные собаки — фантастические существа с когтями, охранявшие пасшиеся стада и запасы продуктов в сосудах.[106]

При раскопках трипольских поселений встречаются и кости диких животных. В ту эпоху человек охотился на благородного оленя, лося, козулю, бобра, зайца. Эти дикие животные, кости которых находятся в трипольских поселениях, безусловно говорят о существовании в полосе Триполья лесов, а анализ угля показал наличие в эту эпоху дуба. Очевидно, дубовые леса росли по склонам балок и по берегам речек, протекавших вблизи поселений.

В Усатове, в одном из поздних трипольских поселений, к указанным диким животным можно прибавить еще кулана, дикого кабана, сайгу, волка, лисицу.

Орудий специально охотничьих в Триполье известно немного. На поселении Коломийщина найдено всего несколько наконечников стрел; все они очень небольших размеров, треугольной формы с выемкой у основания.

Наряду с земледелием — основным занятием, скотоводством, а также охотой, в трипольском хозяйстве небольшую роль играло рыболовство. Среди кухонных отбросов в ракушечных кучах известны кости и чешуя рыб, по которым определена такая порода рыбы, как щука. В Усатове, на побережье моря, среди рыб известны сом и осетр. Специально обточенные гальки из местного известняка служили грузилами для рыболовных сетей. Известны в Триполье для сетей и глиняные грузила округлой формы и рыболовные крючки из кости.

В хозяйстве Триполья продолжал играть роль и один из простейших способов добыва-

---

[103] Dacia, т. II, Bucareşti, 1925, рис. 17, 18, 75 и др.

[104] В. В. Хвойко. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах Летичевского у., Подольской губ., Древности Моск. археол. об-ва, вып. 22, 1909.

[105] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937.

[106] Там же.

ния пищи — собирательство. Доказательством этому служат многочисленные находки ракушек пресноводных моллюсков. Ракушки, встречающиеся в исследуемом трипольском поселении Коломийщина, принадлежат к двум видам: *Unio pictorum* и *Unio tumidus*. Встречались они как на самих площадках, так и за их пределами. На площадках ракушки были рассеяны среди обмазки по всему пространству, не сосредоточиваясь в каких-нибудь определенных местах. Створки ракушек всегда были разъединены. За пределами площадок ракушки встречались или разбросанными в ближайшем окружении от площадок, или же ссыпанными в специальную сорную, так называемую ракушечную кучу, где они встречались вперемешку с костями домашних и диких животных. В уроч. Коломийщина было открыто несколько ракушечных куч; все они находились на периферии поселения и занимали более 4 м². Ракушечные кучи — явление обычное в трипольских поселениях. О них нередко сообщали авторы отчетов о раскопках памятников трипольской культуры; иногда они бывают настолько мощными, состоящими из ракушек, костей животных, черепков и прочих отбросов, что образуют культурные наслоения до 1 м толщиной.

Раковины с трипольских поселений принадлежат видам пресноводных моллюсков, которые водятся в реках и озерах в неглубоких местах или же на широких песчаных отмелях. Известно, что моллюски *Unio* употреблялись человеком в пищу с конца палеолита. С той же целью собирали их также и трипольские племена. Перед употреблением в пищу моллюски, повидимому, варились; по крайней мере, нахождение в сосудах должно быть объяснено именно необходимостью приготовления их на огне. Для раскрывания створок ракушек и вынимания мяса могла служить первая попавшаяся под руки щепка, осколок кремня или обломок кости.

Использование речных моллюсков не ограничивалось употреблением в пищу их мяса, в хозяйственном обиходе Триполья находили применение также и их ракушки. На многих нерасписных трипольских сосудах встречается орнамент, состоящий из небольших луновидных углублений, похожих на отпечатки больших ногтей, но без следов пальцев. Тщательное наблюдение, подкрепленное экспериментом, показывает, что этот тип орнамента наносился на сырые стенки сосудов при помощи такой ракушки речного моллюска. Очень возможно, что те же ракушки употреблялись и для выравнивания стенок сосудов. Иногда ракушки служили при раскрашивании сосудов в качестве блюдечек для красок. Наконец, толченые на зернотерках ракушки употреблялись как примесь к глине при изготовлении многих видов трипольских сосудов. Таким образом, роль пресноводных моллюсков в хозяйстве Триполья представляется достаточно значительной.

Другим видом материала, свидетельствующего о существовании собирательства в исследуемом трипольском поселении, является находка отпечатков в глине довольно крупных плодов дикого растения. Установлено, что плоды являются желудями дуба (*Quercus* sp.). Нет никаких оснований считать, что желуди были специально примешаны к глине, подобно полове хлебных злаков. Более вероятно, что попали они в глину случайно; комок глины с отпечатками желудей найден в развалинах печи на одной из раскопанных в 1934 г. площадок (№ 2). Комок этот непосредственно прилегал к краю пода печи с южной стороны и находился, повидимому, в глубине печи. Естественно предположить, что сушившиеся в печи желуди попали в обмазку во время ремонта печи.

Отпечатки желудей представляют большой научный интерес; подобные материалы еще не отмечались в существующей археологической литературе. Они проливают свет и на природное окружение исследуемого поселения в древности, и на некоторые моменты производственной и бытовой жизни. Поселение, несомненно, располагалось неподалеку от леса, в котором рос дуб. Наличие дуба подтверждается также находками дубовых углей в развалинах той же печи. Несомненно также, что желуди, наряду с плодами, стеблями и корнями многих диких растений, служили предметом лесного собирательства. Находка показывает, что собранные желуди сушили в закрытых печах; потом их растирали на зернотерках, и муку примешивали в тесто при изготовлении хлеба. Это предположение покажется вполне вероятным, если вспомнить, что древнейшим видом хлеба был именно желудевый хлеб.

Немногочисленные археологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, слабо освещают вопрос о ткацком деле в Триполье. Какие находки говорят нам об этом? Прежде всего — глиняные, удлиненно-кубической формы пряслица, постоянно встречаемые в жилищах и представляющие остатки грузил от ткацкой основы, существование которой, несомненно, следует предполагать уже в эпоху Триполья. Такого простейшего типа ткацкий станок известен в виде натянутой основы из ниток с грузилами на концах у ряда примитивных народов. Сами ткани в раскопках до нас не дошли, однако о них мы отчасти можем судить по отпечаткам плетений, сохранившихся на днищах трипольской посуды. Повидимому, в момент лепки на основание, куда ставился сосуд, подкладывался кусок ткани. На сосудах, кроме отпечатков тканей на днищах, постоянно встречается еще орнаментация из прямо или наискось перевитой веревочки, что говорит также об искусстве плетения.

О существовании одежды в связи с этим немного говорят также и трипольские глиняные статуэтки. Наряду с изображением прически, ожерелья, на некоторых статуэтках, особенно женских, показаны различные детали одежды. Так, чаще всего обозначен на талии пояс с концами, свисающими по бокам. Известен свисающий спереди передник в виде треугольника, часто украшенный точками. На одной из статуэток Коломийщины I изображен как бы корсаж, открытый спереди на груди и углом спускающийся на спину.

Все эти данные, вместе с существовавшим плетением рыболовных сетей, орнаментировкой веревочкой, оттисками ткани на днищах посуды, глиняными грузилами, говорят о существовании в эпоху Триполья тканей и плетенья, а также примитивного ткацкого станка.

Изучение материала из многочисленных поселений позднего Триполья (на первых ступенях его развития — γ/I и C/I) прежде всего доказывает его разнообразие в это время в различных районах распространения трипольских племен. Археологические находки на раннем этапе А и в период В представляли достаточно единообразный комплекс, который характеризовал трипольские поселения на удаленных друг от друга территориях. Можно заметить, что на позднем этапе более резко определяются локальные особенности в отдельных областях; так, например, намечается заметное своеобразие в памятниках Поднестровья и Южного Побужья и отличие их от памятников Северного Побужья и Поднепровья. Вместе с тем, как и на этапах А и В, большое количество общих черт позволит изученные поселения позднего Триполья этапа γ/I и C/I рассматривать как существовавшие примерно на протяжении одного и того же отрезка времени.

В каждом из намечаемых районов (Поднестровье — Южное Побужье, Северное Побужье и Поднепровье) трипольские памятники получают на этапе γ/I и C/I свои особые черты. Так, для верхнего слоя Кукутени В типична и наиболее многочисленна керамика с черной монохромной росписью, но здесь же продолжает существовать и керамика с углубленным орнаментом, характерная для раннего этапа А. Имеется в слое Кукутени В и керамика полихромная, заметно отличающаяся технически и стилистически от керамики полихромной нижнего слоя Кукутени А. В слое Кукутени В, наряду с керамикой монохромной (с черной росписью), получает развитие керамика с веревочным орнаментом.

Увеличивается количество изделий из меди. Наряду с плоскими клиновидными топорами и четырехгранными шильями, уже известными для этапов А и В, появляются медные кинжалы треугольной формы, плоские с нервюрой посредине и с отверстиями для прикрепления рукоятки, топор с проушиной (Кукутени В) и медный топор-клевец (Веремье), а также бритвообразный кривой нож.

Не на всех поселениях в Поднестровье, Побужье и в Поднепровье этапа γ/I или C/I был встречен целиком весь комплекс перечисленных находок, выявленный в верхнем слое Кукутени В. Однако основные встреченные типы находок из этого комплекса являются теми признаками, по которым было возможно характеризовать тот или иной памятник позднего Триполья. Так, в Поднестровье и в южной части Побужья материалы трипольских поселений этапа γ/I в большинстве своем повторяют комплекс находок (за исключением изделий из меди) верхнего слоя Кукутени В. Таковы поселения: Дракузени, Дарабани, Кадиевцы-Бураковка, Валени, Костиша, Городище-Калу и др.

Несколько иная картина намечается в северной части Побужья на поселениях Попудня, Сушковка, Томашевка, Старая Буда и др. Здесь на этапе C/I получает главным образом господство характерная для верхнего слоя Кукутени В монохромная керамика с черной росписью, представляющая дальнейшее развитие монохромной керамики из Владимировки, Петрен, Шипениц (этап В/II). Сосуды с углубленным орнаментом, широко известные в Побужье (Пьянишково, Владимировка) на этапе В/II, позднее в поселениях Попудня, Сушковка, Томашевка исчезают. Зато получают свое распространение, наряду с антропоморфными статуэтками, изображения животных и глиняные модели жилищ. Полихромная керамика на этапе C/I в Побужье, в отличие от Поднестровья (γ/I), почти совершенно отсутствует; если же она встречается (как, например, в Касеновке), то непременно того же типа по технике и стилю, что и в верхнем слое Кукутени В (этап γ/I).

В Поднепровье в это время (на этапе C/I) наибольшее развитие получает керамика с углубленным орнаментом (типа «культура Б» по Хвойко) и черная монохромная стиля Кукутени В. Сосуды с углубленным орнаментом генетически связаны здесь с керамикой более раннего этапа В/II в том же районе (поселения Коломийщина I и II).

На этапе позднего Триполья, на ступенях γ/I и C/I трипольские племена попрежнему живут в тех же областях Днестровско-Днепровского бассейна, что и в средний период. Основным занятием племен остается земледелие, однако все большее и большее развитие получает скотоводство. Попрежнему характерны родовые поселки типа Коломийщина I, Попудня и др., на которых большие многоочажные жилища располагаются по кругу. В виде предварительной гипотезы можно высказать предположение, что на этапе C/I в Поднепровье и в Побужье родовые поселения трипольских племен не являются уже такими большими, как, например, во Владимировке или Коломий-

щине II. Для большого трипольского поселения Кукутени следует отметить, что оно уже и на раннем своем этапе (А) имело, повидимому, ограждение в виде рва, проходившего с западной стороны поселка. На этапе γ/I (Кукутени В) на поселении был сооружен новый ров, обложенный каменными плитами. Таким образом, в это время трипольское родовое поселение представляло укрепленный пункт. Глинобитные жилища, сложные по своей конструкции, попрежнему еще повсеместно характерны для этого этапа.

Немаловажным является вопрос, откуда в это время (на этапе С/I) во II тысячелетии до н. э. в районы Поднестровья и Поднепровья проникали изделия из меди. Такие типы медных изделий, как плоский медный клиновидный топор, треугольный кинжал и бритвообразный нож, а также топор с проушиной, находят себе аналогии во всем Дунайско-Балканском бассейне и в странах Восточного Средиземноморья. Вероятнее всего считать, что медные изделия проникают именно отсюда, тем более, что ближайшие залежи меди и золота находились в Прикарпатье.

Вместе с тем находка медного топора-клевца у Веремья и подобного же у Эрёзда (Венгрия) и все те его аналогии, которые известны на Кавказе и в северной Месопотамии, а также отсутствие подобного типа топоров-клевцов в Малой Азии, могут сигнализировать, что проникновение металла в Поднепровье одновременно шло теперь и с Востока, через Кавказ по северному берегу Черного моря. Эти связи с востоком, шедшие через Левобережье Днепра, еще более четко отразятся на Триполье на следующей ступени (γ/II и С/II) развития; под этим влиянием резко изменится весь характер культуры трипольских земледельческих племен.

Во всяком случае, на этапе γ/I — С/I и позднее связи с Дунайско-Балканским бассейном и Средиземноморьем остаются сильными лишь в районах Причерноморья и Нижнего Поднестровья, а на территории Побужья и Поднепровья они сказываются все меньше и меньше. Здесь трипольские племена сталкиваются с племенами эпохи бронзы.

Глава VI

ПОЗДНИЙ (С/II—γ/II) ЭТАП ТРИПОЛЬЯ

Этап С/II

В процессе изучения трипольских поселений, а затем в классификации керамики мною всячески подчеркивался поздний этап в развитии Триполья, названный мною тогда этапом γ.[1] Выделенные для его характеристики комплексы γ/I и γ/II (главным образом керамические) показывали в основном материалы позднего Триполья в Поднестровье и в Причерноморье, тогда как для характеристики тех же этапов в районах Побужья и Поднепровья материалов было недостаточно. Правда, тогда уже были мною выделены такие поселения, как Евминка, Кирилловская Гора в Киеве, Лукаши, Серизлиевка, для характеристики памятников, аналогичных и почти одновременных существовавшим в более южных районах (γ/I). Однако тогда не было еще достаточного материала для понимания происходившего на территории — от Северного Поднепровья до побережья Черного моря — «процесса исчезновения» (как называл Е. Ю. Кричевский) трипольской культуры и перехода ее на более позднюю ступень развития — эпоху ранней бронзы.

Одной из задач Трипольской экспедиции за последние годы явилось выявление для района Среднего Поднепровья и Киевско-Волынского полесья этого позднего этапа в развитии Триполья, обозначаемого мною С/II. После раскопок в Житомирской обл. (С. С. Гамченко в 1924—1926 гг. у сс. Колодяжного — Войцеховки, Е. Ю. Кричевский в 1936—1937 гг. в с. Го́родске и М. Л. Макаревич в 1939 и 1940 гг.), а также продолжения раскопок М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовской в Усатове, близ Одессы, весь этот поздний этап развития Триполья может быть характеризован достаточно полно.

Значение открытия поселения у с. Го́родска для решения вопроса о позднем Триполье в Поднепровье, т. е. в северном районе распространения Трипольских племен, очень велико. Для южных районов такое же значение в Причерноморье имеет Усатово. Отсюда я и считаю возможным называть условно этот этап го́родско-усатовским (С/II — γ/II). Огромный интерес представляет то, что, помимо поселений, этап этот можно будет характеризовать и материалом курганных погребений. Находкам из Го́родска в настоящее время посвящено уже два отчета о раскопках в 1936 и 1937 гг. и специальное исследование Кричевского.[2] Кроме того, подготовляются к печати сводные отчеты о раскопках Макаревича в Го́родске.

Прежде чем переходить к обобщениям, следует остановиться вкратце на результатах раскопок в с. Го́родске Коростышевского района Житомирской обл. Впервые следы поселения трипольской культуры у с. Го́родска были открыты в 1936 г. во время проведения здесь разведочных раскопок остатков феодального городища. В последующие годы здесь были проведены раскопки Трипольской экспедицией АН УССР: в 1937 г. отрядом руководил Е. Ю. Кричевский, в 1939—1940 гг.— М. Л. Макаревич.

Село Го́родск расположено на высоком левом берегу р. Тетерев, перерезанном во многих местах глубокими балками и оврагами. Городище «Червонная Гора» находится на небольшом мысу высокого левого берега Тетерева и окружено оврагами. С городища открывается вид на широкую пойму реки и на правый низкий песчанистый и лесистый берег.

Разведки в первый год работ обнаружили, что мыс городища был заселен в феодальную эпоху и его верхние культурные слои характеризуются находками XIII в. Раскопки культурных остатков этого периода в 1940 г. были проведены здесь под руководством П. Н. Третьякова.

---

[1] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

[2] Трипільска культура, т. I, Київ, 1941, стр. 333; Е. Ю. Кричевский. Поселення в Городську (розвідкові розкопки 1937 р.). Трипільска культура, т. I, Київ, 1941, стр. 383; его же. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, М.—Л., 1941.

Е. Ю. Кричевский, специально посвятивший Го́родску одно из последних своих исследований, совершенно правильно считает, что «поселения типа Го́родск по целому ряду признаков могут быть названы трипольскими, но вместе с тем заметно уже отличаются от типичных местонахождений трипольской культуры». Следует только сказать не «могут», а «должны» быть названы трипольскими, так как генетическая связь Го́родска с Трипольем настолько еще велика, что понимание го́родско-усатовского этапа возможно лишь при анализе предшествующих этапов развития Триполья. Точно так же и новые общественные формы лишь начинают развиваться и процесс этот на этапе γ/II далеко еще не завершен. Таким образом, я считаю го́родско-усатовский этап принадлежащим (и генетически связанным) трипольской культуре, ее позднему периоду, вопреки, например, мнению Е. Ф. Лагодовской.[3]

Раскопки на городище «Червонная Гора» были за все эти годы проведены восемью раскопами, заложенными в южной и северной части мыса. Чрезвычайно интересно, что на поселении были открыты и наземные жилища (площадки) и полуземлянки. Наземные жилища Го́родска не могут быть характеризованы важнейшими чертами трипольского глинобитного жилища предшествующих этапов (например, Коломийщина I и II, Владимировка и др.). Прежде всего, го́родские наземные жилища не дали (ни в раскопках 1936 года, ни у Е. Ю. Кричевского в 1937 г., ни у М. Л. Макаревича в 1939—1940 гг.) сплошных глинобитных залеганий площадок с остатками глиняных плитчатых полов (в несколько рядов), мощных печных подов, различных возвышений в доме и т. п. Наиболее детально жилища полуземляночного типа были изучены в 1939 и 1940 гг. Макаревичем. Так, в 1939 г. площадь, занятая остатками такого типа жилища, равнялась 5.4 м в длину и 3.6 м в ширину, приближаясь по форме к вытянутому с северо-востока на юго-запад прямоугольнику и напоминая неправильный овал.

Как установлено, это жилище было на 0.2 м углублено в глинистый подстилающий слой, являющийся одновременно основанием — полом жилища. Примерно в центре жилища в основании обнаружено углубление для очага, округлое в плане, диаметром в 1—1.2 м и до 0.40 м глубиной (от основания пола). Оно было заполнено обломками обожженной глины, костями животных, отдельными фрагментами керамики.

Обломки обожженной глины имели растительную примесь. Они были сосредоточены в местах очага и лишь в незначительном количестве, не образуя сплошного залегания, были встречены еще и в других частях жилища. В жилище обнаружены зернотерки, обломки костей животных, глиняные пряслица, глиняные грузила от ткацкого станка, кремневые и костяные орудия, многочисленная керамика и антропоморфные глиняные статуэтки.

Таким образом, раскопки 1939 г. М. Л. Макаревича подтвердили сделанные в Го́родске в 1936 и 1937 гг. Кричевским наблюдения о наличии здесь особого типа полуземлянок с очагом, причем большинство обломков обожженной глины с отпечатками лозы и прутяного каркаса принадлежит печным сооружениям. Этот тип постройки характерен для многих других поселений позднего Триполья. К ним принадлежат прежде всего землянки с очажными ямами, раскопанные Хвойко в Киеве (на б. Кирилловской ул. на земле б. усадьбы Святославского и на земле б. усадьбы Петровского).[4] Близкие залегания полуземляночного типа были открыты Н. Ф. Беляшевским на Верхней Юрковице, близ Киева,[5] а также в раскопках Хвойко близ Ржищева и Канева.[6]

В 1939 г., кроме этого жилища, Макаревич изучил в Го́родске (как ранее Кричевский) остатки другого типа трипольской постройки. Культурный слой жилища был обнаружен на глубине 0.20—0.25 м от современного горизонта, причем, как и на поселении Коломийщина I и II, остатки жилища имели в плане прямоугольную форму и равнялись в длину 7.5 м, в ширину 3.6 м, представляя собой тип небольшого наземного глинобитного жилища. Основанием был однослойный, тонкий плитчатый пол, местами сильно разрушенный. Вещевой инвентарь, найденный здесь в меньшем количестве, чем в полуземлянках, это главным образом кремневые орудия, фрагменты керамики, кости животных. Насыщенность культурного слоя небогатая. Таким образом, в Го́родске встречен и характерный для Триполья тип глинобитного наземного сооружения — площадки, однако остатки такой площадки в Го́родске отличаются небольшими размерами, однослойностью и почти полным исчезновением многочисленных плитчатых полов.

Аналогичные остатки жилищ были обнаружены и в Райках, и в Евминках, и в Лукашах, и в Бортничах на Левобережье Днепра, на поселениях, по всему комплексу находок относящихся к позднему Триполью. Примеры поздних поселений на западе Украины, например у Кошиловцев, дали залегания глиняной обмазки лишь очажного типа.

Все эти явления Кричевский правильно характеризовал как «путь исчезновения три-

[3] О. Лагодовська. Проблеми Усатовської культури. Наукові Записки, кн. 1, изд. АН УССР, 1943, стр. 53—66.

[4] В. В. Хвойко. Каменный век в Среднем Поднепровье. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

[5] Археологическая летопись Южной России, т. I. Киев, 1899, стр. 76—77.

[6] В. В. Хвойко. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. ЗРАО, т. V, вып. 2, 1904.

польского домостроительства, в процессе исчезновения Трипольской культуры в целом».[7] Эти же черты, указывающие на путь исчезновения трипольских площадок на этапе позднего Триполья, должны быть отмечены и в других позднетрипольских поселениях у Колодяжного, в Райках и в Ягнятино, открытых в Киевско-Волынском Полесье и на Левобережье Днепра (Евминки, Бортничи, Гнедин, Лукаши и др.).

Культурный слой поселения у Го́родска, в отличие от культурного слоя обычных трипольских поселений (типа Коломийщина I и II, Владимировка и др.), характеризуется большой насыщенностью; причина этого лежит в системе хозяйства — земледельческого в основе на ранних этапах Триполья и в увеличивающейся роли скотоводства — на поздних. И количественно и качественно костные материалы, обнаруженные в Го́родске, отличаются от костных остатков более ранних трипольских поселений.[8] В 1937 г. (раскопки Кричевского) костный материал дал следующий состав:

Кости из раскопок 1937 г.

	Число костей	Число особей
Лошадь	126	3
Домашний бык	51	5
Домашняя свинья	4	1
Лось	3	1
Медведь бурый	1	1
Олень благородный	4	1
Кабан	1	1
Бобр	3	1

Так же, как и 1936 г., здесь преобладают кости лошади, на втором месте — домашний бык. В более ранних трипольских поселениях (Криничка — Любошкин Посад — раскопки С. С. Гамченко; Сушковка и на Коломийщине — раскопки Т. С. Пассек) повсюду доминируют кости домашнего быка. Та же картина, что и в 1936 г., повторилась в Го́родске и в раскопках 1939 г. (раскопки М. Л. Макаревича).[9]

Кости из полуземлянки (раскопки 1939 г.)

	Число костей	Число особей
Лошадь	37	2
Домашний бык	26	2
Овца или коза	3	1
Лось	3	1
Медведь	1	1

Кости из наземного жилища у Го́родска (раскопки 1939 г.)

	Число костей	Число особей
Лошадь	67	2
Домашний бык	30	2
Свинья домашняя	1	1
Овца или коза	17	2
Кабан	3	1
Тур	1	1
Лось	2	1
Олень благородный	1	1
Козуля	3	1
Выдра	1	1

Таким образом, тип жилища в Го́родске, а также культурный слой на позднетрипольском поселении значительно отличаются от господствующих типов наземных трипольских глинобитных построек и от малонасыщенного культурного слоя на трипольских поселениях более ранних этапов.

Безусловно, изменение в системе хозяйства отразилось и в характере культурного слоя, в типе жилой постройки и в инвентаре орудий труда. По сравнению с ранее описанными трипольскими поселениями, в Го́родске кремневые орудия весьма многочисленны.

Среди кремневых орудий выступают скребки концевые и овальные, массивные скребковидные орудия высокой ладьевидной формы, выгнутые скребки в форме полумесяца, различные острия от проколок — до наконечников копий. Постоянно обнаруживаются ножевидные пластины и отщепы, употреблявшиеся в качестве режущих инструментов; серии треугольных, часто с вогнутым основанием, кремневых наконечников стрел, пока малоизве́стных на поселениях раннего Триполья и постоянно встречаемых в позднетрипольских поселениях типа Райки, Кирилловская Гора в Киеве, Евминка, Усатово и характерных для стоянок эпохи бронзы.

Редко встречаемые в трипольских поселениях этапа С/I каменные и кремневые топоры (возможно для обработки дерева) в Го́родске выступают в значительном количестве, как и в других поздних трипольских поселениях типа Колодяжное, Райки. Так, в 1936 г. было обнаружено 4 обломка кремневых топоров-клиньев. Один из них из серого кремня с темносерыми прожилками. Сохранилось лишь лезвие, прекрасно отполированное и оббитое по узким сторонам. Топор был клиновидной прямоугольной формы с расширяющимся лезвием.

Другой топор-клин — из темносерого кремня с заполированным лезвием (рабочая часть). Вся остальная поверхность оббита. Кроме того, было найдено еще два клиновидных топора близкой формы.[10]

---

[7] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941.

[8] Его же. Поселения в Городске. Сб. «Трипільска культура», т. I, Київ, 1941, стр. 432.

[9] Определения костного материала на поселении с. Го́родска, как и ранее на Коломийщине I и II, сделаны И. Г. Пидопличкой.

[10] Трипільска культура, т. I, Київ, 1941, рис. 25—28.

Аналогичный клиновидный кремневый топор из светлосерого кремня был найден в раскопках 1937 г. Кричевским [11] и в раскопках 1939—1940 гг. Макаревичем, причем имеются топоры-клинья из серовато-желтого кремня (волынского), сплошь полированные с широких сторон. Другие же оставались полированными лишь у лезвия, остальные части широких и узких сторон грубо оббиты.

Кроме кремневых топоров-клиньев, в раскопках Кричевского (1937 г.) обнаружен фрагмент каменного, из светложелтого мягкого сланца, просверленного топора-молота, а на поверхности поселения — целый топор-молот из довольно твердого зеленоватого камня. [12]

Эти находки известны, безусловно, как единичные в трипольских поздних поселениях, как, например, в верхних слоях Кукутени В, в Попудне, в Кошиловцах и у с. Бучач. [13]

Кроме кремневых и каменных орудий, в Го́родске обращает на себя внимание большое число кремневых нуклеусов, а также пластинок и отщепов, являющихся показателями изготовления орудий на месте.

Культурный слой поселения у Го́родска исключительно насыщенный и отличен от обычного культурного слоя на трипольских поселениях. Наряду с кремневыми и каменными орудиями, здесь же встречено некоторое количество орудий из рога оленя и кости. В числе их мотыги из рога оленя с округлой просверлиной, костяные лощила, костяные проколки.

Наибольшее число находок составляет керамический материал, причем комплекс керамики в Го́родске является исключительно важным при решении вопроса об относительной хронологии поселений го́родско-усатовского этапа (С/II—γ/II). Керамика Го́родска, так же как и типы жилищ (с исчезновением характерных черт трипольских площадок) полуземлянок, широкое распространение кремневых клиньев для обработки дерева, кремневых орудий для обработки кож, появление просверленных топоров, а также изменение состава стада,— все эти признаки, безусловно, указывают на путь перехода от земледельческого, в основе, хозяйства к земледельческо-скотоводческому, с сохранением охоты.

Таким образом, поселение у Го́родска, как правильно пишет Кричевский, «выражает более или менее полное исчезновение всех основных признаков трипольской культуры: исчезают площадки, меняется весь характер культурного слоя, сочетание орудий труда и сама система хозяйства». [14]

Трудно пока еще говорить об изменении местоположения поселений. Ранние трипольские поселения, связанные с земледельческим хозяйством, располагались обычно на лёссово-черноземных почвах верхних надлуговых террас Правобережья Днепра и обычно довольно далеко от больших рек. [15]

Поселения эпохи бронзы тяготеют к большим рекам и располагаются на плато вблизи них. Поселение у с. Го́родска находится на мысу, граничащем с пойменной низиной р. Тетерев. Другие поздние трипольские поселения на Правобережье (как Балыки) обнаружены на плато непосредственно над широкой низиной Днепра (у Ржищева), так же как и землянки на Кирилловской Горе в Киеве; лежат они высоко на правом берегу, непосредственно над поймой Днепра.

Поселения Левобережья Днепра встречаются в несколько иных ландшафтно-топографических условиях. Так, поселение Лукаши (Переяславского уезда) расположено на левом берегу Днепра, в низине на краю болота. Полуземлянки у с. Бортничи, Гнедин, Вишенки, открытые Хвойко на левом берегу Днепра, лежат на нижней надлуговой террасе. Поселение Евминки расположено на дюне, точно так же как и позднетрипольское поселение на Сырце в Киеве.

Е. Ю. Кричевский приходит к выводу, что «на этом этапе поселения во всех отношениях лишаются своего специфического земледельческого характера. Они начинают все больше располагаться в низинах, на нижних надлуговых террасах, на дюнах и не только правого, но и левого берега Днепра. Основной причиной этого изменения мест обитания была все возрастающая потребность в пастбищах». [16]

Одновременно происходят коренные изменения и в инвентаре, в первую очередь — в керамике; в составе го́родской керамики, как и в других позднетрипольских (С/II — γ/II) поселениях в Усатове, Райках, Колодяжном, Евминках и др., наряду с сосудами чисто трипольского характера, встречаются и другие, по всей совокупности признаков представляющие керамику эпохи ранней бронзы со шнуровым орнаментом Среднего Поднепровья. Керамический и вещевой комплекс Го́родска не единичен и аналогичен инвентарю из позднетрипольских поселений у сел Колодяжное

[11] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., рис. 264.
[12] Там же, рис. 292—293 и 294—297.
[13] Oleh Kandyba. Kamenné nastroje neolithické malované keramuky v Haliči. Obzor prachistoricky. Rocnik IX (1930—1935), Praha, 1936; M. Himner. Swiatowit, т. XIV, Warszawa, 1933, табл. XLI.

[14] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 245 и след.
[15] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Коломийщина. Трипільська культура, т. I, Київ, 1941, стр. 9 и след.
[16] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 245 и след.

и Райки, в Кирилловских землянках, у с. Евминки, а на юге — у с. Усатова.

Прорабатывая керамический материал из Го́родска и изучая его классификацию, приведенную в отчетах о раскопках Е. Ю. Кричевского, мне пришлось столкнуться с недостаточной четкостью самой классификации и несогласованностью в выводах автора о той или иной группе сосудов. В связи с этим в настоящей работе я решила выделить для Го́родска заново в кратком виде основные четыре керамические группы, чтобы связать их с остальными керамическими материалами других позднетрипольских поселений.

Следует отметить, что го́родский керамический комплекс чрезвычайно разнообразен. В него входят разного сорта сосуды, некоторые из них сохраняют, в основном, черты трипольской керамики более ранних ступеней развития, другие — решительно отличаются от них и близки к керамике стоянок медного века с Право- и Левобережья Днепра и Десны и должны быть сопоставлены с ними, а также с керамикой Среднеднепровской культуры. Керамики трипольского типа в Го́родске достаточно, но преобладают другие группы. Эта разнообразность в керамическом материале отмечается как характерная черта и в других позднетрипольских поселениях изучаемого городско-усатовского (С/II — γ/II) этапа.

Наибольшее число находок составляет в Го́родске керамика: 1) с шероховатой поверхностью, в редких случаях — с полосчатым сглаживанием и слабо орнаментированную; 2) с углубленным орнаментом; 3) с веревочным орнаментом; 4) наименьшим числом сосудов представлена расписная (монохромная) керамика одного из трипольских типов (рис. 82). [17]

I. Масса серовато-черная, реже — желтовато-коричневая и серовато-желтая, мало однородная. Глина с сильной примесью довольно крупного кварцевого песка или же с примесью толченых раковин, часто в глине заметна примесь растительных остатков, выгорающих при обжиге и дающих сильно пористый черепок; имеется примесь слюды, золотистые блестки которой сильно заметны на поверхности сосуда. Обжиг неравномерный, слабо окислительный. Черепок довольно тупой и с глухим звуком при ударе, тяжелый от большой примеси песка. Сильная примесь довольно крупного песка, слюды, толченых раковин — характерная черта массы, из которой изготовлены сосуды этого типа в Го́родске. Условно называю это «песчанистостью» массы.

Изготовлены сосуды от руки, обычно довольно толстостенны. Поверхности — цвета массы. Внутренняя поверхность часто темнее, с едва заметными следами от сглаживания при лепке, у чаш и внутренняя сторона всегда тщательно заглажена. Наружная поверхность сосудов не всегда хорошо заглажена, слабо блестящая с заметно выступающими блестками песка, слюды, раковин и известковыми частицами. Следы полосчатого сглаживания заметны иногда и на наружной поверхности. Сосуды этого типа редко орнаментированы; если же имеется орнамент, то он в виде небольших углублений проходит по верху края сосудов или по плечикам.

Среди форм сосудов возможно установить: 1) чаши с прямыми стенками и скошенным внутрь краем; 2) чаши со слегка выпуклыми стенками и наклоненными внутрь краями; 3) сосуды с широким горлом и несколько вытянутым телом, плечики округлые, высоко поднятые (по форме сосуды, видимо, близки к кратерообразным трипольским сосудам или же к горшкам типа полосчатых) часто бугорки, выдавленные изнутри; 4) сосуды с широким и очень высоким горлом с отогнутым краем и округлым телом. Форма эта развивается и из грушевидной трипольской урны и из сосуда с угловатыми плечиками. Постепенно широкое горло вытягивается и меняет форму этого характерного типа трипольского сосуда, перерастая затем в высокие сосуды эпохи бронзы и раннескифского времени.

К сожалению, установить большее число форм для данной группы не удается. Следует подчеркнуть большое распространение в этой группе сосудов — на чашах и на кратерах налепных бугорков (шишек)-ушек, без сквозных отверстий, иногда парных, размещающихся у основания плечиков. На некоторых фрагментах отмечаются бугорки-ручки трипольского типа, с горизонтально проткнутым широким отверстием. Аналогичного типа сосуды будут отмечены при рассмотрении материалов из раскопок курганных погребений у с. Колодистое и в других поселениях, например у с. Колодяжное, где и по форме сосуды совпадают с го́родскими разбираемой группы.

II. Близко к разобранным сосудам стоит II тип го́родской керамики. Масса светлосерая, коричневато-красная, более твердая и однородная. Глина обычно с примесью кварцевого песка, сильно песчанистая. Обжиг более равномерный. Черепок довольно острый и слабо звонкий при ударе. Поверхности коричневато-красные, хорошо сглаженные, слабо блестящие. Сосуды данного типа орнаментированы лишь в верхней части несколько небрежно нанесенными полосками или короткими вдавленными полосками, проходящими у основания плечиков и по краю; постоянно встречается орнамент в виде округлых небольших ногтевых углублений или оттисков концом плоского инструмента. Основание плечиков часто опоясано одиночной полосой, нанесенной наискось перевитой веревочкой.

Из форм сосудов могут быть отмечены: 1) чаши с коническими или прямыми стенками; у края с наружной стороны два или один

[17] T. Passek. Указ. соч., тип. VI, стр. 73—76, табл. XVIII (1—3).

ряд мелких углублений; 2) небольшие с округлыми стенками чашечки; 3) сосуды с довольно широким горлом и сильно отогнутыми краями. Плечики округлые, у основания их обыкновенно парные или одиночные бугорки-ушки, окаймленные мелкими углублениями, чаще же у основания края проходит полоса, оттиснутая наискось перевитой веревочкой, реже — у основания края ряды вертикально идущих полосок или округлых углублений; 4) такая же форма, но более вытянутая, горшковидная с бугорками-ушками у основания плечиков (4 шт.). Аналогичные формы встречены и в с. Колодистом, в курганных погребениях.[18]

По технике массы и технике нанесения орнамента эта группа сосудов близка к типу XIV (моей классификации керамики) с вдавленным орнаментом, но элементы орнамента, столь характерные в этом типе этапа С/I, отсутствуют или почти отсутствуют в городской керамике (в частности, свисающие отрезки лент с окаймленными углублениями и пр.). Однако этот же тип четко выступает в других позднетрипольских поселениях городско-усатовского этапа и в с. Евминки,[19] и еще ранее, например в поселении Коломийщина I.[20]

III. Наиболее многочисленный в Городске — это III тип. Масса красновато-коричневая, реже — серовато-коричневая с красноватым оттенком. Глина с очень сильной примесью мелкозернистого песка. Обжиг слабо окислительный, неравномерный, часто дающий темные пятна на поверхности. Черепок довольно тупой. Масса сильно песчанистая. Изготовлены сосуды от руки. Поверхности — цвета массы; внутренняя — обычно темнее и со следами сглаживания; наружная — ровная, хорошо сглаженная, иногда слабо блестящая.

В комплексе керамики из Городска не сохранился ни один целый сосуд этого типа. Многочисленные фрагменты позволяют лишь восстановить некоторые из форм, о которых будет сказано ниже. Наиболее распространенный орнамент нанесен оттисками наискось перевитой веревочки, частыми округлыми ямками, овальными углублениями, узкими вдавленными полосками, луновидными оттисками, поперек перевитой веревочки. Орнамент покрывает обычно лишь верхнюю часть сосудов, чаще не образуя ограниченных поясов.

Элементы эти обычно располагаются одиночными или несколькими параллельными рядами. Оттиски веревочек опоясывают в несколько рядов верхнюю часть сосуда; иногда косые веревочные полосы перекрываются и образуют на стенках сосуда узор сетки. Ряды вдавленных узких полосок образуют орнамент в елочку. Кроме того, постоянно встречаются ряды вдавленных ямок, нанесенных различными округлыми или прямоугольными штампами на конце; на краю часто оттиски ногтевого орнамента, а также оттиски раковин.

Перечисленные элементы орнамента характерны не только для городского поселения, но широко известны и в киевских землянках, и в Евминках, и в Усатове, т. е. в наиболее типичных поселениях городско-усатовского этапа (С/II—γ/II).

Определить формы можно лишь для сравнительно небольшого количества. Затруднено это тем, что данный тип представлен исключительно фрагментами сосудов.

1. Чаши конические с плоским, слегка наклоненным внутрь, довольно широким краем; край этот с внутренней стороны образует как бы закраинку, на которой всегда располагается орнамент, нанесенный оттисками наискось перевитой веревочки. Оттиски эти образуют горизонтальные ряды, проходящие по краю, или же ряды (3—4), упирающиеся в группы под углом расположенных таких же оттисков веревочек. Часто пространство края пересечено сплошь сходящимися под углом отрезками полосок, нанесенных оттисками наискось перевитой веревочки. С наружной поверхности чаши не орнаментированы.

2. Чаши с округлыми стенками и прямыми краями. Дно, вероятно, слабо выраженное, плоское. Орнамент располагается на наружной поверхности чаш, на верхней части. Чаще всего у верха края проходят вертикально расположенные короткие вдавленные полоски, ниже 5 или 6 оттиснутых веревочкой полосок; иногда пространство между двумя такими горизонтальными полосками пересечено поперек короткими. Такие же короткие полоски свисают вниз от нижней опоясывающей полосы. Иногда горизонтальные полоски попарно пересекают пространство между двумя горизонтальными, а также образуют косую и прямую сетку.

3. По форме, кроме чаш, могут быть отмечены сосуды с округлым телом и почти прямыми краями и слегка выраженным плоским дном. Восстановить целиком форму пока не удалось. Стенки сосудов орнаментированы горизонтальными полосками, оттиснутыми веревочкой; часто пространство между двумя такими полосками заполнено обращенными в одну сторону луновидными (серповидными) оттисками веревочки, столь характерными для Усатова. Иногда у верха края — ряды коротких вдавленных полосок. Такие же полоски свисают у нижней опоясывающей полосы. Часто ниже полосок, нанесенных оттисками веревочки, располагается один или два

[18] А. А. Спицын. Раскопки курганов близ с. Колодистое, Киевской губ. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, рис. 10—16.

[19] М. Макаренко. Досліди на Остерщині (Евминка). Коротке Звідомлення за археологічні досліди в 1925 г., Київ, 1926, стр. 61, табл. XIV, 7.

[20] Сб. «Трипільська культура», т. I, Київ, 1941.

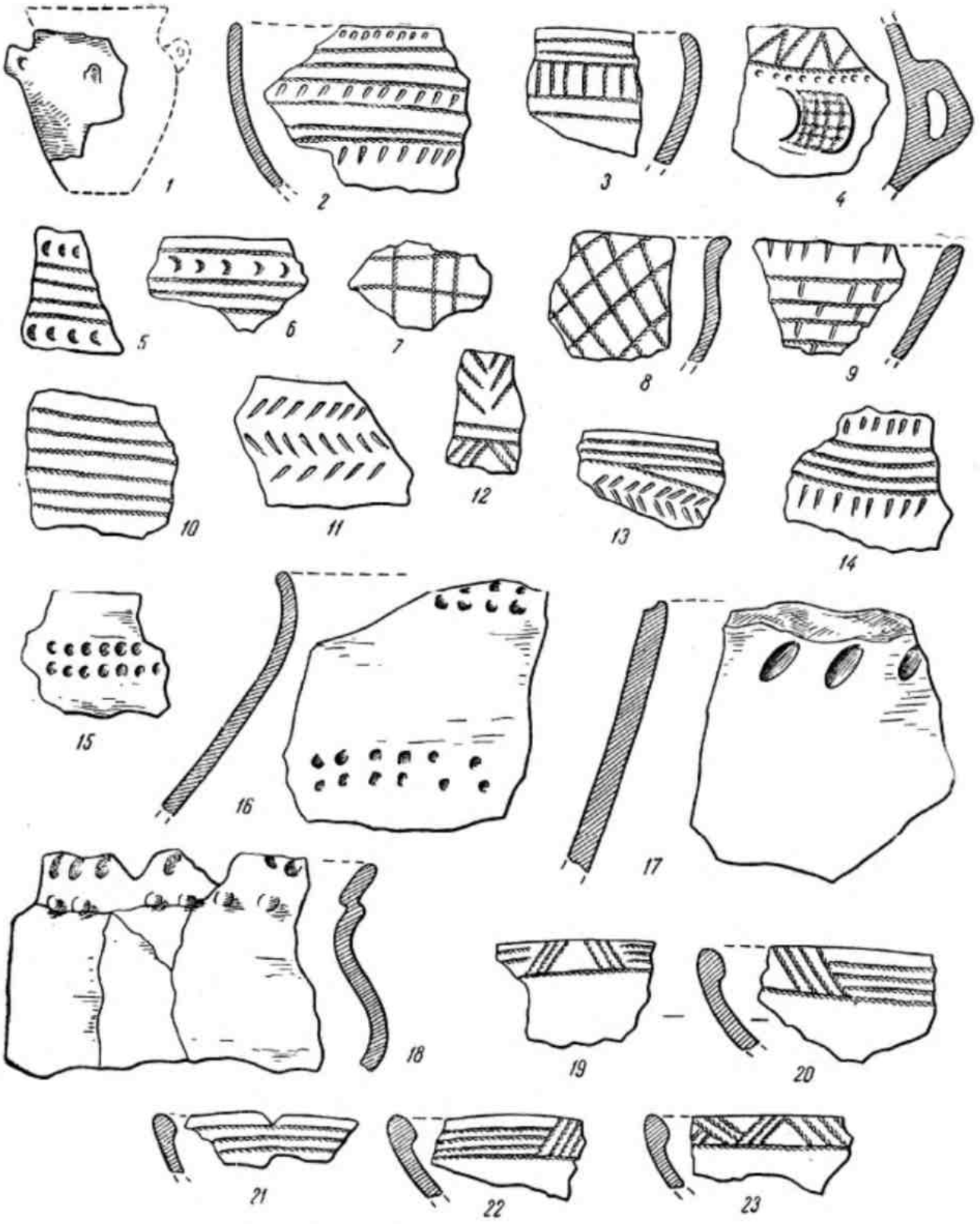

Рис. 82. Го́родск. *1—23*—фрагменты сосудов с углубленным и веревочным орнаментом (*1*—1/2 н. в.; *2—23*—3/5 н. в.)

ряда вдавленных полосок, образующих елочку. Все эти элементы орнамента, а также техника их нанесения, а иногда и сочетание в отдельных комбинациях отчасти повторяют те орнаментальные сюжеты, которые известны по сосудам среднеднепровской культуры.

4. Интересна еще одна форма сосуда, к сожалению, тоже не полностью восстановленная. Фрагменты этой формы указывают на наличие у этих сосудов массивных ручек, горизонтально проткнутых в толще стенок. Чаще всего этот тип ручек встречается на сосудах двухконусных, характерных для трипольской керамики. Такие двухконусные сосуды известны в позднетрипольских поселениях у Колодяжного, в Кошиловцах, в Усатове. Но в Го́родске эти ручки встречены на керамике не расписной, а на керамике с веревочной орнаментацией. Однако эти трипольские ручки в Го́родске имеют вверху роговидные отростки. Иногда ручки на этом типе керамики расположены в виде пар сосочков-бугорков. Массивные ручки часто с плоским желобком посредине. Ближе всего, однако, эти ручки и форма двухконусных сосудов к усатовским и к сосудам шнуровой керамики.

Во всяком случае, тип керамики с веревочной орнаментацией широко представлен на поселении в Го́родске, хотя еще и не удается полностью воссоздать все существовавшие формы.

Таким образом, в го́родском комплексе намечаются три типа керамики; два первых (I и II) генетически связаны в своем развитии с аналогичными типами в Триполье. Только что разобранный III тип — это новый для Триполья тип керамики; генетически он связан, вероятно, с Трипольем, однако большие связи прослеживаются и с керамикой, существовавшей в это время в Поднепровье у племен эпохи бронзы. Остается сейчас рассмотреть, какой же тип расписной керамики Триполья доживает до го́родско-усатовского этапа, и, установив, с каким комплексом керамики он обнаружен, сопоставить его с другими находками расписной керамики Причерноморья.

IV. Масса оранжевая, желтовато-розоватая, довольно твердая и плотная.[21] В нескольких случаях отмечается сильная песчанистость массы. Глина с примесью очень мелкого песка с золотистыми блестками. Обжиг окислительный, равномерный; черепок острый, твердый, довольно звонкий при ударе. Сосуды изготовлены от руки. Поверхности — цвета массы. На внутренней поверхности заметны следы от сглаживания при лепке плоским предметом; наружная — гладкая, орнаментированная, приобретшая вследствие этого более интенсивный тон, чем внутренняя. Полировка не очень тщательная. Облицовка (обычно красочная) отсутствует. Роспись нанесена черной краской нешироки́ми лентами, образованными парой параллельных полосок, реже — тремя нетолстыми полосами. При соприкосновении ленты не сливаются плавно, как обычно в расписной керамике других трипольских типов, а упираются друг в друга, не образуя при этом столь характерных треугольников. Господствует сплошное заполнение полей росписи частой ромбической или прямой сеткой. Окаймление узкими волнообразными полосками или узкие ленты образованы парой волнообразных полосок. Часто полосы лент окаймлены уголками-зубчиками, иногда со слегка загнутыми вершинами. В Го́родске мы лишь в одном случае встретили характерное для данного типа заполнение красной краской средины лент или отдельные поля росписи, что мы постоянно встретим на юге в керамике Усатова, Парка́н, Шабалата, Белозерки и др. Зато в Го́родске мы имеем также и другой, не менее характерный прием — заполнение косой сеткой свободных полей, полоски с отходящими короткими штрихами (рис. 83).

Пояс росписи на сосудах довольно широкий; роспись располагается свободно, но обычное для этого позднетрипольского типа расписной керамики заполнение полей сеткой, осложнение волнообразными полосками, группами штрихов — веточками — придает стилю росписи несколько своеобразный, вычурный характер. В этом типе расписной керамики позднего этапа Триполья так же, как и в керамике с вдавленным орнаментом, с особой ясностью выявляется совершенно иной стиль росписи, чем в ранних керамических комплексах Триполья. Свободный, динамический принцип спирального орнамента, покрывающего (обегающего) весь сосуд, обычный для ранних этапов, здесь сильно изменился в самой основе своего построения. Роспись заключена в поясе и подчинена другим ритмическим законам — делению пояса на метопообразные поля. Спиральный сюжет здесь может быть выявлен лишь в стадии окончательного распадения.[22] Формы сосудов в Го́родске следующие.

1. Чаши конические с выпуклыми приподнятыми краями, несколько заходящими внутрь. Фрагменты чаш, обнаруженные в Го́родске (раскопки 1939 и 1940 гг. М. Л. Макаревича), орнаментированы с наружной и с внутренней стороны. Так, на одном фрагменте у верха края проходит снаружи ряд сплошь закрашенных углов; углы эти, как обычно у керамики этого типа, с загнутыми вершинами и обращены вниз. На других фрагментах с наружной стороны от края сви-

[21] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИИМК, вып. 122, Л., 1935, тип VI (этап γ /II), табл. XVIII/1, XVIII/2, XVIII/3.

[22] T. Passek. Указ. соч., табл. XXVII, рис. 5—8.

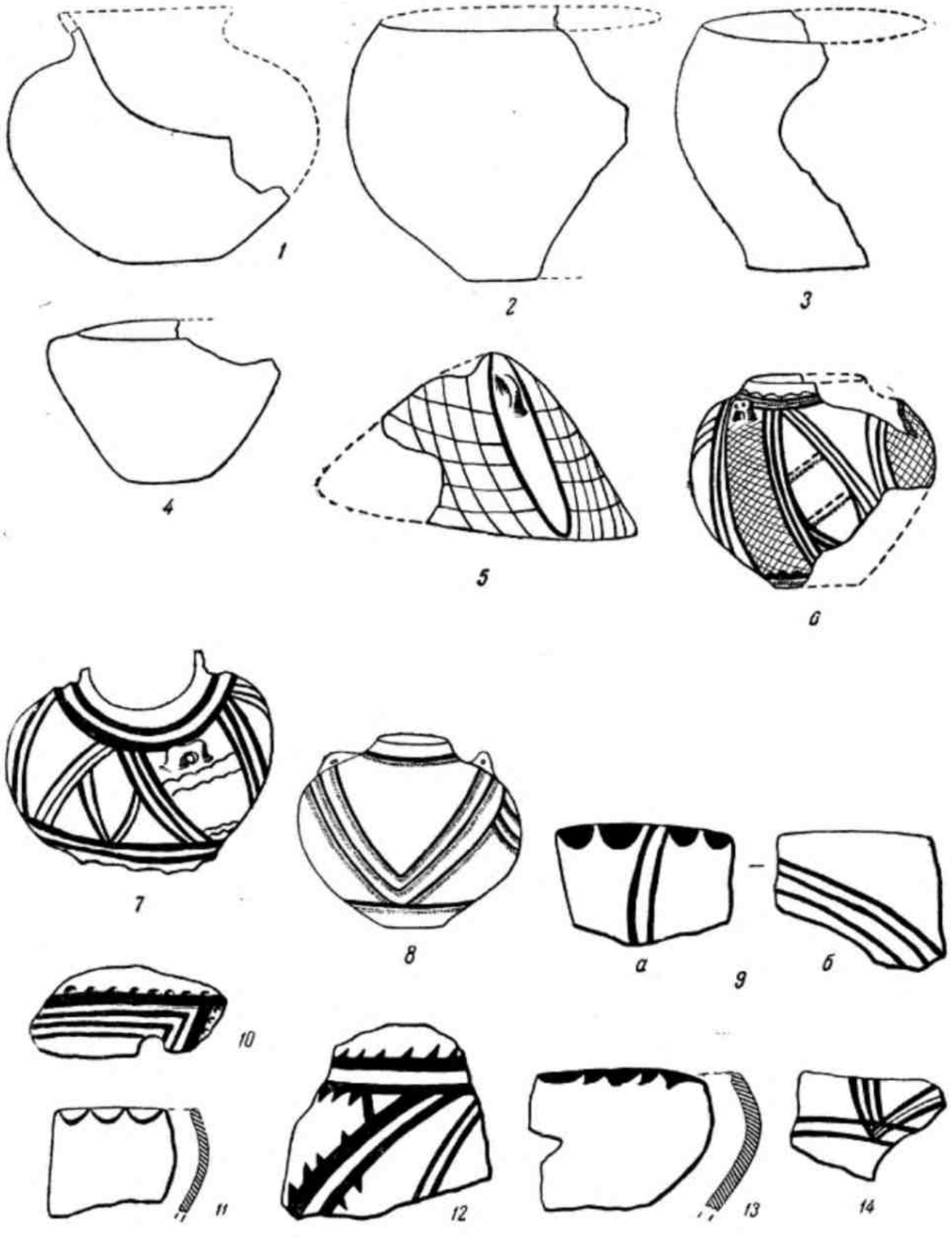

Рис. 83. Го́родск. *1—7, 9—14*— фрагменты сосудов с черной и красной (дано точками) росписью; *8*— сосуд с черной и красной росписью из Завишни (1/2 н. в.)

сают дугообразные фестоны или же у края проходит волнообразно изогнутая полоса. Один фрагмент чаши сохранил роспись и с наружной поверхности, состоящую из отходящей от края по стенкам ленты (из 4 полосок), а на внутренней поверхности, у края — овальные, сплошь закрашенные фестоны; по стенке две параллельные полосы, видимо, образуют систему сходящихся у центра полуовалов. Сюжет соприкасающихся колец, наносимый на внутренней поверхности чаш, чрезвычайно типичен для позднетрипольской расписной керамики.[23]

2. В раскопках 1936 г. в Го́родске обнаружены фрагменты грушевидных урн с невысоким коническим горлом, несколько наклоненным внутрь. На верхней части стенки расположены горизонтально проткнутые ручки.

3. Невысокие горшочки с округлым телом и низкими, слегка выгнутыми краями широкого горла. Росписи не сохранилось.

4. Небольшой горшочек с несколько более вытянутым телом и невысоким горлом. На плечиках бугорки-ручки без отверстия.

Среди находок 1939—1940 гг. в Го́родске имеются три фрагмента сосудов с черной росписью. Ленты росписи состоят из двух и трех нешироких полосок, обычно окаймленных зубчиками. Любопытно, что такого же стиля роспись характерна для VI типа трипольской керамики позднего этапа в Причерноморье и на Днестре.[24]

Проанализированный комплекс расписной керамики из Го́родска с исключительной четкостью совпадает со всем комплексом расписной керамики, обнаруженной в Причерноморье и на Днестре (Усатово, Парканы, Белозерка), о котором будет речь ниже. В этой связи исключительный интерес представляет обнаруженный в 1936 г. в Го́родске расписной сосуд (находка эта и заставила впоследствии начать систематические раскопки на Червоной Горе в Го́родске). В последующие годы (1940) М. Л. Макаревич нашел фрагмент аналогичного сосуда и коническую крышку к нему.

5. Сосуды с округлым телом, слегка сужива́ющимся книзу. Плечики выпуклые, низкие; края нешироко́го горла как бы срезаны и наклонены внутрь (в некоторых случаях, например в курганах около Тирасполя, эта же форма сосуда имеет 4 ножки).[25] Сосуды накрываются конической крышкой со слабо выпуклыми стенками. На плечиках сосудов и по сторонам крышек располагаются парные, слегка торчащие вверх ручки с вертикально, слегка вкось проткнутыми отверстиями (рис. 83—*6*).

Пояс росписи довольно широкий и пересечен с двух сторон сильно вытянутым несколько наискось расположенным овалом, образованным лентой из трех полос. Внизу в овале — сходящиеся под углом короткие отрезки лент. В центре овал пересечен двумя полосками, нанесенными красным с черным короткими полосками, образующими систему так называемой «ветки». Пространство между большими овалами, в центре которых расположены ручки, пересечено косой сеткой. Внизу ряд острых, сплошь закрашенных черных зубцов. У основания горла верхняя полоса пояса окаймлена волнистой полоской. Пространство между черными полосами, ограничивающими роспись сосуда, заполнено красной полосой. На сосудах этого типа, известных из Причерноморья, не было встречено в орнаментах аналогичной системы распадения спирали. Го́родская находка в этом отношении представляет исключительный интерес как недоставшее до сих пор звено в общей цепи развития рисунка. Ближе всего, как правильно указано в отчете, го́родский расписной сосуд стоит к белозеркинской находке[26] и к другим из Поднестровья и Причерноморья. В 1940 г. в раскопках М. Л. Макаревича был снова обнаружен фрагмент сосуда подобной формы и фрагмент конической крышки к сосуду (рис. 83—*5*).

Отрезки лент из трех полос огибают ручки и делят сосуд на два поля. Ниже ручек пространство пересечено поперек двумя парами волнистых полосок. В полях пояса росписи — сюжет распавшейся спирали, образованной косыми лентами с отходящими от них под углом изогнутыми отрезками.

Аналогичный сюжет распадения спирали был отмечен на одном из сосудов с выгнуто-цилиндрической высокой верхней частью из раскопок курганов около Тирасполя.[27] На конической с двумя ручками крышке (сохранилась лишь одна половина крышки), принадлежащей описанному сосуду, роспись покрывает крышку сплошь.

Довольно широкие полосы окаймляют ручку, образуя заостренный овал; широкие пространства между овалами заштрихованы узкими полосками, образуя прямую сетку. Сюжет сетки характернейший для расписных сосудов го́родско-усатовского этапа (С/II—γ/II).

К разнообразному комплексу керамических находок из Го́родска, помимо упоминавшихся из Поднестровья и Причерноморья, близко стоят и материалы, добытые в раскопках у с. Кошиловцы, на Днестре. Особенно близкие аналогии прослеживаются: в формах сосудов, в технике росписи, в стиле ее и в сюжетах орнамента. Орнамент дает также системы спиралей, но в стадии их распадения. Округлые сосуды с конусовидными ручками или угловатыми, сильно выступающими, двухцветная роспись (черным и красным), орнамент

[23] T. Passek. Указ. соч., табл. XXXIII, рис. 11—12.
[24] Там же, табл. XVIII, 2, рис. 6.
[25] Там же, табл. XVIII, 3, рис. 1—3.
[26] Там же, табл. XVIII, 3, рис. 6.
[27] Там же, табл. XXVII, рис. 5—6.

сетки, окаймление лент зубчиками, метопообразное деление пояса росписи — все эти признаки имеются в керамике Го́родска и Кошиловцев. Некоторые из форм дают полное тождество. Любопытно, что близость керамики из Кошиловцев к шнуровой керамике сказывается на появлении новых форм сосудов, например, небольших кувшинов с ленточной ручкой (в группе расписной керамики), по форме точно совпадающих с кувшинами, характерными для керамики со шнуровой орнаментацией.[28] До этого кувшины такой формы с ленточной ручкой в расписной керамике Триполья неизвестны. Еще интересней то, что формы амфор с округлым телом из Кошиловцев приближаются к типичным амфорам шнуровой керамики. То же явление намечается и в Усатове.

Материалы из погребений у Злоте, в районе гор. Сандомира, совершенно правильно сопоставляются с материалами из Кошиловцев и прослеживаются связи шнуровой керамики с расписной. Как один из ярких примеров этой близкой связи можно привести замечательную находку круглой амфоры средних размеров, хранящейся в музее во Львове. Круглая амфора эта по форме полностью совпадает с только что разобранными горшочками с округлым телом и двумя ручками из Го́родска. Амфора была обнаружена в погребении со скорченным костяком вместе с кремневым топором-клином и сосудом со шнуровым орнаментом (к сожалению, не приведены их изображения) у с. Завишня, на р. Зап. Буг (южнее гор. Сокаль). Амфора — горшочек с округлым телом, слегка суживающимся книзу. Плечики выпуклые, низко расположенные, края неширокого горла как бы срезаны и наклонены внутрь. На плечиках амфоры распо-

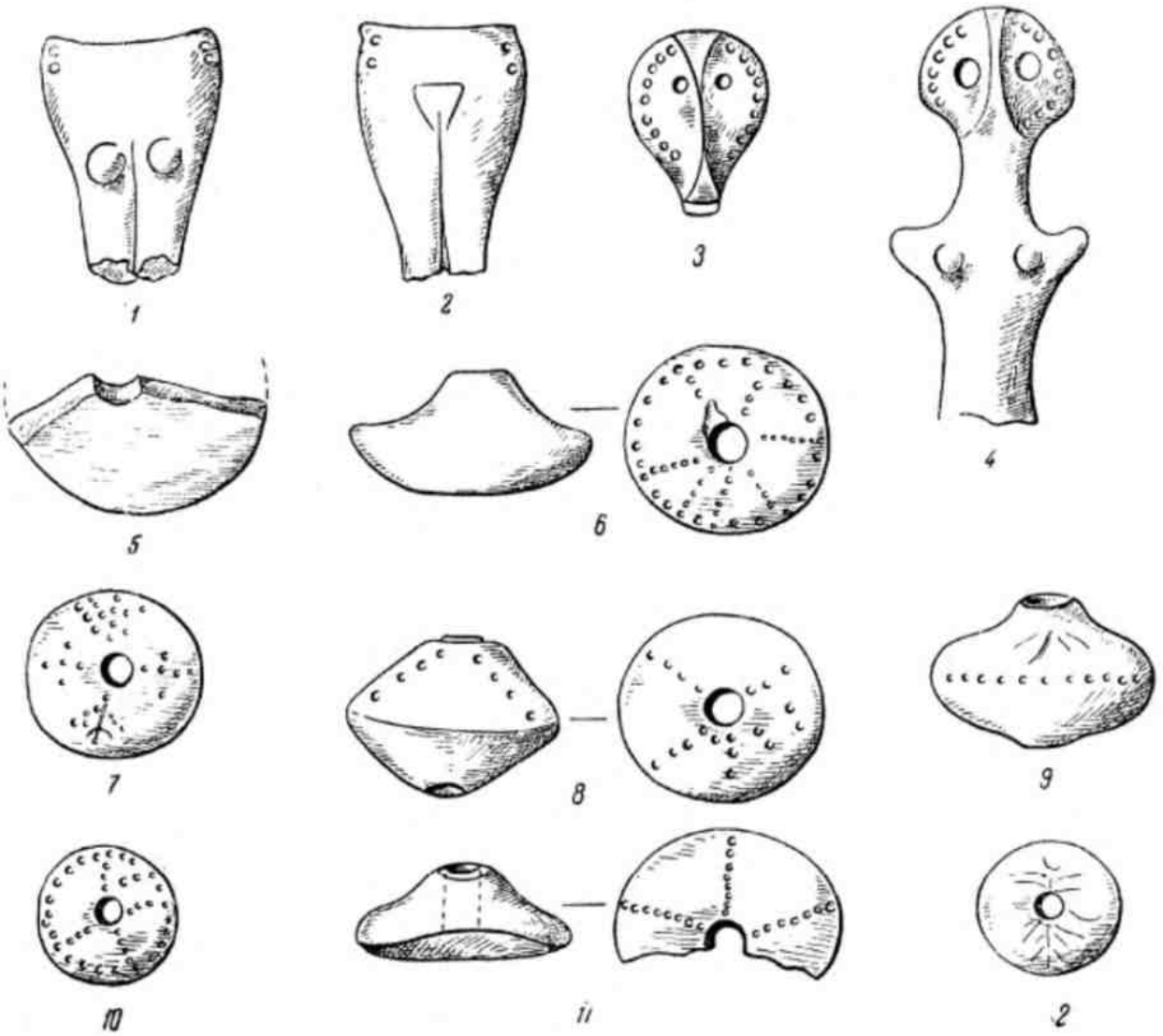

Рис. 84. Го́родск. *1—4*—фрагменты статуэток; *5—12*—пряслица (2/3 н. в.)

[28] K. Hadaszek. Osada przemysłowa w Koszylowcach, Lwów, 1915; W. Antoniewicz. Archeologya Polski, Warszawa, 1933, табл. X, 32 и XIII, 9.

ложены парные, слегка торчащие вверх ручки с вертикально проткнутыми отверстиями.[29] Пояс росписи широкий и пересечен сходящимися под углом отрезками лент, каждая из которых состоит из трех полос. Роспись нанесена коричневатой краской, образуя сюжет полуовалов (один из вариантов распадения спирального сюжета). Роспись плохо сохранилась, и по приведенной фотографии трудно полностью уяснить систему орнамента.[30]

Находка у Завишни (около Сокаля) — пример наиболее северо-западного пункта распространения курганов со скорченными костяками и шнуровой керамикой. Нельзя не отметить здесь, хотя об этом будет речь еще ниже, что аналогичные горшочки и конические крышки (в комплексе с веревочной керамикой) стали известны из раскопок в Райках (около Бердичева) и по случайной находке около с. Ягнятино (около Бердичева). Сохранились, к сожалению, лишь следы красной росписи, техника же изготовления этих сосудов целиком совпадает с техникой, применявшейся на только что разобранном нами поселении в Го́родске.

Поселения в Райках и в Ягнятине по характеру жилищ и по инвентарю относятся к го́родско-усатовскому этапу позднего Триполья. Тем более интересно, что немногочисленные фрагменты сосудов с росписью, известные из позднетрипольских поселений у с. Евминки и на Кирилловской Горе в Киеве, дают те же сюжеты сходящихся в полуовалы отрезков лент, нанесенных красной краской, или почти выпрямленных отрезков лент, пересекающих поле росписи.[31]

Чтобы закончить характеристику го́родского комплекса, следует упомянуть глиняные пряслица, постоянно обнаруживаемые не только в Го́родске, но и во всех позднетрипольских поселениях (рис. 84). В Го́родске их найдено очень много, что указывает на увеличивающуюся в этот период роль ткачества. Глиняные пряслица бывают плоские и конусовидные с округлыми бочками, с орнаментом и без него. Орнамент чаще всего состоит из мелких углублений, расходящихся от отверстия в центре к бокам в виде пяти- или семиконечной звезды. Иногда эти мелкие углубления образуют дополнительный узор из нескольких рядов углублений, распюлагающихся концентрически; есть глиняные пряслица, украшенные короткими вдавленными полосками, расходящимися от центра. Наиболее интересны пряслица, на которых имеются своеобразные пиктограммы — сложные изображения, образованные короткими полосками, мелкими углублениями; выделяются два глиняных пряслица с изображениями: одно — животного, другое — человека, змеи и птицы. Они обнаружены в Райках и представляют исключительный интерес.[32] Изображения на го́родских пряслицах не такие отчетливые и требуют особого изучения. Орнаментированные пряслица в большом количестве известны также и в комплексе находок из Кирилловских землянок, где они обнаружены вместе с керамикой, орнаментированной веревочкой, в жилищах земляночного или полуземляночного типа, относящихся к тому же го́родско-усатовскому этапу.

Кроме глиняных пряслиц, в Го́родске (как и в других поселениях позднего Триполья) встречены глиняные грузила в форме четырехгранных пирамидок высотой до 4—10 см, со сквозным отверстием. Глина прекрасно обожжена. Грузила массивны и в точности совпадают по форме с глиняными грузилами современных рыболовных сетей.

Совершенно неотделимы от всего описанного го́родского инвентаря глиняные статуэтки, столь характерные для трипольской культуры, еще больше подчеркивающие генетическую связь Триполья и Го́родска. Небольшие сравнительно раскопки 1936—1937 гг. в Го́родске не дали находок глиняных статуэток; в 1939—1940 гг. их было обнаружено несколько экземпляров. Все найденные статуэтки принадлежат к типу сильно схематизированных женских изображений, широко известных в Триполье. Обнаружены фрагменты из желтовато-красноватой массы стоячих статуэток с сомкнутыми ногами. Голова плоская, нос выполнен одним щипком. Оба глаза — сквозные круглые отверстия. Грудь обозначена бугорками. Бугорками подчеркнуты колени. Плечи — несколько приподнятые выступы (как обычно, без рук). Внизу живота вдавленной полосой очерчен треугольник. Наиболее характерной чертой для статуэток из Го́родска и других поселений Киево-Волынского Полесья позднетрипольского этапа является множество сквозных округлых мелких отверстий, окаймляющих спереди голову. Таких отверстий бывает 15—18. (На юге для этого позднего этапа будут отмечены иные формы статуэток и иной путь их развития.) Такие же 3—4 отверстия нанесены на надбедренных и плечевых выступах. Вероятнее всего, что эти углубления имеют обрядовое значение. Часто такими же мелкими углублениями заполнено сплошь пространство треугольника, очерченного внизу живота.

Рассмотренный комплекс находок (рис. 85) из поселения у с. Го́родска, изучавшегося за последние годы Трипольской экспедицией, а также характер жилищ на поселении показы-

[29] W. Antoniewicz. Tombeaux énéolithiques à inhumation à Zlota, distr. de Sandomierz. Wiadomósci Archeologiczne, т. IX, Warszawa, 1924, рис. 40.
[30] K. Hadaszek. Указ. соч., табл. XVII, рис. 157.
[31] T. Passek. Указ. соч., табл. XIV, рис. 1—4.
[32] «Коротке Звідомлення» за 1926 р., Київ, 1927, стр. 77 рис. XVI.

вают значительное своеобразие и заметное отличие по ряду признаков трипольских племен Поднепровья на позднем этапе его развития. При анализе Го́родского поселения и комплекса находок прослеживаются пути развития трипольских племен в период перехода

известно из кратких отчетов, также не дали типичных для Триполья глинобитных жилищ (площадок).

Остатки трипольской культуры были обнаружены здесь во время раскопки большого кургана (20 м диаметр и 3.5 м высота). Под

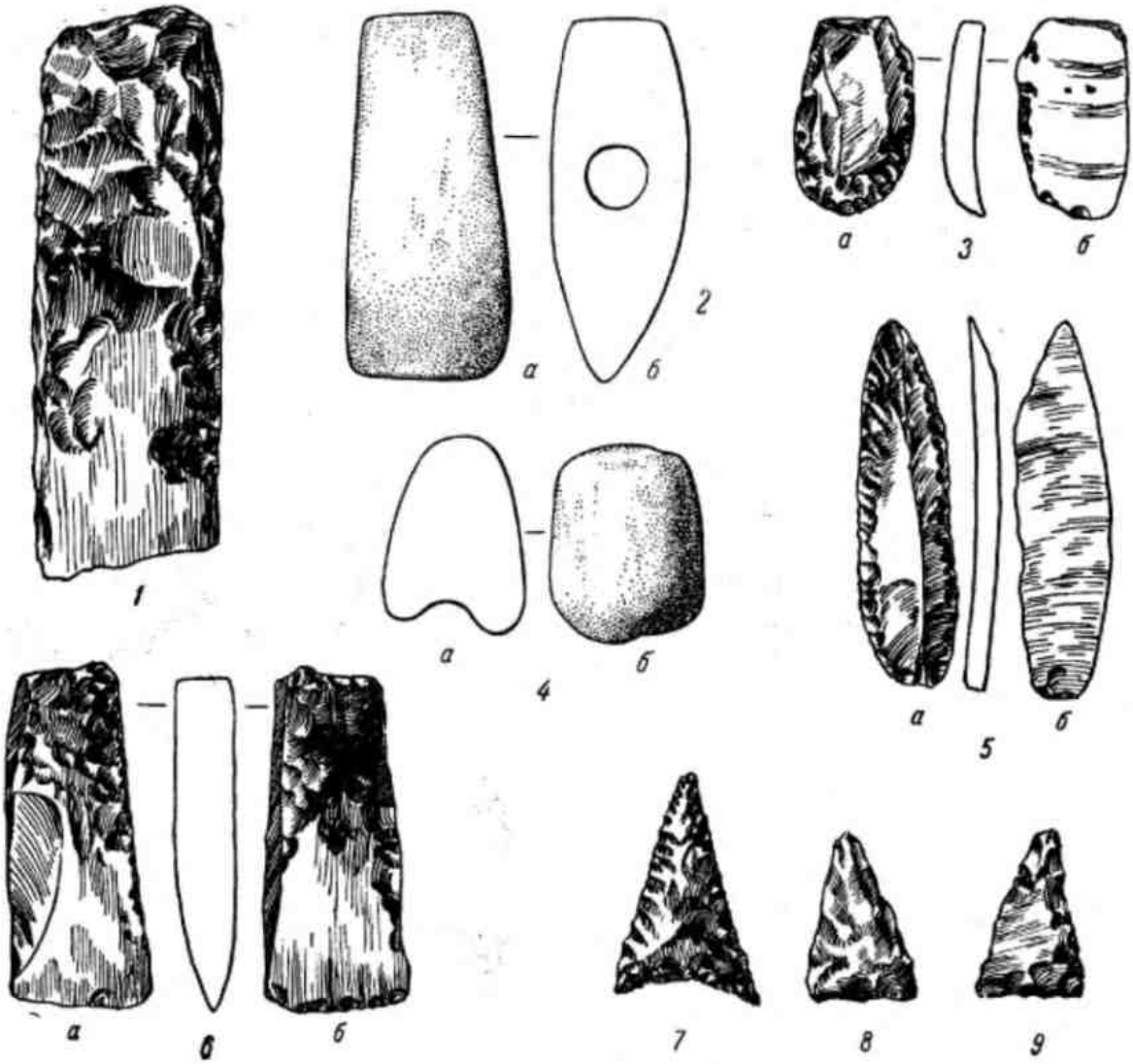

Рис. 85. Го́родск. *1—9* кремневые и каменные орудия (2/3 н. в.)

к эпохе бронзы и отмечаются те новые черты, которые изменяют их облик. На примере Го́родского поселения можно показать новые важнейшие черты, которые характеризуют этап С/II развития Триполья на севере, соответствующий этапу γ/II на юге (Усатово).

Но прежде чем перейти к анализу усатовского материала, остановлюсь еще на других позднетрипольских поселениях Киевско-Волынского Полесья и территории Левобережья Днепра, которые должны быть сближены с Го́родском и соответствовать ему по времени.[33]

Раскопки 1926—1927 гг. на поселении у с. Райки (севернее гор. Бердичева), насколько

насыпью были открыты грунтовые погребения со скорченными костяками, захороненные под шестью камнями (плитообразными). Ниже (на 0.20—0.30 м) скорченного погребения открыт трипольский горизонт с остатками глиняной обмазки и печей. Всего здесь были открыты остатки 10 местонахождений Триполья, причем, так же как и в Го́родске, эти остатки состояли почти исключительно из отдельных небольших фрагментов от обмазки печей из обожженной глины. В нескольких случаях обмазка образовывала небольшие площадочки (1—2 м длины и 1—12 см толщины). На них и около них сосредоточивались различные вещи.

Расположение инвентаря на остатках обмазки от печи или около них и вблизи жилищ

[33] Материалы эти в большинстве не изданы.

с очевидностью показывает, что только небольшая часть жилища, общие контуры и размеры которого остались неясными исследователю, была выложена обожженной глиной. Это, вероятнее всего, те части в жилище, которые находились около печей или служили подом печей. В остальных частях жилища был земляной пол.

В Райках, как и в Го́родске, мы имеем, таким образом, небольшие наземные жилища с остатками печных сооружений. Лишь в одном случае (сооружение X) была встречена в Райках площадка — наземное глинобитное жилище в 30 м². В одной из статей, посвященных вопросу трипольского домостроительства, Е. Ю. Кричевский выделяет райковецкий тип жилищ и называет их «редуцированными площадочками».[34] Заслуживает внимания то обстоятельство, что в Райках обнаружен инвентарь, аналогичный го́родскому.

Из значительного количества кремневых изделий в Райках встречены аналогичные го́родским кремневые топоры, грубо оббитые со всех четырех сторон и заполированные лишь у лезвия. В Райках найдено 7 штук таких топоров-клиньев прекрасной сохранности из коричневатого и серого волынского кремня; кремневые наконечники стрелок, ножевидные пластинки и скребки. Особенно подчеркивает одновременность с го́родским комплекс керамических изделий всех четырех отмечавшихся типов. В Райках обнаружены и фрагменты сосудов из серовато-черной или желтовато-коричневой массы с примесью кварцевого песка (с блестками) или толчеными раковинами (тип I Городска) и характерные сосуды из массы более плотной и лучше обожженной с кварцевой примесью (тип II Го́родска), причем в этой группе встречены

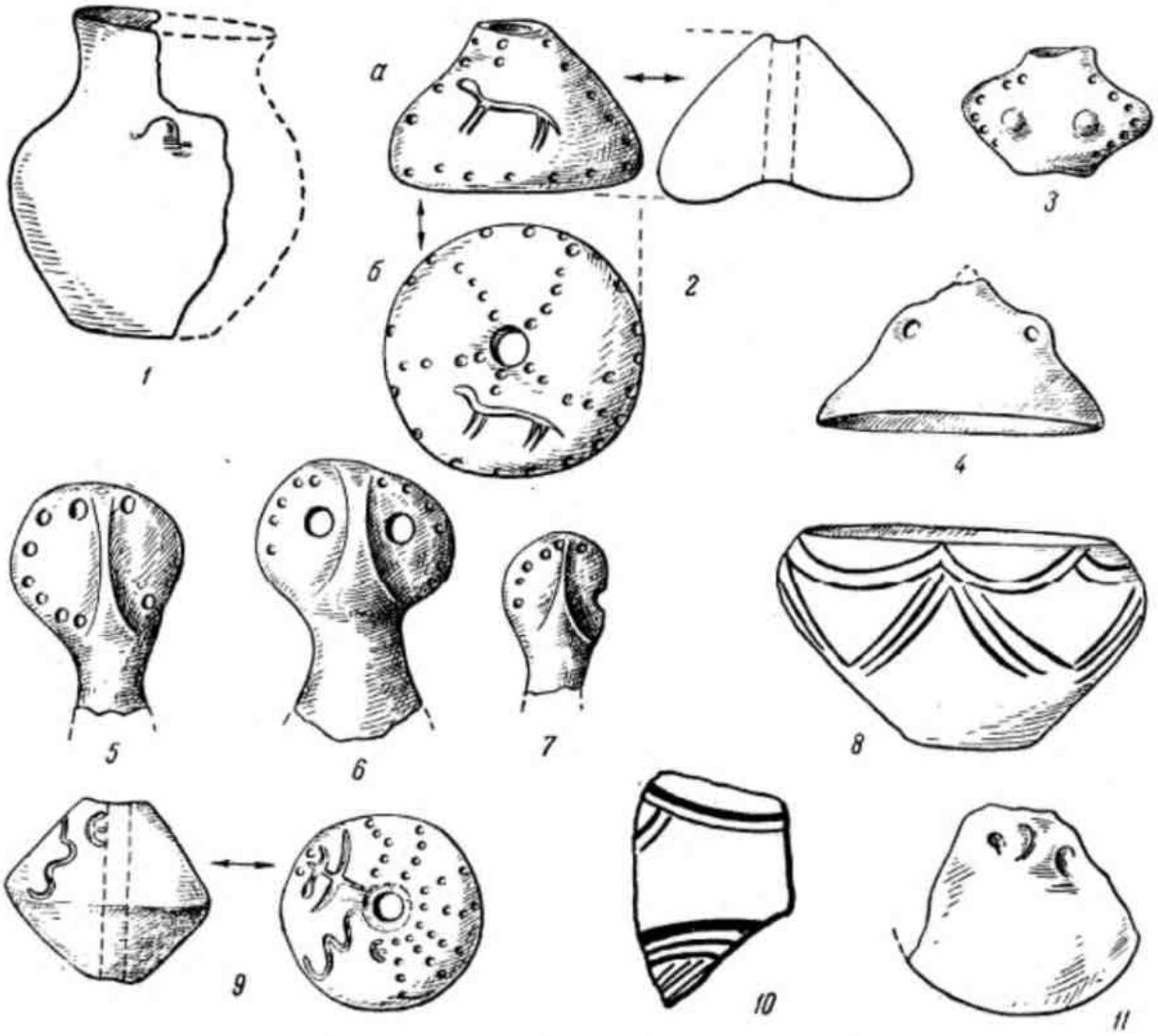

Рис. 86. Райки. *1, 4, 8, 10, 11*—фрагменты сосудов; *3, 5, 6, 7*—фрагменты статуэток; *2, 9*—пряслица (*1, 4, 8, 11*—1/3 н. в.; *2, 3, 5—7, 9, 10*—2/3 н. в.)

[34] Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломийщині і проблема трипільских площадок. Сб. «Трипільска культура», т. I, Київ, 1941, стр. 511 и др.

горшковидные сосуды с бугорками-ушками на плечиках (без отверстия) и более вытянутые горшочки с выступающими бугорками-ушками. Сосуды в точности, помимо городских, повторяют формы из курганных погребений у с. Колодистого, о которых уже упоминалось при описании городской керамики II типа.

изображения в такой известной в древнем мире композиции, особенно переднеазиатской (птица, змея и древо жизни или человек), заставляют особенно изучить эту находку и проанализировать эти изображения вместе с семантикой трипольского орнамента в целом.

У сел Ягнятино и Белиловка (на восток от Бердичева), наряду с керамикой, характерной

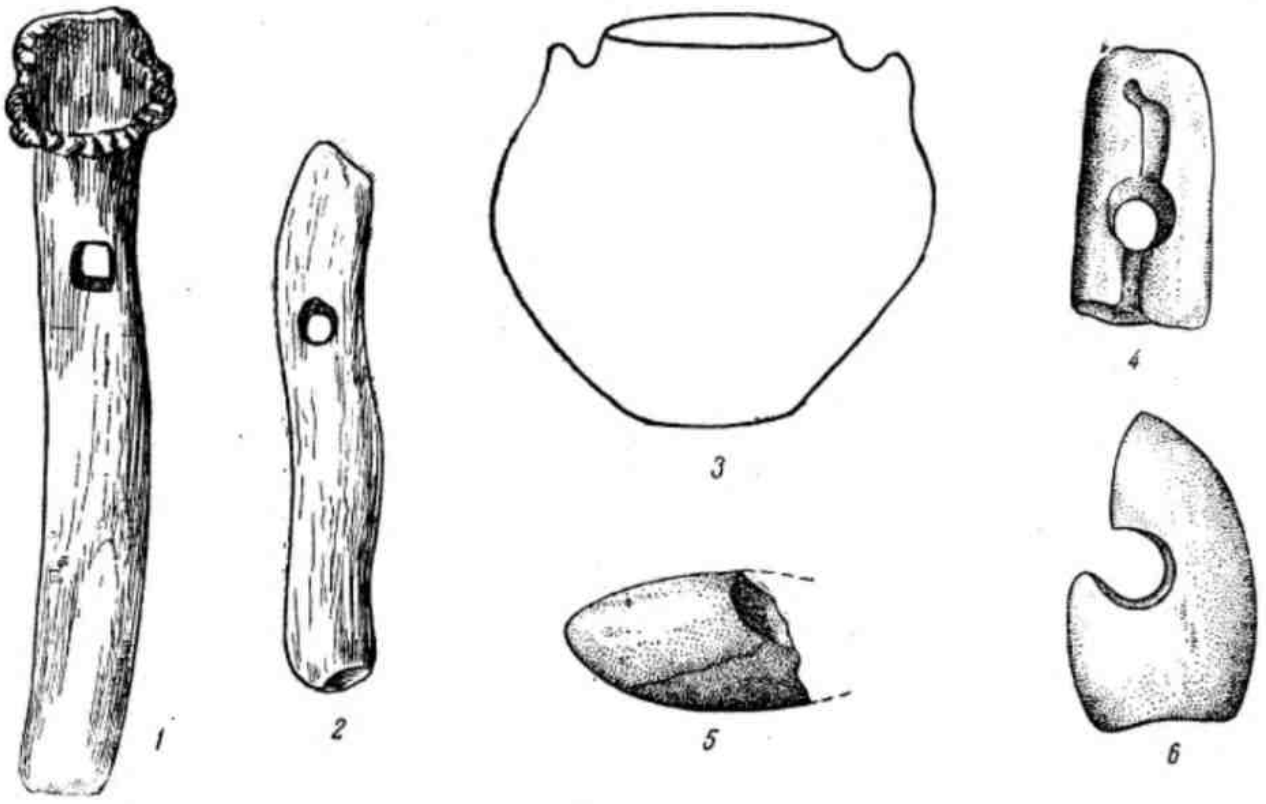

Рис. 87. *1, 2*—орудия из рога; *3*—сосуд; *4, 5 6*—орудия из камня из Ягнятина и Белиловки (*1, 2, 4*—*5*—1/3 н. в.; *3*—1/2 н. в.)

Здесь, в Райках, широко представлен и III тип городской керамики с веревочным орнаментом, а также упоминавшийся уже IV тип керамики с коричневой и черной росписью. Сосуды этой группы — округлой формы горшочки; конические крышки, характерные для Городска (рис. 86). В райковецком комплексе типичными являются и глиняные статуэтки с многочисленными сквозными углублениями вокруг головы (11 штук), иногда лишь с одной стороны обрамляющими голову. Такие же углубления наносятся и на плечевых выступах статуэток. Среди райковецких находок особое место занимают глиняные пряслица с пиктограммами. На одном из них (конусовидной формы) схематическое изображение животного. От центра отходят звездообразно мелкие углубления. На одной половине другого пряслица (двухконусного) 7 рядов мелких углублений, расходящихся от центра лучами, на другой половине — схематично изображены три фигуры — птица, змея и человек (?) или, вернее, древо жизни. Эти

для Городска — Райки, обнаружены кремневые топоры-клинья, изделия из рога и кости (рис. 87).

Среди других материалов, позволяющих дополнить характеристику городско-усатовского этапа Триполья на территории Киевско-Волынского Полесья, нельзя не остановиться на неизданном еще, к сожалению, собрании, хранящемся в Киевском Историческом музее, из раскопки С. С. Гамченко в 1927 г. у с. Колодяжного. Поселение здесь расположено на левом берегу р. Тюхтеревки. Так же как Евминки (под Остром) и Городск (под Коростышевым), Колодяжное (под Житомиром) представляет собой одно из северных поселений трипольской культуры, находящееся в бассейне р. Случи, а не в привычных границах бассейна рек Днепра, Буга и Днестра.

Материалы этих интереснейших раскопок подготовляются к печати сотрудником экспедиции М. Л. Макаревичем, работавшим под руководством С. С. Гамченко; здесь я лишь кратко остановлюсь на сделанных находках.

В отличие от Го́родска, в Колодяжном открыты наземные глинобитные жилища, по типу тождественные трипольским площадкам. Обнаружены плитчатые полы и три очага-печи в одном жилище. Печь наибольших размеров находилась в центре. Среди остатков печей наряду с глиняной печной обмазкой (пода) встречены разных размеров куски гнейса и гранита, растреснутые от огня и находившиеся около печей.

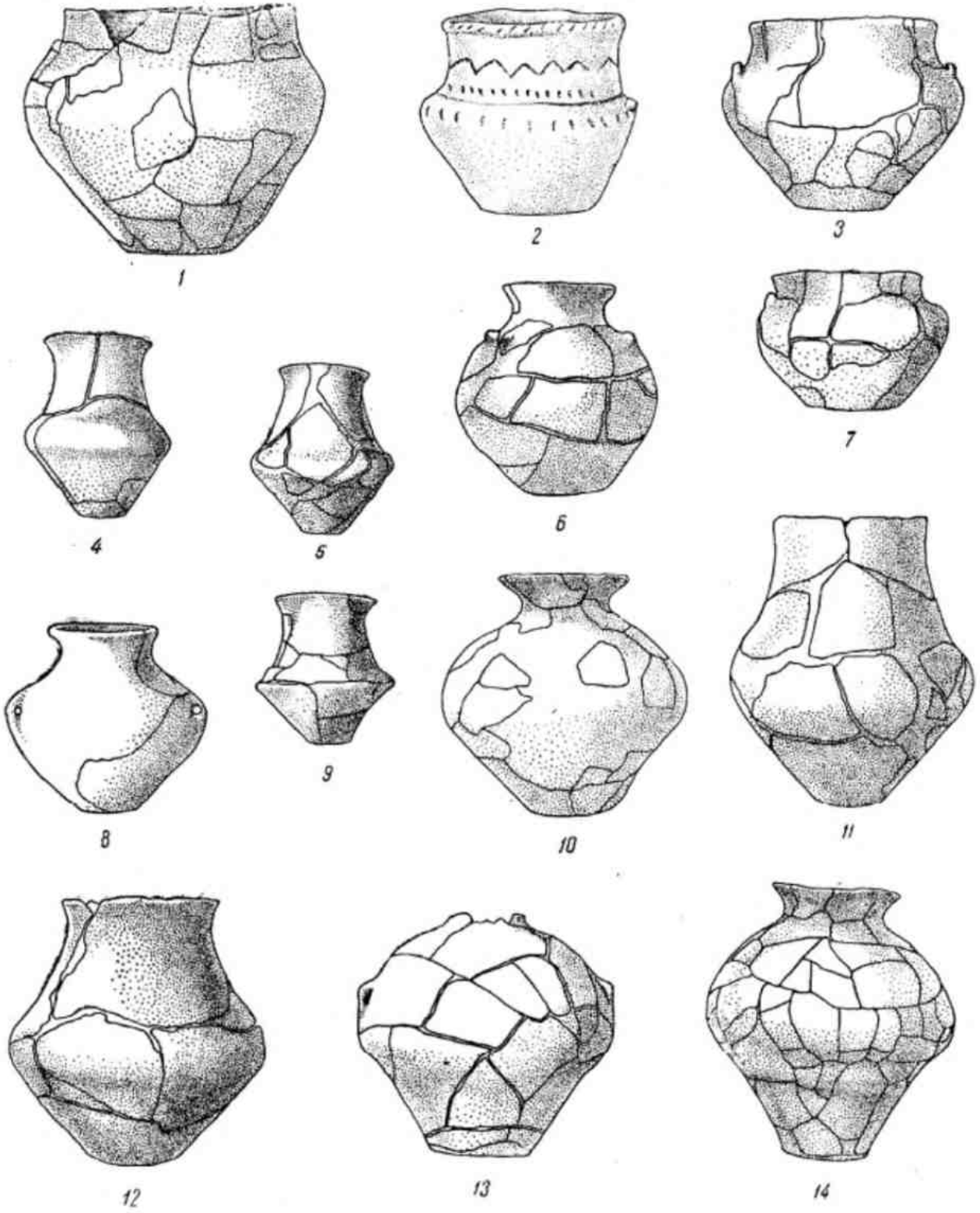

Рис. 88. Колодяжное. *1—14* –сосуды (1/4 н. в.)

Обнаруженный в этом жилище инвентарь во многом сходен с го́родским. Сравнительно богатый культурный слой на поселении в Колодяжном дал большое число кремневых

изделий — скребков, ножевидных пластинок, наконечников стрел, а также нуклеусов и каменных зернотерок. Среди сосудов выделяется тот же керамический комплекс, что и в Го́родске, однако в Колодяжном встречено несколько большее число сосудов с росписью.

шероховатые. По форме отмечаются сосуды с широким горлом, обычным для данного типа, несколько вытянутым телом и высоко поднятыми округлыми плечиками. На плечиках размещаются одиночные или парные бугорки-ручки, иногда сплюснутые сверху (рис. 88).

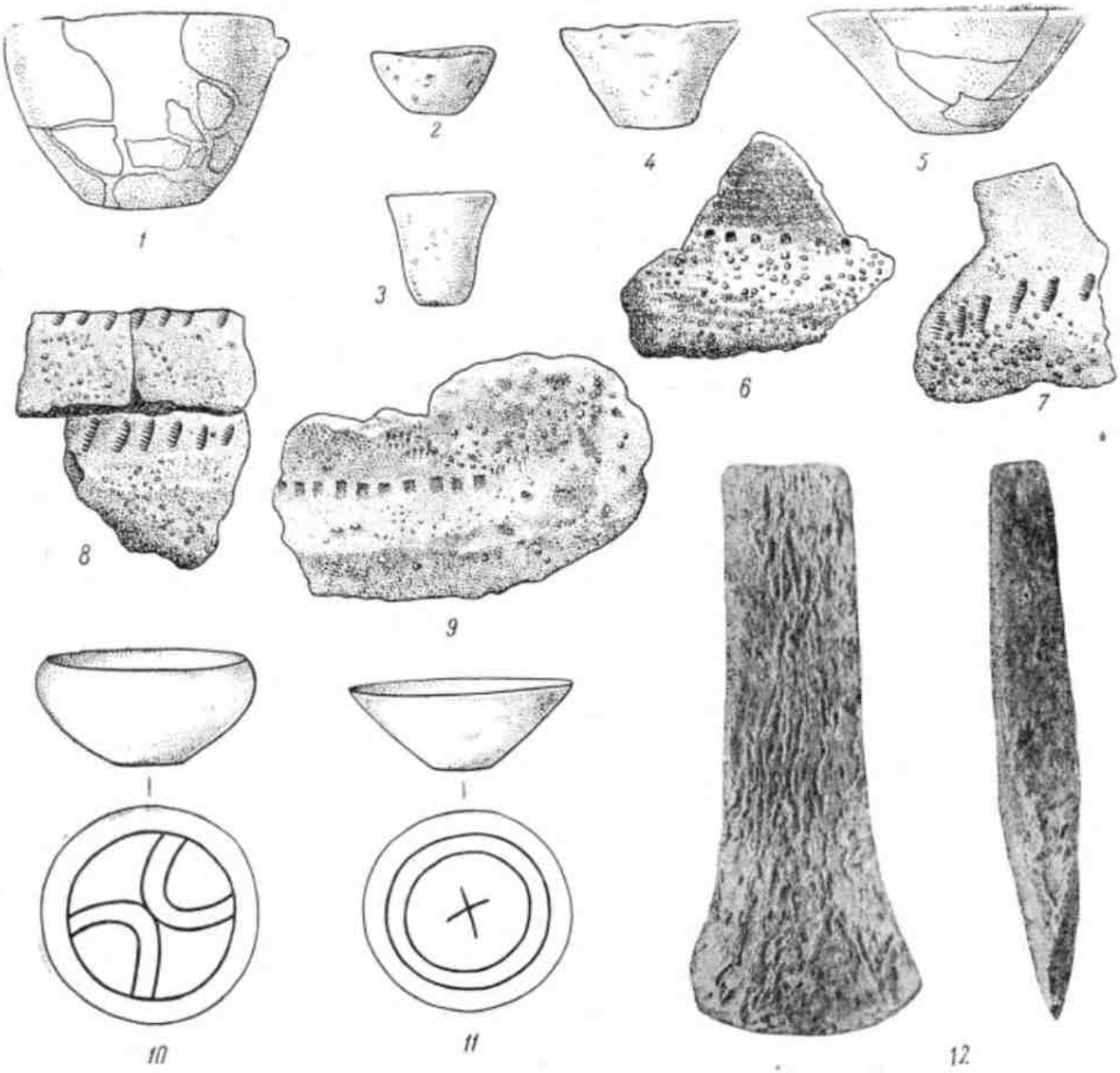

Рис. 89. Колодяжное. *1—5* — сосуды без росписи; *6—9* — фрагменты кухонной посуды с грубой поверхностью; *10, 11* — сосуды с черной росписью; *12* — медный топор (*1—5* — 1/5 н. в.; *6—9, 12* — 3/5 н. в.; *10, 11* — 1/3 н. в.)

Обнаружены сосуды го́родского типа (1) из серовато-черной массы, реже — желтовато-коричневых оттенков. Глина с большой примесью крупного кварцевого песка, или, реже, с примесью толченых раковин. Обжиг слабо окислительный, неравномерный. Черепок довольно тупой, глухой при ударе и тяжелый от большой примеси крупного песка. Поверхности — цвета массы, грубо заглаженные,

Орнамент чрезвычайно бедный. Чаще всего это ряды углублений, нанесенных плоским концом тупого орудия, или ногтевой орнамент, который располагается по верху и у основания края. Известно несколько фрагментов с гусеничным орнаментом (по верху и основанию). «Гусеницы» представляют собой оттиски прямо перевитой веревочки и располагаются рядами наискось.

Второй городский тип также представлен в Колодяжном. Масса светлосерая, коричневато-красная, более твердая и однородная. Глина, обычно с примесью кварцевого песка, сильно песчанистая. Обжиг равномерный. Черепок довольно острый и звонкий при ударе. Поверхности коричневато-красные, хорошо сглаженные, слабо блестящие. Орнамент сосудов данного типа сравнительно бедный и выполнен довольно небрежно. Обычно он состоит из вдавленных коротких полосок, мелких углублений.

Различаются две формы сосудов — горшок с широким горлом и высоко расположенными округлыми плечиками и сосуд почти с прямым широким горлом и выпуклыми плечиками, на которых обычно располагаются конические бугорки-ручки, часто попарно. Как первому, так и второму типу сосудов из Колодяжного свойственны эти бугорки-ручки. Те же черты отмечались и для городской керамики, они же будут отмечены для керамики с поселений в Колодистом, Усатове и других поселениях городско-усатовского типа.

На одном из сосудов из Колодяжного по верху края проходит наискось ряд мелких вдавленных углублений. Ниже по краю — зигзагообразная полоса; еще ниже по плечикам — два ряда мелких углублений. Близок к этому сосуду и сосуд с угловатыми плечиками из кургана у Войцеховки (периода I—II бронзы), о котором будет сказано ниже.

Третий тип в Колодяжном — это керамика с веревочной орнаментацией. Она близка городской, но не столь разнообразна. Типичны оттиски наискось перевитой веревочки в сочетании с короткими вдавленными полосками, часто образующими ряды елочек.

Как уже говорилось, сосуды расписного (IV городского) типа представлены здесь в большом количестве и большим разнообразием форм. Масса желтовато-оранжевая, желтовато-серая, довольно твердая и плотная. Глина у некоторых сосудов чрезвычайно песчанистая. Обжиг окислительный. Поверхности — цвета массы, желтовато-оранжевые и желто-серые, переходящие в желто-красные. К сожалению, лишь на единичных экземплярах частично сохранились следы красной (жидкой) облицовки. На других облицовка обычно отсутствует. Роспись нанесена черной краской (сохранилась лишь на внутренней поверхности чаш), неширокими лентами, образованными парой параллельных полос. Стиль росписи идентичен, судя по имеющимся экземплярам, городскому, но многие черты, характерные для этого стиля, не могут быть прослежены из-за плохой сохранности росписи (рис. 89).

Обычны чаши двух форм: 1) конические и 2) конические с выпуклыми стенками и слегка приподнятыми краями. Орнамент располагается на внутренней поверхности. Сохранилось два сюжета, из которых один чрезвычайно характерен для росписи позднего этапа Триполья,— это сюжет двух соприкасающихся у центра чаши колец, образованных лентами, отходящими от края.

На позднем этапе этот сюжет ничем не осложнен, и по сравнению с более ранней ступенью развития роспись на чашах в Колодяжном представляет пример исчезновения в Поднепровье расписной трипольской керамики. На внутренней поверхности второй чаши проходят две полосы росписи, образуя два концентрических круга, внутри которых в центре чаши помещен косой крест. Вероятно, сюжет такого косого креста происходит от часто наблюдаемой на чашах системы лент, перекрещивающихся в центре.[35] Появление в орнаменте косого креста известно для позднего Триполья. Одним из примеров могут быть косые кресты на глиняных кубиках из Усатова и в орнаменте сосудов.

В Колодяжном известны также глубокие чаши с небольшой ручкой-ушком и высокие бокалы с несколько конически суживающимися стенками — форма, совершенно не свойственная Триполью. Форма эта известна среди сосудов со шнуровым орнаментом и так же, как кувшины с ручками в Кошиловцах, безусловно, возникает в эпоху бронзы.[36] Встречены также и плоские небольшие чашечки на четырех ножках.

Чрезвычайный интерес в Колодяжном представляют высокие сосуды с угловатыми плечиками и с высоким горлом, а также сосуды той же формы, но с широким и очень высоким горлом и слегка отогнутым краем. Тело округлое, конически суживается. Округлые плечики расположены высоко и переход их к широкому горлу резко заметен. Эта форма позднее становится характерной для эпохи бронзы и раннего железа уже в предскифский период.

Кроме того, в Колодяжном встречены горшки с вытянутым телом, двумя ручками и горизонтально проткнутым отверстием выше плечиков и на плечиках. Часто эти ручки трипольского типа сильно выдаются и не сливаются с общими контурами сосуда, как это обычно на сосудах раннего этапа. Обычны на таких горшочках парные бугорки-ручки (по две с каждой стороны). Сосуды этой формы, как уже отмечалось, характерны и для Городска, и для Колодистого; далее они будут прослежены и в Причерноморье.

Встречены в Колодяжном и большие грушевидные урны; один экземпляр — со срезанными и слегка наклоненными внутрь краями; два других — с выгнутым краем горла и с двумя горизонтально проткнутыми ручками

[35] T. Passek. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 10—12.
[36] W. Antoniewicz. Archeologya Polski, Warszawa, 1933, табл. X, рис. 1 и 9.

на плечиках. Имеются также две урны с довольно узким горлом, сильно выдающимися округлыми плечиками и сильно выгнутыми краями горла. Последняя форма чрезвычайно близка к кошиловецким урнам.[37]

не сохранилась. Плечевые и надбедренные выступы имеют сквозные отверстия. Грудь обозначена двумя бугорками. Внизу живота — очерченный полосой треугольник, пространство которого сплошь заполнено мелки-

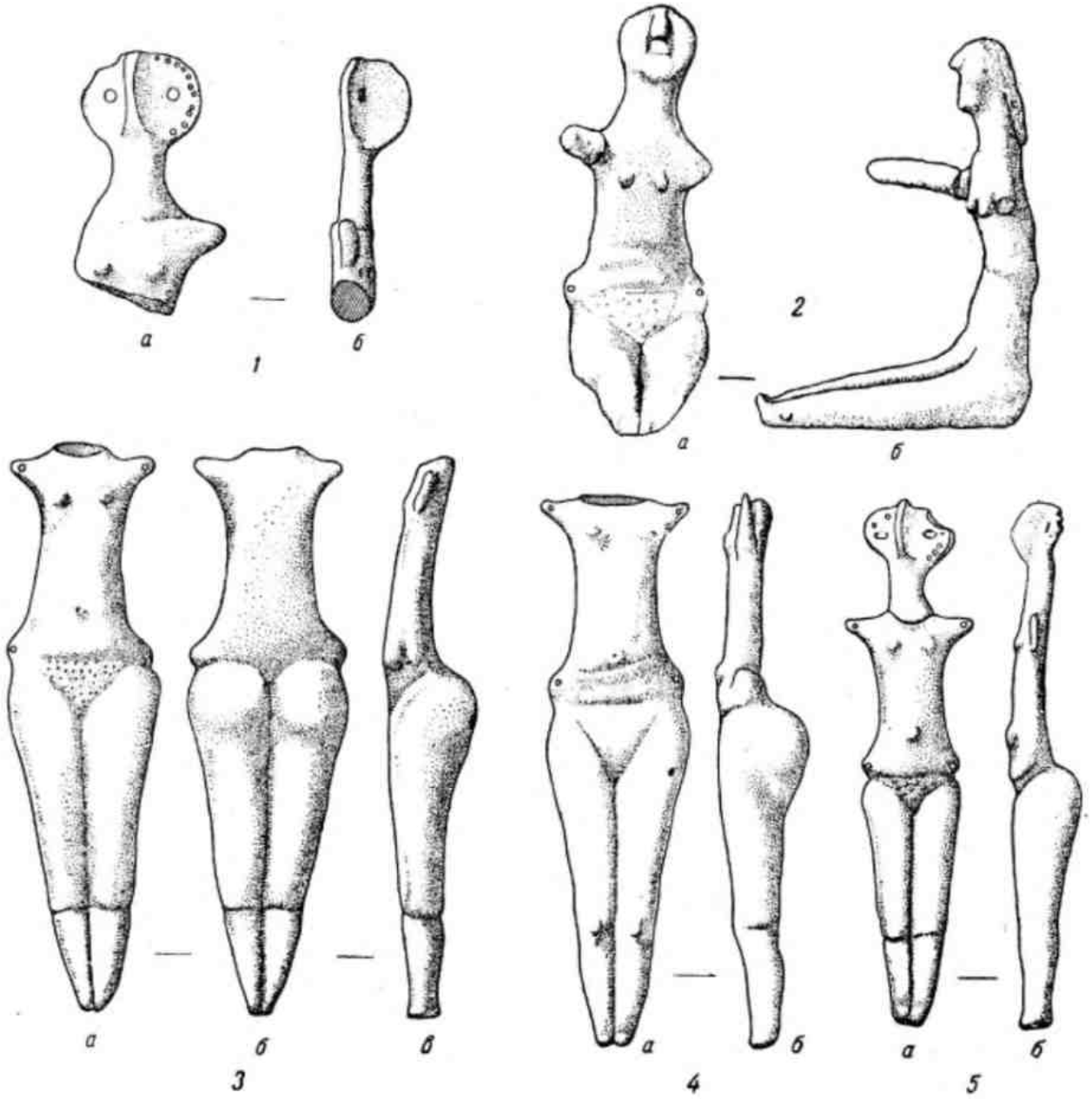

Рис. 90. Колодяжное. *1—5*—статуэтки (1/2 н. в.)

Среди керамических находок в Колодяжном обнаружено немало глиняных пряслиц с орнаментом и конических глиняных грузил, аналогичных городским, а также характерных трипольских глиняных статуэток (рис. 90 и 91). Известны три экземпляра стоячих женских статуэток с сомкнутыми ногами и со слегка намеченными ступнями ног. Голова

ми углублениями. Четвертая аналогичная статуэтка сохранила голову с схематически вылепленным носом и со сквозными отверстиями вокруг головы. На шее ожерелье. Бугорком обозначен пупок. Фрагмент другой статуэтки с схематически выполненной головой имеет сквозные отверстия лишь с правой стороны. Наибольший интерес представляет среди находок в Колодяжном сидячая женская статуэтка с вытянутой вперед рукой и

[37] K. Hadaszek. Указ. соч.

сильно выступающим носом с горбинкой.[38] Большой интерес представляет также медный плоский топор с прямоугольным в разрезе и расширяющимся книзу лезвием; длина топора 9 см. Любопытно, что поверхности его шероховатые, неровные, не имеющие после отливки следов обковки и употребления в работе. В химической лаборатории Института археологии АН УССР химиком О. Ф. Драко был

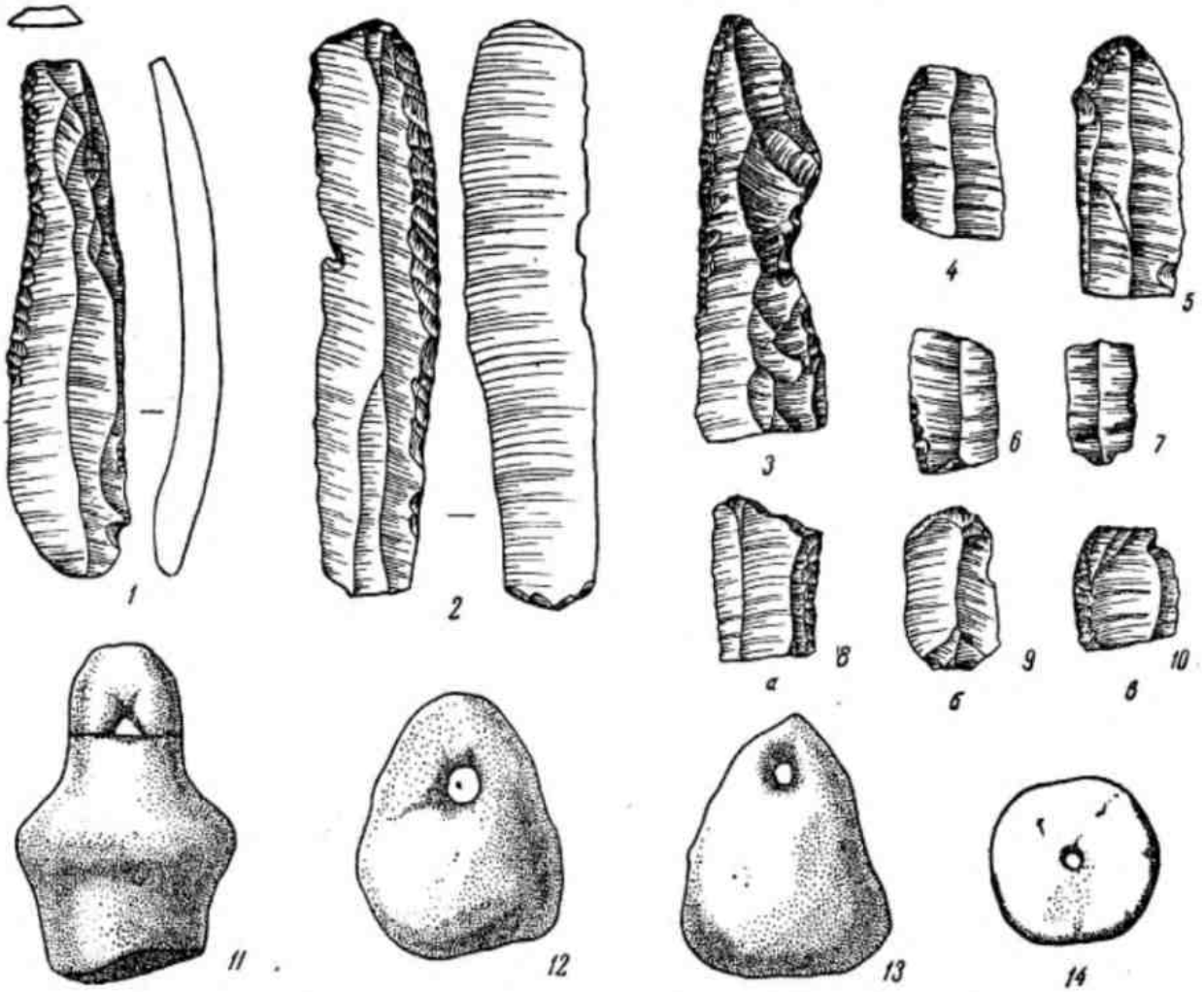

Рис. 91. Колодяжное. *1—10*—кремневые орудия; *11—14*—глиняные грузила (3/5 н. в.)

определен его анализ, показавший следующий состав: медь — 98.40%, кобальт — 0.65%.[39]

Предмет изготовлен из чистой меди без малейшей примеси олова. Сплав меди и олова оставался еще неизвестным. Изделия из металла трипольской культуры, обнаруженные до сих пор на территории УССР и в смежных районах Румынии и Польши,— все из чистой меди.

Находки памятников позднего Триполья в Го́родске, в Райках и в Колодяжном, а также на Левобережье у с. Евминки, около гор. Острa, выявляют северную границу распространения трипольских племен в Поднепровье. В 1939 г. стало возможным еще несколько уточнить северную границу распространения расписной керамики благодаря находкам, сделанным значительно северо-западнее — у с. Бодаки[40] (восточнее гор. Острога, в бассейне р. Горыни), а также у с. Седмерки (под гор. Луцком, в бассейне р. Стыри) и уже упоминавшимся находкам расписных сосудов у с. Завишня, около Сокаля (на Зап. Буге, на юг от гор. Владимира-Волынского).

До этих находок трудно было предполагать, что на го́родско-усатовском этапе Триполье заходит не только на Левобережье Днепра и севернее Киева, но и в бассейн рек Горыни, Стыри и Зап. Буга.[41] Пока это еще первые наблюдения в районах расселения

[38] Т. С. Пассек. К вопросу о древнем населении в Днепровско-Днестровском бассейне. Сб. «Сов. этнография», № 6/7, 1947.

[39] Отсутствуют: никель, марганец, сера, свинец, олово.

[40] Вместе с расписной керамикой в с. Бодаки была сделана и находка фрагмента плоского медного топора.

[41] Тезисы доклада на IV научной конференции в Киеве в 1941 г.

племен позднего Триполья; судя по ним территория, где встречены находки трипольской культуры, простирается от степной полосы и берегов Черного моря до Волынского Полесья.

Не менее интересным, чем Го́родск, памятником позднего Триполья является поселение на левом берегу Десны (Левобережье Днепра), ниже гор. Остра, у с. Евминки. Находки отсюда были известны еще по коллекциям, выставленным на XIV Археологическом съезде в Чернигове и хранившимся в Черниговском музее. Однако лишь много позднее на Евминское поселение было обращено особое внимание и в 1925—1926 гг. начаты раскопки.[42] Коллекции из этих раскопок, изучавшиеся мною в Музее гор. Остра и в Центральном Историческом музее в Киеве, а также использование кратких отчетов автора раскопок Н. Е. Макаренко и личный осмотр места раскопок позволили составить достаточно полное представление об одном из интереснейших памятников позднего Триполья этапа С/II, всеми корнями связанного, еще больше, чем это можно было заметить в Го́родске, Райках, Колодяжном, с предшествующим этапом развития трипольских племен, с этапом С/I (или «культурой Б» Хвойко).

Раскопки Н. Е. Макаренко в 1925 и 1926 гг. были произведены в 11 км от гор. Остра, в уроч. Взвоз, близ с. Евминки, где раньше было сделано немало находок А. Г. Розановым, заведующим Остерским педагогическим техникумом.

Место, где были сделаны находки и где позднее были проведены разведки, расположено на небольшом мысу высокой песчаной речной террасы левого берега р. Десны. С северо-запада мыс ограничен небольшой балкой. С юго-востока подымается дорога из Евминок в Остер, уроч. Взвоз. Село расположено у подошвы мыса по широкой долине Десны. Края мыса круты, местами обрывисты, но невысоки. Как указывает Макаренко, местные жители помнят, что значительная часть мыса и прилегающей террасы оползла вниз. Слой, в котором обнаружены находки, темносерого, иногда почти черного цвета, песчано-гумусово-золистого строения, однообразный во всей своей толще. Местами в нем встречаются гнезда золы и углей, куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева, кучи камней, скопления створок раковин *Unio*. В 1925 г. в раскопках были обнаружены остатки глиняной печи. В значительном количестве встречены кремневые изделия и керамика.

В общем, обстановка находок на мысу у Взвоза своим довольно мощным культурным слоем представляет картину, несколько отличную от обычного характера залегания памятников трипольской культуры. Здесь прежде всего не было обнаружено характерных для Триполья глинобитных жилищ. Куски глиняной обмазки с отпечатками дерева и наличие отдельных печей и очажных камней скорее всего указывают на существование здесь жилищ типа полуземлянок или землянок, как в Го́родске или на киевских высотах в раскопках Хвойко. Сильные обвалы на мысу разрушили у Евминок часть террасы и снесли, вероятно, и землянки.

Будущие полевые археологические работы должны уточнить тип евминкинских жилищ, связав их с позднетрипольскими типами (полуземлянок).

Наиболее многочисленный по количеству материал в Евминках — это керамический, однако немало было сделано находок и кремневых орудий. Среди них обращают на себя внимание: 1) ножевидные пластинки (11 см длины) обычного для Триполья типа, из сероватого кремня; 2) наконечники кремневых стрел треугольной формы с выемкой у основания (4.5 мм); 3) кремневая проколка из сероватого кремня; 4) скребки из светлосерого кремня, округлой и овальной формы; 5) миниатюрный клин (4 см) из серого кремня, со шлифованным лезвием.

Эта находка миниатюрного клина топора со шлифованным лезвием является исключительно характерной для всего го́родского, райковецкого и колодяжнинского комплексов, как это было отмечено выше, так же как и наконечник стрелы и ножевидная пластинка.

Как всегда в трипольских поселениях, наиболее разнообразным и датирующим материалом является керамический. К описанию его и следует перейти, чтобы иметь возможность дать определение Евминкам как позднетрипольскому памятнику.

Изучая керамику из Евминок, Н. Е. Макаренко и др. совершенно правильно отмечали резкое деление ее (как и в Го́родске) на две группы, каждая из которых состоит из нескольких типов. Первая группа охватывает типы керамики, характерной для Триполья; вторая, отличная от первой, весьма своеобразная, появляется на позднем этапе Триполья совместно с первой во всех поселениях рассматриваемого нами го́родско-усатовского этапа (С/II). Такое смешение двух совершенно различных групп керамики (как и в Го́родске) придает Евминскому поселению особый интерес.

Первая группа (трипольская) состоит из нескольких типов, соответствующих го́родским I, II и IV.

1. Среди трипольской керамики, обнаруженной в Евминках, наиболее многочисленна керамика первого типа. Масса коричневато-красная, иногда темновишневого оттенка, нетвердая и довольно однородная, с сильной

[42] «Коротке Звідомлення» за 1925 р., Київ, 1926, стр. 61; то же за 1926 р., Київ, 1927, стр. 84.

примесью мелкого зернистого песка. Значительное число фрагментов — из серой или коричневато-серой слоистой массы, с сильной примесью толченых раковин. Обжиг слабо окислительный, не очень равномерный, составляющий иногда более тонкие прослойки. Черепок довольно тупой, глухой при ударе и тяжелый от большой примеси песка. Вообще характерная черта массы — сильная песчанистость. Изготовлены сосуды от руки, обычно они довольно толстостенны. Поверхности — цвета массы; внутренняя поверхность часто темнее, иногда почти черная, покрыта частыми, неровными полосками, как бы от довольно сильного сглаживания срезанным пучком травы. Такое же полосчатое сглаживание покрывает и наружную поверхность, особенно заметно выступая, будучи нанесенным ровно, в вертикальном направлении на краях сосуда. Краем острого орудия нанесен углубленный и врезанный ногтевой с отгибом орнамент; он бедно и неравномерно покрывает только часть поверхности у верха края и у его основания. Орнамент образует непрерывные, горизонтально опоясывающие ряды, как и обычно в Триполье на сосудах с полосчатой поверхностью. Именно с этой трипольской керамикой и следует сопоставлять евминский и городский I типы. Сосуды имеют форму горшков с почти прямыми или слабо выгнутыми краями, высоко расположенными плечиками и конической нижней частью. У основания краев — парные бугорки-ручки.

2. Второй тип совершенно аналогичен по массе описанному, однако в глине имеется сильная примесь мелкозернистого песка и отсутствует примесь толченых раковин. Заметно отличие и в отделке наружной поверхности и в стиле и технике орнамента. Наружная поверхность ровная, хорошо сглажена, слабо блестящая. Обычна по всей наружной поверхности сеть мельчайших трещинок. Многие из фрагментов этого типа имеют орнамент лишь в виде мелких коротких вдавленных углублений у верха края. Для некоторых сосудов удается полностью реконструировать систему орнаментации. Орнамент нанесен одиночными полосами или неширокими лентами. Полосы неглубоко вдавлены и выполнены довольно небрежно; часто их окаймляют ряды мелких углублений. Располагается орнамент по поверхности довольно бедно, оставляя значительную часть ее свободной.

По форме могут быть выделены: 1) чаши с коническими и выпуклыми стенками; 2) двухконусные сосуды с очень невысокими, сильно отогнутыми краями и небольшими прилепными ручками; 3) сосуды с широким горлом и довольно высокими выгнутыми краями; плечики высоко расположены. Нижняя часть сосуда конически суживается. Сосуды аналогичны кратерам. На одном из сосудов этого типа (рис. 92—*1*) из раскопок Н. Е. Макаренко у верха края проходит ряд мелких углублений, основание края опоясано полосой, окаймленной такими же углублениями. Несколько изогнутые косые отрезки лент, из четырех полос, спускаются от основания плечиков по стенкам, а в одном случае — и от верха края (рис. 92).[43]

3. Масса коричневато-красная, темная, часто темновишневых оттенков, нетвердая, малооднородная, с очень сильной примесью мелкозернистого песка. Обжиг слабо окислительный, неравномерный, часто дающий темные пятна и прослойки. Черепок довольно тупой, глухой при ударе и очень тяжелый от значительной примеси песка.

Изготовлены сосуды от руки. Поверхности — цвета массы. Внутренняя поверхность обычно темнее, иногда почти черная, с резко заметными, неровными, частыми полосками, как бы от сильного сглаживания пучком срезанной травы. Наружная — довольно ровная, хорошо сглаженная, иногда слабо блестящая. В раскопках не было обнаружено ни одного целого экземпляра керамики этого типа. Все же многочисленные фрагменты позволяют судить о том, что, кроме чаш, подавляющее большинство сосудов средних размеров, с плоским широким дном, толстыми, слабо выпуклыми и довольно высокими прямыми или слабо выгнутыми краями широкого горла. Форма приближается к горшковидной. Днища с внутренней стороны сливаются со стенками мягко, не образуя угла. С наружной стороны этот угол довольно ровный, с ясно выраженным переломом. Нижние края днищ иногда слегка выступают наружу, образуя нечто вроде очень низкого основания. Верхние части краев часто слегка утолщаются, образуя ромбовидную или рельсовидную в сечении закраинку. Орнамент покрывает обычно всю наружную поверхность краев и стенок сосудов, доходя до самого днища, иногда переходя и на него.

Нанесен орнамент частыми округлыми ямками, овальными углублениями, лунками (нанесенными краем створки раковины), полосками прямыми и лунообразными, оттиснутыми перевитой поперек толстой веревочкой, и короткими полосками, оттиснутыми зубчатым или гладким штампом. Элементы эти повторялись, образуя одиночные или несколько параллельных рядов, занимающих поверхность сплошь или значительное пространство. Встречаются также ряды параллельных полос, оттиснутых перевитой поперек веревочкой. Наискось перевитой веревочкой оттиснуты зигзагообразно-ломаные полосы, сходящиеся под углом. Встречаются одиночные и соединенные в елочные ряды, образованные сходящимися под углом полосками, оттиснутыми гладким

[43] «Коротке Звідомлення» за 1925 р., Київ, 1926, стр. 61, рис. XIV, 7; ср. T. Passek. Указ. соч., тип. XVI, табл. XIV, 5—9.

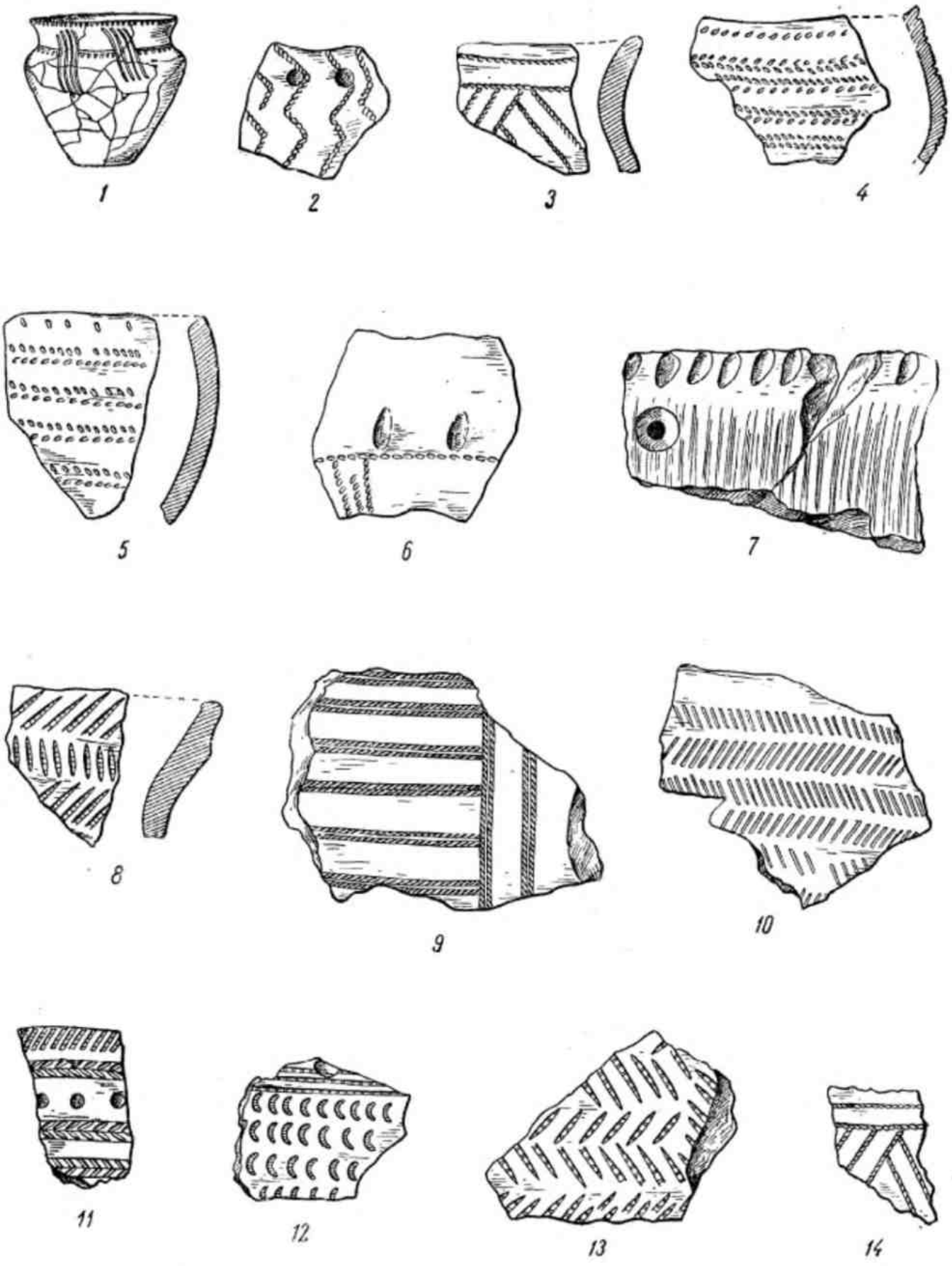

Рис. 92. Евминки. *1—14* фрагменты сосудов с углубленным и веревочным орнаментом (3/5 н. в.)

или зубчатым штампом. Орнамент густо и насыщенно располагается по поверхности сосуда, не образуя ограниченного пояса, а покрывая поверхность сплошь.

Керамика этого типа, резко отличная от остальной евминской и всех других трипольских типов, подробно была описана выше для Го́родска, отмечалась в Райках и Колодяжном. В большом количестве она встречена во многих местах на Десне и в Поднепровье, например в землянках Хвойко на Кирилловской Горе в Киеве, в Бортничах, Гнедине (Левобережье Днепра), на Княжей Горе и др.[44] А. А. Спицын сопоставляет все эти находки с чрезвычайно разнообразной в отдельных районах керамикой медного века Восточной Европы и намечает черты сходства с керамикой из курганных погребений со скорченными и окрашенными костяками. Энеолитической склонен считать керамику из Евминок и Н. Е. Макаренко. К сожалению, материалы стоянок медного века почти совершенно не систематизированы и отсюда затруднительность всякого сближения этого типа с катакомбной культурой, видимо, существовавшей одновременно с Трипольем. Однако все же возможно сделать сближение III евминского и аналогичного III го́родского типов с керамикой катакомбной культуры. Близки многие элементы орнамента, ряд сюжетов, а главное его насыщенный, тяжелый стиль. Близка, вероятно, и обычная для катакомбной культуры горшковидная форма сосудов. Ю. В. Подгаецкий в незаконченном одном из последних своих исследований сближал евминскую керамику (и керамику Княжей Горы) с керамикой среднедонского варианта катакомбной культуры. Необходимо дополнить это сопоставлением с керамикой из раскопок В. А. Городцова в б. Изюмском у. Харьковской губ.[45] Важны также соотношение катакомбной и среднеднепровской культуры и взаимоотношения той и другой с Трипольем.[46]

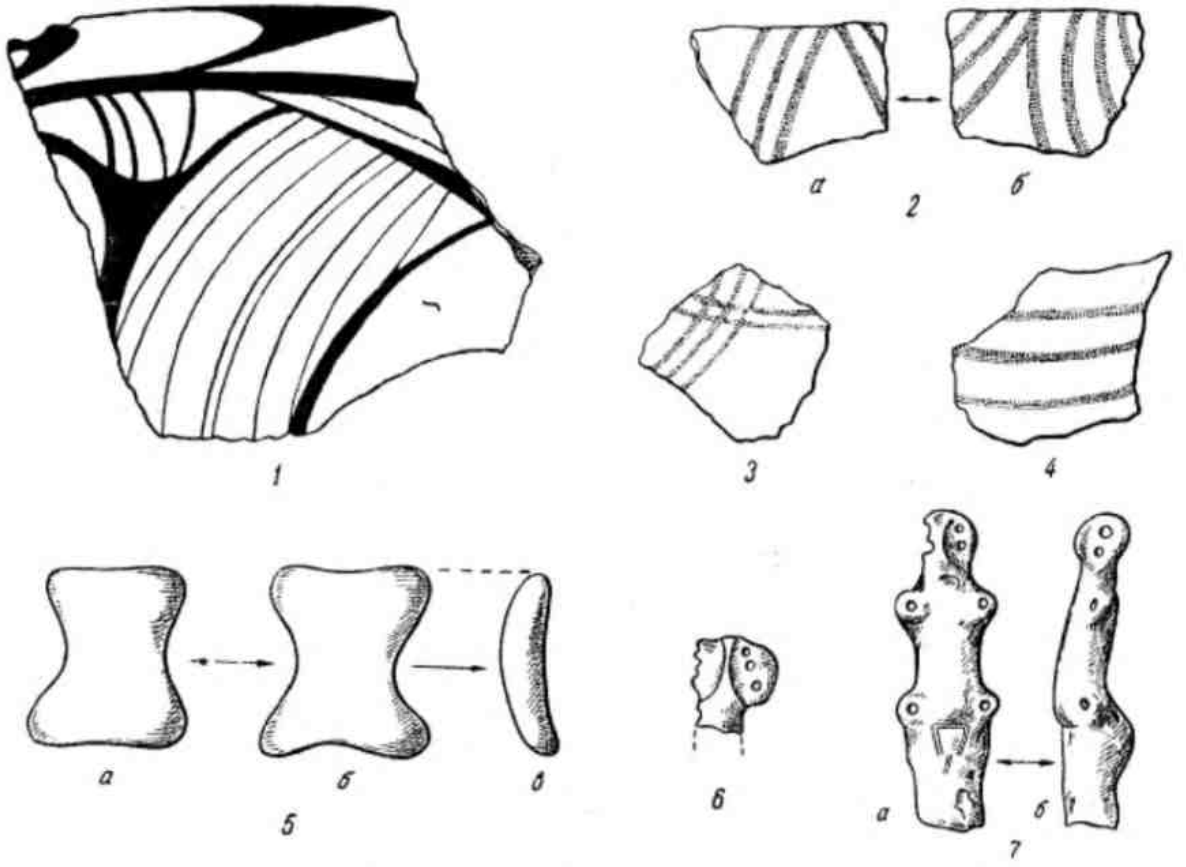

Рис. 93. Евминки. *1—4*—фрагменты сосудов с черной и красной (дана точками) росписью; *5*—статуэтка из Верхней Юрковицы; *6—7*— статуэтки (2/3 н. в.)

Остается рассмотреть теперь в Евминках еще один тип керамики — трипольский, с росписью (рис. 93).

4. Масса светложелтая, реже — желтовато-красная, однородная и плотная. Глина с при-

[44] Збірник «Чернигів і північня Лівобережня», Київ, 1928, табл. III и IV.

[45] Тр. XII Археол. съезда, т. I, табл. VIII, рис. 1, 4, 6, 8, 10; табл. IX, рис. 2, 3, 5.

[46] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

месью мельчайшего песка с вкраплениями более крупного. Обжиг окислительный; черепок острый, твердый, довольно звонкий при ударе. Изготовлены сосуды от руки. Внутренняя поверхность массы со следами от сглаживания при лепке рукой или твердым предметом. Наружная поверхность (у чаши и внутренняя) покрыта незначительным слоем оранжево-красной красочной облицовки и отполирована. Роспись нанесена нешироκими полосами черной краски. Цвет росписи, как это часто бывает в трипольской керамике, колеблется от интенсивно-черного до буровато-коричневого тона. На отдельных экземплярах наблюдается роспись коричневато-красного оттенка.

По форме выделяются: 1) чаши с коническими или выпуклыми, иногда слегка вогнутыми стенками; 2) двухконусные сосуды; 3) сосуды с высокой цилиндрически сужающейся верхней частью, невысокой конической нижней и резко выраженными угловатыми плечиками, как бы несколько нависающими.

Роспись располагается свободно, оставляя значительные промежутки фона. Полосы ее довольно узки, ленты образованы мелкими параллельными полосками.

На чашах сохранился сюжет отходящих от края и заходящих друг за друга концов лент. У края — скошенные, сплошь закрашенные треугольники. По стилю росписи и технике массы этот евминский тип расписной керамики генетически связан с расписными сосудами Триполья этапа С/I, встреченными в Коломийщине I, Сушковке, Томашевке и во всех поселениях «культуры Б» Хвойко.

Такая же расписная керамика обнаружена и в землянках на киевских высотах в комплексе с другими описанными типами сосудов (I, II и III) этапа С/II. Но в Евминках, как и в Киеве, попадаются единичные экземпляры еще двух типов расписной керамики.

Один тип совершенно схож с киевскими из землянок Хвойко; масса темная или коричневато-красных оттенков, не очень твердая, слоистая, с примесью мелкоистолченных раковин. Наружная поверхность (у чаш и внутренняя) имеет густую белую или светлых тонов глинистую облицовку, возможно и полировку. Роспись бедная, нанесена коричневато-красной краской узкими лентами из 2—3 полосок.

Другой (или вариант первого) тип керамики из светлой, почти белой твердой и песчанистой массы. Наружная поверхность покрыта густой красной красочной облицовкой (возможно, не вся поверхность, а лишь отдельные поля росписи, как в одном из типов расписной керамики Усатова) и росписью черной краской.

Керамический комплекс Евминского поселения в своей значительной части принадлежит Триполью. Обращает внимание сильная песчанистость массы, столь характерная для керамики эпохи бронзы. В Евминках еще в гораздо большей степени, чем в Го́родске, прослеживается генетическая связь с предшествующим этапом С/I Триполья. Это подчеркивается наличием сосудов с небрежно выполненным вдавленным орнаментом и наискось идущими лентами, а также более близким, чем в Го́родске, к этапу С/I стилем расписных монохромных сосудов. Для позднего этапа С/II характерна вытянутость некоторых форм — горшка с полосчатым сглаживанием, кратера и сосудов с цилиндрическим горлом (с росписью).

Комплекс керамических находок у Евминок полностью повторяет комплекс керамических находок группы поселений го́родско-усатовского этапа (С/II — γ/II). В этом же составе этот комплекс известен в Го́родске, в Райках, Колодяжном и в кирилловских землянках в Киеве и в ряде мест по Десне.

Здесь наряду с безусловно трипольскими типами встречаются сосуды с веревочным орнаментом, близкие по типу к катакомбным.

В Евминках обнаружены фрагменты типичных женских статуэток, схематически вылепленные головы, окаймленные сквозными углублениями, а также фрагменты ступней ног, торсов стоячих статуэток.[47] Любопытно, что масса некоторых статуэток, так же как и остальные типы керамики, сильно песчанистая.

Кроме поселения у Евминок, на левом берегу Днепра известны еще аналогичные памятники у с. Выползово и в уроч. Бугаевка, близ гор. Остра; на левом берегу Днепра, ниже Киева, известны позднетрипольские землянки у с. Бортничи (раскопки Хвойко).[48] Землянки здесь были открыты Хвойко между селами Бортничи и Гнедин, лежащими на песчаных буграх, довольно высоко поднимающихся над долиной Днепра (в районе Дарница — Вишенки) и перерезанных оврагами.

Размеры землянок, квадратных в плане, 2×2.20 м, или 2.5×2.8 м. Глубина 0.85—1.2 м. В каждой землянке было углубленное место для очага. Краткое описание обнаруженных здесь памятников не дает сколько-нибудь полного представления о характере жилища. Повидимому, они были аналогичны ранее открытым Хвойко землянкам на Кирилловской Горе, на Верхней Юрковице в Киеве, у с. Балыки, под Ржищевым (все на правом берегу Днепра). Интересно, в связи с евминским комплексом, выделить находки у с. Бортничи. Комплекс состоит главным образом из керамики, близкой к евминской, но расписных сосудов здесь не обнаружено. Все остальные характерные типы здесь представлены. Имеются фрагменты первого типа из

[47] «Коротке Звідомлення» за 1925 р., табл. XIV, рис. 1—6.

[48] Збірник «Чернігів і північня Лівобережня», Київ, 1928, стр. 53.

серой и серовато-черной массы, с грубой, шероховатой поверхностью или с полосчатым сглаживанием. Масса с сильной примесью песка или толченых раковин; часто коричнево-красная. Фрагменты этого типа керамики орнаментированы по верху края и у его основания рядами ногтевых или округлых углублений; встречаются бугорки-шишечки, без отверстий. Край волнистый, иногда несколько утолщен валиком с ногтевым орнаментом.

Второй го́родско-евминский тип здесь также представлен в достаточном количестве. У верха края и у основания плечиков проходят ряды мелких углублений или окаймленная ими полоса.

Наибольшее число находок составляет керамика III типа, с веревочной, в основном, орнаментацией. Имеется также орнамент из рядов елочки, сплошь покрывающих стенки сосудов, или из наискось идущих рядов коротких полосок, оттиснутых плоским прямоугольным или угловым штампом; встречаются также ряды мелких углублений. Можно отметить сильно выдающиеся ручки с горизонтально проткнутыми отверстиями; ручки эти, угловатые с ребрышком, типичны для керамики со шнуровой орнаментацией и встречались уже в Го́родске. Обращают внимание и конические, орнаментированные веревочкой пряслица и фрагменты трипольских статуэток.

Рассмотрение материалов и характеристика Левобережного Триполья позднего этапа (С/II) были бы неполными, если не остановиться на наиболее восточном поселении, раскопанном В. Щербаковским у с. Лукаши (Переяславский район Полтавской губ).[49] В 1913 г. в этом районе было открыто поселение недалеко от с. Лукаши, расположенное в не обычных для Триполья топографических условиях: по склону, на краю заболоченной низины в долине р. Недры (р. Недра впадает в р. Трубеж, левый приток Днепра). Трубеж (Трубайло) и Недра в своих верховьях близко подходят к территории, где протекает р. Остер и его притоки и где находится другое из рассмотренных позднетрипольских поселений — Евминки.

Ни в Го́родске, ни в Колодяжном, а также в Евминках не было прослежено расположение жилищ на поселении. В Лукашах Щербаковскому удалось при помощи щупа выявить план поселения, состоявшего из глинобитных жилищ. Они располагались по овалу, примерные диаметры которого 180 и 120 м. Поверхность с севера на юг давала понижение на 2—3 м, а на расстоянии 80 м от крайней южной площадки уже начиналась сильно заболоченная низина. К сожалению, в дневнике раскопок В. Щербаковского нет указаний на ориентировку жилищ. Во всяком случае, в Лукашах открыто типичное трипольское поселение, хорошо известное по своей планировке по кругу (Коломийщина I и II, Владимировка).

На этот факт совершенно не обратил внимания Е. Ю. Кричевский, много раз описывавший лукашинское жилище и поселение.[50] Вместе с тем эта черта, характернейшая для культуры Триполья, теснее сближает Левобережное Триполье позднего этапа с Правобережным предшествующих более ранних периодов (С/I и др.). Отмечая эту особенность Лукашинского поселка, мы получаем новые данные, характеризующие го́родско-усатовский этап.

Любопытно теперь установить, какие жилища (из 9 раскопанных площадок) были открыты в Лукашах, которые Щербаковский называет украинским термином «черінь», или «точок-черінь».[51] К сожалению, распахивание поселения сильно разрушило в Лукашах залегание глинобитных жилищ. Кроме того, небольшие размеры раскопа не позволили Щербаковскому в полной мере выяснить площадь, занимаемую жилищем. Остатки жилища залегали на обычной глубине 0.20—0.60 м в черноземном, сильно суглинистом слое. Лишь для двух жилищ (из 9 раскопанных на поселении) удалось установить размеры площадок: № 2/33 (1.4 × 1.5 м) и № 4/35 (3.8 × 2.6 м).

Е. Ю. Кричевский в своей классификации причислял площадки Лукашей к райковецкому типу трипольских жилищ.[52] Он выделил их в IV группу и определил как тип малых жилищ позднетрипольской стадии. Свое положение Кричевский пытается графически показать в сравнительной таблице размеров трипольских площадок, но допускает досадную ошибку, сообщая следующие размеры площадок Лукашей: для № 2—42 м² (7 × 6 м), для № 1—13.5 м² (3 × 4.5 м), для № 4—9.88 м² (3.8 × 2.6 м). Ошибка состоит в том, что Е. Ю. Кричевский принял размеры вскрытых при раскопе площадей на поселении у с. Лукаши (7 × 6 м или 3 × 4.5 м)[53] за размеры самих площадок — жилищ. Лишь для площадки № 4 (3.8 × 2.6 м) он сохранил точность.[54] Таким образом и в обобщениях размеров им тоже выведена неверная площадь.

Еще одна досадная ошибка допущена Кричевским в этой статье. Видимо, читая отчет Щербаковского, написанный по-украински,

[49] В. Щербаківский. Мальована неолітична кераміка на Полтавщині, Прага, 1923, изд. Укр. ун-та в Праге.

[50] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941.

[51] В. Щербаковский. Указ. соч., стр. 3, примеч. 1.

[52] Е. Ю. Кричевский. Разкопки на Коломийщині і проблема трипільских площадок. Сб. «Трипільска культура», т. I, Київ, 1941, стр. 541 и след.

[53] Ошибку удалось установить путем сравнения текста статьи Кричевского и напечатанного текста дневника Щербаковского.

[54] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 561.

Кричевский понял термин «черінь» как печь-очаг. Отсюда, характеризуя печное сооружение в Триполье, он ошибочно указывает для Лукашей огромный размер печи (3.8×2.6 м). Дело в том, что «черінь» означает не печь, а это термин, введенный Щербаковским для обозначения площадок. Следовательно, здесь мы имеем размеры не печи, а жилища в целом.[55] Эти досадные промахи, допущенные Кричевским, не могут поколебать его основной тезис о небольших размерах трипольских площадок на позднем этапе. Все же и здесь должны быть введены некоторые поправки. Бесспорно выдвинутое им положение, что на го́родско-усатовском этапе (С/II) развития Триполья происходит процесс видоизменения основных черт этой культуры, но, как указано в начале главы, я не считаю правильной дальнейшую характеристику го́родско-усатовского этапа, данную Е. Ю. Кричевским. Он писал, что «поселения типа Городска по целому ряду признаков могут быть названы трипольскими, но вместе с тем заметно уже отличаются от типичных местонахождений трипольской культуры». Считаю, что хотя многие черты отличия этого этапа и могут быть намечены, однако генетическая связь его с Трипольем еще исключительно тесная.

Несмотря на то, что топографические условия местонахождения поселений несколько и меняются, но сохраняется (как это видно на примере Лукашинского поселения) тип трипольского поселка, его планировка по кругу-овалу.

Безусловно, возможно говорить об изменении характера и типа жилищ на этом этапе, но наземные глинобитные жилища, открытые в 1939 г. в Го́родске, все же представляют собой типичные, хотя и малые, трипольские площадки размером 5.4×3.6 м и 7.5×3.6 м. В Колодяжном жилища несколько бо́льшие: до 10—12 м длины и 4—5 м ширины. В Лукашах эти размеры значительно меньше: 3.8×2.6 м.

На позднем этапе (С/II) известны, наряду с площадками, и жилища небольшого размера — полуземлянки, как, например, в Го́родске и в Киеве на Кирилловской Горе.

Переходя к инвентарю, открытому в Лукашах, следует сказать, что он в основном состоит из материалов керамических, лишь единичны находки изделий из камня и оленьего рога.

Керамика первого типа поселения у с. Лукаши из серой массы с примесью толченых раковин и песка. Наружная поверхность с полосчатым сглаживанием. Края часто волнистые с зубчиками. Форма типичного горшка с широким горлом и конически суживающимся дном. У основания края парные конические бугорки с уплощенным верхом.

Второй тип — сосуды из желтовато-оранжевой массы с примесью мелкозернистого песка. Поверхность — цвета массы, со следами водянистой краски красочной облицовки. Все сосуды этого типа представляют полную аналогию расписным сосудам Триполья этапа С/II, но без красочного орнамента. Повидимому, на позднем этапе произошло обеднение росписи или полное исчезновение ее.

По форме отмечаются конические чаши с прямыми краями и с краями, имеющими с двух сторон плавные выступы — «козырьки». Кроме того, имеются фрагменты большого сосуда с небольшим сосудиком, прилепленным на высоте плечиков (редкий пример), а также сосуд с двойным горлом. Аналогичный экземпляр был обнаружен Хвойко в землянках на Кирилловской улице в Киеве.[56]

Из фрагментов интересны часто встречающиеся и в Бортничах и в Усатове сосуды с рядом округлых бугорков-шишечек, налепных по краю с наружной стороны.

Обнаружены в Лукашах и типичная роговая мотыга без отверстия и створки раковины *Unio* с небольшим отверстием. Следует отметить отсутствие в поселении у Лукашей керамики с веревочным орнаментом, столь характерным для поселения позднего этапа. Понять причину этого отсутствия пока не удается.

Заканчивая обзор позднетрипольских поселений на территории Киевско-Волынского Полесья и на Левобережье Днепра, необходимо остановиться еще на одном памятнике — землянках, обнаруженных В. В. Хвойко в самом Киеве на Кирилловской ул. в усадьбе Святославского. Это — первый трипольский памятник, ставший известным в России. Тогда же Хвойко указал на важнейшие различия, существующие между землянками, с одной стороны, и открытыми им площадками — с другой; более ранними хронологически памятниками он считал (ошибочно) землянки, более поздними — площадки. Как твердо установлено теперь, между этими типами памятников Триполья существует обратное хронологическое соотношение. Кирилловские землянки Хвойко по всему комплексу находок совпадают с рассмотренными поздними поселениями у Городска, Евминок, Райков, Бортничей, в которых мы имеем иной тип жилища (небольшие глинобитные площадки и появление полуземлянок), иной характер культурного слоя, иной керамический комплекс, в котором преобладает керамика с вдавленным и веревочным орнаментом и редко представлена керамика расписная, столь типичная на предшествующих этапах Триполья.

Какими же чертами характеризуются жилища-землянки, открытые первоначально на Кирилловской улице? Такого типа землянки

[55] Там же, стр. 572.

[56] Хв. Вовк. Передісторичні знахідки на Кирилловской вулице у Київе. Материалы укр.-русской этнологии, т. I, 1899, рис. 11 д.

обнаруживаются в большом количестве и на других возвышенностях Киева, начиная от Флоровской горы, сплошь до Кирилловского монастыря. В те же годы, когда вел раскопки Хвойко, А. А. Скрыленко исследовала случайно открытые при постройке кирпичного завода трипольские землянки на Верхней Юрковице в Киеве, близ Кирилловской ул., на одном из мысов высокого берега, разделенного оврагом.[57]

В последующие годы были сделаны аналогичные находки в Киеве на Сырце. По Хвойко, устройство землянок, стены которых лишь более или менее возвышались над поверхностью, представлялось в следующем виде: «В верхнем пласте земли в черноземе до глубины 40 см вырезалась площадка в виде продолговатого, чаще открытого четырехугольника 3—5 м (в среднем 2—4 м) в длину и 2 м в ширину. Посредине выкапывалась яма глубиной $^3/_4$ м — $1^1/_2$ м и до $2^1/_2$ м в ширину. С одной стороны оставался вход и делались уступы. В противоположной от него стенке той же ямы, на небольшой высоте от пола, выделывалась печь в виде сводчатой печурки с небольшим отверстием для выхода дыма; иногда же у противоположной стенки делался круглый очаг, часть которого помещалась в яме, а часть заходила в выдолбленную стенку, где пробивалось такое же отверстие для дыма, как и в печах. Наружный край первой площадки огораживался вбитыми в землю кольями в виде частокола или плетня, обмазанного глиной и образовавшего невысокие стенки, на которых покоилась соответствующая форме постройки крыша. Она, вероятно, поддерживалась, кроме того, изнутри одним или несколькими столбами, в особенности, если была покрыта хворостом и сверх него присыпана землею или обложена дерном».[58]

Часто дно ямы, повидимому, в месте очага-печи, представляло собой глиняную, хорошо (до-красна) обожженную, округлую площадку (до 65 см шириной), использованную в качестве пода печи. В землянке № 4 (усадьба Святославского) такого типа площадка была хорошо сглажена и окрашена белой краской. В некоторых случаях стенки очажной ямы бывали обмазаны глиной и хорошо обожжены. На дне подобных очажных ям и обнаружены остатки кострищ в виде слоя золы, черепков и костей. Среди остатков такой печи были открыты пять сосудов.

Хвойко, кроме того, отмечал существование землянок, состоявших из двух отделений, соединенных между собой прокопанным в земле проходом до 70 см ширины и прикрытых, вероятно, одной крышей (землянки № 11 и 12). В одном из отделений на глубине 1 м

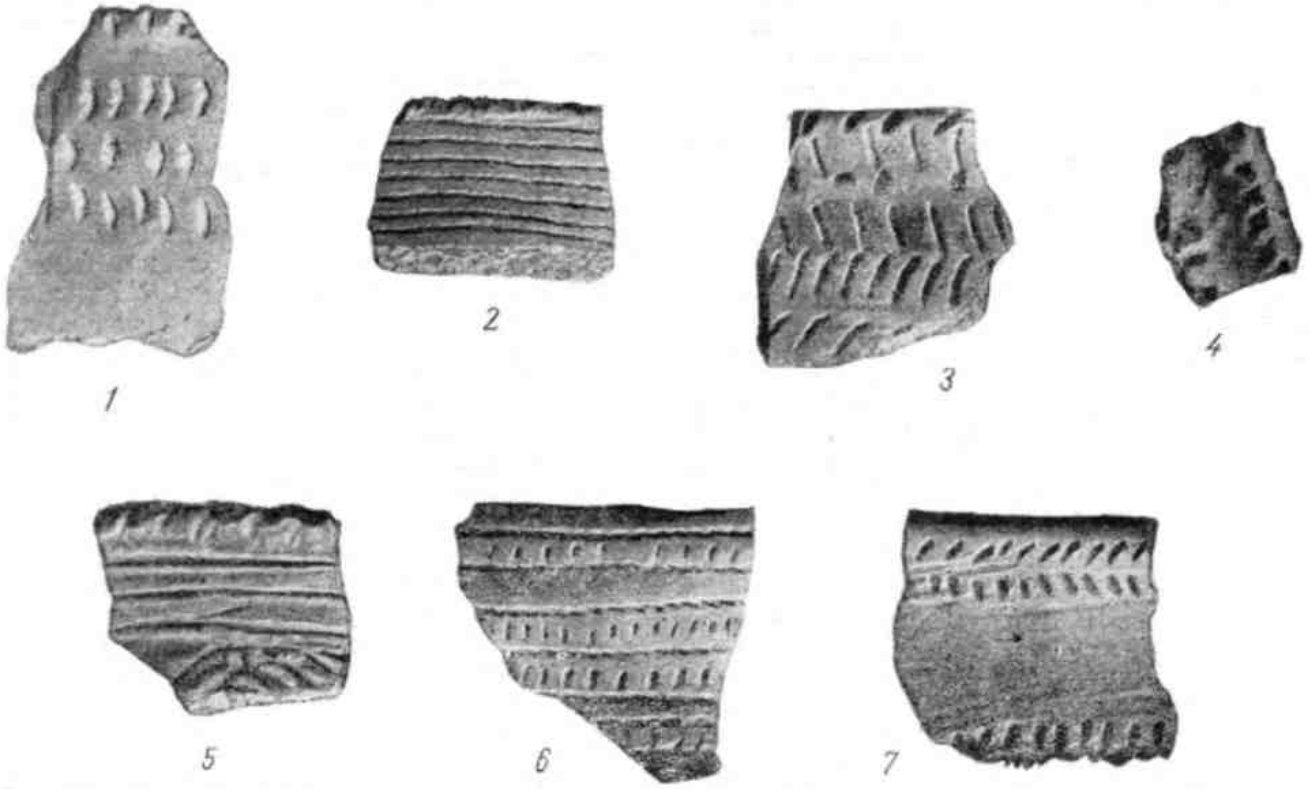

Рис. 94а. Киев. Кирилловские землянки. Фрагменты сосудов: *1, 3, 4, 5, 7* — с углубленным орнаментом; *2, 6* — с веревочным орнаментом (1/2 н. в.)

[57] Н. Ф. Беляшевский. Раскопки в Киеве. Археологическая летопись Южной России, т. I, 1899, стр. 75 и след.

[58] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 799.

открыты остатки глиняной печи, в другом — остатки пищевых отбросов и зернотерка.

Описывая раскопки у Ржищева, Хвойко дает также и описание землянок. Они представляют «известной величины четырехугольное пространство, несколько углубленное в землю (размеры: 35—65 см глубина и 3—6 м и 4—6 м длина и ширина; и более глубокие: 1.5—3 м глубина и 1.5—2 м длина и ширина), состоящее из двух различных по глубине частей — верхней менее глубокой, но более обширной по площади, служившей жилым помещением, и нижней, представляющей чаще овальную яму, предназначенную для приготовления пищи. В ней постоянно обнаруживаются пищевые отбросы и очаг, расположенный обычно у одной из стенок (против входа) в более глубокой яме. Именно здесь попадаются обыкновенно остатки развалившейся печи или очага из обожженной глины; передняя часть печи выходила в яму, а остальная была выдолблена в стенке. Иногда здесь встречаются остатки 2—3 очагов. В основании печи или открытого очага — мощный глиняный под. В ряде случаев отмечаются ступенчатые входы.[59] Полуземлянки — прямоугольной формы, из двух углублений; видимо, такие же у с. Бортничи переданы на рисунках Хвойко.

На Верхней Юрковице (Киев) А. А. Скрыленко были открыты остатки «углублений и ям, наполненных раковинами, костями животных, черепками, а также остатками глиняной обмазки от очагов». Среди обнаруженного здесь инвентаря следует отметить типичные вещи позднетрипольского комплекса — кремневый топорик клиновидной формы с шлифованным лезвием, кремневый нож, острия, две роговые мотыги, костяные долота и шилья. Особенно много здесь оказалось керамических находок, причем большинство фрагментов сосудов с разнообразным орнаментом из вдавленных углублений, штампов, оттисков веревочкой. Обращают внимание орнаментированные глиняные пряслица и грубо вылепленные статуэтки.[60]

Наряду с типичными статуэтками Триполья на Верхней Юрковице была сделана уникальная находка пары глиняных предметов с четырьмя округлыми углами-выступами и суженной средней частью (предметы хранятся в Киевском Историческом музее). В профиль эти предметы несколько дугообразно выгнуты и спереди утолщены. Никаких следов орнаментировки на них нет. Сравнивая эти предметы с серией сильно схематизированных (в позднем Триполье) глиняных статуэток, особенно со статуэткой из Серизлиевки и другими, приходим к заключению, что и верхнеюрковицкие глиняные предметы «неясного назначения» являются такого же типа схематизированными статуэтками, но не сохранившими ни вытянутой шеи, ни обозначения груди, ни орнамента одежды (рис. 93—*5*).

Рис. 946. Киев. Кирилловские землянки. Фрагменты сосудов: *1*, *2* — с красной росписью; *3* — с веревочным орнаментом (1/2 н. в.)

Переходя к инвентарю кирилловских землянок Хвойко, следует оговориться, что, несмотря на все усилия, подробнее изучить его в Киевском Историческом музее и характеризовать его во всем объеме, к сожалению, не представляется возможным, так как все находки заинвентаризированы в целом, без разделения по отдельным землянкам. Таким образом, единственным материалом для изучения этого интереснейшего памятника остается напечатанный отчет о раскопках. Некоторые дополнения даны в статье Ф. Волкова.[61]

Культурный слой поселения у Городска, Евминок и в кирилловских землянках, как это уже отмечалось, значительно более на-

[59] В. В. Хвойко. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. ЗРАО, т. V, вып. 2, СПб., 1904.

[60] Н. Ф. Беляшевский. Указ. соч., стр. 76—77.

[61] Хв. Вовк. Указ. соч.

сыщенный, чем культурный слой на поселениях Коломийщины, т. е. в период более ранний. Культурный слой кирилловских землянок, как и Городска, состоит из фрагментов керамики, костей домашних и диких животных, фрагментов орудий из кости, рога и кремня, а также из большого количества кухонных отбросов. Немногочисленность орудий труда в более ранних трипольских поселениях позволяет утверждать, как пишет Кричевский,[62] «что эта относительная немногочисленность костных остатков и это сочетание, также немногочисленных, орудий труда, является правилом» для поселений ранних этапов.

Среди большого количества кремневых орудий встречены серия округлых и овальных скребков, ножевидные пластинки, кремневые проколки и кремневые наконечники стрел с выемкой у основания (значительная редкость для ранних поселений). Как и в Го́родске и вообще в поздних трипольских поселениях, здесь Хвойко обнаружил небольшие кремневые клиновидные топоры с заполированным лезвием и грубо обработанными широкими и узкими поверхностями. Топоры эти — типичное орудие для позднего этапа Триполья.

Находки орудий из кости и рога также многочисленны, а не единичны, как в более ранних трипольских поселениях. В кирилловских землянках обнаружена серия фрагментов роговых мотыг клиновидной формы и без отверстия и молоткообразных с просверленным округлым отверстием для рукоятки. И те, и другие хорошо заполированы и сделаны из рога благородного оленя. Встречены также костяные проколки и костяные орудия с заостренным концом.

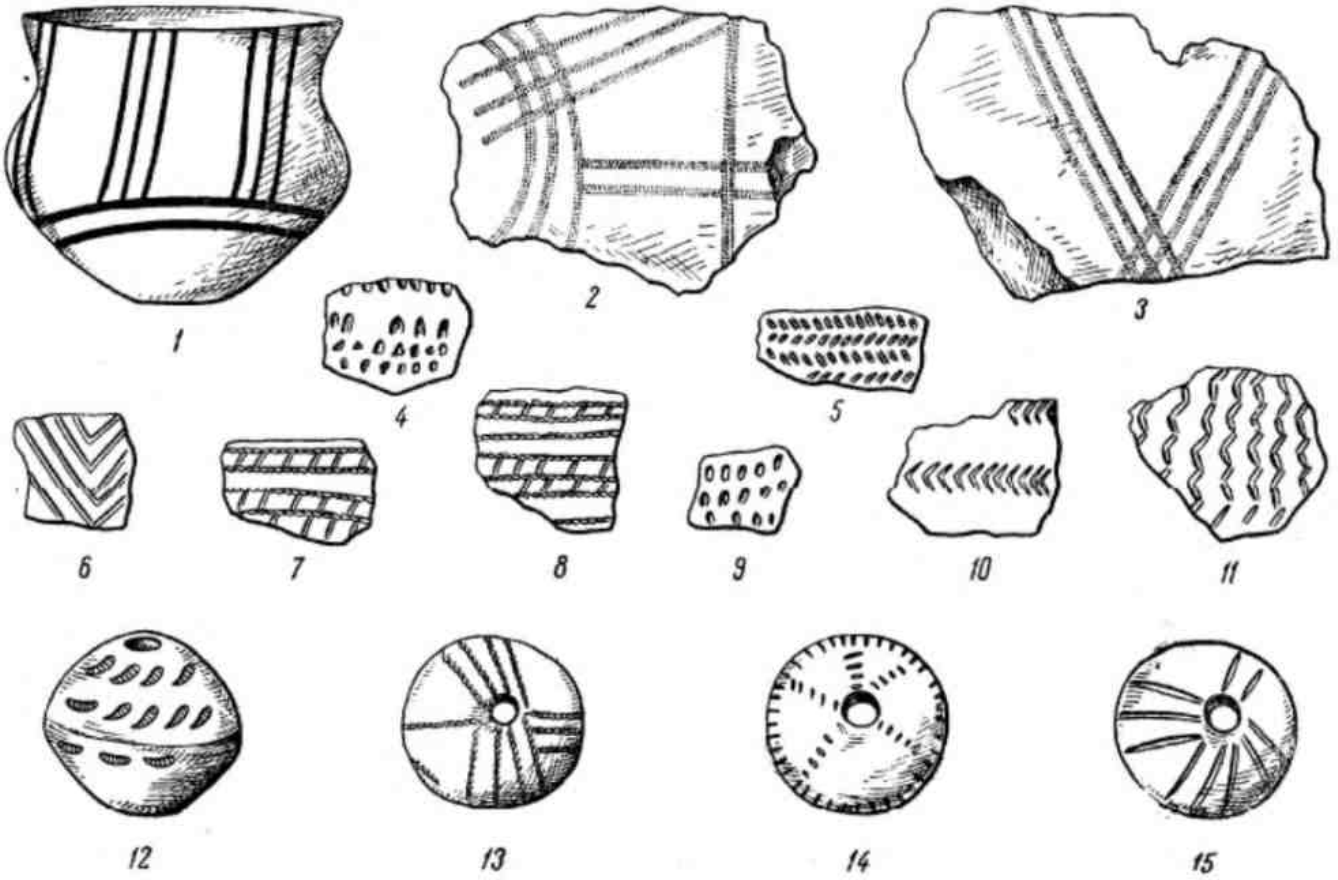

Рис. 95. Киев. Кирилловские землянки. Фрагменты сосудов: *1—3*— с черной и красной (дана точками) росписью; *4—11*— с углубленным и веревочным орнаментом; *12—15*— пряслица (2/3 н. в.)

Наиболее многочисленны и разнообразны, как и в Го́родске, керамические материалы. Среди них должны быть выделены те же основные группы, которые удалось выделить для всего позднетрипольского этапа (рис. 94 а, 94 б, 95).

1. Масса серовато-черная; глина со значительной примесью мелкотолченых раковин. Обжиг слабо окислительный. Черепок довольно тупой при ударе. Поверхность — цвета массы; наружная — с заметными следами полосчатого сглаживания. Сосуды данного типа бедно орнаментированы, чаще всего — это вдавленный орнамент из небольших углубле-

[62] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, М.— Л., 1941.

ний, проходит у верха или основания края Полосчатое сглаживание проходит по краю вертикально правильными полосами. Иногда на керамике этого типа, с характерным для Триполья полосчатым сглаживанием, орнамент наносится наискось перевитой веревочкой, проходящей у основания края, от которой по плечикам свисают вниз пары вертикальных полосок-оттисков такой же веревочки. Как всегда, для этой группы характерен широкогорлый горшок. Часто у основания края — пара бугорков-ручек, без отверстия.

2. Судя по последним (повторным) раскопкам 1938—1939 гг., произведенным Киевским Историческим музеем примерно в тех же местах, где были открыты кирилловские землянки Хвойко, второй тип керамики также представлен здесь. Это керамика с вдавленным орнаментом «небрежного» стиля; обычно она широко распространена в позднетрипольских поселениях этапа С/I, реже — на этапе С/II.

3. Третий тип представлен в кирилловских землянках (так же как и в Го́родске) разнообразными и многочисленными образцами. Масса красновато-коричневая, реже — сероватая. Глина с сильной примесью мелкозернистого песка. Обжиг слабо окислительный, неравномерный, часто дает темные пятна на поверхности. Масса сильно песчанистая. Черепок тупой и тяжелый от большой примеси песка. К сожалению, здесь, как и в го́родском комплексе, не сохранилось ни одного целого сосуда этого типа. Наиболее характерен вдавленный орнамент, обычно покрывающий от верха края сплошь большую часть сосуда (в некоторых случаях до самого дна), как мы отмечали на керамике этого типа в Евминках.

Орнамент нанесен гладким плоским штампом и образует горизонтальные елочные ряды. Часто это просто одиночные ряды мелких углублений, наискось расположенных в верхней части сосуда. Иногда вдавленные полоски образуют зигзагообразно-ломаный узор по краю, причем мелкий плоский штамп пересекает пространство между ними и окаймляет их. Распространена орнаментировка сплошными горизонтальными рядами из мелких округлых углублений.

Наряду с плоским штампом, распространен штамп с мелкими зубчиками, который образует чаще всего елочные, горизонтальные или наискось проходящие ряды. Между ними иногда проходит зигзагообразная ломаная полоса. Кроме круглых углублений, встречаются углубления, исполненные круглым полым штампом.

Большое распространение имеют различные системы орнамента, нанесенные прямо и наискось перевитой веревочкой. Это оттиски прямо перевитой веревочки, в виде гусеничного орнамента, располагающегося по всей поверхности сосуда елочными рядами. У края сосуда часто проткнутые насквозь отверстия. Полосы прямо перевитой веревочки опоясывают края сосудов, ниже располагаются ряды елочных штампов. На единичных экземплярах прямо перевитая веревочка образует свисающие по плечикам округлые фестоны. Иногда пространство между двумя горизонтальными опоясывающими рядами наискось перевитой веревочки пересечено короткими отрезками такой же веревочки или плоским гладким штампом.

Более редки экземпляры с орнаментом двойной (в елочку) веревочки.

К сожалению, невозможно установить форму сосудов. Край часто скошен внутрь. Орнамент, начинаясь от верха края, доходит до самого дна, сплошь густо покрывая поверхность. Ближе всего этот тип керамики к евминской группе песчанистых и к го́родскому III типу.

4. Как и всегда в комплексе позднетрипольских поселений, наименьшее число — сосудов с расписным орнаментом, причем техника и стиль росписи в этом типе весьма своеобразны. Лишь рассматривая ее в цепи со всей остальной керамикой Триполья, можно установить, что она генетически связана с последней (так же, как и расписная керамика Го́родска, Колодяжного, Райков, Евминок и всей усатовско-днестровской группы, которая будет рассмотрена ниже).

Расписная керамика кирилловских землянок ближе всего стоит к фрагментам сосудов из Евминок. Масса розовато-красная. На одной серии мы находим здесь фрагменты двухконусных сосудов с монохромной черной росписью, типичный тип Триполья. Чрезвычайно интересен небольшой сосудик с широким горлом и спускающимися тремя полосами нешироких лент, окаймленных снизу двумя полосками. Эта система орнамента в росписи — как бы последнее звено распадения спирального рисунка, отмеченного на расписных сосудах из Го́родска (1939 и 1940 гг.), Завишни (близ Сокаля) и на других южных находках.

Вторая серия фрагментов — с монохромной росписью красновато-коричневой краской, масса обычно белая или розовато-белая.[63] Сохранились фрагменты краев чаш, несколько наклоненных внутрь. От краев по стенкам отходят ленты (из трех полос), образующие фестоны; концы лент часто перекрещиваются. На краю одной из чаш неширокий пояс из узких волнистых спускающихся вертикально полосок. Нельзя не отметить, что именно волнистые полоски очень характерны для стиля росписи позднего этапа (С/II и γ/II) Триполья. Иногда эти волнистые полоски окаймляют ленты росписи, иногда пересекают свободные

[63] Фрагменты аналогичных «сосудов с коричневыми узорами» были обнаружены В. В. Хвойко в землянках № 18, 23, 24, 26 и 29. См. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

поля (см. Го́родск и южные находки этого же этапа).

Обращает на себя внимание фрагмент чаши с монохромной коричнево-красной росписью, причем орнамент нанесен отдельными мазками, образующими горизонтальные ряды сплошь на всей поверхности. Для росписи сюжет этот в трипольской керамике совершенно не обычен. Я считаю возможным рассматривать его как подражание в росписи вдавленному орнаменту, сплошь покрывающему поверхность сосуда отдельными оттисками штампа, елочного узора. Масса этого фрагмента красноватая с сильной примесью толченых раковин, что редко встречается в расписной керамике. В этом подражании следует усматривать проникновение сильных влияний на культуру Триполья со стороны соседних племен, живших преимущественно на Левобережье Днепра. Особенно ярко это влияние заметно на позднетрипольском этапе.

Для завершения полной характеристики комплекса кирилловских землянок необходимо упомянуть о серии находок глиняных пряслиц, чаще всего двухконусных по форме и орнаментированных. Пряслица эти аналогичны го́родским, райковецким, бортническим и обычно орнаментированы вдавленными полосами, расходящимися от центра, или мелкими звездообразно расходящимися короткими оттисками, иногда в елочку. Поверхность пряслиц иногда сплошь покрыта короткими слегка загнутыми оттисками прямо перевитой веревочки или же округлыми углублениями. Чаще же нижний и верхний конусы от центра пряслица покрыты оттисками наискось перевитой веревочки. Иногда одиночные полоски группы их или концентрические круги опоясывают пряслице. Один экземпляр сплошь пересечен идущими полосками-оттисками наискось перевитой веревочки; оттиски эти образуют сходящиеся сторонами треугольники.

В комплексе находок кирилловских землянок имеются также типичные трипольские статуэтки. Остается сказать несколько слов о двух половинках глиняных литейных форм, обнаруженных Хвойко на месте раскопок на кирилловских высотах. Они были найдены между землянками № 15 и 16. Хвойко пишет, что «очевидно, одна из них была моделирована по роговому топорику, найденному тут же, так как последний прекрасно пришелся по ней». Следов металла не было открыто.[64]

В другом месте своего отчета Хвойко пишет о медных изделиях в Триполье (считая их привозными) и упоминает вновь эти обе половинки формочки для отливки, но теперь он считает, что они служили для отливки медных плоских топориков, тождественных плоским медным топорам, найденным в Веремье и Триполье.[65] Обе половинки глиняной формочки, безусловно, служившие для отливки медных или бронзовых плоских топориков, были опубликованы Ф. Волковым.[66] Эти формочки служили, вероятно, для отливки медных изделий, принадлежащих к позднетрипольскому комплексу кирилловских землянок, хотя и обнаружены они между землянками № 15 и 16. Именно в этот период получают свое распространение первые металлические изделия, в частности, в виде плоских медных клиновидных топоров, открытых в разнообразных местах у Колодяжного и в площадках Хвойко, близ Веремья и Триполья, а также на юге в Усатове, о котором будет речь ниже.

Рассмотрением материалов из раскопок в кирилловских землянках я заканчиваю разбор поселений этапа С/II в Среднем Поднепровье, на Волыни и на Левобережье Днепра и по Десне.

В единый по времени комплекс этапа С/II (го́родский) включены такие позднетрипольские поселения, как Го́родск, Райки, Колодяжное, Евминки, Бортничи, Лукаши, Верхняя Юрковица, кирилловские землянки (рис. 96). Все эти памятники объединяются характерными чертами, анализ которых позволяет наметить следующие выводы.

1. На этапе С/II позднего Триполья происходит изменение в характере трипольского домостроительства. Постепенно исчезают типичные большие многосемейные наземные глинобитные дома — площадки и на смену им приходят сравнительно небольшие глинобитные наземные постройки и получает распространение жилище полуземляночного типа; в некоторых случаях и более глубокие — землянки с глинобитными очагами внутри.

2. Изменяется весь характер и состав культурного слоя на поселении. Он становится интенсивно насыщенным остатками костей животных (с преобладанием костей диких животных и появлением костей лошади); увеличивается количество орудий из кремня; в частности, широко распространены кремневые наконечники стрел, столь редкие на предшествующем этапе. Это свидетельствует о возрастающем значении охоты в хозяйстве этого позднего этапа. Характерными становятся также кремневые клиновидные топоры с заполированными лезвиями и грубообработанными сторонами. Кроме того, обычными являются каменные просверленные топоры.

3. На этапе позднего Триполья (С/II), так же как и на этапе γ/II на юге, увеличивается количество орудий из меди, прежде всего плоских кованых медных топоров. На юге, где на этом этапе обменные отношения значительно интенсивнее, чем на севере, известно боль-

[64] Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, стр. 762.

[65] Там же, стр. 808.

[66] Хв. Вовк. Указ. соч., рис. 16

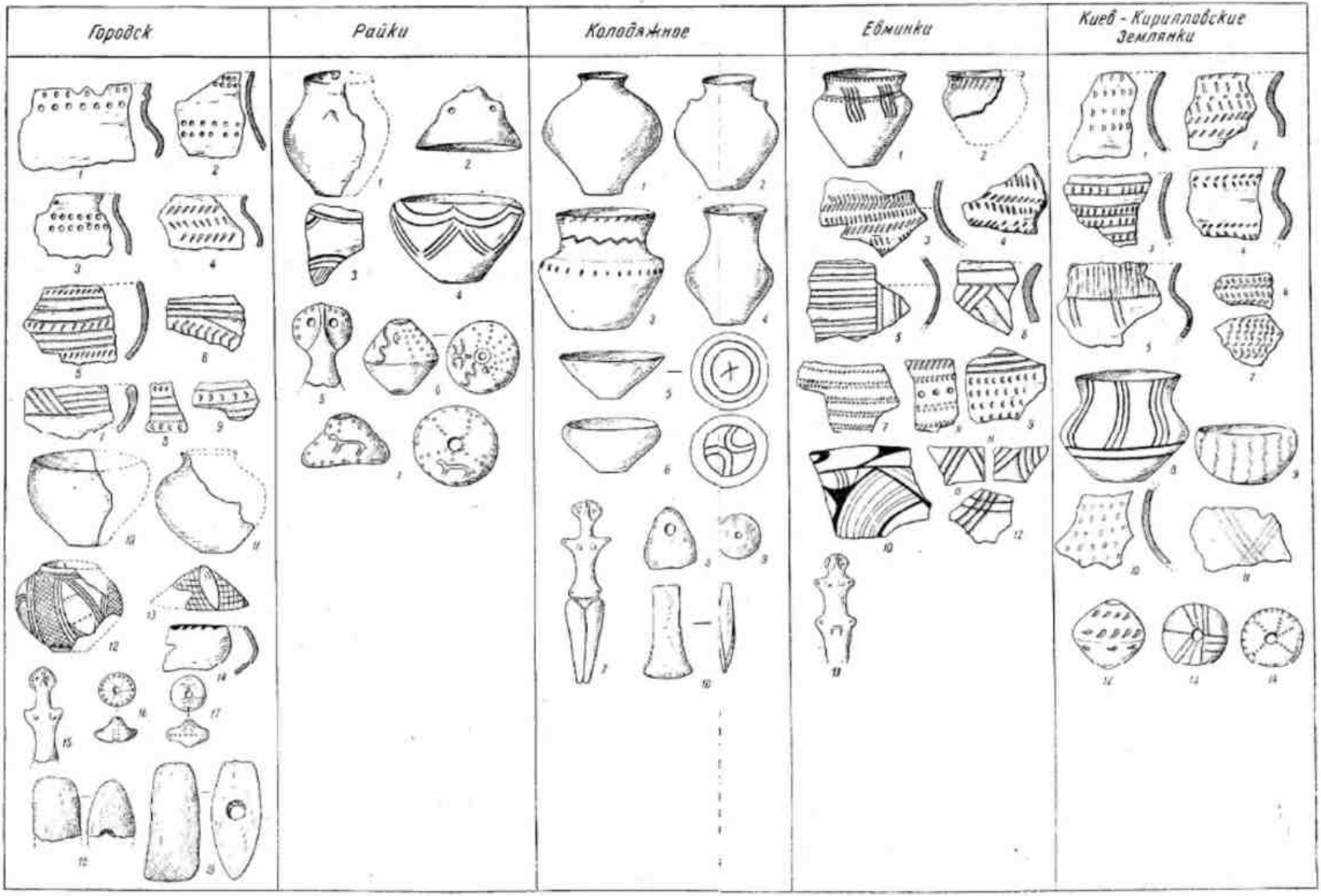

Рис. 96. Таблица основных находок позднего С(II) этапа Триполья

Городск. *1—9*— фрагменты сосудов с углубленным и веревочным орнаментом; *10, 11*— сосуды бо) росписи: *12—14*— сосуды с черной и красной росписью; *15*— глиняная статуэтка; *16, 17*—пряслица; *18*— топоры из камня. Райки. *1, 2*— сосуды без росписи; *3, 4*— сосуды с че;ной росписью; *5*— фрагмент глиняной статуэтки; *6—7*— пряслица. Колодяжное. *1, 2, 4*— сосуды без росписи; *3*— сосуд с углубленным орнаментом; *5, 6*— сосуды с черной росписью; *7*— глиняная статуэтка; *8* — грузило; *9*— пряслице; *10*— топор из меди. Евминки. *1—9*— сосуды и фрагменты с углубленным и веревочным орнаментом; *10—12*— фрагменты сосудов с черной и красной росписью; *13*— глиняная статуэтка. Киев. Кирилловские землянки. *1—7*— фрагменты с углубленным орнаментом; *8*— сосуд с черной росписью; *9—11*— сосуды с красной ро;писью; *12—14*— пряслица. (Роспись красным дана точками.)

грубые по выделке) имеют на плечиках горизонтально проткнутые трипольского типа ручки. На единичных экземплярах этой группы может быть отмечен орнамент в виде веревочки, проходящей у основания края, или серповидных лунок. На нескольких фрагментах этой группы отмечается элемент орнамента в виде свисающих по плечикам сплошь заштрихованных вытянутых треугольников.

II. Обычная для позднего этапа керамика 2-й группы, отмечавшейся нами в Го́родске, в Евминках, в Бортничах (С/II),— в Усатове встречена лишь в единичных экземплярах. Дальнейшая проработка массового керамического материала из культурного слоя Усатовского поселения позволит выявить новые фрагменты. Как и обычно, усатовские сосуды этой группы изготовлены из сероватой, коричневато-серой массы, твердой, с примесью кварцевого песка. Поверхности — цвета массы, хорошо сглажены; чрезвычайно характерна орнаментация сосудов. Так, на сосуде несколько вытянутой кратерообразной формы проходит по плечикам пояс со свисающими отрезками лент. Сюжет этот нанесен неширокими углубленными полосами, образующими отрезки лент. Имеются аналогичные сосуды с веревочной орнаментацией.

III. Наиболее многочисленна, как и обычно на данном этапе, группа керамики не трипольского типа, с штамповой и веревочной орнаментацией.

Масса черная, серовато-черная или коричневато-черная, иногда красноватая. Глина с примесью мелкозернистого песка, довольно плотная. Обжиг неравномерный, дающий на поверхности коричневатые пятна. Наружная поверхность прекрасно заглажена, ровная, в некоторых случаях заполирована, слабо блестящая. Сосуды вылеплены от руки, тонкостенны; на дне отпечатки плетения ткани или цыновки.

По форме могут быть отмечены:

1. Чаши глубокие, с несколько загибающимся краем, выпуклыми стенками. Чрезвычайно характерными являются располагающиеся у верха края округлые выпуклости, проткнутые изнутри. В более позднее время такого же типа выпуклости обычны для скифских сосудов.

2. Сосуд с широким горлом и округлым, довольно низким, конически суживающимся телом. По краю проходит ряд серповидных лунок, оттиснутых наискось перевитой веревочкой. Основание края опоясано полосой, оттиснутой веревочкой. Ниже по плечикам свисают вертикальные ряды серповидных лунок, обращенных вниз, между которыми расположены горизонтально лунки. Этот усатовский мотив характерен, конечно, не только для Усатова, но отмечается почти во всех поселениях позднетрипольского этапа и часто среди сосудов среднеднепровской культуры.

3. Другая форма — сосуд с невысоким и нешироким горлом, округлым, слегка вытянутым телом и парой заметно выступающих налепных ручек. По верху края — группы проткнутых сквозных отверстий и ряд серповидных лунок, оттиснутых наискось перевитой веревочкой. Основание края охвачено одним или двумя рядами полоски-веревочки, ниже которых горизонтальный ряд серповидных лунок.

4. Одна из характерных усатовских форм — это своеобразная шаровидная амфора — сосуд с сильно округлым и широким в плечах телом и нешироким горлом; на уровне плечиков располагаются четыре налепные, заметно выступающие ручки. Часто эти сосуды без орнамента. Все эти сосуды встречены как на поселении, так и в курганном могильнике, речь о котором будет ниже.

IV. Не менее характерна для позднетрипольского этапа,— если рассматривать группу поселений типа Го́родска, Евминки, Райки,— и расписная керамика.

Масса розовато-палевая, желтоватая, довольно твердая и плотная. Не повторяя здесь снова описания керамики этой группы, ограничусь ссылкой на IV группу керамики из Го́родска, дающей полную аналогию усатовской расписной, и перейду к характеристике конкретного материала из поселения Усатова.

Из форм выделяются:

1. Чаши глубокие, со слегка наклоненными внутрь краями, выпуклыми стенками. Роспись нанесена черной краской, часто с заполнением небольших полей (например, при схождении под углом лент) красной краской. Красной же краской бывают заполнены пространства между двумя полосами, образующими ленты росписи.

С наружной стороны верх края чаш опоясан рядом сплошь закрашенных фестонов. Снизу пояс росписи ограничен двумя полосками. Пространство пояса росписи разделено двумя вертикальными лентами на равные части, которые в свою очередь наискось пересечены такими же лентами.

Иногда края чаш разделены лентами на метопы, а в пространствах между ними свисают ленты в виде полуовалов; поля этих полуовалов в свою очередь пересечены лентой с красным окаймлением. Поле одной из лент также заполнено красным. На стенке чаши красной краской нанесены отдельные кружки. На внутренней стороне чаши обычно имеется роспись черным и красным. Сюжет — типичный для позднего этапа развития трипольской росписи.[72]

На усатовских чашах мы видим систему сходящихся у центра четырех овалов в соединении с пересекающимся крестом из двух лент. Ленты образованы двумя неширокими

[72] T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII, рис. 1—5 и XXXIII.

шое количество медных изделий. Кроме медных плоских топоров, на юге обнаружены кинжалы, шилья, колечки и пр. О них речь будет ниже, при изучении комплекса Усатова (этапа γ/II).

4. Наибольший материал для характеристики поселений позднего Триполья этапа С/II дает керамика, причем во всех разобранных памятниках комплекс основных типов сосудов один и тот же. Мною были выделены четыре основных типа: первый, второй и четвертый — трипольские, третий — не трипольский. Таким образом, в позднетрипольских поселениях устанавливается сосуществование на одном поселении керамики различных типов: 1) трипольского и 2) одного из вариантов культуры медного, или раннебронзового века лесостепной полосы. Особенно четко прослежено это в Евминках.

5. Однако это сосуществование не механическое, а органическое. Зарождение в недрах старого элементов нового.

6. Типы керамики медного века заметно преобладают над керамикой Триполья. Однако последняя стойко удерживает свои характерные черты, что указывает на значительную еще интенсивность культуры Триполья, по сравнению с соприкасающейся с ней, особенно на Десне, культурой медного века.

Расписная трипольская керамика (IV тип) с черной и коричневато-красной росписью переживает на этапе С/II стадию почти полного исчезновения, в то время как на предшествующих этапах расписная керамика была чрезвычайно разнообразна и многочисленна. Интересные результаты дает анализ стиля росписи и сюжет полного распадения спирального рисунка, столь характерного для ранних этапов Триполья.

Два других типа трипольской керамики — с полосчатым сглаживанием и со вдавленным орнаментом на поселениях менее многочисленны по сравнению с доминирующим типом (III) не трипольской керамики с веревочным и штамповым орнаментом.

7. Наряду с сосудами, в комплексе этапа С/II увеличивается число глиняных пряслиц с той же веревочной и штамповой орнаментацией; обычны также трипольские сильно схематизированные статуэтки.

8. Нанесенные на карту позднетрипольские поселения (С/II) дают возможность заключить, что Триполье достигает наибольшего распространения в восточном и северо-восточном направлениях именно на позднем этапе (С/II) развития; оно заходит далеко на север, в бассейн р. Припяти, а на востоке — в бассейн р. Десны.

9. Здесь, на Левобережье, на этапе С/II Триполье сталкивается с иной, весьма интенсивно развивающейся культурой катакомбного типа. Это столкновение было одной из причин, вероятно, задерживающих дальнейшее распространение трипольских племен на восток; именно здесь, в Поднепровье, немного позднее развивается среднеднепровская культура, возникающая, вероятно, на позднетрипольской основе.

В. В. Хвойко, раскопавший кирилловские землянки, понял, что обнаруженный в них инвентарь заметно отличается от комплекса находок трипольских площадок. Однако он ошибочно (на основании большей примитивности керамики из землянок, преимущественно не расписной, с веревочной и штамповой орнаментацией) определил находки из землянок и некоторых площадок (Халепье, Жуковцы и др.) как более раннюю — «культуру Б», а площадки с расписной керамикой, главным образом полихромной, отнесены были им к более поздней — «культуре А». Эта концепция Хвойко долго держалась среди украинских археологов и была окончательно опровергнута лишь в последнее десятилетие в связи с раскопками Трипольской экспедиции. Высказанные же мною положения о классификации трипольской керамики, благодаря новым раскопкам, получили дальнейшее подтверждение. Подтверждает это и сопоставление с культурами эпохи металла.

Е. Ю. Кричевский считал, что комплекс находок из Го́родска, собственно, не является уже трипольским. Эта точка зрения, по-моему, не точная, тем более, что позднетрипольские поселения го́родско-райковецко-евминского типа не представляют какого-то локального варианта, а являются действительным этапом в развитии трипольских племен. Те комплексы находок, которые были разобраны мною для позднего этапа С/II в Среднем Поднепровье, на Волыни и на Левобережье, прослеживаются и в южных районах, в Северном Причерноморье, на Нижнем Днестре, причем на юге соприкосновения племен Триполья с племенами эпохи бронзы выявляются еще более четко.

Этап γ/II

В процессе работы над трипольской керамикой, при разработке комплексно-типологической классификации ее, мною уже было высказано мнение, что типы керамики, которые наблюдаются в материалах Триполья на юге в Нижнем Поднестровье и в Причерноморье, безусловно, принадлежат позднему этапу развития культуры (γ/II). Тогда же указывалась их генетическая связь с некоторыми типами керамики этапа С на севере.[67] В настоящее время, особенно после раскопок в Го́родске, эта связь подтверждается и бесспорным является то положение, что и в северных, и в южных районах распространения Триполья

[67] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИИМК, вып. 122, Л., 1935.

культура переживала один и тот же этап развития, условно названный мною этапом С/II на севере и γ/II — на юге. На севере примером этого этапа явилось позднетрипольское поселение у Го́родска, на юге наиболее характерным памятником этапа γ/II следует считать поселение близ гор. Одессы, у с. Усатово. Открытие этого памятника на месте ломки строительного камня — известняка произошло в период 1916—1920 гг. «Неолитическая стоянка» Усатово, как был тогда определен открытый памятник, находится «на плато у восточной окраины с. Усатово (в 7 км на северо-запад от Одессы). Вблизи на склонах плато множество хат, а в его известняковой толще — пещеры с. Б. Куяльник».[68] Усатовское поселение располагается на высоком берегу Б. Куяльницкого лимана, вблизи протекающего здесь ручейка.

Долговременная ломка камня — желтого раковистого известняка, характерного для всего побережья Одессы, уничтожила значительную часть древнего поселения Усатово. Объектом систематических раскопок Усатово явилось с 1921 г. Раскопки велись Одесским Историческим музеем под руководством М. Ф. Болтенко, позднее — Е. Ф. Лагодовской в течение многих лет с перерывами (в 1921 г., затем возобновились в 1926 г., в 1928—1933 гг., 1936—1940, 1945 и 1946 гг.).

Наиболее важным в исследовании Усатова является то, что по соседству с поселением были открыты и изучены курганный могильник и могильник бескурганный, с рядовыми погребениями. К сожалению, большинство этих материалов осталось неизданным. Однако работа непосредственно над усатовскими коллекциями в Одесском музее позволяет мне остановиться несколько более подробно на всем этом исключительно интересном комплексе и рассматривать его в серии аналогичных памятников в Поднестровье и в Среднем Поднепровье (рис. 97). Раскопки на поселении Усатово могли подвергнуть изучению площадь лишь на участках, сохранившихся от разрушения при выборке камня. Культурный слой, как отмечает Болтенко, лежит довольно мощно в черноземе и прослеживается на значительных пространствах. Он содержит большое количество фрагментов грубой и расписной керамики, раздробленные кости животных, створки ракушек *Unio*, местами заметна сильная золистость слоя. Чернозем до 50 см толщины залегает непосредственно на раковистом известняке.

Несмотря на сравнительно значительные площади раскопок, вскрытые в Усатове, все же исследователям не удалось до сих пор установить форму построек, существовавших в древности в Усатове. Могут быть сейчас отмечены заслуживающие большого внимания обнаруженные (раскоп Д — 13—1) известняковые плиты до 2.5 м по ширине и длине, залегавшие непосредственно под ненарушенным культурным слоем. Их скорее всего следует считать остатками каменного пола в постройке. Невдалеке были найдены на поселении каменные кладки — вымостки 3.5—5 м ширины, представлявшие остатки фундамента постройки.

Наибольший интерес представляют открытые в 1933 г. остатки, видимо, прямоугольных построек из известняковых плит, поставленных на ребро. Можно сделать заключение, что на юге жилища строились древним человеком из местного, наиболее распространенного материала,— известняка, который употреблялся взамен дерева и глины, из которых обычно строились жилища в эпоху Триполья. Применение камня в трипольских глинобитных постройках не ново и отмечалось Штерном в Петренах, Шмидтом в Кукутенах, Кричевским у с. Гард.[69]

К сожалению, изучение этого в высшей степени интересного комплекса наземных построек в Усатове не было до Великой Отечественной войны доведено до конца.

Вблизи расположен участок, где еще ранее было обнаружено жертвенное место. В 1940 г. Болтенко открыл на поселении (около центрального очага в доме) плиту в вертикальном положении, напоминающую профиль человеческого лица. Изображение это он сравнивал с солнечным божеством. Обращает на себя внимание и система высеченных в известняке коридоров до 1.5—2 м глубины и 1—1.5 м ширины. Они всегда имеют закругленные углы и обращены все в сторону лимана. Древний культурный слой заполнял их сплошь, поэтому отпадают возможные предположения о том, что здесь были найдены ямы каменоломни. Правильнее посчитать их своеобразными высеченными в известняке сооружениями.

Все эти положения требуют проверки последующими раскопками.

Анализ костей животных из культурного слоя указывает на значительную роль на данном этапе в хозяйстве Усатова скотоводства и, особенно, овцеводства. Среди костей домашних животных обнаружены остатки разных пород быка — крупного, близкого к современному украинскому, а также более мелкой породы. Наибольшее количество найдено костей овцы, близкой к современной породе. Исследователь отмечает, что на участке раскопа в 25 м было обнаружено 4000 овечьих костей, что говорит о большом распространении и развитии овце-

[68] М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков. Вістнік Одеської комісіі краевзнавства, № 2/3, Одесса, 1925.

[69] Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломийщине и проблема трипольских площадок. Сб. «Трипільська культура», т. I, Київ, 1941, стр. 556 и след.

водства в Усатове; известны также находки костей козы и собаки. Порода собак близка к современной лайке. Из костей диких животных определены кости: тура, кулана, оленя, сайги, дикого кабана, лисицы, волка и бобра. Большинство этих животных, начиная с XVIII в., не водится в причерноморских степях (например, тур, олень, сайга и др.).

Наличие костей диких животных показывает, что в эпоху древнего Усатова, наряду с рыболовством и собиранием моллюсков, значительную роль в питании населения играют продукты охоты.

Костей лошади в Усатове обнаружено значительно больше, чем в поселениях Поднестровья и Поднепровья. К сожалению, пока нет еще достаточных данных, по которым можно было бы отделить кости дикого коня от домашнего. Однако находка в культурном слое Усатова костяного псалия дает указания на приручение в то время коня. На другом поселении около Го́родска количество костей лошади, как уже отмечалось, также больше, чем на поселениях более ранних этапов.

Наряду с охотой и скотоводством, у населения усатовских поселений, расположенных на морском побережье и по берегам пресных вод лимана, дававших не мало рыб, развивалось рыболовство. Это подтверждается находками рыбьих костей сома и осетра, каменных грузил для рыболовных сетей, костяного рыболовного крючка. Рыболовство, охота и скотоводство на данном этапе были, вероятно, занятиями мужчины, который теперь приручает животных и охраняет стада. Племена, жившие в Усатове, в степной полосе, разводившие стада овец и занимавшиеся скотоводством, имели в большом количестве не только молоко, но и молочные продукты и мясо, а также кожу и шерсть. Так же как и соль, кожа и шерсть уже в ту эпоху служили продуктами обмена.

Увеличение в курганных погребениях Усатова (речь о которых будет ниже) числа предметов из меди, происходящих из районов Закарпатья и Средиземноморья, подтверждает существование обмена.

Земледелие в хозяйстве Усатова, в противоположность ранним трипольским поселениям, играет, видимо, меньшую роль. Наряду со скотоводством, увеличивается роль ткачества, о чем (как и в Го́родске) свидетельствуют находки многочисленных глиняных пряслиц, отпечатки тканей на днищах сосудов, широкое распространение веревочной орнаментации, а также изображения одежды на статуэтках. На основании краткой характеристики поселения Усатова выявляются различия и вместе с тем общие черты этого памятника и позднетрипольского поселения Го́родск в северных районах распространения трипольских племен. Большая сложность в описании инвентаря из поселения Усатова состоит в том, что, кроме двух небольших статей М. Ф. Болтенко, материал из поселения остается неопубликованным,[70] а в Одесском музее не весь материал мог быть мною обработан, так как он находился в неразобранном виде и лишь частично был мною в 1938 г. изучен в экспозиции.

Значительное количество кремневых находок в Усатове состоит из ножевидных пластинок обычного для Триполья типа, различных форм скребков, кремневых острий-проколок и немалого количества наконечников стрел. Из 10 экземпляров, выставленных в Музее, 6 — с резкой выемкой у основания. В коллекции имеются два небольших нуклеуса. Кремень местный, волокнистый.

Среди находок из камня — зернотерки и в большом количестве каменные плоские грузила из известнякового ракушечника, сильно окатанные, с углубленным перехватом посредине, в месте привязывания грузила к рыболовным сетям.

Находки изделий из рога и кости на поселении Усатово не многочисленны — это типичные для Триполья роговые мотыги (они же были обнаружены и в погребении) и шило; интересен костяной рыболовный крючок.

Не менее важна и находка костяного псалия, упоминавшегося мною в связи с затронутым вопросом о приручении в Усатове лошади.

Обращает еще на себя внимание створка раковины *Unio* с зубчатым краем, служившая для нанесения на сосудах орнамента в виде плоского штампа.

Как и повсюду, в трипольских поселениях наибольшую часть инвентаря в Усатове составляет различных типов керамика. Типы ее были выделены Болтенко в одном из его первых исследований по Усатову.[71] Проработка усатовского материала в Одесском музее и сравнение его с го́родским позволяют несколько уточнить и дополнить разработанную им классификацию.

I. Масса черная, серовато-черная, мало однородная, грубая. Глина с довольно сильной примесью песка или мелких толченых ракушек. Обжиг слабый, неравномерный. Поверхность — цвета массы, сильно шероховатая, порою бугристая от примеси крупного песка. Следов (как обычно у группы с примесью раковин) полосчатого сглаживания не имеется.

По форме — сосуд толстостенный, больших размеров горшок с бедным орнаментом, располагающимся у верха и основания края. Чаще всего — ряды небольших овальных углублений или оттисков орнамента ногтевого или ногтевого с оттибом. Иногда такой формы значительные по размерам горшки (весьма

[70] М. Ф. Болтенко. Указ. соч.; его же. Керамика с Усатова, ТКУ, вып. 1, Київ, 1926, стр. 8.
[71] М. Ф. Болтенко. Указ. соч.

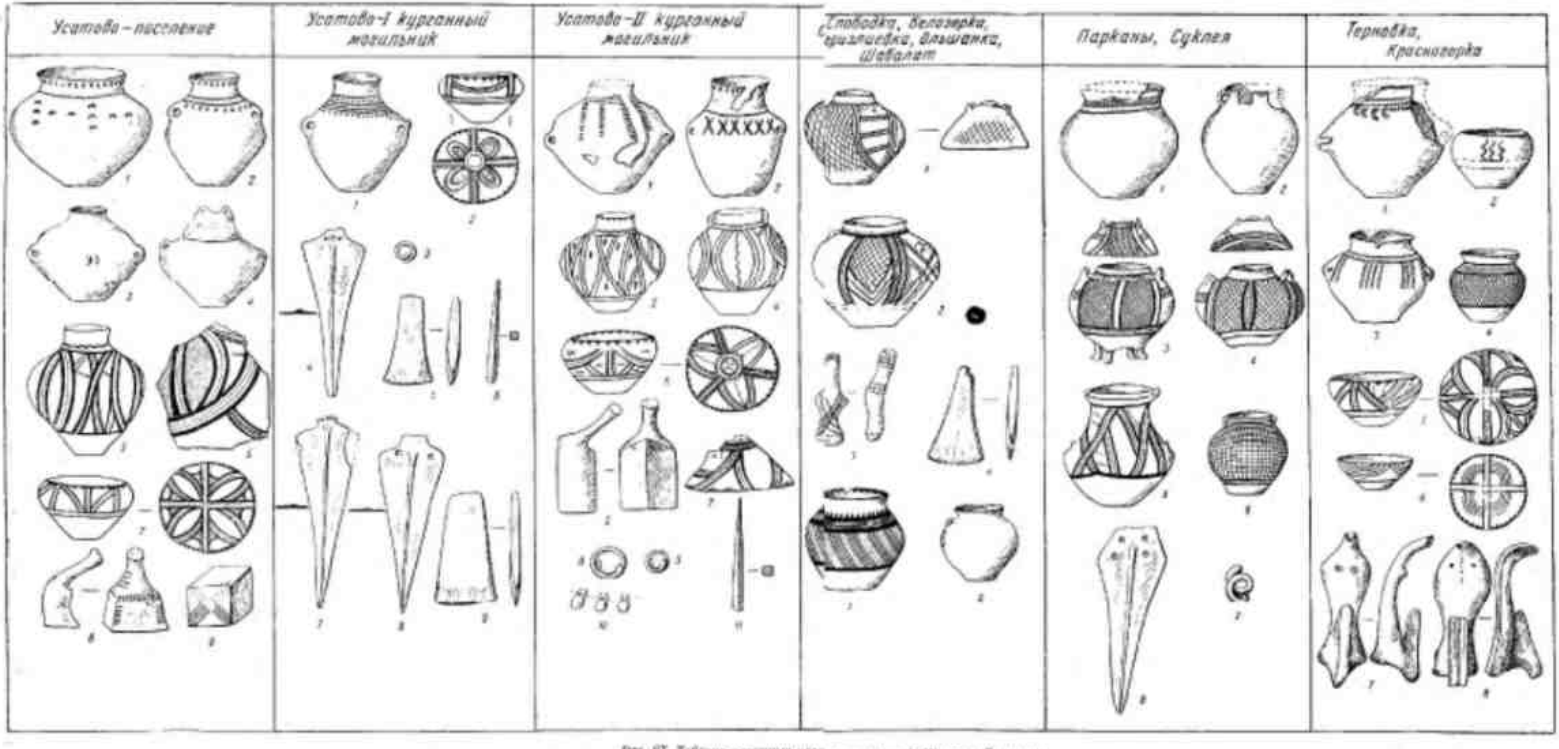

Рис. 97. Таблица основных находок позднего (ранг) этапа Триполья

Усатово — поселение. *1–2* — сосуды с веревочным орнаментом; *3–4* — сосуды без орнамента; *5–7* — сосуды с черной и красной росписью; *8* — фрагмент глиняной статуэтки; *9* — глиняный кубок. Усатово — I Курганный могильник. *1* — сосуд с веревочным орнаментом; *2* — сосуд с черной росписью; *3* — подвеска из меди; *4* — нашед из меди; *5* — топор из меди; *6* — медное шило (курган № 1); *7, 9* — кинжал из меди; *8* — топор из меди (курган № 1). Усатово II — Курганный могильник. *1–2* — сосуды с углублением и веревочным орнаментом; *3–5, 7* — сосуды с черной и красной (*7*) росписью; *6* — фрагмент глиняной статуэтки; *8, 9* — подвески из меди; *10* — подвески из зубов волка; *11* — медное шило (курган № 2). Слободка, Белозерка, Сарыгановка, Ольшанка, Шабалат. *1* — сосуд с черной и красной росписью (Слободка); *2* — сосуд с черной и красной росписью (Белозерка); *3* — глиняная статуэтка (Сарыгановка); *4* — топор из меди (Ольшанка); *5* — сосуд с черной росписью; *6* — сосуд без росписи (Шабалат). Парканы, Суклея. *1* — сосуд с углублением и веревочным орнаментом; *2* — сосуд без росписи (Парканы, курган № 147); *3–5* — сосуды с черной и красной росписью (курган № 91); *6* — сосуд с черной и красной росписью (курган № 50); *7* — подвеска из серебра; *8* — кинжал из меди (Суклея, курган № 8). Терновка, Красногорка. *1, 3* — сосуды с веревочным орнаментом; *2, 4* — сосуды с черной и красной росписью (Терновка, курган № 179); *5, 6* — сосуды с черной и красной росписью; *7, 8* — глиняные статуэтки (Красногорка, курган № 204). (Роспись красным дана точками).

полосками, пространство между которыми пересечено третьей, более узкой. Ленты же, образующие крест, состоят из двух черных полос, пространство между ними сплошь заполнено красным. Треугольные края, образующиеся при соединении четырех овалов, также заполнены красным. У края с внутренней стороны ряд таких же черных фестонов, как и снаружи. Центр овалов пересечен короткими черными отрезками полосок. Одна из чаш сохраняет сюжет росписи из трех овалов и трех лент, сходящихся у центра.

2. Небольшие округлой формы горшочки со слегка наклонным внутрь краем. На плечиках — пара бугорков-ручек, иногда двойных, роговидных, с проткнутыми отверстиями.

Сосуды этой формы обычно имеют коническую крышку с двумя ушками-ручками. Роспись ни на сосуде, ни на крышке к нему не сохранилась. Эта форма сосуда и крышки полностью повторяет сосуды с крышкой, обнаруженные в Го́родске, Ягнятине, Завишне, в курганах на Днестре, о которых речь будет ниже.

3. В Усатове следует также отметить двухконусные сосуды со слегка отогнутыми краями невысокого горла.

4. Невысокие горшочки с бугорками-ручками на плечиках. Стиль росписи, типичный для поздней стадии γ/II. Обычен сюжет распадающейся спирали, нанесенной черной и красной краской.

5. Имеется в Усатове и коническая крышка со сквозными дырочками на всех стенках.

6. Горшки с довольно узким горлом и сильно округлыми плечиками. В нешироком поясе — сюжет распадающейся спирали, образованный сходящимися под углом лентами, типичный и ранее отмеченный при классификации керамики Триполья.[73]

Статуэтки. На поселении Усатово среди построек жилого типа М. Ф. Болтенко открыл место жертвенника, около которого были обнаружены фрагменты глиняных статуэток (антропоморфных и зооморфных), а также глиняные кубики с косыми крестами. Среди статуэток, обнаруженных в Усатове, выделяются следующие типы.

1. Стоячие женские статуэтки с сомкнутыми ногами. Округлая вытянутая шея (голова не сохранилась), плоский торс со сквозными отверстиями на плечах. Грудь обозначена плоскими бугорками. Четко моделированы ступни ног.

2. Стоячие с округлым основанием и не разделенными ногами женские статуэтки. Сильно подчеркнутые бедра, округлое основание расширено внизу и орнаментировано наискось идущим поясом на уровне бедер.

3. Сильно схематизированные женские статуэтки с четырехгранным основанием. Типично усатовский тип. Длинная округлая шея, голова не моделирована вовсе, заканчивается закругленным выступом. Плечи — довольно покатые выступы. Грудь едва намечена бугорками или вовсе не обозначена. Иногда обозначены ожерелье и пояс. Низ четырехгранный, орнаментирован. Плечи переходят непосредственно в уширенное основание.

4. Сидячая статуэтка (один экземпляр).

Ближе всего к усатовскому типу статуэток стоит обнаруженная в погребении кургана № 7 у с. Серизлиевки; памятник, сходный с Усатовым и по инвентарю и по обряду погребения.[74]

Масса большинства статуэток серовато-черная, реже — палево-розовая; по типу она близка к 3-й группе керамики. Орнамент — вдавленные углубления и полоски; на некоторых фрагментах орнамент нанесен оттисками наискось перевитой веревочки.

Найдены так же и фигурки животных — быка, барана.

Среди керамических изделий, обнаруженных на поселении Усатово, имеются конусовидные пряслица, чаще без орнамента, и интереснейшие глиняные кубики, как предполагает М. Ф. Болтенко, для гадания. Они, как и статуэтки, были открыты на поселении вблизи жертвенника и места, где в известняковой скале было обнаружено углубление в форме головы быка. Все это вместе, а также специальное захоронение головы быка в одной из ям кургана № 2 (1936 г.) приводит Болтенко к правильному заключению о существовании культа быка в Усатове.

Рассматривая Усатовское поселение как памятник позднетрипольского этапа (γ/II) и считая в основном население Триполья автохтонным, мы, однако, на протяжении всего времени существования трипольских племен выявляем их взаимоотношения с соседними племенами. Об этом свидетельствуют предметы повидимому привозного характера — янтарная буса, кусок антимонита (сурмика) малоазиатского происхождения и, наконец, медные изделия (на поселении они не были обнаружены, но в курганах их было не малое количество). Материалы из Усатова, особенно из курганов, дают основание говорить о развитии обменных отношений с соседями из Балкано-Дунайских стран и с носителями культур эгейской и малоазиатской.

По соседству с поселением в Усатове были открыты три могильника: два курганных — первый на территории села Усатова, второй — в непосредственной близости, на территории усатовского современного кладбища. Рядом с

[73] T. Passek. Указ. соч., табл. XXVII, рис. 5—6. Аналогию усатовской расписной керамики дает сосуд, случайно обнаруженный в Одесской обл. и изданный мною (там же, табл. XXVIII, рис. 7—8).

[74] Д. Щербаковский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губ. Арх. летопись Южной России, 1905, табл. I, рис. 2.

первым находится третий — бескурганный могильник.

Раскопки курганов в Усатове, впервые произведенные в 1926 г., показали, что погребения, обнаруженные здесь, одновременны Усатовскому поселению. Изучение усатовских курганов вскрыло совершенно новые для юга памятники, характеризующие обряд погребения позднего Триполья.

К сожалению, большинство материалов, добытых при раскопках курганов, до сих пор не опубликовано, поэтому общие заключения о них делаются главным образом на основании докладов (и тезисов к ним), прочитанных Е. Ф. Лагодовской на двух конференциях по изучению трипольской культуры (в Киеве в 1939 и 1941 гг.), а также по изданным кратким отчетам и на основании личной работы в Одесском музее непосредственно над материалом раскопок.[75]

Раскопки курганов в Усатове, как и на поселении, велись с перерывами, однако добытый материал велик, происходит он из многочисленных курганов и ряда погребений бескурганного могильника.[76] Я не буду подробно останавливаться на всех раскопанных в Усатове курганах, но все же постараюсь охарактеризовать наиболее интересные (для сравнения с материалом из поселения и с другими материалами позднетрипольских поселений) комплексы и наметить основные черты обряда погребений для позднего этапа Триполья. В Причерноморье усатовские курганы не изолированы и имеют прямые аналогии во многих курганных погребениях по нижнему течению Днепра и Днестра. Материалы из этих последних курганов были открыты давно, еще в конце XIX в., однако понять обнаруженные памятники возможно стало лишь после раскопок усатовских курганов. Анализ комплекса находок усатовских курганов помог со всей полнотой определить материал из других курганных погребений Причерноморья как принадлежащий к эпохе позднего Триполья. Я имею в виду материалы из раскопок у Слободки-Романовки (Добровольского), у Белозерки (Скадовского), у Шабалата (Самоквасова), у Паркан, Терновки, Красногорки и Тирасполя (Стемпковского), у Колодистого (Спицына и Доманицкого), у Серизлиевки (Щербаковского). Находки из всех этих памятников, главным образом керамика, были включены мною в классификацию трипольской керамики (керамики позднего этапа γ/II).[77]

Раскопки первого курганного могильника были начаты в 1926 г. М. Ф. Болтенко. Раскопанный тогда курган № 1 дал основание рассматривать эту курганную группу как принадлежащую к той же культуре и к тому же времени, что и поселение.

Курганная группа небольшая (до 20 курганных насыпей), расположена на территории современного с. Усатова. Количество курганов в свое время было, конечно, значительно больше, о чем говорят находки больших плит, поднимаемых при разного рода земляных работах или же при вспашке на месте курганов. В последующие годы (по 1940 г. вкл.) здесь был вскрыт ряд курганов. Особенность усатовских курганов — одиночные или двойные кромлехи из известняковых плит у основания кургана. Усатовские курганы представляют собой расплывчатой формы насыпи до 35—40 м в диаметре. Обычно в них, в грунтовой яме, под курганной насыпью обнаруживались в центре основные скорченные погребения, а на горизонте — одновременные погребения подчиненных лиц. Часто в центральной двойной грунтовой яме встречались парные погребения (мужское и женское в каждой камере). Кроме центральных погребений, бывают еще пустые грунтовые могильные ямы, заготовленные, как предполагает Е. Ф. Лагодовская, для отсутствующих членов родовой организации. Встречены также под насыпью могильные ямы для захоронения глиняных антропоморфных статуэток и головы быка. Усатовский курган, безусловно, следует рассматривать как единый могильный комплекс.

Перейдем к изучению инвентаря и к характеристике отдельных памятников с выявлением одновременных комплексов вещей и сравним их с материалами этапа С/II на севере.

В кургане № 1 (с кромлехом) в грунтовой могиле обнаружено скорченное (мужское) погребение с сосудами, орнаментированными веревочной (группа III) и черной росписью (группа IV). Наиболее интересной является также находка плоского медного кинжала с широким черенком, с нервюрой посредине и несколькими дырочками для прикрепления рукоятки (кинжал сильно поломан в верхней части). Тип этого кинжала близок к типам, встречающимся в раннеметаллические периоды и в Эгейском бассейне, и по Дунаю.

Для нас важно сейчас отметить, что в кургане № 1 были в одном комплексе одновременно расписная керамика (чаша) усатовского

---

[75] Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского Историко-археол. музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940; О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатовської культури. Наукові записки, кн. I, 1943; О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургана, I—II, 1940 р. Наукові записки, кн. II, 1946; Т. С. Пассек. Первая научная конференция Ин-та археологии АН УССР в 1939 г. ВДИ, № 3, 1939; ее же. Четвертая научная конференция Ин-та археологии АН УССР в 1941 г. КС ИИМК АН СССР, вып. XII, 1946.

[76] Раскопки курганов группы Усатово (село): 1926 г.— № 1, 1928 г.— № 2, 1929 г.— № 3 и 4 (№ 3 закончен в 1937 г.); 1937 г.— № 5 и 6; 1938 г.— № 7 и 8; 1939 г.— № 9; 1940 г.— № 10. Раскопки курганов в группе Усатово-кладбище — в 1933 г.— № 3; 1936 г.— № 1 и 2; раскопки бескурганного могильника в 1936 г.

[77] T. Passek. Указ. соч.

типа (группа IV, описанная для поселения), сосуд с веревочной орнаментацией (группа III) и медный кинжал. Присутствие медных предметов в комплексе находок позднетрипольского этапа (γ/II) было уже подчеркнуто мною при рассмотрении материалов из поселения Колодяжное (этап С/II), в котором наряду с расписной и веревочной керамикой был обнаружен плоский топор из чистой меди.

Из находок в Причерноморье медный кинжал этого типа можно сопоставить с медным кинжалом из раскопок И. Я. Стемпковского в кургане № 3 у с. Суклея, б. Тираспольского у. Херсонской губ.[78] Для датировки этого типа кинжала, а следовательно, и комплекса находок керамики усатовского типа (этап γ/II) и аналогичного с ним городского круга поселений (этап С/II), очень важна находка в этом же кургане № 3 у с. Суклея — «завитушки из толстой серебряной проволоки» — височного кольца обычного типа[79] с утолщенными концами.

В одном из курганов в Усатове (курган № 2, Усатово-кладбище, раскопки 1936 г.), речь о котором будет ниже, были обнаружены аналогичного типа височные кольца, но медные. Таким образом, вырисовывается в целом комплекс металлических предметов, сопровождающих обычно керамику позднетрипольских поселений типа Городск — Усатово, на основании которых возможно будет подойти к вопросу о датировке этого позднего этапа.

О материале из той же группы кургана № 2, раскопанного в 1928 г., к сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь полными данными и можем ограничиться лишь сведениями из предварительного отчета Е. Ф. Лагодовской. Курган № 2 был окружен, как и обычно, кромлехом. Внутри него центральное погребение было в каменной гробнице и при раскопке оказалось разрушенным. Следует отметить обнаруженное здесь жертвенное захоронение (под специальной каменной кладкой) женской статуэтки и двух сосудов.

Огромный научный интерес представляет материал (тоже неизданный) раскопок кургана № 3 из той же курганной группы Усатово-село. Раскопка этого кургана была начата М. Ф. Болтенко в 1929 г. и закончена Е. Ф. Лагодовской в 1937 г. Под большой сильно пологой насыпью кургана (высота кургана 1.2 м, диаметр 36 м) был открыт и окружавший его основание кромлех из желтых известняковых плит (местный раковистый известняк). На одном из плоских камней выгравировано резко углубленными полосами изображение человека и 4 животных — оленя и 3 лошадей (?), как предполагает Е. Ф. Лагодовская. Высота известняковой плиты с изображениями около 1 м, плита расколота и состоит из двух камней.

Под насыпью кургана, в центре кромлеха, большая со ступенчатым спуском грунтовая яма с захоронением вождя. На горизонте, под насыпью кургана, внутри кромлеха, под камнями два погребения подчиненных лиц.

В центральном погребении мужской скелет лежал на спине с сильно скорченными влево ногами, голова обращена на юг. Сравнительно глубокая яма центрального погребения была прикрыта деревом, а сверху — глиной и обожжена. Прекрасно сохранились отпечатки дерева на глиняной обмазке, куски которой были выставлены в экспозиции Одесского музея. Скорее всего здесь на позднем этапе в обряде погребения сохранились пережитки строительной техники трипольских жилищ. У левой руки обнаружен медный плоский кинжал с нервюрой посредине и плоским широким черенком с тремя близко расположенными отверстиями посредине, в верхней части, для прикрепления к рукоятке. Около головы — медный плоский топор, большой сосуд с веревочным орнаментом и расписная чаша для питья. Здесь же в погребении открыто четырехгранное медное шило и височное медное кольцо с заходящими и несколько уплощенными концами и крупный зуб домашнего животного. Химический анализ кинжала показал, что он сделан из меди (95%).

Большой тонкостенный сосуд из сероватой массы. Поверхность прекрасно отполирована, блестящая. Сосуд с нешироким и невысоким краем горла, с округлым телом и двумя выступающими ручками на плечиках, как у шаровидных амфор; ручки расположены в наиболее широкой части сосуда. У верха края группами расположены по 4 мелких сквозных отверстия, проткнутых изнутри. У основания горла — 4 горизонтальных ряда полосок перевитой веревочки, оттиснутых наискось. Первая полоска отделяется от второй рядом мелких углублений. Ниже свисают вертикальные мелкие полоски, нанесенные штампом.

Чаша обычной для Усатова формы, со слегка наклоненными внутрь краями; расписана снаружи и внутри. Снаружи нешироким пояс росписи разделен вертикальными отрезками на метопообразные поля, в которых сверху свисают образованные лентой полуовалы. Верх края окаймлен сплошь закрашенными треугольными зубчиками. Внутри чаши типичный для позднего этапа сюжет росписи из перекрещивающихся в центре двух лент, между которыми размещаются образованные лентами же и обращенные к центру овалы. В центре овалы соединены кругом. Свободные поля овалов заполнены двумя парами коротких волнистых полосок. Перекрещивающиеся ленты окаймлены по сторонам волнистыми узкими полосками. Усатовская роспись чрез-

[78] В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., Херсон, 1903, табл. XX, рис. 154.
[79] Там же, табл. XIII, рис. 96.

вычайно вычурна, стиль ее весьма своеобразен и характерен для находок расписной керамики во всех позднетрипольских поселениях этапа С/II — γ/II, начиная от Го́родска и кончая Усатовым.

Первое погребение в этом же кургане на горизонте также скорченное. Около него два сосуда — один с веревочным орнаментом, другой — чаша с росписью.

Второе погребение также скорченное, в неглубокой яме. Около него два сосуда. Один не сохранил росписи, но, безусловно, принадлежит к группе расписных; фрагменты другого с орнаментом из оттисков веревочкой. Оттиски веревочки образуют свисающие по плечикам сплошь заштрихованные треугольники. Сосуд округлой формы с ленточной ручкой. Вероятно, это был кувшин типа сосудов шнуровой керамики. Сосуд с веревочной орнаментацией центрального погребения в точности повторяет (по массе, по форме и даже сквозными отверстиями) сосуд, найденный, вместе с расписным, в кургане № 179 у с. Терновка (раскопки И. Я. Стемпковского) Тираспольского у. Херсонской губ. Почти тождественная по стилю и сюжету росписи чаша была обнаружена на поселении Усатово.

Богатый материал усатовских курганов был добыт раскопками последующих лет на месте этой же курганной группы. Остановлюсь на раскопке кургана № 9 (раскопки 1939 г. Е. Ф. Лагодовской).[80] Диаметр кургана 29 м, при высоте в среднем 1.7 м. Он располагался на земле крестьянина С. З. Олийника (ул. Кирова, д. 14) и распахивался в течение длительного времени.

Во время раскопок кургана № 9 Лагодовская сделала интереснейшие наблюдения над насыпью кургана, установив древний горизонт чернозема, поставив и решив вопрос относительно процесса насыпки кургана.

Насыпь кургана № 9 состояла из трех слоев — верхнего черноземного (новообразование), второго — желтого и красного суглинка и третьего нижнего слоя — древнего чернозема серого цвета.

Под нижней черноземной насыпью намечается несколько более темный слой древнего чернозема. Для выяснения древнего горизонта у подошвы кургана был заложен ряд шурфов и траншей, давших наблюдения о процессе выборки земли для насыпи кругом (ров с востока). Такая выборка земли кругом вполне объясняет обратное положение слоев насыпи. Так как насыпка курганов велась с востока, то наиболее четкое чередование слоев наблюдалось в западной половине, куда поступала земля, вынутая из более глубинных слоев. Учитывая глубину рва 1.3 м и высоту кургана в настоящее время, определяем, что общая высота кургана с востока была 3.5 м. При раскрытии насыпи вокруг кургана № 9 был обнаружен обычный для Усатова круг — кромлех из камней. Диаметр его 15—16 м. Проведенные наблюдения над кладкой кромлеха позволили выделить отличные друг от друга характерные черты для каждого сектора кургана. Обнаруженная в кургане № 3 плита с изображениями человека и животных заставила исследователей с особенным вниманием отнестись к камням кромлеха кургана № 9. Среди этих камней в восточной части была обнаружена голова животного (быка?), примитивно и схематически высеченная из каменной плиты. Она входила в состав кромлеха и была обращена на восток. Установлено также, что многие из камней были вкопаны и стояли вертикально; кромлех лежал на нижней черноземной насыпи и не засыпался землей и лишь впоследствии затянулся слоем чернозема. Установлено, что камни кромлеха укладывались справа налево. Возведение кромлеха имело обрядовое значение.

В центре кургана находилась погребальная грунтовая яма, ориентированная по оси с юго-востока на юго-запад. С юго-западной стороны она была обложена дуговидной кладкой из камней. Лагодовская связывает дуговидную кладку в единый ритуальный комплекс с внешним кромлехом, особенно с его юго-западным сектором.

Яма центрального погребения № 1 имела 1.6 м длины и 1.3 м ширины; глубина ямы в слое светложелтого суглинка 0.25 м; от древнего горизонта — 0.5 м; от верха насыпи кургана — 2.25 м. По форме яма короткая, неширокая, прямоугольная, с закругленными углами. Засыпь ямы — чернозем. Костяк мужской, на спине, с ногами, согнутыми влево. Череп лежит на левом боку, лицом обращен на юг. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль тела. Следы буровато-малиновой охры обнаружены на костях черепа и на длинных костях ног. Предположение о том, что здесь, как и в кургане № 3, окажется богатое погребение вождя, не совсем оправдалось. В центральном погребении обнаружены: кусок охры, небольшой отщеп темного кремня, небольшой отщеп светлопрозрачного кремня. Обращает внимание бедность инвентаря и отсутствие обычной в усатовских погребениях посуды.

Однако личный инвентарь, не положенный непосредственно в могилу в силу каких-то соображений, все же был принесен погребенному и закопан в неглубокую яму, которая была сделана в насыпи кургана непосредственно над его головой. Эта яма проходила через верхнюю глинистую насыпь и доходила дном своим до нижней черноземной насыпи. «Оче-

[80] О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургана I—II. Наукові записки, кн. II, Київ, 1946, стр. 50, 51.

видно,— пишет Е. Ф. Лагодовская,— глубина этой ямы не случайна». Доведение этой ямы до уровня нижней насыпи показывает, что она непосредственно связана с погребением.

Яма № 2 имела размер 0.8×0.8×0.8 м. В ней был найден тот же набор медных вещей, который был обнаружен при центральном погребении в кургане № 3. Все эти медные вещи были открыты на дне ямы, на древесном перегное. «Судя по положению волокон дерева и по их длине, это был плоский широкий предмет» (Лагодовская). На нем и были уложены вещи, посыпанные крупинками охры.

Инвентарь кургана № 9.

1. Медный топор имеет форму плоского клина с закругленным обушком, плавно переходящим в боковые грани топора. Лезвие слегка дуговидное. Длина топора 11.3 см, ширина 5.3 см, толщина 0.4 см, ширина обуха 3.5 см.

2. Медный кинжал с широким плоским черенком и двумя отверстиями по плечам для прикрепления к рукоятке. Плечи кинжала закругленные; посредине кинжала небольшое ребро с одной стороны.

3. Медное шило 6.5 см длины.

4. Два зуба домашнего животного, скорее всего (плохая сохранность) по мнению А. А. Браунера, зуб лошади.

5. Кусок большого дерева (бревна) 15—20 см длины и 10 см ширины.

Е. Ф. Лагодовская сравнивает трехслойность насыпи кургана № 9 в Усатове с насыпью кургана, раскопанного А. В. Добровольским у Слободки, состоявшего также из трех последовательных насыпей.[81] В. А. Городцов, разбирая раскопки Слободского кургана, склонен считать различные слои насыпи этих курганов как разновременные этапы насыпки их, связанные с более поздними погребениями.[82]

Е. Ф. Лагодовская, не оспаривая возможности повторных досыпок кургана в более позднее время (когда это доказано более поздними погребениями, или досыпки кургана в поминальные сроки), обращает внимание на трехслойность (вернее двухслойность, если не считать новообразовавшегося чернозема) насыпи усатовского кургана № 9, курганная насыпь которого была насыпана одновременно. Нижняя черноземная насыпь перекрывала дуговидную кладку, охватывающую погребение с юго-западной стороны, и имела определенное значение. Кроме того, поминальная яма (№ 2) с дарами погребенному, проходя через твердые трудно копаемые глинистые слои, доходила своим дном до черноземной земли и связывалась с погребением.

Черноземная насыпь насыпалась дважды, до кладки с юго-западной стороны и после.

Общность двух курганов также и в идентичности обнаруженного в них медного инвентаря. Новым является погребение его в отдельной яме и отсутствие сосудов для пищи. Приношение отдельных зубов животных, как и захоронение головы быка (курган № 2, 1936 г.) в определенной яме, свидетельствует о приношении в жертву части жертвенного животного — зуба лошади, вместо самой лошади, изображения головы быка, вместо самого животного.

Еще более интересный материал дали раскопки Лагодовской в 1940 г. в той же курганной группе Усатово-село. Это грандиозный курган № 11, самый большой из всей группы.[83] Земляной курган был окружен кромлехом из больших известняковых плит (диаметр 22 м), горизонтально положенных в пять ярусов. На западе кромлех замыкался тремя вертикально поставленными плитами (2.7 м высотой и 1.4 м шириной). На одной из них рельефом выполнено изображение собаки. В юго-западном секторе кургана под кромлехом были найдены три культовые ямы (№ 2, 4, 5), заложенные камнями, в которых находились два сосуда и один кремневой отщеп. Внутри кромлеха центральная часть земляного кургана была обложена камнями (диаметр 14 м) и имела характер куполообразного сооружения над центральным мужским погребением, оказавшимся ограбленным.

Внутри кромлеха, на юго-запад от центрального погребения, в грунтовой яме женское погребение с богатым инвентарем: расписной сосуд (исключительный по стилю и сюжету росписи), сосуд с веревочным серповидным орнаментом, ожерелье из костяных бус и из черного камня, медное шило больших размеров и два серебряных височных кольца в 1.5 оборота, обычного типа. Подобного рода сооружение среди усатовских курганов встречено впервые. Погребение в целом принадлежало, очевидно, родоплеменному вождю, о чем говорит монументальность погребального сооружения, а также богатство женского инвентаря, причем медь при женском погребении встречена впервые.

В 1933 г. было положено начало изучению второй курганной группы, расположенной в 1 км к югу от Усатова. Курганный могильник лежит на одной из самых высоких точек плато. Оттуда виден Б. Куяльницкий лиман, берег моря, балка с ручьем. Здесь было раскопано три кургана (№ 3 в 1933 г. и № 1, 2

---

[81] А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместьи Одессы «Слободка-Романовка». ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 126.

[82] В. А. Городцов. Классификация погребений одесского кургана. Отчет Росс. историч. музея за 1915 г., М., 1917, стр. 117.

[83] О. Ф. Лагодовська. Указ. соч. стр. 38—54.

в 1936 г.); материалы из курганов № 1 и 2 были в свое время опубликованы. [84]

Вкратце остановлюсь на основных результатах этих раскопок.

Курган № 1 — высота 0.55 м, диаметр 16 м. Вокруг кургана кромлех, образованный из разнообразной формы известняковых камней в один ряд. Расчистка камней в юго-восточном секторе кромлеха обнаружила глиняную схематизированную женскую статуэтку усатовского типа на четырехгранном основании. По снятии насыпи и зачистке горизонта были обнаружены пятна шести могильных ям, некоторые из них были прикрыты известняковыми плитами или грудой камней. Одна из этих шести ям была в центре кургана.

Центральная яма (№ 1) ориентирована с востока на запад, имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями; размеры ямы: 1.70 м длины, 1.10 м ширины и 0.75 м глубины. Обнаружен костяк на спине, головой на юг, ноги в скорченном положении. У затылка лежала роговая мотыга с остатками деревянной рукоятки.

Яма № 2 оказалась совершенно пустой, без погребения и без инвентаря.

В яме № 3 были обнаружены лишь фрагменты небольшого сосуда с вдавленным орнаментом, масса с сильной примесью ракушек.

В яме № 4 оказалось погребение — обломки черепа и три сосуда с веревочной орнаментацией.

В яме № 5 оказалась захороненной женская статуэтка усатовского типа и фрагменты небольшого горшочка с веревочной орнаментацией. Масса с примесью ракушек.

В яме № 6 обнаружено две чаши и бедренные кости человека. Чаши с обычной черной росписью.

Курган № 2 имеет 16 и 18 м в диаметре и 0.90 м в высоту. По снятии насыпи кургана обнаружено два концентрических кромлеха, сложенных из местного камня — известняка-ракушечника. Кромлех в виде вытянутого овала; диаметр внутреннего кромлеха 8 м, внешнего — 12 м. Внешний имел выходы на север и юг. Под особой кладкой внешнего круга были три погребальные ямы (№ 3, 5 и 6). Кромлех сложен из больших камней, уложенных плашмя, или, иногда, поставленных на ребро. Внутренний кромлех не имел специальной кладки. Под каменной плитой в центре был обнаружен дромос со ступенями, ведущий в грунтовую (центральную) яму (1.4 × 1.6 × 1.2 м). На дне ямы оказался скелет на спине, ориентированный на восток со скорченными влево ногами.

В ногах были обнаружены следующие предметы.

1. Чаша с черной росписью, с характерным усатовским орнаментом. С наружной стороны роспись располагается в широком поясе, который разделен короткими отрезками лент на равные метопообразные поля; в поля сверху свисают дуговидные ленты. От коротких лент, образующих метопы, у основания сходящиеся отрезки лент (одна из систем распадения спирального сюжета). [85] По краю внутри и снаружи — сплошь закрашенные треугольники-зубчики; внутри, в центре — круг, от которого отходят три (а не четыре) ленты, между ними овалы. Все свободные поля пересечены волнообразными полосками и зигзагами в виде буквы «w». Стороны лент окаймлены волнистой полоской. В центре круг пересечен косым крестом, образованным волнистыми полосками. На дне чаши была насыпана охра, сильно окрасившая стенки чаши и землю, наполнявшую ее.

2. Сосуд черного цвета, с примесью раковин в массе. Орнаментирован по венчику серповидными веревочными оттисками. На плечиках они же располагаются вертикально.

3. Три медных височных кольца из толстой проволки в полтора оборота, с едва заметным утолщением на концах, и две бусины.

4. На ногах и под костями ног — пронизка из просверленных зубов (47 шт.). Пронизка сделана из зубов хищника — волка или собаки. Зуб разбит на две части. Коронки зубов закруглены и зашлифованы. Отверстия сделаны в корнях зубов.

Другое погребение (№ 2), скорченное на левом боку, обнаружено без вещей под кромлехом. В яме № 3, обычной погребальной яме, не было обнаружено захоронения, а лишь фрагменты керамики: 1) коническая крышечка с росписью и сетчатым орнаментом и двумя ушками-ручками; 2) небольшой горшочек с серповидным орнаментом; 3) фрагменты большого сосуда с орнаментом веревочкой. Здесь же найден кусок охры.

В яме № 5 также отсутствовало погребение, хотя яма была обычной формы и размеров.

В яме № 4 открыт плохо сохранившийся скорченный женский костяк, на левом боку, ориентированный на восток. Здесь была обнаружена расписная керамика. 1) Высокий сосудик с черной росписью, сильно округлым телом и невысоким и нешироким горлом. Сюжет росписи — одна из систем распадающейся спирали: в широком поясе — сходящиеся под углом нешироки ленты росписи; каждая образована двумя полосами. 2) Второй сосуд с росписью имеет два небольших ушка у самого края горла. Сюжет росписи — одна из систем распадения спирального рисунка, но

[84] Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, т. V, 1940 г.

[85] T. Passek. Указ. соч., табл. XXVII, рис. 3—8.

еще с сохранением овальных центров, зигзагообразно пересеченных. 3) Третий сосуд шаровидной формы (близкая форма к шаровидным амфорам) с веревочной орнаментацией у основания края (три полоски). От них по плечикам — серповидные оттиски. Пара ручек на уровне плечиков заметно выступает, как и обычно у шаровидных амфор. 4) К этому погребению Е. Ф. Лагодовская относит медное шило и пряслица биконической формы.

Яма № 6 была обнаружена под плитой, засыпанной глиной (1×1 м). На дне ямы захоронение головы быка, высеченной из известняка и обращенной к центру. Около головы четыре сосуда. 1) Шаровидный (типа шаровидных амфор) из красновато-коричневой массы с четырьмя ручками на уровне плечиков; без орнамента. 2) Второй сосуд с довольно высоким горлом. Выступающие ручки на плечиках. Масса темнокоричневая, к поверхностям — желтоватая. У верха края ряд серповидных веревочных оттисков. У основания края горла веревочная полоса, от которой свисает вниз ряд косых крестов, заполняющих $^3/_4$ орнаментального пояса. Остальное пространство его заполнено висящими треугольниками. Орнаменты нанесены оттисками веревочки. 3) Невысокий сосуд с орнаментом веревочкой. 4) Небольшой сосуд с высокой шейкой. Глина с примесью раковин.

В этом же погребении вблизи от куска охры открыты «4 тождественные фигурки из необожженной глины, поставленные плотно одна возле другой, попарно в два ряда».[86] Исследователь, не поняв, что это антропоморфные статуэтки, не смог раскрыть «символику фигурок из необожженной глины». Изучение этих фигурок в коллекциях Одесского музея показало, что они изготовлены из палево-розоватой массы, аналогичной сосудам с черной росписью. Масса с примесью мелкозернистого песка подвергнута обычному окислительному обжигу. Перед нами находка сильно схематизированных изображений человека — статуэток усатовского типа. Вытянутая шея слегка выгнута, голова заканчивается округлым выступом; плечи непосредственно переходят в треугольное в сечении основание. В музее они были почему-то экспонированы в лежачем положении и так же изображены на фотографии в отчете.[87] На самом же деле перед нами стоячие статуэтки.

Остановившись достаточно подробно на выявлении комплекса находок в усатовских погребениях первого и второго курганных могильников и установив генетическую связь его с расположенным по соседству и ранее открытым поселением Усатово, необходимо вкратце охарактеризовать открытый в непосредственной близости от поселения и первого курганного могильника — могильник бескурганный. Он был обнаружен случайно местными жителями с. Усатово.

Никаких внешних признаков могильник не имел. Погребения были под плитой, в неглубоких грунтовых ямах, одиночные, в скорченном положении, на левом боку. Ноги и руки согнуты. Инвентарь этих погребений полностью повторяет комплекс усатовских находок, но он беднее. Наряду с обычного стиля расписными чашами и сосудами с округлым телом, был встречен небольшой сосудик с округлым телом, немного наклоненным краем горла и двумя ручками. Орнаментация — сетчатое заполнение свободных полей-овалов. К сожалению, он не издан, но, судя по описанию, можно предположить, что перед нами типичный сосудик с конической крышкой, который неоднократно встречался в поселениях усатовско-городского типа. Вместе с расписной посудой в погребениях бескурганного могильника встречена обычная посуда с примесью раковин и веревочной орнаментацией. Помимо керамики, в погребениях обнаружены металлические изделия: медный кинжал обычного типа, но без ребрышка посредине, с тремя отверстиями для закрепления рукоятки, обычного типа медное четырехгранное шило и небольшой короткий клиновидный, медный топор.

Ценность исследования бескурганного могильника в Усатове в том, что впервые удалось выяснить характер погребений масс населения, а не только его верхушки. «Общие черты объединяют оба могильника,— пишет Е. Ф. Лагодовская — небольшие неглубокие ямы, покрытые сверху плитами, скорченные погребения» и тождественный комплекс находок — расписная керамика с веревочным орнаментом и медные изделия.

Сопоставление бескурганного могильника и курганных усатовских погребений (первого и второго могильников) позволяет выявить признаки патриархально-родового строя усатовского общества. Обычно в центре, под курганной насыпью, в грунтовой яме хоронили представителя верхушки патриархально-родового общества. Около основного погребения, по сторонам клали подчиненных ему членов рода, жен, слуг; известны также парные (мужчины и женщины) погребения в центре. В целом, курган был местом захоронения членов единой родовой организации. Часто по сторонам центральной могилы делали пустые ямы, предназначенные для других членов родовой организации. Под курганной насыпью обнаружены ямы с захоронением головы быка, в другом случае — нескольких женских сильно стилизованных статуэток.

Большинство усатовского населения хоронилось в ямах без курганов, с ограждением камнями, без проведения всей сложной церемонии сооружения кромлеха, насыпки кургана и пр. Такая разница в обряде между

[86] Е. Ф. Лагодовская. Указ. соч., стр. 253.
[87] Е. Ф. Лагодовская. Указ. соч., рис. 23.

погребениями под курганными насыпями и рядовыми могилами говорит об увеличившемся неравенстве в обществе на данном этапе развития трипольских племен. Постоянное наличие в погребениях медных изделий говорит о возрастающей роли обмена и о развитии межплеменных связей с далекими странами.

Связь между племенами Триполья на севере (С/II) и на юге (γ/II) бесспорна.

Трудно согласиться поэтому с точкой зрения Е. Ф. Лагодовской, высказанной ею в докладах на I и IV Конференциях в Киеве в 1939 и 1941 гг. и в печати по вопросам об усатовской культуре. Лагодовская считает, что «усатовские скотоводческие племена, выделившиеся на месте примитивно-земледельческого Триполья, занимают территорию лиманно-степной полосы Причерноморья от Днестра до Днепра, удобную для пастушеского скотоводства, и что отсюда на север распространяется усатовское влияние на позднетрипольское население». А в ряде памятников, как, например, курганы Колодистого, видит «варваризацию усатовских влияний».[88]

Таким образом, «усатовская культура» представляется Лагодовской самостоятельной, а не как последний этап в развитии Триполья. Указывается и район распространения усатовской культуры, ограниченный лиманно-степной полосой Причерноморья от Днестра до Днепра.

Еще в первой своей работе, посвященной керамике Триполья, я рассматривала находки в Усатове как комплекс, характеризующий поздний этап в развитии (γ/II) Триполья. Тогда не были еще сделаны находки в Полесско-Днепровском районе, которые синхроничны Усатову, и не было еще ясно, как протекал усатовский этап на севере. Предполагая тогда, что усатовский комплекс не районный вариант Триполья, а поздний этап (γ/II) в развитии трипольской культуры, я считала закономерным найти на севере памятники, соответствующие Усатову. Таким поздним трипольским поселением и явился открытый в 1936 г. Го́родск и те аналогичные поселения в северном районе, которые были в дальнейшем выявлены. На всей ли территории распространения трипольских племен можно отметить этап С/II — γ/II, или в ограниченном районе? Следует, очевидно, думать,— везде; отсутствие в некоторых центральных районах находок этого этапа еще не означает, что он там отсутствует. На периферии поздний этап Триполья прослеживается более четко, тогда как в центральном районе, на Среднем Буге и Днепре в это время уже, повидимому, происходит оформление так называемой среднеднепровской культуры.

Усатово вовсе не стоит изолированно в Причерноморье. Особенно много аналогий вещам из курганных погребений Усатова мы находим в курганах нашего юга. Эти аналогии не были до сих пор широко выявлены, но материалы частично печатались и известны в научной литературе давно.

Близко к усатовскому могильнику стоит курган, раскопанный А. В. Добровольским в Слободке-Романовке, близ Одессы.[89]

В кургане было открыто до 40 погребений разнообразных эпох. Курган состоял из трех насыпей и имел двойной кромлех.

В. А. Городцов, подробно изучив весь материал раскопок слободского кургана, дал специальное исследование, посвященное классификации его погребений.[90] Он пришел к следующим общим выводам.

1. Курган содержал разновременные погребения.

2. Древнейшая группа погребений тесно примыкает к типу южнорусских ямных погребений со скорченными костяками. Население этой группы, по мнению В. А. Городцова, первое принесло курганную форму могил и было уже знакомо с металлургией и скотоводством (конец III тысячелетия до н. э.).

3. Вторая группа погребений кургана сливается с погребениями катакомбного типа (первая половина II тысячелетия до н. э.). По мнению Городцова, эта группа возникает под влиянием культур Средиземноморья.

4. Третья группа принадлежит к типу ящичных и дольменных погребений и датируется немного позже катакомбных (первая половина II тысячелетия до н. э.).

5. Погребения в насыпи датируются концом II тысячелетия до н. э.

Ряд черт сближает слободской курган с усатовским: его многослойность и присутствие двойного кромлеха и катакомбного типа керамики (погребение № 22), находка пары серебряных височных колец в виде спирали (погребение № 15).

Кроме того, А. В. Добровольский в отчете о раскопке кургана в Слободке отмечает один сосуд, резко отличный от других, найденных в этом же кургане. Полную аналогию, по его мнению, представляет этот сосуд с сосудами Херсонского музея из раскопок Стемпковского и он близок к «петренским и трипольским».[91] Взгляд этот, высказанный в 1915 г., не получил дальнейшего развития, да и, действительно, трудно, вернее невозможно, было достаточно обосновать эту аналогию, построенную на внешнем сходстве одного со-

[88] О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатовської культури. Наукові Записки, кн. I, 1943.

[89] А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915.

[90] В. А. Городцов. Классификация погребения Одесского кургана. Отчет Росс. историч. музея за 1915 г., М., 1917.

[91] А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 143.

суда из Слободки со всей массой раскрашенных сосудов Триполья. В моей книге, посвященной керамике Триполья, уже сопоставлены находки Слободки с трипольскими, но в 1935 г., когда издавалась книга, эти сопоставления хотя и были сделаны, все же не могли быть столь значительными, как в настоящее время.[92]

Вот как описывается эта находка в отчете о раскопках. «При снятии восточной части кургана, содержавшего целый ряд разнотипных погребений «скорченных костяков», найден прямо в насыпи разбитый в мелкие куски сосуд, из желтой, прекрасно обожженной глины со сглаженной поверхностью, сделанный от руки. На внешней поверхности сосуда нанесен черной краской (и красной.— *Т. П.*) орнамент в виде ромбовидной сеточки. Под ушками орнамент состоит из трех волнистых линий, нанесенных черной краской, между которыми пространство заполнено красным, тоже в виде волнистых линий».[93]

Кроме сосуда, была найдена и коническая крышка к нему с сетчатым орнаментом.

Факт нахождения в насыпи кургана с ямным и катакомбным погребениями у Слободки сосуда, тождественного и характерного для позднетрипольского этапа (С/II—γ/II), описанного нами на материале Го́родска — Усатова и др., показывает соприкосновение позднего Триполья с культурами катакомбного типа. Такие находки известны не только в Слободке, но и в ряде других курганов Поднепровья и Поднестровья. Так, совершенно аналогичный сосуд был найден Г. Л. Скадовским в 1887 г. при раскопке кургана у с. Белозерка, Херсонского у., Херсонской губ., на правом берегу Днепровской дельты. Хранится сосуд в Херсонском музее. Скадовский пишет, что «в пятом слое насыпи кургана № 8 был обнаружен горшок с двумя ручками в виде бугорков, сравнительно изящной работы и крепкой конструкции. Курган заключал в себе погребения в вытянутом и скорченном на правом боку положении».[94]

Находка представляет собой сосуд округлой формы, со слегка наклоненным внутрь краем горла, двумя ручками на плечиках в виде двух бугорков. Пояс росписи разделен на метопы, в полях которых сходящиеся под углом отрезки лент образуют несомкнутый овал, заштрихованный в сеточку. Пространство ниже ручек пересечено косым крестом и окаймлено волнистыми поясками. Пространства между полос, образующих ленты, в некоторых случаях покрыты красным. Таким образом, роспись, как и в усатовской керамике, наносится черной и красной красками. Именно этот сосуд в отчете о раскопках в 1936 г. в Го́родске сравнивается, совершенно правильно, с сосудом из Белозерки.[95]

Отдельные экземпляры расписной керамики белозерско-усатовского типа были встречены А. В. Добровольским в процессе его разведок по р. Ингульцу, в районе с. Снегиревка. Кроме того, в музее Днепропетровска хранится небольшой сосуд из розоватой массы, по форме и по выделке характерный для позднего Триполья. Росписи не сохранилось. У края широкого горла — миниатюрные ручки-ушки. Сосуд происходит из кургана (случайная находка) Верхне-Днепровского у., из района Кривого Рога (инв. № 518). Это одна из наиболее восточных находок и единственная, столь далеко заходящая на восток в излучину Днепра.

В курганах близ Смелы, у м. Ротмистровки, А. А. Бобринским также был найден трипольский сосуд, небольшой, с угловатыми плечиками. Хранится в Киевском Историческом музее. Он был издан Бобринским.[96]

Среди позднетрипольских материалов, аналогичных курганным усатовским, наибольший интерес представляют малоосвещенные в науке, хотя и изданные, материалы из раскопок Д. М. Щербаковского у с. Серизлиевка, быв. Елисаветградского у. Херсонской губ.[97] (Материалы хранятся в Киеве). В 1 км от с. Серизлиевка, по дороге к Змунчиловым хуторам, расположено 12 курганов, вскрыто четыре. Все они с кольцевыми кромлехами из камней в два и даже три ряда, часто стоящих вертикально, скрытых под насыпью кургана. Курганы высотой 0,6—2 м заключали в грунтовой яме скорченные на правом боку погребения, окрашенные красной охрой. В погребении были найдены кости животных, обычно быка (как и в Усатове), раковины, отщепы кремня и керамика. Предполагая, что все раскопанные курганы одновременны, Д. М. Щербаковский, однако, совершенно правильно отметил в своем заключении, что особого внимания заслуживают курганы № 4 и 7. «Хотя здесь и были встречены обычные на юге,— пишет он,— погребения со скорченными скелетами, но предметы, найденные при последних, представляют совершенно новый факт, имеющий отношение к загадочной домикенской культуре и отчасти открывающий завесу к хронологии доисторических древностей. Устанавливается факт нахождения предметов одной культуры в могилах другой,

[92] T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII, 1, рис. 7.
[93] А. В. Добровольский. Указ. соч., табл. II, рис. 13.
[94] Г. Л. Скадовский. «Белозерское городище Херсонского у., Белозерской вол. и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана». Тр. VIII Археол. съезда, т. I, стр. 118.
[95] T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII, 1, рис. 6.
[96] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археол. находки близ м. Смелы, т. II, табл. VI, рис. 7.
[97] Д. М. Щербаковский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губ. Археол. летопись Южной России, Киев, 1905.

что говорит об их взаимоотношении, указывает на частичную одновременность их существования».

В настоящее время это мнение Щербаковского лишь в известной степени кажется правильным. Вернее предполагать, что в позднетрипольское время появился у трипольских племен обряд погребения, аналогичный обряду, существовавшему у соседних племен культуры «скорченных костяков». Так, в усатовских курганах мы имеем единый погребальный комплекс, а не случайное захоронение в курганах эпохи бронзы отдельных трипольских вещей. И здесь, и в Серизлиевке перед нами еще один пример позднетрипольского (этапа γ/II) курганного могильника с характерным для этого времени инвентарем и обрядом (кромлехи, скорченные погребения под камнями, кости быка, охра и т. п.) (рис. 98).

Курган № 4 расплывчатой формы, едва заметный, с несколькими торчащими на поверхности камнями. Под насыпью обнаружено еще несколько камней, образующих овал кромлеха 8—8.5 м в диаметре, который не был сплошным. Курган был раскопан колодцем. В юго-восточной части кургана на глубине 0.60 м обнаружен небольшой горшочек с угловатыми плечиками и с росписью черной краской. Горло опоясано черной полоской, по плечикам узкий пояс, пересеченный наискось черными, несколько утолщающимися книзу короткими полосками (инв. № 18159). Ниже, под сосудом, на глубине 0.83 м (в грунтовой яме) обнаружено погребение на спине, со скорченными ногами и руками вдоль тела, ориентированное головой на восток. Описанный сосудик типично трипольский, стиль росписи аналогичен позднетрипольским сосудам из Василькова и Касеновки.[98]

Курган № 7 повторяет ту же сильно расплывчатую форму насыпи с овалом из камней в 8.5 м в диаметре. На глубине 1.15 м (повидимому, грунтовая яма) в центре кургана обнаружено погребение на спине, головой на восток, ноги и руки вытянуты. У кисти руки большой кусок охры и «амулет», как пишет Д. М. Щербаковский. У затылка кусок смолы, в разных местах кургана — мелкие камни, раковины, зубы и позвонок быка. Чрезвычайный интерес для сопоставления серизлиевских курганов с усатовскими, помимо общности обряда погребения под курганами, окруженными кромлехами, представляет находка «амулета». Это не что иное, как глиняная стоячая статуэтка, сильно схематизированная. Голова на вытянутой, округлой в сечении, шее заканчивается выступом. Голова без всякой моделировки, лишь рядами мелких вдавленных полосок обозначены волосы. Сзади на шее и с боков — мелкие углубления в три ряда; ниже у плеч такие же углубления, вероятно, ожерелье. Плечи обозначены обычными для трипольских схематизированных статуэток выступами, переходящими в несколько уширенное плоское основание, на котором ряд мелких углублений; двумя углублениями обозначены ступни ног. Спереди туловище, начиная от плеч и до самого основания, украшено перекрещивающимися наискось лентами, образованными каждая тремя полосками, оттиснутыми наискось перевитой веревочкой. Статуэтки усатовского типа тоже стоячие и с головой подобной же формы, но у них четырехгранное основание.

В целом, курган у Серизлиевки исключительно близок к усатовскому, да и географически они сравнительно недалеко расположены друг от друга в низовьях Днепра, в пределах б. Херсонской и Киевской губ.

Не меньший интерес представляет комплекс находок, сделанных Щербаковским в курганах близ с. Ольшанка, б. Елисаветградского у. Херсонской губ.[99] Группа курганов, расположенная здесь, едва заметна. Насыпи сильно расплывчаты. Было раскопано шесть курганов. Все они имели каменные круги-кромлехи, скрытые под насыпью. В кургане № 9 (высота 0.7 м) на глубине 1.10 м (в грунтовой яме) обнаружено скорченное на левом боку погребение (№ 1), головой на юго-восток, но без окраски. В двух метрах на юго-восток от него находилась еще одна грунтовая могила (2.2 × 1.85 м), засыпанная черноземом, сверху заложенная дубовыми брусьями (до 0.30 м толщиной) и камнями.

На глубине 2.3 м в ней обнаружены два погребения — скелет (№ 2), скорченный и окрашенный, головой на север, на правом боку. Сзади него медный плоский клиновидный топорик без рукоятки. Рядом другой скелет (№ 3), головой на восток; у правой руки (как и в Усатове) типично трипольская роговая мотыга (Щербаковский описывает ее, как «топорик из рога оленя») с округлым отверстием на обушной части для рукоятки. Рабочий конец сильно заострен. Между обоими скелетами — плоский камень (10 × 9 × 6 см) со следами обработки (?). В южной части кургана открыто еще два погребения плохой сохранности. Таким образом, в Ольшанке выявляется еще одна черта, сближающая серизлиевско-ольшанский комплекс с усатовским; курган представляет собой единый погребальный комплекс с несколькими погребениями одного рода. Сближает Ольшанку с Усатовым и наличие парных погребений.

Высота кургана № 3 совсем незначительная, едва заметная — 0.15 м (раскопан колодцем). В центре на глубине 1.4 м обнаружено погребение в грунтовой яме (2 × 1.6 м), головой на восток; скелет скорченный, но не

[98] T. Passek. Указ. соч., табл. XXV, рис. 5—12.

[99] Д. М. Щербаковский. Указ. соч., стр. 15—16.

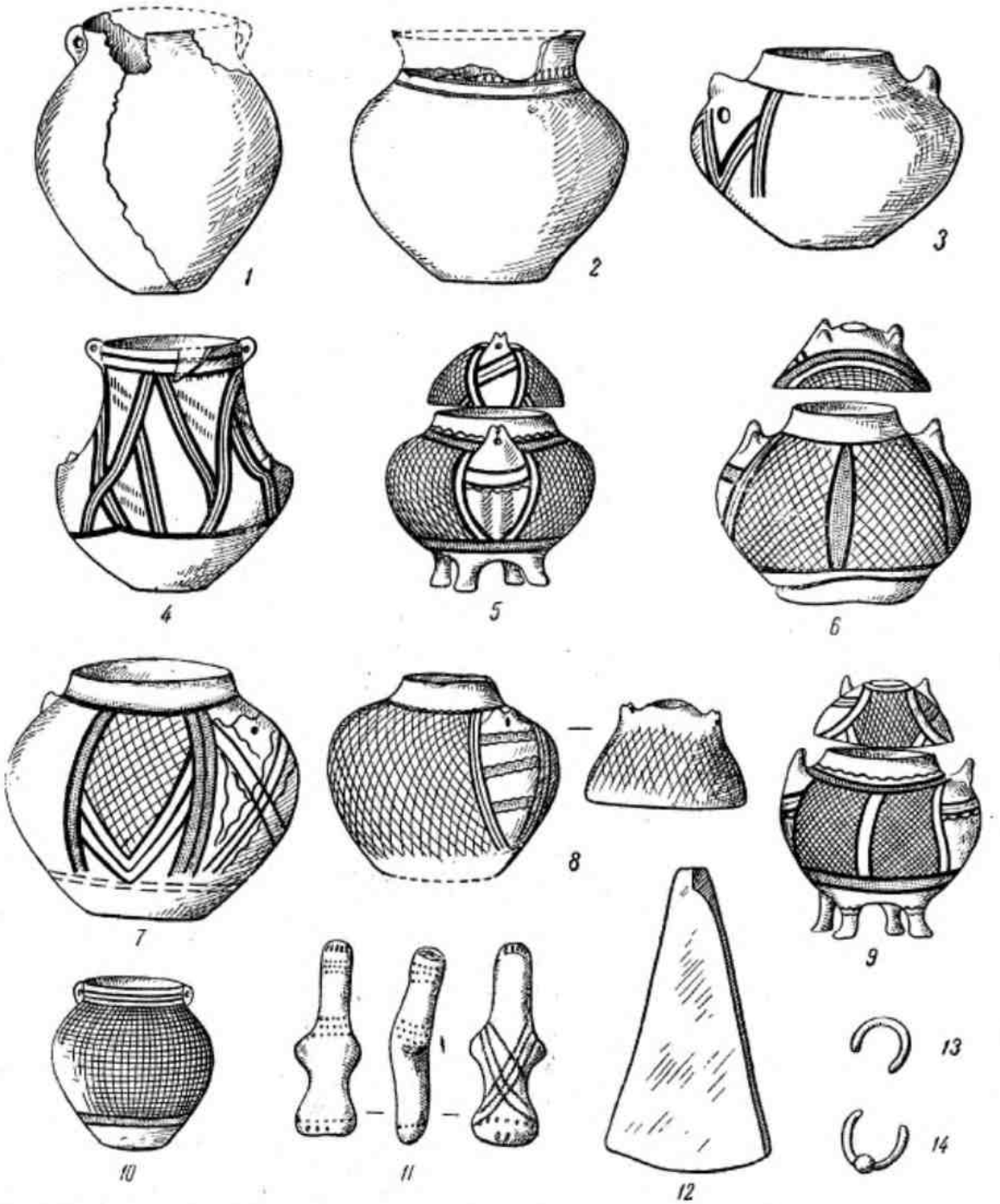

Рис. 98. Парканы: *1, 3—6, 9, 10* — сосуды с черной и красной росписью; *2* — сосуд с веревочным орнаментом; *13* — медное колечко; *14* — серебряное колечко; *7* — Белозерка. Сосуд с черной и красной росписью; *8* — Слободка. Сосуд с черной и красной росписью; *11* — Серизлиевка. Глиняная статуэтка; *12* — Ольшанка. Медный топор (*1—4, 6—8, 10* — 1/3 н. в.; *5, 9, 11, 12* — 1/2 н. в.; *13, 14* — 3/4 н. в.; роспись красным — дана точками)

окрашенный; около ног куски краски. К сожалению, в Киевском музее мне не удалось обработать материалы из этих курганов, но имеющееся в отчете Щербаковского описание дает достаточное представление об обнаруженном в погребении инвентаре.

У головы, пишет Щербаковский, стояли рядом три сосуда. Два из них очень тонкой работы, черные, лощеные, украшенные в нижней части шейки очень тонким веревочным орнаментом в шесть рядов, ниже их один ряд мелких углублений. У верха края проходят такие же углубления, чередуясь с мелкими сквозными отверстиями. Эти все элементы орнамента и даже сквозные отверстия у края горла типичны для усатовской керамики с веревочной орнаментацией (группа III). Веревочный орнамент ольшанского сосуда сверху окрашен красной краской. Здесь мы имеем сочетание расписной техники с вдавленным орнаментом — черта, которая известна в Триполье на более ранних этапах, например, на сосудах из Владимировки со вдавленным спиральным орнаментом.[100] Третий сосуд из Ольшанки орнаментирован вертикальными вдавленными полосами по краю.

Около шеи костяка обнаружено ожерелье, аналогичное усатовскому, из 31 волчьего зуба с просверленными для привешивания отверстиями. У ног стоял еще один сосуд с отверстиями у края и куском смолы. Таким образом, серия характернейших черт, отмеченных для усатовских курганных погребений, повторяется в серизлиевском и ольшанском курганных могильниках: сильно расплывчатая форма курганов с кромлехами вокруг, под камнями грунтовые скорченные и окрашенные погребения — одиночные и парные, расписной сосуд и сосуд с веревочным орнаментом, усатовского типа глиняная статуэтка, наличие медных изделий — медный плоский клиновидный топорик, роговая трипольская мотыга и т. п.

Не менее важны и материалы, открытые раскопками Доманицкого[101] в 1899 г. несколько севернее, в курганах близ с. Колодистого, б. Звенигородского у. Киевской губ. Группа из 15 курганов (раскопано 9) лежит на возвышенности на восток и юго-восток от Колодистого, до впадения ручья Колодистого в р. Гнилой Тикич. Курганы тянутся едва заметными насыпями с северо-востока на юго-запад, многие распаханы и заметны лишь по желтым пятнам на пашне.

И Беляшевский, и Спицын, особенно последний, отметили большой интерес для позднего Триполья курганов № 8 и 9.

Курган № 8. Насыпь едва заметная, можно сказать, почти не сохранилась; обставлен по окружности каменным кругом — кромлехом (диаметр — 10 м), состоящим из двух, местами трех, камней, один над другим, шириной до 0.5 м. Камни встречены и выше на насыпи. В северо-западной части кромлех замыкался гранитной плитой огромных размеров (около 2—2.5 м), первоначально, возможно, стоявшей вертикально. Посреди круга на глубине около 20 см обнаружены два погребения: первое — на спине, головой на запад, с вытянутыми конечностями; второе — на правом боку, с поджатыми ногами, головой на восток. Оба скелета носили следы окраски охрой, особенно череп и нижние конечности. Череп первого помещался в большом сосуде, на дне которого были и кости животного. Возле второго черепа стоял другой сосуд, по горлу которого, по словам Доманицкого, расположен орнамент, нанесенный краской в виде разводов, сходных с орнаментом на посуде с глиняных площадок (около с. Колодистого было раскопано и поселение трипольской культуры). В одном из сосудов обнаружено два широких длинных кремневых ножа и глиняное пряслице. Многие сосуды (обнаружено шесть) стояли один в другом, на дне — перекаленные кости животных. Здесь же найден шлифовальный камень.

Ниже этих погребений еще была обнаружена грунтовая могила с окрашенным костяком. А. А. Спицын пишет, что посуда, открытая в погребениях, «очень оригинальна, крупных размеров, особых форм и орнамента, изготовлена, повидимому, на кругу (неверно.— *Т. П.*), тонкостенная, красная и темная, иногда с лоснящейся поверхностью. Глина чаще с примесью дресвы и песка, иногда с золотистыми блестками колчеданных листков и слюды». В заключение Спицын отмечает, что курганы № 8 и 9 принадлежат к медному веку и представляют «совершенную новость в южнорусских древностях».

Керамика из Колодистого аналогична (по массе, вытянутым формам, присутствию веревочного орнамента и по бугоркам-ручкам у основания края) сосудам из Го́родска, Колодяжного: т. е., если по обряду погребение Колодистое сближается с усатовско-серизлиевско-ольшанской группой, то по инвентарю Колодистое ближе стоит к кругу поселений позднего Триполья полесско-днепровской группы памятников этапа С/II.

Географическое положение Колодистого таково, что оно находится на полпути между Усатовым и Го́родском; этим и должно объясняться сочетание в нем черт, характеризующих Усатово, с одной стороны, и Го́родск — с другой.

В кургане № 9, как и в предыдущем кургане, насыпь окружена кромлехом из камней в 2—3 ряда. В центре на глубине 30—35 см

---

[100] T. Passek. Указ. соч., табл. XI, рис. 1—2.

[101] Н. Беляшевский. Курганы у села Колодистого. Археол. летопись Южной России, т. II, 1900; А. А. Спицын. Раскопки курганов близ с. Колодистого, Киевской губ. ИАК, вып. 12, СПб., 1904.

обнаружено два костяка, лежавших почти параллельно в направлении с юго-запада на северо-восток. Около них оказались пережженные кости животных, глиняное грузило и несколько больших кремневых ножей. Найденные в этом кургане сосуды по форме и орнаментации, как правильно замечает Доманицкий, «очень напоминают сосуды из лежащих тут же поблизости остатков жилищ с керамикой домикенского типа».

Переходя к рассмотрению аналогичных позднетрипольских материалов из Поднестровья, прежде всего следует остановить внимание на находках, сделанных Д. Я. Самоквасовым в 1906 г. у с. Шабалат, на правом берегу Днестра, в самом его низовье (рис. 99).[102]

Курган № 1, ранее исследованный Синявским, был подвергнут Самоквасовым контрольной раскопке. Самоквасов обнаружил здесь в материке под впускной сарматской гробницей основное погребение кургана. Яма 1.5×1.5 м, глубиной до одного метра, была покрыта двумя известковыми плитообразными камнями. На дне ее сильно разложившийся окрашенный костяк в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад. У ног два горшковидных сосуда красной глины: один — с маленькими ручками у венчика и ясными следами параллельных полосок черной краски; другой — с сетчатым узором, нанесенным только бурой краской. Узор последнего Самоквасов считает «совершенно сходным с узором одного из сосудов из раскопок Стемпковского у с. Парканы». Возле головы находилась куча продырявленных раковин и горшочек из красной глины с красным порошком на дне. На нем тоже были заметны следы полосок у венчика.[103]

По среднему течению р. Днестра, на Левобережье, известна целая группа курганов, материалы из которых должны быть сопоставлены с позднетрипольскими и, в частности, с усатовскими. Эти материалы из раскопок 1896 г. И. Я. Стемпковского в Тираспольском у. были впервые опубликованы В. И. Гошкевичем в его книге, посвященной древностям Херсонщины.[104] Этих же находок, главным образом керамических, коснулась и я в своей книге (1935), отнеся их в классификации к позднему этапу (γ/II) развития трипольской культуры.[105]

Материалы из раскопок Стемпковского хранятся в Херсонском музее, где мне пришлось их обрабатывать, однако большинство находок невозможно связать с тем или иным курганом. Имеющиеся на сосудах инвентарные номера соответствуют номерам курганов, раскопанных Стемпковским, причем с этой же нумерацией они напечатаны Гошкевичем в «Кладах и древностях» — в выдержках из дневника раскопок Стемпковского. Печатая эти материалы, Гошкевич тогда (1903), следуя классификации Самоквасова и исходя из соображений, что курганы Триполья содержат погребения со скорченными костяками, отнес их к киммерийской эпохе.

Привожу текст из дневника Стемпковского. Село Парканы (Тираспольского у. Херсонской губ.), курган № 90. «На материке, в кругу поставленных на ребро каменных плит два скелета. Один на спине, головой на юг, другой на правом боку, головой на восток. У головы второго два изящных горшочка».

Один из них — средних размеров сосуд из розовато-желтой массы, с округлым телом и двумя небольшими прилепными ручками-ушками на краю. Почти все тело сосуда охвачено широким поясом, сплошь заполненным прямой сеткой, нанесенной мелкими полосками. У основания плечиков — две полоски. Внизу пояс ограничен двумя полосками, пространство между которыми заполнено красной краской.

Другой сосуд из массы более грубой, серовато-черной с примесью песка. Поверхности хорошо сглажены. Орнамент, в виде четырех рядов косых мелких вдавленных полосок, образующих елочку, проходит по плечикам.

Курган № 91. «На материке в центре кургана 9 небольших сосудов, из них 6 изящной работы и 3 грубого изделия; первый из них желтой глины, разрисован темнобурого цвета сеточкой, на четырех ножках, прикрыт крышкой с ушками; по четырем сторонам от сосудов расположены симметрично 4 скелета, все головами на юг, на спине, с вытянутыми конечностями».

В Херсонском музее могли быть изучены из этого кургана всего пять сосудов, четыре из них с росписью; три — горшочки с округлым телом, иногда слегка суживающимся книзу. Плечики выпуклые, низкие; края неширокого горла как бы срезаны и наклонены внутрь. Иногда сосуд этой формы имеет четыре ножки. Покрываются сосуды конической со слабо выпуклыми стенками крышкой. На плечиках этих горшочков и по сторонам крышек располагаются слегка торчащие вверх рожки-ручки с вертикально, вкось проткнутыми отверстиями. Пояс росписи заштрихован в прямоугольную или ромбическую сетку или, что обычнее, разделен огибающими ручки отрезками лент на два поля. Иногда эти поля разделены еще и посредине вертикальным отрезком ленты. Свободное пространство у ручек перерезано поперек перекрещивающимися наискось отрезками.

---

[102] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 21.

[103] Сосуды хранятся в ГИМ.

[104] В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., Херсон, 1903, стр. 114.

[105] T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII/1, XVIII/2, XVIII/3.

Та же схема повторяется и на конических крышках. На дне перекрещивающиеся волнистые полоски. Ленты росписи окаймлены волнистыми полосками. Поля между двумя полосами, образующими ленты, заполнены красным. Таким образом, роспись нанесена черным и красным.

Четвертый сосуд с вогнуто цилиндрической высокой верхней частью; нижняя — коническая. Округлые плечики резко выражены. У самого верха края ручки-ушки. На плечиках обычно бугорки-рожки (без отверстий).[106]

Пятый сосуд грубой выделки. Масса серовато-черная с примесью толченых раковин. По форме сосуд близок к горшочкам с округлым телом. Остальных сосудов в коллекции музея не оказалось.

Курган № 147. «В насыпи три сгнивших скелета, при них четыре горшка; под ними в грунтовой могиле скелет на спине с протянутыми конечностями, головой на восток. У черепа найдены глиняное украшение, 2 горшка, 2 проволочные серьги — медная и серебряная, последняя с бусиной белого цвета, и кусочек краски. На шее костяка — бусина, около — глиняное пряслице и обломок оселка».

Первый сосуд — довольно высокий горшочек с округлым телом, из розовато-желтой массы (но без росписи). У самого края — прилепные ушки-ручки.

Второй и третий сосуды из серовато-черной массы с примесью раковин. У второго основание края опоясано двумя полосками — оттисками наискось перевитой веревочки. Выше — вдавленные треугольные углубления.

От четвертого сосуда сохранилась лишь нижняя коническая часть, по ребру плечиков оттиски мелкого зубчатого штампа.

Село Терновка. Курган № 179. В насыпи и на материке несколько погребений. Костяки в скорченном положении, часть — в вытянутом на спине, некоторые обложены деревом. Одно погребение обнаружено под четырьмя плитообразными камнями. Из-за неточности дневника не представилось возможным установить, при каком именно погребении в этом кургане были обнаружены сосуды разбираемых типов. Здесь были обнаружены четыре раковины и три сосуда. Грунтовая могила оказалась разграбленной. Из кургана № 179 в Херсонском музее хранилось пять сосудов.

Два сосуда из розовато-красной массы с черной росписью. Первый — чаша типичной формы со следами волнистых полосок. Второй — горшочек с округлыми плечиками. Широкий пояс росписи сплошь заштрихован мелкой ромбической сеткой. Третий сосуд представляет близкую аналогию одному из сосудов из Усатова: серовато-черная масса с примесью песка; поверхности коричневатые; две ручки, прилепленные на плечиках. По краю — группы сквозных отверстий. От основания плечиков свисают отрезки лент-полосок, образованных из оттисков наискось перевитой веревочки.

Чрезвычайно близок усатовскому также и четвертый сосуд. Масса серовато-черная, с примесью раковин. Основание края обходят две полоски — оттиски веревочки, а ниже свисают столь характерные для Усатова серповидные оттиски веревочек.

От пятого сосуда сохранилась лишь его нижняя коническая часть из грубой массы с примесью раковин.

Гор. Тирасполь. Курган № 79. «На материке круг из камней, а среди него могила. В ней скелет на правом боку, головой на север. У самого лица — изящной работы горшочек желтой глины». Сосудик небольшой, с двумя прилепными ручками и широким поясом, сплошь заштрихованными ромбической сеткой.

Село Плоское. Курган № 263. «Со второго штыка обнаружено 8 симметрично расположенных куч камней. Найдено также три изящной работы горшка. В насыпи оказался потревоженный скелет ребенка; на черепе лежал камень, по сторонам угли, дерево, кости, черепки и крупинки яркокрасной краски». Среди керамики Херсонского музея из этого кургана оказалось три сосуда. Все принадлежат к расписным. Один горшочек с ручками, прилепленными у края, и с широким поясом, заштрихованным в сетку. Нанесена роспись черной краской. Другой сосуд с бугорками-рожками на плечиках, а пространство между черными полосами заполнено красным. Третий небольшой с округлым телом сосуд не сохранил росписи (рис. 100).

Село Суклея. Курган № 2. «Скелет в насыпи, на правом боку, с согнутыми ногами, головой на восток. У черепа — горшочек. Небольшой сосудик, расписанный свисающими вертикально лентами, каждая образована тремя слитными оттисками наискось перевитой веревочки типа орнамента на сосудах катакомбной культуры».

Курган № 3. «В насыпи два скелета, оба на спине, головами на юг; на материке два скелета, лицом друг к другу; один на правом, другой на левом боку, головами на юг. У черепов — горшок. В грунтовой могиле оказались кости лошади. На дне могилы скелет на спине, головой на восток. Вещи: завитушка из толстой серебряной проволоки, оселок с дырочкой для подвешивания, два звериных клыка, кремневый нож, медный кинжал, кусок стеклянного сплава (?) и ожерелье из кораллов (?)». К сожалению, по дневнику раскопок невозможно уяснить себе полной картины погребения, связанного именно с этим интересным комплексом — серебряной серьгой и медным кинжалом, идентичной формы с усатовскими медными кинжалами. Этот

[106] T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII/1, XVIII/3, рис. 1—5.

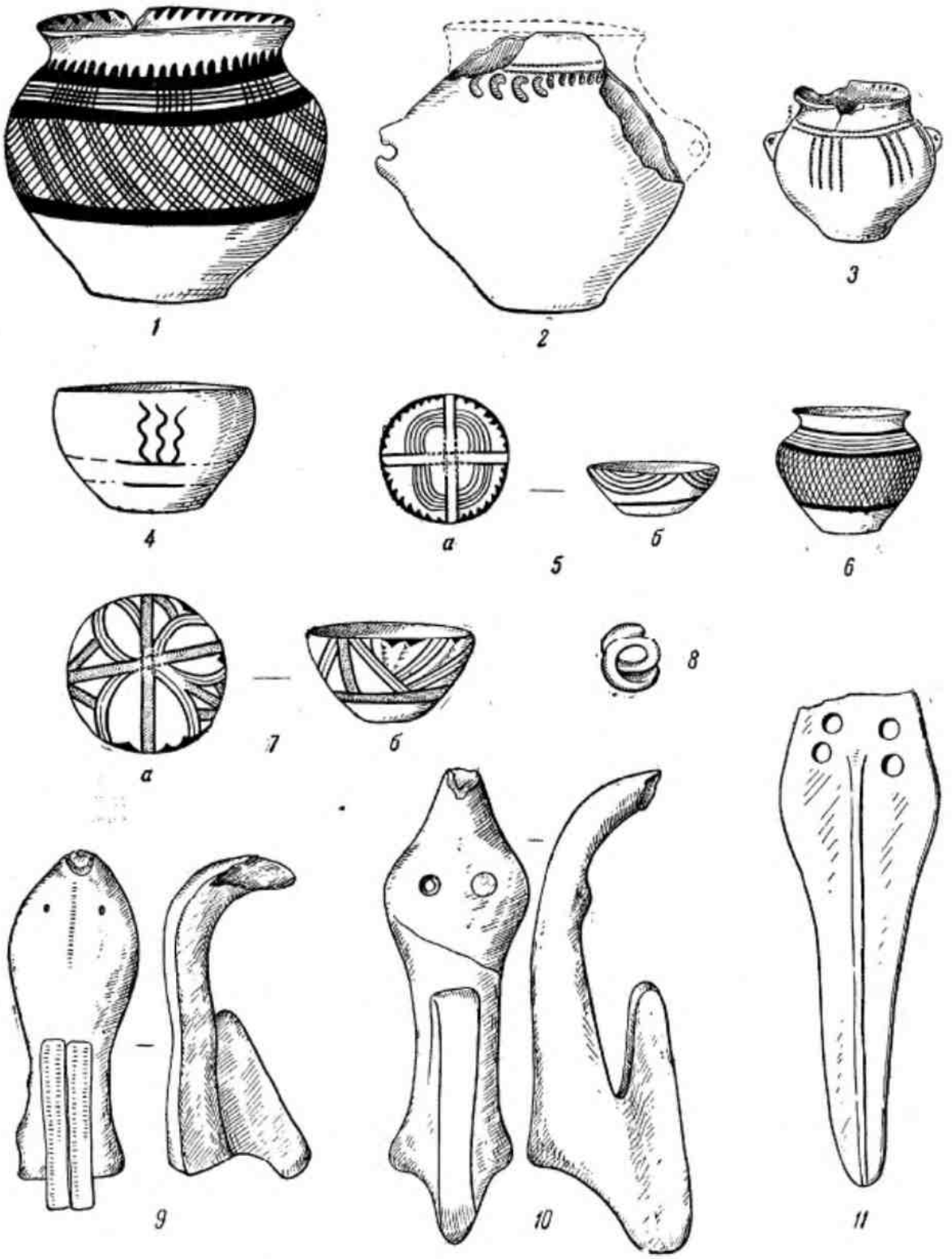

Рис. 99. Шабалат. *1* — сосуд с черной росписью; Терновка. *2, 3* — сосуды с веревочным орнаментом; *4, 6* — сосуды с черной росписью; Красногорка. *5, 7* — чаши с черной и красной (дана точками) росписью; *9, 10* — глиняные статуэтки; Суклея. *8* — серебряное колечко; *11* — медный кинжал (*1, 2, 4, 6* — 1/3 н. в.; *3, 5, 7* — 1/4 н. в.; *9 — 11* — 2/3 н. в.)

суклейский экземпляр также плоский, с нервюрой посредине и четырьмя сквозными отверстиями для прикрепления рукоятки в широкой верхней части.

Село Красногорка. Курган № 204. «В грунтовой могиле обнаружен скелет ребенка, на левом боку, с согнутыми ногами, головой на северо-восток. У левой кисти две игрушечные сандалии, сделанные из глины; у изголовья два сосуда. Третий — мисочка, был найден в насыпи».

В Херсонском музее под № 204 значились две чаши.

1. Чаша с несколько приподнятыми краями и росписью снаружи и внутри. Снаружи пояс разделен вертикальными отрезками на метопообразные поля, внутри которых сходящиеся под углом ленты (черная и красная краска). По краю — угловатые зубчики; внутри — система усатовской росписи; на чашах — перекрещивающиеся в центре ленты и между ними — три сходящиеся у центра овала, вместо четырех.

2. Чаша со свисающими снаружи на края фестонами. Внутри две перекрещивающиеся от центра ленты, между ними в секторах полуовалы или дуговидные ленты. По краю — типичные закрашенные угловатые зубчики. Роспись — черной краской.

«Две сандалии игрушечные», безусловно, являются двумя глиняными сидячими, сильно схематизированными статуэтками. Лишь после осмотра усатовского материала, работая в Херсонском музее, мне удалось по-настоящему понять значение загадочных «игрушечных сандалий». Сильно согнутая спина, наклоненная шея (голова отбита) и приподнятые в коленях ноги. Одна из статуэток вылеплена из сероватой массы. Поверхность хорошо заглаженная, розовато-красная. Грудь обозначена проткнутыми со спины отверстиями, которые закрыты прилепными коническими бугорками, как это часто отмечается на усатовской керамике. Другая статуэтка вылеплена из сероватой глины с примесью толченых раковин. Поверхности хорошо заглажены, заметны следы лощения. Мелкий штампованный орнамент нанесен на груди и на ногах. И в Красногорке, и в Усатове аналогичные статуэтки встречались с расписными сосудами позднетрипольского этапа (γ/II).

В собрании Херсонского музея из раскопок Стемпковского в б. Тираспольском у. оказался еще ряд расписных сосудов и с примесью раковин, и с веревочной орнаментацией, однако связать их с дневником его раскопок не удалось. Сами по себе они представляют интересные экземпляры, аналогичные разобранным выше, и вместе с тем хорошо сопоставляются с усатовскими материалами. Два сосуда из кургана № 97 (?); место находки не известно (возможно, с. Парканы). Один сосуд из кургана № 182 (?); два сосуда из случайных находок и два фрагмента больших сосудов с примесью раковин и веревочной орнаментацией усатовского стиля (курган № 268 ?).

Все проанализированные материалы из курганов нижнего Подиепровья и Поднестровья, безусловно, характеризуют для Причерноморья единый этап развития позднего Триполья. Во всех памятниках прослеживается общность в обряде погребения в скорченном положении, под курганными (сильно расплывчатыми) насыпями, окруженными камнями, или с каменной куполообразной гробницей в центре кургана с одиночным или двойным кромлехом, как в Усатове. Общестадиальная близость этапа γ/II подчеркивается наличием как в погребениях, так и в поселениях (Усатово — Го́родск) совершенно однообразной по стилю керамики. Одна группа обычно с росписью черной и красной краской, другая — с веревочной орнаментацией; характерны также и округлые формы сосудов небольших размеров, чаши и сосуды с конической крышкой, описанные выше. Особое значение имеют постоянно встречающиеся предметы из меди и единичные находки из серебра в памятниках этапа γ/II в Причерноморье. Они являются тем источником, на основании которого возможно датировать этап позднего Триполья. Это, прежде всего,— медные плоские клиновидные топоры, датируемые комплексом находок в погребениях так называемой катакомбной культуры с левобережья Днепра, концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э.

Наиболее ранние аналогичные медные клиновидные плоские топоры в восточном Средиземноморье, в частности на острове Лесбос, где недавно были открыты энеолитические поселения с большими длинными домами, датируются еще более древним временем — концом или серединой III тысячелетия.[107]

В Дунайском бассейне подобные медные топоры известны для середины III тысячелетия. Позднее они встречаются в комплексах находок со шнуровой керамикой и датируются первым и вторым периодами медного века, т. е. началом II тысячелетия до н. э. (2000—1700). Ту же датировку для го́родско-усатовского этапа подтверждают и височные медные или, реже, серебряные кольца с утолщенными концами, имевшие широкое распространение в период раннего металла. Подобного типа золотые и серебряные серьги из раскопок на востоке, в Уре и Шумере, датируются 2800 г. до н. э.; из Трои II по новой датировке — 2800—2600 гг.; из Египта — 2600—2400 гг.; из Венгрии — временем первого и второго периодов медного века. Близкие серебряные височные кольца с несколько утолщенными концами встречались в степных культурах эпохи бронзы с левобережья Днепра и могут

[107] W. Lamb. Excavations of Thermi in Lesbos, Cambridge, 1939.

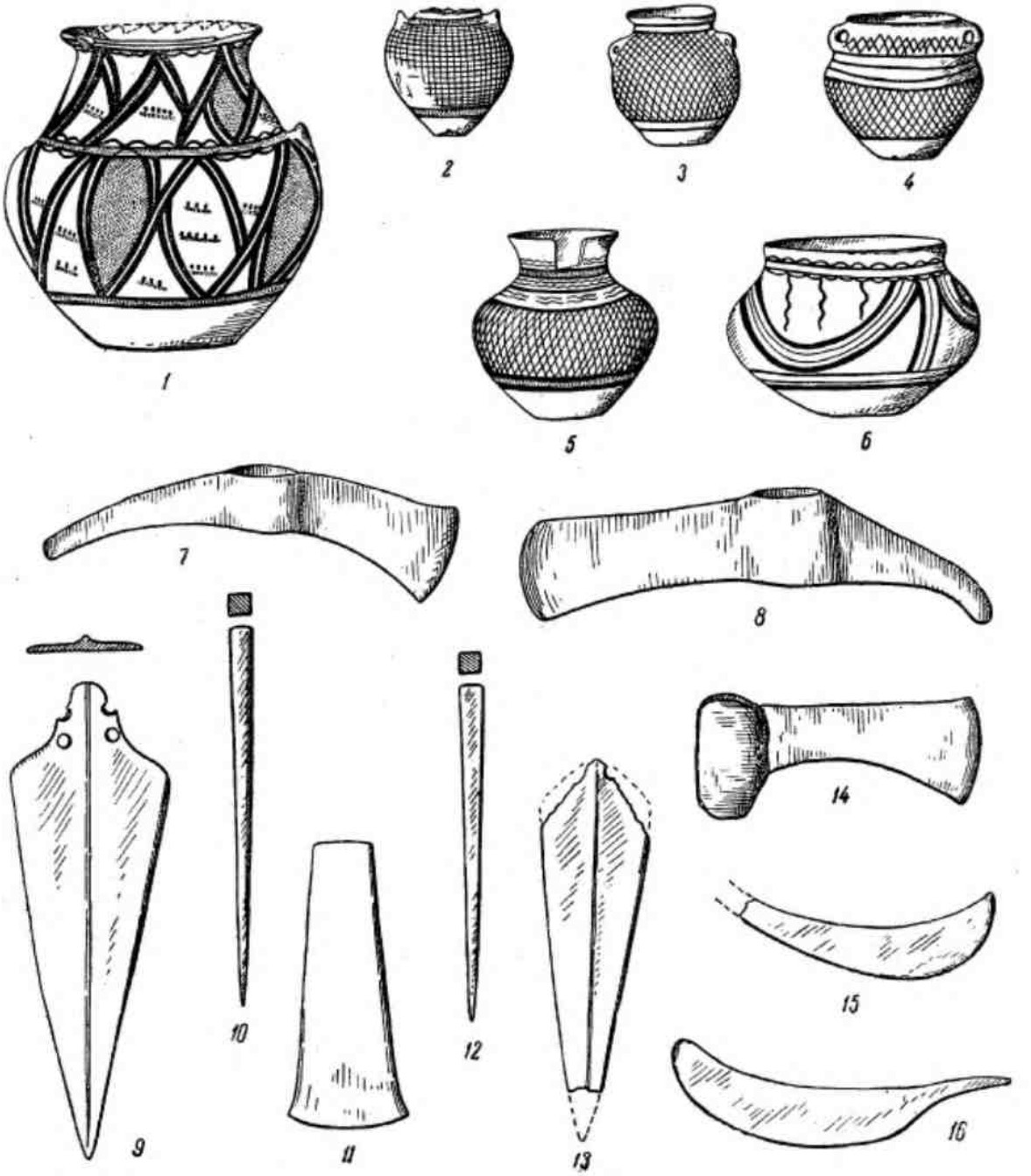

Рис. 100. Одесский музей. *1*— сосуд с черной и красной росписью (случайная находка); Плоское. *2, 4*— сосуды с черной и красной росписью; Тирасполь. *3, 5, 6*— сосуды с черной и красной росписью; Изделия из меди: *7, 11*— Эрёзд; *8*— Веремье; *9, 10, 14, 15*— Кукутени В; *12, 13*— Бильче-Злоте; *16*— Кашиорели. (*1, 4*—1/3 н. в.; *2, 3*—1/6 н. в.; *5*—1/5 н. в.; *7, 8, 14*—2/3 н. в.; *9—13, 15, 16*—3/5 н. в.; роспись красным дана точками)

быть датированы так же, как четырехгранные шилья, концом III — началом II тысячелетия до н. э.[108]

Подтверждение предлагаемой датировки позднего этапа Триполья мы получаем, анализируя и усатовско-суклеянские типы медных плоских кинжалов с нервюрой посредине и несколькими (обычно четырьмя) сквозными отверстиями для прикрепления рукоятки в широкой части. Для Крита подобные кинжалы датируются I периодом среднеминойской эпохи (2200—2000 гг. до н. э.); встречаются они и во II периоде — 1900—1700 гг. Для южной Греции и Киклад они датируются 2100—1900 гг., т. е. эти датировки установлены как для медных, так и для серебряных кинжалов.[109]

Близки по форме (но без нервюры посредине) и кинжалы из Польши, Венгрии и Чехословакии, встречаемые обычно с керамикой со шнуровым орнаментом и датируемые 2000—1700 гг. до н. э. и более поздним временем протоунетицкой бронзы.[110]

Таким образом, медные (и единичные экземпляры серебряных) изделия, открытые в памятниках позднетрипольского этапа в Причерноморье (γ/II), помогают датировать весь комплекс концом III или, точнее, началом II тысячелетия — временем между 2000—1700 гг. до н. э.

Эту датировку следует указать и для всех многочисленных памятников городско-колодяжно-евминского типа, разобранных мною в северном Киевско-Полесском районе (этап С/II). Среди находок этих последних следует выделить кремневый клин мегалитического типа, просверленный каменный топор, кремневые стрелки с выемкой у основания, которые еще раз подтверждают установленную дату.

Не малый интерес для установления даты и для прослеживания пути, по которому пошло развитие трипольских племен на позднем этапе при переходе к культурам эпохи бронзы, представляют археологические материалы западных областей Украины, нижнего и среднего Подунавья.

На этих территориях, в отличие от правобережной Украины, на многих и разнообразных поселениях культуры ленточной керамики в бассейне Днестра, Серета, Прута и по Дунаю открыты, как уже указывалось, многослойные памятники, давшие наблюдения над стратиграфией, как, например, Извоар I и II в Молдавии, Кукутени А и В и Гумельница А и В в Румынии, Эрёзд I и II в Венгрии и др. Позднетрипольскому этапу на этих территориях соответствуют поселения, датируемые периодом после Кукутени В (2100—1600 гг. до н. э.). К ним принадлежат в Румынии верхний слой Гумельницы В, поселение Султана и Каширели; в Венгрии — Эрёзд II; в Польше — Кошиловцы и Бучач; в Болгарии — Черноводы. Несколько более поздним временем должны быть датированы стоянки у с. Пояна (1600) и Перчиу II (1600), совпадающие с так называемой комаровской культурой в Польше.[111]

Наиболее интересны материалы с поселения Гумельница на правом берегу среднего Дуная. Стоянка Гумельница стала известной еще в 1922 г. Она расположена у одноименного села на высоком массиве, высящемся в долине Дуная на 20 м (на 39 м выше уровня моря).[112] Еще до раскопок здесь было сделано много находок, среди которых разнообразные кремневые орудия: стрелки, топоры-клинья, грубо оббитые ножи, скребки, полированные топоры. Интересны изделия из кости: гарпун и костяная плоская статуэтка.

Наибольшее число керамических находок составляет хозяйственная посуда с грубой шероховатой поверхностью, без орнамента, часто с выпуклыми бугорками и рельефными ребрами. Из форм характерны чаши, сосуды с угловатыми плечиками, конические крышки с ручкой.

Из серии ритуальных сосудов выделяется фрагмент глиняного ритона. На одной стороне его видна обломанная ручка, на другой — намеки на изображение стилизованного животного (глаза, нос, рот). Выделан ритон из хорошей красной глины; вместимость его была не менее 0.5 литра.[113]

Сосуды с росписью, так же как и с углубленным орнаментом, редки. Наиболее замечательна находка колечка из золота (до 1.8 см в диаметре).

В процессе предпринятых в последующие годы раскопок здесь установлены новые данные об этой стоянке. Шестью раскопами была вскрыта площадь в 247 м². Повсюду удалось обнаружить двуслойное культурное напластование в виде остатков разновременных жилищ. Верхний культурный слой (В) залегал на глубине 0.35—0.60 м, нижний (А) на глубине 1.80—3.35 м. Размеры жилищ № 1 и 2 из слоя А небольшие — 4×4.5 м. Стены невысокие, из плетня, обмазанного глиной. Най-

[108] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. историч. музея за 1914 г.

[109] R. Dussaud. Les civilisations préhélléniques dans le bassin de la Mer Égée, Paris, 1914.

[110] Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. CLII, вып. II, Львів, 1933 и др.

[111] V. Dumitrescu. La chronologia della ceramika dipinta dell Europa Orientale. Ephemeris-Daco-Romana, IV; J. Nestor. Zur Chronologie der rumänischen Steinkupferzeit. Praehistorische Zeitschr., т. XIX, вып. 3/4, Berlin, 1928; H. Schroller. Die Stein-und Kupferzeit Siebenbürgens. Z. f. E., Berlin, 1930, стр. 248; F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le comitat de Haromszek. Dolgozatok, 1911; его же. Fouilles à la Station primitive d'Ariusd. Dolgozatok, I, 1914.

[112] V. Dumitrescu. Découvertes de Gumelniţ Dacia, т. I, Bucaresti, 1924; его же. Fouilles de Gumelniţa Dacia, т. II, Bucaresti, 1925, стр. 29—103.

[113] Dacia, т. I, Bucaresti, 1924, фиг. 3, рис. 4; фиг. 9.

дены следы отдельных столбов, не дающих, однако, указаний для восстановления формы жилища. На основании обмазки полукруглых очертаний предполагается, что жилища были круглыми и несколько углубленными в материк, что позволяет говорить о полуземляночном характере построек Гумельницы в слое А. В слое В, в котором были найдены миниатюрные глиняные урны-домики, вероятно, наряду с полуземлянками были наземные прямоугольные жилища, почти четырехугольные, с двускатной крышей. Стены выстроены из плетня, обмазанного глиной. По аналогии с моделями, возможно, стены имели столбы и были окрашены красной краской.

Богатейший инвентарь, обнаруженный на поселении Гумельница, говорит прежде всего о том, что металл был редок и все орудия разных типов в количестве 1900 экз. были из камня. К большому сожалению, здесь не удалось установить в полной мере разницу в типах орудий нижнего (А) и верхнего (В) слоев стоянки.

Среди каменных орудий имеются стрелки треугольной формы, копьевидные острия, большое количество клиновидных, грубо отесанных топоров, с ретушью на поверхности, ножевидные пластины (до 27.5 см длины), большие и малые скребки и отбойники-ударники, большое количество зернотерок и камней для оттачивания острия со следами отточки. Имеются также полированные топоры с просверлиной.

В некоторых сосудах найдены обожженные и перемешанные с золой остатки зерна. Керамика из слоя Гумельницы А (расписная спирально-ленточная, с углубленным орнаментом) одновременна (возможно, несколько позднее) комплексу керамики слоя Кукутени А. Керамика слоя Гумельницы В близка к керамике Кукутени В.

Из глиняных изделий обнаружено большое количество сидячих и стоячих статуэток, культовых небольших столиков и стульев, глиняные бусы, фаллусы. Особенно богат этими предметами слой Гумельницы В. Обращают внимание в глиняных статуэтках и других предметах (жест рук, платья, священные золотые рога и др.) элементы, которые указывают на знакомство с минойской культурой. Не малое количество встречено в стоянке и изделий из кости и рога: гарпуны с односторонними зазубринами, проколки, подвески из кости, костяной кинжал, мотыги из рога оленя с просверлиной для рукоятки.

Из металла (меди и золота) всего было обнаружено в Гумельнице 12 предметов. В слое А было найдено 4 орудия из меди, в слое В — 8 экз., из них 6 из меди и 2 из золота. Это — сильно заостренные четырехгранные медные шилья, одно с рукояткой из кости птицы. В слое В обнаружены медный рыболовный крючок, колечко и подвеска из золота, в форме священных рогов, с отверстиями для подвешивания. Изделия из золота для раннего периода бронзы были известны прежде из Румынии, например, золотая бусина-подвеска такой же техники.[114]

Верхний слой Гумельницы В по формам сосудов и по находкам меди и золота датируется концом I периода или началом II периода бронзы. Эта датировка показывает, что верхний слой, Гумельница В, существовал позже Кукутени В.

Важно отметить, что в поздних слоях Гумельница В заметно изменяется керамический комплекс находок, исчезает преобладание расписной спирально-ленточной керамики, уступая место грубой с налепным орнаментом эпохи бронзы. Кроме того, как и на городско-усатовском этапе, здесь увеличивается количество изделий из меди и появляются даже предметы из золота, шедшие, вероятно, из Семиградья и из Малой Азии — ближайших к нашему Причерноморью металлургических центров того времени.

Поселение Гумельница А и В не остается одиноким. Ближайшей аналогией является поселение у Кашиорели.[115] Стоянка расположена на острове среди озера и была раскопана летом 1925 г.

В заложенных здесь двух раскопках была установлена последовательность двух культурных наслоений: верхнего (В) — на глубине 0.40—0.80 м и нижнего (А) — на глубине 1.40—2.70 м; в том и в другом горизонтах обнаружены остатки глинобитных жилищ; стены выстроены из плетня, обмазанного глиной, внутри жилищ открыты очаги и столбы. Заключение о форме жилищ в отчете делается лишь путем анализа здесь же найденных глиняных моделей жилищ. Эти модели из Кашиорели дают прямоугольную в плане постройку с небольшой верандой спереди. Кровля двухскатная, с сильным наклоном назад. Все эти модели обнаружены в верхнем слое Кашиорели В. На основании большей древности нижнего слоя делается заключение, что в эту эпоху жилища были округлые в плане. Что касается техники постройки, то она в обоих слоях одинакова. Стены строились из глины (с примесью соломы), перекрывавшей скелет из столбов и лозы. Часто глина покрыта белой краской. Крыша двухскатная.

Инвентарь, как и в Гумельнице, чрезвычайно богат орудиями из камня (стрелки, топоры из кремня и камня, скребки, ножевидные пластинки, отбойники) и керамикой. Комплекс нижнего слоя Кашиорели А ближе к слою Кукутени А; преобладают сосуды с углубленным орнаментом и часто даже с белой массой, а также каннелированные сосуды.

[114] Archaeologiai Ertesito, т. XXXVI, Budapest, 1916, стр. 206.

[115] Gh. Stefan. Les fouilles de Cacsiorele. Dacia, т. II, Bucaresti, 1925, стр. 138—197.

Иногда и тот и другой тип сосудов имеют красочную обводку или роспись.

В верхнем слое — Кашиорели В — преобладает монохромная керамика с черной росписью типа Кукутени В, но формы сосудов более развитые, ребристые, с коническими бугорками и ручками, близкими по форме к сосудам эпохи бронзы.

Среди керамики Кашиорели В замечательны находки: 1) глиняный ритон в форме животного с каннелюрами, с ручкой и со следами ножек; 2) глиняный сапог с росписью белым по красному фону; 3) глиняный сосуд эллипсовидной формы типа лодки; 4) большое количество глиняных статуэток с росписью в широких юбках с воланами. Одежда на статуэтках подчеркивает существование связи со средиземноморскими странами.

Особого внимания заслуживает находка глиняных рогов. Как и обычно, в стоянках много изделий из кости (проколки, гарпуны, кинжалы, подвески) и мотыги из рога оленя.

В верхних слоях Кашиорели В обнаружено медное острие и слегка выгнутый медный нож чрезвычайно интересной формы. Подобные медные бритвообразные ножи были найдены в верхнем слое Кукутени В, в Бильче-Злоте II и в позднем поселении Кошиловцы.

Два культурных слоя, обнаруженных в Кашиорели, характеризуют два этапа в развитии энеолитической культуры на среднем Дунае; нижний слой (А) связан с Кукутени А, верхний (В) — с Кукутени В. Однако по формам сосудов и по типу медных вещей он датируется более поздней эпохой — I периодом бронзы до II периода бронзы. Верхний слой, видимо, целиком принадлежит эпохе бронзы, подходя по времени близко к Черноводам, Султане, Гумельнице В и Коджа-Дермен в Болгарии.

Для интересующего нас вопроса важно то, что наблюдаемый путь развития культуры — один и тот же и на стоянке Кашиорели и в Гумельнице, а также на городско-усатовском этапе (C/II и γ/II).

Та же последовательность в развитии культуры хорошо отражена и в двух культурных слоях на одном из крупнейших поселений с расписной керамикой у Эрёзда в Венгрии.[116]

Поселение Эрёзд находится на склоне горы, на правом берегу реки Ольт, занимая площадь до 5 400 м². Значительная площадь раскопок позволила изучить интересные остатки нескольких глинобитных жилищ, относящихся к раннему периоду Эрёзда I, и провести наблюдения над мощным культурным слоем поселения, доходящим до 4 м толщины. На раннем Эрёзде I я уже останавливалась, сейчас необходимо отметить, что в верхнем, позднем слое Эрёзд II наряду с монохромной керамикой, близкой к керамике из Кукутени В, выделяется и комплекс находок эпохи бронзы с керамикой, орнаментированной веревочкой.[117]

К сожалению, исследователь не останавливается сколько-нибудь подробно на характеристике каждого из слоев. Среди изделий из металла, упоминаемых в верхнем слое Эрёзд II,— медные в несколько оборотов браслеты, медные бусы, четырехгранные шилья, медный плоский клиновидный топорик и топор с сильно оттянутой обушной частью — топор-клевец.

Особого внимания заслуживают фрагменты керамики с веревочной орнаментацией. В Венгрии известны для этой эпохи немногочисленные сосуды с веревочной орнаментацией. Однако и Венгрия, как и Чехословакия, Югославия и Румыния, принадлежит к территории, где получает распространение в эпоху раннего металла шнуровая керамика.

Один из фрагментов сосуда из Эрёзд II изготовлен из коричневатой тонкой массы, хорошего обжига. Следует отметить, что край сосуда несколько утолщен и уплощен сверху, прямой, без загиба. Орнамент состоит из горизонтальных рядов наискось перевитой веревочки (сохранилось три ряда), пространства между которыми пересечены сходящимися под углом короткими полосками (судя по фотографии, они плоские, гладкие, углубленные).[118]

Второй фрагмент, изготовленный также из чрезвычайно тонкой, хорошего обжига коричневато-красной массы, с внутренней стороны более темный, черно-серый. Фрагмент принадлежит слабо выгнутому краю сосуда; край несколько утолщен кверху и уплощен. Кроме веревочной орнаментации, имеется еще и углубленный орнамент.

Верх края опоясан двойными параллельными полосами оттисков веревочки, не очень широкое пространство между которыми пересечено наискось оттисками той же веревочки, образующими неправильную косую сетку. Ниже — ряд углубленных небольшого диаметра гладких кружков, оттиснутых небольшим округлым штампом.

Фрагменты керамики с веревочным орнаментом из Эрёзда сравниваются с небольшим сосудом, обнаруженным в Венгрии.[119] Сосуд с плоским дном, несколько расширяющимися краями высокого горла, по форме приближается к разновидности колоколовидных сосудов, известных в более северных районах распространения шнуровой керамики. Верх края сплошь опоясан горизонтальными оттисками наискось перевитой веревочки, ниже которых

---

[116] F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le Comitat de Haromszek. Dolgozatok, 1911; его же. Fouilles à la Station primitive de Erösd (1907—1912). Dolgozatok, 1914; его же. Les types de vases peints d'Ariusd. Dacia, т. I, Bucarești, 1924.

[117] Там же.

[118] M. Roska. Restes de céramique cordée en Hongrie. Dolgozatok, 1914, стр. 420 и след., рис. 2.

[119] Там же, рис. 1.

на плечиках ряд довольно больших сплошь заштрихованных треугольников, также выполненных оттисками веревочки.

В двух культурных слоях Эрёзда I и II исследователи видят два этапа и указывают, что, судя по 4-метровым наслоениям, доминкенская культура развивалась здесь постепенно, без перерыва от периода неолита к эпохе бронзы.[120] Комплексы находок, обнаруженные в глинобитных жилищах, рассматриваются как принадлежащие к двум периодам жизни поселения.

Верхний культурный слой Эрёзд II сопоставляется с верхним слоем поселения Кукутени В, хотя считается, что верхние слои Эрёзда II (как и Гумельница В) хронологически более поздние и соответствуют эпохе бронзы.

На характеристике слоя Кукутени В я уже подробно останавливалась в процессе анализа предшествующего этапа развития (С/I), сейчас следует указать на те черты, характеризующие поздний верхний слой Кукутени В, которые могут быть сопоставлены с городско-усатовским этапом в правобережной Украине и с поздними поселениями на Дунае типа Гумельница В, Кашиорели В и др. Результаты раскопок 1909—1910 гг. у с. Кукутени были позднее полностью опубликованы.[121]

Характеристика слоев дана, в основном, для двух керамических комплексов; остальной инвентарь не разделен по эпохам — Кукутени А и В. В отношении некоторых предметов из металла все же имеются указания. Так, в верхнем слое Кукутени В случайно обнаружен медный кинжал, плоский с нервюрой посредине и с четырьмя сквозными отверстиями для прикрепления. По типу кинжал в точности повторяет медные усатовские кинжалы и кинжал из кургана у Суклеи.[122]

Из верхнего же слоя (В) происходит медный топор-клевец с просверлиной в несколько оттянутой обушной части, который я сравнивала ранее с топором-клевцом из Веремья.[123] Кроме того, в верхнем слое обнаружены четырехгранные шилья, известные также в Усатове; среди других находок в слое Кукутени В — бронзовые браслеты в 1.5 оборота с несомкнутыми концами, а также бритвообразный медный нож, аналогии которому имеются среди находок в Бильче-Злоте.[124]

Увеличивающееся количество изделий из меди в верхнем слое Кукутени В, характер и стиль монохромной и бихромной росписи (с красной обводкой), формы сосудов, наличие, наряду с расписной керамикой, фрагментов с веревочной орнаментацией,— все это позволяет более или менее точно датировать верхний слой началом и серединой II тысячелетия, причем стоянка Кукутени В доживает до эпохи бронзы, т. е. до 1200 г. до н. э.

Эта дата несколько иная, чем предлагаемая мною для городско-усатовских памятников (2000—1700). Близки к ней датировки для поздних стоянок на Дунае — Гумельница В и Кашиорели В. Длительность существования стоянки Кукутени В, доходящей до I периода бронзы, подтверждается находкой в Кукутенах медного топора со втулкой. Аналогичные медные топоры известны в Болгарии (музей в Софии) и в Венгрии, как древний венгерский тип, и относятся к комплексу предметов унетицкой культуры.[125] Такие же находки топоров были сделаны в Подолии и на Волыни, в частности в Стубло (около Дубно),[126] в Польше[127] и на Украине.[128]

Среди поздних поселений типа Кукутени В в Дунайском бассейне интересна стоянка около с. Перчиу, на берегу левого притока р. Серета, инвентарь которой чрезвычайно важен, как содержащий в одном комплексе и керамику типа Кукутени В, и керамику с углубленным и рельефным орнаментом эпохи бронзы, а также керамику с веревочным орнаментом. Эта вторая группа близка к керамике Гумельницы В, Кашиорели В, Султана и датируется 1600 г. до н. э.[129] Датировка эта может быть чрезвычайно точно установлена благодаря раскопкам в Пояна.

Нижние слои стоянки Пояна и раскопанные здесь 31 скорченное погребение без курганов должны быть отнесены к первым периодам бронзы, т. е. к тому же времени, что и стоянка в Перчиу.[130]

Комплекс находок в погребении исключительно интересен. В большинстве случаев погребения обнаружены на сравнительно небольшой глубине, в скорченном положении, головой на северо-запад. Ноги и руки подогнуты к лицу. Характерны широкие сосуды с двумя высокими ленточными ручками из черной глины с геометрическим орнаментом у основания горла. Тип сосудов в точности повторяет сосуды так называемой комаровской

[120] F. Laszlo. Dolgozatok, 1911.
[121] Z. f. E., 1911, стр. 282.
[122] В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., Херсон, 1903.
[123] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I, Киев, 1902 г.
[124] K. Hadazsek. La colonie industrielle de Kozsylowce de l'époque Enéolitique. Léopol — Kraków. (Album des fouilles), 1915.
[125] M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, т. II, 3, табл. 100 и 101; H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit in Siebenbürgens. Z. f. E., 1930.
[126] W. Antoniewicz. Der in Stublo aufgefundene Bronzenschatz. ESA, т. IV, Helsinki, 1929, рис. 1—2.
[127] Его же. Archeologja Polski, табл. XIV, рис. 3, 28, 29.
[128] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des Métaux. ESA, т. II, Helsinki, 1926, рис. 98.
[129] Radu et Ecaterine Vulpe. La Station préhistorique de Perchiu près de Hurus . Dacia, тт. III—IV, Bucaresti, 1933, стр. 156—166.
[130] Ecaterina Dunareanu-Vulpe. La nécropole de l'âge du bronze de Poiana. Dacia, тт. V—VI, Bucareşti, 1938, стр. 151—167.

культуры Польши (1700—1200 гг. до н. э.). В погребениях открыты высокие кубки, сплошь опоясанные веревочным орнаментом, диоритовый топор с просверлиной посредине, кремневые стрелки с выемкой у основания и изделия из золота — колечко с заходящими концами и золотая пластинка-подвеска с выдавленным рельефным орнаментом. Кроме того, обнаружено небольшое бронзовое колечко с заходящими концами. Стоянки Перчиу — Пояна в дунайских странах восприняли влияние с юга. Это подтверждается прежде всего золотыми подвесками эгейского типа. Датируется весь комплекс Пояна 1600 г. до н. э.[131]

Из позднетрипольских поселений в аспекте рассматриваемого материала представляет особый интерес поселение у с. Кошиловцы, на западе Украины, в районе Залещиков, где в 1908—1912 гг. производил раскопки Гадачек. На месте раскопок не было открыто остатков жилищ, но обнаружено большое количество остатков керамики и гончарных печей. Автор считает, что в Кошиловцах им открыт поселок ремесленников-гончаров.[132]

Среди кремневого инвентаря заслуживает внимания серия ножевидных пластинок, вытянутой формы скребков, проколок; прямоугольные кремневые клинья (столь характерные в Городске), грубо обработанные сколами со всех сторон, с заполированной рабочей частью; небольшие из мягких пород топорики; фрагменты топоров-молотов с просверленным отверстием.[133] Не менее интересны в Кошиловцах изделия из металла: медное острие, медное полуколечко от спиральки и фрагмент от серебряной спиральки (как и серебряные спирали из погребений в Суклее и Усатове).

Металлические изделия для поздних ступеней Триполья известны почти со всех поселений. В дополнение к описанному серебряному и золотому инвентарю в поселениях Кукутени В, Гумельница В, Кашиорели В и Кошиловцы, позволяющему достаточно полно датировать эти памятники, следует указать еще на находки из Бильче-Злоте, относящиеся ко времени, близкому к периоду Кукутени В. Особенно интересны: выгнутый, серповидный медный нож, аналогичный по форме ножам из Кукутени В и Кашиорели В, медный кинжал листовидно-вытянутой формы, медное четырехгранное шило и две шейные бусины из тонкой пластинки, свернутой в трубочку. Интересны и костяные кинжалы, повторяющие формы медных кинжалов.

Комплекс кремневых и медных изделий дополняется исключительно ярким комплексом керамики из Бильче-Злоте. Близкие аналогии ему имеются в городско-усатовском керамическом материале.

1. Среди керамики из Кошиловцев прежде всего выделяется обычная для Триполья посуда из грубой серой массы с примесью крупного песка или толченых раковин. На поверхности, довольно грубой и шероховатой, не заметно (судя по изданию) обычного для этой группы полосчатого сглаживания. Однако отсутствие на поверхности полосчатого сглаживания — характерный признак для поздней стадии (C/II — γ/II) Триполья. Форма сосудов — горшки, часто на четырех ножках.

2. Вторая группа сосудов принадлежит к группе расписной керамики; роспись нанесена черной и красной красками. Техника росписи совершенно тождественна технике росписи описанной расписной керамики городско-усатовского этапа. Самое интересное заключается в том, что стиль росписи кошиловецких сосудов полностью совпадает со стилем, отмечавшимся мною в Причерноморье для этапа C/II — γ/II. Типичнейшие формы чаш — небольшие с округлым телом горшочки, грушевидные урны, округлые шаровидные амфоры с двумя ручками, конические крышки с небольшими ушками, наконец, сюжеты и система росписи — все это целиком совпадает с типами городско-усатовской керамики. Прежде всего на чашах мы имеем с наружной стороны тот же сюжет прямых и косых, сходящихся под углом отрезков лент, заключенных в узкие пояса. С внутренней стороны сохраняются также узкие пояса из сходящихся под углом отрезков лент и пар полуовалов.

На небольших сосудах обычен неширокий пояс из сходящихся под углом отрезков лент с характерными мелкими зубчиками, окаймляющими полосы, или же волнистыми узкими полосками. Этот сюжет восходит к спиральному сюжету (к одной из фаз его распадения), столь обычному для этапа C/II — γ/II. Неширокий пояс росписи на этой стадии и у грушевидных урн, и у шаровидных амфор, и у сосудов с угловатыми плечиками делится прямыми отрезками на метопы; поля метоп наискось пересечены сходящимися под углом двойными полосками; прямые отрезки ленты и сходящиеся под углом полоски — это остатки распавшихся спиральных центров и дуговидно изогнутых лент, от них отходящих. Стиль и сюжеты росписи повторяют роспись усатовской и городской керамики. В Кошиловцах особого внимания заслуживают сосудики с угловатыми плечиками и ленточной ручкой (кувшинчики); роспись — сюжет распадающейся спирали или косая сетка.

По форме кувшины эти в точности повторяют кувшины с веревочной орнаментацией, характерные для стоянок со шнуровой керамикой.[134] Расписная керамика описанного типа

[131] Ecaterina Dunareanu-Vulpe. La nécropole de l'âge du bronze de Poiana. Dacia, тт. V—VI, Bucaresti, 1938.

[132] K. Hadaszek. La Colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolitique. Léopol — Kraków (Album des fouilles), 1915.

[133] Там же, табл. III.

[134] Wl. Antoniewicz. Archeologja Polski, табл. X, 32.

постоянно встречается в одном комплексе с сосудами с веревочной орнаментацией. В Польше, около Сокаля в Завишне, была сделана упоминавшаяся уже находка округлой амфоры с двумя ручками с прямо проткнутыми отверстиями. Форма тождественна сосудам из раскопок в курганах у Белозерки, Тирасполя, Слободки (близ Одессы) и Го́родска. На сосуде из Сокаля сохранилась роспись — сходящиеся под углом ленты (коричневато-красная краска). Этот сосуд был обнаружен вместе с сосудами со шнуровым орнаментом (последний, к сожалению, не издан) и каменным четырехгранным клиновидным топором с толстым обухом.[135]

Бронзовые изделия протоунетицкого типа были обнаружены в последние годы на западе Украины вместе со шнуровой керамикой и датируются 2000—1750 гг. до н. э., причем считается их происхождение венгерским.[136] Изделия сравниваются с находками в Чехословакии у Лобозитц, где вместе со шнуровой керамикой был обнаружен также набор протоунетицких бронз.

В Поднепровье, в этот период, период проникновения металла, усиливаются сношения с Дунайским бассейном и Малой Азией. Медь в эту эпоху проникает в Причерноморье из двух районов — с юга, из восточного Средиземноморья, и с запада, из Прикарпатья. Усиливаются также сношения с племенами на левобережье Днепра, где развивается в это время так называемая катакомбная культура.

Трипольская культура на раннем и среднем этапах сосуществует с культурой ямных погребений, на более поздних (с конца III или начала II тысячелетия) — с культурой катакомбных погребений. Новые материалы позднетрипольских поселений и погребений делают совершенно ненужными поиски на правобережье Днепра тех же культурных смен, которые хорошо изучены для этого времени на левобережье и в степных районах излучины Днепра. Судьба правобережного района иная, чем той территории, где распространены ямная и катакомбная культуры. Конец III тысячелетия до н. э. в среднем Поднепровье является периодом расцвета Триполья, с началом II тысячелетия совпадает позднетрипольский этап (Го́родск, Евминки, Райки и другие — на севере и Усатово и другие — на юге). В это время позднетрипольские земледельческо-скотоводческие племена поддерживают культурные взаимоотношения с племенами Дуная и Прикарпатья, восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Одновременная Триполью культура ямных погребений Правобережья представлена крайне немногочисленными курганами; оставившие их племена проникали, видимо, с Левобережья в область, занятую в это время трипольскими племенами, и сосуществовали с ними. Позднее племена катакомбной культуры на северо-западе и в Причерноморье сталкивались с племенами позднего Триполья; таким образом, генетически трипольская и катакомбная культуры не были связаны, как предполагали некоторые исследователи. В послетрипольское время катакомбная культура Левобережья может быть сопоставлена с так называемой среднеднепровской культурой на Правобережье, характеризуемой комплексом находок шнуровой керамики, колоколообразных сосудов и шаровидных амфор, датируемых 1700—1500 гг. до н. э.[137]

Учитывая новые материалы, можно говорить о том, что керамика шаровидных амфор и связанная с ней шнуровая керамика закономерно появляются в результате дальнейшего развития гончарного искусства примитивно-земледельческих трипольских племен на позднем этапе (С/II — γ/II). Увеличивающаяся в хозяйстве роль скотоводства ведет к выделению, особенно в Причерноморье, скотоводческих племен, к изменению семейно-родовых отношений (переход к патриархату); меняются формы домостроительства, исчезают большие глинобитные наземные многочисленные дома и появляются сравнительно небольшие жилища полуземляночного типа. Наконец, меняется весь инвентарь, и, вместо спирально-ленточной, с углубленной и расписной орнаментацией, появляется керамика со шнуровым орнаментом.

В Среднем Поднепровье в послетрипольское время в значительной степени на базе культуры позднетрипольских племен, с одной стороны, и под влиянием левобережных культур эпохи бронзы, с другой, оформляется среднеднепровская культура. Она сосуществует с катакомбной и с брянским и белорусским вариантами фатьяновской культуры.

На территории западной части Украины более поздние культуры эпохи бронзы появляются в результате дальнейшего развития культур скотоводческих и земледельческих племен, характеризуемых патриархально-родовыми отношениями. В погребениях II и III этапа бронзы в так называемой комаровско-белопотоцкой культуре (Польша) обнаружены предметы унетицкого типа (1500—1200 гг. до н. э.). Интересно, что в Белом Потоке погребение с набором подобных вещей разрушило трипольское жилище (площадку) с керамикой позднего Триполья кошиловецкого типа, совпадающего с разобранным комплексом инвентаря го́родско-усатовского этапа.

[135] Его же. Tombeaux énéolitiques à inhumation à Zlota. distr. de Sandomierz. Wiadomosci Archeologiczne, т. IX, 1924, рис. 40; K. Hadaczek. Указ. соч., табл. XVIII, рис. 157.

[136] Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. CLII, вып. II, Львів, 1933.

[137] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Глава VII

ПОЗДНИЙ ЭТАП ТРИПОЛЬЯ И КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В процессе изучения истории древнейших земледельческих племен Поднепровья и Поднестровья за последние годы был разрешен вопрос периодизации трипольских поселений и определены основные этапы развития Триполья.

Трипольские поселения типа Го́родска на севере и Усатова на юге (этап С/II — γ/II), давшие весьма своеобразное сочетание находок, позволили достаточно полно характеризовать поздний этап развития Триполья и установить, что к началу II тысячелетия до н. э. из трипольского, в основном земледельческого, населения здесь формируются новые, скотоводческо-земледельческие племенные группы. Все эти культурно-племенные образования остаются на своих местах, но с возрастающей ролью скотоводства они осваивают не заселенные еще территории.

Одним из таких племенных образований являлись носители так называемой среднеднепровской культуры, отчасти существующие уже в период позднего Триполья, а отчасти развивающиеся в Поднепровье в послетрипольское время, в эпоху ранней бронзы. Подробно вопрос о среднеднепровской культуре освещен в моей статье, поэтому я остановлюсь здесь лишь на некоторых заключениях.[1]

В Среднем Поднепровье и на территории значительно более широкой, занятой древнеземледельческими племенами (преобладает спирально-ленточная керамика), к началу II тысячелетия до н. э. происходит выделение скотоводческих племен и переход на новый исторический этап патриархально-родовых отношений.

Скотоводство, вызвавшее острую потребность в пастбищах, вынуждало первобытные племена осваивать заливные луга речных долин. Перегоняя стада, они делали остановки на дюнах. Это положение будет правильным только в том случае, если мы будем считать, что исходные свои базы — земледельческие поселения на плато — племена эти не оставляли. Одним из примеров, подтверждающих нашу точку зрения, может явиться окруженное валами поселение Грцибовице-Мале под Львовом, располагающееся на возвышенности и дающее комплекс находок со шнуровой керамикой.[2]

Другим примером являются наблюдения, сделанные Трипольской экспедицией в 1945 г. во время разведок в районе гор. Канева и р. Роси, где были открыты интересные остатки селищ эпохи бронзы. До сих пор культура эпохи бронзы на правобережной Украине была освещена главным образом по материалам, добытым из раскопок курганов. В 1945 г. здесь было открыто 8 селищ эпохи бронзы с характерной для этого периода керамикой с углубленным орнаментом и оттисками веревочки. Все эти селища (у гор. Канева, Пилипенкова Гора, Княжа Гора, с. Пекари и др.) располагались на коренном высоком берегу Днепра, а не в пойме реки. Это наблюдение говорит о том, что в начале и в середине II тысячелетия до н. э. в позднe- и послетрипольское время население Среднего Поднепровья, повидимому, оставалось земледельческим. Постоянные селища племен эпохи бронзы находятся на высоких берегах, и население не порывает с окружающими землями. Одновременно стоянки эпохи бронзы известны и на дюнах, и в поймах рек, что свидетельствует о том, что человек, в связи с увеличивающейся ролью в это время скотоводства, осваивал заливные луга больших рек, где мы в этот период и находим его временные стоянки.

Обследованные селища эпохи бронзы на Каневщине и анализ обнаруженных главным образом керамических материалов показывают, что они должны быть сравниваемы с известными находками: 1) с дюнных стоянок в районе Киева (типа стоянок у Никольской

[1] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

[2] Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 10.

слободы) в у с. Койлово; 2) со стоянками на высоком берегу Днепра у Киева, в урочищах Куриневка, Киселевка, а также близ с. Триполья в уроч. Ивкватина и у с. Витачева и другими. [3]

Находки из селищ эпохи бронзы на Каневщине следует сопоставить и с материалами, известными частью по раскопкам в б. Потемкинском саду в Днепропетровске и у сел Стрельча-Скеля и Волошинское, [4] а также с материалом левобережья Днепра с Лысой Горы, близ Лубны, [5] и из разведок Ю. В. Подгоецкого на Десне и др.

Все эти находки, как и открытые в 1945 г. стоянки на Каневщине, относятся к памятникам катакомбной культуры и датируются началом и серединой II тысячелетия до н. э.

Таким образом, так же как и на позднетрипольской стадии, в послетрипольское время продолжает развиваться в Поднепровье земледельческая культура (наряду с увеличивающейся ролью скотоводства), и поселения на возвышенностях (окруженные валами) сочетаются с кратковременными поселениями, связанными с пастбищами в речных долинах.

Изменяются в это время характерные формы домостроительства — большие наземные глинобитные дома, в которых живет несколько семей, ведущих общее хозяйство, постепенно исчезают, заменяясь небольшими сравнительно жилищами полуземляночного типа с одним очагом и значительно меньшей площадью; [6] появляются курганные погребения, окруженные кромлехами.

На поздней стадии племена трипольской культуры входят в соприкосновение с племенами катакомбной культуры на левобережье Днепра. Увеличивается обмен, появляются изделия из меди, серебра и золота, проникающие как из районов Прикарпатья, так и из Малой Азии. Среди инвентаря заметно увеличение каменных клиньев и просверленных каменных топоров. На поздней стадии отмечено постепенное исчезновение спиральной расписной керамики. Незначительное количество расписных сосудов обычно украшено нешироким поясом черной росписи с окаймлением красным или белым. Вместо сплошного заполнения всего сосуда спиральной росписью сохраняются лишь элементы распадающейся спирали, появляется деление орнамента на метопы. Большое количество керамики представлено сосудами с грубой поверхностью и углубленным бедным ленточным орнаментом. Сосуды приобретают формы, близкие к так называемым шаровидным амфорам. [7]

Таким образом, позднетрипольские земледельческо-скотоводческие племена, изготовлявшие шаровидные амфоры и сосуды с шнуровым орнаментом, расселяются далее на север и на восток и входят в соприкосновение с племенами катакомбной культуры левобережья Днепра (Евминки, Бортничи, Лукаши). [8]

Закономерный путь развития позднетрипольских племен, изученный за последние годы на юге по материалам поселений и курганов причерноморско-днестровской группы (Усатово и курганы нижнего и среднего течения Днестра и т. п.), а на севере по материалам памятников киевско-волынской группы (Го́родск, Колодяжное, Райки, Евминки и др.), позволяет высказать гипотезу о том, что среднеднепровская культура является закономерным результатом дальнейшего развития трипольских племен в Поднепровье и хронологически соответствует (а отчасти существует и в более поздний период бронзы) го́родскому этапу на севере и усатовскому — на юге. Среднеднепровская культура, таким образом, стадиально является следующим (после С/II — γ/II — позднетрипольского этапа) этапом развития земледельческо-скотоводческих племен в Поднепровье.

В конце III и начале II тысячелетия до н. э. на территории Днепровско-Днестровского бассейна, кроме среднеднепровской культуры, сосуществующей с катакомбной Левобережья, на северо-западе в это время развивается культура так называемых мегалитов. Вопрос о мегалитах на правобережье Днепра и в Причерноморье только лишь поставлен, а попытка затронуть проблему взаимоотношения их с поздним Трипольем делается впервые и может рассматриваться пока лишь в порядке постановки вопроса. До сих пор остается нерешенным вопрос об отношении мегалитических памятников с другими памятниками эпохи бронзы. Трудность разрешения проблем периода ранней бронзы для Восточной Европы заключается в том, что группировки племен этой эпохи более или менее известны лишь на Левобережье и слишком мало еще изучены на Правобережье, притом известны они главным образом по погребальным памятникам. В статье О. А. Кривцовой-Граковой, специально посвященной ямной и катакомбной культурам, картина жизни племен на Правобережье в эпоху бронзы представлялась весьма неотчетливой. Рассматривая район Правобережья с точки зрения установления тех же путей

[3] Материалы хранятся в Центральном Историческом музее в Киеве и в большинстве не изданы.

[4] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г., ИАК, вып. 43.

[5] В. Ляскоронский. Археологические раскопки близ гор. Лубны, Полтавской губ. в уроч. Лысая Гора. Киевская Старина, т. 10—12, Киев, 1892, стр. 263; Тр. VIII Археол. съезда, т. IV.

[6] Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941, стр. 245.

[7] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, 1935.

[8] Т. С. Пассек. Четвертая археологическая конференция в Киеве в 1941 г. КСИИМК, вып. XII, 1946.

развития культур эпохи бронзы, что и для Левобережья, О. А. Кривцова-Гракова делала заключение, что, «несмотря на то, что Киевская область обследована достаточно хорошо, нигде близ Киева не найдено признаков катакомбной культуры» и «создается впечатление, что в этих местах ямная культура не получила дальнейшего развития».[9]

Этому явлению она дает два объяснения.

1. «Вероятно, что на окраинах районов, заселенных людьми, создавшими ямно-катакомбные погребения, культурное развитие могло задержаться. Вполне возможно, что в конце III тыс. до н. э. местность близ Киева представляла собою глухой угол, где старые традиции и общественные уклады держались особенно долго. Это отразилось и на развитии материальной культуры: очевидно, не создались еще хозяйственные формы, требовавшие в домашнем обиходе больших плоскодонных горшков, в то время как на Донце и Дону они уже вошли в употребление».

С этим первым объяснением трудно согласиться, так как конец III тысячелетия в Среднем Поднепровье является временем расцвета Триполья, а начало II тысячелетия дает памятники типа Го́родск, Райки, Евминки, представляющие собой культуру передовых земледельческо-скотоводческих племен. Поэтому следует предполагать, что в Среднем Поднепровье в III тысячелетии не было не только племен с катакомбной культурой, но и их предшественники — племена ямной культуры — были немногочисленны и сосуществовали с племенами трипольской культуры.

2. Второе объяснение, которое дает О. А. Кривцова-Гракова, это — то, что отсутствие в районе Киева памятников катакомбной культуры связано с тем, что «ямная культура, не достигнув уровня развития катакомбной, могла прекратить свое существование в силу каких-либо других причин, пока еще недостаточно ясных».

Это второе объяснение малоубедительно. Оно скорее поддерживает мое предположение о том, что здесь племена ямной культуры были редки, и катакомбная культура не могла у них развиться.

Далее О. А. Кривцова-Гракова пишет, что «приходится только отметить тот факт, что как раз в ту эпоху (конец III — начало II тысячелетия), когда на Дону и Донце существовала катакомбная культура, в правобережье Днепра, близ Киева, мы имеем могилы в курганах со своеобразной колоколообразной посудой. Культура, пока еще недостаточно хорошо изученная, названа В. А. Городцовым по району ее распространения «Днепровской».

В другой статье своей о Горкинском могильнике фатьяновской культуры О. А. Кривцова-Гракова пишет, что в настоящее время возможно уже наметить отдельные группы фатьяновских памятников[10] (ярославская, московская; не ясна группа брянская). Некоторые черты московского варианта и их сопоставления с культурами нашего юга позволяют предполагать одновременность фатьяновской культуры московского типа с катакомбной и днепровской культурами. Здесь имеются в виду кремневые треугольные стрелки с выемкой, парные камни для выпрямления древков стрел и наличие веревочного орнамента на сосудах. Это положение, безусловно, правильно, а материал среднеднепровской культуры (типа Стретовка — Гатное, с одной стороны, и брянско-белорусских памятников — с другой) доказывают одновременность среднеднепровского (и брянско-белорусского) и фатьяновского вариантов культур. Вместе с тем несомненна их одновременность и с катакомбной культурой, и с культурой шнуровой керамики.

В этой связи особенно интересно сделанное Ю. В. Подгоецким сопоставление керамики эпохи ранней бронзы правобережья Днепра с левобережным среднедонским вариантом культуры и его вывод о связи среднедонского варианта катакомбной культуры с позднетрипольской.[11] Об этом же пишет и Е. Ю. Кричевский в одной из своих последних работ.[12] Таким образом, новые данные о позднем Триполье на правобережье Днепра и тесные связи в это время трипольских племен с племенами катакомбного типа на Левобережье, а также наметившееся племенное объединение среднеднепровской культуры,— все это совершенно по-новому освещает историю правобережной Украины в начале II тысячелетия до н. э.

В настоящее время по материалам позднетрипольского этапа связь катакомбной и трипольской культур достаточно освещена. Можно предположить, что в конце III и в начале II тысячелетия до н. э. с позднетрипольским вариантом сосуществовал (главным образом на левобережье Днепра и на юге правобережья, в степном районе Причерноморья) один из вариантов катакомбной культуры, генетически, вероятно, связанный здесь с ямной культурой. В позднe- и послетрипольское время на юге шло развитие катакомбной культуры, а в районах Среднего Поднепровья развивалась среднеднепровская культура с колоколообразными сосудами, ша-

[9] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 37.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 70.

[11] Ю. В. Подгоецкий. Связь Левобережья и Правобережья Днепра в эпоху бронзы на территории Украины. Тезисы доклада, прочитанного на IV Научной конференции Ин-та археологии в Киеве, 1941.

[12] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч.

ровидными амфорами и шнуровой керамикой. Взаимоотношение с племенами Левобережья, уже наметившееся в позднетрипольское время, теперь усилилось. Среднеднепровской и катакомбной культурам соответствуют фатьяновские варианты, отмеченные мною на левобережье Днепра, в БССР, и под Брянском, по верхнему течению р. Днепра, Сожа, Десны и их притоков.[13]

В Поднестровье и в Волынском Полесье в это же время развивается культура так называемых мегалитов, разновременные комплексы которой еще не выделены; намечаются лишь локальные варианты.

В Поднестровье и Поднепровье изучение мегалитических памятников почти не велось, и потому место их среди культур неолита — бронзы не определено. Не были обобщены данные раскопок по течению Збруча, Серета и Днестра. Эти материалы остаются не сопоставленными с мегалитическими памятниками более западных районов; не установлена также точная датировка их и не решен вопрос о взаимоотношении мегалитических памятников с другими памятниками, оставленными племенами, существовавшими здесь на рубеже неолита и эпохи бронзы. Тем больший интерес представляют значительные раскопки, проведенные И. Левицким на Волыни по течению (в низовьях) рек Горыни, Случи, Ирши и Корина.[14]

Мегалитические памятники на Волыни по раскопкам Левицкого представлены тремя типами погребений:[15] 1) дольмен — каменная гробница, выступающая на поверхность (Суемцы, погребение № 1); 2) каменная гробница из ряда каменных плит, засыпанная землей (Войцеховка № 1, Высокое, Сколобов); 3) каменный ящик (Суемцы № 2, Анета).

Погребения первого типа (дольмен) известны и в Подолии; погребение третьего типа — каменный ящик — было открыто у с. Старо-Мирополь и в Войцеховке № 2 при раскопках С. С. Гамченко в 1924 г. (с трупосожжением). К этому же типу погребений в каменных ящиках принадлежат погребения, открытые на Волыни,[16] а также в Подольской губ., у с. Кептинцы на р. Смотриче, и у сел Вишневичи и Глиница на р. Тетереве.[17] Может быть также отмечено, что с типом первым и вторым чаще всего связано трупоположение, а с типом третьим — каменными ящиками — трупосожжение.

Наиболее характерна обнаруженная во всех этих мегалитических памятниках керамика. В основном она представлена двумя типами — круглодонными и плоскодонными сосудами. Они встречены в одних и тех же погребениях, однако, как отмечает Левицкий, каждый из этих типов имеет свой путь развития. Круглодонные сосуды ближе к сосудам с яйцевидным дном и к керамике с веревочной орнаментацией; плоскодонные — к сосудам позднетрипольского периода из Бильче-Злоте, Кошиловцев и других.

Техника изготовления обоих типов керамики близка. Масса обычно темных оттенков: черная, серая, реже — красноватая или желто-коричневая. Среди примесей в глине отмечаются мелкозернистый песок, толченый гранит, кварцевый песок. В лепке сосудов намечаются два способа: 1) вальками путем наращивания от дна, причем ясно заметны следы пальцев от сглаживания; 2) вальками путем наращивания по спирали.

Поверхность хорошо сглаженная, блестящая; иногда покрыта тонким слоем глины сероватого или желтого оттенка. Еще реже встречается обмазывание поверхности желтой подохренной глиной. В единичных случаях можно указать подкрашивание сосудов красной краской. После этого поверхность подвергали полировке. Лишь в единичных случаях отмечается заполнение вдавленного орнамента белой массой. Веревочный орнамент на этих сосудах редок. Среди орнаментальных сюжетов отмечаются: 1) вдавленные, опоясывающие сосуд горизонтальные и зигзагообразные полосы; 2) свисающие отрезки лент или дугообразные фестоны-полуовалы; 3) свисающие треугольники, заполненные сплошь так называемым чешуйчатым мелким орнаментом; 4) постоянно в орнаментальной системе участвует сюжет в елочку.

Редким образцом является орнаментальная система на сосуде из Варковицы — свисающие отрезки лент и крупная елочка. Обращает внимание и сама форма сосуда — типичная грушевидная урна позднетрипольского периода.

В связи с отмечаемым комплексом находок из мегалитических погребений Волыни удается совершенно по-новому определить место и принадлежность одной очень интересной случайной находки — сосуда с крышкой, постоянно издающегося в трудах, посвященных эпохе

---

[13] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI.

[14] И. Левицкий. Пам'ятки мегалитичної культури на Волыні. Антропологія, т. II, Київ, 1929, табл. I—IV.

[15] Помимо раскопок И. Левицкого, памятники мегалитической культуры были открыты на Волыни у с. Городок, на р. Устье, левом притоке р. Горыни (Ф. Р. Штейгелем и Н. Ф. Беляшевским в 1910—1913 гг., а еще ранее у с. Лепесовки, Кременецкого у., р. Горынь). Ср. «Археологическая летопись Южной России», т. III, 1901, стр. 163; П. К. Федоренко. Могильник у с. Городка, Ровенского у., Волынской губ. Тр. Об-ва исследователей Волыни, т. XIII, вып. 1, Киев, 1915.

[16] Тр. XI Археолог. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

[17] Е. И. Сецинский. Археологическая карта Подольской губ. Там же.

бронзы нашего юга, причем во всех изданиях определяют этот сосуд, совершенно ошибочно, во-первых, как происходящий из Харьковской губернии; во-вторых, как сосуд, принадлежащий катакомбной культуре. Он хранится в Собрании ГИМ в Москве и впервые был издан В. А. Городцовым в Отчете Музея, в отделе поступлений. [18]

Это — круглодонный сосуд с шаровидным телом и прямыми довольно высокими краями горла; у основания плечиков 4 широкие плоские ручки, лишь одна из них с горизонтальным отверстием. Сосуд имеет плоскую крышку. Он был, по имеющимся сведениям, найден 22 апреля 1844 г. в с. Минины, Радомысльского у. Киевской губ., при копании рва. К сожалению, свидетельств о том, что здесь было открыто погребение, не сохранилось, и это можно лишь предполагать. Глина сосуда светложелтая с примесью мелких лепестков слюды. Вылеплен сосуд от руки. Верхний обрез края прямой. В. А. Городцов так описывает орнамент сосуда: «Орнамент представляет довольно красивый узор, составленный из веревочных и чеканных элементов. Край (шейка) покрыт сначала зоной параллельных линий, затем полукруглых лопастей, выполненных тонкой веревочкой. Плечи украшены двумя зонами параллельных веревочных линий с промежутками, заполненными зоной коротких, косо поставленных линий плоского чекана; на боковые стенки спущены более крупные полукруглые лопасти и отрезки лент (кисти), выполненные тою же тонкой веревочкой». [19] Плоская крышка к нему сплошь покрыта (орнамент заходит и на края) рядами коротких полосок, нанесенных плоским штампом (чеканом). Ряды эти прерываются орнаментом в елочку, отходящим от центра крышки к краям и образующим пятиконечный узор в форме звезды. Здесь в точности повторяется система орнамента, уже ранее отмеченная на крышках сосудов из мегалитических погребений Волыни, например из Суемцы № 2 и Высокое. [20]

Трудно подобрать более близкую аналогию круглодонному сосуду с крышкой из с. Минины, чем сосуды мегалитов с Волыни, но сосуд из Минины орнаментирован веревочным орнаментом. Район, где был найден мининский сосуд, непосредственно прилегает к районам мегалитов, исследованных Левицким. Особенно близко с. Минины к с. Высокому.

Делая описание этой интереснейшей находки, В. А. Городцов считает, что сосуд по цвету и составу глины более всего походит на горшочки фатьяновского и великосельского могильника Ярославской губ.; но по орнаменту (веревочка и чекан) сосуд стоит ближе к керамике древней донецкой, катакомбной, из Харьковской губ. Отсюда Городцов делает вывод, что сосуд из с. Минины является как бы связующим звеном между Верхне-Волжской и Донецкой областями. «До сих пор,— пишет Городцов,— донецкая катакомбная керамика являлась среди украинской керамики наиболее близкой к верхневолжской — фатьяновского типа. Теперь устанавливается, что на Украине существовала еще более близкая керамика к верхневолжской и что эта керамика по отношению к катакомбной донецкой керамике является более древней, прототипной, указывая на более древнее существование и верхневолжской керамики».

Для крышки Городцов нигде аналогий не находит, отмечая, что глина и техника изготовления те же, что и сосуда. Крышка свободно надевается на шейку сосуда. Вся поверхность покрыта сплошным узором из коротких линий того же самого плоского чекана, которым выполнены оттиски на плечиках сосуда.

После рассмотрения керамики волынских мегалитов не остается никакого сомнения в принадлежности мининского сосуда с крышкой к тому же комплексу мегалитической керамики. Форма сосуда и крышка в точности повторяют форму сосуда и крышек из Суемцы № 2. Некоторое отличие заключается в системе орнамента сосуда, но элементы, из которых он образован, хорошо знакомы по ряду сосудов из Войцеховки и из Высокого (отрезки свисающих лент из Суемцы № 1, свисающие дугообразные фестоны). Разница заключается в технике нанесения орнамента. Тогда как в мегалитической керамике эти орнаментальные сюжеты обычно наносятся вдавленными полосами, на сосуде из с. Минины орнамент нанесен тонкой, наискось перевитой веревочкой и частично обычным для мегалитов плоским коротким штампом. Однако отсюда вовсе не следует, что в мегалитической керамике Волыни вовсе нет шнурового орнамента. Веревочный орнамент отмечен во многих случаях на круглодонных и плоскодонных сосудах из мегалитов, например из погребения № 1 у с. Суемцы и ряде других. [21] Интересно, что на сосуде № 3 из Суемцы № 1 веревочкой выполнены опоясывающие край сосуда полосы, ниже которых свисают точно такие же, как на мининском сосуде, дугообразные фестоны — полуовалы.

Таким образом, здесь мы имеем полное совпадение всего орнаментального сюжета и техники нанесения орнамента. Круглодонная форма мининского сосуда и крышка целиком

[18] Отчет Российского Исторического музея за 1911 г. Заметка В. А. Городцова, стр. 52 и след., рис. 12.

[19] Там же, стр. 53.

[20] И. Левицкий. Указ. соч., табл. IV, рис. 13, 14, 15 и рис. 9 (сосуд).

[21] И. Левицкий. Указ. соч., табл. IV, рис. 10.

совпадают с наиболее характерными типами круглодонных сосудов (с крышками) из мегалитов Волыни. Только исключительно малой изученностью мегалитов в УССР может быть объяснена досадная ошибка с этим сосудом в трудах М. И. Ростовцева и А. М. Тальгрена и др.

Так, М. И. Ростовцев этот самый сосуд из с. Минины с правобережья Днепра считает происходящим «из склепа со скорченными костяками Харьковской губ.».[22] Останавливаясь на характеристике культуры многоцветной керамики со спиральной орнаментацией, распространенной в западной части Южной России, М. И. Ростовцев указывает, что эта своеобразная культура сосуществовала здесь «с гораздо более бедной и примитивной культурой погребений со скорченными и окрашенными костяками и имела на эту последнюю глубокое влияние» (стр. 12). Для примера Ростовцев сравнивает образцы полихромной росписи из Петрен (сравнивает чисто формально!) со спиральными и концентрическими кругами; фрагмент с дугообразными фестонами из раскопок Хвойко Ростовцев сравнивает с сосудами, которые он считает принадлежащими к керамике катакомбных погребений. Из этих сосудов один мининский, другой, также с дуговидно свисающими полуовалами, из катакомбных погребений Харьковщины. М. И. Ростовцев прав, предполагая сосуществование трипольской и катакомбной культур и их большое влияние друг на друга; однако мининский сосуд все же является характерным для мегалитического комплекса находок на Правобережной Украине, а не для катакомбных.

К сожалению, ту же ошибку повторил и А. М. Тальгрен в своей книге, посвященной древностям Причерноморья,[23] считая сосуд из с. Минины происходящим из Харьковской губ. Форму мининского сосуда (округлый и с плоской крышкой) он неудачно формально сравнивает с кубанскими сосудами Майкопа и ст. Царской, поддерживая, таким образом, мнение и Городцова и Ростовцева о катакомбном происхождении мининского сосуда.

На принадлежность сосуда из Харьковской губ. и из погребения в катакомбе указывает вновь и Европеус в своей статье, посвященной проблемам ранних культур Южной России.[24] Мининский сосуд он рассматривает в связи с проникновением из Средней Европы шаровидных амфор, причем это проникновение идет через Волынь и Подолию, через Киев на Харьков и далее на Кубань и Сев. Кавказ (Майкоп). Отнесение мининского сосуда к находкам из Харьковской губ. чрезвычайно устраивает автора в его расистских концепциях о распространении шнуровой керамики из Средней Европы далеко на восток, вплоть до Кавказа.

В связи с разбираемым материалом из мегалитов Волыни интересно отметить находку сосуда мегалитического типа у с. Лосятин, расположенного на северо-восток от Белой Церкви. Несмотря на полную аналогию с сосудами из погребения в каменной гробнице (№ 1 и № 2 у с. Суемцы и Сколобова) и другими раскопанными Левицким, этот сосуд был обнаружен в кургане, где лежал скелет в скорченном положении, сильно окрашенный красной краской. Возле головы стоял сосуд с высоким горлом и прямыми краями, сильно округлым телом и двумя небольшими ручками у основания края. Верхняя часть сосуда орнаментирована пятью параллельными рядами вертикально идущих коротких полосок, нанесенных плоским штампом. Сосуд плоскодонный.[25]

Так же не систематично, как и на Волыни, были изучены мегалитические памятники других районов Украины. Значительный материал добыт из раскопок и случайных находок в Польше.[26]

Одну из совершенно почти не известных находок представляет собой каменная гробница, открытая у с. Тартак, на р. Ровь (на запад от Винницы) в 1901 г. случайно при вспашке поля местным крестьянином.[27] Гробница представляла собой четырехугольник, обложенный кругом известковыми плитами. Дно выложено мелкими камнями. Погребение было прикрыто плитой и сверху землей примерно на 20 см. В гробнице было два костяка, лицом обращенных кверху, ориентированы головой один на восток, другой на запад. Около головы одного стояло два сосуда, около другого — один сосуд. К сожалению, не все находки сохранились. В частности, из сосудов

[22] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, П., 1918, изд. «Огни», табл. I, рис. 5.

[23] A. M. Tallgren. La pontide préscythique aprés l'introduction des Métaux. ESA, т. II, Helsinki, 1926, рис. 56, 9.

[24] A. Аугарё. Uber die Streitaxtkultur in Russland. ESA, т. VIII, Helsinki, 1933, рис. 118.

[25] Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 149, рис. 102.

[26] B. Janusz Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej, Lwów, 1918; Kulturen przedhistoryczne Podola Galicyjskiego, Lwów, 1919, A. H. Kirkor. O grobach kamiennych na Podolu Galicyjskiem. Zbior. Wiadomosci do Anthropologii Krakowej, т. I, 1877; т. II, 1878, Kraków; G. Ossowski. Sprawozdanie drugie z wycieczki paleoenologicznej po Galicyi. Zbior. Wiad., т. XIV, 1890; т. XV, 1891. Kraków. Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губ. Тр. XI Археол. съезда, Киев, стр. 124; его же. Нариси з історії Поділля, ч. I, Винница, 1927, стр. 44; его же. Матеріяли до археології Поділля. Отд. оттиск, 1927, стр. 26; В. О. Герінович. Стоянка неолітичної людини біля с. Великої Мукші, Китайгородського району Кам'янец-Подільської округи. Записки Кам'янець-Подільського інституту народної освіти, т. I, Кам'янец, 1926, стр. 14 и след.

[27] Е. Сецинский. Матеріяли до археології Поділля. Отд. оттиск, стр. 29—30, рис. 7; его же. Нариси з історії Поділля, Винница, 1927 рис. 28.

в Винницком музее сейчас сохранился один в высшей степени интересный и по форме и по орнаменту. Он средних размеров, с прямым, довольно высоким горлом и округло-вытянутым телом. Дно небольшого диаметра, плоское. У основания плечиков довольно массивные широкие ручки с горизонтальным небольшим отверстием. Три полосы углублений проходят у верха края. От них вниз до основания плечиков спускаются вертикальные отрезки лент, каждая из которых состоит из четырех полосок, нанесенных поперек перевитой веревочкой. Две полосы опоясывают основание края; от них, как и на краю, свисают такие же ленты. На уровне ручек проходят три полоски, от которых вниз вертикально свисают отрезки лент; все нанесены перевитой веревочкой наискось. Веревочный орнамент из вертикальных отрезков лент украшает широкие плоские ручки. Этот сосуд чрезвычайно близок к описанному сосуду из с. Мининых и представляет переходную форму между керамикой мегалитов, шаровидными амфорами и сосудами со шнуровым орнаментом.

В результате краткого обзора мегалитических памятников на Волыни и в Подолии возможно дать некоторые предварительные выводы.

Помимо погребальных каменных сооружений, здесь в начале II тысячелетия до н. э. известны и места поселений времени мегалитов. Подобные остатки поселений полнее всего изучены на западе Украины, причем чаще следы их встречаются на дюнах в речных долинах.[28]

«Все увеличивающееся значение скотоводства в это время привело к определенному изменению образа жизни. Систематически, но кратковременно посещаемые пастбища речных долин сочетаются с постоянными, надежно защищенными земледельческими поселениями на возвышенностях», пишет Е. Ю. Кричевский, характеризуя эпоху ранней бронзы.[29]

Каменные ящики, открытые на Волыни и Подолии, являлись семейными усыпальницами. В нескольких случаях было установлено основное захоронение и несколько дополнительных. В одной могиле были обнаружены скелеты: один (центральный) мужской, два женских, остальные детские (Войцеховка, Суемцы, Анета и др.). Сходную картину можно было наблюдать на юге по одновременным усатовским курганам — памятникам, где так же, как и здесь, со всей отчетливостью выступают те хозяйственные сдвиги, которые не проходят бесследно и для семейно-родовых отношений. И прав Кричевский, когда пишет, что «то радикальное изменение материальной культуры, которое выражает переход от т. н. культур ленточной керамики и трипольской к новым культурно-племенным образованиям, связанным (на западе Польши.— *Т. П.*) с керамикой «малопольской», шаровидных амфор или шнуровой (а на востоке Польши с мегалитами.— *Т. П.*), является археологическим отражением одной из решающих в человеческой истории революций — перехода от матриархата к патриархальным отношениям».[30]

Мегалитические сооружения дали различные обряды захоронений — трупосожжение и трупоположение — в скорченном положении и с окраской красной охрой. Такое же различие в обрядах погребения было отмечено и для среднеднепровской культуры, видимо характерное для эпохи раннего металла на правобережье Днепра.

Материалы с северо-запада правобережной Украины, связанные с мегалитами, содержат характерный комплекс инвентаря, постоянно встречаемого в каменных ящиках и состоящего из клиновидных каменных топоров с заполированным лезвием, кремневых долот, кабаньих клыков, костяных прорезных бляшек, янтарных бус. Подобные топоры-клинья мегалитического типа постоянно встречались в позднетрипольских поселениях у Городска, Райков, Колодяжного и др., а находки янтарных бус являлись типичными для инвентаря среднеднепровской культуры и Усатова. Бусы, как и металл, служат показателем увеличивающихся межплеменных сношений.

В каменных ящиках наиболее разнообразна керамика, которую можно разбить на две группы: 1) круглодонные сосуды, нередко украшенные оттисками наискось перевитой веревочки; 2) плоскодонные сосуды с высокорасположенными плечиками, прямыми краями горла и углубленным орнаментом.

Первая группа сосудов (с округлым телом и дном, небольшими ручками и с системой веревочного орнамента) может быть сближена с одной из групп шнуровой керамики.

Другая группа — плоскодонные сосуды — по формам, по составу массы и по системам орнамента должна быть сближена с позднетрипольскими сосудами. Я имею в виду серию сосудов, входящих в комплекс керамических изделий позднего этапа (С/I) из поселения Коломийщина I.

На поселении Коломийщина I в жилище № 20 в 1938 г. среди больших сосудов для хранения запасов найдено несколько грушевидных по форме, с сильно раздутыми и высокорасположенными плечиками. На верхней части стенок — четыре небольшие бугорка-ручки. Углубленный орнамент покрывает верхнюю часть сосуда и состоит из зигзагообразных полос, ограничивающих сверху и снизу широкое пространство, сплошь занятое

[28] Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940.

[29] Там же, стр. 10.

[30] Там же, стр. 11.

группами коротких вертикально и горизонтально располагающихся полосок, чередующихся с елочкой. Эта орнаментальная система постоянна для мегалитических сосудов (например, из Высокого, Анеты, Варковицы, Суемцы и др.) и вместе с тем не характерна для Триполья.[31] Она появляется в трипольской керамике, очевидно под влиянием постоянных сношений позднетрипольских племен с соседними мегалитическими. Следует отметить, что одна из орнаментальных систем, характерных для трипольских сосудов, состоящая из рядов свисающих полуовалов или коротких отрезков лент (восходящая к спиральному сюжету), постоянно встречается на мегалитической керамике Волыни (например, на сосуде из Суемцы № 1 и 2);[32] на сосудах из сел Минины и Тартак в Подолии нанесена оттисками веревочки эта же система орнамента.[33]

В некоторых сосудах, отмечает И. Левицкий (например, на сосуде из погребения № 2 из Суемцы), сохранилась покраска красной краской. Черта эта, как и техника изготовления из желтой плотной массы, сближает эту группу мегалитической керамики с трипольской.

При слабой изученности скотоводческих племенных образований, выделившихся из общей массы позднетрипольских земледельческо-скотоводческих племен Днепровско-Днестровского бассейна, трудно пока объяснить все сложные взаимоотношения, которые наметились в эпоху ранней бронзы (в начале и в середине II тысячелетия до н. э.), однако генетическая связь этих новых культурно-племенных образований с позднетрипольскими безусловна.

У скотоводческих племен, стоящих уже на стадии патриархально-родовых отношений (например, у племен среднеднепровской культуры и у племен мегалитической культуры), развиваются новые приемы гончарного искусства; преимущество получают шаровидные амфоры и сосуды со шнуровым орнаментом. Отдельные типы керамики закономерно развиваются один из другого и ни в коем случае не могут считаться появившимися в результате миграции, как это пытаются «доказать» западноевропейские буржуазные археологи.

Новые черты, характеризующие послетрипольский этап, появляются уже в позднетрипольских поселениях, как, например, обряд погребения (Усатово), клиновидные топоры, янтарь, шаровидные амфоры или сосуды с веревочным орнаментом в многочисленных поселениях типа Го́родска, Усатова, Кошиловцев и др.

Проблема дальнейшего развития земледельческо-скотоводческих трипольских племен в эпоху бронзы привлекала большое внимание советских археологов при решении сложных вопросов этногенеза народов, населявших обширную территорию Поднепровья и Поднестровья. В этой связи особый интерес вызывают работы последнего десятилетия в западных районах Украины. Раскопки, произведенные на значительной территории — от Луцка на севере до Перемышля на западе и Городенки на востоке,— установили, что в первой половине и середине II тысячелетия до н. э., в эпоху ранней бронзы, культура племен на этой территории принимает более однородный характер и является результатом дальнейшего развития культуры скотоводческо-земледельческих племен, характеризуемых патриархально-родовыми отношениями; могильными памятниками являются курганы, окруженные кромлехами, погребения в каменных ящиках; применяется наряду с трупоположением и трупосожжение.[34] Памятники эти содержат шнуровую керамику и шаровидные амфоры, а также сосуды мегалитического типа.

Среди исследований этого периода особое место занимают раскопки курганных погребений раннебронзового протоунетицкого периода на западе Украины. Здесь открыты плоские медные кинжалы треугольной формы, с дырочками для прикрепления рукоятки, плоские медные топоры, иглы, перстни, височные кольца протоунетицкого типа. Предметы эти обнаружены в скорченных погребениях вместе с шаровидными амфорами и шнуровой керамикой.[35]

Немалое значение приобрели раскопки Т. Сулимирского (кургана с погребениями в скорченном положении) так называемой комаровской культуры, открытой им в бассейне верхнего течения Днестра и его притоков (Серет и др.), в районе населенных пунктов: Залещики, Городенка, Чортков, Бучач, Станислав, Тернополь, Сокаль, Галич, Комаров, Дубно и др., принадлежащих, как показывает анализ обнаруженного в них инвентаря, ко II и III периодам бронзы и датируемых временем между 1700—1200 гг. до н. э.

Область распространения курганов этого типа, отнесенных по месту главнейших находок к группе комаровских памятников, совпадает с областью распространения племен с расписной керамикой, с территорией, на кото-

---

[31] И. Левицкий. Указ. соч., табл. III, рис. 12, 8; табл. IV, рис. 11 и др.

[32] Там же, табл. IV, рис. 9, 10; табл. III, рис. 6 и др.

[33] Отчет Росс. Историч. музея за 1911 г., рис. 12; Е. Сецинский. Матеріали до археології Поділля, рис. 7.

[34] K. Jazdzewski. Kultura puharów lejkowatych w Polsce Zachodniej i Srodkowej, Poznán, 1936.

[35] Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. CLII, вып. II, Львів, 1933; L. Kozlowski. Zarys Pradziejaw Polski Poludniowo-wachlelniij, Lwów, 1939, табл. XII, XIII, рис. 1—14.

рой известны такие трипольские поселения, как Городница, Кошиловцы, Бильче-Злоте. Кроме того, здесь же известны более ранние поселения и погребения, открытые Сулирмирским по р. Ломнице (приток Днестра), на юго-запад от Галича и Бучача, инвентарь которых дает возможность уловить связи их с позднетрипольскими поселениями, с одной стороны, и с памятниками эпохи бронзы, с другой.[36] Эти энеолитические или раннебронзовые поселения занимают площадь в несколько тысяч квадратных метров и состоят из многочисленных хижин. Дома, длиной в 3—4 м, строились на фундаменте из дубовых балок, положенных на большие камни. Перекрытия хижин по углам и в центре поддерживали столбы.

Курганы, относящиеся к эпохе энеолита, с захоронениями и сожжением Сулирмирский делит по их инвентарю на два основных типа: 1) курганы с вещами культур семиградского круга эпохи раннего металла и 2) курганы с инвентарем, среди которого характерные и для эпохи бронзы Поднепровья просверленные топоры.

Как в курганах, так и в поселениях по р. Ломнице наиболее характерными являются кремневые клиновидные топоры, а также керамика, носящая следы влияния расписных сосудов, как отмечает автор, хотя росписи и нет на ней. Кроме того, на связь с трипольскими поселениями указывают найденные здесь глиняные статуэтки. Наряду с этим обнаружены сосуды с ребристой поверхностью, довольно грубой и шероховатой, аналогичной найденной в курганах у Комарова и относящейся ко II периоду бронзы.

Что касается курганов комаровского типа, то они встречены повсюду в верховьях Днестра. Известны находки из 16 пунктов. Распространены обряды и захоронения, и сожжения; курганы часто окружены у основания кромлехами из камней. Наиболее типична керамика. Могут быть отмечены сосуды разных форм:[37] 1) разнообразные сосуды с прямыми стенками; 2) высокие сосуды со слегка вытянутым и отогнутым горлом — баночные; 3) широкие кратерообразные сосуды; 4) кувшины с широким горлом и с одной ленточной ручкой; 5) широкие кратерообразные сосуды с двумя ленточными ручками.

С каждой формой сосуда связана определенная система орнаментации. Так, баночнообразные сосуды с прямыми стенками, как и аналогичные по форме сосуды со шнуровым орнаментом, обычно опоясаны у края и у дна несколькими углубленными полосами, пространства между которыми наискось пересечены отрезками лент.

На второй форме—орнамент углубленными полосками опоясывает верхний край сосуда или заштрихованные треугольники спускаются по плечикам.

Широкие кратерообразные сосуды чаще всего орнаментированы прямо или наискось идущими по стенкам сосуда отрезками лент, между которыми зигзагообразные полоски или углы. Тот же мотив украшает кувшины, причем часто поверхность их каннелирована и резко подчеркнуты четыре выступа на плечиках. Так же как и кратерообразные сосуды, кувшины орнаментированы наиболее характерным для комаровских памятников орнаментом — одним рядом (по плечикам) или двумя (по краю и по плечикам) свисающими, наискось заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз. Характерны также полосы, обрамленные мелкими углублениями. Масса сосудов коричневатая, реже — черная, заметно шероховатая.

В курганах комаровского типа обычны изделия из металла. Известны бронзовые кинжалы листовидно-вытянутые, с нервюрой и отверстиями в месте прикрепления к рукоятке, длинные булавки с плоскими шляпками или с ромбовидной головкой, массивные бронзовые браслеты, бронзовые гривны со спирально закрученными концами, различные бронзовые подвески, баранкообразные подвески из золота. Наряду с металлом встречены каменные клиновидные топоры. Анализ всего инвентаря в целом позволяет датировать его, по сравнению с находками в Румынии и Чехословакии, вторым и третьим периодом бронзы (1700—1200 гг. до н. э.) — временем срубной культуры степей Причерноморья.

Наиболее древние курганы комаровской группы содержат керамику, типичную для погребений со шнуровой керамикой; отличается она лишь несколько иным, накольным, углубленным орнаментом. Известны также и комаровского типа курганы, содержащие керамику со шнуровым орнаментом и относящиеся к I периоду бронзы (2000—1700 гг. до н. э.).

Комаровские памятники, известные по поселениям и курганным погребениям, теснейшим образом связаны с предшествующей эпохой, с периодом расписной керамики. На поселениях с расписной керамикой (Новоселки, Костиковка, Галиклады, Лезичники) эта непосредственная связь выявляется особенно четко, что дает Сулирмирскому основание считать комаровские памятники в основном местного происхождения, однако испытавшими воздействие Прикарпатья, откуда шли все металлические изделия. Эти связи усилились в значительной степени в III периоде бронзы.

Позднекомаровские памятники доживают до раннескифской стадии, и у Кустановичей вме-

---

[36] T. Sulirmirski. Smettarsyska Kurhanowe w Komarowie kolo Halicza i Kultura komarowska. Bull. internat. de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres, т. XLI, No. 9, Cracovie, 1936; N 7—10, 1937.

[37] L. Kozlowski. Указ. соч., табл. XIV.

сте с комплексом вещей комаровского типа встречена уже скифская посуда. Однако граница продвижения скифов не дошла до района Комарова.

Группа находок, почти идентичная комаровскому комплексу находок, известна и в более восточных районах, около Чорткова, у с. Белый Поток, почему группа обнаруженных здесь памятников и получила название «Белопотоцкой». Идентичность комаровских и белопотоцких памятников прослеживается главным образом в изделиях керамических, тогда как обряд погребения отличен. Для комаровского периода характерны курганные погребения; в белопотоцком, наряду с курганами, встречаются погребения в каменных ящиках. Географически они также разделены, причем памятники белопотоцкие распространены к востоку, а комаровские — к западу. Как отмечает Сулимирский, восточная граница распространения белопотоцкой группы пока еще не выяснена, одновременность же ее с комаровской безусловна.

Впервые памятники белопотоцкого типа были открыты в 1925 г. (с. Белый Поток, Чортковского у., на р. Серет, притоке Днестра).[38] Было обнаружено три погребения: два из них ямного типа, под курганами; третье — в другом пункте, скорченное погребение в каменном ящике.

Погребение I. К сожалению, подробные сведения отсутствуют. Под невысокой курганной насыпью обнаружены на глубине 0.25 м два скелета, оба головой на запад, один на спине со скорченными в коленях ногами, другой на правом боку в скорченном положении.

Погребение II. Открыто на глубине 0.35 м (от горизонта); костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на запад.

Погребение III. В отличие от предыдущих, оно было в каменном ящике; скорченный костяк лежал на боку, головой на юг.

На дне ямы первого погребения и на дне каменного ящика в земле, засыпавшей погребальные камеры, обнаружены отдельные фрагменты расписной посуды кошиловецкого (позднетрипольского) типа. Здесь же и во втором погребении встречена шнуровая керамика, по типу наидревнейшая: сосуды украшены веревочным орнаментом по краю и спускающимися вниз заштрихованными треугольниками.

Комплекс находок в погребениях у Белого Потока заключает в себе керамику в основном двух типов: 1) баночнообразные сосуды с выступающими бугорками у основания края, без орнамента; 2) кратерообразные сосуды с широким горлом, с одной или двумя ленточными ручками.

В засыпке же, как указывалось, обнаружена керамика кошиловецкого типа (расписная) и шнуровая.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о хронологии белопотоцкой группы памятников и о ее взаимоотношениях с трипольскими.[39] Так же как комаровская, она сменяет позднетрипольские поселения и стоянки со шнуровой керамикой в районе верхнего течения Днестра. Отмеченные типы сосудов по форме и характеру орнамента аналогичны керамике комаровской. Здесь, в Белом Потоке, встречены те же баночнообразные сосуды с бугорками у основания края и те же широкогорлые кратеры с ленточными ручками, с характерным орнаментом из заштрихованных свисающих треугольников и полосок, окаймленных точечным орнаментом.

Среди характерных находок следует отметить еще каменные клиновидные топоры.

Баночнообразные сосуды с бугорками интересны для нас с точки зрения сближения их с керамикой, обычно входящей в комплекс позднего Триполья киевско-волынской группы и поселений, открытых у Городска, в Райках, в Колодяжном и известных и в более восточных районах Правобережья, например из Колодистого (раскопки А. А. Спицына).

Следует отметить, что, помимо аналогии в керамике, сближает Колодистое с белопотоцкими и комаровскими памятниками и обряд погребения под курганной насыпью, с каменным кромлехом у основания. Белопотоцкая группа памятников должна быть датирована II—III периодами бронзы (1700—1200 гг. до н. э.), как и аналогичная ей в Подолии — комаровская.

В настоящее время слабая изученность археологического материала не позволяет выяснить район распространения белопотоцких памятников на восток. Однако отдельные аналогии ей могут быть указаны в районах северо-восточных, например в Житомирской обл., по течению р. Уж (приток Припяти).

Здесь, в лесной зоне, по левому берегу р. Уж, у с. Народичи был открыт в 1927 г. курганный могильник, опубликованный И. Левицким.[40] Курганы плоские, овальные в плане, максимальная высота их 0.35 м. Погребения с сожжением или трупоположением в ямах. Ямы неглубокие (0.25—0.30 м), неправильной овальной формы (4.5×3.5 м, 5×3.5 м или 4.5×2.5 м). Часто бывают с обожженными стенками (глина). На дне ямы остатки сожжения. Встреченная в погребениях керамика (иногда по 5—8 сосудов) однотипна — из черной и черноватой массы, к поверхности сосуда — часто из желтоватой.

Можно отметить две характерные формы сосудов: 1) высокие баночнообразные сосуды

[38] J. Kostrzewski. Groby eneolityczne z skurczonemi szkieletami w Bialym Potoku. Przeglad Archeologiczny, т. III, вып. I, 1925, Poznan, 1926.

[39] Хроніка археології та мистецтво, ч. 2, Київ, 1930, стр. 23.

[40] И. Левицкий. Стація в ур. Піщаному, біля Народичи. Антропологія, т. IV, стр. 191, Київ, 1931.

с суживающимся горлом и 2) широкие и глубокие чаши с несколько загибающимися внутрь краями.

Орнамент у сосудов первой формы обычно располагается лишь на краю и состоит чаще всего из сходящихся под углом отрезков лент или же по краю проходят заштрихованные наискось треугольники, обращенные вершинами вверх. Характерным мотивом являются ряды свисающих у основания края полуовальных фестонов, окаймленных мелкими углублениями. Этот последний орнаментальный мотив свисающих полуовалов встречается, как уже отмечалось, и в керамике мегалитов, и на позднетрипольских сосудах в Поднепровье (этап С/II).

Вторая форма из курганного могильника Народичи — чаши, обычно не орнаментированные, с проткнутыми изнутри углублениями, образующими снаружи ряд бугорков-шишечек. Эти чаши как по форме, так и по этим бугоркам близко стоят к позднетрипольским сосудам из Усатова, близ Одессы (о чем упоминает и И. Левицкий).

Таким образом, керамический комплекс Народичского могильника связывается безусловно с материалами из позднетрипольских поселений в Поднепровье и Причерноморье. С другой стороны, баночнообразные сосуды с треугольным орнаментом находят себе ближайшие аналогии в только что описанной керамике из Белого Потока и из мегалитических погребений, открытых в 1924 г. С. С. Гамченко у с. Войцеховки. С трипольскими поселениями Народичский могильник должен быть сближен и еще по одной исключительной находке. В погребении № 1, наряду с 7 сосудами описанного выше типа, в углу ямы найден фрагмент антропоморфной статуэтки (высота 0.045 м, ширина 0.025 м) из желтой с коричневатым оттенком глины, среднего обжига, со следами отделки поверхности деревянной стекой. Голова грубо моделирована, с высоким лбом и сильно выдающимся вперед носом. Повидимому, перед нами еще одно изображение человека эпохи Триполья, которое должно быть присоединено к серии известных трипольских изображений.[41]

В целом, Народичский могильник относится, повидимому, к I периоду бронзы и должен датироваться временем между 2000—1700 гг. до н. э.

Ко времени комаровских памятников должно быть отнесено еще и курганное скорченное погребение у с. Войцеховка, Житомирской обл., открытое Гамченко в 1924 г. К сожалению, мы не располагаем подробностями о находках у Войцеховки, однако знакомство с инвентарем из этого интересного погребения, хранившимся в Историческом музее в Киеве, позволяет определить его хронологическое и культурно-историческое место. Комплекс состоит из ряда предметов бронзы: массивных шейных гривен со спиральными завитками на концах, браслетов из более тонкой проволоки в несколько оборотов спирали, булавки-шпильки со спирально закрученной головкой, фибулы со спиральными щитками.

Особенно интересна для нас керамика. Найдено несколько сосудов, из которых два больших размеров, коричневато-черной массы, по форме идентичных с характерными сосудами комаровского типа — кратерообразных, с широким горлом и двумя ленточными ручками. Имеются сосуды с более широким горлом; кроме того, сосуды высокие, вытянутые; они без ручек. Орнамент одного из них типичен для указанного комплекса — это ряд обращенных вниз вершинами заштрихованных треугольников, свисающих по плечикам. Орнамент другого состоит из ряда коротких вертикальных полосок, опоясывающих верх края горла. Ниже по горлу проходят два ряда зигзагообразных полос. Основание края отделено горизонтальной полоской, ниже снова повторяется ряд вертикальных коротких полосок. По стенкам сосуда спускаются группы коротких горизонтально располагающихся полосок. Вся система орнаментации этого сосуда стоит в целом чрезвычайно близко к распространенным орнаментальным мотивам сосудов из мегалитических погребений, известных в Волынском Полесье, в верховьях Днестра, Случа, Горыни, на Волынско-Подольском плато, по течению рек Ужа и Тетерева.

Интересен орнамент и одного сосуда с более высоким вытянутым горлом. От края по горлу свисают вертикально отрезки нешироких лент, состоящих из трех углубленных полос. Ниже по плечикам такие же ленты образуют заостренные фестонообразные полуовалы — мотив, отмечавшийся уже выше при описании керамики Народичского могильника. Мотив этот постоянно встречается в позднетрипольской керамике и характерен для трипольских сосудов из Поднепровья, обнаруженных во многих пунктах (этап С/II).

Бронзовый инвентарь из Войцеховки, как и из комаровских курганов, подобен венгерским бронзовым изделиям и должен быть датирован временем между 1700—1200 гг. до н. э.

Ко времени несколько более древнему следует отнести и погребения у с. Белый Камень, Чечельницкого района, южнее гор. Тульчина, открытые Гамченко в 1928 г.[42]

Шесть погребений были открыты при раскопке трипольских жилищ, причем эти погре-

[41] Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне. Сб. «Сов. этнография», № 6/7, 1947.

[42] М. Л. Макаревич. Археологічні досліди в селі Білий Камень. Сб. «Трипільська культура», т. I, Київ, 1941, стр. 466, рис. 21—29 и фото 9.

бения обнаружены на территории между жилищами. Никаких обозначений погребений на поверхности не было. Они залегали на глубине 0.2—0.6 м, обычно на том же уровне, что и трипольские жилища, раскопанные здесь же или несколько выше. Костяки, сохранившиеся лишь в трех погребениях (№ 2, 3 и 6), оказались женскими, сильно скорченными, на правом боку. Ориентировка погребений различная. Интерес представляют бронзовые украшения, обнаруженные в этих трех погребениях. Среди них (в погребении № 2) два бронзовых браслета из округлой в сечении проволоки, закрученной в 2.5 оборота, браслеты со спирально закругленными концами, семь небольших колец, лежавших около черепа и, видимо, украшавших волосы; браслеты из проволоки в один оборот с заходящими друг за друга концами.

По характеру в целом эти бронзовые изделия ближе стоят к первому периоду бронзы (2000—1700 гг.) и имеют аналогии в материалах предшествующей стадии, связаны с находками шнуровой керамики.

Весь рассмотренный материал из западных областей Украины и Поднепровья, относящийся к I, II и III периодам бронзы, интересен в связи с анализируемой темой, поскольку он устанавливает хронологические вехи позднего Триполья и показывает процесс развития, который происходил в послетрипольское время. Вместе с тем ряд признаков сближает комаровско-белопотоцкие памятники с предскифскими; в частности, черная лощеная с каннелюрами керамика и грубая керамика с вертикально идущими по стенкам сосудов налепами повторяет образцы, известные и в раннескифских комплексах.

Можно отметить, что многие орнаментальные сюжеты и формы керамики позднетрипольского этапа встречены и в период бронзы. Например, чаша со слегка наклоненным внутрь краем, а также баночнообразные сосуды с бугорками; из орнаментальных сюжетов должны быть сближены мотив свисающих отрезков лент и фестонообразные дуги, окаймленные небольшими углублениями.

К сожалению, материалы, характеризующие предскифское время на правобережной и левобережной Украине, чрезвычайно ограничены. В западных областях Украины и в верховьях Днестра с притоками, переходя на Западный Буг, Стырь и Икшу, к предскифскому периоду должен быть отнесен комплекс так называемой высоцкой культуры. [43]

Исследователи относят ее к позднему (IV—V) периоду бронзы и датируют 1200—800 гг. до н. э. Это — период развитой бронзы. Среди бронзового инвентаря встречаются в большом количестве кельты с одним ушком, листовидные наконечники копий с втулкой для насадки древка, длинные кинжалы с металлической рукояткой, массивные бронзовые браслеты, орнаментированные и украшенные поперечными ребристыми утолщениями, широкие пластинчатые браслеты (тоже ребристые), спиралевидные застежки, гривны и разнообразные кольца.

Весьма своеобразна керамика из высоцкого комплекса. Обращают внимание прежде всего черные сосуды с идущими вертикально каннелюрами. Формы, типичные для эпохи бронзы,— широкие в плечиках, у основания которых бугорки. Горло высокое, наклоненное внутрь, со слегка отогнутым краем.

Другие сосуды — высокие баночнообразные, тоже черные, с чрезвычайно типичными для скифского периода проткнутыми изнутри отверстиями у края. Кроме каннелюр биконические сосуды украшены углубленным орнаментом в елочку или же рядами горизонтальных зигзагообразных полосок. Так же как и в предшествующую эпоху, распространены кратерообразные сосуды с широким горлом и такие же, но с одной ленточной ручкой, широкогорлые кувшины. Встречаются небольшие парные сосуды и иногда слитые три сосуда. Интересен на одном из биконических сосудов ряд изображений (углубленной техникой) оленей, повернутых в одну сторону. [44] Фигура животного сильно вытянута и стилистически крайне близка к изображению животного, нанесенного на глиняном пряслице из раскопок в Райках безусловно относящемуся к позднетрипольскому времени. [45]

Если для запада Украины характерна высоцкая культура, предшествовавшая скифскому периоду, то для территории более восточной близкими по характеру и датировке являются материалы Белогрудовского могильника. Изданные лишь в кратком отчете о раскопках, они оставались долгое время неизученными. [46] Вместе с тем, именно материалы из Белогрудовки представляют одно из звеньев, пока еще очень небольшое, которое связывает памятники позднебронзового периода с раннескифскими. Материалы из Белогрудовки стоят в значительной степени особняком, однако все они чрезвычайно характерны для предскифского периода.

Раскопки в Белогрудовке велись в 1925 и 1926 гг., а еще раньше в 1918—1923 гг. Белогрудовский лес, где находится место раскопок,— один из больших лесов, окружавших Умань, и тянется севернее ее на многие километры. На Уманщине могильники белогрудовского типа отмечены в нескольких местах (в селах Дмитрушки, Ксендзовцы, Краснополье, Попудня, Гереженевцы, Собковцы, Текли-

[43] L. Kozlowski. Указ. соч., табл. XVII и XVIII.

[44] Там же, табл. XVII, рис. 18.

[45] Коротке звідомлення за 1926 р., Київ, 1927, стр. 77, табл. XVI.

[46] Указ. соч. за 1925 г., Київ, стр. 74; за 1926 г., Київ, 1927, стр. 79.

евка и Ропотуха). Следует оговориться, что из предварительных кратких отчетов о раскопках в Белогрудовке уяснить картину обряда погребения и характер памятника весьма затруднительно, прежде всего потому, что автор раскопок не дал ответа на основной вопрос — какого типа и какого времени памятники были им открыты.

Из чисто формальных, весьма суммарных описаний возможно уяснить следующее: Белогрудовский могильник, или, как его называют, «Белогрудовские могильные горбы» (погребения), располагались в лесу на возвышенности между двумя оврагами, сходящимся под острым углом в долине у с. Пиковцы. Здесь в лесу, частично на возвышенности, частично ближе к воде (?), было открыто 7 курганных групп, состоящих каждая из многочисленных курганов. Поскольку в отчете не указывается расстояние между отдельными группами, можно считать, что все курганы принадлежат к одному или двум могильникам, которые состояли из 32 курганов.

Курганы плоские, округлые в плане, высота около 0.5 м, диаметр 20—24 м.

Могилы, раскопанные в 1919—1923 и в 1925 гг., представляли собой невысокие курганные насыпи, состоявшие из нескольких прослоек золы и угля — следы обряда сожжения (слой, доходивший толщиной до 22 см), принимавшиеся некоторыми археологами за скифские зольники. В слое обнаружен и весь инвентарь, главным образом состоявший из кремневых изделий (ножи, пилки), изделий из кости (проколки) и богатых керамических материалов. Здесь же обнаружено большое количество кухонных остатков, состоящих из массового костного материала — костей диких и домашних животных, а также отдельных костей человека. В другой могиле (IX) найдены, кроме того, каменный топор-молот с просверлиной и два фрагмента глиняных формочек для отливки бронзовых предметов — плоского остроконечного наконечника копья типа венгерских ранней бронзы. В могиле XI — фрагмент каменного молотка с просверлиной. В этой могиле пепельно-зольный слой был нарушен впускными погребениями, в которых найдены кинжал и наконечник стрелы скифского типа.

В результате первых лет раскопок установлено, что могилы заключали угольно-зольные наслоения и небольшое количество костей человека. На основании большого количества кремневого инвентаря и просверленных топоров составитель отчета определяет белогрудовский комплекс как памятник неолитического характера. Но, как отмечает автор, там, кроме того, были найдены и литейные формы для изделий из бронзы и предметы предскифского периода, что заставляет его определить белогрудовский могильник как принадлежащий к различным эпохам — неолитической, эпохе бронзы и предскифской.

В следующем году (1926) раскопки могилы XIII (недалеко от могилы XI) дали близкую картину. Высота курганов до 0.75 м. Раскопка велась послойным снятием курганной насыпи, которая состояла из чернозема и занимала площадь в 205 м², диаметр 16—17 м. Темная черноземная курганная насыпь значительно выступала на красноватой поверхности белогрудовского грунта. На глубине 0.20—0.30 м под черноземом на площади в 20 м² лежал огромный пепельно-зольный слой. В нем попадается небольшое количество кремневых орудий, костей, глиняной обмазки, глиняной посуды. Культурный слой не сильно насыщен, однако находок было сделано очень много.

Раскопки подтвердили присутствие в курганах Белогрудовки угольно-зольного мощного слоя, редкость костей человека и разнохарактерный инвентарь, который, с одной стороны, некоторыми чертами сближается с более ранней трипольской культурой (статуэтки, миниатюрный сосуд, фрагменты обмазки), с другой — многие предметы представляют полные аналогии с предскифским инвентарем (керамика).

Наибольшее число предметов, найденных в Белогрудовском могильнике, падает на кремневые изделия. Формы кремневых орудий отличаются резкой геометризацией. Поверхность их сплошь обработана, и достигнута полностью желаемая форма. Наиболее типичны: 1) листовидно-удлиненной формы наконечники стрел, чаще всего с основанием без выемки; 2) удлиненной формы ножевидные пластинки четырехгранные в сечении, со спинкой; 3) прямоугольные скребки, обработанные со всех четырех краев; 4) треугольной формы орудия — пилки с зазубренным краем; 5) такие же пилы, но более удлиненной формы, с одним вогнутым зазубренным краем.

В большинстве случаев кремень серый, серовато-желтый, желтовато-коричневый.

Характернейшими изделиями из камня являются каменные топоры-молоты (обычной для эпохи бронзы формы) из темносерого крупнозернистого гранита и еще чаще — из сероватого песчаника (до 10 см длины), с просверлиной посредине; один экземпляр имеет более оттянутую обушную часть. Топор из темносерого песчаника. Все топоры прекрасно полированы. Втулка с обоих концов окружена рельефными кольцами. По обеим сторонам секира-молоток имеет рельефные плоские выступы. Кроме того, обнаружено немало округлых пращных камней, обычно из кварцита или гранита (некоторые со следами пребывания в огне), а также точильных брусков.

Изделия из кости не так многочисленны. Это — проколки из кости, тонко заостренные

или более толстые и уплощенные. Керамические изделия чрезвычайно многочисленны и в достаточной степени характерны.

Одну группу составляют миниатюрные толстостенные сосуды, грубо вылепленные от руки. По форме должны быть отмечены грубые баночной формы сосудики с прямыми стенками и краями. Иногда на стенках такого сосуда торчащие бугорки-ручки, без отверстий.

Имеются сосуды с несколько угловатыми плечиками, широким горлом и суживающимся книзу дном. Стенки толстые и также чрезвычайно грубые по выделке.

Особый интерес представляют сосуды с округлым телом и несколько наклоненным, суживающимся кверху краем горла. Все тело этого сосуда покрыто сквозными крупными отверстиями, проткнутыми изнутри. Это так называемые «друшлаки». Аналогичные сосуды нередко встречаются в позднетрипольских поселениях, например в Белом Камне (раскопки С. С. Гамченко),[47] и, повидимому, должны рассматриваться как сосуды, употреблявшиеся для изготовления молочных продуктов — сыра, масла. В Белогрудовке они были найдены в могилах XI и XIII. В позднетрипольских поселениях, характеризуемых все увеличивающейся ролью скотоводства в хозяйстве, появление такой посуды для молочного хозяйства не удивительно. И тем более эти сосуды-друшлаки со сквозными отверстиями распространяются в последующую за Трипольем эпоху, в эпоху бронзы и предскифский период, когда в северном Причерноморье роль скотоводческого хозяйства все более увеличивается. Эти сосуды, а также в большом количестве обнаруженные в Белогрудовке глиняные, так называемые хлебцы (из хорошо обожженной глины), назначение которых пока не установлено, тоже встречаются именно в позднетрипольских поселениях, как, например, среди находок на киевских высотах.[48]

Интересны и две найденные в Белогрудовке каменные стеллы, представляющие, по определению П. Н. Шульца, образец киммерийской скульптуры северного Причерноморья. Стеллу Белогрудовки П. Н. Шульц сравнивает с изваяниями, обнаруженными в Тиритаке, и датирует ее первыми веками первого тысячелетия до н. э.[49] В ряде изваяний, обнаруженных в северном Причерноморье (Белозерка и др.), Шульц видит прототипы белогрудовским стеллам и относит их к последним столетиям II тысячелетия до н. э.

Особое внимание вызывают изваяния, найденные в Румынии на Нижнем Дунае, около Черли и Хамангии, и датируемые по выгравированному изображению топора и керамике второй половиной II тысячелетия до н. э.[50]

Все эти образцы киммерийской скульптуры Шульц сравнивает с известной плитой эпохи бронзы из Симферопольского музея и с наиболее древней плитой из кромлеха Усатовского кургана. Таким образом, в северном Причерноморье ясно намечаются глубокие генетические связи племен белогрудовского типа с племенами эпохи бронзы и усатовскими.

Другие материалы из Белогрудовки также указывают на эти связи племен предскифского периода с позднетрипольскими. Я имею в виду фрагменты двух глиняных статуэток из Белогрудовки, обнаруженные в могиле XIII. Оба фрагмента представляют, повидимому, верх и низ одного и того же изображения, вылепленного из хорошо обожженной глины. Масса коричневато-желтая с примесью мелкозернистого песка. Один из фрагментов представляет собой нижнюю часть стоячей статуэтки. Обозначены ступни ног (стиснутые), с характерным небольшим выступом, утолщенным внизу. Другой, видимо, представляет собой голову, сильно схематизированную и уплощенную. Едва заметными углублениями обозначены глаза и налепом — нос. По верху края схематизированной головы проходит ряд мелких углублений. Аналогию этой находке представляют сильно схематизированные статуэтки позднетрипольского этапа (γ/II), например из Усатова[51] и другие. В белогрудовском предскифском комплексе, таким образом, наблюдаются и формы сосудов (друшлаки), и каменные просверленные топоры, и, наконец, схематизированные статуэтки, которые встречены в позднетрипольских материалах.

Другая группа керамики в Белогрудовке, безусловно, уже предскифского характера и должна быть сопоставлена с керамикой так называемой высоцкой культуры из западных областей Украины и, вероятно, с сосудами киммерийского периода в Причерноморье. Это — большие сосуды из черной или коричневатой массы, с хорошо заглаженной поверхностью; орнаментированы горизонтально и вертикально идущими налепными крупными валиками. Иногда у основания края эти валики прерываются крупными вдавленными углу-

---

[47] М. Л. Макаревич. Отчет о раскопках в с. Белый Камень (раскопки 1928). Сб. «Трипільска культура», т. I, Київ, 1941, стр. 458, рис. 6.

[48] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901.

[49] Тезисы доклада П. Н. Шульца «О киммерийских каменных изваяниях», прочитанного в ИИМК 12.IV 1946 г.

[50] V. P. La Statue — Menhir de Hamangia. Dacia, т. II, Bucarești. 1925, стр. 422—429.

[51] Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского Историч. археол. музея под Одессой в 1936 г. СА, т. V, М.— Л., 1940, рис. 6 и 23.

блениями. Сосуды обычно с сильно выступающими плечиками, высоким, слегка наклоненным внутрь горлом. Край слегка отогнут. Кроме высоких сосудов отмеченной формы, имелись сосуды с угловатыми плечиками, с широким горлом, у основания которого горизонтальный валик.

Много керамики орнаментировано углубленными полосами или плоскими прямыми штампами, причем чаще всего имеем сюжет сходящихся под углом отрезков лент или же свисающих вниз по плечикам. Иногда эта орнаментация заключена в пояса, располагающиеся на плечиках сосуда. Для этой формы характерна ленточная ручка.

Рассмотренная лишь некоторая часть археологических материалов, охватывающих послетрипольский период, показывает, что процесс исчезновения культуры трипольских земледельческих племен выражается в постепенном вытеснении многих основных черт Триполья.[52] Изменяется и домостроительство, и керамическое производство, и весь хозяйственный инвентарь, и хозяйство в целом.

В рассматриваемую эпоху бронзы I, II и III периодов уже остаются мало заметные пережитки некогда цветущей здесь трипольской культуры. Этими пережитками можно считать статуэтки из глины, наиболее долго удерживающиеся, видимо, как предметы культа в эпоху, сменившую Триполье. Пережиточные формы должны быть отмечены также и для сосудов, и в сюжетах орнаментировки, и в обряде погребения с сожжением, и в курганах с кромлехами у основания.

[52] Т. С. Пассек. Исследование трипольской культуры за 20 лет. ВДИ, № 1, 1938; ее же. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935; Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, М.—Л., 1941.

Глава VIII

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ НАСЕЛЕНИИ В ДНЕПРОВСКО-ДНЕСТРОВСКОМ БАССЕЙНЕ

Большое значение и роль территории Поднепровья и Поднестровья в период сложения славянских этнических образований со всей остротой выдвигают перед исследователями вопрос о древнейшем населении в этих районах. Несмотря на новые археологические материалы, позволяющие значительно расширить наши представления о культуре, существовавшей здесь на рубеже неолита и эпохи ранней бронзы, проблема этногенеза народов Днепровско-Днестровского бассейна остается попрежнему одной из труднейших.

Далеко еще не разрешенный и сейчас вопрос происхождения трипольской культуры впервые был поставлен В. В. Хвойко, считавшим открытые им в Среднем Поднепровье глиняные площадки местами погребений (а не жилищами), а народ, оставивший эти памятники, принадлежащим к арийским племенам. Хвойко сделал свои заключения о населении того времени на основании нескольких обнаруженных на площадках черепов, причем одной из характерных черт этого населения, по его мнению, является длинноголовость. Отсюда и трипольскую культуру Хвойко называет «древнеарийской», характеризуя ее как «протославянскую». [1]

Признание Хвойко обнаруженных в раскопках черепов трипольскими с самого начала вызвало справедливое сомнение со стороны Н. Ф. Беляшевского и Ф. К. Волкова. Они критически относились к приемам раскопок Хвойко и считали глиняные площадки остатками жилищ, а черепа — случайно попавшими на площадки в значительно более позднее время.

Определение, таким образом, нескольких якобы трипольских черепов (кстати, до сих пор остающихся не изученными антропологами), сделанное Хвойко, ни в какой степени теперь не должно приниматься во внимание при той или иной попытке характеризовать тип древнейшего населения этой территории. На основании другого своего неверного заключения о том, что на площадках совершали захоронение урн с пеплом, Хвойко сделал попытку сравнивать трипольский обряд сожжения с погребальным обрядом скифской эпохи (Пастерское и Матронинское городища), а также с обрядом сожжения, известным на той же территории позднее, в эпоху культуры так называемых полей погребальных урн.

Таким образом, безусловно, поверхностное определение длинноголовости черепов и аналогии устойчиво удерживающегося обряда погребения с сожжением с древнейших времен, вплоть до начала нашей эры, приводят Хвойко к выводу, что «народ, создавший эти памятники, не мог исчезнуть бесследно и был не кто иной, как та ветвь арийского племени, которой по всей справедливости принадлежит имя протославян и потомки которой населяют и поныне юго-западную Россию». [2]

Прародину этого арийского, длинноголового племени Хвойко помещает в районах Эгейского и Мраморного морей, причем на этом пространстве он предполагает существование в послеледниковое время сплошного материка, откуда и началось расселение арийских племен к западу, северу, северо-западу — в Прикарпатье, на юго-запад — в Причерноморье. Другие арийские племена пошли «в Азию, заняв Армению, Персию и Индию».

Концепция Хвойко не была принята последующими исследователями, и вскоре, в процессе изучения трипольского материала, были выдвинуты новые точки зрения. Так, Э. Р. Штерн рассматривал район распространения трипольской культуры как область, простирающуюся от Десны и Днепра до Днестра и Дуная, а на юге до Фессалии. [3]

---

[1] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI Археол. съезда в Киеве, в 1899, т. I, М., 1901, стр. 10.

[2] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 12.

[3] Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906, стр. 40.

Считая, согласно историческим свидетельствам, родиной фракийцев Семиградье, Штерн предполагает более ранний период расцвета фракийской культуры и связывает его с троянцами — малоазиатскими потомками фракийско-фригийских племен. На основании сравнительного изучения находок он устанавливает затем близкие культурно-исторические связи и допускает племенное родство населения северобалканских стран с троянцами. «В те отдаленные домикенские эпохи,— пишет Штерн,— культурные течения двигались в направлении с севера на юг, и тогда вполне возможно рассматривать фракийский народ как носителя той культуры, которая лежит в основании развития раннегреческой жизни». Делая это неправильное утверждение, он полагал, что родина индоевропейских (арийских) народов находилась не в Азии; Штерн прослеживает движение этих племен из Причерноморья, с севера Балканского полуострова к югу и далее на острова Эгейского моря. Он предполагает, что эгейская островная культура моложе восточноевропейской неолитической, и объясняет, что неолитическая культура областей Дуная и Днепра «предстала перед нами той формой праэллинской культуры, обладая которой племена, вторгшиеся (с севера.— *Т. П.*) на греческую почву, начали свою жизнь».[4]

Фальсифицируя древнейшую историю населения Днепровско-Дунайского бассейна, фашиствующие немецкие археологи хотят найти в археологическом материале подтверждение одного из основных своих положений о существовании с глубочайшей древности полноценной северной расы или северного культурного круга, причем эта северная воинственная раса всегда противопоставляется неполноценной расе южнодунайского культурного круга.

В этих теориях переселение индогерманцев часто представляется в виде «военной оккупации» восточных и юго-восточных пространств, причем всегда подчеркивается, что эта индогерманская раса приносит с собой более высокую культуру, изменяющую местную культуру; результатом этого является, например, занесение из Средней Европы «северного дома типа мегарона», господство мужчин и применение в хозяйстве лошади.

С начала изучения вопроса о древнейшем населении Поднепровья были высказаны иные положения, также не приемлемые с нашей точки зрения. Так, еще в конце XIX в., вскоре после появления работ В. В. Хвойко, Н. Ф. Беляшевский в одной из своих рецензий по поводу раскопок в Триполье считает вывод Хвойко о племенной принадлежности создателей трипольской культуры неверным. По мнению Н. Ф. Беляшевского, «культура проникла с юга через Эгейское и Мраморное моря с берегов Малой Азии или через Средиземное море из Финикии или Египта и в расписной керамике чувствуется больше всего влияние с Востока».[5]

На восточном происхождении трипольской культуры настаивали и А. А. Спицын, и В. А. Городцов. «Высокоразвитая культура киевских площадок,— пишет Спицын,— восточная, именно малоазиатская».[6] За последние годы, в свете новых открытий на Востоке, древние культуры и население Днепровско-Днестровского бассейна привлекаются все чаще и чаще в исследованиях, посвященных доисторическим судьбам Передней Азии.

Так, Б. Грозный, касаясь энеолитического периода Передней Азии, указывает, что характерная для этого периода культура «крашеной керамики» является только частью культуры, охватывающей обширную территорию, распространявшуюся от Чехии, Моравии, Фессалии на Восток до Китая и до юго-западной Маньчжурии. Хотя эта обширная культурная область и распадается на ряд меньших, памятники которых имеют свои особенности, все же Грозный полагает, что здесь дело идет об одном большом стройном целом, «возникновение которого нужно искать в одном месте». Путем продвижения и постоянного взаимного обмена распространялась в этой обширной области расписная керамика. Грозный считает, что главными посредниками были «индоевропейские тохары или какой-либо другой среднеазиатский народ, который в процессе продвижения из какой-нибудь центральной местности, находившейся, может быть, в Туркестане или, во всяком случае, между Каспийским морем, Памиром и Алтаем», разносил образцы расписной керамики. Сравнивая орнаментальные мотивы Янь-Шао, Триполья, Анау и Суз, он указывает, что общность между этими культурами может быть объяснена продвижением индоевропейских народов во II тысячелетии до н. э. и, в частности, движением населения северного Причерноморья, которое он выводит из Туркестана.[7] Одна из волн индоевропейцев пересекает Волгу, Дон, Днепр и двигается степями далее на Вислу. Другая волна поворачивает на Кавказ, вдоль побережья Каспийского моря, одни в Малую Азию, другие в Индию. Таким образом, родиной тохарцев Грозный считает Восток, в отличие от других исследователей, помещающих родину тохарцев в районе степей Юго-Восточной России, между Днепром или Доном и Уралом.[8]

В ряде исследований, посвященных хетт-

[4] Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I. М., 1906, стр. 44.

[5] Археологическая летопись Южной России, т. I, 1899, стр. 8.

[6] А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ. ИАК, вып. 12.

[7] Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. ВДИ, № 3/4, 1940.

[8] И. Умняков. Тохарская проблема. ВДИ, № 3/4, 1940.

ским племенам, более поздним, чем тохарские, Грозный рассматривает северное Причерноморье как территорию, откуда пришли индоевропейцы хетты-неситы в Малую Азию. Так, Грозный, найдя сходство в лексике неситского языка с индоевропейским, развивает положение, что «хетты-неситы потомки индоевропейцев».

Таким образом, Грозный предполагает первоначальное местопребывание предков хеттов в Северном Причерноморье. «Вероятно, с севера, из Южной России и Украины,— пишет Грозный,— индоевропейские хетты около 2000 лет до н. э. проникли в Малую Азию». [9]

В противоположность славянским ученым, немецкие фашистские археологи стремились «доказать», что прародиной индоевропейских племен являлась Северо-Западная Европа, и стали называть эти племена уже индогерманскими. По их утверждениям, в конце неолита — начале бронзы эти племена вторглись в «кельтские земли» Днепро-Дунайского района, принеся с собой более высокие формы вещественных памятников, в числе которых был повсеместно известный с древних времен в Германии длинный, прямоугольный дом с преддверием типа «мегарон».

Из западноевропейских ученых против положений немецких археологов выступает Г. Чайльд. Уже в первых своих работах он рассматривает развитие древнейших культур расписной керамики Дунайского бассейна и Средней Европы на основе местных неолитических культур, прослеживая сложные взаимоотношения Дунайского бассейна на востоке с Трипольем, на юге — с культурами Фессалии и на юго-востоке — с Болгарией. Любопытно, однако, что многолетние исследования, давшие богатый материал для понимания образования неолитической культуры Дунайского бассейна и установления хронологии памятников, не привели Чайльда к окончательному разрешению вопроса о происхождении культур расписной керамики. Это заставило его начать изучать культуры Востока, и в одной из своих последних работ он пишет, что «для понимания европейской культуры необходимо знакомство с древнейшими цивилизациями Египта, Месопотамии и Индии». [10]

Советская археология, уделявшая большое внимание изучению трипольской культуры, шла в своих исследованиях совершенно иными путями, основываясь на положениях, разработанных Н. Я. Марром об этногонии Восточной Европы. И. И. Мещанинов в своей работе, специально посвященной культурам крашеной керамики, так же как и Н. Я. Марр, считает невозможным объяснять наличие сходных форм в различных языках или предметах материальной культуры расселением из единого центра.

«Фактор миграционный, конечно, не отрицается, но учитывается он главным образом в процессах скрещивания, где роль играют торговые и другие сношения, а не одни только переселения. Пока все будет толковаться только одними переселенческими волнами и будет совершенно игнорироваться действие экономических и общественных факторов, мы останемся на прежнем пути поисков «культуросозидательных вулканов», выкидывающих миграционные волны на север, юг, восток и запад». В связи с этим Мещанинов ставит вопрос о необходимости углубленного исследования каждой отдельно взятой культуры, с обязательным учетом всех созидательных факторов. «Прежде чем прослеживать,— пишет он,— переселенческие движения, следует подойти к культуре, как к определенному проявлению местных хозяйственных и культурных потребностей». [11]

Именно с этих позиций школы Н. Я. Марра и подошли Е. Ю. Кричевский, Е. Ф. Лагодовская, Т. С. Пассек, Ю. В. Подгоецкий и др. к разрешению вопроса этногенеза древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна. Прежде всего ставился вопрос о генезисе культуры: 1) исследовался материал раннеолитических эпох, предшествовавших трипольской культуре на территории Поднепровья — Поднестровья; 2) в широких масштабах производились новые раскопки памятников Триполья и устанавливалось хронологическое соотношение различных комплексов; 3) одновременно шло сопоставление Триполья с сосуществующими на той же территории памятниками и с более поздними памятниками эпохи бронзы; 4) велось сопоставление Триполья со степными культурами левобережья Днепра; 5) делались попытки проследить сложные взаимоотношения трипольских племен с соседними племенами Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

В основном советские археологи вели разносторонний и глубокий анализ огромного археологического материала, добытого раскопками последних лет, делая попытки проследить весь сложный процесс возникновения и развития автохтонных племенных образований Поднепровья и Поднестровья. В дальнейшем этот материал сопоставлялся заново с культурами соседних стран.

Изучение обширного материала раннеолитического периода в Европе устанавливает

[9] П. Н. Ушаков. Эпиграфические памятники Лидии. ВДИ, № 3/4, 1940; Б. Грозный. Хеттские народы и языки. ВДИ, № 2, 1938, стр. 27.

[10] G. Childe. L'Orient préhistorique. Paris, 1935; Его же. New Light on the Most Ancient East; India and the West before Darius. Antiquity, т. XIII, London, 1939.

[11] И. И. Мещанинов. Доисторическая крашеная керамика Китая. Изв. Об-ва обсл. и изуч. Азербайджана, № 5, Баку.

два основных варианта перехода от раннего неолита к развитому, причем оба варианта связаны с освоением различных частей европейского ландшафта. «Одни ранненеолитические племена еще теснее связываются с реками, озерами и морями, их поселения располагаются на нижних береговых террасах, на дюнах и даже спускаются в самую пойменную низину. Рыболовство в этих случаях продолжает быть ведущей отраслью производства». Другие ранненеолитические племена, наоборот, порывают с прежними условиями обитания и поднимаются на плато, выбирая места наиболее плодородных почв. У этих племен развивается в ранненеолитическое время примитивное земледелие.

«В эпоху неолита продолжает существовать и углубляться противоположность двух основных типов неолитических культур, причем охотничьи-рыболовческие племена занимают преимущественно лесную или степную зону, а земледельческие — южную и западную лесостепную половины Европы». [12]

Таким образом, на территории Юго-Восточной Европы в эпоху раннего неолита происходит переход к земледелию и скотоводству и дальнейшее развитие гончарного искусства. Осваиваются свободные от леса лёссово-черноземные плато, на которых развивается местная раннеземледельческая культура, известная в археологии под названием «дунайской» или «культуры ленточной керамики». Эта последняя лежит в основе дальнейшего развития племен на всей территории, причем в Дунайском бассейне, а также на Балканах и в Поднестровье (частично и в Побужье) у этих племен ранее других появляется расписная керамика.

На этой же территории ранее всего появляются наземные прямоугольные постройки и предметы из меди.

Возникновение здесь земледелия и скотоводства многие исследователи связывают с постоянно существовавшим обменом между племенами Юго-Восточной Европы и древними центрами земледельческо-скотоводческой культуры. Такими центрами, по их мнению, были долина Нила и Иберия, откуда в течение IV тысячелетия до н. э. распространялись в Европе новые злаки.

Другие указывают на иной путь проникновения хлебных злаков в Европу: из Малой Азии, северным побережьем Средиземного моря — в Западную Европу, с юга притоками Дуная, через Балканы — и дальше на юго-восток. Этим же путем и позднее проникают в Юго-Восточную Европу «культурно-исторические влияния древнейших цивилизаций Востока».

В период раннего неолита на широкой территории Подунавья и Поднестровья происходит оформление единообразной примитивно-земледельческой культуры, известной под названием культуры с линейно-ленточной керамикой, в основном автохтонного происхождения, генетически связанной с предшествующим этапом общественного развития.

На территории Поднепровья и Поднестровья ранние поселения земледельческого характера пока известны лишь в некоторых районах. Так, ранненеолитические примитивно-земледельческие поселения с линейно-ленточной керамикой открыты по среднему течению Днестра (у с. Незвишки у Городенки), на Волыни (у Здолбуново, у Ивановичей — уроч. Бабьи Горы), у с. Залещики. [13] Генетическая связь ранненеолитических поселений с поселениями периода линейно-ленточной керамики подтверждается анализом керамических изделий и типа жилищ раннетрипольских поселений, как, например, в Молдавии — Извоар I, в Румынии — Боян А, в Семиградье — Тордош, в Поднестровье — Попов-Город, Лука-Врублевецкая, Унгены; в Побужье — Борисовка, Красноватка, Саврань. Повсюду в материалах этих поселений удается вскрыть преемственную связь культур линейно-ленточной керамики и раннетрипольской. И все же вопрос о происхождении Триполья и его начальных этапах представляется достаточно сложным.

На основании археологических раскопок удается проследить общие черты и генетическую связь в системе хозяйства, в орудиях производства, керамике, технике строительства больших многоочажных глинобитных домов и характере поселений в различных удаленных друг от друга районах на Дунае, Днестре, по Пруту, Серету, в Македонии и Фессалии. Эти аналогии позволяют рассматривать памятники материальной культуры этого района как появившиеся в результате общих изменений единого процесса автохтонного развития. В эту же эпоху намечаются местные (районные) особенности культур, причем на территории Поднепровья и Поднестровья прослеживаются в ранний период развития Триполья взаимоотношения с племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Раскопки в Поднепровье и в Поднестровье и сопоставление материала с находками Дунайского района показали, что обитателям этой обширной области известно уже возделывание культурных растений — пшеницы, ячменя, проса.

Наряду с земледелием развивается и скотоводство, появляются такие домашние животные, как бык, овца, коза, свинья, несколько

[12] Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, вып. IV, 1940.

[13] Т. С. Пассек. Четвертая Археологическая конференция в Киеве. КСИИМК, вып. XII, 1946.

позже — лошадь. Среди животных, на которых человек охотится,— благородный олень, лось, косуля, кабан, бобр.

Поселения древних обитателей занимали значительное пространство, объединяя членов родового коллектива.

Для изучения трипольского жилища чрезвычайно важным источником являются находки глиняных моделей трипольских жилищ, известных по раскопкам в Сушковке, Попудне, Владимировке, Коломийщине II и др.

Главнейшими орудиями трипольских племен являются мотыги из рога оленя, каменные клиновидные мотыги, зернотерки, кремневые ножи, скребки, серпы, наконечники стрел.

Наибольшее число находок на трипольских поселениях составляет глиняная посуда, причем гончарство в эту эпоху стоит на относительно высоком уровне развития, и образцы богато орнаментированной керамики привлекают внимание археологов всего мира. Известно свыше 20 разнообразных сортов трипольской керамики, лепившейся без гончарного круга.

Наряду с трипольской посудой в раскопках обычно обнаруживаются глиняные женские и мужские статуэтки и фигурки животных (быка, барана и т. п.).

Считая, что в основном трипольская культура автохтонна в своем происхождении и связана с ранненеолитической земледельческой культурой линейно-ленточной керамики, нельзя понять пути ее развития в Поднепровье и Поднестровье, не обратив внимания на связи Триполья с древними культурами Восточного Средиземноморья и Малой Азии в переходный период от неолита к эпохе раннего металла, показывающих, что в доскифский период трипольская культура являлась наиболее развитой в Европе и была тесно связана с культурными областями Дуная и Балкан.

Изучению существовавших в III — II тысячелетиях до н. э. культурных связей и взаимоотношений с Востоком особое внимание уделил в своих работах Г. Чайльд.[14] Признавая автохтонность развития неолитических культур Дунайского бассейна, он детально анализирует появившееся в III тысячелетии значительное разнообразие и богатство форм материальной культуры. Это разнообразие и богатство отмечается особенно широко в изделиях керамических. Чайльд стремится объяснить это тесными связями племен далеких областей Днепра, Буга, Днестра, Дуная и Балкан с передовыми цивилизациями Малой Азии.

Так, Чайльд прослеживает проникновение в Южную Грецию из Малой Азии черной полированной керамики, украшенной каннелированной орнаментацией. Вместе с другими культурными достижениями эта особая керамическая техника постепенно воспринимается племенами, живущими севернее, на Дунае; причем это общение южных и северных племен поддерживается сообщением с юга на север по рекам Вардар и Морава и далее на восток распространяется по рекам Марошу, Дунаю, а затем по Серету, Пруту и далее в Поднестровье и Побужье.[15] Интересно, что керамика этого типа встречена в наиболее ранних земледельческих трипольских поселениях этапа А в одном и том же комплексе с керамикой со спиральной орнаментацией (по стилю близкой к ранней линейно-ленточной) в Извоаре I, в Попов-Городе, в Луке-Врублевецкой, в Саврани, в Красноставке и Борисовке.

Находки каннелированной керамики известны в далеких районах на северо-востоке.

Каннелированная керамика аналогичного типа входит в древнейший комплекс находок на поселении у Тордоша и в ряде поселений по рекам Мораве и Вардару. Особенно интересно распространение черной полированной керамики с каннелюрами в Македонии, где она характерна для нижних слоев.[16]

Проникновение каннелированного типа керамики отмечается и в материалах из раскопок на раннем поселении у Городницы, на Днестре.[17] К этому же древнейшему периоду трипольской культуры следует отнести и проникновение в Днепровско-Дунайский бассейн из Малой Азии первых изделий из меди.[18]

Все это говорит о том, что еще в древнейший этап развития трипольских племен население, обитавшее по Дунаю, Днестру и Южному Бугу, находилось в постоянных межплеменных сношениях с населением юго-восточных районов.

На следующем этапе развития трипольской культуры (этап В/I) наиболее характерным является, наряду с углубленной и каннелированной керамикой, появление в Поднепровье и Поднестровье своеобразной полихромной трехцветной керамики. На основе анализа находок этого этапа устанавливаются тесные культурные связи с районами Прикарпатья и Поднестровья, с одной стороны, и Прикарпатья и Фессалии — с другой.

---

[14] G. Childe. The East European Relations of the Dimini culture. Journ. of H. St., т. XLII/II, 1922; его же. The Dawn European civilization, L., 1925; его же. The Danube in Prehistory, Oxford, 1929.

[15] Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Понизовья в неолитическую эпоху. КСИИМК, вып. VIII, 1940.

[16] G. Childe. Neolitic black ware in Greece and on the Danube. The Ann. of the Brit. School at Athens, т. XXXVII, 1940.

[17] M. Smizsko. Compte rendu provisoire des fouilles dans l'enceinte néolitique de Hardonica (district de Horodenka). Bull. de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres, Cracovie, 1939.

[18] G. Childe. The Dawn of European civilization, 1927, стр. 68.

Из Прикарпатья фессалийские племена, возможно, получали медь и золото; отсюда же дунайские племена (а через них и трипольские) познакомились с первыми изделиями из металла.[19] А. А. Иессен в своем докладе на IV Археологической конференции в Киеве («Производство медных и бронзовых изделий в Причерноморских и Приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом») указывал, что наиболее ранние изделия из меди на правобережной Украине, связанные с трипольской культурой, определенным образом тяготеют к западу, скорее всего к семиградскому очагу древней металлургии.[20]

В это же время в поселениях с полихромной керамикой широко распространены глиняные печати для татуировки — пинтадеры, имитирующие средиземноморские образцы печатей с углубленным орнаментом. Сравнивая их с фессалийскими, критскими, египетскими, моравскими, болгарскими и семиградскими находками, печати эти датируются 2500—2300 гг. до н. э.[21] Такие же пинтадеры известны в Эрёзде,[22] в Кукутенах и на поселениях Руджиноаза и Гунести в Румынии.[23] На Нижнем Дунае они появляются в поселениях Гумельницы А, которые, таким образом, могут быть датированы последней четвертью III тысячелетия.[24] В одной из последних работ Г. Чайльд издал интересную пинтадеру из районов на Мароше (Корос).[25] На Украине в поселениях трипольской культуры известны также небольшие конусовидные печати, но не орнаментированные. Такие глиняные конусики-печати обнаружены в поселении у Попова-Города (на Днестре), у с. Озарницы и у Владимировки (на р. Синюхе).

Особенно интересны для этого периода находки в ряде поселений Румынии (Гумельница В, Фольтичени) сосудов типа аскаритона,[26] напоминающие восточно-средиземноморские образцы Фессалии и Македонии и датируемые 2400—2300 гг. до н. э., а также находки различных предметов культа, как, например, глиняных алтарей, священных рогов, ритонов, изделий из золота, подчеркивающих интенсивные взаимоотношения с Средиземноморьем.[27]

Однако намечаемые культурно-исторические связи племен, живших на территории правобережной Украины, с племенами Прикарпатья и Дуная, с одной стороны, и с Восточно-Средиземноморьем — с другой, устанавливаются в настоящее время на основании изученных памятников, открытых в бассейне среднего течения Днестра и среднего течения Южного Буга. В области же Среднего Днепра на ранних этапах эти связи с южными фессалийскими и восточно-средиземноморскими культурами, а также с Прикарпатьем прослеживаются значительно слабее. Так, например, почти вовсе не представлена описанная выше черная каннелированная керамика, слабо представлена расписная трехцветная. Зато в Поднепровье широко развивается своеобразная керамика со спирально-ленточной орнаментацией, восходящая к более древней местной линейно-ленточной. Несколько позднее, в середине III тысячелетия, появляются здесь, вероятнее всего из Семиградья, первые изделия из меди — плоские медные топоры.

На поздних этапах трипольской культуры должно быть отмечено усиление связей с югом, со Средиземноморьем и Малой Азией. Они отмечаются в эту эпоху по нижнему течению Дуная, далее по Серету, Пруту и Днестру, на побережье Черного моря. Здесь известны многочисленные поселения типа Гумельница А, Дракузени на Дунае, Петрены и Шипеницы (по Пруту), Владимировка, Сушковка в Побужье. На этом этапе (В/II) значительно ширятся культурные связи Триполья; трипольская культура ко II тысячелетию уже широко распространена по Днестру, Бугу и Днепру, доходя на севере до границ лесной полосы (ныне Житомирская обл.), с поселением Го́родск, а на юге — до берегов Черного моря, где существует позднетрипольское поселение Усатово. На позднем этапе поселения трипольской культуры известны на левобережье Днепра у сел Бортничи, Лукаши (Остерского и Переяславского районов). Материалы этих поселений, особенно керамика, дают возможность проследить происходившее здесь в эту эпоху скрещивание культуры трипольских племен с культурой эпохи бронзы, так называемой катакомбной.

Для изучения взаимоотношений дунайских племен с древними культурами Восточного Средиземноморья и для понимания генезиса древней европейской культуры Г. Чайльд обратился в одной из последних работ к культурам Востока и новым археологическим открытиям в Передней и Малой Азии.[28]

---

[19] Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 58.
[20] Т. С. Пассек. Указ. соч.
[21] H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens, Z. f. E., 1930.
[22] Там же.
[23] F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le Comitat de Haromszea. Dolgozatok, 1911, рис. 78.
[24] Dacia, т. III—IV, Bucureşti, 1933, стр. 65; т. V—VI, Bucureşti, 1938, стр. 109—120, рис. 9.
[25] G. Childe. The Orient and Europe. Amer. Journ. of Archaeology, т. XLIII, N 1, 1939.
[26] Dacia, т. II, Bucureşti, 1925, рис. 24—39; т. III—IV, Bucureşti, 1933, табл. 2/7 и стр. 44—55.
[27] Там же, т. I, рис. 5/2; т. II, рис. 75, 22—24.
[28] G. Childe. Указ. соч., стр. 13; ср. также: Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. «Сов. этнография», № 6/7, 1947.

На основе этих новых археологических материалов прослеживается культурно-историческая связь районов Малой Азии, Греческих островов, Балканского полуострова и Дунайско-Днепровского бассейна с III тысячелетия до н. э. и продолжается, значительно усиливаясь, во II тысячелетии.

Особенно важно решение вопроса о типе древнего населения Поднестровья и Поднепровья на основе анализа антропологических данных. К сожалению, для периода III—II тысячелетий до н. э. антропологический материал, связанный с изучаемым районом, или не разработан, или вовсе отсутствует. Так, для характеристики антропологического типа трипольского населения антропологи не располагают ни одним костяком, который с уверенностью мог бы быть отнесен к трипольской эпохе. Значительное же число костяков из курганов в Усатове остается до сих пор не изученным. По заключениям антропологов древние обитатели Днепровско-Днестровского района в III—II тысячелетии до н. э. могут предположительно быть отнесены к средиземноморскому долихоцефальному типу.

Если мы обратимся к районам Малой и Передней Азии, то изучение краниологического материала указывает на наличие здесь в IV—III тысячелетиях двух типов — одного долихоцефального, определяемого всеми исследователями, как средиземноморский, другого — брахицефального, обыкновенно относимого по ряду признаков к арменоидной разновидности.

Этими двумя основными типами и может быть характеризовано древнейшее население Передней и Малой Азии, причем по имеющимся данным трудно решить, который из них более древний.

Как уже указывалось, в процессе изучения трипольской культуры оказался совершенно неисследованным антропологический материал. Вместе с тем во всех почти пунктах, где были открыты трипольские памятники, постоянно обнаруживаются скульптурные изображения человека из глины, не привлекавшиеся, однако, до сих пор при изучении древнейшего населения. Отчасти это может быть объяснено тем, что большинство известных трипольских изображений, обычно женских и реже мужских, представляет собой крайне условно трактованную человеческую фигуру. Лишь после раскопок 1940 г., когда на поселении Владимировка в землянке трипольского времени была открыта женская статуэтка иного типа, впервые удалось обратить внимание еще на ряд весьма своеобразных изображений.[29] Изучению этой категории трипольских статуэток, представляющих совершенно новый источник для характеристики древнейшего населения Поднепровья, посвящена статья «К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне».[30]

У всех выделенных в особую группу трипольских изображений повторяется ряд черт: рельефно моделированный овал, переходящий в покатый лоб, сильно выступающий нос с горбинкой, уплощенный затылок, распущенные окрашенные в черный цвет волосы и т. п. Хотя черты эти и передаются в определенной стилизованной манере, все же они подчеркивают отдельные признаки определенного антропологического типа, с моей точки зрения,— арменоидного. И как бы условны ни были анализируемые изображения, они все же могут быть приняты во внимание при характеристике древнейшего населения Поднестровья и Поднепровья в III—II тысячелетиях до н. э., тем более, что в эту эпоху намечаются весьма значительные культурно-исторические связи Днепровско-Дунайского бассейна с Восточным Средиземноморьем и Малой Азией.[31]

Мною в специальной статье высказана гипотеза о том, что у древнейшего населения Поднестровья и Поднепровья наряду с признаками средиземноморского антропологического типа были и признаки арменоидные. Это следует рассматривать как подтверждение тесных культурно-исторических связей, существовавших между древнейшим населением Мало-Азийского полуострова и Днепровско-Дунайского бассейна, установившихся еще в эпоху неолита и усилившихся в период проникновения металла.[32] В период позднего Триполья все больше и больше сказываются культурные взаимоотношения между племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии. Так, в одном из поздних трипольских поселений, в Кошиловцах, обнаружен фрагмент головы, принадлежащий мужской статуэтке.[33] Как обычно для этого типа изображений, нос с сильной горбинкой, непосредственно сливается со лбом. В отличие от всех до сих пор известных трипольских изображений, голова этой статуэтки имеет головной убор в виде поднимающегося гребнем довольно высокого колпака, проткнутого в верхней части тремя сквозными отверстиями. Такой же головной убор характерен в хеттском и вообще в переднеазиатском костюме.

Наряду с отмеченной формой головного убора следует отметить на позднетрипольских

[29] Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. (Раскопки 1940 г.). ВДИ, № 1, 1941, стр. 217, рис. 5, 6, 7.

[30] Е е ж е. К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне. Сб. «Сов. этнография», № 6/7, 1947.

[31] Тр. Антропол. ин-та при I МГУ, вып. II, М., 1927.

[32] Т. С. Пассек. Указ. соч.

[33] H. Čehak. L'art plastique dans la culture énéolitique de la céramique peinte en Pologne. Swiatowit, т. XIV, Warszawa, 1933, табл. VIII, рис. 5.

статуэтках из Усатова, Кашиорели изображение характерной женской одежды.

Фрагменты глиняных статуэток дают возможность сделать заключение, что трипольская женщина носила широкие, длинные юбки, в несколько оборок, напоминающие широкие юбки критских женщин или женщин Малой и Передней Азии. Те же сближения следует сделать и при изучении верхней части женской одежды — корсажа, открытого спереди, на груди.[34] На талии — пояс с концами, свисающими по бокам. Распущенные, на пробор причесанные волосы, ожерелье и, наконец, татуировка лица и тела дополняют наряд трипольских женщин.

В Усатове наряду с ожерельем из зубов волка найдена янтарная бусина, указывающая (так же, как и значительное количество изделий из меди) на рост обменных отношений с Восточным Средиземноморьем и с Малой Азией. В Усатове же обнаружен служивший краской для татуировки сурмик-антимонит, происходивший, как указывает М. Ф. Болтенко, из Малой Азии.[35]

Наряду с женскими изображениями в Днепровско-Дунайском бассейне известны встречающиеся значительно реже и мужские статуэтки; бывают они стоячие и сидячие. Схема моделировки всей фигуры, особенно у схематизированных статуэток,— такая же, как и у женских, но обозначен мужской пол. Кроме описанного головного убора статуэтки из Кошиловец, характерным для трипольских мужских статуэток является перевязь, проходящая наискось, обычно через правое плечо по груди и спине. На шее — ожерелье. Кроме этих признаков постоянно отмечается отсутствие у мужских статуэток одного глаза, обычно левого. Сквозным отверстием обозначен чаще всего лишь один правый глаз.[36] Нельзя не отметить здесь связи с легендой об одноглазом циклопе Гомера, вышедшем из Ликии, одной из юго-западных областей Малой Азии; циклоп представляет образ древнего солярного божества древнегреческого Пантеона.[37]

Н. Я. Марр в своих исследованиях постоянно подчеркивал огромную роль Черного моря — Понта Эвксинского и связанной с ним территории Средиземноморья, Малой Азии и Кавказа в период оформления древнейших (доиндоевропейских) этнических образований. «Черное море называлось Понтом...,— пишет Н. Я. Марр,— потому, прежде всего, что его берега были заселены в доисторические времена йонами, или ионами: pon-t в данном отношении лишь племенное название (ion) в форме множественного числа с зубным показателем множественности и как племенное название и отложилось то же самое слово в названии области Понта».[38]

Анализируя топонимические термины Причерноморья, Н. Я. Марр пишет, что название рек Tanais || Don, Dan-ub || Don-av «отражает наименование того племени (ионов), которое некогда обитало здесь по северу Черноморского бассейна, но и по южному его побережью, равно в Малой Азии и... вообще по Средиземноморью от крайних его восточных пунктов до крайнего запада».[39]

Лингвистические исследования Н. Я. Марра и его анализ древнегреческих мифов вскрыли этническую общность населения этого района, своими корнями уходящую в древнейшие периоды. (К средине II тысячелетия до н. э.).

Черное море — Понтийский бассейн — уже упоминается в древнегреческих сказаниях, где описаны страны Эйя — Колхида и поход аргонавтов; Таврида и области Истра — Дуная и северное побережье Малой Азии. Наконец, с населением Черноморского бассейна связаны и миф об амазонках и предание о Прометее, приуроченное к территории Кавказа.[40]

Приведенные археологические материалы указывают, что древнейшее население на берегах Черного моря уже в IV—III тысячелетиях до н. э. связано культурно-исторической общностью. Развитие племен, формирование племенных объединений на территории Поднепровья и Поднестровья в эту эпоху (по материалам трипольской культуры) происходило на основе скрещивания местных дотрипольских раннеэнеолитических культур в широком районе Дунайско-Днепровского бассейнов. Тогда же начинают развиваться интенсивные культурные взаимоотношения с племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии. В результате сложного процесса скрещивания на территории Поднепровья и Поднестровья, Дуная и Балкан в эпоху III и II тысячелетий до н. э. идет развитие земледельческих племен, в частности трипольских, которые в доскифский период являлись наиболее развитыми в Европе.

Отсутствие антропологических данных для Поднепровья и Поднестровья не дает возможности окончательно решить сложную пробле-

---

[34] Трипільска культура, Київ, 1941, стр. 104, рис. 42а, б. Описываемые статуэтки из Усатова не изданы.

[35] Доклад М. Ф. Болтенко «Усатовская культура и ее исторические связи» на IV Археол. конф. в Киеве в 1941 г.

[36] G. Childe. Schipenitz a late neolithic Station with painted pottery in Bukowina. Journ. Royal Anthropol. Inst., тт. XVII—XVIII, 1923, табл. III.

[37] П. Чепелев. Об античной стадии в истории искусства народов СССР, М., 1941.

[38] Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избр. работы, т. V, М.— Л., 1935, стр. 49.

[39] Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 49.

[40] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избр. работы, т. I, стр. 104.

му об этническом характере населения. Пережитки позднего Триполья представлены в мегалитических могильниках у Войцеховки (близ Житомира), в погребениях у Белого Камня (близ Тульчина) и в Белогрудовке (Умань), причем могильник у Белогрудовки многими чертами непосредственно связывается с предскифской культурой.

Таким образом, на основании складывающихся на территории Поднепровья и Поднестровья к концу эпохи Триполья племенных взаимоотношений намечаются очертания перехода к предскифским этническим образованиям; этим самым окончательно разбиваются фашистские концепции, объясняющие исчезновение трипольской культуры, происшедшее во II тысячелетии, в результате «военной оккупации» Днепровско-Днестровского района индогерманскими племенами, подавившими местную культуру и утвердившими на ее место свою собственную. В результате исследований трипольских поселений по-новому освещается история Днепровско-Днестровского бассейна, где позднее оформляются славянские племенные объединения, положившие начало Киевской Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В процессе раскопок трипольских поселений и жилищ, систематически проводившихся на Украине с 1934 г., Трипольская экспедиция постоянно уделяла большое внимание методике полевых исследований, стремясь найти новые раскопочные приемы, которые позволяли бы наиболее всесторонне понять вскрываемые памятники. Следует вспомнить, что, несмотря на значительное число раскопанных трипольских глиняных площадок, до начала работ Трипольской экспедиции не было сколько-нибудь достаточных материалов и объективных наблюдений, по которым возможно было бы определить назначение трипольских площадок, и вопрос этот оставался тогда совершенно неразрешенным.

Несовершенство раскопочных приемов узкими траншеями и небольшими участками, не позволявшими вскрыть целиком глинобитные остатки трипольских памятников, часто приводило в то время археологов к неверным заключениям о «загадочных глиняных площадках» как о постройках, связанных с погребальным обрядом. Хотя это мнение В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна и опровергалось Н. Ф. Беляшевским, А. А. Спицыным, С. С. Гамченко и В. А. Городцовым, однако еще совсем недавно заключение о культовом характере трипольских площадок если и не было господствующим, то во всяком случае наиболее общеизвестным. Отсюда становится вполне понятным, что другой не менее важный в археологии вопрос — вопрос о родовых трипольских поселениях — до начала работ Трипольской экспедиции вовсе не затрагивался. Старая методика раскопок конца XIX в. и первого тридцатилетия XX в. всячески тормозила самую постановку вопроса об изучении целиком трипольского поселения и жилищ.

До начала раскопок Трипольской экспедиции не было вскрыто полностью на месте древнего поселения ни одной трипольской глиняной площади. В отчетах о раскопках В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна, а позднее в отчетах украинских археологов находятся лишь общие указания на то, что на месте находок глиняной обмазки и фрагментов керамики закладывался небольшой раскоп, причем описание раскопок и открываемых культурных остатков велось строго в границах этого раскопа. Открываемые ими глиняные остатки жилищ — части печей, пола, стен — описывались в пределах этих небольших раскопов формально, чисто внешне, и рассматривались как изолированно встреченные «загадочные глиняные остатки». От исследователей совершенно ускользал тот факт, что эти глинобитные остатки (площадка) оставались не раскрытыми целиком и что бо́льшая часть глиняной обмазки уходит в стенки раскопа. Отсюда появляются «загадочные глиняные площадки» неопределенных размеров, формы и назначения, раскопанные на очень небольших участках (раскопы тогда, как правило, не превышали 50 м²).

Зная теперь, что трипольские жилища значительны по площади (до 100—120 м²), можно с уверенностью утверждать, что такими раскопочными приемами прежние исследователи вскрывали не более $^1/_8$ изучаемого памятника. Чтобы раскрыть целиком трипольскую площадку, длина которой достигает часто 15—20 м, а ширина 5—6 м, площадь раскопа должна быть не менее 400 м².

В. В. Хвойко в одной из статей, излагая свою методику раскопок трипольских площадок, писал: «Установив при помощи щупа примерную границу находящихся глинобитных остатков в земле, проводили по длине одной из сторон канаву-траншею до 2 м шириной и до 1 м глубиной. Вслед за этим снимался верхний слой земли на участке канавы, до появления первых следов глинобитной площадки, затем рабочие спускались на дно канавы и начинали разбирать стенку земли, имея возможность каждый раз видеть сверху и сбоку все предметы и не пропуская ни одной находки».

Если после первоначального выявления сторона площадки превышала 10—15 м, то от основной заложенной траншеи В. В. Хвойко проводил перпендикулярно к ней еще 2—3 параллельные, между которыми оставались промежутки до одного метра в ширину.[1] Именно такого характера траншеи и наблюдались мною на поселении Коломийщина I при вскрытии жилищ № 8, 19, 21 и 27. Все эти жилища не были раскопаны В. В. Хвойко целиком, а изучались им при помощи траншей лишь в некоторой своей части. Таким образом, при раскопках Трипольской экспедиции на Коломийщине I некоторые из жилищ оказались просто перерезанными несколькими продольными и поперечными траншеями (раскопки Хвойко), вследствие чего оставались вовсе нераскрытыми $^2/_3$ памятника.

После статьи В. В. Хвойко о методике раскопок появляется в 1904 г. заметка Н. Ф. Беляшевского, в которой он, во-первых, подвергает сомнению научные заключения В. В. Хвойко о культовом характере площадок и, во-вторых, резко критикует раскопки памятников Триполья узкими траншеями и возмущается всеми приемами раскопок, описанными Хвойко. Между Хвойко и Беляшевским произошла в те годы резкая и интересная дискуссия.[2]

Против методики раскопок Хвойко выступает Ф. Н. Волков, критикуя его реконструкции трипольских «землянок чуть ли не с диванами и каминами» и «площадки» — «дома мертвых», вместо «домов жилых».[3]

В этой связи особенно ценны наблюдения Доманицкого и Спицына над раскопками площадок в с. Колодистом; они поставили тогда вопрос о трипольских жилищах и раскопали значительную часть площадки.[4] «Должен сознаться,— писал после этого А. А. Спицын,— что более трудной археологической работы мне еще не доводилось исполнять».[5]

Методика раскопок Э. Р. Штерном площадок в Петренах иная. Как он сам пишет, методика сводилась к следующему: при помощи буровых скважин он определял примерные размеры площадок и затем проводил «подле одной из продольных сторон каждой площадки траншею около 2 м шириной, достигающую подошвы материка, до тех пор, пока она не превышала на один метр конечный пункт продольной стороны; тогда траншея была проведена далее, вдоль поперечной стороны и здесь на один метр дальше, чем продолжался слой, содержащий культурные остатки. После того как таким образом были найдены по двум направлениям форма и разрез «площадки», можно было приступить к дальнейшему ее раскрытию».[6]

Не останавливаясь сейчас на разборе приема раскопок, существовавших до 1934 г. среди украинских археологов, так как это не изменило бы общей характеристики, следует указать, что отдельные попытки более совершенных приемов применялись Н. Е. Макаренко и С. С. Гамченко. Они, так же как и А. А. Спицын, стремились вскрыть наибольшую часть всей площадки, однако в целом методика раскопок трипольских памятников траншеями или небольшими участками господствовала до 1934 г.

Все наиболее известные раскопки в Кукутенах, Извоаре, Кошиловцах, Бильче-Злоте, Шипеницах, Эрёзде и на других многочисленных поселениях с расписной керамикой были проведены небольшими сравнительно участками и траншеями, не позволявшими вскрыть целиком ни жилища, ни тем более площади всего поселка.

Учитывая все слабые стороны охарактеризованных приемов, Трипольской экспедиции необходимо было в первые же годы (с 1934 г.) применить иную методику раскопок трипольских поселений и отдельных жилищ. При помощи новых приемов нужно было понять остававшиеся до сих пор «загадочными» трипольские площадки.

Основной задачей, поставленной Трипольской экспедицией, было изучение родовых поселений и жилищ. С этой целью решено было ежегодно проводившиеся разведки и раскопки сосредоточить на месте одного и того же поселения — у с. Халепье, Киевской обл., в уроч. Коломийщина. Трипольские поселения в этом районе располагаются обычно на правом высоком берегу Днепра, на наиболее высокой части лёссово-черноземного плато, поблизости к выходам ключей грунтовых вод, вдоль протекающих здесь небольших речек (Стугна, Красная, Бобрица, Сухая Бобрица, Сквирч и др.). Плато перерезано многочисленными крутыми оврагами и речками, впадающими в Днепр.

Глинобитные остатки трипольских жилищ, залегающие в черноземном слое (чаще всего на глубине 0.30—0.80 м), легко обнаруживаются в процессе разведок в стенках глубоких оврагов. Территория, где располагаются трипольские поселения, обычно вся отведена под пашню. Никаких обозначений поселений на поверхности не имеется, и разведки удобнее всего проводить осенью, после снятия урожая или при начале вспашки.

---

[1] В. В. Хвойко. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. ЗРАО, т. V, вып. 2, СПб., 1904.

[2] Рецензия Н. Ф. Беляшевского. Археологическая летопись Южной России, № 3, Киев, 1904, стр. 116—117. Ответ В. В. Хвойко на рецензию. Там же, № 4, стр. 221.

[3] Указ. соч., № 2, Киев, 1900, стр. 131.

[4] Там же, стр. 148, ИАК, вып. 12.

[5] ИАК, вып. 12, стр. 87.

[6] Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1906.

Вспашка плугом, особенно глубокая вспашка (например, под сахарную свеклу), сильно нарушает залегания глинобитных остатков трипольских жилищ и частично разрушает их. На поверхности ежегодно оказываются выпаханными фрагменты глиняной обмазки стен, печей, плитчатой обмазки пола, фрагменты сосудов, зернотерочные камни и прочий инвентарь.

При осмотре поля на месте поселения до посева или после вспашки почти всегда выявляются вывороченные плугом значительные куски глиняной обмазки желтовато-красноватых и лиловатых оттенков, образующих на фоне черноземной вспаханной почвы резко заметные пятна. Эти пятна на вспаханных полях в процессе разведок служат прекрасным ориентиром в поисках трипольских поселений. При осмотре мест поселений на всей территории поля после вспашки часто удается заметить еще до раскопок расположение отдельных построек на поселении, выяснить примерные его размеры и площадь каждого из них.

На полях, где только что сняты посевы, следует обратить внимание на выпаханные и разбросанные по полю куски глиняной обмазки, причем на поверхности поселения всегда удается определить местонахождение жилищ.

В некоторых случаях на полях, засаженных, например, викой или гречихой, еще до снятия посевов при осмотре поля удавалось заметить те участки, где в черноземе на глубине 0.30—0.50 м залегают наслоения глинобитной, прекрасно обожженной обмазки, образующей сплошной массив, который в этом месте не пропускает нужное для растений количество влаги; вследствие этого здесь заметно значительно худшее произрастание посевов, так же как и в тех пунктах, где находятся остатки трипольских жилищ. В местах, расположенных вне глинобитных наслоений, растительность будет более мощной.

Однако все эти поверхностные опознавательные признаки, которые важны в процессе разведки, совершенно недостаточны для выбора места будущих работ и для закладывания очередного раскопа. Прежде чем заложить раскоп, необходимо с большой точностью установить месторасположение и размеры намеченного для вскрытия жилища. Для этой цели экспедиция успешно применяла инструмент в виде стального двухметрового щупа с зазубринами на конце. При помощи щупа предварительно, до раскопа, производится выявление контуров залегания глинобитных остатков, причем при втыкании щупа точно определяется и глубина залегания остатков, и плотность скопления их, а также сохранность и характер обмазки. При наличии в черноземе данного пункта остатков жилища, щуп упирается в очень твердую, непротыкаемую глиняную обмазку. Дойдя концом до обмазки, щуп не пойдет ниже, а при выдергивании его в зазубринках останется след яркооранжевой или красноватой обмазки. При внимательном использовании щупа и втыкании его через каждые 20—30 см он обязательно оконтурит площадь жилища (до его вскрытия), с достаточной точностью определит ориентировку его по длине и ширине, а также даст примерные размеры намечаемого к раскопке жилища. При всей этой предварительной работе совершенно обязательно непрерывное присутствие научного сотрудника, который каждый раз проверял бы наблюдения над ходом прощупывания, вел соответствующие записи глубины залегания обмазки и отмечал бы на поверхности места ее нахождения.

Через несколько часов напряженной работы щупом появляются контуры будущего жилища, причем каждый положительный результат, добытый при прощупывании и отмеченный особой вешкой на поверхности, в дальнейшем наносится на план. Таким образом, до начала раскопа предварительно составляется «оконтуренный» по данным щупа план залегания на поселении глинобитных остатков того или иного жилища. Только уже после этого следует закладывать раскоп и намечать разбивку раскопочной сетки. Раскоп должен не только полностью включить выявленные при помощи щупа контуры жилища, но быть всегда значительно больше по площади.

Полученные при помощи щупа данные достаточно точны и позволяют в дальнейшем, в процессе вскрытия поверхности и снятия земли, руководствоваться ими.

Ведя раскопки ежегодно на одном и том же поселении, Трипольская экспедиция постоянно продолжала вести работы щупом специально по выяснению расположения жилищ и подготовке площади следующих раскопочных участков. Так, в 1934—1939 гг. при помощи щупа была установлена предварительная планировка по кругу поселения Коломийщина I и II, а в 1940 и 1946 гг.— поселения у Владимировки.

Поселок у Владимировки по предварительным данным щупа состоит более чем из двухсот жилищ, идущих несколькими концентрическими кругами. В дальнейшем, конечно, уточняют составленный на основании этого общий план.

Остановившись на способе выявления трипольских жилищ при помощи щупа, следует добавить, что никакого вреда или какого-либо даже малейшего разрушения щуп не наносит. Скопления глинобитных остатков настолько компактны и крепко обожжены, что при работе щупом невозможно ни в какой степени их нарушить, а польза от употребления этого инструмента большая.

Перед началом раскопки важным моментом является нивелировка поверхности участка,

где будет происходить вскрытие жилища. Это необходимо для выяснения глубины местоположения жилища в черноземе и установления соотношения современной поверхности с древним рельефом местности.

Детальная нивелировка поверхности необходима и для зачерчивания профиля — разреза наслоений жилища — и для всех дальнейших промеров глубины залегания тех или иных деталей постройки, причем данные общей нивелировки на всем поселении должны быть увязаны с данными на отдельных участках. При создании таким образом профиля поселения в целом выявится древняя поверхность — древний горизонт, на котором возводились в эпоху Триполья жилые постройки.

Следующим, после разбивки раскопочной сетки и снятия верхнего дернового слоя, этапом раскопки являются поиски границ жилища или, вернее, поиски границ залегания глинобитных остатков.

На всей площади раскопок, разбитой на двухметровые квадраты, производится равномерное снятие земли в пределах квадратов. Толщина снятия слоя земли определяется штыком лопаты, который равен примерно 10—12 см.

По мере углубления, на уровне 2-го и 3-го штыка (обычно на глубине 0.30—0.40 м) в некоторых квадратах появляются сплошные залегания из сильно обожженной, до степени ошлакованности, обмазки с отпечатками дерева. Они обычно составляют целые груды и представляют не что иное, как рухнувшие своды глинобитных печей, обмазка которых залегает в жилище поверх (выше) остальных глинобитных остатков — пода печи, пола, основ стен и пр.

Вполне естественно, что в процессе разрушения глинобитного жилища выше всего оказываются печные части. Подобный же порядок можно наблюдать на месте разрушения современных жилищ, когда «дымарь» (дымоход) печи лежит выше пода и пола хаты.

Таким образом, постепенно снимая землю на всей площади раскопа, ведутся наблюдения по выявлению контуров жилища, пока еще крайне расплывчатых. Основная задача здесь — не тронуть с места, не повредить лопатой весь массив глинобитных скоплений рухнувших частей постройки. Чем тщательнее на этом этапе будет проведено выявление контуров жилища, тем более четкая картина предстанет в дальнейшем при расчистке всех строительных остатков.

Все обнаруживаемое на участке в процессе снятия верхних слоев земли не смещается с места. Так, постепенно, на всей площади намечаются те участки, где будут в дальнейшем расчищены остатки печей, перегородки, возвышения, крестообразные жертвенники, посуда, зернотерки, основа постройки.

При выявлении контуров жилища чрезвычайно важно особенно бережно относиться к снятию земли у краев постройки. После выявления общих контуров, так сказать, «пятна» залегания постройки, следует прекратить раскопку лопатой и переходить сразу же к следующему этапу раскопки — к расчистке открытого памятника. Этап расчистки чрезвычайно кропотлив и требует всегда много времени, однако именно в процессе расчистки изучаемый памятник подвергается как бы «предварительному препарированию».

Лишь по окончании детальной расчистки остатков от земли впервые выявляется весь дошедший до нас памятник. Расчистка позволяет разобраться во всех сложнейших деталях постройки и уяснить ее план, деление на камеры, понять в целом трипольский многоочажный дом, установить различные перестройки в доме и назначение отдельных помещений. Расчистка выявляет, в каких частях жилища располагается тот или иной хозяйственный инвентарь — сосуды, зернотерки, хозяйственные орудия и пр.

Умело проведенная расчистка памятника (как и погребения) обнаруживает всегда огромное количество деталей постройки, которые при работе лопатой или при неосторожной расчистке и смещении обмазки не дают полной картины. Расчистка должна быть проведена таким образом, чтобы не потревожить с места ни одного фрагмента обмазки или керамики.

По окончании расчистки картина освобожденного от земли трипольского жилища бывает исключительно разнообразной, и, к сожалению, никакие чертежи, зарисовки, фотографии и описания не могут передать впечатления грандиозности и многокрасочности, которые оставляют хорошо расчищенные трипольские жилища. Вскрытый памятник необходимо во всех мелочах особо тщательно зафиксировать. С этой целью Трипольская экспедиция, наряду с описанием в дневнике раскопок обнаруженных деталей, проводила и фотографирование, и зарисовки жилища. Однако в первый же год работы (1934) перед экспедицией встала задача найти новые приемы, с точностью фиксирующие все остатки на огромной площади, занимаемой жилищем. Площадь (2×2 м) каждого квадрата раскопа была поделена на четыре части, и путем наложения специальной квадратной (1×1 м) деревянной рамки с веревочной сеткой проведена детальная фиксация всех остатков постройки, сосудов и прочего инвентаря.

Этот способ зачерчивания при помощи метровой квадратной сетки, которая перекладывается на всем пространстве раскопа, помог быстро и точно фиксировать местоположения отдельных частей в жилище. Применение при этом цветных карандашей дает возможность в красках передать то необычайное разнообразие в оттенках трипольской

глиняной обмазки, которое обычно наблюдается после полной расчистки остатков жилища: желтая, слабо обожженная, с растительной примесью обмазка основ стен и перегородок; красная, кирпично-красная плитчатая обмазка пола; толстые плиты пода печей и лиловатая, иногда с зеленоватым оттенком, сильно ошлакованная обмазка рухнувших сводов печей — все это необходимо зафиксировать в чертеже.

После детального описания, фотографирования, нивелировки и зарисовки наступает не менее ответственный этап в процессе раскопок трипольских жилищ — разборка их. Трудно определить обязательный прием разборки. Во многом это зависит от общей сохранности памятника, от различных особенностей его конструкции, от условий залегания глиняной обмазки и т. п. Однако все же возможно указать общие приемы и их последовательность. Наилучшим образом разобрать трипольское жилище значит с наибольшей полнотой понять памятник во всех его деталях. До наступления этапа разборки, расчистка и описание позволяют лишь близко ознакомиться с комплексом жилища, понять его в основных чертах, уяснить размеры, наметить направление перегородок, места печей, расположение сосудов и другого хозяйственного инвентаря.

Именно разборка дает ключ к пониманию того, как строилось жилище, какой формы и размера были печи, какой толщины и во сколько рядов был выстроен под печи; как были построены возвышения около печей; имелись ли столбы в поперечных перегородках, происходили ли перестройки в жилище, лежали ли в основании постройки деревянные плахи; было ли жилище построено одновременно или число камер росло в процессе расширения многосемейного большого трипольского дома; наконец, разборка окончательно подтверждает или опровергает правильность наблюдений, сделанных в процессе раскопок.

Все наблюдения во время разборки тщательно фиксируются в дневнике раскопок, в чертежах, в продольных и поперечных разрезах. Прежде чем приступить к разборке, следует наметить, что́ именно подлежит снятию (разборке) в первую, во вторую и последующие очереди. В каждом отдельном случае для каждого памятника должны быть приняты особые решения, в зависимости от условий раскопок и от общего характера памятника. Обычно правильнее всего бывает начать разборку трипольского жилища с печей, т. е. с разборки груды сильно ошлакованных фрагментов обмазки лиловатого и зеленоватого оттенка, с отпечатками дерева и лозы, которые лежат обычно выше всего.

При разборке следует вести непрерывные наблюдения над характером снимаемой обмазки. Осмотр каждого фрагмента, установление его положения в жилище, определение, куда обращены отпечатки дерева, наблюдения над неравномерностью и степенью обжига, выяснение, на чем непосредственно лежат рухнувший свод и стены печи,— все это даст богатейший материал для понимания конструкции печи во всех ее деталях и в дальнейшем позволит реконструировать трипольскую печь.

Такого же рода наблюдения должны быть сделаны и в процессе разборки фрагментов сосудов, в большом количестве обнаруживаемых в жилищах. При разборке уточняется местоположение сосудов — на полу или на возвышении, выясняется, хранились ли в них какие-либо припасы, и т. п.

Вслед за разборкой печей следует приступить к сложной работе по снятию плитчатого мощного пода печей, часто многослойного. Прежде всего уточняется граница пода и пола, с которым он часто сливается. Здесь обращается особое внимание на характер самих подовых плит, на их толщину, цвет, степень обжига, на те признаки, которые отличают подовые плиты от плит пола и помогают проводить разборку подовых плит, не трогая с места плиты пола. Только после того как будут удалены из жилища печи, подовые плиты, обмазка различных возвышений, в некоторых случаях обмазка жертвенников, проведено снятие сосудов и других предметов хозяйственного инвентаря, следует приступить к разборке и выяснению конструкции пола и основ стен, поперечных перегородок (часто с остатками нижних частей сильно обугленных столбов), а также устройства входов и порога.

Многоочажный и многосемейный трипольский дом обычно состоит из 2—5 помещений (камер). В процессе разборки важно решить, вести ли разборку последовательно в пределах каждой камеры или же послойно сразу по всей площади жилища. Вместе с тем эта послойная разборка отдельных частей постройки (печь, под, пол, возвышение) отнюдь не должна пониматься как послойная в смысле снятия в пределах того или иного уровня — слоя. Не следует, например, начинать разборку со снятия всех фрагментов обмазки, лежащих на глубине 0.50 м, так как в таком случае в одной части жилища может оказаться разобранным свод печи, лежащий на этой глубине, а в другой части на том же уровне — подовые плиты или обмазка перегородки.

Таким образом, при разборке следует каждый раз понять функциональное назначение каждой конструктивной детали в доме и только исходя из этого вести разборку послойно на всей площади жилища.

Строительная техника трипольских жилищ чрезвычайно разнообразна, разнообразен также и характер материалов — глиняная обмазка и дерево, из которых возводилась постройка.

Постоянные наблюдения над характером обмазки, применявшейся при возведении основ стен и перегородок, отличие их от плитчатой обмазки пола и пода печи, совершенно иной характер обмазки печей,— все это дает правильные указания, как проводить разборку трипольской площадки, чтобы более полно понять ее конструкцию.

После снятия плитчатого пола, обычно в 2—3 ряда перекрывающего основу жилища, возможно перейти к разборке вальковой основы постройки. Отпечатки дерева на нижней стороне вальков, которые обнаруживаются лишь после снятия и перевертывания вальков, служат доказательством, что в основе постройки укладывались плахи дерева.

Одновременно с пониманием конструктивных особенностей трипольского жилища в процессе разборки и расчистки все время делаются наблюдения над характером и степенью обжига глиняной обмазки. Обжиг производился на месте при помощи костров, наложенных сверху, потому особенно ценным является выяснение вопроса о степени и характере этого обжига, его равномерности и т. п.

Все данные, получаемые в процессе разборки, должны фиксироваться в отдельных чертежах, планах, зарисовках, выполняемых по мере снятия того или другого слоя. Так, для жилища № 2 на поселении Коломийщина II в 1939 г. было сделано три плана со всего жилища и ряд продольных и поперечных разрезов. Первый план жилища — общий, сделан после расчистки; второй — по снятии первого ряда плитчатого пола; третий — план расположения вальковой основы. При сопоставлении этих планов становится более четким процесс постройки трипольского дома и отдельных его частей.

По окончании разборки всех глинобитных остатков жилища вся территория, где была заложена постройка, подвергается прокопке до 0.5—1 м в глубину, причем во многих случаях ниже основания дома делались чрезвычайно интересные отдельные находки, например: фрагменты статуэток, миниатюрных сосудов; находка большого сосуда, наполненного костями жертвенных животных — овцы и свиньи.

По мере разборки трипольского жилища снимается огромное количество строительного материала в виде разнообразных кусков обмазки. Конечно, забрать весь этот строительный материал в музейное собрание невозможно, потому в поле производится отбор наиболее характерных фрагментов для каждой части дома — печи, пода, пола, вальковой основы, перегородок, стен и т. п. Очень важно иногда разбивать большие куски обмазки, так как во многих случаях в них удается обнаружить отпечатки жолудей, листьев, зерен и других растительных остатков. Часто Трипольская экспедиция брала детали постройки в виде отдельных монолитов, например, печи, участки пола, крестообразный жертвенник, части перегородок.

Для удобства и систематизации в процессе разборки жилища, по соседству с раскопочным участком, на поле обычно расчищается место и разбивается полностью по квадратам вся сетка раскопа; все снимаемые находки (и обмазка) сносятся и раскладываются в пределах квадратов, соответствующих раскопочной нумерации.

Следует остановиться еще на приемах раскопок на поселении за пределами жилищ. Трипольская экспедиция проводила раскопки как по изучению пространства между жилищами, так и в центральной части поселка. Кроме того, велись раскопки и за пределами поселения, на его периферии.

Как вскрытие жилищ, производившееся в основном большими площадями (300—500 м²), так и изучение культурного слоя на территории поселения велось широкими площадями. Широкие участки в 4 м² закладывались через все пространство поселка, с оставлением перемычек в 1—2 м. Такой достаточно экономный способ и применялся при раскопках больших городищ. Вместе с тем он позволяет вскрыть поселение на больших пространствах. Этим приемом была раскопана центральная часть поселения Коломийщина I и была выявлена серия небольших жилищ в центре, образовывающих второй внутренний круг.

Кроме того, при прокопке значительных сплошных участков на периферии поселения Коломийщина I были открыты две ракушечные кучи с кухонными остатками.

Более узкие, двухметровые траншеи, заложенные на окраине поселка, дали возможность провести наблюдения над границами распространения культурного слоя и проследить его полное исчезновение на 40—50 м в сторону от жилищ.

Методика раскопок трипольских поселений и жилищ большими площадями с постепенным вскрытием и оставлением на месте всех остатков рухнувшей постройки, сосредоточение раскопок экспедиции в течение ряда лет на одном и том же объекте, детальнейшая расчистка глинобитных остатков жилищ и максимальная их фиксация в плане, разрезах и, наконец, особые приемы разборки памятника после окончательной его расчистки,— все это позволило Трипольской экспедиции не только понять во всех деталях исследуемый памятник, но и сделать попытку впервые реконструировать различные типы трипольских домов и поселения в целом.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник Древней Истории
ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры
ГИМ — Государственный Исторический Музей
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ЗООИД — Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества
YPEK — Yahrbuch für prähistorische Ethnografische Kunst
ИАК — Известия Археологической Комиссии
КСИИМК — Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
МАЭ — Музей Антропологии и Этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
P. Z. — Prähistorische Zeitschrift
ТКУ — Трипольская Культура на Украине
RA — Revue archèologique
СА — Советская Археология
Z. f. E. — Zeitschrift für Ethnologie

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Предисловие	5
Глава I. История изучения трипольской культуры	7
Глава II. Вопросы стратиграфии трипольских поселений	22
Глава III. Ранний (А) этап Триполья	28
Глава IV. Средний (В/I—В/II) этап Триполья	42
Глава V. Поздний (γ/I—С/I) этап Триполья	109
Глава VI. Поздний (С/II — γ/II) этап Триполья	157
Глава VII. Поздний этап Триполья и культуры эпохи бронзы	216
Глава VIII. К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне	231
Приложение. Методика полевых исследований трипольских поселений	240

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректоры *Н. Н. Шкуратова* и *В. Е. Посельский*

*

РИСО АН СССР 3175. А-04081. Изд. № 1782
Тип. заказ № 1977. Подп. к печ. 28/IV 1959 г.
Формат бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 31 + 7 вклеек.
Уч.-изд. л. 32. Тираж 3000. Цена в переплете 28 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
13	2 сн.	8	81
32	3 сн.	2	12
75	52 сноска	кварата	квадрата
79	9 св.	не небольшие	небольшие
197	30 сн.	кремневой	кремневый
213	5 сн.	Hurus	Huruști
224	5 сн.	T. Sulirmirski	T. Sulimirski
235	1 сн.	1927	1925
236	9 сн.	Haromszea	Haromszek

Т. С. Passek. Археология СССР, № 10